

Ф. П. Сороколетов

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

В

РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(XI–XVII вв.)

URSS

Ф. П. Сороколетов

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (XI–XVII вв.)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. Филин

Издание второе,
дополненное



URSS

МОСКВА

Сороколетов Федор Павлович

История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / Отв. ред.

Ф. П. Филин. Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 384 с.

Книга известного отечественного языковеда, лексикографа Ф. П. Сороколетова явилась итогом более чем двадцатилетнего исследования многочисленных источников древнерусского периода вплоть до указов Петра Великого. В книге применен системный подход к историческому языковому материалу, позволивший автору осуществить анализ лексической общности как целого. В результате скрупулезного анализа терминов, отражающих организацию вооруженных сил, наименования войска и его подразделений и т. д., автор приходит к выводу, что семантическая структура военной лексики оказалась вполне готовой к выражению новой формулирующейся системы военных понятий.

Рекомендуется специалистам-терминоведам, лексикологам, лексикографам, историкам, а также всем, кого интересует история формирования русской военной лексики.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»»,
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 24. Зак. № 2358.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–00679–8

© Ф. П. Сороколетов, 1970, 2009

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009



6461 ID 82346



Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие ко второму изданию	2
Введение	3
1. Общие замечания	3
2. Из истории изучения военной лексики	7
3. Задачи и методы исследования	17
4. Термин и слово. Место военной лексики в лексической системе древнерусского языка	25
5. Источники исследования	32
Глава I. Термины, отражающие организацию вооруженных сил, в русском языке XI—XIV вв.	37
1. Наименования войска и воинов	37
2. Термины, обозначающие разряды войск и воинов по профессиональному признаку	100
3. Наименования отдельных частей войска по месту их в бою, походе или по функциональному признаку	118
4. Предварительные итоги	131
Глава II. Состояние военной лексики русского языка XV—XVII вв.	135
1. Наименования войска и его подразделений	144
2. Наименования отдельных представителей военных (служилых) людей	184
3. Наименования отдельных частей войска, выполняющих определенную боевую задачу	186
4. Наименования родов войск	200
5. Наименования воинов по профессиональному признаку	213
Глава III. Наименования лиц начальствующего состава в русском языке XI—XVII вв.	232
Глава IV. Иноязычные заимствования в русской военной лексике XV—XVII вв.	249
Глава V. Системные отношения в истории военной лексики XI—XVII вв.	289
Глава VI. Глаголы и отглагольные имена в системе военной терминологии	309
Заключение	349
Список сокращений	373

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книга «История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.», вышедшая первым изданием в 1970 г., представляет собой исследование военного пласта лексики древнерусского языка. Это итог более чем двадцатилетней работы над многочисленными источниками древнерусского периода, главным образом летописными и документами вплоть до указов Петра Великого.

В книге автор одним из первых применил системный подход к историческому языковому материалу. Как известно, вопросы функционирования военной лексики как системы, ее развития и совершенствования были менее всего изучены, между тем конкретный лексический материал представлял большие возможности для интересных наблюдений и выводов, важных для решения сложных вопросов лексикологии и семасиологии (специализация слова, сужение значений, терминологизация, синонимия и т. п.). Задачу своего исследования Ф. П. Сороколетов видит в анализе закономерностей развития не изолированных фактов, а лексической общности как целого, в которой отдельные факты и явления существуют в тесной связи с этим целым и обусловлены зависимостью от него.

История военной лексики с XI по XVII в. в книге рассматривается как единый процесс развития лексической системы одного языка, что дает возможность выделить устойчивые элементы этой терминологической системы, определить переменные черты и особенности, проследить пути и закономерности языковых изменений.

Задачей автора становятся сопоставление двух состояний военного словаря XI–XIV вв. и XV–XVII вв., прослеживание путей и закономерностей их развития, роль и место иноязычных заимствований, диалектное влияние на формирование военной терминологии. При этом отмечена способность древнерусской лексической системы выражать специализирующиеся военные понятия, процессы терминологизации и детерминологизации, преобразования в лексико-семантических группах слов, синонимические отношения в них.

В исследовании важное место занимает вопрос о путях образования терминов, о сочетании в слове общих и специальных значений, т. е. проблема о взаимоотношении общенародного языка и профессиональной речи – одна из серьезных проблем лексикологии.

Итогом исследования является следующий вывод: основу русской военной лексики и фразеологии составляют слова и словосочетания, теснейшим образом связанные с живым народным языком эпохи. Семантическая структура военной лексики оказалась вполне готовой к выражению новой формирующейся системы военных понятий. Это сыграло решающую роль в том, что значительная часть военной терминологии XVII в. перешла в военный язык Петровской эпохи и сохранилась в современном языке.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Работа посвящена исследованию путей и закономерностей формирования и развития военной лексики русского языка на протяжении большой исторической эпохи от первых древнерусских письменных памятников до середины XVII в. Богатство слов и выражений, употреблявшихся в русском языке для обозначения военных понятий, необозримость источников, в которых они зафиксированы, делают чрезвычайно трудной задачу полного охвата всей совокупности относящегося к теме лексического материала. И все же основные слова и группы слов военной лексики выявлены и вовлечены в исследование с достаточной полнотой. Кроме того, в круг исследования включаются слова, не являющиеся собственно военными терминами (при всей условности понятия «термин» в применении к древнерусской эпохе), а лишь ситуативно употребляемые в качестве специальных наименований. Это расширение базы исследования не случайно, оно вытекает из состояния военной лексики в изучаемую эпоху, из ее положения в системе лексики древнерусского языка. Уже в древнейшую эпоху в русском языке выделяется определенная группа слов, являвшихся специализированными наименованиями военных понятий: *полкъ*, *ратъ*, *воина*, *воевати*, *воевода*, *стрѣльць* и т. п. Но наряду с этим подавляющее большинство лексических средств, употребляемых при описании военных ситуаций, представляет собою переходные явления от общей (неспециальной) лексики к профессиональной. Это находится в тесной связи с теми историческими условиями, в которых протекал процесс формирования военной терминологии, и зависит в конечном итоге от положения военного дела в древнерусском обществе (и ранее, в период племенного строя). На ранних этапах исторического развития в вооруженной борьбе, которая являлась не только «постоянным промыслом», но и «единственным методом разрешения всякого рода внешнеполитических проблем» (Б. Д. Греков), участвовало все мужское население страны. В этих условиях понятия и соответствующие им термины

становились известными всему народу. Несложность технического оснащения и простота военных действий также способствовали этому. В силу этого не было еще отчетливо выраженной замкнутости профессионального словоупотребления. Чем актуальнее значимость той или иной профессиональной деятельности в жизни коллектива, тем больше число людей вовлекается в сферу этой деятельности, тем легче и свободнее понятия, явления, действия и процессы, связанные с этой деятельностью, завоевывают всеобщее распространение и известность. Нужды общения приводят к формированию профессиональной лексики, слабо отграниченной от словарного состава других сфер языка.

Ограничение материала исследования лексикой одной, хотя и довольно обширной, тематической группы на первый взгляд таит в себе опасность ограничения результатов исследования лишь констатацией тех или иных процессов и явлений без их обобщения. О. Н. Трубачев пишет, что работа, посвященная исследованию какой-либо одной терминологии (текстильной или гончарной), «дала бы, возможно, более детальные ответы на более частные вопросы, актуальность и значение которых скрадываются с точки зрения более обширной темы. Но такая более частная работа оставила бы без ответа ряд важнейших проблем, она в лучшем случае лишь наметила бы их постановку, оставляя решение открытым».¹ Однако более детальные ответы на частные вопросы не исключают, а предполагают возможность обобщений и формулирования определенных закономерностей, ибо без изучения, и именно детального изучения, отдельных сторон развития каждого конкретного пласта лексики невозможны никакие более или менее серьезные обобщения; такие обобщения, как правило, рассыпаются при первом же столкновении с реальной языковой действительностью. Детальность же и адекватность описания этой действительности немыслимы без расчленения ее на отдельные поля (области).

Историческая лексикология русского языка одинаково остро нуждается как в экстенсивном, так и в интенсивном изучении лексики. Исследования с широким охватом материала, претендующие на установление общих закономерностей развития словарного состава, не могут не опираться на исследования конкретных путей его исторического развития.

Вполне правомерно рассматривать развитие лексики русского языка от XI до середины XVII в. как историю развития одной лексической системы, несмотря на то что русский язык в целом прошел сложный путь развития: от языка, общего для всех восточнославянских народностей, до языков великорусской, украинской и белорусской народностей, испытал влияние других языков;

¹ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 3.

ва это время сменялись диалектные основы литературного языка, менялись жанры письменности и стилистические каноны.

Древнерусское государство — Киевская Русь возникло на базе объединения всех восточнославянских племен. В эпоху Киевской Руси были выработаны нормы литературного языка, которые перешли по наследству в языки трех народностей — русской, украинской и белорусской. В какой-то степени можно считать, как писал П. Я. Черных, что Киевское государство «продолжало существовать в виде отдельных государств, выделившихся из его состава на северо-востоке, западе, юго-западе и являющихся государственными образованиями формирующихся восточнославянских народностей: великорусской, белорусской и украинской».² Бесспорно, что «современный русский, украинский и белорусский языки выросли не только на почве местных социальных и территориальных диалектов, сливавшихся в более или менее общие системы, но также и из общего для них источника — языка древнерусского народа».³

Большинство исследователей истории русского языка верхнюю границу древнерусского языка (древнерусского и старорусского) относит к концу XVII—началу XVIII в.⁴ «Конец XVI века завершает второй период формирования русского литературного языка. Этому времени не свойственны резкие сдвиги в каком бы то ни было отношении (переломная эпоха наступит в XVII веке)».⁵ В истории развития военной лексики и фразеологии русского языка переломным моментом, как это будет показано дальше, явилась именно середина XVII в.

² П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд. МГУ, 1956, стр. 97.

³ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Л., 1949, стр. 186.

⁴ Некоторые языковеды границу, разделяющую новое и старое состояние русского языка, относили к еще более позднему времени. По этому поводу акад. В. В. Виноградов писал: «Л. В. Щерба в своих статьях по современному русскому языку развивал мысль, что грань между старым (или древним) и современным русским языком лежит где-то на рубеже XVIII—XIX вв. и что творчество Пушкина окончательно определило и закрепило структуру нового русского литературного языка» (В. В. Виноградов. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. ВЯ, 1968, № 1, стр. 7).

⁵ Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов 1856 г. *Dictionaire moscovite* 1586 по рукописи Парижской национальной библиотеки (Collection Dupuy, № 844, Fol. 418—423). Перевод, исследование и комментарии Б. А. Ларина. Рига, 1948, стр. 57. Необходимость анализа структурных, стилистических и функциональных различий «между древнерусским литературным языком донационального периода (примерно до середины XVII в.) и национальным русским литературным языком» подчеркивает акад. В. В. Виноградов. См.: В. В. Виноградов. Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи. В кн.: Славянские литературные языки в донациональный период. Тезисы докладов. М., 1967, стр. 3.

С точки зрения языковой чрезвычайно затруднительно отделить явления одной эпохи от другой, наметить этапы в развитии языка. И несмотря на то что в такой тематической группе лексики, как военная, изменения, происходившие в словаре, значительно легче приурочиваются к определенной эпохе (определенному этапу) развития языка, чем в других пластах лексики, подлинная история развития военной лексики, установление закономерностей этого развития, выявление отмирающих и зарождающихся явлений возможны только при рассмотрении этих процессов на протяжении довольно значительного периода, особенно в таких хронологических границах, в пределах которых происходят заметные изменения и сдвиги. Таким образом, возможность рассмотрения истории лексики с XI по XVII в. как единого процесса развития лексической системы одного языка подкрепляется необходимостью такого рассмотрения в целях более объективного и полного описания процессов.

Есть все основания считать, что от XI до середины XVII в. происходит развитие одной, в достаточной степени цельной и организованной системы средств выражения понятий военного дела. В истории развития совокупности слов этого семантического круга выделяется ряд этапов, но коренные смены, приведшие по существу к образованию новой системы военной лексики, происходят за пределами изучаемого периода. За этот период в жизни русского народа, в общественной, производственной, культурной областях его деятельности произошли большие изменения. Все это отразилось и на развитии языка народа, прежде всего лексического состава языка. Шесть-семь веков истории языка дают возможность выявить устойчивые его элементы, показать меняющиеся черты и особенности, проследить пути и закономерности различного рода изменений, смен и преобразований в лексическом составе языка, в его семантических и фразеологических аспектах.

Развитие лексической системы языка на любых этапах его истории как в целом, так и в отдельных его пластах выражается прежде всего в количественном росте словарного состава за счет новых приобретений различного характера (образование новых слов на материале родного языка, иноязычные заимствования), а также в качественных преобразованиях в семантической системе известных уже слов, в изменении особенностей их употребления и функционирования, в сдвигах в фразеологических связях этих слов. Эти две стороны одного и того же процесса — процесса развития и обогащения словарного состава языка — взаимосвязаны и взаимообусловлены. Появление в языке новых слов приводит к обогащению синонимических рядов, к усложнению взаимоотношений отдельных элементов этих рядов и различных рядов друг с другом, усиливает процесс семантической дифференциации слов. Обогащение лексического состава новыми словами происходит прежде всего в различных терминологических и профессионально-

ремесленных разновидностях словарного состава; именно в профессиональных сферах появляются новые понятия и явления, действия и процессы, именно здесь прежде всего и чаще всего происходит в сознании говорящего коллектива открытие новых сторон действительности и объективизация их путем наименования.

2. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Общепринятое мнение о крайне слабой изученности истории лексики русского языка, как, впрочем, и других языков, является не совсем верным. Действительно, огромная масса слов, целые пласты лексики еще не привлекались для исторического исследования, «вопросы развития русской лексики. . . не получили пока в научной литературе полного и всестороннего освещения».⁶ Сейчас еще нет возможности с полной отчетливостью и на основании достаточных материалов представить общую картину исторического развития лексической системы русского языка с древнейших времен до наших дней. Сложность решения лексикологических проблем, невыработанность путей и методов исторического изучения лексики в значительной степени затрудняют создание такой общей картины. Однако многое объясняется и тем, что в нашем языкознании вопросам исторического развития лексики (как, впрочем, и истории языка в целом) уделяется явно недостаточное внимание. «Морфологические схемы эволюции древнерусских именных, местоименных и глагольных парадигм, общий каркас характерных синтаксических конструкций — форм сочетаемости слов и типов образования предложений в их историческом движении нам более или менее известны. Однако это еще не дает полного знания языка. Далеко не все функции элементов и форм грамматического строя для нас с полной наглядностью очевидны в древнерусском языке, как, впрочем, в значительной части и в современном. Еще хуже обстоит дело с изложением и объяснением лексико-фразеологической системы языка», — пишет акад. В.В. Виноградов.⁷

Многие вопросы русской исторической лексикологии в научной литературе не ставились и не обсуждались. До сих пор нет еще удовлетворяющего нужды современного языкознания исторического словаря русского языка, в котором было бы отражено лексическое богатство русского языка от древнейших времен до XVII в. В связи с этим надо пожелать скорейшего завершения работы по созданию двух исторических словарей русского языка, ведущейся в Москве в Институте русского языка АН СССР, словаря

⁶ А. В. Исаченко. Рец. на книгу П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии». ВЯ, 1957, № 3, стр. 119.

⁷ В. В. Виноградов. Чтение древнерусского текста. . ., стр. 9.

староукраинского языка, создаваемого во Львове, и словаря старобелорусского языка — в Минске. Их выход в свет не замедлит сказаться на повышении уровня историко-лексикологических работ.

Вместе с тем литература по исторической лексикологии русского языка чрезвычайно богата. В многочисленных работах русских и зарубежных ученых XIX и XX вв. имеется масса этимологических разысканий относительно отдельных слов и целых групп лексики; обширна литература о заимствованных словах; большое количество работ посвящено толкованию значений слов древнерусского языка. Во многих исследованиях изучается лексика отдельных памятников древнерусской и великорусской (XV—XVII вв.) письменности. Здесь прежде всего необходимо указать на целую серию диссертаций, выполненных в последние два десятилетия. И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, Фр. Миклошич, А. А. Потебня, А. И. Соболевский дали своими работами толчок историко-лексикологическим исследованиям словарного состава древнерусского языка; они явились основателями подлинной исторической лексикологии русского языка. Многое сделано в этом отношении учеными последующих поколений.

Однако изучение исторического развития лексики русского языка имеет неравномерный характер. Это выражается прежде всего в далеко не одинаковой изученности различных лексических групп.

Слова, относящиеся к выражению системы понятий военного дела, давно уже привлекали внимание исследователей. Имеется целый ряд работ, так или иначе связанных с изучением военной лексики и фразеологии древнерусского языка, начиная от тех, которые рассматривают военную лексику в качестве вспомогательного материала для различного рода исторических, археологических и тому подобных исследований, изысканий этимологического характера, замечаний по значению и употреблению отдельных слов, до работ, специально посвященных исследованию военной лексики в тот или иной период истории русского языка.

Работы эти различны по методике и глубине анализа, широте охвата материала, но есть в них общее: исследованию в них, как правило, подвергаются лишь те слова, которые могут быть отнесены к давно сложившейся военной лексике, — *пѣлкѣ*, *дружина*, *мечь*, *рать* и т. п.

Следует отметить, что исторического анализа, т. е. проследивания условий появления, жизни, путей изменения, ухода из словарного состава, преобразований в системе взаимоотношений между словами группы и т. п., еще ждут и эти слова, по крайней мере большинство из них.

Этимология, правильное истолкование первичного значения слова, выяснение источника образования его, установление времени возникновения слова, восстановление исходной формы, ука-

знание на источник заимствования — все это восстанавливает только начальный этап жизни слова, не создавая еще полной и подлинной истории слова, его жизни в языке народа. «История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его „метаморфозы“. Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности изменения значений, связывающих судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках».⁸

Важное значение для истории лексики той или иной тематической группы имеют историко-филологические толкования слов, составляющих данную группу.

Русская наука располагает большим количеством работ, в которых содержится множество самого различного рода толкований, заключающих в себе описание обозначаемых словами реальных, элементы филологического осмысления слов, сжатые очерки истории отдельных слов или даже целых групп лексики. Эти работы принадлежат не только филологам, но и историкам, археологам и этнографам. Ср. в этом отношении, например, комментарии к «Русской Правде», составленные под ред. акад. Б. Д. Грекова, где приводится и литература по историко-филологическому толкованию слов.

Имеются подобного рода работы, в которых толкуются и слова из области военной лексики и терминологии. Эти работы появлялись в XIX в., пишутся они и в наши дни.⁹

Выводы и наблюдения историков, археологов, историков материальной культуры неоценимы для лингвистического исследо-

⁸ Там же, стр. 19.

⁹ См., например: И. Д. Б е л я е в. 1) Жители Московского государства. Служилые люди. Врем. Моск. общ. ист. и древн. рос., кн. III, отд. I. М., 1849, стр. 1—53; 2) Города на Руси до монголов. ЖМНП, 1848, ч. XII, февр., отд. II, стр. 157—190; Я. Б е р е д н и к о в. Письма четвертой супруги царя Иоанна Васильевича Грозного к боярину Салтыкову. Сын отечества и Северный архив, 1829, т. 5, № XXXII, отд. II, стр. 333—346; В. Б о р и с о в. Древнее оружие, найденное близ сельца Иванова Шуйского уезда. Влад. губ. вед., 1858, № 4, неофиц. ч., стр. 14; Н. З а с с. Обзорение истории Пскова. Вестн. Европы, 1828, апр., № 7; Р. И г н а т ь е в. Краткое описание Новгородского детинца или крепости. Новг. губ. вед., 1850, № 2, неофиц. ч., стр. 5—10; № 3, стр. 12—19; № 4, стр. 20—26; № 7, стр. 41—47; № 10, стр. 58—68; М. П. П о г о д и н. О посадниках, тысяцких и тиунах. 1054—1240. Врем. Моск. общ. ист. и древн. рос., кн. I, отд. I. М., 1849, стр. 3—38; Д. И. Я з ы к о в. Дети боярские. Тр. Росс. Академии, ч. IV. СПб., 1841, стр. 148—197, ч. мн., др.

вания, ибо без учета реальной исторической действительности, в которой протекала жизнь определенного человеческого коллектива, немислимо понять и объяснить систему лексики, ее закономерности и процессы, характерные для нее. Это в первую очередь относится к таким ответвлениям лексического состава, каким является военная лексика, формирование и развитие которой теснейшим образом связаны с развитием форм общественной жизни, с успехами хозяйственной, культурной деятельности древнерусского народа.

Одной из первых попыток описания военной лексики древнего общеславянского языка явилась работа А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным».¹⁰

Это был, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «большой замечательный труд. . . Мало того, ни в одной славянской литературе не было до сих пор подобного сочинения, и даже во всемирной ученой литературе, кроме известной книги Пиктэ, навряд ли найдется что-нибудь, задуманное и исполненное в столь широких размерах. . . Но, — писал Бодуэн де Куртенэ, — окончательная научная обработка еще впереди».¹¹ Это двухтомное исследование посвящено установлению «хронологии слов славянского языка с применением добытых лингвистическим путем выводов к целям исторической географии, этнографии, народной психологии и культурной истории славян».¹² Анализу было подвергнуто около полутора тысяч слов (существительных), распределенных по тематическим группам: 1) слова, имеющие отношение к космографии, метеорологии, физике и географии; 2) слова, имеющие отношение к геологии, минералогии, металлургии и т. д.

В гл. XIII работы А. С. Будиловича, посвященной анализу слов, обозначающих «занятия, промыслы и ремесла с относящимися к ним орудиями», рассматриваются и термины военного дела. В круг исследования вводятся термины: *война, рать, бой, битва, борьба, брань, победа, поражение, плен (полон), мир, покой, оружие, нож, секира, топор, бадва, меч, корда, тесак, острие, тылье, обух, черен, рукоять, ножна, похва, жезл, батог, костыль (костур), клюка, посох, палица, шестопер, чекан, молот, кладиво, рогатина, копье, сулица, ратище, лук, самострел, тетива, стрела, шип, тул, праща, пушка, пуля (куля), броня, шлем, шишак, щит*. Всего 53 слова. На основании показаний словарей, свидетельствующих о распространении того или иного слова в славянских языках,

¹⁰ А. С. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии слов, тт. I—II. Киев, 1878—1882.

¹¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Несколько слов о культуре первобытных и древних славян. РФВ, 1879; отд. оттиск: Варшава, 1880, стр. 42.

¹² А. С. Будилович. Первобытные славяне. . . , стр. XIV.

А. С. Будилович выделяет слова: «праславянские, обнимающие и отдел дославянских, с которыми они составляют древнейший слой в толщах нашего языка», «слова древнеславянские, образованные в средние века его жизни», и «слова областные, представляющие новейшее наслоение в тканях нашего языка». Причем под областными наречиями А. С. Будилович понимает отдельные группы племенных языков, из которых затем образовались различные славянские языки.

Многие выводы и наблюдения А. С. Будиловича в наше время, естественно, подлежат пересмотру. Уже И. А. Бодуэн де Куртенэ, давая высокую оценку работе Будиловича, указывал, что в ней имеется много фантастического, невероятного, вызванного тем, что Будилович не владел методикой этимологических исследований. Все же исследование А. С. Будиловича было заметным явлением в русской и славистической исторической лексикологии.

В докторской диссертации Ф. П. Филина¹³ значительное место уделено анализу некоторых разрядов военной лексики и фразеологии. Указывая на богатство и разнообразие военной терминологии и фразеологии в древнерусском литературном языке, Ф. П. Филин не ставил перед собой задачи полного и всестороннего охвата исследованием всего богатства этого лексического пласта. Его интересовал лишь вопрос о взаимоотношениях терминов и фразеологических единиц данной лексической группы с общим лексическим составом языка летописей. Ф. П. Филин приходит к выводу о том, что основная масса военных терминов, употребляемых в летописном языке (преимущественно в «Повести временных лет»), взята из живой восточнославянской речи и лишь незначительная часть терминов (особенно фразеологизмов) может быть поставлена в связь с церковнославянской языковой стихией. Важным является вывод Ф. П. Филина об общности для всех восточных славян военной терминологии (в отличие, например, от речной терминологии, где наблюдаются резкие диалектные деления). Ниже представится возможность не только подтвердить этот вывод, но и распространить его и в смысле охвата лексики, и в хронологическом аспекте.¹⁴

А. И. Генсёрский в работе «Галицько-волинський літопис»¹⁵ много внимания уделяет характеристике военной лексики и фразеологии Ипатьевского списка летописи.

¹³ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи. (По материалам летописей). Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 80, 1949, стр. 166 и след. В дальнейшем при ссылках на эту книгу приводится год ее выхода в свет: 1949. При ссылках на машинопись докторской диссертации под тем же названием: 1947.

¹⁴ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 166 и след.

¹⁵ А. І. Г е н с ь о р с ь к и й. Галицько-волинський літопис. Київ, 1961, стр. 51—66, 112—120, 155—162, 183—188.

В работе исследуется довольно широкий круг лексики, относящейся к выражению понятий, связанных с военными действиями. Это отличает данную работу от других исследований, останавливающих свое внимание преимущественно на давно устоявшейся военной терминологии. Галицко-волынская летопись, отражающая сложную и бурную историю юго-западной Руси феодальной раздробленности, повествующая о бесконечных «междоусобных ратях» и о борьбе народа этих областей против бесчисленных нападений извне со стороны западных и восточных соседей, дает богатейший материал для исследования военной лексики и фразеологии русского языка эпохи средневековья.

А. И. Генсёрский характеризует лексику с семантической стороны, устанавливая значения слов, выводимые из употреблений слов данной лексической группы в Ипатьевской летописи. Уже одно это делает работу А. И. Генсёрского полезной. Однако А. И. Генсёрский не делает даже попыток выйти за пределы текста Ипатьевской летописи; лексика летописи анализируется изолированно от лексики других памятников письменности того времени, нет сравнительного анализа ни в плане соотношения языка данного памятника с языком других памятников, ни в плане соотношения языка древнерусского с языками других славянских народов, ни в плане соотношения состояния лексики древнерусского языка эпохи средневековья с современным состоянием лексики восточнославянских языков и диалектов. В результате этого в книге нет подлинно исторического описания тех или иных разрядов лексики Ипатьевской летописи, а многие выводы общего и частного характера должны быть подвергнуты сомнению и пересмотру. Да это и не случайно, ибо отдельная часть языка может быть правильно понята, объяснена и показана в настоящем (истинном) свете только тогда, когда она будет рассматриваться в составе целого и в сопоставлении с родственными явлениями.

Сужение пределов исследования границами одного памятника заставляет автора ограничиваться простой констатацией фактов без попыток их интерпретации. Отсутствие сравнительного материала из других памятников приводит Генсёрского к решительному утверждению о больших отличиях литературного языка Галицко-Волинской Руси от традиционного языка Киевской Руси уже во второй половине XIII столетия. Между тем многие лексические элементы или семантические явления, локализуемые И. А. Генсёрским границами Галицко-Волинской Руси (по утверждению автора, «встречаются только в Ипатьевской летописи»), на самом деле имели в то время общерусское распространение и получили отражение в памятниках, связанных с другими областями Древней Руси.

Да и тот факт, что то или иное языковое явление встречается только в одном памятнике, не обязательно должен приводить

к признанию его локальной ограниченности.¹⁶ В этом отношении неоценимую помощь как раз и должно принести сравнение этого факта с фактами других славянских языков, а также с фактами восточнославянских литературных языков и их диалектов в настоящее время. Но даже и при этих условиях исследователь вынужден проявлять большую осторожность при определении места того или иного слова в лексической системе древнерусского языка.

Защищенная в 1954 г. кандидатская диссертация С. Д. Ледяевой «Военная лексика в древнерусском языке XI—XIII вв.» посвящена анализу военной лексики русского языка начального периода письменности по материалам летописей и ряда воинских повестей.¹⁷

Исследование ведется в ставшем уже традиционным аспекте выделения ряда семантических (а вернее, тематических) групп лексики с установлением взаимоотношений между членами тематической группы.

В диссертации С. Д. Ледяевой подвергнуто анализу 315 слов и выражений, относящихся к военной терминологии древнерусского языка. Анализируемые слова характеризуются со стороны семантической, словообразовательной, фразеологической; особое место занимают вопросы синонимии в системе военной лексики и фразеологии. На этот круг вопросов накладывается другой: происхождение военной лексики (общеславянские элементы, восточнославянские слова и лексические заимствования). Естественно, что не все поднятые в работе вопросы получили одинаково полное освещение. Более детальное освещение по сравнению с другими сторонами получил вопрос о словообразовательных явлениях в системе военной терминологии. Следует отметить, что в работе С. Д. Ледяевой военная лексика древнерусского языка рассматривается в слишком большой изоляции от других профессиональных систем и от лексики «общего» языка, что приводило иногда к нео-

¹⁶ Ср., например, суждение А. В. Исаченко о том, что «делать какие-либо замечания об исконной ограниченности распространения слова на основании незасвидетельствованности этого слова в древних памятниках других славянских языков весьма опасно» (А. В. И с а ч е н к о. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*, год. XXVII, Praha, 1959, стр. 335).

¹⁷ Содержание диссертации довольно полно отражено в автореферате «Русская военная лексика XI—XIII вв.» (М., 1954) и в статьях: «К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв.» (Уч. зап. Кишиневск. пед. инст., т. 8, 1953, стр. 69—84), «Наблюдения из области исторической лексикологии. (Древние наименования оружия XI—XIII вв.)» (Уч. зап. Кишиневск. пед. инст., т. II, Сер. гуманитар. наук, 1959, стр. 135—152), «К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке. (По материалам летописей XI—XIII вв.)» (Вестн. МГУ, Сер. ист.-филол., 1959, № 4, стр. 163—174), «К истории слова сын 'башня'» (Этимологические исследования по русскому языку, вып. 4. М., 1963, стр. 24—32).

правданной локализации определенных процессов и явлений рамками только одной терминологической группы слов.

Военная лексика второй половины XVII и первой половины XVIII в. была предметом специального рассмотрения в кандидатской диссертации М. Ф. Тузовой «Русская военная лексика 2-й половины XVII—первой половины XVIII в».¹⁸ Работа выполнена на материалах, извлеченных из документов о крестьянских восстаниях Степана Разина и Кондратия Булавина, в общем в том же плане и в той же проблематике, что и работа С. Д. Ледяевой. Основное место в работе М. Ф. Тузовой занимает установление новых явлений в военной терминологии и анализ закономерностей лексико-семантических изменений и сдвигов в этой терминологии, имевших место в русском языке XVII—первой половины XVIII в.

Военные термины в памятниках XVI—XVII вв. привлекались в качестве объекта исследования в кандидатских диссертациях Л. Л. Кутиной,¹⁹ О. Г. Пороховой,²⁰ Д. А. Гарибян.²¹ Слова и термины военного дела анализируются в этих работах наряду с другими тематическими группами лексики, причем состояние лексики, отраженное в том или ином памятнике, рассматривается как результат исторического развития языка. Этот диахронический аспект исследования наиболее выпукло проявляется в работе Л. Л. Кутиной. В связи с тем, что названные работы ориентируются прежде всего и главным образом на лексику, отраженную в определенных памятниках, анализируемый в них круг слов, относящихся к военной терминологии, сравнительно невелик, хотя и достаточно разнообразен.

В 1962 г. в Нью-Йорке вышла книга П. Ковалева «Лексичний фонд літературної мови кийівського періоду XI—XIVст.»,²² в которой приводятся и слова и выражения из группы военной лексики. Из 440 страниц книги военной лексике отведено 12 (318—331), но и эти страницы посвящены не анализу и характеристике состояния военной лексики древнерусского языка, а простому перечислению слов, употреблявшихся в языке XI—XIV вв. для обозначения военных понятий, причем перечень этот оказывается далеко не полным.

¹⁸ Х. Ф. Тузова. Русская военная лексика 2-й половины XVII—первой половины XVIII в. М., 1956.

¹⁹ Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. (Из истории русского литературного языка XVII в.). Л., 1955.

²⁰ О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей. М., 1952. В 1969 г. вышла книга О. Г. Пороховой «Лексика Сибирских летописей XVII века» (Л.).

²¹ Д. А. Гарибян. Лексика и фразеология «Азовских повестей XVII в.». Автореф. канд. дисс. М., 1956.

²² П. Ковалів. Лексичний фонд літературної мови кийівського періоду XI—XIV ст., т. I. Нью-Йорк, 1962.

Интересные наблюдения относительно функционирования некоторых разрядов военной лексики в отдельных памятниках письменности имеются в работах С. А. Мартыановой, А. К. Абдулмановой, В. И. Максимова, Р. И. Сидоренко, В. В. Ильенко, И. С. Хаустовой.²³ Структурно-семантические особенности современной военной лексики и терминологии изучались А. Н. Кожиным.²⁴

Первой попыткой обобщения процессов исторического движения древнерусской лексики, в том числе и терминов военного дела, явилась книга П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии», по словам автора, — собрание «некоторых материалов, наблюдений, этимологий, лексикологических эскизов».²⁵

Усилиями многих исследователей выявлено и описано значительное количество военных терминов, функционировавших в древнерусском языке, прослежена история ряда лексем (Ф. П. Филин, С. Д. Ледяева, П. Я. Черных и др.), установлены в общих чертах отношения русской военной лексики к общеславянскому и церковнославянскому фондам, причем оказалось, что основной костяк военной лексики древнерусского языка связан с восточнославянской областью (Ф. П. Филин, П. Я. Черных, С. Д. Ледяева и др.); исследовались вопросы взаимодействия русских и старославянских лексических элементов (А. И. Генсёрский, Л. Л. Кутина, О. Г. Порохова, С. Д. Ледяева и др.). При изучении лексики русского языка XV—XVII вв. на первый план выдвигались вопросы о диалектном воздействии на выработку общерусской военной терминологии (В. И. Максимов, В. В. Ильенко) и о роли и месте иноязычных заимствований (А. И. Соболевский, И. Огиенко, Н. А. Смирнов, Р. И. Сидоренко, В. М. Тамань, Г. Хюттль-Ворт и др.). Наиболее далеко продвинуто изучение словообразовательных явлений в сфере военной лексики; было констатировано, что военная терминология, как часть словарного

²³ С. А. Мартыанова. Лексика писцовых книг города Казани XVI—XVII вв. Уч. зап. Казанск. гос. ун-в. им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, 1952; А. К. Абдулманова. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». Уч. зап. Бийского гос. пед. инст., вып. II, 1958; В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, каф. русск. яз., т. 173, Л., 1958; Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Наук. зап. Київського держ. пед. инст., т. XXIX. Київ, 1958; В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепропетровск, 1960; И. С. Хаустова. Лексикологическая характеристика «Ведомостей» Петра I. (По материалам лексики, связанной с военной тематикой). Уч. зап. ЛГУ, Сер. филол. наук, вып. 142, 1958.

²⁴ См.: А. Н. Кожин. Лексико-семантические средства составных наименований. (На материале лексики русского языка). Автореф. докт. дисс. М., 1967.

²⁵ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 3.

состава языка, не имеет принципиальных отличий в области словообразования от словообразовательных процессов в других сферах языка (П. Я. Черных, С. Д. Ледяева, М. Ф. Тузова и др.).

Менее всего оказались изученными вопросы функционирования военной лексики как определенной системы, вопросы развития и усовершенствования этой системы, перегруппировки и перераспределения лексических элементов внутри системы — процессы, являющиеся отражением развития и усовершенствования системы понятий военного дела. Почти совсем не изучались процессы, приводящие к специализации слова в военной сфере языка. Между тем наблюдения над этими процессами в различных тематических группах лексики, сопоставление результатов этих наблюдений могут послужить базой для решения многих вопросов общелексикологического характера.

Мало изученными остаются вопросы о роли иноязычных элементов и диалектных воздействий на развитие общерусской военной лексики. Многое предстоит еще сделать в прослеживании сдвигов и изменений в смысловой, фразеологической и стилистической стороне слов военной сферы на протяжении XI—XVII вв. Чрезвычайно важные вопросы о соотношении великорусской, украинской и белорусской военной лексики по существу еще не ставились.

Как отмечал Ф. П. Филин, система средств выражения, сложившаяся в период Киевской Руси, служила основой для языкового развития восточных славян долгое время и после падения Киева.²⁶ Это положение полностью распространяется и на систему военной лексики и фразеологии.

Но если говорить о развитии русской военной лексики в послекиевский период, то надо прежде всего связывать это с поворотным моментом в истории военного дела — применением пороха и огнестрельного оружия, что повлекло за собой новую тактику и новые приемы ведения боя, а также нововведения в организации войска. Начало этого периода связывается с началом истории Московской Руси.

В системе военной лексики и фразеологии в этот период происходят заметные изменения: появление новых слов (*огненный бой, пуля, наступление, затравка, запал, фитиль* и т. д.), семантические преобразования в целых группах слов (*стрелять, порох, зелье, наряд* и т. п.), конкретизация значений ряда терминов (*полк*), выход из активного употребления отдельных слов и выражений, новые явления во взаимодействиях между синонимическими параллелями и т. п.

Изменения в исторических судьбах русского народа — татаро-монгольское иго, распадение единого государственного объедине-

²⁶ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 283—284.

ния на удельные княжества, начавшийся процесс складывания и формирования трех близкородственных народностей, перемещение политического, общественного и культурного центра из Киева в северо-восточную область Руси, складывание русского национального языка, в основе которого лежало «московское просторечие», усиливающиеся многообразные контакты с соседними странами и народами, развитие стилей и жанров литературы и другие факторы — вызвали значительные изменения в лексико-семантической системе русского языка, в том числе и в его военном словаре. Эти изменения затронули номенклатуру обозначений оружия, воинских доспехов, наименований воинских единиц, чинов, обозначения военных действий, — короче говоря, коснулись всей системы лексико-фразеологических средств выражения военных понятий. За значительный исторический период сотни слов получают новые специализированные значения, вовлекаются в необычную для них функциональную сферу словоупотребления. Между тем если о начальном периоде истории военной лексики (XI—XIII вв.) и о военной лексике второй половины XVII—первой половины XVIII в. имеются специальные работы (указанные выше диссертации С. Д. Ледяевой и М. Ф. Тузовой), то конец XIII, XIV, XV, XVI и начало XVII в. остаются почти совсем не изученными, если не считать попутный анализ интересующего нас материала в ряде работ, посвященных изучению языка того или иного периода или определенного круга памятников русской письменности. Кроме того, как уже говорилось выше, в работах этих исследуется относительно ограниченный круг лексики.

3. ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расширение проблематики историко-лексикологических исследований и углубление ее разработки во многом зависят от расширения материальной базы исследования за счет привлечения новых лексических данных. Неполные, разнородные лексические материалы, нередко отличающиеся изолированностью отдельных явлений, не дают возможности воссоздать реальную картину функционирования военной лексики в древнерусском языке. Необходимо выявить всю совокупность лексико-фразеологических средств, служивших для выражения понятий, связанных с военным делом, проследить историю развития этой лексики на основе вновь добытых материалов (детальное изучение лексики памятников, привлечение диалектных фактов и данных из других славянских языков). С этой целью были произведены выборки из большого количества письменных памятников, общая характеристика которых дается ниже (см. стр. 32—36). Выборки составили картотеку, насчитывающую около 25 000 карточек, иллюстрирующих 1500 слов.

В работе предпринята попытка наметить общие тенденции в развитии военной лексики и фразеологии в русском языке с XI по XVII в., обследуется состав и оформление различных лексико-семантических групп военной лексики (названия воинских отрядов, названия воинов и т. п.), намечены общие пути движения лексического состава этих групп (уход из употребления одних лексических средств, приход новых элементов, причины и закономерности этих изменений), прослеживаются преобразования в семантической стороне слов, изменения в соотношении системы значений одного слова с системой значений другого слова, стилистические и лексико-фразеологические перераспределения, разрушение старых и создание новых синонимических рядов и т. д.

Из направлений исследования основными для автора были следующие.

1. Лексические изменения в военной сфере древнерусского языка. Состав военного словаря в русском языке XI—XIV вв. Русская военная лексика XV—XVII вв. Сопоставление двух состояний военного словаря и прослеживание путей и закономерностей его исторического движения. Роль и место иноязычных заимствований в военной лексике (особенно в XVI—XVII вв.). Диалектные воздействия на выработку общерусской военной терминологии.

2. Семантические процессы в военной лексике. Способность древнерусской семантической системы выражать специализирующиеся военные понятия: Отношения между специальной лексикой и лексикой общего языка (неспециальной). Процессы терминологизации и детерминологизации в системе военной лексики как отражение общих закономерностей развития языка.

3. Изменения и перестройка фразеологических связей слов в связи с их специализацией (терминологизацией).

4. Изменения в активности употребления (в актуальности) и стилистические перегруппировки и передвижения.

5. Преобразования в лексико-семантических группах слов. Соотношения старых и новых элементов лексической группы.

6. Соотношение и взаимодействие восточнославянских и церковнославянских лексических элементов в военном словаре.

7. Глаголы и особенность их функционирования в качестве выразителей специальных понятий. Особенность «военного» языка старшей поры — необычайно широкое употребление описательных оборотов, богатство глагольных специальных обозначений — как отражение степени выработанности военных понятий. Образование отглагольных специальных наименований — шаг по пути большей терминологизации всей системы военной лексики, свидетельство разрушения обособленности видовых понятий.

Особое место в исследовании занимает вопрос о путях образования терминов, о сочетании в слове общих и специальных зна-

чений или, шире, вопрос о взаимоотношениях и взаимодействии общенародного языка и профессиональной речи — один из важнейших вопросов изучения лексики русского языка. Военная лексика и фразеология, в силу их особого положения в системе лексики общенародного языка, представляют в этом отношении исключительно ценный материал. Слабая отграниченность военной лексики от остального словарного состава языка, нечетко выраженная специализация значений «военных» слов давали возможность последним вступать в синонимические связи и отношения с большим рядом слов из других лексических пластов.

Уже сейчас можно отметить поразительное богатство синонимических средств для выражения понятий, связанных с военным делом.²⁷

Перспективным представляется изучение диалектных элементов в составе военной лексики и их взаимодействия с лексикой общенародной в разные исторические эпохи, как и исследование лексических заимствований из других языков в русский.

Говоря об относительно хорошей изученности истории древнерусского (восточнославянского) языка, Ф. П. Филин замечает, что «иначе обстоит дело с изучением древнерусских диалектов. Несмотря на усилия историков языка восточных славян, результаты, достигнутые в этой области, можно назвать более чем скромными. Выявлены некоторые диалектные особенности, относящиеся к разному времени, в фонетике и отчасти в морфологии. Остаются проблематичными синтаксические диалектизмы. Только в последние два-три десятилетия начали накапливаться наблюдения, касающиеся диалектной дифференциации лексики древнерусского языка».²⁸

В исторической лексикологии большое значение имеют реальные судьбы тех или иных слов или групп слов. В применении

²⁷ На большую синонимичность древнерусского языка неоднократно указывали многие исследователи; они отмечали сосуществование в письменном языке двух, трех и более тождественных обозначений для тех или иных понятий или предметов. Причинами, вызывающими такое явление, считались условия формирования и развития письменного литературного языка, призванного выражать понятия и представления нового христианского мировоззрения, диалектная дифференциация лексики, отсутствие единого литературного языка. Часто при этом синонимами назывались слова, не сосуществующие в одной языковой системе как реальном языковом сознании определенного коллектива (разнодиалектные слова, слова общенародные — литературные и диалектные). Вместе с тем уже в древнейшую эпоху синонимия в определенных лексико-семантических группах получила широкое развитие. Обзор литературы о синонимах (в том числе и в древнерусском языке) см. в статье С. Ф. Геккер «Библиография по синонимике русского языка» (в сб.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 197—226).

²⁸ Ф. П. Филин. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 379—380.

к исследованию диалектной лексической дифференциации это означает необходимость установления состава лексических диалектизмов, определение их изоглосс, времени возникновения, прослеживание изменений в их исторической судьбе.

Было бы чрезвычайно важно сравнить словарный состав (в сфере «военного» языка) трех восточнославянских языков периода формирования великорусской, украинской и белорусской народностей, выделив в них общую часть, унаследованную от древнерусского, затем — новые лексические единицы. Однако эти задачи предполагают предварительное систематическое описание лексики каждого языка в отдельности. Факты должны изучаться и сравниваться как составные элементы лексических систем того или иного языка. Сравнение разрозненных, единичных фактов может привести к искажению подлинной картины развития лексики.²⁹

Задачей настоящего исследования является анализ закономерностей развития не изолированных языковых фактов, а лексической общности как целого, в которой отдельные факты и явления существуют в тесной связи с этим целым и обусловлены зависимостью от него. Историческая лексикология может воссоздать подлинную картину развития словарного состава языка только в том случае, если развитие отдельных групп лексики изучается в неразрывной связи с развитием лексического состава в целом. При этом на первый план выдвигаются задачи выявления внутренних, структурных связей лексических единиц, их взаимодействия и взаимовлияния. Такое изучение лексики должно исходить из признания наличия определенной лексической системы.³⁰

Исследование термина (слова, имеющего специальное, не бытовое значение) в аспекте его соотношений с другими словами оказывается наиболее целесообразным и эффективным для определения и уточнения его значения, установления семантических

²⁹ См. о проблематике сравнительного изучения лексики восточнославянских языков в статье Я. А. Спринчака «К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв.» (ВЯ, 1956, № 6, стр. 115—122).

³⁰ Такой подход к изучению лексического состава языка в настоящее время признается единственно правильным. Ср.: «Если на первом этапе существования семаснология и лексикология уделяли больше внимания внешней стороне языкового членения — связям слов с экстралингвистическими факторами, подходя к лексике лишь как к строительному или вспомогательному материалу, описывая историю отдельных слов, то системный подход к языку в целом перенес центр тяжести на выявление внутренних, структурных связей лексических единиц, на взаимодействие разных аспектов языка между собой при лексико-семантическом варьировании полисемантических словесных знаков. Описательный подход к языку ставит другие задачи — наиболее экономно, полно и непротиворечиво описать конкретный язык или его отдельные стороны» (А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 9—10).

границ и особенностей функционирования, для характеристики различий между отдельными терминами и словами, для установления различного рода корреляций между ними. Сложность природы лексического значения предопределяет возможность объединения слов как по экстралингвистическим признакам, отражающим связь значений с внешним миром, так и по чисто языковым, в основе которых лежат внутриязыковые связи. Наиболее часто объектом лексических и семасиологических исследований выступают тематические и лексико-семантические группы.

Изучение лексики по тематическим группам позволяет с достаточной полнотой выявить связи и отношения между обозначаемым и обозначающим, установить объем значения и, наконец, определить значение и очертить круг лексико-фразеологических связей слова. Тематические группы более оправданы в системах терминологии, ибо термины одной отрасли знаний, производства, ремесла и т. п. выражают определенную систему понятий, где все части системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенно это имеет место в системах современной терминологии и менее характерно для старших периодов истории языка, когда можно было говорить лишь о процессе складывания терминологических систем.

Вместе с тем нельзя не заметить, что рассмотрение лексики по тематическим группам нередко является порождением неязыкового подхода к классификации материала; выделение тематических групп, определение их границ, отнесение тех или иных слов к определенным группам несет на себе печать субъективизма. Тематические группы слов — объединения слов логического порядка, в которых превалирует внеязыковая сторона (мир вещей и явлений) над языковой. Такие слова, как например *меч, копье, стрела, порох, пушка* и другие, могут быть объединены в одну тематическую группу потому, что все они обозначают предметы вооружения — орудия боя, хотя никакой внутренней языковой связи между отдельными элементами этих групп нет. Уход одного или нескольких слов группы, так же как обогащение группы новыми словами, вносит лишь количественные изменения в отношения элементов группы и свидетельствует или о появлении новых явлений действительности (новых орудий труда, новых общественных институтов и т. п.), или об отмирании существовавших до сих пор явлений. Появление синонимов у отдельных слов группы, приобретение словом новых значений и т. п. не вызывает соответствующих изменений ни в значении других лексических элементов группы, ни в соотношении их между собой. Выделение тематических групп лексики зависит прежде всего от задач исследования: группы могут быть более широкими и более узкими, одни и те же слова могут попасть в различные группы в зависимости от того критерия, который будет положен в основу выделения тематических групп. Выбор же критерия, признака

классификации не дан в самом лексическом материале, а зависит по многом от субъективной воли исследователя.

О недостатках изучения лексики по тематическим группам в нашей лингвистической литературе уже писалось. Мы разделяем точку зрения Ф. П. Филина по этому вопросу, изложенную им в статье «О лексико-семантических группах слов»³¹ и в рецензии на книгу И. С. Вахроса «Наименования обуви в русском языке».³²

В связи с этим в работе тематическая классификация лексики будет дополнена выделением так называемых лексико-семантических групп слов внутри тематических разрядов.

Известно, что словарный состав языка представляет собой не сумму изолированных, не связанных друг с другом в лексико-семантическом отношении слов; в нем выделяются многочисленные объединения слов по их лексическим значениям, группирующиеся на основе связи соответствующих понятий, которая отражает связь самих явлений действительности.

Лексико-семантическая группа, или семантическое поле, обычно представляет собою сложное явление, компоненты которого могут находиться друг с другом в разнообразных и разнохарактерных отношениях. Как совокупность взаимосвязанных элементов семантическое поле может члениться по разным направлениям в зависимости от признака, кладущегося в основу членения.

Акад. М. М. Покровский еще в 1896 г. писал: «... слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое».³³

Лексико-семантические группы выделяются исходя из зависимости значений слов друг от друга, от их места в группе (семантическая близость слов, частичное или полное совпадение значений, возможность или невозможность взаимозаменяемости слов при определенных условиях (контекста), отношения синонимии, антонимии, дифференциации и обобщения и т. д.).

Лексико-семантические группы — собственно языковые категории — результат исторического развития языка. Слова,

³¹ Ф. П. Ф и л и н. О лексико-семантических группах слов. Языковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957.

³² Ф. П. Ф и л и н. О названиях обуви в русском языке. Лексикографический сб., вып. VI. М., 1963, стр. 166—167.

³³ М. М. П о к р о в с к и й. Семасиологические исследования в области древних языков. Уч. зап. Московского унив., Отд. ист.-филол., вып. 23. М., 1896, стр. 21. Изд. 2. М.: КомКнига/URSS, 2006.

образующие такие группы, связаны так, что изменение значения одного компонента, как правило, вносит изменения в семантику связанных с ним лексико-семантически слов, уход старых или появление новых слов не ограничивается чисто количественными изменениями в составе группы, а затрагивает самую суть чисто языковых отношений между словами группы.³⁴

Вот почему эти два вида анализа лексики дают возможность решать разные вопросы. История лексики определенной тематической группы воссоздает картину состояния и истории того или иного ремесла, производства и т. п. (на основании роста или убыли обозначений соответствующих реалий). Изучение истории лексико-семантических групп дает возможность воссоздать картину подлинно языковых процессов, являющихся порождением закономерностей развития лексики.³⁵

О различиях между тематическими группами слов и лексико-семантическими единствами, о неодинаковых аспектах и различных возможностях изучения лексики в зависимости от этого говорит, но другими терминами («морфосемантическое поле» и «система») О. Н. Трубачев.³⁶

Надо заметить, что эти два подхода к изучению лексики (две классификации) не исключают друг друга. Однако далеко не всякая тематическая группа лексики дает возможность наметить в ней отношения между ее элементами, характерные для лексико-семантических групп лексики, не все тематические группы лексики одинаково организованы. Если многие исследователи отмечали, что тематическая группа лексики — «название родственных отношений» — обладает всеми признаками системных отношений, то, с другой стороны, как пишет О. Н. Трубачев, «такая интересная в ряде отношений тематическая группа, как, например, названия каш, представляет собой типичный незамкнутый континуум, для которого вопрос о притиволоставленных отношениях, точно так же, как и об организующем структурном признаке, не может ставиться».³⁷ Все же целый ряд смысловых сдвигов и семантических изменений невозможно понять и объяснить, не рассматривая их как следствие взаимоотношений слов в лексико-семантической группе, если не учитывать взаимовлияния значений в семантическом поле (таковы, например, семантиче-

³⁴ Ср. также: «Исследование должно быть направлено не на отдельные слова, а на целые семантические поля, потому что лексические изменения до известной степени обусловлены взаимными отношениями в рамках поля» (Vincent Blažar. *Zo slovenski leksikologije*. Bratislava, 1961, str. 295).

³⁵ См. об этом подробнее: Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов.

³⁶ О. Н. Трубачев. К вопросу о реконструкции различных систем лексики. Лексикографический сб., вып. VI. М., 1963, стр. 3—16.

³⁷ Там же, стр. 16.

ские изменения, наблюдаемые в терминах *полкъ, рать, сила, люди, дружина* и др.).

В работах по истории той или иной системы профессиональной лексики, особенно если эта история относится к далекому прошлому, как например в данном случае, неизбежно сочетание двух планов исследования — языкового и внеязыкового, культурно-исторического. Неизбежность и необходимость сочетания, совмещения этих двух аспектов исследования признается многими исследователями и не нуждается в дополнительном обосновании, ибо, как справедливо заметил О. Н. Трубачев, «при исследовании культурно-исторической стороны проблемы встретится немало поучительных моментов, размышления над типологической сущностью которых могут оказаться полезными при анализе лингвистического материала». ³⁸ В связи с этим в книге будут приводиться сведения о реалиях (орудиях и средствах ведения войны, защиты, обороны, о понятиях, связанных с формированием и организацией вооруженных сил, с военными действиями и т. п.). Само собой разумеется, что этот план (культурно-исторический анализ) будет иметь второстепенное, подчиненное значение как средство обоснования и доказательства наблюдений и выводов языкового характера. Цель работы — лингвистический анализ слов ч выражений избранной в исследовании тематической группы лексики.

Нельзя, видимо, утверждать, что во всех случаях и всегда слова появляются как «ответ на внеязыковые ситуации», однако во многих (или в большинстве) случаях и новые слова, и новые значения слов появляются именно по причинам неязыкового характера, поэтому исследование лексики «целесообразнее проводить в связи с изучением языка в широком контексте культуры». «Можно думать, что сравнение слов должно предполагать предварительное выявление структуры мира», ³⁹ отраженной в лексике. С другой стороны, «структура мира» во многом может быть восстановлена через изучение лексических фактов. В свое время академик Б. Д. Греков мечтал о раскрытии мира прошлого во всей сложности его истории через изучение жизни слов, отразивших эту сложность и противоречивость. ⁴⁰

Большинство указанных выше работ имеет одну общую черту: исследование в них обычно велось путем вычленения данного пласта лексики из общего словарного состава древнерусского языка, т. е. исследовался запас военной терминологии как определенной системы, отграниченной от общенародного языка. Такой метод исследования вполне приемлем и оправдывается тем, что

³⁸ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология. . . , стр. 8.

³⁹ В. Н. Топоров. О правомерности сравнительной лексикологии. Тезисы докладов на VII пленарном заседании комиссии, посвященном проблемам сравнительно-исторической лексикологии. М., 1961, стр. 5.

⁴⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Гос. изд. полит. лит. М., 1953.

таким путем можно достигнуть большей глубины анализа конкретных разрядов тематической группы лексики. Но остановиться на этом нельзя, ибо нельзя считать, что границы между общенародным языком и системой профессиональной речи представляют собой нечто абсолютное и нерушимое. Отнюдь нет: границы эти во многих случаях зыбки и неустойчивы. В начальный период древнерусской письменности военная лексика и фразеология были еще далеко не сформированы. Это был период становления военной терминологии.

4. ТЕРМИН И СЛОВО. МЕСТО ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В русском языке XI—XVII вв. функционировала определенная совокупность лексических средств, служившая для выражения понятий, связанных с военным делом. Эта совокупность включала в себя чрезвычайно богатый и разнообразный набор слов и выражений, различные элементы которого занимали различное место в лексической системе общенародного языка; степень семантической специализации их была чрезвычайно неравномерной и неодинаковой. В книге в качестве равноправных наименований для обозначения изучаемых лексических единиц используются понятия «термин» и «слово», соответственно — терминологическая система и лексическая система.

В лингвистических исследованиях слово «термин» употребляется в самых разных значениях, ср.: термины науки и техники, термины искусства, термины спортивные и ремесленные, общественно-политические и литературные, термины гончарного производства и термины родства, термины речи и бытовые термины и т. п. Терминами обычно называют более или менее замкнутые лексико-семантические группы слов или «разряды слов, имеющих оминативную функцию».⁴¹ Толковые словари русского языка отмечают в слове «термин» значение 'всякое слово, выражение', считая его, правда, устаревшим.⁴²

С. Ульман все слова языка считает терминами, разделяя их при этом на две группы — специальные термины и общие термины. Под первыми имеются в виду слова определенные и конкретные, под вторыми — «неясные общие слова».⁴³

Понятие «термин» не получило еще удовлетворительного или общепринятого толкования, хотя выяснению сущности термина посвящено значительное количество работ как в советском, так

⁴¹ Н. К р у ш е в с к и й. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 134.

⁴² Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.—Л., 1963.

⁴³ С. У л ь м а н. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. В сб.: Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962, стр. 36—37.

и в зарубежном языкознании. В этих работах порой высказываются столь различные точки зрения, что их трудно бывает примирить и согласовать.

Большинство исследователей признает, что термины представляют собой слова, во многом отличные от слов общелитературного языка, что объективно в языке существует противопоставление термин — нетермин. Однако исследователи по-разному подходят к выявлению характера этого противопоставления, выделяют различные категориальные признаки термина, вычленившие его из общего словарного состава языка. Обычно при выявлении признаков, характеризующих термин, называют точность, однозначность, «иероглифичность» термина, его символичность, интеллектуальную чистоту значения (термин — слово, «имеющее абсолютное значение»; ⁴⁴ термин — «мертвый образ», применяющийся к «чистому интеллектуальному факту» ⁴⁵); основным моментом в становлении слова термином считалась потеря словом внутренней формы (А. Ф. Лесохин). Г. О. Винокур впервые высказал мнение о том, что термины — это «не особые слова, а только слова в особой функции». ⁴⁶ Эту особую функцию он видел в номинативной направленности термина — функция названия специального понятия.

А. А. Реформатский признает, что критерием разграничения термина от нетермина должна считаться прежде всего сфера употребления (специальная — неспециальная). ⁴⁷

А. Г. Аксенов, Н. А. Баскаков, В. А. Звегинцев ⁴⁸ и другие выделяют в качестве отличительной черты термина его сигнификативную функцию. К. Гаузенблас ⁴⁹ предлагает считать главными функциями термина функцию идентификации и дистинктивную. Нет сомнения в том, что дальнейшее изучение термина в его отношении к словарному составу общелитературного языка приведет к открытию в нем новых свойств и характеристик, однако следует сказать, что установленные признаки термина не могут считаться

⁴⁴ F. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1936, p. 76.

⁴⁵ Л. Олшк. История научной литературы на новых языках. (Русск. пор.), т. 1. М., 1933—1934, стр. 46.

⁴⁶ Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Тр. МИФЛИ, т. V, 1939, стр. 5.

⁴⁷ Ср.: «Терминология — это свойство науки, техники, политики, т. е. сфер интеллектуально организованной социальной действительности. . . Термины — это слова специальные, ограниченные своим особым назначением» (А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1952, стр. 80).

⁴⁸ А. Г. Аксенов. К вопросу о взаимодействии между английской военной терминологией и общенародной лексикой. Автореф. канд. дисс. М., 1956; В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 112 и след.; Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. М., 1959.

⁴⁹ К. Hausenblas. K specifickým rysům odborné terminologie. In: Problemy marxistické jazykovědy. Praha, 1961, str. 248—258.

категориальными, характерными только для этого понятия, не могут быть положены в основу разграничения специальной и неспециальной лексики прежде всего потому, что они присущи и многим словам общелитературного языка, словам «бытовым», неспециальным.

В. В. Виноградов выделяет в термине прежде всего дефинитивную функцию: «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин».⁵⁰ Из этого делается вывод о том, что термин не обладает лексическим значением в обычном понимании этого слова. «Значение термина — это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается».⁵¹ Все же нет достаточных оснований лишать термин лексического значения. Общие слова и термины «стоят на линии единого процесса обобщения, но они образуют разные его ступени, и если на первых ступенях обобщение осуществляется, так сказать, „автоматически“, в силу обобщающей природы слова, отнюдь не является итогом сложного и целеустремленного процесса суждения и не стремится к выявлению „существенных“, „основных“ и „решающих“ свойств обозначаемого явления, а нередко цепляется за случайные признаки, то на высшей ступени мы обнаруживаем совершенно обратную картину. Здесь перед нами обычно термин, имеющий своим значением точно и четко определенное научное понятие, добытое в результате глубокого изучения природы и сущности обозначаемого явления».⁵² Обычно лексическое значение слова приближается то к одному, то к другому полюсу. Слова неспециальные отличаются от терминов тем, что за первыми стоят научно необработанные понятия, обладающие обобщением первичного характера. «Научно и логически обработанные понятия, приобретающие терминологические значения, нередко формируются на основе слов „обычного“ языка, используя при этом итог их „языкового“, научно не целеустремленного обобщения».⁵³

Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности — обобщении и абстракции. Нельзя не согласиться с тем, что «тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: *рыба-кит*, *солнце поднялось* и т. п.). Но в принципе они однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только „до-

⁵⁰ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 12—13.

⁵¹ П. А. Капанадзе. О понятиях «термин» и «терминология». Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, стр. 78.

⁵² В. А. Звегинцев. Семасиология, стр. 112.

⁵³ Там же, стр. 113.

пуском“, аппроксимацией, степенью приближения к действительности». ⁵⁴

Термин нередко определяется как «лексико-семантическая единица, выступающая в дефинитивной функции и отличающаяся строго системным характером, однозначностью, отсутствием синонимов и омонимов в пределах данной науки или отрасли знаний». ⁵⁵ Однозначность термина должна быть признана лишь тем идеалом, которому должен отвечать термин. Если обратиться к самым различным специальным терминологиям, в них легко обнаруживается значительное количество терминов, полисемантических в одной отрасли знаний, техники и т. п. С другой стороны, в общем языке имеется немало неспециальных слов, обладающих только одним, строго определенным и устойчивым значением. Конкретный анализ различных терминологий на разных ступенях их развития свидетельствует и о наличии синонимических параллелей в сфере специальной лексики, причем отмечаются не только синонимы-дублиеты, но и синонимы в узком смысле слова.

Термины, включаясь в систему национального языка в качестве одной из составных частей его, подчиняются законам развития данного языка.

В целом ряде определений за признаки термина и терминологий принимаются не признаки, характерные для них, а таковыми считаются стремления тех, кто пользуется в общении терминами, так сказать, «учредителей систем терминологических»; именно последние стремятся к тому, чтобы термины были однозначными, чтобы они не имели синонимов и омонимов, потому что все это затрудняет общение в специальных сферах. Вообще в терминологиях в достаточной мере отчетливо сказывается действие сознательного, преднамеренного начала специалистов той или иной отрасли знаний и умения (выбор термина, определение и уточнение его значения и другие стороны). Правда, субъективные факторы наиболее действенны в период становления термина и терминологической системы, затем влияние сознательного отбора уменьшается или полностью исчезает.

Здесь нет возможности останавливаться на детальном рассмотрении всех точек зрения относительно понятия термин, это увело бы в сторону от основной задачи работы, хотя разобраться в сложном клубке противоречивых мнений и концепций было бы чрезвычайно интересно. ⁵⁶

⁵⁴ С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 10. Изд. 2. М.: URSS, 2004.

⁵⁵ А. С. Герд. Проблемы формирования научной терминологии. (На материале русских научных названий рыб). Автореф. докт. дисс. Л., 1968, стр. 3.

⁵⁶ В языковедческой литературе, особенно за последние 15—20 лет, появилось большое количество работ, в которых обсуждаются вопросы о сущ-

В качестве «рабочего» определения термина можно принять положение о том, что «термин — это не особое слово, а только слово в особой функции» (Г. О. Винокур, Е. М. Галкина-Федорук и др.), в функции наименования специального понятия, названия специального предмета и явления. В то время как «бытовое», неспециальное слово соотносится с общеизвестным, «обычным» объектом, термин соотносится с объектом специальным, известным довольно ограниченному кругу специалистов.

Различия между термином и нетермином надо искать не в плане выражения (термин, как и неспециальное слово, в соответствии с законами данного языка определенным образом оформляется фонетически, акцентологически и структурно-грамматически; возникновение новых терминов происходит по тем же законам, что и возникновение новых слов общего языка). Особенности термина, отличающие его от неспециальных слов, лежат в плане содержания и в функциональной сфере.

Термин являет собой исторически сложившуюся единицу терминологической системы, единицу, которая обозначает понятие и его место в системе, в ряду других понятий; термин представляет собой слово или словосочетание, служащее общению людей, объединенных общей специальностью, профессией, поэтому сфера его употребления обычно уже, чем сфера употребления слов неспециальных. К «идеальному» термину предъявляются требования однозначности и отсутствия синонимов в пределах одной терминологической системы, стремление точно выражать понятие, быть правильно ориентированным на объект, отражать системные связи с другими терминами терминологической системы. Правда, в строгие рамки дефиниций, даваемых сейчас терминам, не укладываются даже современные терминологии (наличие синонимии-дублетности, полисемия, глубокие и многосторонние связи терминов со словами общего языка и т. д.), тем более это относится к группам специальной лексики в прошлом.

Ф. П. Филин отмечал, что «в нашей оригинальной письменности имеются сотни военных терминов и специальных выражений, которые в целом представляли развитый профессиональный язык военных в древнекиевской Руси. Однако этот профессиональный язык корнями своими был теснейшим образом связан с общеразговорной и литературной речью, составлял часть ее. Военное значение многих терминов определялось лишь контекстом речи; в ином речевом контексте эти термины могли принимать и другие значения (социально-политические, бытовые, абстракт-

ности термина, о его отличиях от слов общелитературных, о закономерностях функционирования термина как элемента системы специальной лексики и т. п. Работы эти общеизвестны.

ные и т. п.)». ⁵⁷ В древнерусскую эпоху еще нельзя говорить о существовании сложившейся и относительно обособленной профессиональной военной терминологии, хотя специализация лексики уже отчетливо выявляется.

Для древнерусской военной терминологии, как совокупности лексико-фразеологических средств, связанных с военным делом, характерно не столько наличие особых терминов, речений или особых значений, не существующих в общенародном языке, сколько своеобразные отношения различных специализирующихся слов со словами общелитературного языка, отношений, в которых можно наметить известную систему, отражавшую складывающуюся в то время систему военного мышления, систему военных понятий. В отношении изучаемого периода истории русского языка можно говорить лишь о становлении специальных терминов и системы военной терминологии. В этом (относительном) значении в работе и употребляются понятия «термин» и «система терминологии».

Если рассматривать «военные» слова и их значения исходя только из закономерностей профессионального (=специально-терминологического) словоупотребления, можно констатировать конкретную определенность и устойчивость этих слов, их семантическую взаимосвязь и взаимообусловленность, отражающую взаимосвязь понятий и идей, обслуживающих военное дело, т. е. можно установить наличие признаков, присущих терминам и терминологическим системам, в нашем случае — системе военной терминологической лексики. Однако этот набор средств не представляет собой замкнутого круга, резко отграниченного от других сфер лексики. Наоборот, легко вскрываются многочисленные и разнообразные линии взаимодействия этой лексики с другими тематическими группами слов, с лексикой нетерминологической, с лексикой общего языка, с лексикой церковнославянской и ограниченной в функционально-жанровом отношении. Все это делает картину функционирования исследуемого пласта лексики чрезвычайно сложной и многоплановой.

Если рассматривать лексику в плане ее соотношений с лексикой общенародного языка, придется констатировать неустойчивость значений и употреблений слов, глубокие и легко ощутимые связи терминов и их временных «заместителей» с общенародными «бытовыми» словами и значениями. При этом сугубо терминологические отношения слов отодвигаются на задний план, затушевываются. В этих условиях говорить об особой системе военной терминологии в изучаемый период чрезвычайно затруднительно. Это скорее только складывающееся терминологическое единство. Но, с другой стороны, именно связи военного словоупотребления

⁵⁷ Ф. П. Ф и л я н. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 166.

со словоупотреблением общенародного языка свидетельствуют о том, что военная лексика и фразеология не являются механическим, бессистемным и случайным собранием разнородных элементов, а представляют собой определенную систему, пусть зыбкую и не во всех своих частях до конца выработанную систему, в которой были и колебания, и вариативность, и избыточность в синонимии, и недостаточность в определенных названиях; но все это было характерно для древнерусского языка в целом, а не только для военной отрасли его словарного состава. История военной лексики русского языка XI—XVII вв. — это история становления и развития специальной терминологической системы как части словарного состава языка. В этой истории отражается история формирования системы военных понятий.

Военная деятельность, задачи обороны родной земли требовали вовлечения широких масс в военную службу, ставили их перед необходимостью знакомства с военным бытом, с основными военными понятиями. Несложность технического оснащения и простота военных действий также способствовали тому, что понятия военного дела, военная лексика и фразеология были близки и известны всему народу, по крайней мере тем представителям его, которые часто вынуждены были составлять основы вооруженных сил государства. Следовательно, не было еще отчетливо выраженной замкнутости профессионального словоупотребления, которую можно наблюдать в современных условиях, хотя и в последнем случае можно говорить лишь об относительной замкнутости.

В системе глагольной лексики эта связь профессионального и общего словоупотребления особенно заметна и легко выявляется. Не были специальными в полном смысле слова, хотя и употреблялись для обозначения определенных понятий, связанных с военными действиями, такие слова, как например: *убѣжати*, *побѣжати*, *сбѣжати*, *выбѣжати*, *въбѣжати*, *въбѣжи* и др.: «Того же лѣта роспрѣвшеся убойцы Миндовгови о товаръ его, убиша добра князя Полотьского Товтивила, а бояры Полотьския исковаша, и просиша у полочанъ сына Товтивилова убити же, и он въѣже в Новгородъ с мужи своими» (Н. I, 6771). Глагол *въбѣжати* обозначает здесь 'войти в город, скрывшись за его стенами'. То же в примере: «Въбѣгоша въ дѣтинецъ» (Н. II, 6819). Собственно говоря, глагол *въбѣжати* обозначает здесь 'войти внутрь чего-либо'. Нетерминологичность глагола способствует тому, что в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи вместо *въбѣгоша* стоит *възбѣгоша* на — глагол, обозначающий действие уже другого характера. Но такое употребление ничем не отличается от употребления в таком случае, как: «Въбѣгоша в сѣюую Бѣю» (Н. I, 6746) или «Въбѣгоша в Николоу сѣгъи» (Н. I, 6778). Лишь контекст позволяет говорить о «военном» употреблении глагола, т. е. о военном значении его. Но это же отмечается и в условиях

функционирования указанных глаголов в современном языке. Разница между современным употреблением глаголов и употреблением их в древнерусскую эпоху заключается и в том, что в древнерусском языке эти слова обычно действительно соответствовали понятию о способе движения. *Въбѣжати в городъ* связывалось с движением бегом и т. п.

5. ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с широкими хронологическими рамками охвата материала важное значение приобретает отбор памятников, на материале которых будет производиться исследование.

Прежде всего необходимо назвать летописи: Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Новгородскую Синодальную, Новгородские 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю, Псковские 1-ю и 2-ю, Троицкую, Софийскую 1-ю, Никоновскую, Воскресенскую, Львовскую, Московский летописный свод конца XV в. и др. Летописи представляют в распоряжение исследователя богатейший материал по военной лексике и фразеологии, позволяют судить, насколько элементы военной лексики проникали в живой разговорный язык, вскрыть характер связей профессионального словоупотребления со словоупотреблением общего языка.⁵⁸ Показательны во многих отношениях воинские и исторические повести: «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Летописное сказание о Куликовской битве, «Казанское взятие» и другие — повести, в центре повествования которых стоит рассказ о военных сражениях. Богато представлена военная лексика и фразеология в поэтическом «Слове о полку Игореве».

Исключительную ценность представляют материалы по военной лексике, содержащиеся в деловых документах, собранных в «Актах исторических», «Актах подмосковных ополчений и земского собора» (1611—1613), в «Актах Московского государства», в исторических повестях о Смутном времени Московского государства, в произведениях Грозного, Курбского, Пересветова, Котошихина и др. В некоторых случаях свидетельства об употреблении слова или выражения в неоригинальных, переводных памятниках играют решающую роль в характеристике особенностей их функционирования. Вот почему оказалось необходимым привлечение материалов из «Хроники Георгия Амартола», «Иудейской войны» Иосифа Флавия и особенно из своеобразного воинского устава (первого устава на Руси) — «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей». Использованы материалы картотеки Древнерусского словаря (Москва) и картотеки староукраинского словаря (Львов). Приведенный здесь перечень источ-

⁵⁸ См.: там же, стр. 166—181 и 283—284.

ников не является списком использованных памятников (список приведен в конце книги). Здесь названы лишь типичные виды источников, на которых базируется исследование.

Письменные памятники сохранили чрезвычайно богатый и разнообразный набор слов и выражений, служащих для обозначения военных понятий. Акад. А. С. Орлов в статье «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв.»,⁵⁹ объясняя причины, побудившие его остановиться на исследовании формы русских воинских повестей в другой своей статье, писал: «На повестях боевых, на боевых элементах в исторических повестях я остановился тогда потому, что история войн наиболее живописно рассказывалась в древности»⁶⁰ и приводил при этом свидетельство древнего писателя: «Историци, рекше лѣтописци и пѣснотворци, прикланяют свои слухи въ бывшая межи цесари рати и ополченъя, да украсятъ словесы, слышашая и возвеличатъ крѣпко мужествовавшая по своему цесари и не давшихъ въ брани плечю врагом, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ» (Кирилла еп. Туровского «Похвала святых отец 3—18-ти»).⁶¹

В письменных памятниках безусловно отражена в той или иной степени подлинная картина реальной жизни слов и выражений в древнерусском языке. Известно, что летопись не является памятником, выдержанным в едином языковом и жанровом стиле, это, как отмечал акад. А. С. Орлов, «сборник образцов не одного жанра, хотя преимущественный жанр летописи — историческая беллетристика».⁶² В канву исторического повествования летописи органически включают элементы живой разговорной речи, довольно близко передающей речь действующих лиц; отсюда наблюдаемое в языке летописей богатство и разнообразие бытовых и профессиональных терминов, просторечных слов, пословиц, поговорок и устойчивых выражений, широко употребительных в живом народном языке.

Будучи чрезвычайно богатым в тематическом плане, летописное повествование находило для рассказа о каждом событии, каждом факте слова и выражения, характерные для той языковой среды, которой касались эти события или эти факты.

Д. С. Лихачев отмечал, что «на протяжении более чем полутора тысячелетия, почти без перерыва, летопись записала сложные перипетии русской истории, лаконично, с подлинно художествен-

⁵⁹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908.

⁶⁰ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей, кончая XVII в. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4. М., 1902, стр. 345.

⁶¹ Там же.

⁶² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI веков. М., 1937, стр. 1.

ным тактом передала нам многие героические события в народной жизни: оборону степных границ, борьбу с татарами и поляками, со сдержанной лиричностью рассказала о жестоком разорении русской земли в пору княжеских междоусобий, передала нам многие черты народного быта, наконец, сохранила в своем составе ряд замечательных литературных произведений». ⁶³ О военных событиях летописи рассказывают особенно подробно, живописно и красочно. Будучи произведениями повествовательного жанра, летописи не предназначались для ограниченных юридических целей (как, например, деловые документы), не были чисто культовыми произведениями, хотя могли использоваться и для этих целей, ибо содержали и юридические и правовые сведения и были проникнуты религиозно-догматической идеологией. Они «по своему содержанию и соответственно по используемым в них лексико-семантическим богатствам были значительно шире памятников богослужебных и юридических, поскольку они в целом не ограничивались лишь определенной тематикой и были литературой в собственном смысле этого слова в системе письменности древнерусской эпохи». ⁶⁴ Именно повествовательная литература (в том числе и летописи) оказалась той творческой лабораторией, в которой формировались и закреплялись нормы новой речевой системы. Сказанное полностью относится и к сложению системы лексико-фразеологических средств выражения военных понятий в древнерусском языке,

Особенно важны для историка языка, как и для историка народа, показания общерусских летописных сводов XV—XVI вв., появление которых непосредственным образом связано с возвышением Москвы. ⁶⁵ Эти своды, как отмечают многие исследователи, включают в свой состав как материал предшествующих летописных сводов, так и сведения из различных местных летописей. ⁶⁶ Наличие следов предшествующих летописных текстов, заметное разнообразие и до некоторой степени разнохарактерность отдельных частей сводов не мешают, однако, восприятию их как произведений, скрепленных общей идеей и заботами о единстве русской земли, об объединении земель русских вокруг Москвы с ее великокняжеской властью, об освобождении исконных русских земель от иноземного ига. Богатство и разнообра-

⁶³ Д. С. Ляхачев. Русские летописи. Журн. «Звезда». Л., 1939, № 9, стр. 160.

⁶⁴ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 7.

⁶⁵ См. об этом: А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV веков. ЖМНП, ч. 331. СПб., 1900, стр. 90 и след.; Д. С. Ляхачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 422 и след.

⁶⁶ См., например: Н. Н. Янин. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1847, стр. 17 и след.

ние событий, описываемых в летописях, многообразие жанровых и стилистических приемов описания, тесная связь языка летописей с народным языком обусловили богатство и выразительную силу словарного состава общерусских летописных сводов. На их материале можно изучать судьбы общенародных и диалектных элементов, устаревающих и вновь появляющихся слов и значений, самобытных и заимствованных слов в лексической системе русского языка Московской Руси.

Московский летописный свод является важным источником по исторической лексикологии: он отражает глубокие изменения, происходящие в словарном составе русского литературного языка периода формирования великорусской народности. Так, в своде отмечаются словарные, фразеологические и семантические неологизмы, часть из которых возникла на московской территории. В частности, отмечается активный рост имен существительных со значением лица, образованных с помощью суффиксов *-ик*, *-ник*, *-чик* (*-щик*).⁶⁷

Образование и укрепление Московского государства, сопровождающееся усилением централизации, приводит к тому, что московская разновидность литературного языка — «московское просторечие», характеризующееся чертами и особенностями живой разговорной московской речи, утверждается как господствующая («единая», по В. В. Виноградову) форма русского литературного языка. «Политическое возвышение Москвы имело следствием проникновение московского наречия в городские центры всего государства, и каждый такой центр образует вокруг себя большую или меньшую периферию, где местный говор получает московскую окраску».⁶⁸ Вместе с усилением позиций «московского наречия» происходит расширение функций делового языка, проникновение его в письменно-книжный язык, укрепляются связи между этими функционально-жанровыми разновидностями общенародного языка. Памятники деловой письменности дают исключительной ценности материалы для характеристики состояния профессиональной лексики (в том числе военной) той или иной эпохи, они являются проводниками профессионализмов, двигающихся «в письменно-книжный язык из городского просторечия».⁶⁹ Для характеристики военного словоупотребления XVI—XVII вв. неоценимое значение имеют произведения публицистической литературы, получившей в это время широкое развитие. «Существенное место в публицистике XVI века, — пишет Д. С. Лиха-

⁶⁷ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка, стр. 54. В кн.: Начальный этап формирования национального языка. Л., 1961, стр. 48—62.

⁶⁸ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (читан в СПб. университете). Литограф. изд., ч. II, стр. 500.

⁶⁹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934, стр. 52.

чев, — занимает вопрос об организации вооруженных сил Русского государства. Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности и т. д. Образование централизованных государств на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы». ⁷⁰ Все это приводило к широкому отражению военного словаря, особенно его новых элементов, в языке публицистики.

* * *

В настоящей работе подвергаются анализу около 1500 слов, входящих в систему обозначения военных понятий. Не все анализируемые слова занимают одинаковое место в этой системе. Одни из них являются основными лексемами группы, составляя костяк военной лексики, другие, входя отдельными значениями в систему военной лексики, крепко связаны с общим, неспециальным словоупотреблением, третьи выступают лишь ситуативно в качестве заместителей терминов, принадлежа всей системой семантических значений к разряду неспециальной лексики.

Прослеживание на протяжении семивековой истории особенностей развития военной лексики показывает, как слова, бывшие военными терминами, детерминологизируются, становятся словами общего языка и, наоборот, как слова, лишь изредка употреблявшиеся в качестве контекстуальных заместителей термина, становятся подлинными терминами. Как те, так и другие процессы и явления представляют большой интерес для решения вопросов общелексикологических.

Исследование начинается с анализа одной из основных групп военной лексики — слов, обозначающих понятие о войске, воинских отрядах и связанных с ними наименованиях. Эта группа наименований начала складываться еще в эпоху общеславянского единства, и слова, входящие в нее, относятся к наиболее древнему пласту военной лексики древнерусского языка. Вместе с тем именно эта группа значительно пополняется уже в историческое время новыми словами и выражениями, что приводит к большим изменениям, происходящим в ее структуре.

⁷⁰ Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. В кн.: Сочинения И. Пересветова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 46.

**ТЕРМИНЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЮ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ,
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIV вв.**

В кругу терминов, обозначающих организацию боевых сил (или наименования воинских частей, отрядов), выделяется лексико-семантическая группа слов с очень интересными и весьма разнообразными взаимоотношениями как членов группы друг с другом, так и отдельных членов группы со словами, входящими в другие лексико-семантические объединения, а также взаимоотношениями всей группы в целом с другими группами. Сюда входят такие лексемы, как: 1) *полкъ, рать, дружина, вои, воиско, сила, люди, ратник*; 2) *сторожа—стража, засада, заступъ, застава* и др. Опорными словами, словами, обозначающими понятия, которые явились стержнем, объединившим вокруг себя другие, близкие по значению или находящиеся в известных семантических отношениях слова группы, были термины *рать* и *пѣлкъ*. Именно *рать* и *пѣлкъ* как наиболее общие наименования «войска», «вооруженных людей, составляющих воинскую силу», объединяют в семантическом отношении термины *дружина, сторожа, заступъ, засада* и другие как слова, обозначающие определенные части войска — полка, рати. В сложные отношения с ними вступают слова *сила, вои, ратные, ратники, люди*, которые то употребляются как синонимы терминов *пѣлкъ* и *рать*, то выступают в качестве видовых наименований к последним. Не будь обобщающих родовых терминов *пѣлкъ* и *рать*, другие термины группы распадались бы на единичные лексемы, между ними не намечалось бы семантических связей, характеризующих отношения слов в лексико-семантической группе.

1. НАИМЕНОВАНИЯ ВОЙСКА И ВОИНОВ

Пѣлкъ. Многие исследователи уже отмечали, что слово *полкъ* (*пѣлкъ*) принадлежит к старой, давно сложившейся номенклатуре обозначений войска.¹ Во всех славянских языках, с древ-

¹ А. Б у д л о в и ч. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической

нейших времен, термин *полкъ* употреблялся в военном значении (Ср. ст.-сл. *плѣкъ*, болг. *плѣк*, серб.-хорв. *рѣк* (*пѣк*), чеш. и словац. *pluk*, польск. *rótk*, укр. *полк*, белор. *полк*). *Пѣлъкъ* (*полкъ*) — общеславянский термин, отражающий организацию военных сил в период так называемой военной демократии. Это время перехода от первобытнообщинных отношений к классовому обществу, когда племена объединяются в народности, во главе которых стоит военачальник, делящий власть с народным собранием и советом старейшин.

Война в то время является постоянным промыслом и средством разрешения всякого рода проблем. Для военных походов или для обороны необходима была войсковая организация. Историки утверждают, что в этот период у всех народов войско было равно народу. Воином становился каждый боеспособный мужчина племени: «Каждый свободный пользуется безграничным правом вооружения; отсюда каждый вольный муж зовется „*Weg*“ или „*Wehr*“, его земельный участок — „*Werge*“, совокупность его прав — „*Gewehre*“ (Г. Мейнерт)».²

Как указывает акад. Б. Д. Греков, «VI век застаёт славян и антов в состоянии „военной демократии“. В этом же веке славяне и анты сделали большие успехи в военном деле, позволившие им победить Восточную Римскую империю, подобно тому как германцы за одно столетие до этого одолели Западную Римскую империю».³

Византийские историки и писатели (Прокопий, Менаандр, Маврикий), готский историк Иордан оставили свидетельства о наличии такой войсковой организации у славян. Так, Иордан изображает антов и славян как раз в период «военной демократии», когда они, как вооруженный народ, вошли через Дунай в пределы Византии. Это свидетельство относится к VI в., но у Иордана есть подробные указания, касающиеся и антов IV в.

Менаандр сообщает о том, что славяне уже в VI в. прекрасно осознавали свою военную силу. Вождь славян Добрит ответил аварам на их требование дани, что нет силы, которая могла бы заставить славян покориться кому бы то ни было.

палеонтологии слов, т. I. Киев, 1878, стр. 1—14; Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Докт. дисс. (рукопись). Л., 1947, стр. 481—482; С. Д. Л е д я е в а. К вопросу о некоторых названиях. . . , стр. 163—174; А. П. К о н у с о в. История слова «полк». Русский язык в школе, 1941, № 2, стр. 19—22; Р. И. С и д о р е н к о. Из истории терминов общеславянского происхождения. Збірник наукових праць, т. I. Мовознавство. Київ, 1958, стр. 131—133. См. также этимологические словари А. Г. Преображенского, М. Фасмера и др.

² Цит. по: Б. Д. Г р е к о в. Организация війскових сил східних слов'ян і київської держави. АН УРСР, інститут історії і археології України. Наук. зап., кн. II. Київ, 1946, стр. 3.

³ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 319.

О хороших качествах славян-воинов говорит Маврикий Стратег: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению; они храбры, преимущественно в своей земле, и выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. . . , находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени». ⁴ Славян и антов Маврикий рассматривает в ряду народов, так или иначе опасных для Византии.

Из всех этих источников мы узнаем, что у славян и антов вооружены все мужчины, что вооружение их примитивно, что войско у этих народов пешее, хотя есть определенные указания, свидетельствующие о знакомстве славян с морскими военными походами. Славянские языки также подтверждают это положение. Так, термины *войско*, *чѣлдь*, первоначально означавшие 'домочадцы', 'члены (людской состав) рода', затем получили значение 'вооруженный народ'. Ср. также: серб.-хорв. *nŭk* (*pŭk*) 'народ (в сборище)', 'простой народ', 'люди', 'толпа' (лат. *vulgus*) наряду со значением 'полк'.

В древности это значение было известно и старославянскому и чешскому языкам: «. . . и плку чешкому тобою свѣтлость прося» (Служба Кириллу и Мефодию по Люблинскому бревиарию; Тр. Славянской комиссии АН СССР, I; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности); «. . . изведу злая на полкъ сий» (Книга пророков Упыря Лихого, по И. И. Срезневскому).

На древнерусской почве, как свидетельствуют памятники письменности, термин *полкъ* был уже многозначным словом. Он употребляется прежде всего в значении 'войско', 'вооруженная сила'. С таким значением слово широко представлено в самых различных письменных памятниках Древней Руси: «Изидоша Деревланепротиву и съ (не) мѣшемъа обѣма полкома на скупь суну копьемъ Стѣславъ» (Л., 6453); «Иѣзъ ѡтцю твоему досыти послужилъ своимъ копиемъ и своими полкъ» (И., 6660, 450, 162 об.); «Князь Ярославъ с Новгородци сдумавъ, посла на Низовьскую Землю Святослава полковъ копить» (Н. I, С., 6777). См. также примеры на употребление термина *полкъ* в этом значении: И. 6628, 6660, 6693, 6737, 6760, 6764; Н. I, 6764, 6750; П. I, 6736; Задонщина, 39; Раз. Ряз, 11, и др.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что *полкъ* в таких употреблениях обозначает 'войско', 'вооруженная сила' вообще, безотносительно к его движению или участию в боевых действиях. Однако следует заметить, что такие употреб-

⁴ Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв. Перев. С. А. Жебелева. Исторический архив, 1936, № 2, стр. 35—36.

ления встречаются в летописном языке реже, чем употребления в значении 'войско, находящееся в состоянии боевой готовности, в походе, в бою и т. п.'.

Примеров на такие употребления термина *полкъ* в языке XI—XIV вв. множество, исчерпать их ни в какой работе нельзя. Да в этом, пожалуй, и нет необходимости, ибо исследователь встречается здесь с однотипным материалом и в смысле семантического значения слова, и в отношении лексического окружения и синтаксических конструкций, в которых выступает термин *полкъ*: «Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ нападающихъ ѡтъ ѡбою полку» (Л., 6605, 256); «Богъ ны поможе и полкы ихъ побѣди-хомъ и кнзѣ изымахомъ лѣпшии» (Л., 6604, 101); «Опять приде Все. . . къ Новугороду; Новгородци же поставиша пълъкъ противу ихъ, у Звѣринця» (Н. I, С., 6577); «Поиде противу Володимеру на бои полкы своими» (И., 6658, 400, 145 об.); «Видихомъ полкы многы стояче оу города» (И., 6668, 508, 181 об.); «И опять наиха, и бися крѣпко съ самымъ воеводою посреде полку ихъ» (Н. I, С., 6748); «токмо ѡдинъ оубитъ ѡтъ полка Василкова» (И., 6770, 856, 285 об.).

Преимущественное, но отнюдь не исключительное обозначение термином *полкъ* войска в предбоевом, походном или боевом положении проявляется в преимущественном (но опять-таки не в исключительном) употреблении термина в сочетаниях с глаголами со значением подготовки к военным действиям, походу, сражению или участия в битве и т. п.: *съступитися полкы, стати полкомъ, поити съ полкы, выити съ полкы, прислати полкъ, ставити (поставити) полкъ противу, сразитися полкома, изрядити полкы (противу), полкъ стоитъ, изыти на полки, снати ся полкома на брань* и т. п.: «Опять при все . . . къ Новугороду, Новгородци же поставиша пълъкъ противу ихъ Звѣринця» (Н. I, С., 6577, 103); «Иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрѣй полкъ свой на нь, и бишася с ними» (Н. I, С., 6677, 198); «И съступи ся пълкъ Новгородский съ Ярославскимъ пълкомъ» (Н. I, С., 6704, 203); «Кнзъ Мстиславъ и Володимеръ с Новгородци постависта свои полкы близъ Юрьева и ту стояста» (Л., 6724, 494, 221).

Особенно богато и разнообразно представлены такие сочетания в Ипатьевском списке Галицко-волынской летописи: «Съступивъшимъ ся полкомъ бысть сѣча крѣпка» (И., 6659, 438, 158); «И бывша съступлению обеима полкома» (И., 6661, 467, 167 об.); «И сшибошася со ѡлговымъ полкомъ» (И., 6703, 691, 238); «Изаславъ же въѣдъ на конь переиде Въздвижень и ту исполцивъ полкы свои» (И., 6658, 415, 150 об.); «И сразивше-маса полкома побѣжени бывше погании» (И., 6634, 290); «И тако бѣгахуться на крилѣхъ полкомъ ѡтъ ѡбоихъ, а самѣмъ полкомъ вѣлзѣ бы съѣхатися» (И., 6659, 435, 157 об.); «Изрядивъ полкы» (И., 6684, 601, 211 об.); «Начаша выступати полци» (И., 6693,

641, 224); «изити на полкы» (И., 6745, 781, 264); «выѣха противу с полкы» (И., 6734, 749, 254).

Примеры на подобные употребления можно было бы легко умножить.

Близко к этому значению, но не тождественно ему значение 'войнство', 'силы, противостоящие кому-либо'. Обычно это употребление игнорируется, не берется во внимание исследователями. Лишь в «Материалах для древнерусского словаря» И. И. Срезневского⁵ оно выделено особым значением. Для этого есть все основания. В примерах: «Безоумныа пълкы бѣсовскыа побѣди» (Мин. Пут. XI в., 132); «Въчѣтиса въ Бѣгии пълкъ» (там же, 110); «Множьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не оубога а» (Нест. Жит. Феод., 11); «По срѣдъ ихъ быти пресвѣтлоу пълкоу (херувимскому)» (Никон. Панд., сл. 32) и других речь идет не о войске в обычном понимании, не о военном сражении, а о противоборствующих силах добра и зла, света и тьмы (в религиозно-догматическом толковании этих понятий). Слово *полкъ*, сохраняя свои семантические связи с «военными» употреблениями, наполняется новым содержанием, начиная обозначать 'множество, большое количество чего-либо'. Ср.: «Видиши ли народа силу людий полкъ стояща» (И., 6658, 297, 144 об.).

Все указанные выше употребления слова *полкъ* в этом значении взяты из церковной и житийной литературы. Несмотря на это, можно предполагать, что значение не было чуждо русскому литературному языку; оно тесно связано с первым значением термина — 'войско, вооруженная сила вообще и прежде всего участвующая в сражении или готовая к сражению'.

Второе значение термина *полкъ*, широко употребительное в XI—XIII вв., несколько сужает сферу употребления в более поздние века, но все же отмечается в текстах религиозно-догматического характера вплоть до XVI в. включительно. Так, в Послании Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю (около 1578 г) читаем: «Божественаго полка наставнику и вожу и руководителю къ пренебесному селенію», где переносно-образные оттенки значения легко вскрываются.

Начало русской письменности уже дает примеры на употребление термина *полкъ* в значении 'часть войска, подразделение его': «...и скопишася о нем Пруси и Людинъ коньць... и стаща около его пълкомъ и урядивше на 5 пълковъ» (Н. I, С., 6728); «Боянкъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь» (Л., 6605); «Ратьнии на .Г. полкы стояще» (И., 6682, 576, 204). Это значение является результатом развития основного (первого) значения: именно то обстоятельство, что *полкъ* в первом значении называет боевую организацию войска, дало возможность

⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III, СПб., 1893—1903. Далее: «Материалы» И. И. Срезневского.

появления значения 'отдельная боевая единица, часть войска, имеющая и свое командование и свои определенные задачи в бою'. Эта часть войска могла быть различной и по составу, и по численности, и по назначению, и по характеру вооружения, и т. п. Ср. в этом отношении такие употребления, как *желѣзный полкъ*, *передний полкъ*, *сторожевой полкъ*, *большой полкъ*, *великий полкъ* и т. д., отмечаемые в летописях только с конца XII столетия; следовательно, до этого времени нельзя еще говорить о более или менее отчетливом выделении понятия об отдельной части войска: «Мы поѣдемъ въ свои Кіевъ а въ силнии полкъ в Кіевъскій» (И., 6658, 414, 140); «Мъстиславъ спшибеса с полкы ихъ и потопташа середний полкъ» (И., 6682, 576, 204); «И пойдоста имъ большіѣ полкы на помочь а сама пойдоста за ними» (И., 6691, 632, 221 об.); «Ико же оузрѣша Половцы помочныѣ полкы и мнѣша тоу Святослава» (И., 6691, 632, 221 об.); «Даниль же видивъ близъ брань Ростиславлю и Филю в заднемъ полкоу стояща» (И., 6757, 803, 270).

В древнерусский период нет оснований говорить о более или менее строгой специализации слова *полкъ* в значении 'отдельная боевая единица, определенная часть войска'. Но в нем уже были заложены условия для развития позже, в XVII в., терминологического значения 'строго определенная боевая единица войска'. Другое дело терминологические сочетания, обозначающие различные виды полков в зависимости от выполняемых ими функций: *полкъ большой*, *полкъ великий*, *полкъ желѣзный*, *полкъ левой руки*, *полкъ правой руки*, *передний полкъ*, *ратный полкъ*, *сторожевой полкъ*. Их становление и укрепление позиций в деловом военном языке относится к концу XII—началу XIII в.⁶ Так, сочетание *большой полкъ* терминологически употребляется в Девгениевом деянии (150) и в Повести о разорении Рязани (11). Но об этом удобнее будет сказать в другом месте, в связи с анализом процессов, приведших к моносемантизации слова *полкъ*, к его подлинно терминологическому функционированию в военном словоупотреблении. И в переводной и в оригинальной письменности отражены употребления термина, в которых реализуется особое значение — 'лагерь', 'стан (не только военный, но и всякий другой)'. Ср.: «Раздѣли ... нута и овца въ · в · полка» (Быт. XXXII, 7, по сп. XIV в.) и «Андрѣеви же гнавшю ратныѣ малы не до полковъ ихъ» (Л., 6659, 333). Естественно, что это значение сохраняет тесные и легко ощутимые связи с первичным значением слова. Реже, но все же достаточно широко употреблялось слово *полкъ* в значении 'боевой поход', а также 'сражение', 'битва'. Нельзя согласиться с утверждением С. Д. Ледяевой о том, что

⁶ Учитывая, однако, что памятники, в которых зафиксированы эти сочетания, дошли до нас в поздних списках, можно предполагать, что составные термины типа *полкъ левой руки* и т. п. появились в более позднее время.

полкъ в этом значении употреблялся в летописном языке XI—XIII вв. очень редко.⁷

В Лаврентьевском, Ипатьевском, Новгородском 1-м и других летописных сводах употребления термина *полкъ* в значении 'поход', 'сражение', 'битва' отнюдь не единичны: «Дивно ли ѿже мужь оумерлъ в полку?» (Л., 6604, 254, 84); «Бѣша бо мнози погуби на полку» (Л., 6479, 71, 22); «Гдѣ налѣзохомъ с полку пришедше» (Л., 6604, 248, 81 об.); «И не смѣша [дати] пълку; а князь съ Новгородци посылаху к нимъ, просяще пълку» (Н. I, С., 6688, 157); «Браты наша и сынови наши на полку изомани. а друзии избѣны» (И., 6656, 383); «Дати полкъ (И. 6657); «Идоша Новгородци на Дмитриа к Переяславу; Дмитрій же изиде противу пълкомъ со всею силою своею» (Н. I, С., 6791, 299). См. также: Л., 6684, 378, 128; Л., 6731, 447, 153 об.; И., 6656, 391, 142 и 142 об.; И., 6679, 546, 195; И., 6685, 604, 213 об., и др.

Это же значение реализуется и в религиозных контекстах летописного текста: «Ико же нѣкогда Мойси великий ѿнъ свои рупцѣ прострѣ помогаша Израилю в полцѣ» (Л., 6739, 458, 159). Одной из особенностей, помогающих выделять именно это значение в термине, является параллелизм сочетаний типа *изити полкомъ*, *дати полку* (*полкъ*) и т. п. с сочетаниями этих глаголов со словами *бой*, *сражение*, *война*: *изити на бой* (*на сражение*, *на войну*), *дати бой* (*сражение*) и т. п. Набор этих сочетаний невелик, он, пожалуй, исчерпывается приведенными образцами.

При большей детализации этих употреблений слова *полкъ* общее значение его можно разбить на два близких, но различающихся между собой значения, как это сделано в «Материалах» И. И. Срезневского: а) 'битва', 'сражение' и б) 'война', 'поход'. Несмотря на некоторую трудность разграничения, провести его целесообразно и необходимо. Только что отмеченная особенность сочетаний термина с глаголами *изити*, *дати* характерна для реализации значения 'битва', 'сражение'. В других случаях неизбежно присутствие большей доли субъективизма при отнесении конкретных употреблений к тому или иному значению. Однако противопоставленность этих двух значений, направленных на выражение глагольного признака (действия, процесса), другим значениям термина очевидна и легко выявляется. Естественным является перенос наименования *пълкъ* с обозначения войска, совокупности вооруженных людей на место, которое им занято (во время стоянки). Так развивается значение 'стан', 'лагерь'. В оригинальной письменности употребление термина с этим значением фиксируется со второй половины XIV в.: «Андрѣви же гнавшю ратныѣ малы не до полковъ ихъ» (Л.,

⁷ См.: С. Д. Ледяева. К вопросу о некоторых названиях соединений в древнерусском языке. (По материалам летописей XI—XIII вв.). Вестн. МГУ, Сер. ист.-филол., 1959, № 4, стр. 166, 167.

6659, 333); «Нѣмцы же изъ городовъ высушунася, а инѣи изъ Медвѣжьи Головы на сторожеи, и бишася съ ними до полку» (П. I, 6742). Дальнейшее укрепление позиций слова в этом значении происходит в языке Московской Руси. Развитие этого значения в русском профессиональном (военном) языке проходило под воздействием словоупотребления, сложившегося в церковно-славянском типе языка.

Все значения и употребления термина *полкъ* в древнерусскую и позднейшие эпохи в профессиональной речи военных были теснейшим образом переплетены с употреблениями слова за пределами военной сферы, в общем, бытовом языке, в том числе в его народно-разговорном ответвлении.

Выше были приведены примеры на употребление слова *полкъ* в значении 'толпа', 'сборище людей' в переводной письменности. В русском фольклоре имеется такое употребление, как «В нашем полку прибыло, прибыло» (Нар. песня «А мы просо сеяли. . .»), указывающее на то же значение. В. И. Даль в своем Словаре в качестве диалектных приводит значения: южн. 'обоз', 'становище', 'табор', 'стойбище', 'стоянка' (т. е. какое-то собрание, группа людей, толпа), а также *Княжий полкъ* 'поезжане жениха'. Последнее значение отмечалось и в Пермской губернии: «Отец родимый, мать родимая, милые братья, милые сестрицы, гости званые и незваные! Благословите нашего князя, молодого ясна сокола со всем с полком — с поездом и проч. — к княгине молодежи ехать» (Перм. сб., II, 2, стр. 92). В диалектах отмечается переносное значение — 'пол' (мужской или женский): «А я вижу-то по пелькам, что ты женский полк» (Онеж. был. Гильфердинга, II, 226); «Как завидела она, видит что мужской ведь полк, — Она села за кут, сама притулилась» (Марков, Беломор. был., стр. 124). Это же значение отмечается в Шенкурском уезде Архангельской губ. (Второе Доп. к Опыту обл. сл., 1905—1921) и в Нижнеудинском уезде Иркутской губ. (Г. Виноградов, 422), в Мосальском уезде Калужской губ. (Шахматов), в Петербургской губ. (В. В. Де-Лиль-Адам).

Интересны в смысле возможностей семантического развития лексемы *полкъ* случаи употребления слова в народных говорах, фольклоре и даже в художественной литературе в значении 'множество', 'очень большое количество кого-, чего-либо': «Был [я] первый гуляка, за мной народ полком ходил» (Бонч-Бруевич, Материалы раск. и сект., IV, 350); «Белу капусту порубил, Пирог да шаньги полками брал» (Шенк. Арх., Якушкин, 193); «Придешь — это в лес-от, дак ступить некуда — полк-полком — рыжика» (Нолинский уезд Вятской губ., Андрей Попов). Ср. у А. И. Гончарова: «Здесь толпился целый полк рабочих» (Фрегат «Паллада», т. I, гл. 7).

Конечно, вероятнее всего, что у Гончарова имеет место образное употребление именно в военном значении термина, но оно

лежит в русле семантических процессов, затронувших это слово, и по существу ничем не отличается от употребления его в народных говорах.

Сложным представляется вопрос о том, какое значение слова *плѣкъ* (старое древнерусское — 'войско', 'вооруженные силы', — значение, в котором сохранились еще легко ощутимые связи с первичным — 'племя', 'народ', 'толпа' или более позднее — 'определенная войсковая единица') легло в основу семантических переосмыслений термина в диалектах и в языке народной поэзии. Вполне вероятно, что именно последнее значение, призванное обозначать отдельную часть, выделяемую из совокупности других частей целого (всего войска) и таким образом противопоставляемую другим частям, явилось родоначальником диалектного значения слова *полкъ* — 'пол' (мужской или женский). Что касается других переосмыслений, то они стоят ближе к древнейшему значению термина. Это находит соответствие как в других славянских языках: ст.-серб. 'войско', 'лагерь', 'народ' (Даничич),⁸ в сербском *пѣк* — 'народ', 'толпа', в старославянском — 'народ', 'отряд войска', 'стан', 'лагерь' (Востоков),⁹ так и в древнерусском, хотя в последнем случае материалы не бесспорны. В «Материалах» И. И. Срезневского под знаком вопроса выделено значение 'собрание': «Съвѣкупившеса вса братыа Киевѣ, Рюрикъ и Давидъ, полкъ весь» (И., 6678, 540). Но известна попытка видеть в этом употреблении слова *плѣкъ* старое, первичное значение, общее для всех славянских и ряда индоевропейских языков, — 'племя', 'род'.¹⁰ Как ни заманчиво такое толкование, от него все-таки следует отказаться, ибо один случай такого употребления, падающий на довольно позднее время — последняя треть XII в., — не дает оснований для таких смелых предположений. По-видимому, это значение было забыто уже до появления письменности на Руси; иначе древнейшие памятники донесли бы его до нас. Письменность у восточных славян получила распространение в эпоху, когда «военный коммунизм» ушел в прошлое, в эпоху развитого древнерусского феодального государства, когда народ и его вооруженные силы уже не отождествлялись, когда эти понятия довольно отчетливо дифференцировались, что, естественно, находило отображение в языке. На русской почве начиная с XI в. у слова *плѣкъ* значение 'народ', 'племя', 'род' не развивалось. Семантическая эволюция термина пошла по двум линиям: а) развитие и дифференциация значений, связанных с военными понятиями, и б) развитие значений «бытовых»,

⁸ Д а н и ч и ч. Рјечник из книжевних старина српских. Биоград, 1863—1864.

⁹ А. Х. В о с т о к о в. Словарь церковнославянского языка. СПб., 1847.

¹⁰ А. П. К о н у с о в. История слова «полк». Русский язык в школе, 1941, № 2, стр. 19—22.

объединяемых общей идеей множества, совокупности многих предметов. Можно говорить о двух «пучках» значений слова *плѣкъ*, выводимых из его употреблений в письменных памятниках Древней Руси: I — 'войско'; 'отдельный отряд', 'подразделение войска'; 'воинство', 'силы'; 'война', 'военный поход'; 'битва', 'сражение'; 'лагерь', 'стан', 'стоянка'; II — 'народ'; 'часть', 'группа'; 'собрание', 'совокупность чего-либо'. Все военные значения хорошо документированы древнерусскими памятниками самого различного жанра и содержания. Что касается значений «бытовых», то они документируются лишь единичными примерами употребления в памятниках древнейшей поры. Значения 'народ' и 'часть', 'группа (народа)' подтверждаются только переводными источниками религиозно-клерикального характера: «Изведѣ злая на полкъ сѣи» (Иер., VI, 19, Упыр.), где *полкъ* соответствует *λαβὴ* греческого оригинала. «Разлоучи я на .S. полкъ» (Жит. Андр., 43. Мин. чет., февр., 244). Третье «бытовое» значение — 'собрание', 'совокупность кого-, чего-либо' (обычно — большое количество) — подтверждается материалами, но из памятников относительно поздних. Так, если не считать приводимый выше случай из Ипатьевской летописи под 6678 г.: «сѣвъкупившеса вса братыя . . . Давидъ, полкъ весь», который может быть истолкован и по-другому (например, полк Давида = войско Давида), наиболее раннее свидетельство наличия в слове *плѣкъ* значения 'множество', 'большое количество кого-, чего-либо' фиксируется памятником позднего происхождения — Никоновской летописью, в языке которой отразились стилистические тенденции XVI в.: «А се митрополичии бояре: Феодоръ Шолоховъ, Иван Ортемьевъ Коробинъ. . . , и бысть ихъ полкъ великъ зѣло» (Ник., 6886, IV, 74). Видимо, именно к XVI в. относится усиление активности употребления в русском языке слова *плѣкъ* в этом значении, причем отмечается активизация как в различных жанрах письменности, так и в языке народной поэзии (см. об этом ниже, стр. 148). Процесс формирования новых значений у слова *плѣкъ*, как «военных», так и «бытовых», не был прямолинейным и единонаправленным. В этом сказывалось влияние разнообразных факторов внутрилингвистических и социолингвистических (проявление общих закономерностей семантического развития, воздействие на русскую речь словоупотребления, характерного для старославянского типа языка, усовершенствование форм организации вооруженных сил и т. п.). В сознании говорящих слово всегда предстает в неразрывном единстве его семантических реализаций, воздействующих одно на другое и проявляющихся по-разному в различных условиях (временных, социальных и внутриязыковых). Все это требует осторожности при воссоздании картины семантической эволюции слова. Между тем такая осторожность не всегда проявляется. Это заметно в упомянутой выше статье А. П. Конусова «История слова „полк“».

в которой вся совокупность значений термина и в языке древнерусской письменности и в народно-поэтическом языке ставится в непосредственную связь и зависимость от первичного значения: 'род', 'племя' (собственно говоря, только 'род', ибо 'племя' считается вторичным). Несмотря на то что в статье приведены все значения и особенности употребления слова *полк*, отмечаемые в нем на протяжении десяти веков, подлинная история слова оказалась нераскрытой, а ее контуры огрубленными.

Если сопоставить эти данные с данными из других индоевропейских языков: др.-сев.-герм. *folk* — 'толпа', 'племя', 'народ', англосаксон. *folk* — 'толпа', 'народ', 'войско', др.-в.-нем. *folc*, *folch* — 'толпа', 'войско', то станет ясным, что первоначальным, исходным значением слова *полкъ* было 'племя', 'народ' (собирательное значение: «множество, совокупность большого количества людей»), затем — 'народ, поднявшийся на войну'.

Вот почему следует считать, что в этом случае нет никаких оснований признавать слово *полкъ* в славянских языках заимствованием из германских языков. Это типичный случай родства слов славянских и германских языков.¹¹ Ср. в этом отношении слово *полкъ* в значении 'народ': «Изведу злам на полкъ сій» (Иер., VI, 19, Упыр.).

Очевидно, обобщенное значение слова *полкъ* — 'войско' сформировалось в эпоху военной демократии, когда военная служба была обязанностью и долгом всех, кто был способен носить оружие. Развитие семантики в слове происходило по схеме: 'людской состав дома (рода)' → 'народ' → 'вооруженный народ' → 'вооруженная часть народа'. Последнее значение, известное в древнерусском языке с начала письменности, несмотря на большой отход от первичного, все же сохраняет ощутимые связи с ним. Естественно, что, как отмечалось выше, развитие «военных» значений поддерживалось теми семантическими возможностями, которые были заложены в слове и реализовались в общем, неспециальном употреблении, и наоборот.

Отражением этих связей и зависимостей являются словообразовательные дериваты от *полкъ*. Ср. *полчище* в значении 'войско' (= *полкъ*), встретившееся один раз в Новгородской 1-й летописи: «. . . і тако възспятисѧ отъ города, і узрешѧ іныи полчище свинью великую, которая бяша вразиласѧ въ возники Новгородокыѧ» (Н. I, С., 677б).

Единственный бесспорный пример на употребление этого слова не дает достаточных оснований судить со всей полнотой и определенностью о его семантическом значении. Безусловно, что слово обозначало 'вооруженный отряд', 'полк', о чем свидетельст-

¹¹ См. об этом: Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1947, стр. 482; П. Я. Ч е р н ы х. Очерк русской исторической лексикологии. (Древнерусский период). М., 1956, стр. 127, 143.

вует уже то, что в Списке Археографической комиссии 1-й Новгородской летописи вместо *полчищъ* стоит *полкъ*. Но исследователь вправе предположить, что *полчищъ* не равно *полку*, а обозначает 'сильную рать', 'очень большое количество воинов', т. е. вправе предположить, что суффикс *-ищъ* вносит значение увеличительности вместе с пренебрежительно-презрительной экспрессией. Ср., например, в Словаре В. И. Даля *пблчище* определяется: 'рать', 'войско', 'ополчение', 'полк', 'толпа', 'ватага'; *полчища* — 'большой полк'; *пблчища* (мн.) — 'сильная рать', 'войско'. А в современном литературном языке слово *полчище* бытует в двух значениях: 1) огромное войско; 2) перен. несметное множество кого-, чего-либо.¹²

Ср. употребление сущ. *полчище* в таких памятниках, как «Стихирарь» XII в. (л. 62 об.): «Дѣмоньская раздроушилъ ѹси пльчища ангельскыя състигль ѹси чины» и в Архангельских былинах: «Ись того же ись полчища да ись проклятого, Ись того ись полка изъ великого. . .» (Григорьев. Былины, III, 78), в которых оттенок увеличительности прозрачен.

Обычным значением слова *полчище* в древнерусском языке XI—XIII вв. было 'место битвы, сражения', хотя случаи употребления слова и в этом значении весьма немногочисленны, единичны: «Погнаша по нихъ Володимерича дружина лучшаа и биша и же нучи много и воротишася на полчище и не обрѣтоша княжеѣ вои» (Л., 6644). Это единственный пример из Лаврентьевской летописи. Несколько чаще употребляется *полчище* в Ипатьевском списке Галицко-волинской летописи, что, в общем, должно быть объяснено прежде всего причинами не языкового характера, а особенностями событий, отраженных в памятнике. «Сѣстася Изаславъ с маломъ дружины на полчищи» (И., 6661, 467, 168); «А Изаславъ ту и ста на полчищи на ночь» (И., 6661, 467, 167, об.); «И тако поѣха Изаславъ с Романомъ до Чернигова възъа брата Володимира на полчищи» (И., 6659, 439, 158 об.).

Как видно из приведенных употреблений слова *полчище*, оно обозначает не только 'место, где была битва' (как определено в «Материалах» И. И. Срезневского), но и 'место битвы' вообще (бывшей, происходящей теперь или будущей).

В переводных памятниках *полчище* употреблялось и в других значениях: 1) 'Стан', 'стоянка', 'военный лагерь': «Несоша вонъ полчища» (Лев., X, 5, по сп. XIV в.). В «Материалах» И. И. Срезневского приведены еще случаи употребления слова в этом значении (Иис. Нав. IX в., по сп. XIV в. — Буслаев, 119 и Ис., XXI, 8, Упыр.), 2) Переносно-образное значение — 'место подвигов (невоенных)': «Полчище и подроумье бысть пещера (πάλη καὶ στάδιον). (Пчел. И. Публ. б., л. 120).

¹² Словарь современного русского литературного языка, т. 10. М.—Л., 1960.

Два слова этого словообразовательного гнезда — *испѣ(о)лчєнїе* и *опѣ(о)лчєнїе* — занимали особое место в системе средств выражения военных понятий. По своему морфологическому составу это церковнославянизмы, ограниченные в употреблении рамками переводной церковно-религиозной литературы. Ср.: «Вражїа испѣлчєнїю глѣвѣ посѣкающа» (Мин., 1096, окт., 49); «Дѣмоньскаго опѣлчєнїа славьно побѣжѣ» (Мин., 1097, 148) и т. д. Что касается дальнейшей судьбы этих слов, то надо сказать, что первое (*испѣлчєнїе*) так и не перешагнуло рамок, ограничивающих его функционирование, не получило прав гражданства в лексической системе древнерусского языка, *опѣлчєнїе* же в более позднюю эпоху (XV—XVII вв.) завоевывает права термина русского языка.

Рать. Как и *полкѣ*, *рать* в древнерусском языке обозначало 'войско', 'вооруженную силу', и, так же как *полкѣ*, слово *рать* принадлежит к древнейшему слою лексики древнерусского языка, служившей для выражения военных понятий. Как уже отмечал Ф. П. Филин, по своей семантической структуре термин *рать* относится к такому периоду жизни славянских народов, «когда понятия „войско“, „война“ и „бой“, „сражение“ представляли собой единое целое».¹³

Письменные памятники древнерусского языка свидетельствуют о широкой полисемии термина в языке XI—XIV вв. Однако дифференциация отдельных значений проявляется отчетливо и определено. «И раздѣлишася надвое ѿдина стаща оу града рать борюще, а другиѣ придоша Кыеву и пустиша на воропѣ межи Кыевъ и Вышегородъ» (Л., 6601); «Слышавѣ же Галичане. с Романовичема. аже идеть рать на нѣ силна» (Л., 6714); «В се же лѣто поча рать копити Всеславъ» (Н. I, С., 6573); «Кондратъ же вопроси ратныхъ. кто есть воевода в сеи рати» (И., 6795, 910, 301); «[Ягайло] рать Нѣмечкую побѣдивъ, и миръ взяша» (Н. I, С., 6918) и др. Следует заметить, что в XI—XII вв. во всех памятниках древнерусского языка термин *рать* в этом значении употребляется сравнительно редко, в XIII же веке в таких памятниках, как Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская 1-я, Псковская 1-я и другие летописи, а также в других произведениях древнерусской письменности для выражения значения 'войско' *рать* употребляется так же широко, как и *полкѣ*.

Нельзя согласиться с С. Д. Ледяевой, утверждающей, что на русском Севере в XI—XII вв. для выражения общего понятия о войске употреблялось преимущественно слово *полкѣ*.¹⁴ Уже простое сравнение количества употреблений этих двух терминов свидетельствует против такого заключения. В Синодальном списке

¹³ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . . , 1947, стр. 479 и след.

¹⁴ С. Д. Л е д я е в а. К вопросу о некоторых названиях. . . , стр. 166—167.

1-й Новгородской летописи находим не шесть случаев употребления слова *рать* в значении 'войско вообще' (как утверждает С. Д. Ледяева), а значительно больше: до далеко не полным подсчетам — более 20, и это против 31 случая употребления термина *полкъ* в этом же значении. Самое же важное это то, что такое употребление становится все более регулярным по мере удаления памятников от начала письменности и приближения их к XIII в. Это следует считать самым важным моментом при решении вопроса об употребительности того или иного слова. Между прочим такое положение было не только в Новгородской и Псковской письменностях, но и в письменных памятниках других областей Древней Руси. Так, в Ипатьевском списке Галицко-волинской летописи число употреблений термина *рать* 'войско' в XII в. в 3—4 раза меньше, чем в XIII в. Примерно такое же соотношение употреблений *рать* к употреблению термина *полкъ* — одного из самых широкоупотребительных военных терминов — в Лаврентьевской летописи. Очевидно, это было общерусским, а не только севернорусским явлением.

Сравнительный анализ употреблений терминов *рать* и *полкъ* в значении 'войско, вооруженная сила' не дает возможности полностью согласиться с соображениями Ф. П. Филина относительно различий в значениях этих слов. Ф. П. Филин пишет, что «если *рать* обозначало „войско“, „война“, как понятия общие (в связи с чем было возможно образование производных слов также с общим значением — ратный, ратень, затем ратьникъ и др.), то термин *полкъ* имел более ограниченную семантику: *полкъ* не „войско вообще“, а обязательно „войско на поле сражения или во время боевых походов“ (поэтому от *пѣлкъ* невозможны были производные типа ратный), войско, которое не мыслилось в боевой обстановке».¹⁵ Это утверждение нуждается в уточнении даже относительно «Повести временных лет», ибо как иначе понять значение термина *рать*, как не 'войско в походе, в сражении', в таком контексте: «И разделишася надвое ѡдина стаща оу града рать борюще» (Л., 6601). Сочетания *подвести (втаи) рать* на кого-либо, *послатъ рать* на кого-либо, *рать ѡступиша градъ*, *рать идетъ* на кого-либо, *воздвигнути рать* на кого-либо и т. п. ничем не отличаются от сочетаний, в которых вместо *рать* выступает *полкъ*: «Рюрикъ же то слышавъ ѡже идетъ на нь рать бесщисленая ѡтвсюду . . .» (Л., 6715); «Князь великий Дмитрей Ивановичъ посла рать на Рязань . . . и воєводу с ними посла» (Л., 6789); «[Епископъ] отѣѣха проче во тѣ годѣ, егда рать оступи градъ» (Н. I, С., 6746); «Аже рать идетъ из Галича а друга ѡтѣ Чернигова. то ты мнѣ Киевъ даешь» (И., 6658, 399, 145); «Повѣда има ѡже

¹⁵ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 481.

рать пригнала к Переяславлю и стрѣлалися с ними» (И., 6662, 169 об.); «Володимирь нарадиста свою рать» (И., 6790, 889, 295).

Сочетания *нарадити рать*, *отрадити рать* — обычны в русском языке XI—XIV вв. (Ср.: *нарядити* (отрядити) полкъ, дружину). «Володимеръ же штрадивъ рать и поѣха до Берестыа» (И., 6788, 884, 293 об.). *Сбирати рать*: «штроудоу же собравша рать посласта на нь Андрѣа» (И., 6735, 751, 255). *Рать копити*: «В се же лѣто поча рать копити Всеславъ» (Н. I, С., 6574, 94). Они обычно встречаются в различных по жанру памятниках (детописи, воинские повести) и прослеживаются в памятниках большого хронологического диапазона, что несомненно говорит об устойчивости языкового явления. Кроме того, как было показано выше, и термин *полкъ* в ряде случаев обозначает 'войско' безотносительно к тому, действует оно или нет; правда, такие случаи менее распространены, чем те, в которых *полкъ* называет действующее войско, но ведь и *рать* обычно обозначает действующее или готовящееся действовать войско. Таким образом, в этом значении оба термина синонимичны. Различия между ними лежали не в семантической, а в другой плоскости, а именно в различной активности слов в древнерусском языке и в различной активности их отдельных значений, о чем речь будет идти несколько ниже.

Кстати, от *полкъ* (как и от *рать*) в древнерусском языке было прилагательное с обобщенным военным значением: «Гдѣ боаре доумающеи гдѣ моужи храборствоующеи гдѣ радѣ полчъныйи» (И., 6693, 643, 224 об.). Ср. также в конце XV в.: «И вси мужи полчъныйи стаща и воздвигоша въ вифель» (Суд., XX, 17—18, Библ. Генн., 1499).

Правда, это образование не получило в древнерусском языке такого же широкого употребления, как *ратъныйи*. Но, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что прил. *ратъныйи* по своему значению менее обобщенно, чем *полчъныйи*.¹⁶ *Ратъныйи* в древнерусском языке имеет обычно значение 'участвующий в битве', а не просто 'относящийся к военной среде, к войне'. Ведь и сами *рать* и *полкъ* (как войско) создавались тогда, когда была нужда в них, это не были постоянные военные организации.

В особых употреблениях реализуется частное значение термина *рать* — 'вражеское войско, неприятель': «В то же лѣто бысть боура велика акаже не была николи же школо Котелничѣ и розноси хоромы и товаръ и клѣти и жито из гоуменъ и спросто рещи яко рать взала» (И., 6651, 314); «Не дада въ свою землю внити рати и срѣте и изояма зажитники королевѣ» (И., 6660, 448, 161 об.); «Не входиша башеть. никаже рать. толь глоу-

¹⁶ Надо при этом учитывать также и то, что прил. *полчъныйи* могло быть элементом церковнославянского языка. Однако это утверждение не может быть категоричным.

боко. в землю его» (И., 6799, 936, 307); «В земли вашей рать ходить» (Н. I, С., 6713, 188); «Не могу ждати. еда будетъ рать дома» (Л., 6605). См. также: И., 6682, 575, 204; И., 6788, 885, 293 об.; И., 6787, 880, 292 об. и др.

Как уже отмечал Ф. П. Филин, слово *рать* в древнерусском языке употреблялось преимущественно в значении 'война, битва, поход (боевой) и т. п.':¹⁷ «Гречьскую землю избавить отъ люты рати» (Л., 6496); «Володимеръ любѧ дружину. и с ними думаѧ о строи земленѣи и о ратехъ» (Л., 6504); «В се же лѣто Всеславъ рать почаль» (Л., 6572); «Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати» (Н. I, С., 6524); «И не бѣше мира межи ими, нѣ рать большю въздвигнуша» (Н. I, С., 6703); «Погубиша иныя же страны ратми наипаче лестью погоубиша» (И., 6732, 745, 253).

Обычны сочетания, в которых употребляется слово *рать* в этом значении, — *имети рать* с кем-либо, *ити (поити)* на кого-либо *ратью*, *приходить ратью*, *рать ходить* (в земли), *поити на рать*, *взати рать*, *зачати рать*, *держати рать* и др.: «И бѣ обладаѧ Сѣлгъ Полавы и Радимичи. а с Уличи и Тѣверци имаше рать» (Л., 6393); «[Андрѣи] хотѣ ити на Переяславль ратью» (Л., 6805); «И побѣдиша и на Черехи; бѣжа къ Къеву, и по взятѣи города преста рать» (Н. I, С., 6497); «Том же лѣтѣ иза рать Святославъ Всеволодичъ съ Сѣлгомъ» (И., 6675, 525, 187 об.). См. также: И., 6683, 595, 210; И., 6734, 748, 284; И., 6658, 407, 148 и др. Набор этих сочетаний велик и разнообразен в отличие от ограниченного числа сочетаний такого типа с термином *полкъ*. В этом значении *рать* противопоставляется *миру*: «Брате миръ стоить до рати а рать до мира» (И., 6659, 444, 160 об.); «Бывшю межю ими ѿвогда миру Сѣвогда рати» (И., 6743, 777, 262). Здесь-то как раз и намечаются различия в функционировании слов *рать* и *полкъ*. Если *полкъ* в значении 'война', 'битва', 'поход' употребляется реже, чем в других значениях (некоторые исследователи указывали даже на очень редкое употребление), то сущ. *рать* наиболее широко и активно употреблялось именно в этом значении. Это, по-видимому, находится в прямой зависимости от внутренней формы термина, от его этимологического значения. Как свидетельствуют этимологические разыскания, слово *рать* связывается со значениями 'нападение', 'спор' (санскр. *rtiṣ*, *ṛtiṣ*), 'борьба' (зендск. *gāṇas*), 'столкновение' (зендск. *samarás*) и т. д., т. е. в основе значения слова лежит глагольный признак.¹⁸ Можно предположить, что значение 'войско' — вторичное, развившееся уже на восточнославянской почве.

Обычно летопись безразлично относится к наименованию военных действий независимо от того, между кем они ведутся (и война

¹⁷ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 480.

¹⁸ М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958. Далее при цитатах: Фасмер с указанием тома и страницы.

русских князей против их соседей, и войны-стычки междоусобного характера называются *ратью*). В этом сказывается влияние общего семантического значения слова *рать* — обобщенное обозначение военных действий, вооруженной борьбы. Но нередко летопись выделяет междоусобную борьбу, употребляя для обозначения последней терминологическое словосочетание — *усобная рать*: «Оусобная же рать бываетъ ѿтъ сваженія дѣволя» (Н. I, С, 6746); «Избавяща ѿтъ оусобныа рати» (Л., 6523); «И да блюдетъ ГдѢ ѿтъ всакоа рати... и ѿтъ оусобныа рати» (И., 6797, 924, 304 об.).

Интересно, что сочетание *усобная рать* употребляется в летописном языке в контекстах, придающих сочетанию определенную эмоционально-экспрессивную окраску (неодобрение, сожаление и т. п.). Заметим, что термин *полкъ* в значении 'битва', 'война' не образует сочетания типа *усобныи полкъ*.

Свойство термина *рать* обозначать обобщенное наименование всякой вооруженной схватки, битвы позволяет употреблять его и в случаях, когда речь как будто бы идет не о войне. Так, в Новгородской 1-й летописи рассказывается, как князь Борис обращается к новгородскому вече: «выдайте ми Онанью посадника; или не выдадите, язъ вамъ не князь, іду на городъ ратью» (Н. I, С., 6763).

Можно отметить некоторую модификацию этого значения в ряде употреблений термина *рать* (причем довольно широко представленных в древнерусской письменности). Этот семантический сдвиг в «Материалах» И. И. Срезневского дается особым значением с определением 'битва, бой', т. е. со значением отдельного эпизода войны, отдельного сражения: «Бѣ Ярославъ . . . храборъ на рати» (Л., 6544); «В ратехъ бо и цари и мужи погыбають» (Л., 6604); «Стали баху князи наши. поставльше полкы твораху рать велику» (Л., 6724); «И убиша Изяслава на рати» (Н. I, С., 6497).

Сочетания *храборъ на рати*, *храборъ и крѣпокъ на рати* (на *рать*) стали устойчивыми выражениями, штампами, употребляемыми при характеристике князя (обычно умершего): «[Святославъ] бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать» (И., 6654, 336); «Владимеръ баше же дерзъ и крѣпокъ к рати» (И., 6693, 646, 225 об.).

Тот факт, что термин *рать* широко употребляется в древнерусском языке и в текстах оригинальных светского содержания, и в житийной литературе, и в переводных произведениях, и в религиозно-моралистических рассуждениях, свидетельствует о том, что термин этот был общенародным словом.

Суждение по этому поводу Ф. П. Филина о том, что термин *рать* «по своему образованию относится к древнейшему периоду истории славян», что «нет никакого сомнения, что *рать* в летописном языке — элемент восточнославянский, хотя слово было

известно и древнецерковнославянскому языку»,¹⁹ справедливо и подтверждается фактами.

Действительно, слово *рать* имелось и в древнецерковнославянском языке (*рать*), имеется оно и в современном болгарском (*рать*, м. р.) и в сербохорватском (*rät*, м. р.). Однако и в болгарском и в сербохорватском языках этот термин употребляется только со значением 'война', 'военные действия, сражение'; ср., например, широко употребительные в современном сербохорватском языке словообразовательные дериваты (слова и словосочетания) от *рать* именно в значении 'война': *ратни* 'военный', *вођење рата* 'ведение войны', *ратна снага* 'военные силы', *ратно стање* 'военное положение', *ратни брод* 'военный корабль', *ратни заробљеник* 'военнопленный', *ратнички* 'военный, воинский', *ратоборан* 'воинственный', *ратовање* 'ведение войны', *ратовати* 'воевать, вести войну'.

Таким образом, значение 'войско', 'вооруженные силы' термин *рать* приобрел на восточнославянской почве. Следует тут же отметить, что современные восточнославянские языки не сохранили в активном, живом употреблении корреспондирующего с языками южнославянскими значения термина *рать* — 'война, битва' (если не считать употребления термина в пословице: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати»). В значении же 'войско, военный отряд' слово сохранилось и в русском, и в украинском, и в белорусском языках, хотя, конечно, в системе средств выражения военных понятий этот термин занимает особое место, отличное от того, которое он занимал в древнерусском языке.

Прежде всего как термин со строго определенным значением слово *рать* — архаизм, скорее даже не архаизм, а термин, применимый только к явлениям прошлых эпох и совершенно неупотребительный для обозначения войска теперь. Следовательно, он выпал из системы военной терминологии современного языка. Это своеобразный исторический термин. Другое дело, что слово *рать* сохранилось в русском языке для наиболее обобщенного названия военных сил, вооруженных отрядов, войска. Слово перешло в разряд поэтической лексики, теряя при этом значительную долю номинативного значения, но приобретая целую гамму различных эмоционально-экспрессивных характеристик, от торжественно-приподнятой до пренебрежительно-уничижительной.²⁰ Ср.:

Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой:
Сoshлись и заварился бой.

П у ш к и н, Руслан и Людмила.

¹⁹ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 479—480.

²⁰ Нельзя не заметить, что стилистическая характеристика слова *рать* (в значении войско) как *устар.* в Словаре современного русского литератур-

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга.

К о л ь ц о в, Военная песня.

А с другой стороны: «[Песня] бесхитростными, простыми словами рассказывала о вольных казачьих предках, некогда бесстрашно громивших царские рати» (Шолохов, Тихий Дон).

Это поэтическое употребление дало возможность появления переносного значения слова, которое в словарях характеризуется следующим образом: о многочисленной толпе, о большом количестве кого-, чего-либо. *За невестой твоей обожателей рать, кто бы мог сосчитать? И в разлуке ты вверился ей!* Лермонтов, Югельский барон — и которое еще живо в современном русском языке.

Памятники русской письменности XIV—XVI вв. свидетельствуют о том, что термин *рать* сохраняет все значения и употребления, присущие ему в более ранние эпохи. Кроме того, имеется целый ряд употреблений слова, дающих основания видеть в них новое значение, не отмечаемое в языке XI—XIII вв. Очевидно, *рать* начинает обозначать отдельные отряды «войска» (подобно тому, как это наблюдается у слова *полкъ*): «... в канун Спасова дни, прииде вся сила къ Твери, и стаща вси по рану рати около города въ кругъ» (Н. IV, 6883, 302, 203 об.); «Царь же . . . ратем своим всѣмъ повѣле отступить отъ града съ вси стороны» (Н. IV, 6890, 332, 226 об.); «Князь великий Василей, собравъ ратен много, и с ними отпусти брата своего Юрью» (Н. IV, 6903, 380, 251).

Термин *рать* начинает употребляться во множественном числе для обозначения совокупности отдельных воинских отрядов, составляющих вооруженные силы одной стороны как нечто целое. По-видимому, это происходит под влиянием особенностей функционирования слова *полкъ* в соотносительном значении. Если слово *полкъ* во множественном числе известно по записям старейшей поры древнерусской письменности, то *рать* приобретает эту особенность не раньше конца XIV в. По крайней мере более ранних сведений об этом найти не удастся. Но, пожалуй, не в этом главное. Новое надо видеть в том, что в XIV—XVI вв. термин *рать* во всех отмеченных выше значениях начинает употребляться значительно шире, чем *полкъ*. Простейшие статистические подсчеты употреблений этой синонимической пары слов ²¹ подтверждают это утверж-

ного языка неверна. Правильнее поступил Словарь современного русского языка в четырех томах, охарактеризовав термин как *устар. поэт.*, хотя *устар.* и здесь не совсем уместно.

²¹ Здесь речь идет не о синонимичности слов *рать* и *полкъ* во всей совокупности их значений и употреблений, а о синонимичности соответствующих значений терминов.

дение. Но подробно об этом будет идти речь в специальной главе, посвященной истории этих терминов в XV—XVII вв.

Дружина — один из самых широкоупотребительных военных терминов летописей, военных повестей и других памятников письменности, рассказывающих об истории Руси XI—XIII вв. Только в «Повести временных лет» этот термин, по подсчетам Ф. П. Филина, употребляется около 100 раз.

Входя в круг лексики, обозначающей названия воинских частей, служащей для обозначения понятий, отражающих организацию войска (вооруженных сил), *дружина* вступает в семантические взаимоотношения и связи с другими словами группы, испытывая при этом соответствующие изменения в семантическом значении. Естественно, что при этом и другие слова, семантически связанные с *дружиной*, претерпевают соответствующие изменения.

Семантическое значение слова *дружина* очень емко, и его не всегда можно с достаточной полнотой и точностью определить. В семантике этого слова в древнерусском языке XI—XIII вв. еще отчетливо сохранялись первичные значения термина, отражающие понятия более древних эпох истории славянства. На это указывают такие употребления слова *дружина*, как «Богочъстивый Июстинъ мѣногоу дружиноу въ томъ монастыри Христова събъра» (Панд. Ант. XI в., Амф.). Значение слова *дружина* в этом случае может быть истолковано, как 'товарищи, спутники; община'. (См. целый ряд примеров на это значение, приведенных в «Материалах» И. И. Срезневского).

Правда, большинство материалов, приведенных в словаре И. И. Срезневского, взято из переводной литературы религиозно-догматического толка и относится к церковнославянскому языку. Однако было бы ошибочным утверждать, что это значение совершенно неизвестно оригинальной русской письменности. Если, как установил Ф. П. Филин, в языке ранних летописей слово *дружина* в значении 'товарищи, спутники' не употребляется, то уже в начале XIII в. в Смоленской грамоте 1229 г. такое употребление имеет место: «Товаръ, иж то потоплъ, брати оу мѣсто своєю дружиною из воды на берего». С этим же значением *дружина* употребляется в «Подтвердительной грамоте короля польского Казимира Ходку Бебельскому на имение в Червоной Руси 1361 г.»:²² «При темъ были свѣдци: Петръ Неоріа . . ., панъ Яшко Колочко . . ., много было доброй дружины при томъ»; в Псковской 1-й летописи под 6918 г.: «Послаша Псковичи послове къ великому князю Василью Дмитреевичю, Гюргя Винкова с дружиною».

Вряд ли будет правомерным считать, что эти употребления отражают влияние церковнославянского языка, если учесть характер памятников, тесно связанных с русской разговорной сти-

²² Акты южной и западной России, т. I, № 1. СПб., 1863.

хий, и сопоставить эти факты с наличием соответствующих значений слова *дружина* в русских диалектах. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечаются в новгородском диалекте значения: «общество, артель, ватага», в псковском — «ловецкая дружина — рабочая ватага, рыболовная артель», а в южных и западных говорах (без уточнения губернии) — «друг, подруга». Это же значение с пометой *церк.* отмечается и в словарях Академии наук 1847 и 1895 гг. Ср. также: «На реке Санхобл мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан-Бао» (Арсеньев, Дерсу Узала). Или: «Явился Пушкин с дружиною молодых, замечательных талантов» (Белинский, Соч., VI, 144).

В Русской энциклопедии 1911 г. *дружина* толкуется следующим образом: «В Древней Руси всякая добровольная группа (попутчики, паломники, артель)». ²³

Это дает основания считать, что в контекстах из а) Лаврентьевской летописи («И рече Святославъ воемъ своимъ уже намъ сдѣ пасти. потягнемъ мужьски, братья и дружино» — Л., 6479), б) «Слова о полку Игореве» («И рече Игорь к дружинѣ своей: братіе и дружино»), в) Ипатьевской летописи («Изаславъ же рече дружинѣ своей. братья и дружино» — И., 6693, 638, 223; «Прочее дружино и братѣ разумѣте по которомъ же есть Богъ по гордомъ ли или по смиреномъ» — И., 6631, 288) слово *дружина* (в звательной форме) употреблено также в значении 'товарищи', 'спутники' ('сподвижники?'), хотя это предположение и может быть подвергнуто сомнению. Но ср. при этом замечание, сделанное историком С. М. Соловьевым: «Слово дружина имело еще не военное значение, в котором может переводиться словом *свои, наши* (курсив наш, — Ф. С.); например, древляне спросили Ольгу: „Где наша дружина?“, то есть послы, которых они прежде отправили в Киев». ²⁴

Древнейшее значение термина *дружина*, сохранившееся в некоторых славянских языках и до сих пор, это 'домочадцы', 'челядь', затем 'вообще община', 'объединение', 'товарищество'. В «Русской Правде» есть отголоски этого старого значения термина: «Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то занъ къ нимъ прикладываетъ, того же дня им помагати головнику, либо си дикую виру; но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику; а 40 гривенъ ему заплатити исъ дружины свою часть» (Пространная «Правда», стр. 5). Основное значение (но не исходное), которое имеет в языке оригинальной светской письменности слово *дружина*, — 'княжеское постоянное войско'. Однако такое

²³ Русская энциклопедия, т. 1. Изд. Русск. книжн. товарищества «Детель», СПб., 1911.

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I—V, гл. 8. Изд. третье, СПб., (б. г.), стр. 224.

общее определение значения термина *дружина* не может удовлетворить ни историка языка, ни историка народа, ни историка военного искусства. *Дружина* в своей семантике отражает сложную картину организации не только военной, но и социально-политической на определенной стадии развития славян, и восточных славян прежде всего. Дружину нельзя понимать как обычное войско, хотя и постоянное, ибо войско это было немногочисленным (относительно немногочисленным); она составляла ядро военной организации на случай войны, похода или отражения нападения. Как отмечали многие исследователи,²⁵ дружина самостоятельного военного значения не имела.

В случае вооруженных конфликтов военные силы составлялись из вооруженных крестьян и ремесленников. Причем в дофеодальный период, как правило, вооружалось все боеспособное мужское население племени; в эпоху Киевской Руси войско уже не равнялось вооруженному народу, хотя основные принципы военной организации остаются теми же. В Киевский период русской истории старый военный строй, старая военная организация сменяется не сразу новой военной организацией. Многие стороны организации войска дофеодального периода сохраняются и в это время. Во главе дружины (не могущей быть самостоятельной силой для ведения войны, хотя известны и военные столкновения дружин)²⁶ и свободных земледельцев (крестьян), из которых формируется ополчение — *рать* (*полкъ, вои, сила*), стоит князь. У знати тоже были свои дружины. Но войско в это время уже не было равно народу. Оно состояло из дружинников и противопоставляемых им *воев* — ополченцев, представителей народа.²⁷ Противопоставление проявляется уже в том, что дружина всегда изображается в древнерусских памятниках (миниатюры и летописные известия) как конное войско, а *вои* (ополченцы) — пешими воинами.

Дружина, как правило, неотделима от своего главы, вождя, хозяина. Она могла переходить по наследству от отца к сыну, оставаясь принадлежностью дома — фамилии. В этом отношении она совсем не похожа на *воев*, которых обычно собирают *ad hoc*.

Очень характерны в этом отношении летописные сообщения: «Поиде Олег, поймъ воя многи»; «Игорь нача совокупляти вое

²⁵ См., например: Б. Д. Греков. Организация війскових сил східних слов'ян... стр. 6. См. также: Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 330—340.

²⁶ В летописных сообщениях находим указания на довольно значительную численность княжеских дружин. Так, Святополк хвалился, что у него имеется одних отроков 390 чел. В Галиче во время убоицы 1208 г. было убито 500 бояр, а много разбежалось. Богатые князья выводили в поле по две и по три тысячи человек дружины.

²⁷ Ср., например, замечание В. Ключевского: «Главную силу составляло народное ополчение, полк» (Курс русской истории, т. II. М., 1906, стр. 123).

многи» и т. д. В таких контекстах термин *дружина* употребляться не мог. Дружина — постоянная организация. Ее никогда не собирают. Она всегда при своем вожде.

К сожалению, на русском документальном материале мы лишены возможности проследить по этапам этот интересный процесс даже в такой степени, как это можно сделать для германцев по данным Цезаря и Тацита.

«Русская Правда», Договоры с греками, летописные повествования начиная с IX в. вводят нас уже в отношения сложившегося государства, где дружины, успевшие выполнить большую роль в деле создания княжеской власти и политического усиления окружавшей ее знати, существуют как вполне созревший элемент политического строя раннефеодального древнерусского государства. О княжеских дружинах в письменных памятниках известий огромное множество. О дружинах русских вельмож X—XI вв. сведений меньше, но все же достаточно, чтобы считать и это явление столь же обычным, как и дружины у князей. Дружина боярина Свенельда своим обмундированием и вооружением превосходила княжескую и даже вызывала у последней зависть: «. . рѣкоша дружина Игореві: отроци Свѣнѣльѣжи изоделися суть оружьем и порты, а мы назі. Поиди, княже, с нами в дань, да ты добудеши и мы» (Л., 6453).

Князь стоит во главе войска и управляет им, опираясь на знать, у которой были свои дружины.

Но дружина была не только постоянным войском князя и знати, но и организацией (или органом), на которую князь опирался в политическом управлении. Дружина состояла из представителей разных социальных групп: верхушечные слои дружины — приближенные к князю люди, с которыми он советовался, обсуждал различные вопросы и военного и социально-политического характера; низы — рядовые воины-профессионалы. Но основным признаком — постоянное войско, окружавшее князя — объединяли все эти слои в одно понятие, для выражения которого и существовал соответствующий термин: «Вниде Володимиръ въ градъ и дружина его» (Л., 6496, 109, 37 об.); «Рѣша же ему дружина отна: „Се дружина оу тебе отъна и вои“» (Л., 6523, 132, 45 об.); «Мстиславъ и Ярополкъ. и здумаста с дружиною своею повелѣша Ярополку ити противу с полкомъ своимъ» (Л., 6684, 375, 127); «И зъбращася збратиа с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новгороду» (Н. I, С., 6362, 5). В этом значении *дружина* нередко противопоставляется непостоянной (нерегулярной) части войска, обычно *воям* или *полку*.

Выше уже был приведен пример на подобное употребление, взятый из Лаврентьевской летописи под 6523 г. И такое употребление — обычное явление для языка летописей. «Ростиславъ . . . совокупилъ дружину свою и воѣ и Половцѣ» (Л., 6657, 321, 107); «Ярополкъ с дружиною своею и съ братъею ни вои своихъ

сѣкдавшѣ» (И., 6644, 297, 8); «[Андрѣи] оттуда ѣхавъ свои укрѣпивъ и дружину свою» (Л., 6659). См. также: И., 6658, 405, 147 и др.

С. М. Соловьев пишет о событиях XII в., основываясь на показаниях летописей: «По-прежнему находим в летописи ясные указания на различия между дружиною и полками, собираемыми из остального народонаселения, городского и сельского; дружина отличается от полка . . . Киевские полки резко отличаются от княжеских дружин в рассказе о битве Изяслава Мстиславича с дядею Юрием под Киевом».²⁸ Некоторые исследователи военной лексики в древнерусском языке склонны считать, что в летописях, деловых, юридических и тому подобных оригинальных памятниках термин *дружина* не употребляется (или почти не употребляется), когда речь идет об окружении князя как «советниках» по хозяйственным, политическим, моральным и тому подобным вопросам.²⁹ С этим согласиться, пожалуй, нельзя, как нельзя согласиться и с теми, кто слишком подчеркивает «неопределенность», «расплывчатость» и «противоречивость» семантического значения термина *дружина*.

Уже в «Повести временных лет» исследователь встречается с такими употреблениями термина, как: «Игорь же дошедь Дунаю. созва дружину и нача думати. Реца же дружина Игорева: Да аще сице глаголетъ царь, то что хотимъ боле того, не бывшесе имати злато, и серебро, и паволоки? Егда кто вѣсть, кто одолѣть, мы ли онѣ ли?» (Л., 6452, 45). Дружина, таким образом, советовала князю не начинать битву, а предлагала взять обещанную греческим царем дань. И Игорь поступил по совету дружины. Аналогичны следующие случаи: [Владимир:] «како азъ хочу инъ законъ прияти единъ. а дружина (моа) сему смѣятиса начнуть» (Л., 6463, 63, 18 об.). И когда к Владимиру пришли посланные им для ознакомления с разными верами мужи, «[Владимир] созва . . . бояры своя и старца, рече . . . : „Се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“, и рече: „Скажите предъ дружиною“» (Л., 6495, 108, 37).

В последнем случае понятия *бояре* и *дружина* отождествляются. Решал вопросы войны и мира со своею дружиною и князь Святослав: «[Святославъ] поча думать съ дружиною своею рѣка. сицѣ аще не отворилъ мира со царемъ» (Л., 6479, 72, 22); «Изяславъ же . . . поча доумати съ дружиною своею. дружина же Изяславу поча молвити» (И., 6658, 409, 148 об.). «Дружина служила князю орудием управления: члены старшей дружины, *бояре*, составляли думу князя, его государственный совет», — писал

²⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. III, гл. 1, стр. 685—686.

²⁹ См., например: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . . , 1947, стр. 482—484.

Ключевский.³⁰ Однако такие употребления немногочисленны, и можно предполагать, что они не выходят за пределы XII в.

Наряду с этим наблюдается противоположное явление, когда дружина, как чисто военное окружение князя, отграничивается от политических, хозяйственных и тому подобных советников: «... и дружина их вса изъимана и всѣ вельможи ихъ» (Л., 6685, 385, 130 об.); «Кнази вси изъиманы быша. а боляре и вельможа и вса дружина избита» (Л., 6694, 398, 135).

Ф. П. Филин писал, что «когда дело касалось каких-либо хозяйственных, политических и прочих других сторон жизни, летописец употреблял (вместо дружина, — Ф. С.) слова *боляре*, *мужи*, *гридь* и пр.».³¹

Больше того, даже в тех случаях, когда речь идет о чисто военных делах, и тогда летопись выделяет верхушечные слои княжеского окружения — *боляръ*, *мужей*, *гридѣбу* — от рядовых членов постоянного войска: «[Мстиславъ Ростиславичъ] совокупивъ Ростовци и боляре гридѣбу и пасынки и всю дружину поѣха къ Володимерю. Всеволодъ же поѣха противу ему, съ Володимерци и съ дружиною своею и что баше бояръ осталоса у него» (Л., 6685, 380, 128 об.); «Всадиша в насадъ с·дѣ·ми отроky. а дружиною его изоимаша» (И., 6656, 378); «Мстиславъ же много пота оутерь с дружиною своею и не мало мужьства показа с мужьми своими» (И., 6682, 577, 204 об.); «И рече бояромъ своимъ и дружинѣмъ своимъ» (И., 6693, 638, 223).

Вместе с тем надо заметить, что отношения семантического характера между словами *дружина*, *боляре*, *гридь*, *мужи* и т. д. значительно сложнее и многостороннее. Так, *дружина* употребляется не только для обозначения всего постоянного войска князя; вступая в сочетания — *молотшая дружина*, *большая дружина*, *лѣтняя (лучшая) дружина*, *первая дружина*, *старѣйшая дружина* и т. п., — слово это обозначает (вместе с прилагательным-определением) лишь известную (определенную) часть окружения князя, т. е. становится обозначением различных (в зависимости от значения определяющего прилагательного) социальных группировок постоянного княжеского войска (окружения).

Так, в таком контексте, как «Святополкъ же не здумавъ. с болшею дружиною отнею и строя своего. но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, изъимавъ слы» (Л., 6601, 218, 72 об.), термином *дружина* называются ближайшие советники князя, с которыми он советовался по всем вопросам, и военным, и хозяйственным, и политическим. Или: «Брате оже та привели старѣйшая дружина» (Л., 6685, 380, 128 об.), где *старѣйшая дружина* употребляется в том же значении, что и *большая дружина*.

³⁰ В. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории, т. I. М., 1903, стр. 197.

³¹ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 483.

Сочетание *молотшая дружина* обозначало, по-видимому, рядовых членов военного окружения князя: «Дайте ми дружину свою молотшую» (Л., 6605, 266, 89 об.), — просил Василко у братьев — Володаря и Давыда. «Поѣди ты на Бѣлгородъ перedomъ а мы вси пушаемъ съ тобою дружину свою молодъшю» (И., 6658, 414, 15 об.).

Различия между старшей и младшей дружиной прослеживаются ясно и отчетливо на всем протяжении существования этого военно-социального института Древней Руси.

Но *дружина старѣишая* часто заменяется (или сопровождается в качестве заместителя) словом *боляре* (*богаре*). *Молодшая дружина* называется также *молодь*, *молодые люди*, *молодые*.

Бояре в Древней Руси составляли старшую («старѣишую») княжескую дружину, являлись членами княжеского совета («княжеской думы»), они были вольными, могли свободно переходить от одного князя к другому. В многочисленных примерах употребления слова *богаринъ* (*бояре*), (*богаринъ* — *богаре*) довольно отчетливо проявляется и значение его и роль боярского окружения князя в социальной и военной жизни общества той эпохи. Поэтому нет необходимости приводить здесь новые материалы.

Чрезвычайно широко употребительным был термин *мужь*, который одним из своих значений называл именитого человека, занимающего определенное положение в княжеском военном и гражданском окружении. В «Материалах» И. И. Срезневского это значение термина истолковано не совсем точно — как «именитый, почтенный человек». Указанием на именитость и почтенность человека в данном случае нельзя ограничиваться, ибо речь идет о княжеском дружиннике, который входил в княжескую дружину как военный сподвижник и «гражданский» советник князя одновременно. Абсолютное большинство примеров на употребление термина в этом значении относится к изображению военных ситуаций, т. е. указывает на то, что речь идет именно о военном человеке, воине, занимающем видное положение в военной иерархии: «Поиде Бѣлегъ, поймъ воа многи . . . и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прина градъ и посади мужь свои» (Л., 6390); «И речѣ князь Печенѣжский: а ты князь ли еси? Онъ же речѣ: азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ» (Л., 6476).

Лексема *молодь*, сочетание *молодые люди* употребляются терминологически для обозначения младшей дружины (наряду с сочетанием *дружина молотшая*), причем выступают в качестве синонимов, совпадающих и в стилистическом, и в семантическом плане: «То слышавъ князи, и посласта противу Ярославлихъ люди молоды битися, и бишася ти день и до ночи» (Тр., 6724); «Черныя Клобуки и молодъ свою пустиста на передъ» (И., 6657); «Святославъ же ста, изрядивъ полкы всѣ, жда Изяслава . . . , а молодъ персбравъ съ Берендичи и съ Каспичи, пусти на Половци» (И., 6668).

Прилагательное *молодыи*, вступая в сочетание с другими существительными (а не только с *люди*) ясно сохраняет значение, связанное с обозначением младшей (по социально-общественному положению) части княжеской дружины.

Ср.: «Инѣхъ кметии молодыхъ · еі · (Поуч. Вл. Мономаха до 1125 г.), где сочетание *кметии молодыхъ* синонимично *молодые люди, молодъ*. Ср. также абсолютно свободное употребление субстантивированного прилагательного в таких фразах, как: «А кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодии» (Л., 6736); «То видевше молодии Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, на заутріе ѣхаша в лѣсъ глубокъ» (Л., 6736, 450), где сохраняется все то же значение.

Понятие *дружина* включало в себя также и собственную прислугу князя, жившую постоянно при нем, в его доме: *отроки, дѣтськіи, пасынки*.

Отрокъ в древнерусском языке было многозначным словом; одно из его значений в «Материалах» И. И. Срезневского определено, как «отрок княжеский», «дружинник», «воин»: «Рекоша дружина Игореві: отроки Свѣнльжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази» (Л., 6543, 150); «И ꙗко оупишася Деревлаане, повелѣ отрокомъ своимъ пити на нѣ, а сама отиде прочь и потомъ повелѣ отрокомъ сѣчи ꙗ» (И., 6453); «Пристрои Ратиборъ отроки въ оружіи, истобку пристави истопити имъ» (Л., 6603, 228). Подобные употребления в: Л., 6579; Л., 6500; Каз. лет., 243 и др.

Пасынокъ — «княжеский дружинник»: «Мстиславъ . . . совокупивъ Ростовци и боляре, гридьбу, и пасынки и всю дружину» (Л., 6685, 380). Тот же пример известен и по Никоновской летописи под 6685 г.: «Тоѣ же осени князь Мстиславъ Ростиславичъ Ростовскій созва боаре своя, и пасынки своа и всю дружину свою» (Ник., 6685, II, 2) и по другим летописным спискам: «А на тѣ люди Иванъ соцкой, Борисъ Левковъ, Оксѣитый пасынокъ» (Закладн. оброс. и Лавр. Вас. Фед. Макар., XV в.).

Дѣтскіи — «княжеский отрок», «дружинник»: ³² «Василко же всѣдъ на конь поѣха, и оустрѣ те и дѣтскіи ѿ него и повѣда ему . . .» (Л., 6605, 260); «Володимиръ же рече, възрѣвъ на дѣцкы; а се будутъ мои бояре» (И., 6677); «Оубиша Федора Оума княжѣ дѣцкой» (Н. I, С., 6742). Ср. также формы: *дѣцкыи* (И. 6677); *дѣцкыи* (И., 6683); *дичкыи* (*дичьскыи*) (Н. I, 6742). Очевидно, что лексемы *дѣтскыи, отрокъ* и *пасынокъ* обозначали очень близкие явления социально-общественной действительности Древней Руси.

Соответствующие языковые явления позволяют утверждать, что сама по себе *молодѣшая дружина* (*пасынки, отроки, дѣтскыи*) делилась также на старшую и младшую (в социально-правовом отношении) части: «Бѣжащимъ же пѣшцемъ к городу по гребли, улучи самъ [Андрей] по нихъ, дружинѣ не вѣдущимъ его, токмо

³² Ср. польск. *dziecki* 'княжеский прислужник' (Фасмер, I, 508).

отъ меншихъ дѣтскихъ его два видивши князя своего у велику бѣду владша . . . и гнаста по немъ . . . единъ же отъ дѣтскою тоу убенъ бысть ту» (И., 6657, 260).

Гридь (гридинъ) в значении 'княжеский воин', 'дружинник' и собирательное *гридь* (= 'дружина') употреблялись для обозначения именно младшей дружины и ее членов — младших дружинников: «Аче ли боудеть Роусинъ, любо гридь, любо коупецъ, любо тивоунъ боларескъ, любо мечникъ . . . то м. гривнъ положить за нь» (Русск. Правда Ярослава Син., с. 123); «Оустави на дворѣ в гридьницѣ пирь творити и приходити боларомъ, и гридемъ, и соцьскимъ, и десацьскимъ» (Л., 6504, 126, 43 об.); «Приде Ростиславъ ис Кычева на Луку и позва Новгородѣце на порядъ: огнищане, гридь, коушцы вачышее» (Н. I, 6674); также: Л., 6522.

В русском переводе «Хроники Георгия Амартола» также употребляется слово *гридь*, между прочим также и в устойчивом терминологическом сочетании *гридь меньшии*: «Магистръ Иоанъ избраніе соущихъ въ гридехъ в меншихъ сътворивъ съ оружьемъ сіа посла на дукса» (Г. Амартола хроника, 362). При чем следует заметить, что русское *гридь* соответствует *εταρίας* греческого оригинала.

Наименование отдельного члена *гридьбы* в форме *гридинъ* (*грьдинъ*) также зарегистрировано в древнерусской письменности: «Вы свою доброту объявляете; ꙗкоже и крѣпїи гръдници и борци, и не сущю ту учителю ихъ» (ВМЧ, нояб., 13—15, 1049). Так же в «Правде Русской» (стр. 1): «Аще будетъ русинъ любо гридинъ, любо купчина . . .». *Гридинъ* употреблялось также и в качестве собственного имени (Кн. ключей, XVI в., 13; кн. пр. Болд. мон., 203). Слово *гридь* обозначало одно из важнейших понятий дружинной Руси, что послужило отправным моментом для образования от него таких производных, как *гридьба*, *грьдिति*, *грьдница*, *грьдня*.

Грьдба — собирательное от *гридь* — 'княжеские войны', 'дружинники': «Совокупивъ Ростовци и боларе, гръдбу и пасынки и всю дружину» (Л., 6685); «Идоша съ княземъ Їрославомъ огнищане, гръдба и коупци» (Н. I, С., 6703, 170). Так же: Соф. I, 6703, 182.

Грьдница — «большой покой для собранія (дружины?)» (И. И. Срезневский). Есть все основания полагать, что определение, данное И. И. Срезневским к этому слову, правильное, и поэтому вопросительный знак, сопровождающий слово *дружина*, можно снять. «[Владимиръ] оустави на дворѣ въ гръдницѣ пирь творити» (Л., 6504); в Переяславской летописи употреблено *грьдня* вместо *грьдница*. «И приѣха в малѣ дружинѣ на княж дворъ; и вылезе противу ему Святополкъ, и идоша въ гръдницу» (И., 6605). В Лаврентьевском списке вместо *грьдница* стоит *истобка*: «Идоша въ истобку» (Л., 6605); в других списках: «Идоша въ комору».

Широко употреблялось сущ. *грид(ь)ница* в произведениях народного творчества русского Севера: «Да заходит Издолишпо в светлую гридницу, — он не спрашивал не дверей, да не придверников» (Арх. былины, III, 109—110). Ср. также известное в северном фольклоре сущ. *гриденка*, в котором легко выявляются оттенки уменьшительности и ласкательности, не присущие исходной форме *гридьница*: «Да погуливать по гриденке по светлой, По той же середи кирпичатой» (Печ. был., 313)

Слово *гридь* (и производные) начало свою жизнь в древнерусском языке на северо-западе Руси (оно является норманским заимствованием: др.-норв. *grīd* 'убежище'),³³ затем распространилось на юге Руси (ср. употребление *гридь* в русском переводе Хроники Георгия Амартола — памятнике, как доказал акад. В. М. Истрин, южнорусского происхождения — и употребление термина *гридница* в Ипатьевской летописи). Однако обычными эти слова были только на северо-западе Древней Руси. Ср. в этом отношении суждение акад. Б. Д. Грекова: «Военная терминология в общем по всей Руси одинакова, но в Новгороде она имеет некоторую особенность. Именно в новгородских источниках мы имеем термин „гридь“, „гридьба“ (Новгородская летопись и включенная в нее краткая «Русская Правда»). И в Киев вместе с передвижением сюда Новгородского князя Владимира Святославича попали слова „гридница“ и „гридь“, но они встречаются здесь только один раз в связи с рассказом о пирах Владимира — рассказом, быть может, составленным по новгородским сказаниям».³⁴ Проследившая дальше историю терминов *гридь*, *десятский*, *нарочитый мужь* и др., акад. Б. Д. Греков отмечает употребления их в Новгородской письменности и намечает основные отличия в их значениях.³⁵

В Новгородской 1-й летописи *гриди* упоминаются наряду с *сотскими* (сочкыи), *десятскими* (десячьскыи) и *нарочитыми*

³³ Старое заимствование из др.-сканд. *grīdi*, *grīdmaðr* 'товарищ', 'телохранитель' от *grīd*, ср. р. — 'убежище в чьем-либо доме' (Фасмер, I, 458).

³⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 345.

³⁵ История *гридь* и производных *гридинъ*, *гридьба*, *гридьница*, *гридня*, *гридими* хорошо показана у Ф. П. Филина (Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, стр. 232—233). Там же правильно намечен ареал употребления слов в древнекиевскую эпоху: на северо-западе они были обычными, прочно вошли в словарный состав языка, широко известны в фольклорных произведениях; в южных диалектах эти слова чрезвычайно редки. Что касается северо-восточных памятников, то, как показал Ф. П. Филин, *гридьница* в них обычно заменялась его эквивалентами. Ср.: «И вылезе противу ему Святополкъ, и идоша въ гридьницу» (И., 6605, 230, 88 об.); «В ыстобку» (Л.). Следовательно, северо-восточные диалекты, можно думать, не знали слова *гридь* и его производных. Таким образом, с северо-запада оно распространялось в другие области лишь в единичных случаях. См. также о *гридь* и производных в статье В. М. Туркина «Из спостережень над давньоруською суспільно-політичною термінологією» (Збірник наукових праць, т. I, Мовознавство. Київ, 1958, стр. 91—93).

мужами; последним в некоторых памятниках соответствуют *градские люди* («Церковный устав Ярослава»). В Новгородской же летописи широко употребительны ставшие уже устойчивыми сочетаниями обозначения высшего слоя новгородского общества: «огнищане, гридь, купце вящее» (1166 г.); «огнищане и гридьба и купцы» (1195 г.); «огнищане и гридьба и кто купец и гости» (1234 г.). *Гридь* всюду занимает второе место; на первом месте стоят: *русь* ↔ *бояре* — *огнищане* (самые богатые и влиятельные в Новгороде люди). В Новгороде в XII—XIII вв. термином *гридь* стали обозначать, по-видимому, не только дружинников в узком значении слова, т. е. военных слуг князей и бояр, а тот слой средних землевладельцев, который образовался путем смешения осевшей на землю дружины с теми землевладельцами, которые ни у кого никогда в составе дружины не служили. По всей видимости, заключает акад. Б. Д. Греков, этот термин был вытеснен составным наименованием *житыи люди*. К этим наименованиям примыкает термин *чадь*. Это многозначное слово, только одним из своих значений называющее определенную прослойку дружины, часть дружины: «И начаша думати дружина, Ратиборова чадь съ кнѣземъ Володимеромъ о погубленѣи Итлареви чади» (И., 6603, 218); «Баше послалъ Мьстиславъ Михалка кнѣза с Коуи Бастеевою чадью» (И., 6678, 544, 194). Так же: Л., 6685, 383, 129, и др. Из этих употреблений можно было бы сделать вывод о том, что слово *дружина* полностью синонимично термину *чадь*. Но, по-видимому, это не так, ибо большинство употреблений свидетельствует о том, что под *чадью* понималась только часть дружины: «Придоша Новгородци лѣпшиѣ Стужи, Мирошьчина чадь, к великому князю Всеволоду с поклономъ» (Л., 6708, 445).

Къметь. Слово, употреблявшееся в ранней древнерусской письменности, имело значение 'витязь', 'отважный воин', 'дружинник': «Сѣтославъ же . . . показа имъ бѣтство свое ѿни же . . . рѣша се ни въ что же юсть. се бо лежить мертво. сего суть кметье луче. мужи бо сѣ доищють и больше сего» (Л., 6583, 198—199, 66 об.); «И пустилъ ѿсмѣ половечскихъ князь лѣппихъ изъ оковъ . . . инѣхъ кмегии молодыхъ ·еї·» (Л., 6604, 250, 28 об.). Сюда же знаменитое: «А мои ти куряне свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны» (Слово). В «Задонщине» вместо *къмети* употреблено *полководци*, что весьма показательно для истории слова *къметь*. Ф. П. Филин, приводя эти примеры, отмечает, что термин *къметь* рано стал выходить из употребления. В доказательство этого он указывает на случаи ошибочной передачи слова позднейшими переписчиками. Так, в Ипатьевской, Софийской 1-й, Типографской, Воскресенской, Тверской, Никоновской летописях вместо *къметь* находим *смѣтье*, в Алатыревск. сп. Воскр. л. — *сметение*. Это убедительное доказательство того, что в живом употреблении переписчиков слово

къметъ было неупотребительным. Дальше XII в. оно не оставалось в живом языке. Пример на употребление его в Судебнике Казимира 1498 г. (Рум., 661) относится к переводной литературе и имеет значение 'сельский житель', 'мужик': «О жидехъ иже пейѸзеи на кмать (на kmieci) дають». Это последнее значение известно в западно- и южнославянских языках, а также в ряде украинских и белорусских говоров. В русских говорах термин не сохранился.

История и этимология слова *къметъ* привлекали внимание целого ряда русских и зарубежных языковедов. О нем писали П. Лавровский, Ян Отрембский, М. Кавчинский, Губе, А. Свентоховский, Ягич, Траутман, Маценауэр и др. Все исследователи отмечали общеславянский характер термина. Этой же точки зрения придерживается и М. Фасмер.³⁶ В славянские языки термин заимствован, по-видимому, из латинского.

В славянских языках слово обозначало свободного человека; в ряде языков — человека (людей), стоящего выше народной массы («и паде головъ о сте къметства» (Н. I, С., 6695), чему в Академическом списке этой летописи соответствует «доброименитыхъ»). Но это выделение могло также иметь основанием высокие личные качества *кмета* как воина (=витязя). Очень рано в польском развивается значение 'селянин' (как свободный, так и зависимый): «Adamie, ty boży kmieciu, ty siedzisz u Boga w wiecu» («Bogagodicą». Linde, Słownik języka polskiego), где *божий кмет* = *божий слуга*, т. е. раб *божий*. В Вислицком Статуте, именно в том его варианте, который предназначался для Галицкой Руси, *къметъ* («крестьянин») употребляется довольно часто, иногда выступая в качестве синонима термина *смердъ*.

Значение 'воин' (отважный), 'витязь' принадлежит только древнерусскому языку, оно неизвестно другим славянским языкам. П. Я. Черных так пишет относительно этого термина: «... значение „витязь“ (как, по-видимому, в «Слове», если не «дружинник») характерно только для древнерусского языка. К этому значению близко др.-серб. *кмет* — вассал; др.-чеш. *kmet* — государь, глава челяди; но в живых славянских языках это слово значит „поселянин“, „хлебопашец“ (из зажиточных), иногда „судья“ (в Черногории) или даже (городской) голова (в Болгарии: градский *кмет*), а иногда — просто „старец“ (в чешском). Наиболее ранним значением, как нам кажется, могло быть „(старейший) дружинник“. Поэтому нас не смущает семасиологическая сторона сближения этого слова с латинским *comes*, род. *comitis* — „спутник“, „товарищ“ (может быть, и «боевой товарищ»».³⁷

Отметим также употребление собирательного *къметьство*: «Киѧне же дивахутса Оугромъ множеству и къметьства ихъ.

³⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 261.

³⁷ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 152.

и кономемъ их» (И., 6658, 416); «Въ то же время избъени быше Печерьскеи и Югорьскѣи (даньнищи) въ Печере, а другиѣ за Волокомъ и паде головъ о ста кѣметьства» (вар.: «о стѣ кметѣи; сто доброименитыхъ») (Н. I, С., 6695, 161).

Мнение о латинском источнике термина *кметь* (*comes*) не является общепринятым. Н. Ван-Вейк считает *кѣт-el* исконно славянским, аналогично герм. *halib* 'герой', англосакс. *haele* 'муж' от чешск. *kmen* 'племя', 'род'.³⁸ И. Биркенмейер возводил славянское *ktjeś* к греческому *χωμῆτης* — 'житель деревни'.³⁹ Этой же точки зрения придерживался Маценауэр.⁴⁰

Важно отметить, что древнерусский язык выработал средства для называния отдельных представителей той или иной прослойки (части) дружины: *бояринъ*, *гридь* (*гридинъ*), *дѣтскыи*, *отрокъ*, *пасынокъ*, *мужъ*, *кѣметь*, в то время как наименования отдельного (единичного) члена дружины не было; древнерусская письменность не зафиксировала ни одного случая употребления слова *дружинникъ* (*дружинники*), ибо такого слова не существовало. Чем объяснить такое положение? Ведь в древнерусском языке существовала словообразовательная модель для образования наименований типа *дружинникъ*. Ср. в этом отношении термин *ратникъ* (*ратникъ*). Очевидно, этому препятствовал сложный социальный и военно-иерархический состав членов дружины как общественного института. Различия между *боярами*, *дѣтскыи*, *отроками*, *кѣметями*, *пасынками* и т. д. были так велики, что не было обобщенного понятия об отдельном члене этого института, следовательно, не было условий, вызывающих появление особого слова.

Но, по-видимому, была и другая, чисто языковая причина, объясняющая отсутствие в древнерусском языке слова-термина для названия отдельного члена дружины, указывающего на принадлежность его к дружине, эта причина — неактивность словообразовательной модели.

Позднее, уже в XVI в., название для отдельного члена дружины появляется и именно в форме *дружинникъ*, однако в значении не военном: «Взято у дружинника у Пушкаря назадъ годовое жалованье 20 алтынъ» (Греков, 227). Значение слова, видимо, надо определить как 'член артели наемных рабочих различных профессий'. Употребительно это слово в XVI в. и с другим значением — 'монах-ремесленник, получающий за работу особую плату от монастыря': «В Михайловском же погосте . . . монастырь. В монастыре братья: попъ черной . . . да 10 старцовъ, вкладчиковъ и дружинниковъ 20 человекъ» (Новг. писц. кн., 665); «Лѣта

³⁸ N. W a n W i j k. De l'origine du mot slave-commun *kъmetь*. Slavia, roč. 4, 1925—1926, str. 209—212.

³⁹ I. B i r k e n m a j e r. Kmiec i starosta. Język polski, roč. XXI, 1936, str. 174—176.

⁴⁰ A. M a t z e n a u e r. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, str. 43.

7099 г. расход старца Исихия. казеннымъ денгамъ живучи на Паши на Кожеле в монастырскомъ селе ... далъ дружинникомъ наиму 20 человекъ за полгода ... денегъ 6 рублевъ» (Прих.-расх. кн. Тихвин., № 1, л. 35—36), и др.

Следовательно, как только совокупность людей, составляющих дружину, стала восприниматься как собрание равноправных (в определенном смысле) членов, так язык выработал соответствующую лексическую единицу для обозначения отдельного члена этой совокупности. Этому способствовала также активизация словообразовательной модели, по которой образовывались названия лиц по социальной, профессиональной или служебной принадлежности. Об этом подробно будет идти речь в соответствующем месте.

Не получили широкого распространения на древнерусской почве и две формы прилагательного от *дружина* — *дружин(ь)ны(и)* и *дружининь*.

Первая форма зарегистрирована в Лаврентьевской летописи под 6683 г.: «повѣдаша рѣчь дружиньню» (по другим спискам — *друженью*); в «Русской Правде»: «ѡ задници бодрѣ сѣи; о дружинни...» (Пр., с. 258) и в «Договоре Олега с греками» 911 г. (И. сп.). Вторая форма — притяжательная — встретилась в Ипатьевской летописи под 6683 г. К XVI в. относятся отдельные употребления прил. *дружинный*, но уже не в военном значении: «... посылають... по 7 четвертей муки дружинные...» (Кн. расх. Кир. мон., 1588—1622).

Сложность и многообразие семантических связей и отношений между термином *дружина* (как родовым, обобщающим термином, обозначающим сложное понятие) и терминами, обозначающими явления и понятия, входящие в состав *дружины*, можно изобразить графически следующим образом (см. стр. 71).

Составные наименования *большая дружина*, *лѣпшая дружина* (*лучшая*, *перѣдняя*, *старѣшшая*) *дружина*, *молод(ь)шая дружина*, термины *чадь*, *гридь*, *гридьба*, *гридинъ*, *отроки*, *дѣтскіе*, *мужи* (*княжьи мужи*), *пасынки*, *боярѣ*, *дѣти боярскіе*, *кѣметъ*, *чадь*, *молодь* (*молодые люди*), *мечники*, *меченоши*, *метальники*, служащие названием дружины или ее какой-либо части, уж сами по себе свидетельствуют о наличии отдельных прослоек в составе дружины как военно-социального института.

Старѣшшая (*большая*, *перѣдняя*, *лучшая*, *лѣпшая*) *дружина* представляла собой действительно верхушечный слой военно-политического окружения князя. Как показывают исторические разыскания,⁴¹ довольно часто *старѣшую дружину* составляют *дружинники*, добывшие себе славу и высокое положение на службе у своих князей или перешедшие к ним уже с заслугами от отцов этих князей. Они как раз и составляют постоянный совет

⁴¹ См., например: Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 345.

(«думу», Ключевский) князя. К старшим дружинникам относятся *бояръ и мужи* (княжьи мужи, если речь идет о княжеской, а не боярской дружине). Между *боярином* и *мужем* намечаются точки совпадения, но, по-видимому, были между ними и различия семантического характера, хотя характеристика этих отличий не может быть дана с достаточной определенностью на основании имеющихся у нас материалов. *Бояре* и *мужи* составляли меньшую в количественном отношении часть дружины.

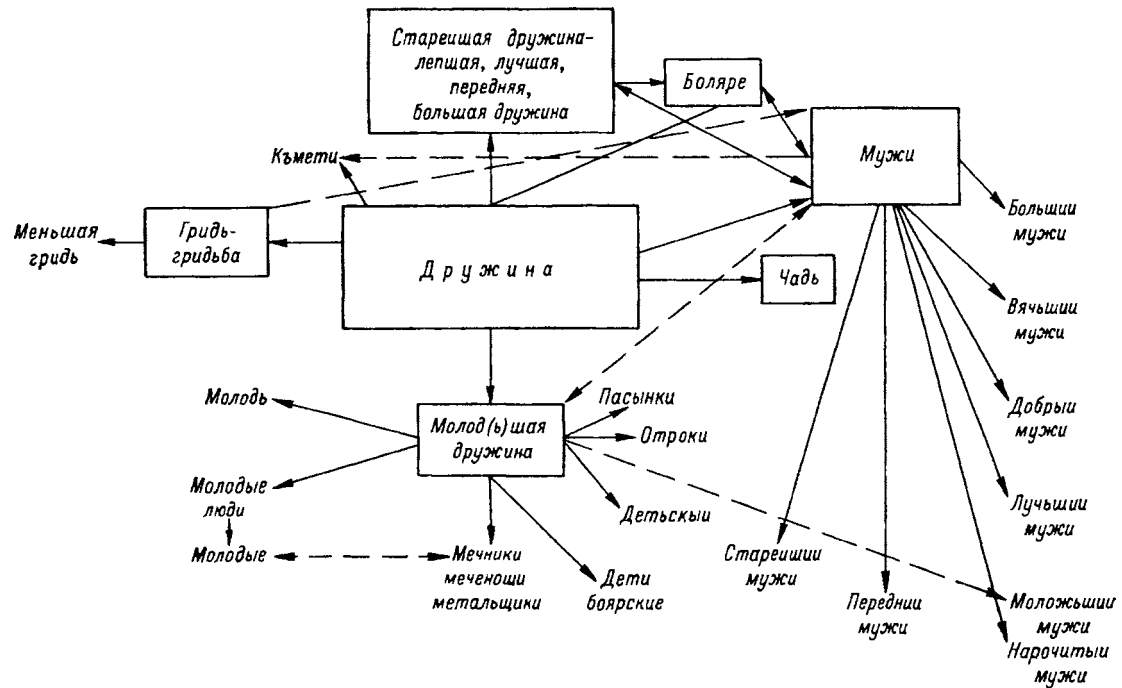
Старѣйшей дружине противопоставлена *молодая дружина*, более многочисленная часть дружины. Входившие в нее *отроки*, *насынки*, *дѣтские* (*дѣти боярскіе*), *молодь* (*молодые люди*) противопоставлены *боярамъ* и *мужамъ*. В свою очередь *отроки* и т. п. в зависимости от выполняемых ими профессиональных обязанностей имели специальные наименования — *лучникъ*, *меченоша*, *метальникъ* и др., которые выделяли отдельных представителей из младшей дружины по профессиональному занятию и одновременно по социальному положению в обществе. Младшие дружинники — это рядовые воины, основные «кадры» дружины.

Что касается терминов *къметъ* и *гридь*, то они, по-видимому, занимали промежуточное положение между *старшей* и *младшей дружиной*.

Вторичным военным значением слова *дружина* — результат семантического развития первого значения — в древнерусском языке было 'войско вообще'; в это значение включалось понятие и о *дружине* 'постоянном войске князя' и о *воях* 'ополченцах'. Это значение синонимично соответствующим значениям терминов *полкъ* и *ратъ*.

Так, после похода к Царьграду Святослав «видевъ же мало дружины свояе рече всобѣ. Еда како прельстивше избѣють дружину мою и мене, бѣша бо многи погibli на полку. И рече: Поиду в Русь приведу боле дружинъ» (Л., 6749, 79, 22); «И в ту ночь посла Владимиръ Славату с нѣколюкою дружиною и с Торкы межи валы» (Л., 6603, 227, 75 об.). Готовясь к битве с немцами, «[Александръ Ярославичъ] нача крѣпити дружину свою и рече не в силахъ Богъ но в правдѣ» (Л., 6771, 478, 168 об.).

В ряде случаев контекст дает возможность проследить взаимозаменяемость таких терминов, как *дружина*, *вои*, *полкъ*: «Срѣте и Мстиславъ с своею дружиною изънезапа. и выступи полкъ изъ загорья» (Л., 6684, 376, 127); «И рече Болеславъ къ дружинѣ своєи. аще вы сего оукора не жалъ. азъ ѣдинъ погыну. всѣдъ на конь вбредѣ в рѣкоу и по цемь вои ѣго» (Л., 6526, 143, 48 об.); «Изаславъ братъ его иде к Новугороду Великому. а дружина Роуская» (И., 6656, 372); «И оусрѣтоша и дружина многое множество. иже сѣдахуть по Петереви» (И., 6658, 413, 150); «Кнаже. лихъ ѣздишь ратъ с тобою мало. . . Юрьи же слышавъ си сла отъ нихъ роспусти дружиною свою воевать и взяша полона много» (И., 6795, 910, 391).



Полное совпадение соответствующих значений терминов *дружина*, *полкъ*, *ратъ*, *вои* подтверждается и употреблением их в одинаковых или аналогичных сочетаниях, свидетельствующих об использовании терминов для обозначения одних и тех же или весьма близких понятий. Как и термины *полкъ* и *ратъ*, *дружина* (в значении 'войско вообще') употребляется в сочетаниях *совокупити дружину*, *скопити дружину*, *дружина билася*, *исполчити дружину*: «И́рославъ же заоутра исполчивъ дружину свою . . . высьдъ на брегъ» (Л., 6524, 142, 48 об.); «И́рославъ выступи из града. и исполчи дружину. и постави Варягы посредѣ а по правѣи сторонѣ Кыязе, а на левомѣ крилѣ Новгородци. [и] стаха предѣ градомъ» (Л., 6544, 151, 51); «И потомъ Ёлгъ на ма приде с Половечьскою землею к Чернигову. и бишася дружина мога с нимъ» (Л., 6604, 249, 82); «И събравъ мало дружины с братомъ своимъ Святославомъ и Володимиромъ . . . придоша Вышегороду» (И., 6647, 302). См. также: И., 6654; И., 6655; И., 6684, и др.

В ряде списков «Повести временных лет» (например, в Радзивилловском) вместо сочетания «исполчивше дружину» в следующем контексте: «Святополкъ же и Володимеръ. и Ростиславъ. исполчивше дружину поидоша. и идаше деснѣи сторонѣ Святополкъ. . .» (Л., 6604, 220, 73) употреблен один глагол — «исполчившеся», что само по себе уже является убедительным доказательством равнозначности параллелей *исполчити дружину* и *исполчитися* (= *исполчити полкъ*).

В «Повести временных лет» находим свидетельство о том, что *дружина*, как и *полкъ* (хотя и реже последнего), употребляется в сочетании *сступитися* (*соступитися*) (*дружины*), что дает возможность предполагать большую (чем обычно считается) близость в семантическом отношении терминов *полкъ* и *дружина*: «Святополкъ стоящи межѣ двѣма озеромѣ и в сю ночь пилъ бѣ съ дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою противу свѣту перевезсѣя. И высьдъ на брегъ отринуша лодѣ отъ берега и поидоша противу собѣ и сступишася на местѣ. бысть сѣха зла» (Л., 6524, 142, 48 об.).

Получив значение 'войско вообще', *дружина* начинает обозначать и определенную часть, отдельный отряд этого войска. Однако это значение не закрепляется за словом как терминологическое; оно обычно реализуется в сочетаниях: *передняя дружина*, *лоутшая дружина* и т. д., где прилагательное указывает на особое назначение войсковой организации: «Ходи князь Ярославъ на Луку позванъ Полотською княжью и Полоцкыи, и поя съ собою Новгородѣцъ переднюю дружину» (Н. I, С., 6699, 164); «Ждаша дружины . . . недѣли и не дождавшѣ ѣхаша с переднею дружиною» (Л., 6680, 364, 122 об.). Это терминологическое сочетание сближается по значению и по употреблению с сочетанием *передний полкъ*. «И совокупася съ братома своимѣ и ждаша дру-

жинѣ . . . и не дождаша поѣхаша с передними с дружиною» (И., 6681, 565, 201). *Лоутшата дружина, лѣпшая дружина*: «И бишася крѣпко, но скоро побѣгоша половци. Олговѣ и погнаша по нихъ . . . дружина лоутшата» (И., 6644, 298). Словосочетание *лучшая (лоутшата) дружина*, как и *лучший полкъ*, применялось для обозначения лучшей, отборной части войска, на которую возлагались особо важные (ответственные) поручения. Это наиболее надежные вооруженные отряды: «Итларь бысть въ градѣ с лѣпшею дружиною» (Л., 6603, 227, 75 об.). Это же значение реализуется и в таком контексте, как: «Олегъ. . . с малою дружиною излѣзоста на брегъ» (Н. I, С., 362, 5); «Се идетъ вы Святославъ в Русь вземъ именье много оу Грекъ. и половъ бесчисленъ съ малыми дружины» (Л., 6480, 73, 23).

Сочетание в *малѣ дружинѣ (с малою дружиною)* становится устойчивым для обозначения небольшого количества войска, что дало затем возможность появления эллиптического выражения в *малѣ*: «В то же лѣто приде Изаславъ в малѣ из Володимера Кыеву» (Л., 6658, 328, 109); «Оу малѣ бо бахуть пришли» (И., 6662, 475, 170); «На то же лѣто идоша даньници Новгородстии въ малѣ; и учювъ Гюрги, оже въ малѣ шли, и посла князя Берладьского съ вои» (Н. I, С., 138). Как антитеза этому выражению в языке появляется сочетание со *многую дружиною*: «Прислалъ бо баше Ярославъ. . . Святополка князя . . . со многую дружиною» (И., 6665, 488, 175).

В Ипатьевской летописи находим редкий случай употребления слова *дружина* в значении 'определенный отряд', 'определенная часть войска' в свободном употреблении, вне связанного сочетания. «[Князь] повелѣ нарядити дружину ис полковъ» (И., 6659, 449, 160); «И заша иноу дружиною его заѣхаша от города и не бѣ с кимъ стояти противоу емоу» (И., 6658, 395, 143 об.).

Наконец, следует отметить, что *дружина* как синоним терминов *полкъ*, *ратъ* и *вои* обозначает не только русские военные силы, но и воинов — врагов русского государства, т. е. употребляется в значении 'воины вообще'.

Так, в Лаврентьевской летописи под 6694 г. встречаются такие употребления термина: «Половци . . . ждаша дружины своеа» (Л., 397, 134); «И приспе к нимъ [половцам] дружина вса многое множество» (Л., 6694, 398, 134 об.). В других памятниках: «Король оуже вшелъ в Гору. и ту поверга вozy свои. а самъ гна съ дружиною своею к Перемышлю» (И., 6658, 406, 147 об.); «Болгаре в мале дружине пришедше князя Мьстислава идуща с полономъ» (И., 6681, 565, 201); «И азъ шедъ с Черниговци и с Половци на Десяѣ изымахомъ князи Асадука и Саоуна, и дружину ихъ избиша» (Поуч. Влад. Мономаха). Ср. также употребление термина *дружина* в заимствованных (переводных) контекстах: «Нѣгде исполчися к граду Атакату приступити и шедше граждане и оувиждѣша полкъ его и остана единъ възврати силу ихъ ко вратомъ ко

граднымъ. и посмѣлся дружинѣ своей и оукори га» (текст о деяниях Самсона) (Л., 6770, 477, 168 об.).

Это находит параллели и в переводных памятниках. Так, в «Хронике Георгия Амартола» встречается «войскаѣ дружина» как перевод греческого «στράτις» (Г. Ам., 234) и т. п.

Все это заставляет считать, что термин *дружина* в некоторых условиях контекста становится тождественным и по значению и по особенностям употребления с термином *полкъ* в соответствующем значении. Впрочем, имеется и другая точка зрения, считающая, что слово *дружина*, обозначая 'войско вообще', не становилось равнозначным слову *полкъ*, поскольку в значении термина *дружина* не подчеркивается признак, главный в значении слова *полкъ* — 'войско в походе, в бою, войсковая колонна'.⁴²

Интересны семантические отношения терминов *дружина*, *полкъ*, *рать*. Если слово *дружина*, обозначая 'войско вообще', становилось в ряд с терминами *полкъ*, *рать* (в соответствующих значениях) как синоним и могло вступать в такие же соотношения с последними, которые давали возможность взаимозамены в определенных условиях контекста, то слова *полкъ* и *рать* не получали значения 'дружина' как название постоянного войска князя, его окружения. Очевидно, что дифференцирующие признаки, выделяющие дружину как особый вид воинской организации из ряда других (*полкъ*, *рать*), были настолько важны и значительны, что не давали возможности смешивать эти понятия. К таким признакам относятся прежде всего приближенность к князю, участие, по крайней мере верхушки дружины, в обсуждении и решении различных вопросов с князем и постоянность и немногочисленность состава. Дружина — это кадровые военные; как войско дружина переходила по наследству от князя к его преемникам, и т. д.

Все это выделяло дружину из других видов военных сил. В известном смысле *дружина* всегда противопоставлялась *полку* (=ополчению, набираемому ad hoc): «Ирополкъ с дружиною своею и съ братьею ни вои своихъ съждавше» (И., 6644, 297—298); «А полкъ его и дружина его оу мене суть» (И., 6660, 464, 167); «А се полкъ мой и дружина моя. ты ради» (И., 6662, 471, 169).

Летописи не дают ни одного примера на употребление термина *полкъ*, *рать*, *сила*, *вои* в значении 'постоянное войско князя' (=дружина). Утверждение С. Д. Ледяевой о том, что «слово *полкъ* кроме значения 'войско вообще' в летописном языке XI—XIII вв. отмечено с другим значением — 'дружина'»,⁴³ основано на неправильно истолкованных С. Д. Ледяевой употреблении термина *полкъ*. Так, в приводимом ею контексте: «Володимѣрь же

⁴² См. об этом: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 434.

⁴³ С. Д. Ледяева. К вопросу о некоторых названиях. . ., стр. 166.

перебредь рѣку с малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и бояре его ту падоша. . .» (Пов. вр. л., 1093) — термин *полкъ* не может быть осмыслен как 'дружина' (постоянное войско князя), ибо из предыдущего контекста известно, что Владимир, выступая на битву с половцами, «собра *вои* (подчеркнуто нами, — Ф. С.) свои» и вступил в битву не с одною только *дружиною*, а со всеми своими *воями* (= *полкомъ*). Дружина, как свидетельствуют историка народа и военные историки, не выступала как самостоятельная военная единица.

Можно утверждать, что в этом примере *дружина* употребляется в значении 'полкъ' (что находит многочисленные подтверждения в летописном языке), хотя и это допущение возможно лишь с известной степенью вероятности. Скорее всего, *дружина* обозначает здесь 'постоянное кадровое войско'; лишь *дружина*, видимо, смогла вместе с князем перейти реку, тогда как остальная часть войска (= полка) была 'избита'. То же самое можно сказать и об употреблении этого слова в Лаврентьевской летописи под 1022, 1111 и 1151 г.: «Слышавъ же се князь Косоужьскый Редедя. изиде противу тому [Мьстиславу]. и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу. что ради губивъ дружину межи собою. Но съидевъ ся сама бороть» (Л., 6530); «[Князь] оукрѣплѣ на брань и оттуда въѣха въ полкъ свои и оукрѣпи дружину свою» (И., 6659, 437, 158).

Слово *дружина* — общеславянское. Оно довольно широко употребляется не только в русских, но и в южнославянских памятниках. Известно оно и болгарскому — *дружина*, и словацкому — *družina*, и чешскому — *družina*, и польскому — *družina*, и сербохаватскому — *дружина* языкам (Преображенский, Фасмер). Во всех славянских языках, кроме древнерусского, слово *дружина* известно со значением 'отряд', 'общество'; в словенском также — 'семья', 'домочадцы', в чешском — 'товарищи', 'знакомые'.

Но в военном значении, в значении 'приближенное к князю постоянное войско' (и во вторичных военных значениях) термин *дружина* является принадлежностью только древнерусского языка. Есть все основания предполагать, что употребление термина *дружина* в этом значении в переводных памятниках, появившихся на древнерусской почве («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, Хроника Георгия Амартола), — вклад русского переводчика. В. М. Истрин в своем исследовании о Хронике Георгия Амартола указывает, что так называемый сербский Амартол не знает слова *дружина*.

Характерно, кстати, что В. М. Истрин употребление термина *дружина* в значении 'определенный воинский отряд' использует в качестве одного из доказательств русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола.

Княжеская дружина была собственно военной организацией княжества, но, как пишет Ключевский, «и большие. . . города

были устроены по-военному, образовывали каждый цельный организованный полк, называвшийся тысячей, которая подразделялась на сотни и десятки. . . Городовые полки, точнее говоря, вооруженные города принимали постоянное участие в походах князя наравне с его дружиной».⁴⁴

Наиболее раннее свидетельство об употреблении термина *тысяча* в этом значении относится к 6597 г.: «При багородѣнѣмъ князи Всеволодѣ. . . , воєводство держащу Кыевськыя тысяща *Пиневи*» (Л., 6597). В этом случае слово выступает в сочетании *держати тысящу(а)*, которое образует терминологическое значение 'быть тысяцким, воеводой городского ополчения'. Ср. также *прѣдѣржати тысячу*: «Тысячу предержащу Роману Михайловичю» (Л., 6760, 473, 166). Но известны случаи свободного, вне этих сочетаний, употребления термина *тысяча*: «А самъ приа тысячу от него» (И., 6749, 793, 267).

Таким образом, *тысяча* 'городское войско', 'городская дружина' была постоянной военной организацией города и тем как бы противопоставлялась княжеской военной организации. Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый князем *тысяцкий*, сотнями и десятками — также выборные *сотские* и *десятские*. Эти выборные начальники составляли военное управление города и примыкавшей к нему области, военноправительственную старшину, которая называется по летописи *старцами градскими*. *Старцы градские* (выборные военные власти города, его военная администрация) принимали участие в совещаниях с князем наравне со *старшей дружиной*: «Созва Володимерь боляры свои и старци градскіѣ» (Л., 6495) и др. Это дало основание некоторым исследователям считать, что *десятские*, *сотские* и *старцы градские* входили в состав *дружины*. На самом деле это было не так. Дружина не делилась на сотни и десятки, это деление как раз характерно для народного ополчения и городского войска. Видимо, *старцы градские* совмещали в себе функции военной и гражданской администрации. Это приводило в языковом плане к разрушению строгой устойчивости сочетания. Ср. разночтения: «старцы градские» (Н. I, 6504) и «старцы людские» (Л., 6504), а также употребление термина *старцы* в том же значении без сочетания с определяемым прилагательным: «И рѣша боляре и старци. Вѣси княже, яко своего никто же хулить» (Л., 6495).

Близко или тождественно по семантике терминам *ратъ*, *полкъ* и *дружина* (в значении 'войско вообще') и слово *вои* (мн.). Это обобщенное название воинов независимо от их социального положения и воинской иерархии, название дружинников и ополченцев, составляющих собственно *полкъ* или *ратъ*; это наименова-

⁴⁴ В. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 197—198.

ние и русских воинов и воинов союзных или противоборствующих народов. Невозможно установить какие-либо различия в употреблении этого слова в применении к той или иной категории воинов, перечисленных выше: «И повелѣ Сѹлегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставлати на колеса корабла» (Л., 6415, 30). Обязательство греков: «И та страна не покараѣтсѣ вамъ [и] тогда аще просить вой оу насъ князь Руский. да воюеть» (Л., 6453, 51); половецкие воины: «И проидохъ сквозѣ Половѣчьскыи вой бѣасѣ. до Переяславла» (Л., 6604, 248, 81 об.); немецкие воины: «Сѣбравшесѣ Нѣмци, местерь со всеми своими вой пришедше подъ городъ подъ Яму» (Н. I, С., 6952, 424). *Вой* широко употребляется и в переводных текстах религиозного или житийного содержания, причем слово выступает там в двух значениях. Одно из них полностью совпадает с отмеченным выше: «И съступисѣ море о Фараонѣ. и о воихъ его» (Л., 6494, 96, 32); «Пришѣдъшю . . . нѣкому царю и вой объсѣдъшю Иѹрусалима» (Гр. Наз., XI в., 273). Здесь *вой* соответствует *στράτοπεδον* греческого оригинала.

Другое значение — обобщенно-распространительное — 'воинство', 'силы, противостоящие кому-либо'. Это обычно обозначение противоборствующих сил добра и зла, божественных и сатанинских сил и т. д., причем часто в таких употреблениях имеют место переносно-образные оттенки значения. «Орѣжье . . . отъ Бога даровасѣ на диввола и вой тѣмныи лоукавства доухы» (греч. *στρατηγικὴ νίκη*) (Панд. Ант., XI в., Амф.); «Съ небесными вой» (Илар., Исп. вер.); «Храми Божии сѣтъ вой свѣтии» (Изб., 1073 г.); «Достоинъ бывъ вышнихъ вой» (Стихир., XII в.). В последнем случае слово *вой* приобретает эмоционально-экспрессивную окраску возвышенности, торжественности.

Это значение известно и летописным текстам; оно реализуется или в заимствованных контекстах, или в религиозно-нравственных рассуждениях летописцев: «. . . нѣбеснии вой видаще» (И., 6683, 585, 207).

Но уже в ранних памятниках древнерусского языка слово *вой* начинает употребляться только по отношению к ополченцам или к рядовым воинам (в отличие от бояр, воеводы, дружинников и т. п.). Так, в «Повести временных лет» под 6488 г. различаются (противопоставляются) *вой* и *дружина*: «Володимеръ . . . вышедъ въ дворъ теремныи штечь . . . сѣде ту [с вой и] с дружиною своею» (Л., 6488, 78, 24 об.); «Мало имаши вой. он же речѣ имѣю отрокъ своихъ . . . иже могутъ противу имъ стати» (Л., 6601, 218, 72 об.); «Изаславъ же и король скупивше все свои вой и всю свою дружину» (И., 6660, 449, 162); «И не соуть вой твои. но соуть ѿсобнии князи» (И., 6749, 792, 267); «Владыка Иванъ благослови своихъ дѣтѣи и воеводы Новгородъскыи и вси вой» (Н. I, С., 6906).

«Войско Киевской Руси состояло из княжеских дружин и из народного ополчения — воев. Дружины были постоянными воинскими организациями, которые содержались и вооружались за

счет князей, богатых и знатных людей. В число воев входили главным образом сельчане и горожане. Для того чтобы собрать их, требовалось решение веча. Без веча можно было собирать только тех смердов, которые не зависели от веча и находились во власти князей. После окончания похода народное войско распускалось. Кроме воев и дружин были еще вспомогательные части, нанимаемые главным образом из тюркских кочевников».⁴⁵

В связи с тем, что внутренняя форма слова *вои* была весьма прозрачной — 'военный', 'принадлежащий войску', термин этот все больше и больше становился всеобъемлющим, начиная служить наименованием всякого военного человека. Когда же необходимо было отразить положение воина в воинской иерархии или профессиональную характеристику, язык прибегал к выработке составных терминов — названий типа *верховниѣ воѣ*: «Володимеру же шедшу Новугородоу. по верховниѣ воѣ на Печенеги. бѣ бо рать велика бес перестани» (Л., 6505, 127, 44) (в И. и Х. списках летописи: *верхние*); *Великии вои*: «Соущи ти с великими вои» (И., 6739, 766, 259 об.). Ср. также *вои корабленни* (Ник., 6420, I, 26); *вои лодейные* (Н. V, 6430, 27).

Вои — это прежде всего войска, участвующие в битве, готовые или подготавливающиеся к битве, к походу и т. п. Большинство ситуаций, в которых употребляется это слово, напоминает ситуации, в которых употребляется термин *полкъ*: «Володимеръ же изряди воа своа и повелѣ приспу сыпати» (Л., 6496); «На утрии же день Гюрги и Святославъ исполчивша воѣ свои. поидоша к городу» (Л., 6660, 338, 113); «Приде Ростиславъ съ Смолнаны съ множествомъ вои» (И., 6659, 423, 153); «Данилови . . . посла на нѣ вое свое. и гнаша по нихъ до Горы» (И., 6743, 778, 263); «Володиславъ бѣжа мнозии избити от вое его» (И., 6719, 7300, 249); «Данилови же. на конѣ сѣдащоу и воѣ радащоу» (И., 6759, 813, 273). Ср. также сочетания: «изиде с вои» (Л., 6366, 19); «приде с вои» (Л., 6488, 76, 24); «ити вои» (=идти войной) (Супр., 157) и т. п. Характерно в этом отношении разночтение в различных списках «Повести временных лет» — *вои* ↔ *полкъ*. Так, в Лаврентьевской летописи читаем: «А ты князь ли еси. и пришелъ есмь въ сторожѣхъ. и по мнѣ идеть полкъ со княземъ бещисла множество» (Л., 6776, 66—67, 20). В Новгородской 1-й летописи вместо *полкъ* стоит *вои*: «. . . а по мнѣ идуть вои съ княземъ бещислено множество» (Н. I, С., 6476, 19). Ср. также: «скупа вои свои многое множество исполца полки своа» (И., 6662, 477, 171 об.).

Конструкция *выйти на кого-либо со всеми своими вои* употребляется как вариант конструкции *выйти на кого-либо со всеми силами (полки)*. Так, в Ипатьевской летописи: «. . . выпешоу со всеми вои» (И., 6739, 765, 259). Из сопоставления условий функционирования терминов *вои*, *силы*, *дружина* ('войско вообще')

⁴⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 321.

можно установить, что *множество вои* = множество силы: «Андрѣю разгордѣвшю надѣяса на множество вои» (И., 6631, 287); *Въ малѣ дружины* = *въ малѣ вои*. Здесь возможно опущение как *дружины*, так и *вои*: «Посла же князь Данилъ Лва и Тевтивила. и Едивида и Дворьского. и всѣ воѣ самъ же оста в малѣ со старыми бояры со Юрьемъ тысяцкымъ» (И., 6762, 822, 275 об.). Обычны в летописном языке сочетания: *совокуплати воѣ (вои)*, *копити воѣ (вои)*, *скопити воѣ*, *собираати воѣ* и т. п.: «[Святославъ] собравои и прогна Печенѣги в поли и бысть миръ» (Л., 6476, 67, 20); «Игорь же совокупивъ вои многи . . . и тали оу нихъ поа. поиде на Греки» (Л., 6432, 45); «И ту сбиша воѣ придоста к Володимеру» (Л., 6605, 262, 88 об.); «А лъстяще ими, а вѣе копчѣе и яко скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ» (Н. I, С., 6701, 167); «Совокупившимъ же сѧ воишемъ» (И., 6761, 819, 274 об.). Это свидетельствует о том, что войны, несмотря на общий признак, объединяющий их в одно понятие, не представляли собой безликую нерасчлененную массу вооруженных людей. Об этом говорят и такие употребления этого слова, как: «И повелѣ сбирати вои отъ мала до велика» (Л., 6586, 201, 67 об.).

Вои — временное войско, ополчение, собираемое князем на случай военных действий. Это ясно ощущалось в сознании носителей русского языка, по крайней мере в старший период истории русского языка: «Ирополкъ же постоа несколько дѣний оу Чернигова и възвратиса в Киевъ. и распусти вои» (И., 6643, 296); «Дюргеви же еще не роспустившю вои» (И., 6658, 404, 146 об.).

В значении 'отдельный воин' в Четвероевангелии 1144 г. употреблено сущ. *вои* (ед. ч.): «Имате ли воѣ» (Мф., XXVII, 65; Четвероев. 1144, 66). Трудно что-либо сказать относительно значения, особенностей функционирования в древнерусском языке данной словоформы: для этого нет материалов. Во всяком случае можно утверждать, что для русского языка *вои* (ед. ч.) в значении 'воин' было нехарактерно. Эта словоформа зафиксирована в оригинальных памятниках в значении 'войско', 'вооруженные силы' (с оттенком собирательности). Слово в этом значении известно по памятникам более раннего времени, чем *воиско*: «Ирославъ и Мъстиславъ. собраста вои многъ. идоста на Лахъ» (Л. 6539, 150); «Нашѣ царь богатѣе тѣбѣе не множествомъ злата, но множествомъ воя» (Сл. Дан. Зат.). Еще: Л., 6544, и др.

Очевидно, слово *вои* (ед. ч.) в знач. 'войско' было обычным наименованием вооруженных сил, т. е. оно входило в состав практического военного языка эпохи. Конкурирующий с ним термин *воиско* завоевывает права полноправного члена системы военных обозначений значительно позднее начального периода древнерусской письменности.

В различных списках «Повести временных лет» наблюдаются интересные разночтения. Так, в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи под 6496 г. читаем: «Корсуныя подко-

навше стѣну градную, крадяху сыплемую крѣсть и ношаху к собѣ въ градъ, спуще посреде града; вои же присыпаху боле» (Н., I, С., 6496, 55). В Лаврентьевской летописи вместо *вои* стоит *воини*. В Лаврентьевской летописи: «Николиже помышлю на страну вашу. ни собираю вои ни языка» (Л., 6480, 73, 22 об.). В Радзивилловской — *вои* соответствует *воини*; в Академическом списке ошибочно *воивоини*. Термин *воинъ* входит в лексический состав древнерусского языка относительно поздно. В летописях его употребления единичны и должны быть квалифицированы как вклад переписчиков позднейших летописных списков. В составе древнерусской летописи наличие этого слова трудно предполагать. В «Материалах» И. И. Срезневского не приведено ни одного примера на употребление этого слова в языке оригинальной русской письменности (все примеры из переводной литературы религиозного содержания), что свидетельствует как будто бы о приуроченности слова в древнейшую эпоху к церковнославянской языковой стихии, по крайней мере говорит о чуждости его живому разговорному языку эпохи.

Однако нельзя сказать, что этот термин был вовсе неупотребителен в летописях эпохи средневековья. Выше уже был приведен ряд примеров на употребление слова в летописном языке. Число их, конечно, этим количеством не исчерпывается: «Аще ли хотѣти начнешь наше царство тѣ васъ воина пртиваша аса нам. да пишу къ великому князю вашему» (Л., 945, 52); «Потомъ же яша челоувѣка, именемъ Николу воина на того возложиша вѣнць» (Н. I, С., 6712, 182). Последний случай относится к употреблению слова *воинъ* в переводных текстах (из пересказа-перевода повести о взятии крестоносцами Царьграда, взятого из византийских или болгарских хронографов). Не более десяти раз употреблено слово в Ипатьевской летописи, причем все случаи употребления падают на оригинальные контексты: «Оже приедоуть Половци с воины. а се слышахомъ оже избити имъ княза и васъ и всю Роусь» (И., 6693, 650, 226 об.); «Извѣдалъ кдѣ Данила и Василко ѣхалъ быхъ на н. аще бы ми с десятию воинъ ѣхалъ быхъ на н.» (И., 6757, 801, 269 об.); «Онъ же воинъ. оуправи десъницу свою. иземъ рогтичу ис поаса своего далече вергъ» (И., 6764, 833—4, 278). В XIV—XV вв. наблюдается та же картина: термин *воинъ* употребляется в основном в составе религиозно-нравственных контекстов: «Видиша бо вѣрнии, яко въ 9 часъ бьющеся ангели помогаютъ крестьяномъ, и святымъ мученикъ полкъ, воина Гергия» (Н. IV, 688, 320, 218). Лишь единственный случай употребления термина в 4-й Новгородской летописи указывает на наличие его и в светской письменности (в живом разговорном языке XIV в.): «Подобаетъ ти и всегда у меня начальникомъ быти, яко толико дръзновени и подвигъ ко мне показа, яко никто отъ моихъ воинъ» (Н. IV, 6845, 479, вар. Д.). Но постепенно слово проникает в лексическую систему русского языка, приобретая при этом права

специального наименования отдельного воина, хотя еще сохраняет налет «книжности», «высокости» (см. об этом ниже, стр. 160).

Воиникъ как синоним терминов *воинъ* и *вои* дважды употребляется в Ипатьевской летописи: «И никого не вѣдѣ въ нихъ воиника но отроки держаща конѣ» (И., 6740 (769) 260 об.); «Многажды побѣжаше поганые или иногда многажды посылающими има на поганыхъ. еже Скомондѣ. и Бороуть. зла воиника иже оубыена быста» (И., 6756 (799) 259).

Акад. П. А. Лавров считает термин *воиникъ* словом югославянского происхождения.⁴⁶ В сербском, словинском и болгарском языках *воиникъ* и теперь имеет значение 'воин', 'солдат' (серб.-хорв. *војник*, словин. *vojnik*, болг. *войникъ*). В западнославянских языках это слово не отмечается. Соглашаясь с этой точкой зрения П. А. Лаврова, акад. В. М. Истрин, на наш взгляд, совершенно справедливо пишет, что слово *воиникъ* встречается также и в древнерусских памятниках и было хорошо известно «русскому книжнику» уже с XI в.⁴⁷

Однако надо заметить, что в живом употреблении это слово в восточнославянской языковой области не было известно, оно так и осталось достоянием именно «книжников», книжного языка. Возможно, что Ипатьевская летопись отражает как раз влияние южнославянской письменности. Ведь в других памятниках это слово не обнаружено.

Вторым значением термина *воиникъ* было 'военачальник': «[Епископъ] без царского повелѣния не можетъ быть призываем на суд к князю гражданскому или къ воинику» (Корм. Моск. Дух. Ак.) — перевод греческого *ἄρχων στρατιωτικῆς*. По всей видимости, это значение не было общепринятым даже для церковнославянского языка, его можно считать окказиональным. Его судьба никаким образом не отражается на судьбе других наименований этой группы. Все слово было утеряно русским языком. Еще менее ощутимы связи с живой системой военного употребления у слов *оиминъ*, *оимъ* в значении 'воин' и у прил. *оимьскыи* 'воинский': «И яко же оимьскъ имать: оиминъ, начальникъ пиномъ, воєвода» (Гр. Наз. XI в., 46); «Видѣхомъ Феодоула оїмина» (Пат. Син. XI в., 27) и др. Все памятники переводные, церковно-канонические. «По Жидохъ странныа оимы намѣняеть» (Псалт. толк. Феодорит., пс. XXI., 17 толк. В.); «Колико отъ нашихъ оимъ на рати падоша» (Супр. р., 68); «Потомъ же почитаешъ оимьско число оть многъ странъ воевати оумѣюща пришедша» (Иез. XXVII, 11 толк., по сп. XV в. В.).

Как существительное в обеих формах, так и прилагательное известны только старославянскому языку. Целый ряд исследова-

⁴⁶ П. А. Лавров. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. Slavia, гоѣ. IV, sesit 3. Praha, 1925, str. 476.

⁴⁷ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском языке. Текст, исследования, словарь, т. 3. Пгр., 1922, стр. XXXV.

телей обращался к установлению этимологии слова *оиминъ*. А. Лескин пытался сопоставлять церковнославянское *оиминъ* с древнеиндийским *yudhmās* 'борец', 'боец' и литовским *jūndū, jūsti* 'приходить в колебательное состояние', 'начинать двигаться', причем считалось, что старославянское *оиминъ* отражает корень **jьm* (< **jьdm*).⁴⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ связывает *оиминъ* с корнем **jьm* 'братъ' и, ссылаясь на русское диалектное *оймовать* 'владеть' (перм.), предлагает считать, что первичным значением слова *оиминъ* было 'тот, который захватил', 'завоеватель'.⁴⁹ Г. А. Ильинский, отвергая предложенные А. Лескиным и И. А. Бодуэном де Куртенэ этимологии (прежде всего по соображениям фонетическим: корень **jьm* в древнецерковнославянском должен был бы дать *обиминъ*, при этимологии Лескина, и *обоиминъ*, при этимологии Бодуэна), считает, что *оиминъ* (мн. *оими*) образовано от основы на -о- **оjьто*, что дает возможность сближать его с греческим *οἶμος* 'дорога, тропинка' и древнеиндийским *ītas* 'ход'. Следовательно, первоначальное значение *оиминъ* должно быть, по мнению Ильинского, 'быстро, стремительно идущий человек', 'нападающий, штурмующий человек'. Близко к древнецерковнославянскому *оиминъ* стоит греч. *οἶμα* 'бурное нападение'. «Если изложенная этимология слав. *оjьmin* верна, — замечает ученый, — то это слово не только окажется ближайшим родичем до сих пор необъясненных др.-инд. *aṣas* 'неукротимый', 'дикий' (ср. Uhlenbeck. AI, EW. 12) и лит. *oīme* 'толпа' (которое сравнивал с церковнослав. еще Matzenauer, LE, XI, 348), но и может служить превосходной семасиологической параллелью к славянскому же *vojьnъ*, которое, как показывает лит. *viti* 'гнать', 'преследовать', лат. *venog* и др.-инд. *vēti* 'преследует', 'стремится', также обозначало человека, более или менее стремительно и бурно атакующего». ⁵⁰ М. Фасмер по существу ограничивается приведением указанных этимологий своих предшественников, не добавляя к ним ничего нового.

Вряд ли верны соображения И. А. Бодуэна де Куртенэ о возможности сближения *оиминъ* с диалектным русским *оймовать* в связи с трудностями фонетического и семасиологического характера. К тому же установление связи между этими словами было бы косвенным признанием более широкой распространенности термина *оиминъ* в славянских языках. Между тем, как уже говорилось, он был известен только церковнославянскому языку.

⁴⁸ См. статью А. Лескина об этимологии слова в сб.: *Indogermanische Forschungen*, XIX. Strasburg, 1906, S. 398 et sqq.

⁴⁹ См. статью И. А. Бодуэна де Куртенэ об этимологии слова в сб.: *Indogermanische Forschungen*, XXI, S. 126.

⁵⁰ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. ИОРЯС, т. XXIII, кн. I, Прг., 1918, стр. 144—146.

Воиско. В «Материалах» И. И. Срезневского приводится два примера на употребление слова *воиско*. Один — из «Летописца Переяславля Суздальского» под 6496 г., другой — из Псковской 1-й летописи под 6971 г. Как будто можно было бы считать, что раннее употребление слова *войско*, зафиксированное в нашей письменности, относится к X в.: «Припусти воиско къ граду» (Лет. Переясл., 6496). Однако следует подчеркнуть, что в древнейшую пору древнерусского языка оно малоупотребительно или вовсе не было известно русскому языку. У нас нет другого примера (кроме приведенного И. И. Срезневским) на употребление слова *воиско* до XIV в. Видимо, наличие термина в «Летописце Переяславля...» следует считать вкладом позднейшего переписчика списка этой летописи. В 4-й Новгородской летописи можно отметить уже до десяти случаев употребления термина *воиско*. Самый ранний из них относится к 6845 г.: «Въ 4 же день приспѣ тогда Родионъ Нестеровичъ с воискомъ своимъ» (Н. IV, 6845, 479, вар. Д.). На этот же год падает еще два употребления термина. Остальные случаи относятся к 7036 г. «И приведоша его к великому князю и къ его братии и ко всему воиску» (Н. IV, 7036, 544, 402 об.). Аналогично употребление слова и в 1-й Псковской летописи под 6971 г. Как видно из этих употреблений, термин *воиско* имел значение 'вооруженные силы', 'воины', 'войско' и вступал, таким образом, в синонимические отношения с терминами *рать*, *полкъ*, *вои*, *сила*. Пополнение синонимического ряда новым элементом произошло не ранее XIV в.

Воиско обычно набиралось на время военных действий: «Онкиеъ же стоя тогда ратью по(д) градомъ 3 дни; нелзе бѣше собрати воиско великому князю Ивану» (Н. IV, 6845, 479, вар. Д.). Иногда *воиско* как наименование вооруженных сил, набираемых на время военных действий (из народа?), противопоставляется постоянной военной организации или же привилегированным военным отрядам: «И идоша [посланцы Родиона] нощию в градъ Переяславль сквозь полки Тверския и ска(за)ша великому князю, яко Родионъ просилъ на помощь и ста оу града за 5 верстъ, а с нимъ его дворъ, а иного воиска мало» (Н. IV, 6845, 479, вар. Д.). Как видно, командовал *воиском* не князь, а воевода, посадник: «Посадникъ Дороеи съ своимъ воискомъ» (П. I, 6971).

Мы привели здесь почти все случаи употребления термина *воиско*, они весьма немногочисленны: до XVI в. насчитывается не более десяти употреблений, относящихся к четырем погодным записям и ограниченных рамками трех памятников (Лет. Переясл., 4-я Новгородская и 1-я Псковская летописи). Это довольно красноречиво свидетельствует о малоупотребительности термина в древнерусском языке.

Сила. Одним из широкоупотребительных наименований войска, воинских сил в древнерусском языке был термин *сила*. Это слово менее всего может быть отнесено к терминам, даже если исходить

при этом из состояния военной терминологии первых веков древнерусской письменности.

Значение слова *сила* широко и во многих своих чертах недостаточно определено. 'Войско' различного характера — дружина, полкъ, вой, сторожа, застава и т. п., любой численности, русское, наемное из воинов других народностей, вражеское и союзное, участвующее и не принимающее участия в битве, в походе и на стоянке и т. д. — могло именоваться *силой*. «Приде Изаславъ съ силою Киевскою» (И., 6654, 333); «Изаславъ же оувѣдѣвъ по собѣ идуща Володимирка с силою заложаса ночью поиде г Къеву» (Л., 6658, 330, 110); «Побиются с нами. а сила наша за нами далече» (И., 6658, 412, 149 об.); «Изаславъ и Ростиславъ и Всеволодичъ. видѣвше силу Половечскую повѣлѣша людемъ бѣжати изъ острога в дѣтинецъ» (Л., 6660, 338, 113); «И поиде князь Витовъ съ своими князи и со всею силою Литовскою на царя Темиръ Кутуля» (Н. I, С., 6907, 389). Обычны в древнерусском языке сочетания *собрати силу велью (великую), придти с силою мною (великою), придти в силѣ тяжцѣ (велицѣ), всею силою, оступити градъ в силѣ тяжцѣ, совокупити силу, придти силою, приступити силою стати силою* и т. п.: «И приде ко Царюграду в силѣ в велицѣ в гордости и створи миръ с Романомъ» (Л., 6437, 43); «Приде Святполкъ с Печенеги. в силѣ тяжцѣ. и изиде противу ему на Лѣто» (Л., 6527, 144, 49); «Поча Володимеръ приступати силою» (И., 6658, 401, 145 об.); «И пришедше всею силою стана около города» (Л., 6660, 938, 113); «Князь же Гердень совокупи около себе силу Литовскую і погонися по нихъ» (Н. I, С., 6774, 285); «Андрѣи же Георгиевичъ и Володимеръ Андрѣевичъ. с Половци налегоса силою и тако переѣхаша Лыбѣдъ» (И., 6659, 431, 136).

В ряде случаев условия контекста ставят слово *сила* в синонимические отношения со словами *вой, дружина, рать, полкъ*, причем какие-либо отличия в семантическом плане или в стилистической окраске этих слов обнаружить удается не всегда: «„Пойду, рече, плѣню землю Александрову“ и собра вой множество, силу велику зело, Свѣя съ княземъ и с пискушы своими и Мурманъ и Сумь... и подвижеса в силѣ велицѣ» (Н. I, С., 6748, 253—4; из КАТ, Сказание об Александре); «И се поиде велика рать Мамаева и вся сила Татарская» (Н. IV, 6888, 319, 216 об.); «Темиръ-Кутлуи ... силу свою всю распустилъ воевати землю Литовскую. И ходиша рати Татарьскыи воюючи и жьгоущи волости» (Н. IV, 6907, 385, 255). Однако уже эти примеры свидетельствуют и о другом — об отличиях в значении слова *сила*, с одной стороны, и *рать, вой, дружина, полкъ* — с другой. *Сила* обозначает в них совокупность отдельных вооруженных отрядов. В последнем примере несколько ратей образуют «силу» князя Темир-Кутлуя. Ср. также: «Елма же царь распусті силоу Тотарьскую по земли Руской воевати княжение Роуское великое..., а ині полці ходиша

къ Звънігороду» (Н. IV, 6890, 337, 230); «И прииде на Коломну, и събравъ вои своихъ 100 000 и 50 000, опрочно рати княжей и воеводъ мѣстныхъ, яко же при семъ князи: бѣаше всеа силы и всихъ ратей числомъ с полтора (сто) тысящъ или с двѣста» (Н. IV, 6888, 314, 213).

Неполное совпадение семантики находит выражение в частичном несовпадении сочетаемости слова *сила*, с одной стороны, и *полкъ*, *рать*, *дружина*, *вои* — с другой. Устойчивые сочетания *придти в силѣ тяжцѣ* (*велицѣ*), *оступити градъ въ силѣ тяжцѣ* не имеют параллелей в случаях, когда вместо *сила* употребляются синонимичные обозначения.

Следует отметить, что *сила* употребляется во всех случаях, когда речь идет о начале военных действий, о военном походе, обозначаемом сочетаниями *пойде ратью*, *посла рать*, *ходити ратью* и т. п.: «Скиригаило... ходилъ ратью с Литовскою силою и с Немечкою подъ Полтескъ» (Н. IV, 6894, 347, 238); «Витовтъ... съ всею силою прииде ратью к Смоленскоу, а князь Юрьи затворися въ городъ» (Н. IV, 6912, 996, 262 об.). Приведенные примеры свидетельствуют о закончившемся процессе отпочкования военного значения в слове *сила* (наиболее употребительном в русской письменности именно в этом значении). Однако в большом количестве употреблений легко вскрываются тесные связи специализированного, несомненно вторичного значения, с «бытовыми» значениями многозначного слова. В таких употреблениях значение «войско» затухает, отходит на задний план или вовсе не ощущается: «Не стояти Олговичемъ противу нашей силѣ» (И., 6644, 298); «Сѣде Олговичъ в Кыевъ. и нача замышлати на Володимиричъ... надѣясѣ силѣ своеи» (Л., 6647, 307, 102); «Самъ же иде к Переяславу на Андрѣя надѣя бо сѣ силѣ своеи» (И., 6648, 304); «Всеволодъ Чермныи сдѣ в Кыевъ надѣясѣ на свою силу» (Л., 6714, 427, 144 об.); «Берендѣеве же видѣвше силу юго убоявшасѣ. и рѣша Изаславу поиди княже прочъ сила юго велика. а оу тебе дружины мало» (Л., 6658, 327, 109); «Король же с великою любовью посла воевъ в силѣ тажцѣ» (И., 6716, 724, 247); «Прииде Едегій тестъ Шадѣбега царя Татарьскаго, ратью со многою силою к Москвѣ» (Н. I, С., 6916, 396); «Мнѣ покорилъ Богъ вси языки, ты единъ не хочеши мнѣ покоритися, ни силѣ моеи» (Н. I, С., 6753, 270).

В этих примерах значение слова *сила* приближается к значению «могущество», «мощь» или «множество», «большое количество». Особенно в таких примерах, как: «А полкы имѣю а силу имѣю» (И., 6659, 429, 155 об.); «Надеющесѣ на силу погании и поидоша противу нашимъ» (И., 6680, 558, 199); «Половци же ... совокоупившесѣ и постигаша полкы Ростислави Ририковача видивше сялоу ихъ и не смѣяша наеихати» (И., 6701, 678, 234 об.); «И он [языкъ] повѣда силу велику Немѣчкои рати подъ Изборскомъ» (Н. V, 6850, 257, 608).

В ранней письменности *сила* в военном значении обычно употребляется в единственном числе. Лишь два случая употребления слова в этом значении во множественном числе имеются в Ипатьевской летописи: «И тако придоша Новгородци съ Изаславомъ всими силами своими и Пльсковичѣ и Корѣла» (И., 6656, 370); «И приде емоу Ростиславъ и съ всеми Роускими силами полкы и съ Смоленскими и тоу съвкоупишася» (И., 6656, 370). Но уже к концу XIV в. новгородская письменность дает довольно многочисленные примеры (в 4-й Новгородской летописи их более 30) употребления этого термина именно во множественном числе: «И нача свѣрѣпо и напрасно силы своя сбирати съ яростию подвижеся силою многю, хотя пленити крестьян» (Н. IV, 6888, 312, 211); «И вседше на коня своя, и поидоша скоро из града многими силами на тѣхъ воеводъ великого князя, на передовыя полки» (Н. IV, 6979, 508, 360 Д.); «Князь великий Иванъ Василіевичъ посла рать свою в Литовскоую Землю, князя Данила Василіевича Щеня и иные воеводы, съ многими силами; и придоша противу ихъ Литовскаа сила» (Н. IV, 7008, 460, 376 об.). Все другие употребления аналогичны приведенным выше.

Расширение употребительности слова *сила* во множественном числе, очевидно, свидетельствует о некоторых изменениях в системе его значений, о дальнейшей специализации значения. Слово постепенно завоевывает право обозначать не только 'вооруженные отряды', 'войско' в целом как нечто нераздельное, нерасчленимое, но и отдельные части его, которые, объединяясь в общее, в единую войсковую организацию, сохраняют и свою самостоятельность. В дальнейшем этот процесс будет продолжаться и приведет к утверждению в языке именно множественного числа слова *сила* для обозначения 'военных сил'. Надо отметить, что процесс этот захватил (или проходил одновременно) и сферу религиозно-учительной литературы. Так, в той же 4-й Новгородской летописи встречаемся с употреблениями типа: «Тебе поклоняются небесные силы» (Н. IV, 6888, 317, 215 об.); «Призываше собѣ на помощь великого заступника и скоропомощника на бранехъ воеводу небесных силъ архистратига Михаила» (Н. IV, 6979, 506, 358).

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях есть интересные случаи употребления слова *люди* (*людие*) для обозначения 'войска', 'вооруженной силы'. Слово *люди* (*людие*) вступает, таким образом, в синонимические отношения с такими терминами, как *вои*, *воинъ*, *ратъникъ*—*ратници*, *сила*, *ратъ*, *полкъ*: «И приде Володимеръ Кіеву съ вои многи. и не може Ярополкъ стати противу. и затвориса Кіевѣ с людьми своими и съ Блудомъ [воеводою]» (Л., 6488, 76, 24); «...Король же то слышавъ. пусти ко Изаславу с Володимеромъ. тысячъ добрыхъ людий» (И., 6658, 409, 148 об.); «Данилови же и Василкови поноужающима людий своихъ соехати на нѣ» (И., 6740, 769, 260 об.); «А молодые князи прибѣжали в малѣхъ людий» (Л., 6731, 509, 234).

Два последних употребления слова *люди* аналогичны употреблению терминов *вои*, *сила*, *дружина* в подобных же ситуациях: *пришелъ въ малѣ, в малѣ (велицѣ) силы, въ малѣ дружины*. Ср. также параллели: «Исполчи вса людии своѣ» и «исполчи вои» и т. д. Употребление слова *люди* (*людие*) в значении 'воины', 'войско' в начальный период древнерусской письменности имело эпизодический характер. Это был только своеобразный контекстуальный синоним к терминам *вои*, *сила* и т. п. Но это было началом приобретения словом *люди* военного значения, которое затем, судя по широте употребления его в памятниках XV—XVI и XVII вв., довольно прочно закрепилось за ним. Интересно отметить, что наиболее употребительным слово *люди* было в новгородских памятниках XV—XVII вв., тогда как XI—XIII вв. новгородской письменности не дают ни одного примера подобного рода. Из южнорусских памятников Ипатьевская летопись содержит наибольшее количество примеров на употребление слова *люди* (*людие*) в значении 'воины', 'войско'.

Стагъ. Наряду с основным значением — 'боевое знамя' (как символ боевой чести, воинского достоинства) термин *стагъ* довольно широко употреблялся в значении 'войско', 'вооруженная сила', возникшем путем метонимических переосмыслений: «Видивъ Олегъ яко поиде стагъ Володимеръ и нача заходити в тылъ его, и убоиася и побѣже Олегъ» (И., 6604, 225); «Стоять стязи въ Путивлѣ» (Слово); «Сего бо нынѣ сташа стази Рюриковы, а друзі и Давидовы» (Слово). «И поча выступати стагъ ѿ Ъголюбого. и людье не могоша сѧ ни мало оудержати. но вси вопыхуть» (И., 6683, 593, 209). Особенности функционирования слова в этом значении дают возможность сближать его прежде всего со значением слова *полкъ* (войско в предбоевом или боевом порядке). Ср. *поставити полкъ* ↔ *поставити стягъ*; *стояти полкомъ* ↔ *стояти стяг(омъ)*; *полкъ выступаетъ* ↔ *стягъ выступаетъ*; *прийти полкомъ* ↔ *прийти стягомъ* и т. д.: «И пришедше в доспѣсѣхъ стягомъ на Кузюдемьяну оулицю...» (Н. IV, 6926, 421, 283); «Половци пришедше к валови. поставиша стагы своѣ» (Л., 6601, 220, 73).

Стягъ становится в отношения семантической близости с терминами *тысяча*, *полкъ* в значении 'городское ополчение' (постоянное городское войско, противопоставляемое *дружине* как княжескому военному окружению): «И потяша оу Изаслава тысячкого и съ стагомъ» (И., 6654, 326). Тысяцкий, как известно, командовал городским полком (тысячей). Возможность появления в термине *стягъ* значения не 'войско вообще', а 'определенная часть его в боевом строю' предопределена была тем, что каждая часть войска, обладавшая известной обособленностью, имела свой *стягъ*, свое *знамя*.

Земля — 'войско какой-либо страны', 'ее военные силы': «А съ ведеть на ны Лядскую землю» (Л., 6885); «Язъ вожю Угры и всѣ земли, но не на свою люди» (И., 1150, 410), «Олегъ на ма приде съ Половечькою землею» (Поуч. Влад. Мон.). В «Материа-

лах» И. И. Срезневского эти же употребления квалифицируются как 'народ', и это надо считать правильным; значение же 'войско' создается всем содержанием контекста и не выходит из рамок метафорических употреблений, не становится особым значением. Возможность такого рода переосмыслений заложена в слитности, диффузности понятий «народ» и «войско» в период военного коммунизма. Употребления, известные по письменным памятникам, отражают уже сложившийся и устойчивый прием метафоризации, получивший права языкового факта в более ранние эпохи. «И съвокупиша землю Руськую всю противу Татаромъ» (В., VII, 6731, 130).

Возможность употребления слова *земля* в значении 'войско' той или иной страны (обычно в конструкции *земля* + прилагательное, образованное от названия страны или народа) несомненно нельзя понять вне связи этого слова со словом *люди* в том же значении. Эти связи сохранились и в современном языке. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» в слове *земля* выделяется значение 'страна', 'государство' и в качестве переносного оттенка к нему приводится 'народ', 'население страны', подтверждаемого цитатой из А. С. Пушкина: «Иль мало нас? или от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды, От потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, Стальной щетиною сверкая, Не встанет русская земля?» (Клеветникам России). Ср. также народно-разговорное «на нас напала немецкая земля». По-прежнему в этих случаях ощущается нерасчлененность представления о стране, ее народе и ее армии.

В значении 'войско' могло, также метафорически, употребляться и сущ. *область*, синонимичное сущ. *земля* — 'население', 'народ', 'область'. Это, видимо, лежало в основе общих тенденций в развитии семантики данных слов: «Воевода области его» (τῆς δουλείας αὐτοῦ, *exercitus eius*) (Быт., XXI, 22 по сп. XIV в.). Впрочем, это последнее словоупотребление целиком лежит в сфере церковнославянской языковой стихии.

Все рассмотренные выше слова (*полкъ*, *рать*, *дружина*, *вои*, *войско*, *сила*, *люди* и др.) объединяются одним общим признаком, характеризующим их положение в системе военных терминов, называющих воинские объединения: все они выступают в качестве родовых, обобщающих наименований, вокруг которых группируются, к которым притягиваются и с которыми взаимодействуют термины видовые — названия отдельных частей войска, отдельных представителей или отдельных групп войска. Эти взаимоотношения весьма интересны и показательны не только в плане конкретного анализа определенного пласта лексики, но и в общелексикологическом отношении. Заметим, что эта сторона специальной лексики далеко не достаточно изучена и в отношении современной терминологии, не говоря уже о древнем ее состоя-

нии. Выяснение характера этих взаимоотношений важно также и потому, что оно поможет полнее выявить и точнее характеризовать взаимосвязи и взаимоотношения между основными терминами группы. Эти отношения, как было показано выше, сложны и многообразны. Анализ содержания контекстов, фразового окружения, содержания летописных статей, воинских повестей и других произведений, в которых встречаются слова-термины, обозначающие военные понятия, свидетельствует о том, что в сфере «военного» словоупотребления XI—XIV вв. действовали нормы, выработанные литературным языком Киевской Руси. Анализируемые термины не были чужеродными элементами в общенародном языке той эпохи, они были обычными в живой разговорной речи древнерусского населения.

И *полкъ*, и *рать*, и *дружина*, и *войско*, и *сила*, и *люди* — слова восточнославянские (древнерусские), по происхождению принадлежат к общеславянскому фонду, все они (в тех или иных значениях) известны в современных славянских языках. Многие процессы и явления лексико-семантического плана, отраженные в памятниках древнерусской письменности, сохраняют общеславянские черты и особенности. Вместе с тем целый ряд значений и употреблений этих слов развился именно на восточнославянской почве. В системе древнерусского языка Киевской Руси происходят значительные изменения в семантической структуре каждого отдельного члена группы и группы в целом. Выше было показано, как в слове *рать* исконное (первичное) значение 'война', 'битва' отходит на задний план, уступая свое место и по активности словопроизводительной и по частоте употребления другому значению, возникшему в древнерусском языке, — 'войско'. Развитие значений у каждого отдельного члена этой лексической группы происходило в тесной связи с развитием семантической структуры у других членов группы. Это является подтверждением наличия системных отношений в словарном составе древнерусского языка. Материалы, извлеченные из различных памятников, свидетельствуют об определенных закономерностях функционирования и нормах употребления терминов. Нельзя представлять дело таким образом, что для древнерусского писателя было совершенно безразлично, каким словом назвать вооруженную группу (любой численности) людей (воинов) — *полкъ*, *рать*, *дружина* и т. п. Были определенные правила, которых древние русские придерживались в своей речевой деятельности. Ср., например, тот факт, что нет ни одного случая, когда постоянное войско князя было бы названо другим словом, кроме *дружины*. Удается наметить определенные закономерности (нормы) в функционировании и других слов: *полкъ* более предпочтительно, чем *рать*, употребляется при обозначении войска в походе, в подготовке к бою; *рать* чаще, чем *полкъ*, обозначает 'войну', 'битву' и т. д.

Слова *сила* и *люди* не обладают в такой степени терминологич-

ностью, специализированностью значений, как другие члены группы. Термины *воиско*, *воиники* употреблялись чрезвычайно редко и характеризовались жанрово-стилистической или территориальной приуроченностью. Сущ. *земля* и *область* лишь с большой степенью условности могут быть причислены к терминам военного дела, хотя и нередко выступали в роли наименований явлений военного быта. Но в этих употреблениях легко вскрывается момент нарочитой подмены подлинных терминов и большая доля метафоричности. Кроме того, они были чужды практическому военному словоупотреблению и не оказывали никакого воздействия на семантические и лексико-фразеологические процессы в системе военной лексики. Эти слова образовывали бы как бы второй, особый круг лексических средств военной сферы выражения, круг слов — заместителей терминов, но круг, характеризующийся определенной устойчивостью и организованностью, получающий воздействие со стороны «истинных» военных терминов.

Все эти особенности ярче проявляются при анализе производных от рассмотренных выше слов. Речь идет о производных от *рать*, *полкъ*, *войско*, *воиникъ(и)*; словообразовательных дериватов от *дружина*, *сила*, *люди* или совсем не было, или они по своим значениям не имели касательства к военным понятиям.

Ф. П. Филин отмечал, что прилагательное для обобщенного обозначения принадлежности к военному делу, к войне в древнерусском языке Киевской эпохи было образовано от сущ. *рать*, обозначавшего 'войско вообще' (безотносительно к тому, действует оно или нет). И этим оно отличается от термина *полкъ*.⁵¹ В древние времена и *рать*, и *полкъ* как военные объединения создавались только на случай войны, военных столкновений. Так что если в памятнике упоминается о *рати* и *полке*, значит речь идет о подготовке к войне или уже о военном столкновении. Но между этими терминами, являющимися основными терминами группы, намечается водораздел, о котором уже говорилось выше: *рать* по преимуществу обозначает 'войну', 'военное столкновение', *полкъ* — 'вооруженную силу'. Это функциональное разграничение приводит к тому, что именно от *рать* образуются производные и отнюдь не с обобщенным смыслом, а с конкретно-активным. Ср. в этом отношении значения прил. *ратьнии*.

Прилагательное от *рать* — *ратьнии* широкоупотребительное в древнерусском языке слово с разветвленной системой значений, корреспондирующих со значениями производящего слова. Из всех слов-терминов, обозначающих названия войска, его организацию, отдельные отряды войска и т. п., *рать* — единственное слово, от которого стало возможным образование производного прилагательного с таким широким кругом значений: от наиболее обобщенного определения явлений, относящихся к войне,

⁵¹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 481.

через промежуточные ступени к строго определенному наименованию неприятеля, военного противника (путем субстантивации).

Так же как и производящее слово *рать*, *ратьнии* (*ратьнии*, *ратнии*) широко употребляется и в оригинальных, и в переводных памятниках, в текстах самого различного характера, что уже само по себе является убедительным свидетельством широкой употребительности слова не только в военной среде, но и среди всех носителей русского языка. Это общеславянское слово, известное и древнецерковнославянскому языку, в древнерусской письменности использовалось согласно законам и нормам древнерусского разговорного языка. Наиболее обобщенным значением *ратьнии* (*ратьнии*, *ратнии*) в древнерусском языке было значение, которое можно определить, как 'относящийся к войне, военным действиям, связанный с ними': «Ико Богъ кажеѣ рабы своя напасти ратными да паватсѣ яко злато искушено в горну» (Л., 6604, 233, 77 об.). В Радзивилловском и Академическом списках летописи вместо «напасти ратными» стоит «ратьми» — более конкретное выражение понятия о военном нападении, о вражеском нашествии. «Слышавъ же Данилко и Василко ратное пришествие его помолитасѣ Богу начаста сбирати вое» (И., 6757, 801, 269 об.); «А двораномъ твоимъ оу коупьць повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти» (Дог. гр. Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем около 1307 г.); «Бѣды ратныя» (П. I, 6877). Такие же употребления наблюдаются и в религиозных текстах: «Ратныхъ оубииствъ отци наши въ оубииствъхъ не мѣнеша» (εἰν πολέμοις, in bellis) (Ефр. кормч. Вас., 13). «Начаша забывати Бога и поклонатисѣ Валу, рекше ратну богу, еже есть Сѣрѣи» (Сл. Фил., 986).

К началу XIII в. относится употребление слова *ратный* (*ратный*, *ратнии*) в значении 'служащий, предназначенный для ведения боя', 'боевой': «И собравъ тѣзѣмьльць многы сосуды ратные и градные и пороки исполчивъ вои своя» (И., 6757). Позднее, уже в конце XIV и в XV в., и севернорусская письменность фиксирует употребление этого слова в указанном значении: «Насаду Псковскую у ловцовъ отѣяша съ пущичами и со всѣмъ запасомъ ратнымъ» (П. I, 6967); «Всю пограбиша приправу ратную» (П. I, 6979). Довольно широко слово *ратный* употреблялось в значении 'принимающий участие в войне, в битве', 'воюющий': «Пришедше, ѡступатъ ны въ градъ а Руска земля далеча а Печенѣзи с нами ратни а кто ны поможетъ» (Л., 6479, 71, 22); «Ратенъ есмь съ царемъ» (И., 6657); «Посла Святославъ Глѣба сына своего. . . , помогаи Рязаньскимъ княземъ. . . , бахоуть бо ратни со Всеволодомъ» (И., 6688).

В некоторых случаях удается проследить противопоставление людей воюющих людям мирным, не принимающим участия в войне: «И снѣшасѣ вси вои оу Чѣрньска и ваеваше воротитасѣ боле вземше мирныхъ Лахов нежели ратныхъ» (Л., 6650, 310, 103 об.);

«(Г)же есте мои мирници срѣтъа ма а кто не срѣтити мене тыи ратныи мнѣ» (Л., 6979, 849, 283). Сюда же: «Витовтъ. . . събра воя многы, вкупѣ же с нимъ съ единого и самъ царь Тахтамышъ . . . и Литва. . . , и бысть их сила ратнаа велика зѣло» (Н. IV, 6907, 384, 254). Там же: «ратныи полци» (6979, 507, 359 об.).

Ряд употреблений прилагательного *ратныи* должен быть истолкован как употребление с формирующимся значением 'мужественный, привычный к битвам, к рати': «Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень» (Пов. вр. л., 6574). Это стало привычной, устоявшейся, формулой характеристики князей — хороших воинов: «Не вѣсте ли яко на моужи на ратныѣ напли есте а не на жены аще моужъ оубьенъ есть на рати то кое чюдо есть» (И., 6762, 822, 275 об.). Неправедливо утверждение А. Генсѣрского о том, что только в Ипатьевской летописи встречается выражение *ратьныи мужи*.⁵² См. употребление прилагательного из «Повести временных лет», приведенное выше.

В этом же значении *ратныи* употребляется и в таких случаях, как: «[Король] подвижесе въ силѣ тажцѣ . . . са наполни дхъ ратнымъ» (Л., 6771, 478, 168 об.); «[Тахтамышъ] вза градъ Серпуховъ и огнемъ пожже и, и оттоуду тако поиде к Москвѣ, напрасно оустремився, духа ратнаго наполнився» (Н. IV, 6890, 330, 225). Наиболее подходящи для употребления слова *ратныи* в этом значении, конечно, поэтические контексты: «Наплънився ратнаго духа, наведе своя плъкы на землю Половѣцкую за землю Роуськую» (Слово). Само появление этого значения следует связывать прежде всего с поэтическим осмыслением прилагательного *ратьныи*.

Очень рано развивается в прилагательном значении для названия явлений, относящихся к военной службе как профессиональной деятельности, что является свидетельством высокого развития военного дела в Древней Руси: «Не величаю бо ему сущю на ратьныи чинъ но похвалы ищючи ѿ единого Бога» (И., 6656, 390, 141 об.); «Пожди мало, господине, како будет время, понеже бѣаше мудръ и храбръ, и искусенъ многажды ратному чину» (Н. IV, 6888, 486, вар. Д.). Вступая в сочетания со словом «князь», прилагательное *ратьныи* (*ратьнии*) в этом значении обозначает 'предводителя войск' — 'воеводу'. Русская письменность не дает примеров на употребление этого сочетания ранее XIV в.: «Бердебѣково слово Татарскимъ улуснымъ и ратнымъ княземъ» (Ярл. Берд. 1357 г.); «Атюлякъ царь слово рекъ . . . ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ княземъ» (Ярл. Ат. 1379 г.).

Близки к только что названному значению оттенки, внутренней формой ориентированные на указание о принадлежности

⁵² А. И. Генсѣорскій. Галицько-волинський літопис. Київ, 1961, стр. 58.

к категории лиц, профессионально занятых военным делом: «Азъ же святитель есмь, а не ратныи человекъ» (Грам. митр. Кипр. иг. Серг. и Феод., 1378 г.). Позднее это значение начинает выражаться сочетанием *военный человек* (*военные люди*) в противоположность лицам, не связанным с военной службой как профессией.

Ратънии — 'неприятельский', 'вражеский': «Тоу перебродиса на ратъноу сторону Днѣпра» (И., 6691); «Не могу отъ рати своенѣхати се хожю в земли ратной а кто ми доправитъ рать мою до-мовъ» (И., 6782, 874, 290 об.).

Чаще всего *ратънии* в летописном языке употребляется субстантивированно со значением 'врагъ, неприятель'. Основная масса употреблений слова в Лаврентьевской, Ипатьевской, 1-й Новгородской и других ранних летописях падает именно на это значение: «Многа [зла] творахоу Роусь Грекомъ еликоже ратнии творатъ» (Л., 6415, 30); «Святополкъ же стояше крѣпко и побѣгоша людье не стерпаче ратныхъ противлены» (Л., 6601, 220, 73 об.); «Другыя же поставляюще стрѣлами стрѣляху; елико же ратней творають» (Н. I, С., 6428, 6); «Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противъ князя Александра, да скажетъ ему станы» (Н. I, С., 6748, 255 КАТ); «Стрѣлы ратныхъ не дадахоуть ни выникноути изъ заборолъ и начаша побадыватиса копьи» (И., 6788, 886, 294).

Начиная со второй половины XIV в. значительно увеличивается частота употребления слова (особенно субстантивированно) в новгородской письменности: «. . . море въскыпе и ратнии побѣюша» (Н. IV, 6903, 377, 249); «На Торговой стороне повелѣша городъ поставити въскоре же, како бы можно было отъ ратныхъ боронитися» (Н. IV, 7045, 577, 444 об.). Это же явление наблюдается и в текстах религиозно-нравственного содержания: «И нахождение ратныхъ по Божью повельнию приѣмлемъ» (Л., 6576, 170, 57 об.); «Да покорени будутъ врази ваши, и да одолѣши среде ратныхъ, да рассыплѣтсѣя поганыя страны, хотящая брани» (Н. IV, 6988, 522, 378 об.).

Единичны случаи употребления слова в этом значении в единственном числе (только в Ипатьевской летописи): «Мняще ратного не знающе его Изаславъ же речѣ князь есмь» (И., 6659, 438, 158); «Данилъ же вободе копье свое в ратного изломившоу же са копью» (И., 6739, 768, 260).

Производное от *ратъ* — *ратникъ* обозначало прежде всего 'военнослужащего', 'воина': «Оустремися изити со маломъ ратникъ и Мирославоу пришедшю к нему на помощь с маломъ штрокъ» (И., 6739, 764, 259). Однако следует заметить, что *ратникъ* (*ратъници*) лишь близко, но не тождественно значению термина *воинъ* (*вои*, *воины*). *Ратникъ* (*ратъници*) — это обычно 'воины, ведущие бой, принимающие участие в битве или готовящиеся к сражению'. Об этом свидетельствует уже только что приведенный пример из Ипатьевской летописи. Ср. также: «Юрьи же Домамеричъ молваше ратници суть и добра вои» (Л., 6731, 506, 232);

«Все ратници соуть» (И., 6739, 768, 260); «Ратници суть и добраа вои» — трафаретная формула, выражение, дающее основания толковать слово *ратници* как слово, имеющее качественно-оценочное значение 'человек, храбро ведущий себя в битвах', 'отличный воин'. Этого совершенно нет в значении термина *воинъ* (*воины, вои*).

Вторым военным значением термина *ратникъ* (*ратници, ратники*) было 'неприятель', 'военный противник'. В «Материалах» И. И. Срезневского это значение подтверждается только цитатами из переводных памятников канонической письменности, что свидетельствует об узкой сфере употребления слова. Немногочисленные случаи употребления слова *ратъникъ* (*ратъници*) в этом значении в Ипатьевской летописи (нам удалось найти только два случая) не меняют положения: «Ратници ваши соз доспѣхомъ ѣздати» (И., 6693, 639, 223 об.); «И рекоша приѣхавше видихомъ а с ратными ратници ваши» (И., 6693, 638, 223 об.). Как и другие слова с корнем *рат(ь)*, термин *ратникъ* в сфере церковнославянской книжной традиции употребляется в двух переносно-образных значениях: а) 'противник', 'противоборец' и б) 'враг', 'дьявол' (см. «Материалы» И. И. Срезневского).

В Псковской 1-й летописи имеется употребление слова *ратманъ*, которому, по-видимому, можно приписать значение 'ратник', 'воин': «Паде нѣмецъ ратмановъ 500, а 50 ихъ руками изымаша» (П. I, 6749). То же: Н. V, 6750, 219, 578. Это употребление может вызвать интерес в плане народной этимологии. Пришедшее в язык с северо-западной Руси слово *ратманъ* для обозначения члена магистрата (городского управления) Риги (по-видимому, из нем. *Rat* 'совет', *Ratman* 'советник') было отождествлено с русским *рать(ман)*, свидетельством чего являются случаи употребления слова в форме *ратъманъ* для обозначения члена Рижского магистрата (Грамм. Герд. к Пол. 1264 и др.).

Значительно слабее реализовались словообразовательные возможности существительного *полкъ*. Единственное достоверно известное по письменным памятникам прил. *полчныи* имело с самых первых этапов его употребления исключительно относительное значение 'относящийся к *полку*' (=к войску в самом широком смысле). Наметившаяся в Киевскую эпоху семантическая дифференциация словообразовательных дериватов была в дальнейшем сохранена и развита. Она дошла до современного литературного языка.

Так, прил. *полковой* в современном языке имеет значения 'относящийся к полку', 'принадлежащий полку' (полковой командир, полковое имущество и т. д.); при *ратный* 'относящийся к рати, военный' (ратное поле, ратный строй, ратные люди); 'предназначенный для рати, битвы' (ратный доспех и т. п.); 'воинский, боевой' (ратный подвиг, ратное дело и т. п.). Ср. также современное *ратник* 'воин'. Следовательно, можно заключить, что тенденция

в разграничении словообразовательных возможностей между терминами *полкъ* и *рать*, намеченная еще в XI—XII вв., была поддержана и усилена дальнейшим развитием языка. Это привело уже в XVI—XVII вв. к окончательному утверждению сущ. *рать* как словообразующей основы для слов со значением 'военный', 'боевой' с качественными оттенками значения. От существительного *полкъ* образуются только существительные и прилагательные со значением относительности и принадлежности — *полчнй*, *полчанинъ*. Отмеченные в единичных случаях употребления прилагательного *полчнй*, совпавшего по смыслу с соответствующим значением прилагательного *ратнй*, отчасти по указанным выше причинам, отчасти под влиянием именно этого совпадения не сохранились в русском языке. Хотя В. И. Даль дает при *полчанинъ* толкование: «полчане, мн. воины, полковой люд, ратники, солдаты», мы не можем с уверенностью говорить, что значение это когда-либо было свойственно слову. Пример из «Повести о приходе царя Ивана Васильевича в Новгород», приведенный в «Материалах» И. И. Срезневского, не может быть подтверждением, ибо это явно стилизованное употребление слова, так характерное для языка Ивана IV и для языковых тенденций XVI в. вообще: «Благовѣрныи царь. . . со всѣми своими государевыми полчаны поиде во слѣдъ святыхъ и животворящихъ крестовъ».

Что касается существительных *воинъ*, *воиско*, *воиникъ*, то, как это будет показано ниже, активизация их в русском языке и «обрастание» словообразовательными дериватами относится к более позднему времени, чем эпоха Киевской Руси.

Анализируя производные от основных терминов группы, мы вступили тем самым в область наименований другого характера, в область наименований, которые в основе семантического значения имеют указание на принадлежность человека к воинской среде, на его участие в битве, сражении. Номенклатура таких наименований в древнерусском языке была достаточно широкой и разнообразной и давала возможность подчеркнуть тот или иной признак в понятии о военном человеке.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях имеется ряд случаев употребления субстантивированного прилагательного *противный* для обозначения 'неприятеля', 'военного противника'. Употребления эти относятся к довольно раннему времени древнерусской письменности: «По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василеву. и Володимеръ съ малою дружиною изыде противу, и съступившимся и не могъ стерпѣти противу подѣбѣгъ ста подъ мостомъ одва укрьса противныхъ» (Л., 6504, 125, 43); «Володимеръ же хотѣ наредити полкъ они же не послушаша но оудариша в конѣ к противнымъ» (Л., 6604, 231, 77); «Вѣѣха переже всихъ вѣ противныхъ» (И., 6656, 390, 141 об.); «ѡбрати конь свои на бѣгъ оустрѣмлении ради противныхъ» (И., 6732, 744, 252 об.). Этот термин синоними-

чен слову *ратьнии* (субстантивированно) в значении 'неприятель', 'враг'. В этом отношении весьма показательно следующее употребление: «Се видѣвше Половци и побѣгоша, а наши погнаша в слѣдъ ратныхъ сѣкуще противныа» (Л., 6604, 231, 77). В Ипатьевской летописи отмечен единичный случай употребления слова *супротивныи* в том же значении, что и *противныи*: «Изломи Андрѣи копие свое въ супротивнѣ своемъ» (И., 6656, 390, 141 об.). (В Хлебниковском и Погодинском списках летописи — *сопротивнѣ*).

Противникъ. В «Материалах» И. И. Срезневского указано три значения слова, но ни одно из них не является обозначением военного противника. Однако уже в XIII в. в этом слове развивалось военное значение — обозначение 'неприятеля', 'военного противника': «Они же рекли: „имемъ Александра руками“, и сихъ дастъ ему Богъ в руцѣ его, и не обретесе противникъ ему во брани никогда же» (Н. I, С., 6750, 261); «Отдадимъ възданіе противникомъ» (М., 44). Здесь, конечно, еще нельзя говорить об обобщенном наименовании враждующей стороны, однако это значение в своем развитии продвинулось уже довольно далеко. Видимо, этому способствовало и наличие его в древнерусскую эпоху в прилагательном *противныи*; развитие значения в прилагательном началось значительно раньше, чем в существительном, и продвинулось дальше, так что там уже можно было говорить об устойчивости значения и о регулярности употребления в качестве равноправного члена синонимического ряда.

Слово *врагъ* в «Материалах» И. И. Срезневского получает характеристику как 'недруг', затем — 'дьявол'. Все примеры на употребление этого слова в обоих значениях взяты из переводной или оригинальной литературы религиозно-догматического содержания, кроме одного, взятого из «Повести временных лет» под 6545 г.

Иное положение с восточнославянской полногласной формой *ворогъ*, все случаи употребления которой иллюстрируются примерами из оригинальных контекстов. Однако и в *ворогъ* отмечается только общее значение — 'недруг', 'тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-либо'. Это значение всегда было и осталось сейчас, в современном русском литературном языке, основным в слове *враг* — *ворог*. Но современный русский литературный язык знает и другое значение этого слова — 'военный противник', 'тот, кто находится в состоянии войны с кем-либо'. Интересно в связи с этим отметить, что эпизодически *врагъ* — *ворогъ* употреблялись в военном значении уже в древнейшую эпоху русской письменности: «[И] побѣгоша наши предъ иноплеменины [и] падаху извени предъ врагы нашими» (Л., 6601, 221, 74). Шире и свободнее употребляется это слово в военном значении в Ипатьевской летописи: «А ворози в роукахъ приведше» (И., 6685, 605, 213 об.); «Ныне ворогы свои держишь просты а се ворози твои и наши» (И., 6685, 606, 213 об.); «. . . долѣвъ в роукомъ

своимъ» (И., 6764, 835, 279); «Видаще бо ворогы свои избиты а свои дружина вси цѣла» (И., 6770, 856, 285 об.).

Ряд употреблений можно толковать как употребления с широким значением 'просто враждебно настроенный человек' и 'человек, являющийся военным противником'. Это объясняется тем, что обычно споры и всякого рода конфликты, приводившие к вражде, разрешались путем военных столкновений или военные столкновения между народами являлись началом вражды, ссор и т. п.: «Кто ми ворогъ на того вою» (И., 6658, 410, 149); «Поганы есть всимъ намъ ѡбечь ворогъ» (И., 6693, 637, 223); «Поидете же с нимъ на вороги свои» (И., 6785, 876, 291 об.).

Ипатьевская летопись дает примеры на употребление неполногласной формы *врагъ*—*враги*. Правда, количество употреблений неполногласной формы и здесь незначительно: «Повелѣ гнати люди и Торкы в Баручь и в проча грады наворопивше же врази» (И., 6634, 289—290); «Слышавше же се врази Половци смърть Володимерю и присунушася к Баручю рекше возмемъ Торкы ихъ» (И., 6634, 289); «И речѣ Игорь ко братома и к моужемъ своимъ се Богъ силою своею возложихъ на врагы наша побѣдоу а на насъ честь и слава» (И., 6693, 640, 224); «Хочете ли быти вѣрни мѣѣ да изыду на врагы мое . . . изиди с Божиею помощью» (И., 6739, 763, 259). Эти примеры почти полностью исчерпывают все употребления неполногласной формы слова в Ипатьевской летописи. Их значительно меньше, чем употреблений полногласной формы. Поэтому кажется неоправданным утверждение А. И. Генсѣрского о преимущественном употреблении неполногласной формы слова *ворогъ* в Галицкой части Ипатьевской летописи («Повноголосні слова, вживанні яких поступається перед вживанням неповноголосних слів»).⁵³

Для полноты картины функционирования слов с корнем *врагъ* следует указать на употребление в специфических текстах религиозно-догматического толка переводных произведений двух слов — *враждникъ* и *враждница*; первое — в двух значениях: 'враг' и 'воин', а *враждница* только в значении 'враг'. (См. цитаты в «Материалах» И. И. Срезневского). Но эти слова ни одним из своих значений не входили в лексическую систему средств выражения военных понятий в древнерусском языке, не входили в состав его практической военной терминологии.

Интересно единичное употребление слова *борьць*—*борецъ* в значении 'воин': «Бахуть бо лодѣ покрыты досками бахуть же бо борци стояще горѣ во броняхъ и стрѣляюще» (Л., 6659, 331, 110 об.). Это единственный пример употребления *борьць* в «военном» значении (он также имеет место в Ипатьевской летописи под 6659 же годом).

⁵³ Там же, стр. 18.

Функционирование слова связано с церковнославянской стихией: в религиозных переводных текстах (Хр. Георг. Ам. 87; Гр. Наз., XI в., 29; Похв. Онуфр.) слово *борьць* имеет значение 'человек, борющийся за что-либо, ведущий борьбу с кем-либо', обычно в возвышенном, торжественном контексте: «Оукрѣпи Богъ борца крѣпка и война силна» (Похв. Онуфр.). Как видно, в последнем случае слово *борьць* не равно значению слова *воинъ*. Перейдя в разряд слов, обозначающих военные понятия, *борьць* не потеряло своей торжественно-возвышенной окраски. И летописный текст, рассказывающий о сильном впечатлении, которое произвели *борци во бронѣхъ*, стоящие на лодье, на которой не видно гребцов, довольно хорошо свидетельствует об этом. Можно считать, что сущ. *борьць* уже в Киевскую эпоху древнерусского языка перешагнуло границы, разделяющие две стихии языка Древней Руси, включилось в лексическую систему средств выражения военных понятий как синоним слова *воинъ*, с оттенком возвышенности, приподнятости и более обобщенного обозначения понятия. Ср.: «Въсташа чернь на бояръ, а ркуще: „почто есте Новгородцовъ призвалѣ, и они князи изималѣ? намъ въ томъ погинути“; и съкрутившися въ брони, нашедши силою на дворы, въимаша у воеводъ наместники княжи и борци и жены ихъ» (Н. I, С., 6848, 340). В дальнейшем происходит расширение и укрепление позиций этого слова в русском языке, но оттенки стилистического и семантического характера, выражать которые оно было призвано, остались и закрепились в нем, что можно наблюдать и в современном литературном языке, хотя словари литературного языка и не отмечают особой пометой этих оттенков.

Иная судьба у однокоренного варианта этого существительного — *боритель*, употреблявшегося в религиозно-догматических текстах. И там слово это употреблялось на правах высокого синонима. Ср., например, употребление слова *боритель* в «Послании Константинопольского патриарха Нила в Псков» (по сп. XVI в.): «Каковыя убо болѣзни и печали не хоцемъ имѣти слышаще наша уды отсѣкающася отъ врага истинны изъ начала челоукоубициа борителя нашего естества» (1382 г.). Слово так и осталось в рамках системы церковнославянской языковой стихии.

Другая судьба и у имен — обобщенных наименований воинов, в основе которых лежит сущ. *оружие*. Древнерусская письменность донесла до нас ряд таких наименований: *оруженосецъ*, *оружничии*, *оруж(ь)никъ*, *оружный* (прил.), *оружыный* (прил.).

Оруженосецъ — слово старославянское, употреблялось в соответствующих жанрах литературы со значением 'оруженосец', 'слуга', 'последователь'. В «Материалах» И. И. Срезневского приведен пример из «Пандекта Никона» (6 л., 31; Петр. Алекс., 9): «Къ диваоломъ поспѣшныкомъ и шроуженосьцемъ», что подтверждает наличие второго оттенка указанного выше значения.

В оригинальной русской письменности ранних этапов нет случаев употребления этого слова. Лишь в Никоновской летописи под 1054 г. имеется следующее употребление слова *оруженосіе*: «Похвалы же воображают сего Манамаха на бранехъ убо неискусна и на оруженосіе, а во иныхъ великолепна, даролюбива» (Ник., 1054, IX, 87). Значение здесь очевидно, это 'владение оружием', 'умение воевать, обращаться с оружием', т. е. значение, явно далекое от какой-либо терминологичности или специализации. Употребление слова *оруженосіе* в Никоновской летописи стоит особняком и легко объяснимо, если принять во внимание время составления летописи и характер стилистико-языковых взглядов эпохи. Ср. там же: шлемоносець (IX, 88).

Оруж(ь)никъ 'воин', 'человек, носящий (имеющий при себе) оружие': «Всякъ оружникъ вашъ» (Чис., XXXII, 21, по сп. XIV в.); «Приступиша оружьици незнаеми» (Стихир. Новг. до 1163 г.); «Така град не избобрѣтохъ ни в Нѣмѣчкихъ странахъ тако соущоу оружьиномъ стоащимъ на немъ блистохоуа щити и оружници подобии солнцю» (И., 6739, 765, 259 об.). В этих примерах, как и в ряде других (И., 6764, 833, 278 об.; М., 21, и др.), действительно слово употреблено в значении 'воин'. Что же касается таких употреблений, как: «Се ти мои оружници, а твои изволници» (М., 23), то в них значение сущ. *оружникъ* можно истолковать как 'слуга'. Сюда же можно отнести и случай из Ипатьевской летописи: «Ико величии князи держать сию Коломью на раздавание оружьиномъ» (И., 6748, 790, 266 об.). Но даже тогда, когда речь идет о войне, о вооруженном человеке, значение термина *оружникъ* не всегда можно точно определить. Ср., например: «Стрѣлцемъ же стрѣлающимъ, оружникомъ же не бывшимъ с ними» (И., 6764, 833, 278 об.). Здесь оружники противопоставляются стрельцам, следовательно, значение термина *оружникъ* может быть истолковано как 'человек подносящий оружие (стрелы)' или 'помощник воина (?)'. Таким образом, видно, что семантическое значение слова *оружникъ* на русской почве не было устоявшимся и определенным, оно было достаточно широким. Это свидетельствует о неполном освоении русским населением слова, традиция употребления которого связывается со старославянской стихией языка. Подтверждением этого положения служит и узкий круг памятников, в которых встретился термин. Это Ипатьевский список Галицко-волынской летописи и «Мамаево побоище» (последнее — произведение, на котором лежит печать сильной литературности).

Оруж(ь)ный в значениях: 1) 'вооруженный': «Самъ же ѣха в малѣ штокъ оружныхъ» (в подл.: штроужныхъ) (И., 6764); ср. также: «Звукъ оружьины» (И., 6682, 576, 204); 2) 'боевой': «Комониць стада тысуць · м̄ · и кони, таже въпрягати во оружныя колесницы тысуць · к̄ · » (Георг. Ам., XV в.). Это прилагательное

также не получило широкого распространения и вышло из употребления уже к XIV в. Такова же судьба слова и в форме *оружиный* (*оружейный*), встретившейся в Ипатьевской летописи (И., 6682). Значительно позднее, уже в XVI—XVII вв., на русской почве образуются и входят в широкое употребление прилагательные *оружельнический* (*оружельничей*) и *оружельный*, *оружничий*. *Оружничий* в значении 'человек, ведающий оружием' известно в начале XVI в. по Софийскому временнику: «Послалъ князь велики. . . оруженичаго своего. . . да дьяка своего» (Соф. вр., 1517, т. II, 302). *Оружейничей* известно по: Рим. имп. (д. I, 1518, 261), СГГД (ч. II, 481, 1610), Арх. Стр. (I, 434, 1550); *оружельничей* употреблено в: Льв. л. (7039, ч. I, 411); *оружельный* (писарь) отмечен в: Уст. рат. (д. 2, 2), Мск. (I, 5).

Остались вне системы активных средств военной терминологии древнерусского языка и слова *потрѣбитель* и *трудположникъ*, известные по переводным памятникам религиозно-догматического толка.

Потрѣбитель — 'истребитель', 'победитель': «Зълочѣстѣи истинныи потрѣбитѣла» (Мин., 1096 окт., л. 50); «Воина Хѣа непобѣдимаго и потрѣбитела вражѣа добраго . . . похвалимъ» (то же, 74).

Трудположникъ — 'боец', 'защитник': «Трѣдоположникъ ѹдинъ Ъѣ нашъ» (Мин., 1097 г.). Являясь принадлежностью только церковнославянского языка, слова *потрѣбитель* и *трудположникъ* и в семантическом плане отчетливо противопоставлены восточнославянским терминам тематической группы. Их значение чрезвычайно общо и неконкретно, с большой долей метафоричности и образности в отличие от строго определенных, терминологически строго очерченных значений русских параллелей. *Трудположникъ* и *потрѣбитель* и в церковнославянском языке применялись только в отношении бога и «чинов воинства Христова».

2. ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РАЗРЯДЫ ВОЙСК И ВОИНОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Термин *вои*, рассмотренный выше, является родовым, обобщающим термином по отношению к ряду видовых, выступающих в качестве названий представителей отдельных (если можно так сказать в отношении эпохи средневековья) родов войск. К таким терминам — видовым наименованиям воинов — относятся употребляемые в древнерусской письменности слова *пѣшѣцъ*, *коньникъ*, *сѣчѣцъ*, *стрѣльцъ*, *борци* в *бронѣхъ*, *бренидьцъ* (*бронидьцъ*), *лодѣйникъ* (*лодьеникъ*, *лодишникъ*) и др.

Пѣшѣцъ. «Иаа славу же стоящю въ пѣшѣцѣхъ» (Л., 6586, 201, 67 об.); «И заведъ Кунци пѣшѣцѣ напа стагъ Володимерь и оуарѣ Олгѣ стагъ . . . и оубоюса» (Л., 6604, 239, 86 об.);

«И възрѣвшимъ пѣшець вышедше из города и стрѣляющимъ с ними» (И., 6656, 389, 141 об.); «И поставиша Новгородци полкъ за Рожьствомъ Христовомъ в конци; а сто пѣшца, а ти стаха отъ святого Ільи» (Н. I, С., 6763, 275); «Пѣшцѣ же ѿстави противу вратомъ града стрещи вратъ» (И., 6757, 802, 269 об.). Ограничимся пока приведенными примерами. Они хорошо показывают, что термин *пѣшьць* (*пѣшьци*) имеет значение 'пехотинец', 'воин пешего войска', т. е. 'воин, ведущий бой в пешем строю'. В этом значении термин *пѣшьць* входит в систему терминов, обозначающих наименования войсковых единиц, воинов, вступая с другими членами системы в сложные взаимоотношения. То *пѣшьць* становится в ряд с такими терминами, как *вои*, *ратникъ*, а во множественном числе — с терминами *полкъ*, *ратъ* и т. д.: «Исполчивша же коньники с пѣшьци пойдоста с тихостью на брань» (И., 6757, 802, 269 об.). То этот термин противопоставляется другим наименованиям: «Поиде собравъ вои многи и пѣшьць и прогнаше и землѣ» (И., 6753, 797, 268 об.). В этом сказывалось влияние многих причин и прежде всего неполной терминологизации слова *пѣшьць*.

В том же значении, что и *пѣшьць* ('пехотинец', 'пеший воин') в летописном языке XI—XIII вв. употреблялось субстантивированное прилагательное *пѣшии* (*пѣши*): «Володимирко же составилъ баше дружину свою на бродѣхъ индѣ пѣши а индѣ конники» (Л., 6660, 337, 112 об.); «Изаславъ . . . возма копье потъче къ плоту идѣ баху пѣши вышли из города твердѣ оучинивше плотомъ» (Л., 6692, 390, 132); «Тогда же поревновавше юмунини князи ѣздѣша послѣди подъ городъ и пѣши видѣвше полкы не смеша выти из города» (Л., 6660, 339, 113); «И ѿдва дома свои доѣхаша пѣши» (И., 6681, 560, 200); «І стояша два дни пѣши за Жилотугомъ, а коневъници за Городищемъ» (Н. I, С., 6778, 293). Последнее употребление, а также пример из Лаврентьевской летописи под 6660 г., приведенный выше, свидетельствуют о наличии в древнерусском языке термина *коньникъ* (*коневъникъ*) как наименования воина, совершавшего поход или ведущего бой на коне. Ср. также: «Снидошася полци, и коньници, (и) пѣшии» (И., 6659, 438, 158 об.); «Въспатѣшася лодьиници ѿтоле въ городъ и князь из ѿпустилъ. . . , а самъ поиде съ коньники по нихъ» (Н. I, С., 6742).

Коньникъ (*коньники*, *коньници*) противопоставлялись прежде всего *пѣшьцамъ*: «Не знати ни конника ни пѣшьцѣ» (И., 6682, 576, 204); «Приде же Коуриль . . . съ тремя тысящами пѣшьцѣ и трьими сты коньникъ» (И., 6749, 792, 267). Однако следует заметить, что употребление этих терминов было далеко не устойчивым. Собственно говоря, нельзя утверждать, что эти слова обозначают особый род войска (или воинов особого рода войска) в любой ситуации. Они называют воина, в данный момент движущегося или ведущего бой в пешем строю или на коне. Дру-

жина — постоянное княжеское войско — была конным войском. Но если дружинник шел в бой не на коне, а в пешем строю, он становился *пѣшѣмъ*. (В современном употреблении моряки или танкисты, идущие в бой в пешем строю, не перестают быть моряками или танкистами как бойцами особых родов войск). Вот почему *пѣшѣ* в древнерусском языке (как и субстантивированное прилагательное) очень близко к прилагательному *пѣшии*, обозначающему способ передвижения или ведения боя. «Вышедшимъ же пѣшимъ из города стрѣлатсѧ и поткну на нь с дружиною своею» (Л., 6660, 339, 113); «Приближающимъ же сѧ имъ к городу и выдающимъ стагы ѡтца своего и пѣшиѣ вышедше из города» (Л., 6657, 324, 108); «Полкъ мой пѣшь» (И., 6695, 654, 228). И в этом и в другом случае указывается на признак не постоянный, а временный, присущий явлению лишь в тот или иной момент развития действия.

Как говорят археологические разыскания и исторические исследования, как свидетельствуют письменные памятники Древней Руси, в русском войске значительное место занимали именно пешие воины. Причем на севере Руси — это основной вид войска, составленного из ополчения, на юге, где военные действия разыгрывались в бескрайних степях, и народное ополчение (как и дружина) могло быть конным.

Постоянные военные столкновения с конными кочевниками (половцами и печенегами) привели наших предков к необходимости организации конного войска, ибо против конницы лучше всего бороться конницей. Трудом историков (прежде всего Соловьева, Ключевского, Грекова) доказано, что уже в XI в. княжеские и боярские дружины, как постоянное войско, были конными. Это хорошо подтверждается и миниатюрами, изображающими дружину на конях.⁵⁴ Генерал Пузыревский в «Истории военного искусства в средние века» и полковник Марков в «Истории конницы» убедительно доказывают, что в Древней Руси коневодство было в отличном состоянии,⁵⁵ так что в то время были все условия для организации хорошего конного войска. Ср., например, тот факт, что в «Слове о полку Игореве» говорится только о конном войске и т. д. Коней у князей было действительно много. Так, Ипатьевская летопись под 6654 г. содержит известие о том, что у Игоря и Святослава было 3000 стадных кобылиц и тысяча коней. Большие табуны коней были и у старших княжеских дружинников — бояр. Если учесть, что, по утверждению М. П. Погодина, у Святослава, например, при походе на Бол-

⁵⁴ См.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Изд. МГУ, 1944.

⁵⁵ См. об этом: В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956, стр. 28—29.

гарию не могло быть более 10 000 воев, число коней у князей и их бояр хватило бы для того, чтобы на коня посадить все войско. Но, очевидно, конница начинает играть видную, может быть, решающую роль, в военной истории восточных славян относительно поздно. Войско Святослава, хотя и имело коней, сражалось в пешем строю и показало себя, по словам Льва Диякона, неприспособленным к конному бою. Вряд ли поэтому можно считать случайным тот факт, что слово *коньникъ* сравнительно мало отражено в летописном языке. Можно с уверенностью утверждать, что это слово было ограничено узкой сферой употребления.

Это не в последнюю очередь объясняется уже отмеченными выше причинами — тем подчиненным положением, которое занимало конное войско в вооруженной организации древнерусского государства Киевской эпохи. Если бы это было не так, письменность отразила бы его так же широко, как и *пѣшѣць*, ибо в летописях очень много мест, рассказывающих о конных сражениях, о передвижениях конников (их гораздо больше, чем мест, рассказывающих о битвах *пѣшѣцевъ*).

Но в огромном большинстве случаев способ битвы, передвижения и т. п. обозначается предложным сочетанием *на конихъ*: «Княне же всими своими силами и на конѣхъ и пеши и тако сташа» (И., 6659, 427, 155); «И тако поидоша другъ друга не уста но вси с радостью по своихъ кнзехъ и на кони и пѣши многое множество шедше» (И., 6659, 434, 157); «Пришелъ бѣ на конихъ» (И., 6654, 335); «Снъ же гондше ꙗ пѣшь и ѿни же на конихъ гондше побивахоуть ꙗ и бодахоуть ꙗ» (И., 6763, 828, 277). Даже тогда, когда речь идет о конниках как особом роде войска — конном войске, и тогда употребляется это предложное сочетание *на конихъ*: «Приступиша же на 40 корабльвъ великихъ; бяху же изременани межи ими, въ нихъ же людье на конихъ одени въ брѣне и кони ихъ» (Н. I, С., 6712, 185). Трудно допустить, что воины, будучи на кораблях, сидели верхом на коне. Здесь речь идет о конном войске, а термин *коньникъ* — *коньници* (*коньники*) не употребляется. Это весьма показательный факт, игнорировать который при воссоздании истории слова нельзя.

Интересно при этом отметить, что и прилагательное *коньный* в древнерусской письменности встречается очень редко и только с XIII в. Один случай употребления — в Новгородской 1-й летописи: «Побѣгоша отъ него [царя] вси. Царь же побеже отъ нихъ, и уgonи е на Коньнемъ тѣргу, и много жалова на бояры» (Н. I, С., 6712, 185). Второй случай — в «Ярлыке хана Узбека митр. Петру»: «Стада ихъ конные» (Ярл. Узб., 1315 г.). И в том и в другом случае *коньный* (*конный*) употребляется как относительное прилагательное от *конь*.

Оригинальная древнерусская письменность первых веков совершенно не знала этого слова в значении 'едуший на коне',

лежащем в основе развившегося потом значения 'относящийся к войску, действующему на конях, к коннице'. С другой стороны, севернорусские летописи дают примеры (правда, также немногочисленные) употребления прилагательного *коневыи* в военном значении — 'конное войско': «Бяше бо силно и свѣтла рать Новгородская коневая, и пѣшей рати велми много, и охвочи битися» (Н. IV, 6894, 345—346); «К Русе послаша Новгородци судовую рать, и пѣши бишася много, и побиша Москвичь много; и пѣшей рати паде много. . . , а коневаа рать не пошла к пѣшей рати на срокъ в пособіе» (Н. IV, 6979, 446). В псковской же и новгородской письменности зарегистрировано употребление *коневъникъ* как обозначение конного воина: «А Остафеи кчязь с коневъники поѣхавъ удари на нихъ» (П. I, 6831). И, конечно, ни одного употребления слова в военном значении в ранней древнерусской письменности нет. Но уже в XV в. такие употребления нередки: «А перевезе(и)ся князь Василей Волгу и поиде конною силою на Нерехту, а вятчан отпустилъ» (Лет. Арх., 6944, 257²). В «Истории Казани» имеем *конные полки* (70, 28). В Новгородской 1-й летописи *коневъникъ* употребляется в уже приводившемся выше примере: «Стояша два дни пѣши за Жилотугомъ, а коневъники за Городищемъ» (Н. I, С., 6778, 293). Показательно также и то, что первое употребление прилагательного *коневый* относится к исходу XIV в., а *коневъникъ* — к началу этого века.

Такая неустойчивость употребления, наличие вариантности, территориальная приуроченность некоторых форм свидетельствуют прежде всего о том, что в XI—XIV вв. происходит только процесс выработки термина для обозначения конного воина (в XV в. этот процесс также не получил еще завершения). Это же относится и к слову *пѣшьць*, хотя в последнем случае процесс терминологизации продвинулся значительно дальше и проходил более интенсивно, что получило отражение в более широкой употребительности термина *пѣшьць* в древнерусской письменности XI—XIV вв. и было вызвано главным образом причинами не языковыми, а социальными, точнее, различием положения реальных явлений в жизни общества, выражаемых этими словами.

Противопоставление «конных» и «пепих» воинов к XVI—XVII вв. оформляется вполне отчетливо и определенно. Причем противопоставляются уже два различных вида войск («служилых людей»): «Ядринскихъ стрѣлцовъ семидесять пяти человекъ послать на Государеву въ плавную службу пѣшихъ: и я . . . велѣл у Ядринскихъ у всякихъ, у кого стружишка были, для ихъ нужи, отписать на Государя» (АИ, III, № 251, 1614, 418); «И быти имъ на Государевѣ службѣ въ Вязмѣ и, по вѣстемъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей конныхъ росписать съ головами по сотнямъ, а пѣшихъ по острогу, и велѣти головамъ съ сотнями быти готовымъ» (АИ, III, № 116, 1622, 170).

Прилагательное *пѣшии* употребляется в сочетании с существительными *стрѣльцы* и *казаки*: «Быти на своей Государевой службѣ съ вами, въ плавной, подѣ Асторохань . . . , съ сотникомъ сту человекѣмъ пѣшимъ стрѣлцомъ» (АИ, III, № 177, 1633—1634, 324); «Дорогобужскихъ и Донскихъ казаковъ конныхъ и пѣшихъ, да сотника Несмыяна Логвинова . . . изъ наряду побивали» (АИ, III, № 177, 1633—1634, 324). Были уже специальные пешие полки — *пѣшіе приказы* как особая часть войска. «Да имъ же велѣно давати изъ пѣшихъ приказовъ, кому перевозити, по десяти человекъ стрѣлцовъ» (АИ, III, № 130, 1624, 203; Воеводский наказ сыну боярскому Челисову с товарищами о сборке перевозных денег на Волге). Ср. также широкоупотребительные сочетания: *пѣшіе (служилые) люди*, *пѣшіе солдаты*. Прилагательное *конный* претерпевает, как показано выше, ту же эволюцию.

Пѣхота. Окончательное формирование двух противопоставленных понятий о различных видах войска в зависимости от способа передвижения приводит к утверждению термина *пѣхота*. Около двух десятков употреблений этого термина имеется в «Актах Московского государства»: «А по тѣмъ вѣстямъ послалъ на Пахнуцкую сакму подѣ Муравской шляхъ головъ съ сотнями . . . , а съ ними ратныхъ людей: двѣтей боярскихъ Курчанъ триста человекъ да казаковъ . . . двѣсти человекъ, да пѣхоты съ огненнымъ боемъ сто человекъ» (АМ, I, № 169, 1623, 189). Обычным является этот термин для обозначения пешего войска (как рода войск) в «Учении и хитрости ратного строения . . .»: «Пехотою да . . . конными людьми всю вселенную одолѣлъ» (там же, 22 об.). И как противопоставление *пѣхоте* начинает употребляться термин *конница* (не раньше XVII в.): «Пошелъ Стенка съ казаки на Черной Ярѣ въ стругахъ, а горами послалъ атамана Парфенка Еремьева да его Федку съ конницею, а конницы съ ними было семь сотъ человекъ» (АИ, IV, 1667—1672, 402); «Тысячъ тридцать или сорокъ постоянной конницы» (ДАИ, IV, 1674).

Однако еще в XVII в. продолжают активную жизнь и сочетания *пѣшіе люди* и *пѣхотные люди* как синонимы утверждающегося термина *пѣхота* и *конные люди* как синоним формирующегося термина *конница*: «Что со всехъ сторонъ конными и пѣшими людьми приходити мощно» (Учение и хитрость . . . , 205); «Аще у него конныхъ и пѣхотныхъ людей и половины нѣтъ» (там же, 23 об.).

В исторических повестях XVI—XVII вв., сохраняющих в языковом и стилистическом отношении связи с древней традицией, употребляется термин *пѣшець* (*пѣшци*): «Он же, безбожный, повелѣ въскорѣ уготовити вся воя и пусти напредъ тмочисленными оружники пѣсца и пушки и пищали» («Повесть о Цареграде», нач. XVII в.); «Воеводы же с пѣшцы ко граду приступлыше и единымъ часомъ» (Каз. лет., 1560); «Царь же Василей, слышавъ

сия, повеле своему полку прийти на брань с пешцемъ многымъ» (Летописная книга, 1626). Но в XVII в. господствующее положение в практическом военном языке и в исторических повестях занимает уже термин *пѣхота*. Ср., например, употребление этого термина в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» (1642) ⁵⁶ и др. Несколько отставая в своем терминологическом становлении, но следуя за *пѣхотой* как противопоставление ей, утверждается термин *конница*. История развития значений двух этих слов, история функционирования двух лексем в русском языке XI—XVII вв. представляет собой показательный пример системных отношений, возникающих между словами лексико-семантической группы, когда проявляется действие и внутриязыковых закономерностей и закономерностей, связанных с влиянием на языковые процессы объективного мира общественных отношений, производственной, культурной и тому подобной деятельности людей. На эти отношения оказывали влияние, хотя и не решающее, термины *шестникъ*, *снужникъ* и *фаревникъ*.

Шестникъ — 'пеший воин' (у И. И. Срезневского значение со знаком вопроса): «А Двиняѣ не тягнуша по князѣ по Васильи Васильевичѣ и по воеводѣ . . . , и шестники измогоса» (Н. IV, 6979, 447, 306 об.); «Поиде со своіми полки князь і с Новгородци і бысть золь поуть, акы же не видали ни дни, ни ночи, многымъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Бѣ сблюде» (Н. I, С., 6764).

Это слово должно быть отнесено к новгородско-псковским диалектизмам. В этом и в других своих значениях оно не известно нигде за пределами новгородско-псковской письменности, в последней же оно функционировало в значениях: а) 'хожалый' — 'рассыльный' (полицейский чин) — Новг. судн. гр. 1471 г.; б) 'княжеский слуга' — П. I, 6972; П. I, 6985, и др.; в) трудно формулируемое значение, выводимое из употреблений типа: «Поставленъ бысть Алексѣи чернецъ шестникъ въ діаконы и въ попы» (Н. I, С., 6867), по всей видимости, это какой-то церковный служака; г) категория сельского тяглогового населения (Новг. писц. кн., V, 175). Дальнейшая история военной лексики показала нежизненность этого диалектного образования, и оно было утрачено русским языком.

В псковской письменности как отражение мены *ш* на *с* распространен фонетический вариант *сестники*: «И князь и сестники поидоша на сени, благоверными людьми доброухотящими оукрощени, какъ князь и сестники и псковичи» (П. III, 1476, 204—205). Од-

⁵⁶ См. об этом: Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Наук. зап. Київського держ. пед. инст., т. XXIX. Київ, 1958, стр. 49—65; Д. А. Габьян. Из истории русской лексики. Уч. зап. Ереванского гос. пед. инст. им. А. А. Жданова, т. VI, 1956.

нако и в псковских летописях известен вариант *шестники* (П. I, П. II).⁵⁷

С(ъ)нузникъ (*сноузникъ*) — 'всадник': «Ростиславъ сопелъ есть на Литвою со всеми бодры и сноузники» (И., 6743, 777, 262 об.); «Собрашася вси пѣвцы пѣшци и сноузники мнози зѣло» (И., 6759, 811, 272); «Бѣхавшимъ не на нѣмѣмъ же притекшимъ соупротивъ ко строузѣ сноузникомъ же сразившимся не стерпеша» (И., 6766, 839, 280 об.). Из оригинальных памятников только в Ипатьевском списке Галицко-волинской летописи встречается это слово. Из переводных оно известно по «Хронике Георгия Амартола» (Увар., 380. Исх. XIV, 9, по списку XIV в.; см. «Материалы» И. И. Срезневского; ДРС). По переводным памятникам житийной и учительной литературы известны и другие словоформы и слова в значениях, связанных со значением сущ. *сѣнузникъ*: *сѣнузникъ* 'всадник', 'возница'; *сѣнузница* 'всадник'; *сѣнузѣньи* 'сидящий на коне'; *сѣнузѣство* 'колесница', 'путь'; *сѣнузѣнии* 'конный', 'относящийся к колеснице' и в значении существительного 'возница'; *сѣнузѣньствовати* 'ехать на коне, в колеснице'; *сѣнузѣство* 'колесница'; 'путь'. Ср. ст.-сл. *сѣнузъ* 'конный'; совр. русск. *узда*, укр. *вузденіця*.

Таким образом, слово, так укрепившееся в языке определенных жанров литературы, вовсе не было характерно для практического военного языка Древней Руси. Всеми своими значениями и употреблениями оно принадлежит старославянской языковой стихии.

Еще более ограниченными были рамки употребления слова *фаревникъ* 'конный воин', образованного от греч. *φάρης, φάριον* 'конь': «Градъ же крѣплѣшася, а Бѣла изнемогаше и поиде от града, оставившу же емоу люди за собою оружники многи и фаревники» (И., 6797, 761, 258). Это следует признать, несмотря на наличие слова *фарь* (*фарисъ*) в Ипатьевской и Псковской летописях.

Третьим термином из названий воинов по способу передвижения и средствам ведения боя в древнерусскую эпоху был термин *лодьникъ*, *лодеиникъ* (*лодииникъ*) 'гребец в лодке', 'корабельный воин' (воин, передвигающийся, сражающийся на лодьях): «Поидоша к лодьямъ, не ведуще бывшаго, оже лодьиници до нихъ побѣдилъ полкъ Болгарьскій» (И., 6690). Также: Н. I, С., 6742;

⁵⁷ О локализации слова *шестник* границами новгородско-псковской земли свидетельствуют показания таких словарей, как «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Материалы для терминологического словаря древней Руси» Г. Е. Кочина. На это указывали также исследователи, занимавшиеся историей древнерусского языка. См., например: А. Н. Н и к и т с к и й. Военный быт великого Новгорода. Русская старина, т. I, 1870, стр. 8; В. И. М а к с и м о в. Лексика Псковской первой летописи. Канд. дисс. Л., 1958, стр. 74—86; В. В. И л ь е н к о. Дialectная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепрпетровск, 1960, стр. 210—211.

«Атюлякъ царь слово рекъ . . . и заставщикомъ и лодейникомъ» (Ярл. Атюл., 1379 г.); «Бысть имъ вѣсть, оже вышелъ изъ Рязани Романъ Игоревичъ с полкомъ и бьется съ лодейники у Олгова» (Л., 6715) и др. В том же значении употребительна форма *лодейщикъ*: «Бердебѣково слово Татарским улусным и ратным княземъ . . . и лодейщикомъ» (Ярл. Берд., 1357 г.). Кроме того, было употребительно терминологическое словосочетание *вои лодейные*. Термин *лодейникъ* (с вариантами) сформировался на восточнославянской почве. От старославянской формы основы *лади* — *алди* такого производного не было. Неустойчивость морфологической формы слова *лодейникъ* (*лодыникъ*, *лодииникъ*, *лодейщикъ*), наличие параллельно функционирующего составного наименования — *лодейный воинъ* (ср. также *корабельный воинъ* — Ник., 6420, I, 26) не говорит в пользу мнения о законченности процесса терминологизации понятия о воине, действующем на судне (лоде). Как и в случае с *коневникъ* (*коневници*), здесь имеет место еще далеко не закончившийся процесс выработки термина для обозначения «корабельного воина». Несмотря на наличие в памятниках письменности многочисленных сообщений о передвижении воинов на лодях, о битвах воинов на лодях, количество употреблений термина *лодейникъ* сравнительно невелико. Обычны и широкоупотребительны описательные конструкции: *поити на (в) лодыахъ*, *битися на (в) лодыахъ* и т. д. Ср. *поити на конихъ*, *битися на конихъ*: «Поиде на Греки въ лодыахъ и на конихъ» (Л., 6352, 45) и др. Кроме того, были известны составные термины — *вои корабельные* (Ник., I), *вои лодейные* (Н. I; Лет. Рус.), которые конкурировали с термином *лодииникъ*, борясь за утверждение в практическом языке в качестве общепринятого наименования. Но ни тому, ни другому способу выражения не суждено было одержать победу по причинам в основном неязыкового характера.

Сѣчь употребляется уже в самый ранний период русской письменности. Ф. П. Филин отмечал употребление этого термина в «Повести временных лет». ⁵⁸ Однако Ф. П. Филин не указывает на то обстоятельство, что слово в древнерусском языке было малоупотребительным и известно только по памятникам переводной литературы или в религиозно-нравоучительных контекстах оригинальной письменности. Так, в «Повести временных лет»: «Ащо ли кто дѣнеть вы: сѣчець исѣче, то не съ то створи, но съ нѣго» (Л., 6586, 161). В «Материалах» И. И. Срезневского приводятся примеры на употребление этого слова в «Книге пророка Исаи» (сп. XV в., скопированный с рукописи Упыря Лихого 1047 г.) и в «Хронике Георгия Амартола» (по Уваровскому списку). Оба контекста не вызывают сомнений в принадлежности слова к стилю определенно жанра литературы.

⁵⁸ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка. . . , Л., 1947, стр. 487.

Такое же положение наблюдается и с вариантом слова *сѣчь*—*сѣча* (м. р.) в том же значении. И. И. Срезневский приводит единственный пример употребления слова в упоминавшейся уже «Книге пророка Исаи»: «Отиметь ѿть Іерлѣима . . . шуда и крѣпкаго чѣка, сѣчьж и сѣдію». (Ис., III, 2, Упыр.). Это положение распространяется и на другие значения слов *сѣчь*—*сѣча*. *Сѣчь*—*сичець* — 1) 'дровосек' (Пролог, XIII в. 167); 2) 'палач' (Изб., 1073 г., л. 82). *Сѣча* — 'палач' (Изб., 1073 г., л. 95; Супр. р., 10). Такая же судьба у слов *сѣчиво* — 'топор', 'секира'; *сечь* — 1) 'истребление', 'убиение', 2) 'война'; *сѣбный*, *сѣбьный*. Нет, по-видимому, никаких оснований считать эти слова элементами практического языка военной среды, а следовательно, элементами живого общенародного языка. Совсем иное положение наблюдается с другими словами этого корня — *сѣча*, *сѣчи*, *сѣчислѣ*, которые были широко употребительными в оригинальных контекстах. Но об этом — ниже, в главе, специально посвященной рассмотрению соответствующих групп лексики.

Бренидьць. Единственный пример на употребление этого термина в Ипатьевской летописи под 6654 г. приведен в «Материалах» И. И. Срезневского: «Пришедшу же Святославу в Полтескъ городокъ и ту присла Георгии в помощь тысячу бренидьецъ дружины Бѣлозерское» (И., 6654) (по другим спискам летописи — *бернистець*).

Форма *бренидьць* — явно западнославянского происхождения, ибо из *брѣнидьць* в древнерусском должно было бы быть *броидьць*. Это не должно вызывать недоумения, даже если ни один западнославянский памятник не отразил этого слова. Значение термина ясно, оно сохраняет очевидное отношение к *брѣня* — броня 'латы', 'панцирь'. Следовательно, *бренидьць* должно толковаться как 'воин, одетый в броню, защищенный панцирем, латами'; 'кольчужник', 'латник'. Другая форма этого слова *брѣнистьць*—*бронистець* в том же значении употреблена в «Хронике Георгия Амартола» и в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (из «Русского исторического сборника XV в.»).

Акад. В. М. Истрин, рассматривая вопрос о месте перевода и национальности переводчика «Хроники Георгия Амартола» (списка, использованного в «Повести временных лет»), среди других слов, встречающихся только в русских памятниках или в переводных произведениях русского происхождения, приводит и термин *брѣнистьць*: «Особенно следует обратить внимание на воинские термины, которыми перевод хроники сильно сближается с летописями и с таким памятником русского происхождения, как „Иудейская война“ Иосифа Флавия. К числу таких терминов можно отнести *осада*, *выньзти*, *бронистець*, *приспа*, *скеди*. . . Переводчику, очевидно, была хорошо известна обычная тогда русская

воинская терминология, как она была известна и авторам летописей и переводчику Иосифа Флавия». ⁵⁹

А если это так, то следует признать, что этот термин возник на русской почве и, по-видимому, мог употребляться наравне с другими терминами военного характера. Конечно, нельзя утверждать с полной достоверностью, что это слово в форме *бронистыцъ* не было известно другим языкам. Но тот факт, что оно не встретилось ни разу в памятниках западно- или южнославянских (о чем свидетельствует хотя бы Словарь Миклошича), а в памятниках русских употребляется, хотя и в единичном случае, заставляет искать подтверждения именно этого предположения.

Бронник 'воин, облаченный в броню': «Пришедшу же Святославу въ Полтескъ городъ, и ту присла ему Юрьи Володимерьчъ помочь тысящу бронникъ дружины Бѣлозерьские» (Моск. св., 6654, 39), видимо, образовано от *броня* (*брѣня*). М. Г. Булахов считает этот термин образованием, связанным с московской территорией. ⁶⁰

Стрѣльць (*стрѣльци*). В древнерусском войске, как об этом хорошо свидетельствуют письменные памятники, в частности летописи и воинские повести, были специальные отряды, вооруженные луками со стрелами; эти отряды выполняли специфические боевые задачи. Прежде всего *стрѣльць* — это воин, стреляющий из лука: «Напшимъ же ставшимъ межѣ валомъ поставиша стаги свои и поидоша стрѣлци из валу» (Л., 6601, 220, 73); «И сѣхавшася . . . вси на мѣсто и поустиша стрѣлцѣ свои къ граду» (И., 6654, 331). Всякий воин, вооруженный луком, пускающий из него стрелы, назывался стрельцом. Однако *стрѣльци* — это и наименование особых отрядов войск, которые занимали строго определенное место в боевом порядке и вступали в бой в строго определенный момент. Об этом говорят такие употребления слова, как: «Половци идаху противу и стрелци предъ ними» (Л., 6601, 220, 73); «Берендьеве же гнаша князѣ за поводъ и не даша имъ ѣхати рекуще не ѣздите вы напередъ вы есте нашъ городъ а мы поидемъ напередъ стрѣлци» (Л., 6677, 360, 121); «Атъ мы поидемъ напередъ стрѣльци и сыгнашася ѡбой и бысть сѣча зла» (И., 6680, 558, 199). Следовательно, *стрѣльци* шли в авангарде войска, как род войска, способный поразить противника на значительном расстоянии. Использовались *стрѣльци* и в «позиционных» сражениях, когда противников разделяло известное расстояние, какое-либо препятствие, т. е. когда не было непосредственного соприкосновения с противником. «Стрѣлцемъ же стрѣляющимъ ѡ Лыбедь» (реку, — Ф. С.) (Л., 6659, 332, 111); «[Изаславъ] пойма Во-

⁵⁹ В. М. Истрин. Хропика Георгия Амартола. . . , т. 2, стр. 296.

⁶⁰ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка. Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 54.

лодимера брата и Мстислава сына своего з Берендѣи и с Кыжны и оусрѣте и оу Тумаща стрѣльцемъ стрѣляющимъ сѡ рѣцѣмъ Стугну» (Л., 6658, 109); «И снашасѣ с ними (половцами, — Ф. С.) стрѣльци и бишасѣ ·г· дѣни стрѣльци а конѣи сѣ не снимали а дружины ожидаючи» (Л., 6694, 398, 134 об.). (Половцы, ожидая свои основные силы, вели перестрелку из луков, не вступая в рукопашную схватку, которая всегда являлась завершающим этапом боя). Использовались стрѣльци и при осаде городов-крепостей: «Данилови же и Василкови ходѣшима подлѣ града стрѣляющимъ на градъ инѣмъ стрѣльцемъ» (И., 6737, 756, 256 об.).

Наиболее употребительны сочетания, в которых выступает в древнерусской письменности слово *стрѣльци* — *стрѣльцемъ* *стрѣляющимъ*, *стрѣльцемъ стрѣляющимъ*, *стрѣльцемъ бьющимъ*: «Стрѣльцемъ же бьющимъ сѣ межи полкомъ тако стоѣша Половци» (И., 6656, 381); «Стрѣльци . . . почаша сѣ стрѣлати межи собою гонѣшасѣ» (И., 6682, 575, 204); «Стрѣльцемъ стрѣляющимъ сѡ рѣку. . .» (И., 6658, 401, 145) и т. д. Эти сочетания стали своего рода штампами, употреблявшимися при описании определенных боевых ситуаций.

Интересно отметить, что термин *стрѣльци* не употребляется в Новгородских летописях, хотя, судя по наличию в них однокоренных образований (стрѣлати, стрѣльница и др.), можно утверждать, что и в Новгородском диалекте слово *стрѣльць* было известно. Особенно широко употреблялся термин *стрѣльць* — *стрѣльци* в Ипатьевской летописи (в галицко-волынской части ее). Нам удалось извлечь более 50 употреблений этого слова из Ипатьевской летописи. Однако никаких особенностей в употреблении термина в Ипатьевской летописи в отличие от Лаврентьевской не наблюдается ни в семасиологическом, ни в стилистическом, ни в фразеологическом плане. Количественная же сторона не играет решающей роли, ибо Ипатьевская летопись вообще чрезвычайно богата военной терминологией.

Что касается суф. *стрѣльникъ* 'стрелок из лука', то, судя по всему, оно принадлежало другой языковой системе, именно старославянской стихии языка; оно, по-видимому, не оказывало никакого влияния на развитие значений и функционирование в древнерусском языке однокоренных с ним слов *стрѣлецъ*, *стрѣляти*, *стрѣльна* и т. д. Неизвестно ни одного случая употребления слова *стрѣльникъ* в оригинальной древнерусской письменности, в текстах нерелигиозного содержания. См. «Материалы» И. И. Срезневского (III, 569).

К рассмотренному выше термину *стрѣльць* примыкают, образуя известную тематическую группу слов — названий воинов по профессиональному признаку — по специальностям, термины *забральникъ*, *копейникъ*, *копие*, *стяжникъ*, *стяговникъ*, *знаменьщикъ*, *знаменосецъ*.

Забральныйкъ 'защитник крепости', 'воин у зубцов крепостной стены' (proprugnater). «Татарове поидоша въ градъ съкуще, а инии по лѣствицамъ въздоша на градъ, никому же възбраняющую съ заборолъ, не сущю забралнику на стѣнахъ» (Н. IV, 6890). В переносном употреблении со значением 'защитник' в переводном догматическом памятнике «Св. Аѳанасія великого истинъ забральныйка» (Πρόμαχος, proprugnatoris) (Пат. Син., XI в., 278).

Копейникъ (копииникъ) 'ратник', 'воин, вооруженный копьем'. «Отъ Давыдова полку приѣждивахуть стрѣлци и копейницы» (И., 6688, по Хл. сп.); «Стрельцы и копейницы» (Ник. 6727, II, 343). В переводных источниках (Супр. р., 351; Георг. Ам., 360) слово употреблено в фонетической форме *копииникъ*.

Копие (копье). Кроме названия холодного оружия 'копье' слово *копие* в древнерусском языке имело два значения: а) 'воин, вооруженный копьем' (при обозначении количества воинов): «Развъ ѣдино копие поставлено оу гроба его а и то в руку мою естъ» (И., 6660, 467, 167); «Бысть же оу поганыхъ . ѿ . копии, а оу Руси дванадесто копии» (Л., 6677, 360, 121). Также: И., 6680. Так же путем метафорических переосмыслений формируется и другое значение: б) 'ряд (колонна) воинов в восемь человек, расположенных в глубину'. Это значение не зафиксировано летописным языком, однако историки и военные историки доказывают, что оно имело место.⁶¹ Оба слова были равноправными членами системы военной терминологии Древней Руси. Что касается рассмотренных значений у слова *копие* (копье), то, по всей видимости, их надо считать явлением сугубо восточпославянским; по крайней мере нет ни одного достоверного свидетельства о наличии этих значений общеславянского *копье* (копие) в западно- или южнославянских языках. Да и в русском языке его употребления не прослеживаются позднее XII в.

Меченоша 'оруженосец', 'княжеский дружинник': «Великий князь Всеволодъ посла с полкомъ Кузму Ратьишча меченошу своего и вадъ Тспру» (Л., 6718, 435, 148); «. . . убиша . . . меченошу Ярославля» (Н. I, С., 6733, 223).

Мечъникъ. В древнерусском языке слово было многозначным. Оно употреблялось в значении 'страж', 'оруженосец': «И абие посла пръ мечъника, повелѣ принести главъ юго . . .» (Мр., 27; Остр. ев.) и др. Все употребления слова в этом значении связаны с неоригинальными памятниками религиозного содержания, как, впрочем, и употребления слова в двух других значениях — 'палач' и 'императорский оруженосец при Византийском дворе' (последнее — в «Хронике Георгия Амартола»). Что касается четвертого значения — 'княжеский дружинник' в Древней Руси, —

⁶¹ См. об этом: В. Б о р я с о в. Древнерусские военные повести. Киев, 1906, стр. 5—6.

то оно возникло на восточнославянской почве и характерно только для древнерусского языка: «А в огнищаниѣ, и в тиунѣ, и в мечниѣ 12 гривне» (Н. I, С., 6524, 687); «Аче ли боудеть Русинѣ, любо гридь, любо коупецъ, любо тивоунъ боѣрескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо Словенинъ, то ·м· грѣхъ положити за нь» (Русск. Пр. Яросл. по Син. сп.); «Княне устремашася на Ратьипиѣ дворъ грабить и на мѣчъники» (И., 6654, 322).

Как и другие термины — названия представителей отдельных групп, составляющих дружину, термины *меч(ь)никъ* и *меченоша* характеризовали человека не только с точки зрения военной специализации, но и прежде всего с точки зрения социально-политической, указывая на место того или иного члена дружины в социально-политической иерархии древнерусского общества.

Возникъ 'воин в обозе', 'обозник': «И узрьша яныи полчищъ свинью великую, которая бѣше вразилася въ возники Новгородскыѣ» (Н. I, С., 6776, 290). Трудно судить о широте употребления этого термина в древнерусском языке, так как сведения о нем ограничиваются приведенным случаем. Но слово было известно и церковнославянскому языку (Жит. Андрея Юрод., XIV, 69), а самое главное — обозы (возы) в русском войске и войске народов, воевавших с Русью, были обычным делом: «Князь же Всеволодъ нарядивъ полки на масленѣи недѣли, и пусти возы на ту сторону рѣкы, иде же Глѣбъ стояше» (Л., 6685). Недаром летописец считает необходимым особо подчеркнуть, что «[Святославъ] хода възъ по собѣ не возаше, ни котѣла ни масъ варѣ» (Л., 6472). Видимо, поэтому и сущ. *возникъ* было обычным военным термином; если употребительность его и не была достаточно широка, то связать это необходимо прежде всего с неактивностью в древнерусском языке образований, служащих названиями воинов по профессиональному признаку.

Кошевникъ 'воин, выполняющий обязанности по обслуживанию обоза': «Пусти сѣдѣльники своѣ и кошевники ношю напередъ» (Т., 239).

Кошовый (*кошевыи*) субстантивированно употреблялось в том же значении, что и *кошевникъ*: «А двора его кованои рати боевыхъ людѣи 300 человекъ, опричь кошовыхъ» (П., I, 6968, 219). Ср. также атрибутивное употребление в знач. 'обозный': «И Псковичи первое ударихася на кошь, и потомъ Москвичи, и начаша межѣ себя драться о бытъ Нѣмецкомъ, а Чюдъ кошевую всю присѣкоша» (П. I, 7011). Впрочем, последние два слова относятся к позднему времени.

Четыре слова — *стяговникъ*, *стяжникъ* (*стяжкъ*), *знаменьщикъ*, *знаменосецъ* — знала древнерусская письменность для названия воина-знаменосца. Слова эти образованы от сущ. *стягъ* и *знамя*, обозначавших 'воинское знамя'. В истории военного дела *знамя* и *стягъ* как воинские символы играли огромную роль. Летописные известия красноречиво говорят об этом:

«Выступи полкъ изъ загорья, вси во броняхъ, яко во всякомъ леду и подьяша стягъ» (Л., 6684). Поднятие стяга символизировало готовность к бою; повержение стяга (знамени) означало поражение: «Мстиславици повергоша стягъ и побѣгоша» (Л., 6684) и др. Ср. в «Слове»: «Ярославе, и вси внуце Всеслави! Уже понизити стязи свои, вонзите свои мечи вережени». Устойчивое терминологическое сочетание *подъ стягомъ* употреблялось в значениях: а) 'в боевом порядке' (Л., 6605) и б) 'в (чьем-либо) войске', 'в составе (чьего-либо) войска' (Дог. гр. Дм. Ив., 1362). Последнее значение реализовалось собственно в сочетании: *подъ (чьим-либо) стягомъ*.

Придавая такое значение символике воинской славы и доблести, войско, естественно, выделяло воинов, на обязанности которых лежали заботы об охране, защите знамени, о соблюдении правил его подъема и т. д. Эти воины и получали название *стяговникъ*, *знаменщикъ* и т. д.: «И бысть съча зла и поташа и стаговника нашего и челкъку стаговую сторгоша стага» (И., 6680, 558, 199); «. . стаговника Половечьского поташа» (Л., 6677, 360, 121 об.).

Стяжникъ (стяжькъ): «Оба полъ царя 12 оружниковъ, отъ главъ ихъ и до ногу все желѣзно, а предъ нимъ идуть два стяжка, власы черны, а древа ихъ и ризы и шапъки черлены» (в других списках — *стяжьника*) (Игн. Пут.; Пал., 15); «И въста царь, поиде къ алтарю, а стяжки предъ нимъ и оружныцы оба полъ его» (Игн. Пут. Пал., 16). Обе формы слова не имели, таким образом, военного значения; очевидно, они не выходили за рамки религиозно-догматических жанров литературы в отличие от *стяговникъ*, являвшегося членом лексической системы практического русского языка.⁶²

Термины *луч(ь)никъ*, *сѣдел(ь)никъ*, *щитникъ* образуют особую микросистему названий лиц по профессиональному признаку, обозначая мастера, изготовляющего то или иное оружие (*сѣделникъ* и *щитникъ* имели и другие значения, ставящие эти слова в семантические отношения с иными категориями военных терминов).

Луч(ь)никъ 'мастер, делающий луки': «И мастеръ всади бѣжахоу ис Татаръ сѣдѣлници и лоучници и тоулници» (И., 6767, 843, 281 об.). Также в Новгородских писцовых книгах (I, 618; III, 880). Функционирование термина в оригинальных текстах ничем не отличалось от функционирования его в памятниках переводных: «Михаилъ лучьникъ» (Г. Ам., 364).

Сѣдельникъ (седльникъ). Термин функционировал в древнерусском языке в двух значениях: а) 'мастер, делающий седла': «Мастеръ всади бѣжахоу ис Татаръ, сѣдѣлници, и лоучници, и тулници, и коузницѣ желѣзоу и мѣди и серебру» (И., 6767, 843,

⁶² *Знаменщикъ*, по мнению Б. А. Ларина, появляется в письменных памятниках не ранее XVI в.: Парижский словарь москвитов 1586 г., стр. 50.

281 об.). С этим же значением термин известен по Новгородским писцовым книгам (I, 658; III, 494); б) 'воин — слуга князя, боярина'; иногда 'влиятельный дружинник': «Ксѣнатиъ Васильевичъ Ируновъ братъ и сѣдельникъ Ирорлавъ» (И., 6678, 540, 193); «Половци же съвѣкупившеса съ сѣдельники, бипаса съ ними» (И., 6680). В этом же значении встретилось в Львовской, Тверской и Воскресенской летописях. В переводных памятниках словом *сѣдельникъ* обозначался придворный чин при императоре Византии (Г. Ам., Увар., л. 340). Это значение и предыдущее ('слуга князя') корреспондирует со значением субстантивированного прилагательного *сѣдѣльничий* 'княжеский дружинник': «Ивапа же посла сѣдѣльничего своего по неверныхъ Молибоговичихъ» (И., 6738, 763, 258 об.).

Щитникъ 'мастер, делающий щиты': «Посадиша с нимъ . б . моужъ Икоуна Моисѣвица, Микифора щитник[а]» (Н. I, С., 6736, 228); «А Новгородъ ту убиша 10 мужъ: Феда Якуновича тысячскаго, Гаврила щитника» (Н. I, С., 6742, 244). Этот термин известен только по Новгородским летописям; однако на этом основании вряд ли можно делать вывод о его территориальной приуроченности. Просто в другие памятники он не попал. Принимая во внимание, что щиты занимали важное место в вооружении русских воинов, и учитывая тот факт, что у древних русских, как об этом сообщают свидетельства иностранцев, на вооружении были щиты особой формы и выделки, можно с уверенностью утверждать, что профессия щитника — мастера по изготовлению щитов занимала важное место в ремесленном производстве. Вместе с тем надо заметить, что щ и т н и к ъ, будучи ремесленником-профессионалом, обслуживающим нужды военной организации, занимал тем самым определенное место на социальной лестнице русского общества. Как и *сѣдельникъ*, термин *щитникъ* мог обозначать и княжеского дружинника.

Мастер порочный 'мастер, строящий пороки (обыкновенно и обслуживающий их)': «Изискаша мастера порочныѣ и начаша чинити пороки во влѣчнѣ дворѣ» (Н. I, С., 6776); «Тогда мастеръ порочныи хитростью пусти на на воду» (там же, 6776). Для древнерусского языка и языка великорусской народности вообще было характерно слияние двух смежных признаков в значении слова (обычно мастер, занимавшийся постройкой какого-либо оружия, и обслуживав его в бою). Ср. *пушечный мастер*, *мастер пушечник* и другие в более поздние века.

Термины *берладникъ*, *наворонникъ*, *засад(ь)никъ*, *зажитникъ* образуют тематическую подгруппу названий воинов по принадлежности к тому или иному отряду войска, выполняющему особую, специальную задачу.

Берладникъ 'воин из состава вольницы, жившей в Берлади' (местность между р. Прутом и Серетом). Собственно, это 'член

ватаги вольницы, разбойничей шайки, промышлявшей разбоями на море и на сухопутных дорогах'. Но под этим названием они нередко входили как составная часть войска: «Иван . . . ѣха къ Половцемъ, и шедъ с Половци и ста в городѣхъ Подунаискихъ, и избѣ две кубарѣ и взѣ товара много в нею, и пакостяше же рыболовомъ Галичьскимъ. И придоша к нему Половци мнози, и берладника у него скупися 6000» (И., 6667, 341). Также см.: И., 6665, 335; И., 6668, 346. Позднее XII в. слово в памятниках не встречается, что должно быть связано с потерей контактов русского государства с населением области Берладъ и с исчезновением ватаг берладской вольницы.⁶³

Зажитникъ 'военнослужащий, заготавливающий съестные припасы, фураж'. Термин принадлежит к старому фонду военной терминологии: «Ту прибѣгоша зажитници, яша бо у нихъ Берендичѣ 3 мужѣ» (И., 6654); «и срѣте и и изыма зажитники королевы» (Л., 6660, 337, 112 об.). Термин *зажитникъ* не сохранился в русском языке далее XIV в. (или начала XV в.), так же как и термин *зажитие* 'сбор продовольствия, фуража', ушедший из языка вслед за отмиранием самого способа «кормления» армии. Ср.: «Ізко быша на землі, поусти полкъ всь в зажитиѣ» (Н. I. С., 6750, 250); «Иде князь Ярославъ съ Новгородци и съ всѣю областью и с полкъ своими на Нѣмци, и пусти люди своя въ зажитие воевати» (Н. I. С., 6742, 424). Наиболее позднее употребление, отмеченное «Материалами» И. И. Срезневского, относится к 6919 г.: «По зажитіемъ и волостемъ . . . много зла учини» (Н. IV, 6912). Следует считать ошибочным мнение Г. М. Булахова о позднем (XIV или XV в.) образовании термина *зажитникъ*. Примеры из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей не могут считаться поздним вкладом переписчиков. Нельзя допустить, что слово *зажитникъ* выступает в качестве неологизма в Московском летописном своде, как это считает М. Г. Булахов: «. . . Володимирко не дадыше въ свою землю внити рати, срѣте их и изыма зажитники королевы» (Моск. л., 55),⁶⁴ потому что в это время *зажитие* как способ «кормления» армии не было известно.

Засад(ь)никъ 'воин из состава засады': «Начаша ся бити крѣпко засадници изъ города» (И., 6667, 497, 178). В основу этого наименования положен временный признак: войско в засаде оказывалось только в условиях войны. Это не способствовало укреплению позиций слова в качестве специально-терминологического обозначения. Кроме того, в древности не произошло еще отчетливого выделения отдельного воина, находящегося в засаде, из массы; обычно засада, как и другие термины, обозначающие

⁶³ Ф. П. Филин отмечал, что слово *берлад(ь)никъ* было известно только на юге, особенно в Галицкой области, население которой сталкивалось с *берладниками* — вольницей из Берлады (Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 228—229).

⁶⁴ М. Г. Булахов. Московский летописный свод. . ., стр. 55.

войско или его часть, воспринималась как единое целое, обозначения же отдельных представителей этого целого употреблялись преимущественно во множественном числе. В этом случае *засадники* по значению было тождественным с термином *засада*, широко употребительным в древнерусскую эпоху. Большая частота употреблений последнего сдерживала активность производного *обозадникъ*. От синонимичных с термином *засада* слов *подсада* и *застава* образований для обозначения отдельного воина неизвестно вообще.

Наворопникъ 'передовой воин (=воин авангарда разъезда)': «Наворопници же пришедше Хоролъ взиидоша на шоломъ» (И., 6692, 635, 222 об.). Ср. значения и употребления производящего сущ. *наворопъ*, которое известно с XII в. и употреблялось для обозначения отряда войска, высылаемого для разведки или сторожевого охранения, т. е. разъезда. Письменность не донесла до нас случаев свободного употребления слова: оно известно только в сочетаниях *пустити въ наворопъ*, *врядити въ наворопъ*: «Вси пожаловаша на Мьстислава ꙗже оутаивъсѧ ихъ пусти в наворопъ» (И., 6678, 540); «Върядиша в наворопъ и Мьстислава Романовича» (И., 6692, 634). Если принять во внимание свободное употребление производного сущ. *наворопникъ*, надо признать такую же возможность и для исходной формы *наворопъ*. *Наворопникъ* отмечается только в одном летописном своде, однако это не дает оснований считать его локально ограниченным словом. В памятниках, написанных в других областях, употребляется глагол *наворопити* — *наворопляти*.

В этой подгруппе рассмотрены слова и термины, называющие воина по профессионально-специальностному признаку. Термины донесли до нас сведения о дифференциации воинов в зависимости от оружия, которым они пользовались в бою, от способа передвижения, от специальных задач, выполняемых отдельными воинами и т. д. Круг слов, относящихся к древним названиям этого рода, невелик, но и он с достаточной убедительностью говорит в пользу сложности организационного механизма древнерусского войска. Сюда относятся термины: *пѣшѣць* (*пѣш(ь)ци*), *пѣшие*, *конные люди*, *конѣвникъ* (*конѣвници*), *фаревникъ*, *стрѣлецъ* (*стрѣлцы*), *шестникъ*, *щитникъ*, *способ(ь)никъ*, *сѣнузнь(е)ць*, *с(ѣ)нузникъ*, *сѣделникъ*, *сѣдѣльничий*, *оружникъ*, *оружничий*, *наворопникъ*, *мечникъ*, *меченоша*, *луч(ь)никъ*, *лодыникъ* (*лодеиникъ*, *лодииникъ*), *лодеищикъ*, *копиеникъ* (*копейникъ*), *засадыникъ*, *зажитникъ*, *возникъ*.

Из этого круга названий выделяются прежде всего термины, указывающие на принадлежность воина к определенному роду войск: *пѣшѣць* (*пѣш(ь)ци*), *пѣшие*, *шестникъ*, *конные*, *конные люди*, *конѣвникъ* (*конѣвници*), *сѣнузньць* (*сѣнузникъ*), *фаревникъ*, *лодыникъ* (*лодеиникъ*, *лодииникъ*), *возникъ* — термины, называющие представителей четырех родов войск Древней Руси — пехоты, конницы (конного войска), флота и

о б о з а (тыловых войск.) В системе военной терминологии слова этой подгруппы отчетливо противопоставлены друг другу. Затем идет подгруппа терминов, выделяющих воина по виду оружия: *стрѣлецъ* (*стрѣлцы*), *меч(ь)никъ*, *меченоша*, *лучьникъ*, *копечник* (*копечникъ*). Термины *наворопникъ*, *засадыникъ*, *зажитникъ* указывают на способ действия воина в бою, на выполнение им особых поручений, что раскрывается значением основы. Наконец, термины *сѣделникъ*, *сѣдѣлничий*, *оружникъ*, *оружничий* указывают на профессию человека (связанную с военным делом) и одновременно определяют его место в социальной структуре древнерусского общества.

Как отмечалось при анализе слов, входящих в эту подгруппу, не все они занимали одинаковое положение в лексической системе древнерусского языка. Одни из них — *пѣшѣць*, *пѣшие*, *конѣникъ*, *стрѣлецъ*, *щитникъ*, *мечникъ*, *лучьникъ*, *засадыникъ* и др. — отличались большой активностью в разговорном языке, составляли костяк номенклатуры русских наименований воинов; другие — *фаревникъ*, *с(ъ)нузьникъ*, (*сънузнецъ*), *съпособникъ*, *шестникъ* — занимали в этой группе периферийное положение, не являясь термином в собственном смысле. *Фаревникъ* и *смузникъ* принадлежали по своему происхождению и функционированию языку церковнославянскому, *шестникъ* должен быть отнесен к разряду северо-западных диалектизмов. Слова образованы по определенным словообразовательным моделям при посредстве суффиксов *-щик-*, *-никъ*, *-ць*, кроме *копие*, в котором сказались семантические процессы переосмысления; наиболее продуктивным был суффикс *-никъ*. Уже в первые века письменной истории русского языка развивается в дальнейшем все расширяющийся способ образования составных терминов (*порочный мастеръ*). Последнее наименование своим источником имеет терминологию ремесленно-художественную, получившую в Древней Руси высокое развитие. Известное распространение получили также термины — сложно-составные слова со второй частью сложения: *-ноша*, *-носець* (*меченоша*, *знаменосецъ*).

3. НАИМЕНОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ВОЙСКА ПО МЕСТУ ИХ В БОЮ, ПОХОДЕ ИЛИ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Эти слова относятся к общим наименованиям войска, как видовые термины к терминам родовым. Наличие термина, обозначающего родовое понятие, предопределяет, делает возможным и необходимым появление в языке терминов со значением видовых понятий.

В этой группе терминов можно выделить наименования, противопоставляемые друг другу по семантическому содержанию (*чело — задъ*), термины, сами являющиеся родовыми по отношению к другим, более мелким наименованиям (*крыло* ↔ *крыло*: *лѣвое*

крило, правое крило), и термины, не образующие таких микро-систем, удерживаемые в этой тематической группе лишь отношением их значения к значению родовых терминов группы (*засада, заступъ* и т. д.). Но, конечно, и последние существуют не изолированно друг от друга. Элементы системных отношений характерны и для этих слов-терминов. Большинство наименований, относящихся сюда, известны по памятникам письменности с самых ранних эпох.

Рядъ 'строй', 'боевой порядок': «И стаха около него пълкомъ, и отрадивъше на .е. пълковъ кнзъ же, узрѣвъ рядъ ихъ, оже хотать крѣпко животъ свой отдати, и не поеха, нъ присла Митрофана» (Н. I, С., 6728); «Литва же баше стала при озерѣ и видивше полкы израдиха и сѣдоша во три рады за щиты по своему порову» (И., 6770, 856, 285). Термин *рядъ* выражает наиболее обобщенное понятие о расположении боевых порядков войска, о его строе перед битвой, сражением. В качестве родового термина он обобщает наименования отдельных видов боевого порядка (строя): *чело, задъ, сторона, крило* и др.

Чело 'голова', 'передняя часть войска, обращенная в сторону противника' (соответствует одному из значений современного *фронт*): «На челѣ стати и бѣдѣ подымати не хоташе» (метшпов) (Гр. Наз., XI в., 261); «Мьстиславъ же с вечера исполнивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варагомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома» (Л., 6532, 148, 50 об.). Это — собственно передняя и центральная часть (фронт) войска по отношению к крыльям, передняя шеренга. Обычно слово выступает в терминологическом сочетании *стати, поставить* и т. п. *въ чело*, хотя возможны и свободные употребления: «И поиде Мьстиславъ и Нрославъ противу собѣ и сступиша чело Сѣверъ съ Варагы» (Л., 6532, 148, 50 об.); «Сразишима же са челома и тако поломиша полкъ Шварновъ» (И., 6776, 866, 288 об.). Эти употребления показывают, что *чело* может быть истолковано и как современное *авангард*. Понятие, выражаемое этим термином, противопоставлялось понятию, которому соответствовал термин *задъ*. Эти слова находились в системе древнерусской военной терминологии в отношениях антонимии. В сочетаниях *стати (на бой) въ лицѣ (противу лицу), битися въ лицѣ, оударити въ лицѣ* и других подобных сущ. *лицѣ (лицо)* выступает как синоним термина *чело*: «. . . не може стати противу лицу» (Л., 6731, 504, 229 об.); «Новгородци же стаха в лице железному полку противу великой свиньи» (Н. I, С., 6776, 288); «[Князь] бился с Татари в лице» (Н. IV, С., 6888, 321, 219). *Лице (лицо)* обозначает 'прямо', 'против' (=передняя сторона войска; фронт).

Задъ 'тыл', 'задняя часть воинского отряда', 'задний отряд', 'арьергард войска': «Володимировичи же постигоша задъ его, овы изымеша, а другыя избиша» (Л., 6658, 327, 109); «А язъ по немъ иду, емля задъ дружины его» (Л., 6684, 376, 127); «И тако

начаша наѣздити в задъ полковъ стрѣлатиса с ними» (И., 6659, 436, 157 об.); «И снидоша всихъ князи дружина Серковицею и ринушася к нимъ доловъ оу задъ Мьстиславу» (И., 6679, 544, 194 об.).

Таким образом, в древнерусский период сущ. *задъ* имело два оттенка значения: а) 'воинский отряд, расположенный сзади основных сил, или задняя часть (противоположная передней части) воинского отряда' и б) то, что можно передать современным *тыл* 'сторона, противоположная лицевой, задней'. В том же значении функционировал термин *тылъ*. На широкое употребление слова в «Повести временных лет» указывал Ф. П. Филин.⁶⁵ И в более поздние века термин сохраняется в составе военной терминологии и доживает до наших дней. Обычно слово употреблялось в сочетаниях: *ударить въ тылъ*, *взяти въ тылъ* и др.: «Аще поидемъ мимо ихъ, измуть ны в тылъ, а другое мои люди къ бою не дерзи» (Н. V, 6724, 189, 553); «Князю же Данилову заѣхавшюу в тылъ имъ» (И., 6738, 768, 260).

Крыло (*крыло*) 'фланг в боевом порядке войск': «Мьстиславъ же, с вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варагомъ, а самъ ста с дружиною своею по крылома» (Л., 6532, 148, 50 об.); «Ирославъ выступи изъ града и исполчи дружину, постави Варагы посередѣ, а на правѣ сторонѣ Кыязне, а на лѣвѣмъ крылѣ Новгородци» (Л., 6544, 151, 51). Из этого примера видно, что в значении 'фланг' может употребляться и сущ. *сторона*, причем обычно в сочетании — *правая сторона*, *лѣвая сторона*. Ср.: *правое крыло* (Л., 6604, 239, 86 об.). *Крыло*, как особая часть войска, расположенная на фланге, известным образом противопоставлялось основному войску (*полку*, *рати*): «И тако бяхуться на крылѣхъ полкомъ отъ обоихъ, а самѣмъ полкомъ нѣлзѣ бы съѣхатися» (И., 6659, 435, 157 об.). Обычно же *крыло* противопоставлялось *челу* (*лицу*) или *заду* (*тылу*): «Княже, господинѣ не ставися напередѣ битися, но назади, или крылѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ» (Н. IV, 6888, 321, 219).

Засада. Наиболее ранним значением термина *засада* было 'войско, находящееся в городе (крепости) для его защиты'. Уже под 6605 г. в Лаврентьевской летописи встречаем: «Мстиславъ затвориса в градѣ с засадою иже бѣша оу него Берестыине Пинане» (Л., 6605, 271, 91 об.); «Володимеру сущю в засадѣ Переслави брату Изаславлю и Ярополку Мстиславичю с Поршаны и стрѣлающимъ ѿбоимъ» (Л., 6657, 321, 107); «Отъ князя великого приихаль в засаду князь Федоръ Ростовскыи городка блюсти» (Н. I, С., 6906, 385). Более поздние (первая половина XIII в.) употребления слова *засада* выявляют значение 'отряд войска,

⁶⁵ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1947, стр. 486.

скрытно расположенный для внезапного нападения на противника'. Причем ни в южных летописях, ни в Новгородских *засада* не употребляется в этом значении. Единственный пример встречается в Псковской летописи: «Избиша Литва на Камнѣ Псковичъ засадоу» (П. I, 6744, 178).

У нас нет никаких оснований утверждать, как это делает С. Д. Ледяева, что слово *засада* в южнорусской письменности (в значении 'войско, находящееся в городе для его защиты') было менее употребительным, чем в севернорусских памятниках.⁶⁶ По крайней мере количество употреблений этого слова в XI—XIII вв. и для памятников Юга и для северных памятников одинаково. Так, например, галицко-волынская письменность представляет в распоряжение исследователя более десятка употреблений *засада* именно в этом значении: «Володимероу (сущю?) в засадѣ оу Переяславли» (И., 6656, 378); «И приде к нему Мьстиславичъ и Стародуба в засаду» (И., 6664, 484, 174); «И вошла баша засада Їрославля в городъ» (И., 6667, 497, 178); «И нача росылати засаду по всимъ городомъ» (И., 6794, 928, 904 об.); «Индрихъ . . . выѣха вѣнъ до Воротьславля а засадоу свою посади во Краковѣ» (И., 6798, 934, 306 об.) и др. Термин в тех же значениях сохраняется и в языке позднейших эпох (Лет. Арх., 7001, 366, 366; ДАИ, III, 1647, и др.).

Синонимом термина *засада* в Новгородских и Псковских летописях выступает слово *подъсада*. «Тої же осени приходиша Литва к Торжкѣ, и высушася Новоторжъци; і по грѣхомъ нашимъ повергоша Литва подъсаду: овыхъ избиша, а инѣхъ руками изымаша» (Н. I, С., 6766, 279). Под этим же годом в Софийском временнике слово *подсада* употреблено в другом значении (отличном от значения в 1-й Новгородской летописи): «Тое же осени приходиша Литва къ Торжку и выидоша Новоторжци противу имъ; и по грѣхомъ нашимъ подведоша Литва подсаду, овыхъ избиша, а иныхъ руками поимаша» (Соф. вр., 6766, т. I, 270). В этом же значении 'скрытно расположенный отряд войска для внезапного нападения на противника' употреблен термин *подъсада* и в Псковской 1-й летописи: «Побѣгоша [немцы] прочь, и Вельяне гнаша въ следъ ихъ, оже поганія подсаду учиниша, и Вельяне ударишася на нихъ, и убиша Вельянь 45 мужъ» (П. I, 6919).

Все употребления этого слова относятся к довольно позднему времени — второй половине XIII в. и началу XV в. Южнорусские летописи не содержат ни одного примера на употребление термина. Это свидетельствует о территориальной приуроченности слова-термина *подсада*, о функционировании его на севере Древней Руси. Особенно много употреблений термина отмечается в псковской и новгородской письменности XVI в.: П. I, 7068, 341, и др. В XVI в.

⁶⁶ С. Д. Ледяева. К вопросу о некоторых названиях. . . , стр. 163—174.

он переходит и в летописные списки московского происхождения: Лъв. лет. 7064, ч. II, 573; Ник. л., 7064, II, 271; Хр., 1512, 101, и др.

В московском военном языке термин приживается и сохраняется вплоть до XVIII в. Так, в дополнении Судебнику 1550—1582 гг. и в «Аполлодоре» 1725 г. (44) встречается терминологическое сочетание *застѣсть на подсадѣ*, а образованное от *подсада* прилагательное *подсадный* начинает входить в терминологические сочетания: *подсадная стрельба* (Устав ратн. дел, 2, 120) и *подсадная конница* (Моск. Вед., вып. I, 157²). Даль еще отмечает в своем словаре военное значение — «скрытно расположенный отряд» — у слова *подсада*.

Застава. Третьим синонимом в группе *засада*, *подъсада* был термин *застава*, основное число употреблений которого падает на довольно поздний период истории языка — XIV—XV вв.: «Много бився подѣ градомъ, но не успѣ ничто же; понеже застава въ немѣ бѣ дворъ великого князя, князь Иванъ Васильевичъ Стрига да Ѳедоръ Басенокъ, а съ ними дѣти боярскіе многіе» (Соф. вр., 6957 г., т. II, 60); «Литовскыи король Андрѣи заставу постави в Смоленскѣ» (II, 6992). И другие примеры (они имеются в «Материалах» И. И. Срезневского) относятся к XV—XVI вв. и извлечены из севернорусской письменности. Таким образом, можно считать, что в этом значении слово *застава* характерно только для севернорусской письменности и наравне с *подсада* может считаться северо-западным диалектизмом.

Сущ. *застава*, по-видимому, не имело значения «скрытно расположенный отряд войска для нападения на противника» (что отмечалось в *засаде* и *подъсаде*), но зато слово *застава* имело еще одно военное значение, не присущее двум другим членам синонимической группы «передовой отряд войска», «отряд войска, выполняющий сторожевые функции». «Повоеваша же Турискъ ... и бишася у воротъ Червенескихъ, и застава бѣ Уханяхъ» (И., 6713, 157); «Гъльердъ кнзъ Литовъскыи и братъ ѿго Кестутѣи. приходили ратью к Москвѣ и заставу Московъскую побили на Простнѣ» (И., 6876, 533, 254 об.); «В заставу, еже есть сторожевыи полкъ» (Ник., 6876, IV, 21). Также: Ник., 6707, III, 135; Лет. Арх., 7023, 402, и др. Это значение слова *засада*, конечно, смыкается с известной степеню со вторым значением слова *засада* — «скрытно расположенный отряд войска». И то и другое обозначает группу, отряд войска (воинов), выдвинутых впереди основных войск (или, наоборот, остающихся позади их, например во время отступления). И в том, и в другом случае это отряд, который должен лишь задержать противника или не дать своим войскам быть застигнутыми врасплох. Но в *засаде* основной признак — скрытое, тайное расположение для внезапного нападения на противника; в *заставе* (в этом значении) основной признак — указание на задачу обнаружения противника, задержки его, чтобы не дать ему вне-

запно напасть на свои войска. Это второе значение слова *застава* зафиксировано в древнерусской письменности более ранними источниками, чем первое значение, а именно — уже началом XIII в., хотя число употреблений слова невелико. Кроме того, это (второе) значение реализуется в употреблении, взятых из южно-русских и севернорусских текстов, тогда как первое — 'войска, оставшиеся в городе (крепости) для защиты его' — подтверждается употреблением только из севернорусских памятников.

Термин сохранился и в XVI и в XVII вв.: Кн. Солов. креп., № 146, I, л. 372, 1543 г.; Астрах. ак., № 113, 1614 г. и др.; а в значении 'воинское подразделение, несущее сторожевое охранение' (близком ко второму значению в древнерусском языке) употребляется и в современной военной терминологии. Впрочем, это относится и ко второму значению термина *засада*. Полностью ушло из языка только сущ. *подсада*, хотя в некоторых значениях оно еще бытует в севернорусских говорах.

Сторожь (*сторожи*) — слово, довольно широко употребляемое и в переводной и в оригинальной письменности для обозначения специального отряда войска, предназначенного для выполнения определенных целей по охране войска или для предупреждения о возможной встрече с противником. Как военный термин слово употребляется только во множественном числе — *сторожи* и обозначает: а) 'сторожевой отряд', 'охрана'; б) 'передовой отряд войск', 'авангард': «Мстислав же ему [Олегу] имъ вѣру не постави сторожовъ» (Л., 6604, 239, 86); «На воину вышедъ ... стороже сами нараживает» (Л., 6604, 246, 80 об.). Этот пример, взятый из Поучения Владимира Мономаха, свидетельствует о той большой, ответственной роли, которую были призваны выполнять с т о р о ж и. «Аже Издславимъ сторожемъ зрѣти башетъ на Галичский ѡгнѣ а Галичскимъ сторожемъ зрѣти баше на Издславли ѡгнѣ» (И., 6658, 412, 150); «И наидоша сторожѣ Половѣцькѣи и бѣ же ихъ числомъ .т. и вбѣхавыше ихъ и без вѣсти избиша и а другыа изоимаша» (И., 6680, 557, 199); «И пособи Богъ Мруну изымаша сторожевъ Мрославлихъ» (Л., 6724, 493, 220); «Изииде изъ града и совокупающеу емоу ѡколо себе вои и не имѣющеу сторожи» (И., 6745, 779, 263 об.).

Более широко употреблялось это слово в значении 'передовой отряд, авангард войска, находящегося в движении' (основная масса употреблений падает именно на это значение): «Мстиславу же лежащую еще и дружинѣ ѹго пригнавше сторожеве...» (Л., 6656, 319, 106 об.); «Сторожем же Володимерковымъ надстигшимъ ѹго на Рси» (Л., 6658, 330, 110); «И перестоавъ ту .в. дни поиде ... к Великому городу сторожемъ напередъ ѣздающимъ» (Л., 6692, 389, 131 об.). Наиболее обычны и часты употребления слова в сочетаниях *ѣздити напередъ (ду) в сторожихъ (жѣхъ)*; *послати въ сторожихъ*: «Володимеръ же Глѣбовичъ внук Юргевъ ѣздаше напереду в сторожихъ с Перетславци» (Л., 6693, 395, 133 об.);

«Сторожеве ѣхавше подъ Георгеvy полкы и гонишась с ними» (И., 6659, 434, 157); «[Кнѣзь Юрьи Володимѣрьскій] тогда посла Еремѣа Глѣбовича во сторожѣхъ воеводоу» (Л., 6745, 515, 240); «И послаша въ сторожихъ Яруна съ Половци, а сами станомъ сташа ту» (Н. I, С., 6732, 218).

Сторожи и не выполняли самостоятельных боевых задач, они имели целью задержание противника до подхода основных сил: «И выидоша Нѣмци из города изъ Юрьева и изъ Медвѣжьи Головы на сторожи и бишася до полку» (т. е. до прихода полка — основных сил) (Л., 6742, 513, 234 об.). Это назначение сторожей сохранялось даже в случае, если в отряд входили значительные силы: «И заидоша за рѣку за Калку и послаша въ сторожѣхъ Яруна с полкы ... а самъ станомъ сташа ту» (Л., 6731, 507, 232 об.). Обычно за сторожами или главные силы войска: «А ты кнѣзь ли еси ѡнъ же рече азъ есмь мужъ его и пришелъ есмь въ сторожѣхъ и по мнѣ идетъ полкъ со кнѣземъ бищисла множество» (Л., 6746, 66—67, 20). Иногда сторожи выполняли чисто разведывательные операции, т. е. операции по обнаружению противника, установлению его расположения, его действий и т. п.: «Володимеру же того не вѣдущю съ Андрѣемъ и стаста оу Мичьска и послаша сторожѣ и испытаста ѡже Дюрги оу Городци оуже» (И., 6658, 416, 151); «И оттоуда поидоша к Салнице тоу же к нимъ и сторожеви приѣхаша ихъ же бѣхоуть послалѣ языка ловить» (И., 6693, 638, 223 об.); «Сторожеве же прибѣгоша к нему полъночи рекуче идетъ Володимеръ» (И., 6659, 442, 159 об.). Оба эти значения теснейшим образом связаны с невоенными значениями слова *сторожъ* (*сторожи*), от которых они и являются производными. Эти «невоенные», общие значения таковы: а) 'страж', 'привратник'; 'человек, охраняющий что-либо', 'церковный сторож' и б) 'вообще человек, охраняющий, защищающий что-либо'. Последнее значение было переносно-образным и имело довольно ярко выраженный книжный характер.

Первое значение общего характера было довольно широко представлено в древнерусской письменности самых различных жанров от произведений религиозно-догматического толка (здесь редко) до летописей и деловых документов. Оно сохранялось в русском языке на протяжении всей его истории и является основным значением слова *сторож* в современном русском языке: «Всадиша и [Игорѣ] в порубѣ в монастырѣ оу ста^т Іоана и приставиша к нему сторожѣ» (Л., 6654, 313, 104 об.); «Избивъше стороже двѣрныа, придоша къ сѣнѣмъ» (Н. I, С., 6682); «Въ стомѣ Яковѣ сторожъ сгорѣ» (Н. I, С., 6807); «Сторожи ночью бѣхоу пришли, а дѣвѣнии бѣхоу не пошли» (Л., 6659); «Сторожемъ же его играющимъ и веселѣщимъ а кнѣза творахоуть спѣща» (И., 6693, 651, 227). В отличие от военных значений общие значения слова *сторожъ* реализуются как в единственном, так и во множественном числе.

Слово *сторожь* (*сторожи*) употреблялось и в военном и в общем значении преимущественно в русской огласовке. Единичны случаи употребления церковнославянской формы *стражь*. Причем в Лаврентьевской летописи не встретилось ни одного случая употребления неполногласной формы, а в Новгородской 1-й и Псковской 1-й летописях встретилось три случая употребления формы *стражь*: «Стражьє стражахоу днь и ноць съ оруужиємъ» (Н. I, С., 6644, 128—129). (Стража охраняла епископа, что свидетельствует о невоенном употреблении термина.) И в Псковской 1-й летописи *стражь* в форме множественного числа и в значении 'передовой отряд войска, авангард' и 'сторожевой отряд', 'охрана' употребляется дважды: «И ста шатры на бору чистѣ, а стражи постави на рѣдѣ Двинѣ» (П. I, 6773); «И стражи же, видѣвше рать велику, пригнавше, повѣдаша Домонту» (П. I, 6773). В Ипатьевской летописи: «Небѣ бо стражь ихъ оу рѣкы» (И., 6757, 802, 269 об.). Как свидетельствуют «Материалы» И. И. Срезневского, дважды зафиксирована эта церковнославянская форма слова с общим значением в тексте житийного содержания. Даже учитывая возможность пропуска примеров на употребление церковнославянского *стражь*, можно с полным основанием говорить о безраздельном господстве в древнерусской письменности восточнославянской формы слова *сторожь*.

Сторожа. Термин *сторожа* выступал в качестве синонима слова *сторожь* (мн. ч. *сторожи*) и имел значение 'сторожевой отряд, авангард войска': «Посла Сѹлегѣ Иѣрослава брата своего в сторожѣ а самъ стоѣаше на поли оу Ростова» (Л., 6604, 238, 86); «И посла ꙗко мужъ избранныхъ в сторожу» (Л., 6724, 493, 219 об.); «Новгородци же по путьмъ сторожи поставиша, и твърди издѣлаша: хотѣша умерети за святую Софию» (Н. I, С., 6732, 221); «Володиславоу же ѣхавшоу во сторожѣ... и стрѣже рать» (И., 6739, 266, 259 об.); «Послаша на сторожу крѣпкія юноша» (М., 13).

Восточнославянская полногласная форма безраздельно господствовала в летописном языке не только в этом, отмеченном выше значении, но и в значении 'охрана', 'стража': «А будетъ ми котори брать надобѣ оставить собѣ на сторожу, и мнѣ оставить» (Дог. гр. вел. кн. Вас. Дм. до 1399 г.); «Поставленъ на крѣпку сторожу отъ поганныхъ» (М., 47); «Кои обедали, а друзіи почивали безъ сторожи оплошно» (П. I, 6979). Это значение — отглагольное наименование действия и вследствие этой особенности носит весьма обобщенный характер, выражая действие, относящееся и к военным делам, и к обычным, не имеющим никакого отношения к ним. *Сторожа* имело еще одно значение, на что указывал уже И. И. Срезневский в «Материалах», — это 'сторожевая повинность', но мы на нем останавливаться не будем вследствие отсутствия у него точек соприкосновения с военными делами. Древнерусская оригинальная письменность не дает ни одного

примера на употребление в военном значении — 'передовой отряд', 'сторожевой отряд' — церковнославянской формы слова *стража*, хотя связи между двумя этими формами были тогда живы. Единичны случаи употребления неполногласной формы слова в летописях и в значении 'охрана', 'караул': «И бѣ нѣкто мужь стрѣбишина в земли Жжерской именем Пелгуи поручено же бысть юму стража морская» (Л., 6771, 479, 169); «Сна юго Олексоу затвори в стѣнахъ высокихъ стражею, тако не вынидеть» (Н. I, С., 6712); «И приѣхавше видиша стада ихъ, не бѣ бо стражъ их у рѣки» (И., 6767, 533).

Значительно чаще неполногласная форма употреблялась в переводной письменности религиозного содержания, о чем с достаточной убедительностью свидетельствуют «Материалы» И. И. Срезневского. Причем в последнем случае значение слова *стража* приобретает оттенок обобщенно-нравственного содержания и переходит в разряд стилистически окрашенной (эмоционально-приподнятой) лексики. Ср., однако, употребление неполногласной формы в этом значении в Сибирских летописях XVII в.⁶⁷

Загонъ 'воинский отряд, посланный (высланный) для выполнения какой-либо задачи': «I ту убиенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимировича, в загонѣ» (Н. I, С., 6819, 312); «А Новгородъ убиша на съступѣ; а въ загонѣ: Иванко Поповиця» (Н. I, С., 6724, 204).

Видимо, есть все основания считать термин *загонъ* достоянием преимущественно новгородской письменности (по крайней мере появление его необходимо приурочить к языковому творчеству Новгородской Руси), хотя с абсолютной уверенностью этого утверждать нельзя, потому что в Ипатьевской летописи находим употребление уменьшительно-ласкательной формы от *загонъ* — *загоньць*: «Чернии же Клобуци. . . устремишася на нь (на половцев, — Ф. С.) и пустиша кони къ товаромъ ихъ. . . они облазливша грѣшиша товары ихъ, крило же ихъ въ малѣ отлучивше отъ дружинѣ своеѣ, вогнаша у товары ихъ Половци же видивше ѣ загоньць ты Черныхъ Клобукъ, и яша нѣколко ихъ» (И., 6688).

У Срезневского не дается толкования значения этого слова. Его можно толковать как уменьшительное к *загонъ* в приведенном выше значении, хотя не исключено и другое толкование. Отметим еще употребление термина *загонъ* в Никоновской летописи под 1136 г. (I, 160) и под 1216 г. (II, 70). Во всяком случае *загонъ* в военном значении был характерен именно для псковско-новгородской письменности, что подтверждается и тем, что глагол *загонити* и в военном значении 'завладеть', 'захватить что-либо', и в бытовом 'упустить', 'отдать в чужое владение' также известен лишь в новгородско-псковской письменности. Под влия-

⁶⁷ О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей XVII века. Л., 1969, стр. 127. Далее в тексте: Порохова с указанием страницы.

нием новгородского словоупотребления термин *загонъ* начинает употребляться и в памятниках Московской Руси XVI—XVII вв.: «А Захарья де Заруцкого и Павлика Голеницкого и Нѣмецъ с Лисовскимъ нѣтъ, только атаманъ Сидорко; а въ загонѣхъ де съ ними былъ поручикъ Козырь Руской человекъ» (АИ, III, № 64, 1615, 57). Также: Польск. д., II, 1549, 390; Римск. имп. д., II, 1594, 18; Льв. лет., 7048, II, 452; Пам. дипл. снош. М. Г. с Англией, II, 1601, 354; Лет. Арх., 7022, 384, 384²; Разр. кн., 1615, 17; ДАИ, II, 70, и др.

Зафиксированы в письменности Московской Руси XVI—XVII вв. и прил. *загонный* (*загонные люди*): Воскр. л., 1366 г.; Разр. кн. 7, 1616; Астрах. ак., № 1672, 1645, 2, и др. — и сущ. *загонщикъ*: Ник. л., 1396 г.; АИ, II, 1609, 154; АИ, II, 1609, 154; Отр. лет. сп., XVII в. 166, и др.

Сравнение употребления прилагательного *загонный* в сочетании *загонные люди*, выполняющего функции специального военного термина для обозначения военнотружущих, входящих в *загон*, и употреблений сущ. *загонъ* помогаетъ уточнению значения последнего: «Вы посылали въ Дорогобужской уѣздъ, на Литовскихъ на загонныхъ людей, головъ съ сотнями. . . а съ ними Можайчъ и Романовцовъ дѣтей боярскихъ и казаковъ и нѣмецъ» (АИ, III, № 177, 1633, 322). Очевидно, не всякий отряд, а отряд, высланный вперед от основных сил (или в сторону), выполняющий роль разведки, боевого охранения, дозора и т. п., назывался *загоном*.⁶⁸

П. Я. Черныхъ считает прил. *загонный*, как и сущ. *загонъ*, *загонщикъ* полонизмами (пол. *zagon* 'набег').⁶⁹ Что касается слов *загонный* и *загонщикъ*, то они не могут считаться полонизмами уже потому, что в польском этих образований нет. Безусловно, это русские слова, появившиеся на русской почве в конце XVI в. Учитывая, что слово *загонъ* в военном значении известно кроме русского только польскому языку, можно предполагать, что в русский оно попало из польского. В этом случае следует говорить о раннем заимствовании — не позднее конца XII в. Функционирование слов *загонъ*, *загонщикъ*, *загонный* необходимо рассматривать в тесной связи с однокоренными образованиями *изгона*, *изгонити*, *изгонный* (*изгонная рать*). Эти последние в военных значениях (связанных с нападением, захватом) также были известны только по памятникам новгородско-псковской письменности.

Заѣздъ. Термин, известный также только в новгородской письменности: «Ходиша Новгородци ко Пскову ратью и стояша подъ городомъ недѣлю; и в то время учинися бой в заиадѣ Новго-

⁶⁸ Из этих употреблений возможно вывести и иное значение слова — 'набег'.

⁶⁹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 202.

родцамъ съ Псковичи» (Н. I, С., 6902, 379). Аналогичный случай и в 4-й Новгородской летописи: «... оучинися бои в заѣзди...» (Н. IV, 6902, 375, 247). Есть основания предполагать, что *заѣздъ* по своему значению синонимичен только что рассмотренному *загонъ* и локализуется также границами новгородско-псковской письменности. В Московский летописный свод XVI в. слово *заѣздъ* попадает под влиянием новгородской традиции и употребляется там при пересказе новгородских событий. Ср.: «Убиша в заѣздѣ князя Ивана Копорского и Василья Федоровича, и иныхъ много паде и отыдоша Новгородци мира не взявши, ни города Пскова» (Моск. л., 1394, 224). Также и в других летописных сводах: Лет. Авр., Соф. I л. и др. Военное значение слов *загонъ* и *заѣздъ* обычно реализуется в сочетаниях — глагол (с именем) со значением боя, сражения или смерти в бою + *загонъ* (*заѣздъ*) с предлогом *в*: *учинити бои въ заѣздѣ*, *убити въ заѣздѣ* и т. д.; в этих условиях и *загонъ* и *заѣздъ* могут быть истолкованы как 'военная операция, бой отдельного отряда впереди от основного войска или в стороне от него'.

Заступъ 'группа войск, занявшая в бою определенную позицию' (мн. *заступы* 'группы войск, расположенные одна за другой в глубину — при обороне или нападении'): «Оугри же исполнишася на заступы... Алтунопа же пригна к а-му заступу и стрѣлившѣ побѣгнуша предъ угры» (Л., 6605, 271, 91). Слово *заступъ* неизвестно южнославянским языкам, в западнославянских же известно и в современном употреблении: польск. *zastęp* 'колонна', 'толпа', 'войско'; словацк. *zástup* 'толпа', 'отряд'; чешск. *zástup* 'толпа', 'колонна (по одному)'.

В этом можно видеть связи русского Юга со славянским Западом. Этим объясняется то, что термин *заступъ* не отмечен ни в одном памятнике русского Севера; впрочем, и на Юге он был малоупотребительным. Мы располагаем кроме приведенного только что примера еще тремя употреблениями в переводных памятниках, происхождение которых связано с Киевом: Георг. Ам. (25 и 347) и Иос. Флав.; Др., XII, 9, 4, 345. Это относится и к употреблению слова в других, невоенных значениях (см. «Материалы» И. И. Срезневского). Акад. В. М. Истрин, указывая на ранние фиксации слова *заступъ* в древнерусской письменности (И., 1097 г.), относит его к древнему фонду военной терминологии и считает невозможным заимствование его из чешского.⁷⁰

Наворопъ 'разъезд', 'разведывательный отряд': «Врядиша в наворопъ и Мьстислава Романовича» (И., 6692, 429). Ср. *наворопникъ* в значении 'воин в разъезде', 'разведчик'. Интересно, что в глаголе *наворопити* — *наворопляти* отмечается значение, не связанное со значением сущ. *наворопъ*: «Потомъ же услышавше

⁷⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола... т. 3, стр. XXIX.

Половци, яко умерлъ есть Володимеръ князь, присунушася вборзѣ и наворопиша изгономъ къ Барочю» (Л., 6633); «Кнѣзь же Ирославъ съгони ю на Вѣстѣ, и наворопи на не» (Н. I, С., 6733) и др. Глагол *наворопити* употреблен здесь в значении 'напасть' (без указания на силы, которые совершают нападение: они могут быть и основным и передовым отрядом и т. д.).

В древнерусском было употребительно сущ. *воропъ* в значении 'налет', 'нападение': «Стоѣше [Половци] око̀ло града неѣль .ѣ. и раздѣлишася на двоѣ ѡдина ста̀ша оу града рать борюще. а друзии поидоша Къюеву. пустиша [са] на воропъ межи Къевъ и Вышегородъ» (Л., 6601, 221, 73 об.); «Рекъ имъ в одинъ днь всимъ пустити на воропъ» (И., 6636, 292). Также: И., 6605, 271, 91; И., 6665, 486, 174 об.; Л., 6686, 387, 131, и др. Родственные слова известны в других славянских языках: церк.-сл. *върпу*, *върпсти* 'рвать', 'грабить'; *врапъ* 'насилие', 'сила', *наврапъ* 'грабеж', 'добыча'; польск. *pańgorić* 'гневаться', 'сердиться'; серб.-хорв. *vrpъniti se* 'беспокоиться'.⁷¹ М. Фасмер (I, 354), вслед за Вальде, считает возможным сопоставление с греческим *ρέπω* 'качаюсь', 'склоняюсь', 'перевешиваю'. Интересно отметить, что церковно-славянское *врапъ* дало производные *врапѣти* 'усиливаться' и *сѣврапѣтися* 'спасаться', т. е. производные, весьма далекие от обозначения понятий, связанных с военным делом. Церк.-сл. *наврапъ*, хотя и обозначало понятие, имеющее отношение к военному нападению, в семантическом плане оказалось более сниженным в сравнении с русской параллелью.

Из группы синонимов, обозначающих 'помощь', 'подмогу', 'защиту' (*помочь*, *помощь*, *помочи*, *подмога*, *пособъ*, *пособь*, *пособие*), только *помочь* (*помощь*) и *помочи* приобрели специально терминологическое значение 'вспомогательное войско', 'союзное войско' (равно современному 'подкрепление'): «И король Оугры посла помощь Берендичевъ .л. тысащ» (И., 6647, 301); «И приведе к собе и Ирослава помочь Галицького кнѣза» (И., 6688, 616, 216 об.); «галицьскую помочь» (Л., 6667, 350, 117). Под значением сущ. *помочь* (*помощь*) скрывалось представление о военном отряде как едином целом, как об отдельной боевой единице, что делало возможным употребление слова в этом значении во множественном числе: «Стоѣлавъ же съ Рюрикомъ и со иными помочьми влегоша во Днѣпръ противу Половцемъ» (И., 6693, 647, 226); «Поиди в Бельгородъ, и ту съждеши браѣ свои и помочи всихъ своихъ» (И., 6669, 515); «Придоша же ины помочи» (И., 6693), и др.

⁷¹ Т. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese, 2 Teile. Uppsala, 1901, S. 96.

Глагольное представление о военной помощи обычно выражалось в предложной конструкции *послати (идти и т. п.) въ помощь, на помощь*: «Приде Глѣб Гюргевич и Суждала Чернигову в помощь Ёлговичемъ» (Л., 6656, 319, 106); «Приде Лестько на Данила . . . борона ити емоу на помощь Мьстиславоу» (И., 6727, 737, 250 об.). Ср. в этом отношении характерное различие в различных списках летописи (уже приведенный пример из Ипатьевского списка под 6647 г. «король . . . посла помощь Береньдичевъ» в Хлебниковском списке читается как «присла въ помоч Береньдичевъ»). Позднее, в XVI—XVII вв., под влиянием приказного языка вырабатывается новая формула для выражения понятия об оказании военной помощи — *помочь учинити*: «Государь Царь и Великий Князь Михайло Ѡedorовичь всеа Руси, смотря по вѣстемъ, велитъ Вязмѣ помочь учинить» (АИ, III, № 116, 1622, 171).

Обе формы — восточнославянская *помочь* и старославянская *помощь* — одинаково свободно употреблялись в древнерусском языке: ни в семасиологическом, ни в стилистическом планах нельзя установить между ними различий (к этому времени старославянская форма была усвоена и полностью освоена русским языком). Ср. употребление рядом обеих форм в Лаврентьевской летописи: «Галицьскую помощь» и «помощи проса оу него» (Л., 6667, 350, 117). Различия между ними с самого начала письменности лежали в неодинаковой частотности употребления. Отношение частоты (широты) употребления старославянской формы к частоте употребления восточнославянской формы равно 1 : 3, причем это отношение держится на всем протяжении изучаемого периода истории языка.

Сущ. *помочие (помочье)* 'вспомогательное войско', 'помощь', 'подкрепление' известно по единичному употреблению в 1-й Новгородской летописи: «Ходиша же и из Новагорода помочье Кыпаномъ» (Н. I, С., 6633). Ср., однако: «Повелѣ же воєвода призвати инѣхъ корабъ на помостыа юмоу» (Супр. р., 115), откуда можно заключить, что русифицированное *помочие (помочье)* возникло не без влияния старославянского образца.

Сюда же примыкает стоящее особняком в словообразовательном гнезде сущ. *посолие (посълие)* в том же значении 'вспомогательное войско', 'войско, посланное в помощь кому-либо': «Видѣвъ же Андрѣи бѣжавше Половци всѣ, Бога похвали, укрѣплѣшаго ѣ, и ѣхавъ к брату своему, и Половечьскимъ княземъ съѣхавшимся к нима, и здумавшимъ имъ, отступишася назадъ и сташа у Дубна, пожимающимъ имъ посольа отъ отца своего» (в Переясл. л. — *посълыа*, в Ак. сп. — *посилиа*) (Л., 6657). Впрочем, по единичному употреблению слова трудно судить об особенностях его семасиологической структуры, о его фразеологических связях, о его отношениях с другими наименованиями этой микро-системы лексических средств.

Что касается слов *пособъ*, *пособь*, *пособие*, *подмога*, то они в древнерусский период употреблялись только для выражения глагольного действия: «Многіе люди Ляхове идутъ на пособъ королеву войску» (Соф. вр., 7026, II, 305); «Съехались всѣ князи Русьскыя къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособъ» (Задон.) и др. Военные значения этих слов реализуются обычно в предложных сочетаниях: *придти (послати и т. п.) на пособъ (пособъ)*, *в пособъ (пособъ)*, и здесь намечается параллелизм с реализацией соответствующего значения у слова *помочь (помощь)*. Естественно предположить, что развитие военных значений у слов *помочь*, *пособъ* и других проходило под влиянием или в тесной связи с развитием этих значений у соответствующих глаголов.

Ср. значение глагола *пособити* 'помочь, оказать поддержку' в соответствующих случаях, когда речь идет о военной помощи: «А Новгородци тогда не пособиша Псковичемъ ни словомъ ни дѣломъ противу Нѣмцѣ» (П. I, 6971); *пособляти*: «А коли будетъ Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ инѣю землею, пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости» (Дог. гр. Новг. с вел. кн. Мих. Яр. ок. 1307 г.); *помагати*: «Или поидуть на тебе, и намъ тако же по тобѣ помагати и боронитися всимъ съ одного» (Дог. гр. Дм. Ив., 1375 г.). Однако процесс терминологизации в глаголах менее интенсивен, поэтому нет возможности говорить о формировании особых военных значений у них, как это имело место у однокоренных с ними существительных.

4. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Лексическая система языка сложна и многообразна: многосторонние связи различных лексических групп между собой, так же как и отдельных слов, составляющих эти группы, неодинаково положение различных категорий словарного состава в лексической системе языка, различны пути и направления развития этих категорий; сложную картину представляет словарный состав в генетическом отношении. Все эти явления имеют место и в частных лексических подсистемах, к каковым относятся и рассмотренные группы военной лексики древнерусского языка.

Начало формирования военного словаря относится к общеславянской эпохе. Орудия труда и охоты были первыми орудиями нападения и обороны — *топоръ*, *сѣкира*, *ножь*, *копье*, *лукъ*, *стрѣла*. Наряду с этим с древнейших времен известны орудия специально военного назначения — *мечь*, *щитъ* и др. Названия этих орудий были первыми словами «военного» словаря. От общеславянской эпохи древнерусский язык получил обозначения наиболее общих понятий военного дела — *полкъ*, *ратъ*, *вои*, *войско*, *воевода*, *лицъ*, *чело*, *тылъ*; *брань*, *воина*, *воевати* и т. д.

Количество старых общеславянских элементов в военной лексике древнерусского языка значительно, однако круг понятий, обозначаемых ими, достаточно узок: названия войска в целом, названия отдельных представителей войска (воинов), наиболее общие наименования военных действий, названия военных орудий. В семантическом плане эти наименования отражают систему военных понятий, соответствующую ранним стадиям развития военного дела.

Так, *полкъ* в значении 'войско', 'воинство' сохраняет тесные связи со значением 'народ', 'множество'. Это давало возможность слову *полкъ* легко и свободно вступать в синонимические отношения со словами *земля*, *область*, *люди(е)* в том же значении 'войско'. Слово *рать* первоначально обозначало только 'сражение', 'битву' (в ряде славянских языков это сохранилось до настоящего времени). Наиболее общие наименования отдельных воинов (*вои*, *воинъ*, *сѣчѣць* и др.) также отражают древнейшее состояние военной организации, когда профессиональная дифференциация войска не получила заметного развития. Широкая синонимия, относительная свобода расширения синонимических рядов за счет привлечения в их состав слов, «военное» значение которых формируется на основе метафорически-образных переосмыслений, свидетельствует о малой степени специализации военной лексики, о ее слабой, нечеткой отграниченности от остального словарного состава языка.

Вместе с развитием военного дела формировались, оттачивались и уточнялись основные понятия, связанные с ним; эти процессы, естественно, получали отражение в языке. Многие лексико-семантические явления локализуются восточнославянской языковой областью. В общеславянских словах на русской почве вырабатываются значения, присущие только древнерусскому языку. *Полкъ* начинает обозначать не только все войско, но и определенную часть его; синонимические отношения со словом *рать* в значении 'войско' приводят к развитию в слове *полкъ* значения 'сражение', 'битва', 'военный поход'; а *рать* в свою очередь начинает обозначать 'войско' и 'отдельный отряд войска'. *Дружина* — общеславянский термин — только на восточнославянской почве развивает значение 'постоянное княжеское военное окружение' ('княжеское войско'), а затем 'войско' вообще, т. е. начинает функционировать как синоним терминов *полкъ* и *рать*. Все эти обозначения вступают в сложные синонимические отношения между собой и словами *вои*, *ратные*, *сила*, *людие*, *земля*, *область*, *войско*.

Актуальные военные значения этих слов и их взаимоотношения друг с другом, отражающие складывающиеся формы военного мышления, формирующуюся систему военных понятий, следует считать чисто восточнославянским явлением.

Единичны наименования, отражающие профессиональную дифференциацию войска, восходящие к довосточнославянской эпохе: *стрѣльць*, *стрѣльникъ*, *стяжникъ*, *смузникъ*, *пѣшъць*, *щитникъ*,

мечникъ и некоторые другие. Все многообразие военной терминологии, отражающей состояние военной организации древнерусского государства, — образования исторического времени. Восточнославянскими являются: *берладникъ*, *вои верховнии* (*верхнии*), *воропъ*, *гридь*, *грид(ь)ница*, *грид(ь)ня*, *гридьба*, *гридити*, *гридь меньшая*, *дѣтскыи*, *дѣти боярскіи*, *дружина* ('войско'), *дружина передняя*, *дружина лутшая*, *дружина старшая*, *дружина лѣпшая*, *загончикъ*, *заѣздъ*, *зажитие*, *зажитникъ*, *кошъ*, *кошевникъ*, *кошевыи*, *коневникъ*, *подсадная конница*, *лодеицикъ*, *загонные люди*, *пѣшии люди*, *пѣхотныи люди*, *житыи люди*, *молодыи люди*, *большии мужи*, *луч(ь)шии мужи*, *молож(ь)шии мужи*, *нарочитыи мужи*, *молодь*, *молодые*, *наворопъ*, *помочь*, *подмога*, *подсада*, *подсадная стрѣльба*, *переднии полкъ*, *желѣзныи полкъ*, *сторожевыи полкъ*, *засадныи полкъ*, *полковои*, *полчанинъ*, *пѣхотныи*, *сторона*, *сторожь*, *тысяча*, *шестникъ* (*сестникъ*). Семантические инновации в терминах *полкъ*, *рать*, *дружина*, *отрокъ*, *пасынокъ* и других также характеризуют восточнославянский этап развития военной лексики. Из этого большого списка слов лишь *гридь*, *кошъ* и, вероятно, *загонъ* были заимствованы из других языков. Все это говорит о господстве восточнославянских элементов в военном словаре древнерусского языка. Следует отметить при этом, что военная лексика XI—XIV вв. почти целиком относится к общерусскому фонду лексики. Лишь отдельные наименования — *загонъ*, *загонити*, *загонные люди*, *загончикъ*, *подсада*, *заѣздъ* и некоторые другие могут быть локализованы границами отдельных областей Древней Руси. Областные элементы в военной лексике древнерусского языка занимают весьма скромное место; это одна из характерных особенностей военной лексики в отличие от других профессиональных лексических подсистем, где диалектная дифференциация проявлялась в сильной степени.

К позднему, образованному на восточнославянской почве терминам военного дела относятся, таким образом, важные — с точки зрения терминологического обозначения военных понятий — наименования войска, его частей, боевых порядков, отдельных воинов по профессиональному признаку. Многие из них образовывались и входили в употребление именно как обозначения специальных военных явлений. Можно утверждать, что многие понятия, связанные с организацией военных сил, не были известны до выделения восточнославянских племен, хотя, как свидетельствуют и языковые данные и исторические разыскания, формирование целого ряда основных военных понятий относится к значительно более старшей поре.

Число церковнославянизмов в составе военной лексики древнерусского языка может на первый взгляд показаться значительным: *боритель*, *воиникъ*, *врагъ*, *враждникъ*, *оружникъ*, *противныи*, *потрѣбитель*, *супротивныи*, *снузникъ*, *снузьньство*, *трудположникъ*, *тысяща*, *стражъ*, *стража* и некоторые другие. Однако

большинство приведенных церковнославянизмов употреблялось в качестве синонимических соответствий к русским наименованиям. Так, *воиникъ* выступал синонимом к словам *вои* (ед. ч.), *воинъ*; *врагъ* употреблялось наряду с русской формой *ворогъ*, *стражь* — *сторожь* и т. д. Характерной особенностью церковнославянских лексических элементов военного словаря является ограниченность их функционирования рамками языка церковнославянских, кликальных памятников. Так, *боритель*, *борьць*, *воининъ*, *враждникъ*, *область*, *оимъ*, *оиминъ*, *снужьньство*, *трудположникъ* и подобные ни разу не встретились в языке оригинальной древнерусской письменности.

**СОСТОЯНИЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА XV—XVII вв.**

Развитие словарного состава русского языка, в том числе развитие военной лексики и фразеологии, после XIII—XIV вв. проходит в сложных общественно-политических условиях Древней Руси того времени.

Углубление феодальной раздробленности, татаро-монгольское нашествие на Русь, захваты русских земель польско-литовскими феодалами привели к распадению Киевского государства и единой древнерусской народности на удельные княжества. Экономические и политические связи между отдельными княжествами и землями все более и более утрачивались, ослаблялись, а в ряде случаев прекращались совсем. Каждое феодальное княжество развивается теперь уже в особых, во многом характерных только для него условиях. Естественно, что и в языке этой эпохи в каждой земле могли развиваться новообразования (особенно лексические и семантические), отличные от новообразований других территориальных диалектов. Письменность каждого княжества не могла не отразить этого процесса, и она в той или иной степени отразила его. Так, в памятниках периода феодальной раздробленности появляются языковые явления, характеризующие различные территориальные диалекты.

Но в недрах древнерусского общества зрели и постепенно начинали действовать и противоположные, центростремительные процессы — процессы объединительные. Все время жившая в русском обществе различных княжеств идея о единстве русского народа начинает постепенно облекаться в литературные формы.

Рост и развитие торговли, экономики и необходимость создания условий действенной обороны от нашествий внешних врагов диктовали насущную необходимость объединения раздробленных феодальных земель.

В объединении северо-восточных земель выдающуюся роль сыграла Москва, входившая вначале на правах удельного княжества в состав Ростово-Суздальской земли. Уже во второй по-

ловине XIV в. Московское княжество становится во главе борьбы русского народа за свержение татаро-монгольского ига, ярчайшей страницей которой явилась победа русского войска под руководством Дмитрия Донского над полчищами Мамая в Куликовской битве в 1380 г. Эта руководящая роль Москвы и Московского княжества постоянно усиливается. К концу XV—началу XVI в. завершается объединение восточнорусских земель под властью Москвы, создается и на протяжении XVI в. усиливается и укрепляется русское (Московское) государство; при Иване III феодальная раздробленность начинает уходить в прошлое. В 1480 г. Русь окончательно и навсегда освобождается от татаро-монгольского ига.

XV—XVI века — время значительного роста русской культуры, письменности и образованности. В этот период появляется большое количество оригинальных и переводных литературных произведений, развиваются уже известные и возникают новые литературные жанры и стили литературы. С образованием русского централизованного государства завершается процесс формирования русской (великорусской) народности. Вместе с этим шло постепенное сложение и формирование великорусского языка. Естественно, что язык великорусской народности продолжал основные линии развития языка древнерусской эпохи. Нормы языка, выработанные в Киевской Руси, сохранились (в основном) долгое время и в период феодальной раздробленности, их воздействие ощущается и в период образования Московского государства.

Однако язык великорусской народности, сохраняя свою близость к языку древнекиевской Руси, получает ряд специфических черт, отличающих его от языка древнерусской народности и от формирующихся на иной диалектной основе и в других общественно-экономических и социально-политических условиях украинского и белорусского языков. Интересно мнение Б. А. Ларина о том, что «конец XVI века завершает второй период формирования русского литературного языка; этому времени не свойственны резкие сдвиги в каком бы то ни было отношении (переломная эпоха наступит в XVII веке). Однако сопоставление с семантическими данными литературного языка Киевской эпохи, как и сравнение с современной системой значений слов, позволяет заметить и архаические черты и новообразования в нашем материале».¹

В эпоху образования и укрепления Московского государства наряду с заметными изменениями в экономике, культуре, в социальной жизни, в общественных отношениях и в мировоззрении русского общества получает дальнейшее развитие и военное дело,

¹ Б. А. Л а р и н. Парижский словарь москвитов 1586 г. *Dictionnaire moscovite 1586* по рукописи Парижской национальной библиотеки (Collection Dupuy, № 844, Fol. 418—423). Перевод, исследование и комментарии Б. А. Ларина. Рига, 1948, стр. 57.

выразившееся в появлении новых видов вооружения и оборонительных средств, в изменении принципов организации вооруженных сил, в усложнении тактических приемов ведения боя и т. д. Новые слова и выражения, появляющиеся в русском языке в это время, являются языковым отражением всех этих изменений. Надо только учитывать тот общеизвестный факт, что все новации в языке, в том числе и лексические приобретения, появлялись в живом разговорном языке прежде всего в тех его ответвлениях, которые обслуживали нужды профессионального общения. Что касается письменных свидетельств совершавшихся изменений, то они, как правило, отставали с фиксацией их. Это обязывает исследователя проявлять осторожность в приурочивании появления того или иного слова к определенному времени. Осторожность должна быть еще большей при определении на основе лингвистического анализа письменных текстов времени появления тех или иных реалий, соответствующих определенным терминам: здесь надо учитывать так называемую терминологическую недостаточность, когда новое явление какое-то время обозначается старым термином, уже не выражающим его значения. Это также характерно в какой-то степени и для современного состояния терминологии. «Нужно принять во внимание, — пишет П. Я. Черных, — что судить о новизне того или иного слова мы имеем возможность только по памятникам письменности. Между тем появление того или другого слова в памятниках письменных не всегда свидетельствует о том, что это слово новое и что до этого момента его действительно никогда и нигде на данной языковой территории не существовало».²

Однако следует заметить, что в системе военной лексики и фразеологии в XV и в первой половине XVI в. происходит в основном дальнейшее развитие, уточнение и дифференциация лексических элементов, наличествующих в русском языке в более старшую пору его истории. Это объясняется главным образом тем, что вооруженные силы древнерусской народности претерпевают изменения, не приводящие к ломке старых воинских институтов, методов ведения войны и т. п. Наиболее значительные изменения происходят в вооружении, но этот факт оказывает влияние в основном лишь на количественный состав лексических элементов, входящих в группу обозначений вооружения и фортификационных сооружений.

Лишь со второй половины XVI в. начинается формирование по существу новой системы военной лексики и фразеологии. Письменность этого времени довольно полно отражает все эти изменения. Следует только иметь в виду, что памятники, различные по жанру и стилистической направленности, различные по со-

² П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд. МГУ, 1956, стр. 209—210.

держанию и тематике, не одинаково относятся к использованию слов, относящихся к определенным жанрово-стилистическим пластам русской лексики. Если деловые памятники отражают разговорный практический язык эпохи с его профессиональными ответвлениями, то памятники повествовательного жанра, воинские повести и т. п. испытывают влияние со стороны устной поэзии, а также со стороны церковной литературы с ее приемами «витийского» повествования. Акад. А. С. Орлов назвал стилистическую манеру, сложившуюся в эту пору, «историческим витийством».³ Влияние этой манеры было так сильно, что в этом духе обрабатываются даже общерусские летописи (Воскресенская, Никоновская), не говоря уже о том, что публицистика XVI в. выдерживается в этом же стиле (сочинения Ивана Грозного, князя Курбского) и т. д. Стилистическая направленность произведения во многом определяла выбор лексических средств выражения. Так, по замечанию акад. А. С. Орлова, воинская повесть, исторические произведения той поры включают как традиционные элементы, так и элементы лексики, выработанные литературой «Макарьевской эпохи».

Однако слова и термины из области военной лексики, являющиеся общепринятыми и общепринятыми наименованиями военных явлений и понятий, широко и свободно употребляются в памятниках всех жанров и стилистических направлений. Различия касаются только слов, стилистически ограниченных или приуроченных к определенной территории, т. е. диалектных.

При изучении военной лексики и фразеологии с XI до XVII в. необходимо обратить внимание на лексические (и семантические) явления, свойственные лишь языку великорусской народности, проследить пути обогащения лексики русского языка в сравнении с эпохой Киевской Руси, а позднее — с эпохой феодальной раздробленности, показать эти лексико-фразеологические и семантические приобретения, как и потери, установить соотношение общенародных и диалектных (локальных) элементов в лексике изучаемого пласта, удельный вес иноязычных заимствований.

Эпоха от первого нападения татаро-монголов на Русь до Московской Руси Ивана Грозного в истории военного искусства (организация вооруженных сил, вооружение, способы ведения военных действий и т. д.) может быть названа, да по существу и является, переходной. Эта переходность являлась отражением тех процессов, которые проходили в политической и социально-экономической жизни страны, которые тоже являлись переходными от старого состояния к новому. Элементы старого качества посте-

³ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908, стр. 376.

пенно уходили, но еще не были окончательно вытеснены, а новое постепенно входило в жизнь, получало права гражданства, но окончательно еще не укрепились.

Формы организации вооруженных сил в начальный период этой эпохи ничем не отличаются от форм их организации в домонгольский период. Костяком войска, его постоянной («кадровой») частью являются дружины, которые не связаны со страной и могут переходить из одного княжества в другое. Такое положение дружин находилось в полном соответствии с формами социально-политической жизни древнерусского народа, а также с политическим строем феодальной Руси эпохи раздробленности.

Период татаро-монгольского ига не оставил заметного следа в развитии военного искусства на Руси, монгольская военная система не отразилась на способах и формах организации русских военных сил, не оказала влияния на выработку правил и способов ведения военных действий (стратегию и тактику). Только, пожалуй, усиление роли конницы в русском войске можно приписать влиянию татаро-монголов. Чисто русскими явлениями были дружины, а затем — княжеские дворы, способы формирования (набирания) вооруженной силы (*посоха*, *рубленая рать*), подразделение войска на тысячи, сотни и десятки (здесь также нельзя видеть никаких следов влияния монголов). Под влиянием монгольской организации вооруженных сил в русском войске, правда, появляется особая воинская единица — *ертоуль*, да и то довольно поздно, по-видимому, не ранее XVI в. По крайней мере письменные памятники фиксируют слово *ертоуль* (*ертуль*) начиная с XVI в.: «Приступиша ертоуль да передовой полкъ» (Соф. вр., 1547, II 415). См. еще пример на употребление слова там же под 1552 г. (II, 406), приведенный в «Материалах» И. И. Срезневского. Термин *ертоуль* заимствован из чагат. *jortaγul* 'конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи и для грабежа' (Фасмер, II, 26). Историки устанавливают, что во второй половине XIV в. вооруженные силы Московского государства представляли собой феодальное войско, но с заметно усилившимся и укрепившимся централизованным управлением. Эта централизация сказывалась прежде всего в том, что все военные вопросы решал великий князь Московский единолично. Вооруженные силы (= рать) при этом имели ярко выраженный национальный характер. Они состояли из *двора* великого князя, *городовых полков* великого княжества Московского и других княжеств, входивших в состав Московского княжества.

Дворъ, пришедший на смену *дружине*, состоял из служебных князей и бояр, из мелких военных служилых людей — *детей боярских* и *слугъ подъ дворскимъ*. *Дети боярские* были мелкими землевладельцами и должны были нести военную службу. *Слуги подъ дворскимъ* подчинялись дворецкому, управляющему княжеским хозяйством, и также являлись военными. *Служебные*

князья и бояре составляли общественный строй крупных землевладельцев.

Дружина к тому времени не только заменяется *дворомъ* (и по названию и по составу), но и теряет свои первоначальные признаки организующего начала вооруженной силы государства. Организационной единицей становится *полкъ* под командованием князя или воеводы из бояр. Именно изменения условий общественно-политической жизни приводят и к изменениям в формах организации вооруженных сил. На северо-востоке Руси, особенно при Андрее Боголюбском, появляются условия для усиления «единодержавной» власти, устойчивости управления. Это приводит к преобразованию дружины в *княжеский дворъ*, который уже в качестве военной силы находился в большей зависимости от князя, чем прежняя дружина. Усиливается и связь с землею (следовательно, с княжеством) *боярь* и младших членов дружины — они становятся земельными собственниками и, следовательно, становятся в вассальную зависимость от князя. Возникновение Московского княжества, его быстрое расширение и укрепление ускоряет и усиливает процессы, отмеченные выше. Дворы как раз и выступают той силой, с которой в значительной степени связано укрепление позиций Москвы и Московского княжества. При Иване Васильевиче III это преобразование постоянного элемента русских военных сил, хотя и далеко не окончательно, но все же довольно отчетливо, получает определенные, известным образом узаконенные формы так называемой *поместной системы* организации вооруженных сил.

Возникшая в XV в. поместная система окончательно сложилась в XVI в. и закреплена была в царствование Ивана IV.

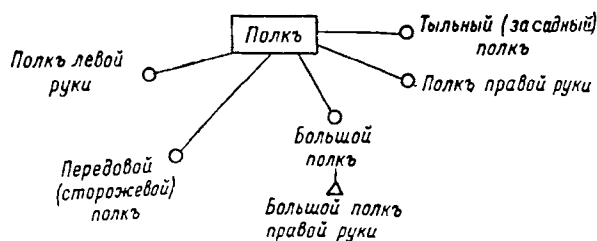
В 1550 г. 1071 чел. «детей боярских», «лучших» слуг было «испомещено» вокруг Москвы на расстоянии 60—70 км от нее. Избранная тысяча московских дворян составила основные командные кадры государства. В 1555 г. было издано «Уложение о службе», которое уравнивало вотчины и поместья, объявляло военную службу вотчинников и дворян обязательной и наследственной, определяло их служебные обязанности в зависимости от размера земельных владений. До 15 лет дворянин считался *недорослемъ*; с 15 лет его записывали в десятки («служилый список») и он становился *новикомъ*.

Поместная дворянская конница составляет теперь значительную часть русского войска. Лучшая часть поместной конницы составляла *царский полк* (15—20 тыс. избранных воинов). Вторая составная часть русского войска — *пехота*. Поместная система была прогрессивным явлением: она при всех ее недостатках вполне отвечала характеру общественного устройства Руси того времени и давала возможность упорядочения и улучшения форм организации военных сил в дальнейшем.

В княжение Ивана Васильевича III в русском обществе появляется мысль об организации постоянного (регулярного) войска, о создании *артиллерии* как особого рода вооруженных сил (наряду с *пехотой* и *конницей*). В это же время было предпринято разделение войска на разряды и полки.

Усовершенствуется к этому времени и организация вооруженных сил в боевых и предбоевых условиях. *Полкъ* делится на *сотни* и *десятки*. При сборе административных полков к назначенному пункту (во время подготовки к боевым действиям) они сводились в *рать*, делившуюся на строго установленные тактические единицы.

Для похода и боя формировались: *передовой* (*сторожевой*) *полкъ*, *большой полкъ*, *полкъ правой руки*, *полкъ левой руки*, *тыльный* (*засадный*) *полкъ*. Это деление рати на пять полков по тактическому функциональному признаку было характерной особенностью русского войска.⁴ Здесь, как видно, учитывается функциональный признак при выделении особых воинских единиц русского войска, пришедший на смену социально-иерархическому. Это находит выражение в образовании видовых составных терминов к родовому *полкъ*, где определяющее прилагательное как раз и указывает на функциональную характеристику. Схематически это можно изобразить так:



В XVI—XVII вв. система организации вооруженных сил Русского государства продолжает усложняться и усовершенствоваться. Е. А. Разин в «Истории военного искусства»⁵ предлагает такую схему организации (и управления) русских вооруженных сил этой эпохи (см. схему 1 на стр. 142).

Если сравнить эту схему со схемой организации русского войска в XI—XIII вв., приводимой тем же автором⁶ (см. схему 2 на стр. 142), а также со схемой, отражающей взаимоотношения военнослужащих, составляющих дружину (стр. 71), то сразу можно заметить основное различие между особенностями организации вооруженных сил в начале письменной истории

⁴ Е. А. Разин. История военного искусства, т. II. Военное изд. Мин. обороны СССР, Л., 1957, стр. 258—259.

⁵ Там же, стр. 331.

⁶ Там же, стр. 59.

Схема 1

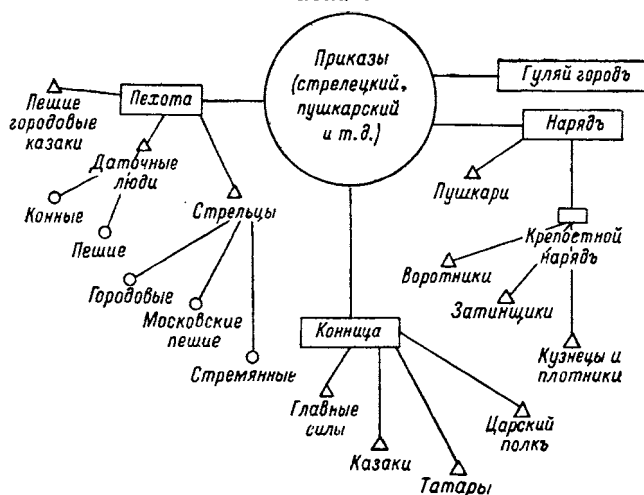
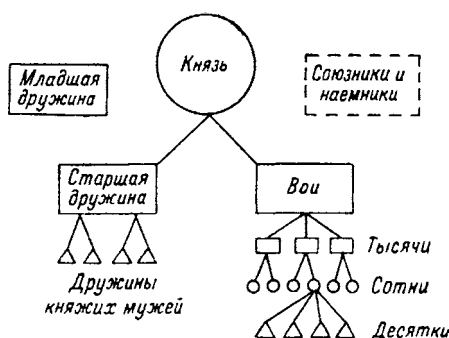


Схема 2



древнерусского государства и в XVI—XVII вв. Это различие заключается в признаках, лежащих в основе построения схем: если в XI—XIII вв. таким признаком являлись социально-политические отношения (социально-политическое положение той или иной общественной группы, составляющей вместе с другими вооруженные силы русского государства), то в XVI—XVII вв. на первое место выдвигается профессиональная (специальная) характеристика вооруженных объединений, их функциональная направленность. Ср.: князь — вершина социально-иерархической лестницы → старшая дружина (бояре, княжичи мужей) — «аристократия» в известной степени, особенно на ранних этапах феодальной истории, делившая власть вместе с князем (во всяком случае принимавшая непосредственное участие в управлении

и войском и обществом) → младшая дружина (дети боярские, пасынки и т. д.) — рядовые члены дружины, но все-таки занимавшие привилегированное положение и в армии и в общественной жизни → *вои* — ополчение из представителей свободных членов древнерусского общества — народа. Это деление на три класса воинов является зеркальным отражением деления древнерусского общества эпохи раннего феодализма; т. е. военные группировки по существу являются социально-политическими группировками. Это же (даже еще в большей степени) было видно и при анализе взаимоотношений категорий людей, составляющих древнерусскую дружину.

Другое дело деление, составляющее организацию русского войска XV—XVII вв. Здесь на первый план выдвигаются «профессиональные» различия составляющих (их специализация). Это заметно уже в организации войска Московского государства XIV в. :

пехота ← → конница

гуляй город ← → наряд

Эти виды вооруженных сил противопоставляются уже не по «классовым» признакам, а по функциональным различиям. Это же выдерживается и в более мелких подразделениях. Ср.:



Функциональный признак здесь выдержан последовательно.

Только в пехоте деления наряду с функциональными признаками сохранили и сословно-классовые: а) пешие городовые казаки; б) даточные люди; в) стрельцы.

Все три рода войсковых объединений являлись в то же время и социально-политическими группировками русского общества. Однако эта сторона может считаться остаточной, она уже отодвинута на задний план, заслоняется функционально-специализированной характеристикой вооруженных сил. В эпоху Ивана IV эта реорганизация завершается выработкой стройной системы организации вооруженных сил Московской Руси со строгой и последовательной централизацией ее во всех звеньях. Высшими военными учреждениями (органами) Московской Руси Ивана IV были *приказы* — Разрядный, Стрѣльцкй и Пушечный. *Разрядный приказъ* был высшим органом, ведавшим всем войском; пушечный и стрелецкий ведали соответственно пушечнымъ нарядомъ (артиллерией) и стрелецким войском. Затем была учреждена так называемая *Казанская Изба*, называвшаяся позже Ка-

занским Дворцом, а затем — Казанским Приказом, в ведении которой находилось и гражданское и военное управление Казанского царства и Сибири.

Стройная система субординации была установлена и в сфере командного состава войска. Во время военных действий назначался *большой воевода*. Ему придавались (ближайшими помощниками его были) *товарищ* (иногда два или три товарища) *большого воеводы*. Затем назначались *полевые воеводы*, *воевода у наряда* (командующий артиллерией) и начальник обоза (*гуляй города*) — *гуляй воевода* или *гуляин*. Термин *городовой воевода* обозначал должность (и человека, занимающего ее), в ведении которого находились вопросы военного и гражданского управления. *Городовые воеводы* подразделялись на: 1) *полковых* и *осадных* и 2) *осадных* и *городовых* — в зависимости от их функционального назначения. Кроме *воевод* как высших представителей военной власти в войске были *головы* — командиры отдельных воинских частей, непосредственно подчиненные воеводе. Были и разновидности голов, также выделявшиеся по функциональному признаку, — *обозный (голова)* = *голова у обоза*, *голова у наряда* (= начальник артиллерии). Затем самую первую ступень командного «состава» войска составляли *сотники*, *пятидесятники*, *десятники*.

Таким образом, становится ясным, что в наименованиях лиц командного состава русского войска до XVII в. центральное место занимают слова и термины, пришедшие в язык Московской Руси из более древних эпох (воевода, сотник, пятидесятник, десятник). Но в употреблении и в значении этих «старых» слов в рассматриваемую эпоху выявляются такие своеобразия, которые позволяют говорить о сдвигах качественного характера в функционировании лексем данной тематической группы. Эти изменения явились отражением изменений, происшедших в реальной внеязыковой действительности.

После этих замечаний перейдем к рассмотрению изменений, происходивших в военной лексике в XIV—XVII вв. Состав терминов группы и особенности их функционирования в русском языке до XIV в. был рассмотрен в предыдущей главе. Наблюдения и выводы, к которым мы пришли там, послужат отправным пунктом и для анализа процессов, протекавших в древнерусском языке в XIV—XVII вв.

1. НАИМЕНОВАНИЯ ВОЙСКА И ЕГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Справедливым остается положение о том, что «лексический фонд нашей письменности с XI до XIV в. довольно устойчив и может быть принят за целостную словарную систему, хотя предстоит

еще разработать предысторию этой системы». ⁷ Что касается военной лексики и фразеологии, то надо сказать, что этот фонд с большим основанием, чем в других отделах словаря, может быть принят за единое целое как общий лексический запас и для письменного языка и народно-разговорных диалектов. Что касается периода XV—XVII в., то при известных допущениях лексику литературного языка также можно рассматривать как некую систему, во многом противоречивую, неустойчивую и подвергаемую различного рода воздействиям со стороны территориальных диалектов и иноязычных источников. Последнее влияние особенно заметным становится в конце XVI и в XVII столетии. В военной лексике и фразеологии происходят к концу изучаемого периода значительные сдвиги и перемены, но все эти перемены происходят в рамках реально существующей системы военной лексики.

С XIV в. наблюдается заметное перераспределение как в семантике отдельных слов, так и в системе семантических взаимоотношений между членами лексико-семантической группы слов, обозначающих наименования основных воинских подразделений.

Памятники свидетельствуют, что, например, *полкъ* в эту эпоху начинает обозначать преимущественно 'отдельный отряд вооруженных сил'. Отсюда понятно употребление слова в абсолютном большинстве случаев во множественном числе: «Тои же зимы поиде князь Семионъ в Торжокъ съ полки съ всею землею Нізовскою» (Н. IV, 6848, 268, 177); «Первѣе сего поднялся князь Белга и вышелъ в Неву, и сретѣ его князь Александръ на Ижере рѣцѣ, самого прогна, полки поби» (Н. IV, 6860, 281, 187).

В единственном числе *полкъ* обычно 'часть войска, выделяемая для выполнения какой-либо определенной задачи': «И тогда потаенны полкъ, благородны храбрыи братъ великого князя Владимиръ Андрѣевичъ съ своими полки удари на Татары» (Н. IV, 6888, 486—487, вар. Д.). Ср. в XII в.: «Иѣха к Торжку со всѣмъ полкомъ своимъ» (Н. V, 6689, 173, 540 об.). Хотя в редких случаях единственное число в подобных ситуациях употребляется еще и позднее, в XIII—XIV вв.: «Поиде Мьстиславъ со всѣмъ полкомъ на Всеволода» (Н. V, 6718, 182). Здесь сказывается, пожалуй, влияние устойчивости выражения *итти (поити) полкомъ*, что приводило к застыванию формы, в которой функционирует слово. А сочетание *итти (поити) полкомъ* относится именно к XII—XIII вв. «И поидоша Новгородци полкомъ, и онѣ (немцы, — Ф. С.) побѣгоша прочь» (Н. IV, 6761, 596, 17). Однако и здесь можно наблюдать разрушающее влияние нивелирующей «нормы» эпохи: «Поиде князь Мьстиславъ . . . с полкы

⁷ Б. А. Л а р и н. Парижский словарь москвитов 1586 г., стр. 47.

в 500» (Н. V, 6724, 185, 550). Ср. также: «И съступишася обои полци, и бысть брань велика» (Н. V, 6746, 211, 571) и др.

В Актах исторических, включающих в себя наряду с другими документами наказы великих князей и царей воеводам и отписки воевод, содержится значительное количество и терминов военного дела. Термин *полкъ* в памятниках XVI—XVII вв. употребляется ограниченное число раз. Сужение частоты употребления слова связывается с потерей им целого ряда значений и употреблений, присущих ему в более ранние эпохи. Собственно для XVI—XVII вв. *полкъ* становится однозначным (моносемантическим) словом, обозначая отдельный отряд войска, находящийся под одним командованием. Так, в «Дополнительных указах к судебнику» (I, № 154, 1550—1582, 251) читаем: «А воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ. . .; а передовой полкъ да сторожевой полкъ менши одного въ болшомъ полку болшего воеводы»; «Кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и менши» (там же) То же и в XVII в.: «Да въ прошломъ де во 122 году, по нашей грамотѣ, отпустили они въ полкъ къ околничему и воеводѣ нашему къ Ортемью Васильевичу Измайлову. . ., нанявъ ратныхъ людей двадцать человекъ» (АИ, III, № 56, 1615, 45); «А посылаемъ нонѣ съ передовыми полки противъ измѣнниковъ нашихъ гетманомъ референдаря и писаря Великого княжества Литовского» (АИ, III, № 72, 1616, 68). Значение слова *полкъ* в приведенных контекстах ясно и определено. Это часто не просто отдельный войсковой отряд, но и отряд, имеющий особые отличительные характеристики: особое вооружение, особые задачи и т. п. «Воинские люди Саакдашнаго полку ходили въ Суздальскомъ уѣздѣ, и приходили подъ Суздаль» (АИ, III, № 224, 1643, 384). Только в религиозно-догматических контекстах в XVI в. *полкъ* сохраняет значение 'войско вообще': «И посла Господь Богъ Архангела Михаила, и во едину ночь уби отъ полка Асириска 185 тысящъ вой Асирискыхъ» (АИ, I, № 160, 1552, 292); «Нашего же смиренія совершенное благословеніе . . . богоспасаемымъ полкомъ вашимъ» (АИ, I, № 160, 1552, 295). В «Актах Московских» (I, № 93, 1614, 131) встретился единичный случай употребления термина *полкъ* со значением 'войско, вооруженная сила вообще' (а не строго определенный отряд войска): «И какъ де пришли подъ Бѣлую столняки и воеводы, князь Дмитрий Мамстрюковичъ Черкасской, да князь Иван Федоровичъ Троекуровъ въ Филиповы говенья, а того не упомянуть, о кой поры, и онъ вышелъ изъ Смоленска къ нимъ въ *полкъ* и по ся мѣсто скитался у нихъ въ полкѣхъ».

На такое же употребление указывает О. Г. Порохова на материале Сибирских летописей: «Отъ русского полка побежени быша» (Порохова, 124). Кажется, что здесь весьма ощутимы следы влияния высокого стиля выражения. Во всяком случае это не меняет общего положения, ибо абсолютное большинство

употреблений термина и в этих памятниках имеет значение 'отдельный войсковой отряд'. Таким образом, эти документы отражают общую картину языка своего времени, так же как в общем и другие памятники, которые в силу своего содержания должны были отражать военную лексику и фразеологию практического языка. «По нашему указу велѣно вамъ быти на нашей службѣ въ Болшомъ полку на Булѣ и нашимъ и земскимъ дѣломъ промыслать, и вѣстей провѣдывать и ратныхъ людей смотреть по часту» (АМ, I, № 180, 1625, 196); «А Михайловскіе вѣстовщики кѣ намъ на Дѣдиловъ іюня по 16 число не бывали, и какіе вѣсти кѣ намъ изъ украинныхъ и изъ полевыхъ городовъ отъ воеводъ вѣстовщики, или станичники, или отъ сторожей будутъ, или по вѣстемъ противъ твоего государева наказу случится сойтиться съ Тульскимъ съ Большимъ полкомъ, и о вѣстяхъ и о сходѣ намъ кѣ нимъ на Михайловъ писать не съ кѣмъ» (АМ, I, № 234, 1629, 256). В этом же плане употребляется термин и в таких литературных произведениях, как «Повести Смутного времени»: «[Феодоръ] посылаетъ . . . въ полки воеводъ . . . да митрополита Новгородского Исидора ко крестному цѣлованию войско все привести» (40). Л. Л. Кутина в работе «Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства», не учитывая содержания контекста (наличие термина *войско* как синонима мн. ч. *полки*), ошибочно считает, что термин *полкъ* употребляется здесь в традиционном значении 'войско'.⁸

Рост и совершенствование вооруженных сил вызывали необходимость в обозначении частей, на которые они делятся, в зависимости от их функционального назначения. Так, *большой полкъ* начинает обозначать главные силы, *полкъ лѣвой руки* и *полкъ правой руки* — войска левого и правого фланга, *передовой (передний, предний) полкъ* — авангард войск, *ертаульный полкъ* — разведывательный отряд, *сторожевой полкъ* — боевое охранение, *потанный полкъ* — часть войск, находящаяся в засаде, *посылочный полкъ* — отряд, высланный от основных сил для решения какой-либо специальной задачи. Вырабатывается, таким образом, микросистема наименований воинских отрядов, находящихся в определенной оппозиции друг к другу. На первых порах обобщающим термином этой группы продолжает оставаться термин *полкъ*. Функционирование в военном языке этой совокупности наименований может служить типичным примером складывающихся системных отношений в одном из профессиональных ответвлений русского языка XVI—XVII вв.

Когда в Московском государстве XVII в. начинают создаваться регулярные вооруженные силы, отдельные отряды их, обладающие

⁸ Л. Л. К у т и н а. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Канд. дисс. Л., 1955, стр. 400. Далее в тексте: Кутина с указанием страницы.

известной самостоятельностью и характеризующиеся теми или иными отличительными признаками, называются *полками*. Обычно полки получают название по имени их командира: «Юрьева полку», «Лоренцова полку» (Воронеж. ак. Мат. для ист. Воронежа и соседн. губ., I, Воронеж, 1887, с. 44). Наконец, появляются *рейтарские, солдатские, пехотные полки* — полки нового строя. Затем *стрелѣцкіе* приказы также начинают называться *стрелѣцкими полками*.

Считалось, что окончательное оформление термина *полкъ* в значении идентичном или близком к современному относится ко времени Петровских военных реформ.⁹ Языковые данные позволяют перенести время более или менее полной и устойчивой специализации слова *полкъ*, утверждения его в качестве наименования воинской части, равной (подобной) современному п о л к у, на полстолетие раньше начала преобразований Петра.

К XVI—XVII вв. относится и терминологическое закрепление словосочетаний *большой полкъ* (примеры приводились выше), *передовой полкъ*, *сторожевой полкъ*, *полкъ левой (правой) руки*, *потаенный полкъ*, *посылочный полкъ*. Ср. *потаенный полкъ* 'полк, находящийся в засаде': «И тогда потаенный полкъ, благородный храбрыи братъ великого князя Владимиръ Андрѣвичъ съ своими полки, удари на Татары» (Н. VI, 6888, 486—487, вар. Д). *Посылочный полкъ*: «Мы же абіе послали въ погоню за ними трехъ ротмистровъ, и за ними другихъ посылочные полки во устроенію засады ради» (Ист. К², 31).

Эти составные термины известны по памятникам более старшей поры, но активизация их употребления и их окончательная терминологизация относится именно к XVI—XVII вв. Можно предполагать, что утверждение этих словосочетаний в качестве строго определенных терминов способствовало, подталкивало терминологизацию слова *полкъ*, которая завершается к середине XVII в.

Приобретая строго определенное специальное значение, слово *полкъ* одновременно с этим теряет два своих древнейших значения, широко отраженных древнейшими русскими памятниками, — 'войско (вообще)' и 'война', 'сражение, бой', уступая их слову *ратъ* и (в значении 'военный поход', 'сражение') слову *война*. Ср. характерную в этом отношении дифференциацию значений двух этих слов уже в XVI в.: «Посла ни бьють, ни сѣкуть, ратью полки стоять, а послы ходять и о добрѣ дѣлають» (Пам. дипл. МГ., II, Лит., III, 1563). XVI и начало XVII в. дают многочисленные примеры употребления слова *полкъ* в значении 'отдельный отряд воинов' — любой численности и любого назначения: «А какъ Алакозъ прислалъ грамоту, что уже из Азова пошелъ, и князь

⁹ А. П. К о н у с о в. История слова «полк». Русский язык в школе, 1941, № 2, стр. 21.

велики противъ его послалъ полкъ людей беречи его на Воронежъ» (Пам. дипл. снош. Моск. гос. с Крымом, 1501. Сб. Русск. ист. общ., т. 41, 403); «Чтобъ, опричь начальства моего генерального, мнѣ данъ былъ особной полкъ конной и пѣшей, и вольно было бѣ мнѣ выбирать изъ конныхъ в приборочной свой полкъ в поле, какъ обычай в — иныхъ земляхъ» (Проект договора с англ. ген. Эргартом, 1658—1659 гг. В кн.: Гу р л я н д. Иван Гебдон, комисариус и резидент. Ярославль, 1903, с. 38). В последнем случае *полкомъ* назван отряд телохранителей генерала. Это не было случайным, единичным применением слова, а представляло собой факт устойчивый и регулярный. Ср. также: «Дети боярские его [воеводы] полку» (Писц. кн. Каз., 1565—1568, стр. 45; Мат. по ист. Татарской АССР. Изд. АН, Л., 1932). Даже в XVIII в. можно встретить такого рода употребления.¹⁰ Они поддерживались живым и в XVI—XVII вв. функционированием слова *полкъ* в значении 'группа, множество лиц'. Ср. в Никоновской летописи: «А се митрополича бояре: Феодоръ Шолоховъ, Иванъ Артемьевъ Коробьинъ. . . , и бысть ихъ полкъ великъ зѣло» (Ник., 6886, XI, 39). Или: «А которые, государь, вольные люди изъ разныхъ городовъ пришли на Воронежъ, . . . многихъ Воронежцовъ въ городе и въ слободахъ побиваютъ и грабятъ, и ходятъ, полками человекъ по сороку и по пятидесяти» (Дон. д., II, 1646, РИБ, XXIV, 788). Также в Письмахъ царя Алексея Михайловича: «. . . при васъ . . . и при всемъ полку добылъ красный кречеть . . . каршака» (Собр. пис. ц. Ал. Мих., 1856, с. 82).

С этим значением тесно связано развившееся на диалектной почве значение *полкъ* 'стадо': «Одинъ волк гоняет овечей полкъ» (Симони, Старин. сб. русских пословиц, погов., загадок и пр. XVII—XIX вв., с. 130). Поэтому не кажется необычным употребление слова *полкъ* для обозначения совокупности островов — «полкъ или собрание островов» (География генеральная, 1718, с. 67).

С первой четверти XVII в. судьба русского термина *полкъ* тесно переплетается с судьбой заимствованного иноязычного синонима — *режиментъ* (нем. *Regiment*). *Regiment* входит в русский язык вместе с наемными иностранными полками солдатского строя как сложившийся военный термин со строго определенным значением. Столкнувшись с русским все еще окончательно не сформировавшимся термином *полкъ*, *режиментъ* не выдержал конкуренции, но сыграл огромную роль в его терминологизации, в приобретении им значения 'определенная войсковая единица, с установленным численным составом, со своими задачами и т. п.', т. е. значение, которое термин *полкъ* сохраняет и в современном литературном языке. *Режиментъ* еще довольно широко употреблялся в XVIII в., а затем уходит из словарного состава русского

¹⁰ См. об этом: там же, стр. 21.

языка. Причины победы русского синонима лежат в его длительной истории, в широте употребления не только в военной среде, но и в сферах, далеких от военной жизни, в том, наконец, что еще до появления нем. *Regiment* в русском языке *полкъ* уже достаточно устойчиво употреблялся в значении, передаваемом немецким термином.

В связи с общими тенденциями к архаизации и «славянизации» русского языка XV—XVI вв. находится активизация употребления слова *полкъ* в значении 'стан', 'лагерь' (такого рода употребления наличествуют уже в письменности XII в.): «И повелѣ в сурны играти и трубити и по накромя бити, а в ту пору велѣл коши уставливати, и стоялъ того дни полкомъ весь день, а головы стрѣлцкие и сотники со всѣми стрѣлцы стояли передъ полкомъ блиско города» (Лет. Русск., Чтения в Общ. ист. и древн. Росс., 1895, кн. 3, с. 177) — рассказ о походе Ивана Грозного под Казань. Видимо, это значение дало возможность появления в слове новых семантических оттенков, новых семантических реализаций: *полкъ* начинает обозначать одновременно войско и территорию, занимаемую военными людьми, — *сѣвскіи полкъ*, *новгородцкіи полкъ* и т. п. В период существования поместной системы войска *полкомъ* называлась территория, заселенная людьми, из которых набиралось поместное войско, составлявшее территориальное ополчение. «Новгородского полку городовъ помещикомъ» (Зап. кн. Моск. стола, 1678—1679 гг. РИБ, XI, 350). В украинском языке развитие этого значения пошло значительно дальше, чем в русском. Там *полкъ* начинает обозначать 'округ'. В русских документах, касающихся украинской действительности, *полкъ* с этим значением употреблялся широко и свободно: «Прелесной лист . . . изъ Бѣлой церкви чрезъ нарочного челоувѣка въ Переяславской полкъ подкинуть на возмущение и обманъ простыхъ людей» (ДАИ, XI, 21). Однако, несмотря на то что такого рода употребления термина *полкъ* в общем-то лежали в русле семантического развития слова в русском языке, они не стали органической частью его лексико-семантической системы.

К XVI—XVII вв. относится и появление словообразовательных дериватов от слова *полкъ* — *полчекъ*: «И напередъ де Литовскихъ людей ѣхалъ полчекъ челоувѣкъ съ тридцать, а за тѣми де ѣхали полкъ поперечь въ десять конь» (ДАИ, I, 1612, 307). Здесь *полчекъ* означает 'небольшой воинский отряд' т. е. наличествует старое значение слова *полкъ* — 'отдельный воинский отряд' (любой величины, назначения и т. п.). Судя по значению, можно предположить, что эта уменьшительная форма развилась раньше начала процесса терминологизации слова *полкъ*, т. е. раньше XVI в.

Полчане: «А пріѣхавъ въ Казань, былъ бы еси на нашей службѣ въ Острогѣ попрежнему, и списки дѣтей боярскихъ, своихъ полчанъ, которые были дѣти боярскіе прежде сего у тебя

въ полку, у воеводы у князя Григорья Булгакова взял» (ДАИ, I, 1581, 81. Также: АИ, II, 1609, 226); «Бити челомъ на моихъ полчанъ в грабежахъ» (АЮБ, II, 1611, 604) и др. Значение слова очевидно, оно может быть определено как 'воин', 'воин, входящий (наряду с другими) в состав какого-либо полка' (близко к современному *однополчанин*).¹¹ Таким образом, из группы терминов, обозначающих наименования воинских единиц, именно от сущ. *полкъ*, было образовано наименование воина, характеризующего его по принадлежности к определенному воинскому отряду, к воинской единице. Ни *рать*, ни *войско*, ни *сила*, ни другие термины ряда не образовали такого наименования.

В XVI—XVII вв. отмечаются употребления прилагательного *полковой* в значениях: а) соответствующих значениям прил. *ратный*: «Отъ множества жъ воиньского собраниа полковые люди и коши въ заторехъ на лѣсахъ смешались» (Лет. рус. 1548, 172). Здесь *полковые люди* значит *ратные люди*, т. е. 'воины'; б) в составе сложных наименований определенного рода оружия: *пушка полковая*: «И Зажковляне поставиша полковую пушечку на званицы» (П. I, 1588, 328). Также: АМГ, III, 1660; *пищаль полковая* (ДАИ, IX, 1676, 28; АМГ, I, 1615, 134). Полковые пушки и пищали противопоставлялись *ручным пищалямъ* — последние были меньшего размера и калибра. *Знамя полковое*: «Дай намъ знамена полковые» (М., 315); *полковая служба* — *ратная* (военная) *служба*, и др.

В XIV—XVI вв. термин *рать* продолжает употребляться в основном в тех же значениях, что и в более старшее время: «Новгородци . . . послаша рать противу ихъ на Вочкую землю» (Н. V, 6856, 260, 611); «А Новгородци были оу Пскова ратью» (Н. IV, 6902, 604, 26); «. . . совокупивше рати вятшии яко 30 тысячъ» (Н. IV, 6979, 508, 360). Термин употребляется в этот период в тех же сочетаниях, что и в более раннюю эпоху. Однако было бы большой ошибкой считать, что в сфере функционирования термина *рать* не произошло никаких изменений по сравнению с функционированием слова в более ранние эпохи. Вместе с изменениями семантического и фразеологического плана, происходившими в слове *полкъ*, происходили определенные сдвиги и перестановки и в семантической и в фразеологической структурах термина *рать*. Прежде всего следует отметить, что частота употреблений термина значительно увеличилась, расширилось количество контекстов, умножилось число ситуаций, в которых стало употребляться слово *рать*. Мы уже указывали на активизацию употреблений термина, начавшуюся в XII в. (на примере из новгородской письменности). Этот процесс оказался довольно интенсивным и

¹¹ Впервые в «Повести о прихождении царя Ивана Васильевича в Новгород», 7078 г.: «. . . царь . . . со всѣми своими государевыми полчаны поиде».

привел к тому, что к концу XV в. *рать* начинает доминировать в анализируемой лексико-семантической группе слов. Это видно уже из сопоставления количества употреблений терминов *полкъ* и *рать*. Соотношение числа употреблений терминов выражается пропорцией 1 : 2. Эта, казалось бы, чисто количественная сторона привела к качественным изменениям в семантике слова.

Быше отмечалось совпадение ряда значений терминов *полкъ* и *рать*, причем подчеркивалось, что при наложении круга значений одного слова на круг значений другого слова оказывалось, что оставались и такие значения в одном слове, которым не было соответствующих в другом, не говоря уже о различной широте употреблений этих синонимов. В дальнейшем *рать* перетягивает на себя значения, ранее присущие только *полку*. К этим значениям относится, например, такое, которое можно формулировать как 'отдельный отряд войска': «Князь Дмитрей ходилъ ратью на Рязань, а иноу рать послалъ на Моуромъ» (Н. IV, 6894, 348, 238 об.); «[Бои] бысть князю Ивану подъ Переяславлемъ с бояриномъ своимъ Онкифоромъ, и Онкифа оуби, а дѣти его оубѣгоста съ Тферьскою ратью въ Тферь» (Н. IV, 6812, 252, 164 об.).

Вместе с этим слово *рать* начинает употребляться во множественном числе (при обозначении отрядов войск). «Князь же Дмитрій стоялъ оу Тфери мѣсяць съ всеми ратми и оучи(ни)лъ поусто Тферьское княженіе» (Н. IV, 6883, 303, 264 об.); «Царь же . . . оболга князя Остѣ лживыми речми и лживымъ миромъ и вызва его вонъ изъ града, и оуби его предъ враты града, а ратемъ своимъ всѣмъ повѣле отступити отъ града» (Н. IV, 6890, 332, 226 об.). Заметно интенсифицируется употребление термина для обозначения только вражеского (чужого) войска. XV—XVI вв. дают многочисленные примеры на такое употребление: «И сіими часы приходила пакъ рать Татарская царева Сиди-Охметова» (АИ, I, 1454, № 56, 104. Послание митрополита Ионы Смоленскому епископу Михаилу); «Да на пути у него утерается товаръ безхитростно, истонетъ или сгоритъ, или рать возьметъ . . . платити исцеву истину безъ росту» (АИ, I, 1497, № 105, 155. Судебник великого князя Иоанна Васильевича); «А холопа рать полонить, а выбѣжить изъ полону, и онъ свободенъ» (АИ, I, 153, 1550, 244. Судебник великого князя Иоанна Васильевича). Употребление термина в этом значении наблюдалось в русских диалектах еще в XIX в. Так, по материалам Диттеля (1822) значение это у слова *рать* отмечается в Рязанских говорах. Это же подтверждается и в сообщении Ф. И. Буслаева при просмотре им «Опыта областного великорусского словаря» (1852). Примеры на употребление термина *рать* в XVII в., да уже и в конце XVI, представляют это слово только в одном значении — 'войско вообще', 'вооруженный отряд людей'. Однако этот отряд должен быть достаточно многочисленным: «Гетманъ Желковской воевода Кіевской съ ве-

ликою ратью» (АИ, III, № 72, 1616, 68); «А ждуть де Астороханские служилые и жилетские люди съ Верху Государевы рати» (АИ, III, № 265, 1614, 431); «И мнѣ бы, свѣстися съ головами верховые рати, беречь того накрепко, чтобъ до вашего приходу вора Ивашку Зарудского . . . не упустить» (АИ, III, № 15, 1614, 14). Лишь в контекстах религиозно-догматического характера термин *рать* еще употребляется в значении 'война', 'нашествие иноземных сил': «Ово убо многижда еже на православную вѣру многоразличными ереси, овоже ратми и бѣдами, возставляя богоборные языки» (АИ, III, № 284, 1616—1617, 453).

Рать в значении 'войско' в XVI—XVII вв. употребляется широко и свободно в памятниках, различных по жанровой принадлежности и стилистической направленности. Ср. употребление термина в сугубо деловых памятниках (примеры из Актов исторических), в летописях XVI—XVII вв., в Повестях Смутного времени и т. д. На широкое употребление термина *рать* указывали М. И. Пасютина в «Посланиях» Ивана Грозного,¹² Л. Л. Кутина в Повестях Смутного времени¹³ («По водѣ же Дономъ и по суху полскими проходы повелѣ рати ити» — 497), О. Г. Порохова в Сибирских летописях (Порохова, 123), хотя последняя и указывает, что термин в этих памятниках стилистически ограничен, А. К. Абдульманова в «Казанском летописце»,¹⁴ в котором свободно употребляется и составной термин *судовая рать*: «А судовая рать, вышедъ из судовъ, поидоша пеши ко граду» (225). Наши материалы, как и материалы других языковедов, рассматривавших историю употребления термина *рать* в XVI—XVII вв. в значении 'войско', не подтверждают мнения о стилистической ограниченности его.

В этом значении термин широко употребляется в фольклоре — в сказках и былинах. Здесь интересно отметить характерное для этого рода источников повторение синонимов,¹⁵ в данном случае *рать-сила*: «Убил Иван — солдатский сын третьего змея и думает: — Больше нет мне противника! Вдруг издали дым подымается, — что бы это значило: вихорь ли играет, али рать-сила идет?» (Афанасьев, Сказки, I, 444); «Побил [Иван] рать-силу великую, воротился домой, лег спать» (там же, 490); «А смотрели в трубочку подозрную А на ту ин на рать-силу великую» (Григорьев, Архангельские былины, III, 117); «Становитесь-ко ратѣй-

¹² М. И. Пасютина. Синонимика имен существительных в посланиях Ивана Грозного. Уч. зап. Якутского гос. ун-ва, вып. 2, 1957, стр. 129—136.

¹³ Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей. . . , стр. 397—399.

¹⁴ А. К. Абдульманова. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». Уч. зап. Бийского гос. пед. инст., вып. II, 1958, стр. 320.

¹⁵ См. об этом: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 254—268.

силой великою, А не упущайте-ко силушки да на чисто поле» (Гильфердинг, Онежские былины, I, 539). Это повторение-приложение подчеркивает большие размеры *рати*, указывает на ее многочисленность. Еще Словарь Академии Российской (1789—1794) отмечает это значение в слове *рать*, не сопровождая его никакими ограничительными характеристиками: «воинство, ополчение ратных».

Таким образом, к XVII в. из синонимической пары *полкъ* — *рать* в значении 'войско' побеждает *рать*, становясь постепенно единственным названием данного понятия («единственным» требует оговорки и уточнения, ибо это утверждение правильно только в отношении пары *полкъ* — *рать*; что же касается обозначения этого понятия в русском языке XVI—XVII вв. вообще, то дело здесь обстоит значительно сложнее).

Отмечается резкое уменьшение широты употребления в XIV в. термина *дружина*. Вместе с тем происходит и сужение его семантического значения. В качестве обозначения постоянного, кадрового войска князя этот термин уже не употребляется. Те немногочисленные употребления, которые встречаются в новгородской и псковской письменности, можно толковать лишь как «отряд вооруженных людей» вообще: «Олександръ зажже отца своего дворъ, а Щелканъ съ дружиною своею, сгорѣвъ, пропаде, а побѣдиша ихъ на Оупсѣиіе святѣа Богородици» (Н. VI, 6835, 261, 171) — здесь речь идет о татарском князе Щелкане: у татар, как известно, не было дружины. Это небольшой отряд войска (вооруженных людей), сопутствующих кому-либо — князю, воеводе, тысяцкому — в их походах, путешествиях и т. п. В этих случаях в семантике термина *дружина* на первый план выдвигается древнейшее значение 'товарищи', 'спутники', 'отряд' — значение, общее для всех славянских языков: «... и отпусти Кузму [тысяцкого] и его дружину» (Н. IV, 6856, 277, 184). Это, собственно, друзья, товарищи кого-либо (даже не военные): «И в то время приспеша пришедшии изъ Царяграда послове, их же бѣ послалъ къ Царюграду с милостынею, Данило протопопъ с дружиною своею, и привезе емоу отъ патріарха благословеніе» (Н. IV, 6907, 387, 256). Ср. многочисленные примеры на подобное употребление, приведенные в «Материалах» И. И. Срезневского. Единичны употребления термина *дружина* в значении 'все войско' (как синонима *полкъ* и *рать*) в XIV—XV вв. Нам встретился один случай из 4-й новгородской летописи под 6979 г.: «Воеводы великого князя . . . положивши упование на Бога, и рѣша дружинѣ своеи: „то братѣ, намъ мѣра послужити своему государю великому князю. . . , а рати ихъ, брат(ь)е, хотяб 300 тысящъ было, а намъ одинако свои животъ положить“» (Н. IV, 6979, 508, 360). Можно считать, что употребление *дружина* в этом случае вызвано чисто стилистическими задачами. Летопись противопоставляет русские, свои военные силы — «дружину» войску противника — «рати».

Ср. такое же употребление: «И паки христолюбивый князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменики, и твердо забрашася, и моужески храброваша, и дерзноюша по Бозѣ за вѣру хрестьянскую» (Н. IV, 6888, 323, 220 об.). И позднее, в XV—XVI вв., слово *дружина* как обозначение 'войска', 'рати' со специальным стилистическим заданием — когда нужно было подчеркнуть величие своих воинских сил или торжественность обстановки — употреблялось в исторических повестях и других произведениях, носящих на себе заметную печать литературной обработки. Ср. в «Задонщине»: «То ти не тури побеждени, но постѣчени князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича . . . и иная многая дружина у Дона на березе лежат» (Задон. Адр., 1, XVII~XV в., 202); в Азовских повестях: «Гой еси казаки добрые молодцы, храбрая ваша дружина, соседи наши ближние, казачество полное, воинско свирѣпое, молодцы избранные» (Аз. п. Сказ). В последнем случае нарочитая приподнятость изложения явствует из ритмо-мелодики, из всего словесного окружения, в котором употребляется слово *дружина*. Употребление термина *дружина* в этих памятниках обусловлено как особенностями их жанра, так и общими стилистическими нормами эпохи, в которую они создавались, в эпоху нарочитой архаизации языка, когда в историческое повествование, в жанры художественной литературы широко и свободно включались языковые элементы и приемы художественной изобразительности прошлых эпох. Архаизации подвергались даже летописи и деловые документы.

Следует отметить, что в составе устойчивого словосочетания *въ малѣ (не въ мнозѣ) дружинѣ* термин этот употребляется еще довольно часто и в XIV и в XV в. и позднее: «Не по мнозѣхъ же днехъ князь Дмитрій посла свою рать на князя Олга Рязанскаго; Олегъ же не въ мнозѣ дружинѣ едва оутече» (Н. IV, 689, 339, 231 об.); «Василей оубѣжа съ сыномъ своимъ Семеономъ въ малѣ дружинѣ» (Н. IV, 6954, 441, 301). Ср. также в Азовских повестях: «А се в мале дружине своей, уж толко стало, переменитца некѣмъ» (Аз. п., 12).

О. Г. Порохова отмечает, что в Сибирских летописях (Порохова, 124) *дружина* свободно употребляется для обозначения войска Ермака (и только Ермака!). Нам кажется неверным толкование термина *дружина* как 'войско' в таких, например, употреблениях: «Ермакъ . . . собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число ж ихъ 500 и 40 человекъ» (Сиб., 8). Здесь *дружина* означает скорее 'товарищи', 'спутники', 'единомышленники'. Недаром в Сибирских летописях вместо *дружина* часто употребляется *товарищи*. Об этом свидетельствует и пояснительное замечание «число же ихъ». *Дружина* в древнерусском языке как обозначение княжеского войска и войска вообще было собирательным словом.

Интересно отметить, что в Исторических повестях о Смутном времени Московского государства термин *дружина* не употребляется, хотя памятники эти по словоупотреблению были ощутимо связаны с традицией воинских повестей более ранних эпох.¹⁶ Отметим, однако, что в «Казанском летописце» *дружина* как обозначение 'войска вообще' хотя и единичными употреблениями, но все же представлена.¹⁷ По наблюдениям Н. Сребрянского, в летописно-проложном Житии Владимира, созданном в севернорусской письменности, слово *дружина* не употребляется.¹⁸ Это факт весьма показательный, если учесть значение и роль дружины в княжение Владимира и частоту употребления термина в ранних летописных известиях и в былинном эпосе Киевской Руси.

Термин *дружина* в военном значении выходит из употребления (по крайней мере перестает употребляться в письменности) значительно раньше отмирания самого явления общественно-социальной жизни. В самом деле *д р у ж и н а* как ближайшее военное окружение князя продолжает существовать до конца периода феодальной раздробленности, т. е. до XVI в., а термин для обозначения этого явления неизвестен в активном употреблении уже в XIV в. Это объясняется теми коренными изменениями в социальной жизни русского общества, которые привели к изменению роли дружины как социально-общественного института.

Характеризуя общество удельной Руси XIV в., В. Ключевский писал: «Здесь прежде всего останавливают на себе внимание бояре и слуги вольные, дружина князя. Среди удельного общества XIV в. этот высший класс является в значительной степени социальным и политическим анахронизмом. В его общественном положении находим черты, которые совсем нешли к удельному порядку, к общему направлению удельной жизни. Строгое разграничение служебных и поземельных отношений вольных слуг, какое проводят договорные грамоты князей XIV и XV вв., мало согласовалось с естественным стремлением удельного княжеского хозяйства соединить личную службу вольных слуг с землевладением в уделе, закрепить первую последним и тем обеспечить удовлетворение важной и дорогой потребности княжеского хозяйства, нужды в ратных людях».¹⁹ Служилые люди постепенно

¹⁶ См. об этом: А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики; Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей.

¹⁷ А. К. Абдульманова. Военная и иноязычная лексика... стр. 317.

¹⁸ Н. Сребрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 62. См. также статью А. И. Соболевского в «Чтениях в Историческом обществе Нестора-летописца» (Киев, 1888, стр. 11).

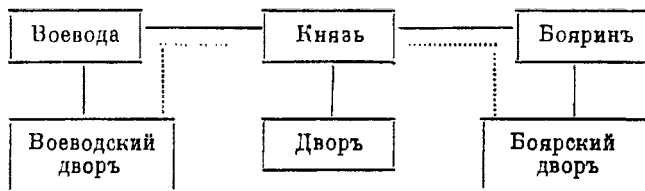
¹⁹ В. Ключевский. Курс русской истории, т. I. Изд. 5-е. М., 1903, стр. 452.

становились землевладельцами. Право выбирать место службы, которое признавалось в договорных грамотах князей за боярами и вольными слугами (входившими в дружину), стало несвоевременным.

Крупные землевладельцы (обычно старшие дружинники) становятся в вассальную зависимость от князя, вследствие чего дружинная организация разрушается. Земельные пожалования и служба при княжеском дворе изменяют и социальный состав дружинников и сущность дружины в целом. Все это приводит к изменению и в системе обозначений этих социальных институтов. С конца XII в. княжеские и боярские дружины все чаще и чаще начинают именоваться *двором*. В состав княжеского двора входили и бояре (вассалы) со своими дворами.

Эти изменения происходили прежде всего на русском Севере. Новгородская письменность дает примеры на употребление термина *дворъ* (в значении 'ближайшее военное окружение князя'), относящиеся к концу XII и к первой четверти XIII в.: «Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с Новотържъци, княжь дворъ, Новгородцевъ мало . . . поидоша по нихъ» (Н. I, С., 6733); «Поиде князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ» (Н. I, С., 6728, 213); «Новгородци въспатиша а князь погониса по нихъ съ своимъ дворомъ» (Н. I, М., 6753). Ср.: «поиде съ дружиною». «Иде князь Ярославъ Пльскову на Петровъ день, и Новгородъци въмале; а самъ седе на Пльскове, а дворъ свои пославъ съ Пльковици воевать» (Н. I, С., 6700, 164). В XIV—XV вв. *дворъ* фиксируется в Никоновской летописи: «И поиде Витофъ со своими князи . . . вкупѣ же съ нимъ и царь Тахтомышъ съ своимъ дворомъ; и бысть ихъ сила ратнаа велика зѣло» (Ник., 1399, I, 172). Обычны употребления термина в Псковских, Воскресенской, Троицкой, Львовской и в других летописях. Термин становится общерусским, утверждаясь в языке великорусской народности в качестве единственного наименования определенного общественного института.

О функционировании термина *дворъ* в составе сочетаний *боярский дворъ* и *воеводский дворъ* в языке «Казанского летописца» говорит А. К. Абдульманова в указанной выше статье. Правда, А. К. Абдульманова несколько неосторожно поступает, определяя значение этих сочетаний как «воинские подразделения». Это, конечно, не «воинские подразделения» (о подразделениях в то время вообще говорить невозможно), а как раз то, что до XIV в. обозначалось термином *дружина*, т. е. постоянный военный отряд (при князе, воеводе, боярине): «Тако же боярские и воеводские дворы опричь большихъ полковъ, соединяючися тысяч по пяти и по шти в коемуждо полку, сами себе голову уставляху» (Ист. К., 435). Состав и организация двора как особой воинской единицы графически можно изобразить следующим образом:



Из схемы видно, что дворъ целиком вытеснил дружинную организацию войска, заступил место дружины. Отличия между двором и дружиной кроме тех, которые указаны выше, лежат в более простой, обнаженной форме зависимости двора (слугъ дворскихъ) от князя. Эта зависимость членов двора от князя объединяет их в общую массу, делает их как бы равными, что дает возможность появления наименования отдельного члена двора — *дворянинъ* (*дворянѣ*): «Мѣстиславъ же кнѣзь възъа на нихъ дань. и да Новгородѣцемъ двѣ части дани. А третью часть дворяномъ» (Н. I, С., 6722); «Сѣ же Глѣбъ прежь прихода ихъ изнарадивъ свое дворяне и бране и поганыхъ Половчѣ множество... и съкрыта... близъ шатра» (Н. I, С., 6726). Ср. в Лаврентьевской летописи под 6683 г.: «Горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиа домъ княжъ» (Л., 6683, 470), где *дворяне* употреблено в значении 'люди, челядь князя', т. е. в военном значении. В других же своих значениях термин *дружина* остается в активном употреблении и в XV—XVII вв.: «А дохода съ нихъ емлетъ Ивинъ денегъ полтора рубля... А ключнику и дружинѣ пол-четыртынадцати коробы ржи и овса» (Новг. писц. кн., IV, 145). Здесь *дружина* обозначает, по всей видимости, 'монастырскую братию'. В значении 'монастырская братия' термин употребляется широко и свободно и в старославянских памятниках (см. «Материалы» И. И. Срезневского). Употребительно существительное *дружина* в это время и в значении 'товарищи, спутники'. В этих значениях слово *дружина* обычно в Новгородских писцовых книгах.

Сила. На правах устаревающего термина в единичных случаях употребляется слово *сила*: «Лисовской де его Левку послалъ на Кострому въ Лазутчикѣхъ... А ему де Левке на Костромѣ проводить было сколько на Костромѣ силы и сколько наряду» (АИ, III, № 64, 1615, 58). Но в этом случае уже заметно смещение значения слова от обозначения вооруженного отряда к обозначению количественной стороны этого вооруженного отряда. Ср. также: «... а мы своею ратию сколько наше силы, съ тобою всѣ будемъ» (Пам. дипл. сн. М. Г. с Крымом, II, 1508, 13). Хотя, конечно, полного изменения здесь еще не произошло, как это наблюдается, например, в таком случае: «А будетъ на нихъ придутъ откуды воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и Михайлу и Баиму противъ ихъ стояти и надъ ними промысляти, сколько милосердый

Богъ помочи подасть» (АИ. III, № 36, 1614, 34), где военное значение «выветрилось» полностью.

Л. Л. Кутина, указывая на редкость употребления термина *сила* в Повестях смутного времени (некоторые авторы, например такие стилисты, как А. Палицын и Катырев-Ростовский, его вовсе избегают), связывает это с тем, что термин был «менее литературным», чем *поикъ*, *ратъ* и т. п. Дело, однако, не в степени литературности (по своей стилистической принадлежности *сила* вполне литературное слово), а в степени актуальности его в языке XVII в., в условиях активного процесса изменения системы военной терминологии. Прежде широко употребительный термин переходит в разряд устаревающих (не актуальных), хотя и в Повестях Смутного времени употребление слова *сила* в военном значении отмечаются: «Московской же силы кони . . . начаша зѣло мятися» (34). О. Г. Порохова не отмечает слова *сила* в военном значении в составе лексики Сибирских летописей. Однако это значение в слове *сила* полностью не утрачивалось. Оно, например, широко употребительно в фольклоре: «Иванушка, приложись к сырой земле, не бегить ли за ним вся сила» (Смирнов, сборник великорусских сказок, Пгр., 1917, 641); «Подходил тут под Киев-град Собака Галин-царь Со своей силой-армией» (Гильфердинг, Онежские былины, III, 328); «Ежели побью силу войскую, Дак чтоб мне владеть Да всим Новым градом» (Гильфердинг, Онежские былины, III, 558).

Д. К. Зеления отметил *силу* в значении 'войско', 'солдаты' в сказках Вятской губернии (с. 112). В фольклорных произведениях вообще характерно тавтологическое употребление типа *сила-армия* и т. д., а также сочетаний типа *сила войская*: «Ты сбери-ка свою силу войскую» (Песня о взятии Казани Иваном Грозным; АГО, XXIII, 86). Это значение слова *сила* дожило до наших дней и отмечается всеми современными словарями русского литературного языка. Только в современном языке это значение реализуется в форме множественного числа существительного при устарелости и просторечности формы единственного числа. В современном языке это значение реализуется также преимущественно в сочетаниях *военные силы*, *вооруженные силы*, *сухопутные*, *морские*, *танковые* и т. п. *силы*. Можно допустить, что появление таких сочетаний проходило под воздействием фольклорных традиций, где они зафиксированы раньше, чем в письменном языке (ср. *сила войская*). Таким образом, термин *сила* (*силы*), претерпев значительные изменения в своей семантике, в условиях употребления и в формальном отношении, остался живым военным термином современного русского языка.

Значительные изменения произошли в условиях функционирования термина *вои* (ед. *воинъ*). В деловой письменности XVI—XVII вв. термин отмечается лишь эпизодически и исключительно в религиозно-нравственных контекстах: «Не токмо свершашся

служба отъ раба, елико егда самъ приидеть господинъ, ниже царь посылая война на брань» (АИ, I, № 160, 1552, 294); «Гедeonъ же бѣ съ трети sty своихъ вой и ихъ [врагов] побѣди» (АИ, I, № 160, 1552, 292). Можно с уверенностью сказать, что в живом употреблении слова *вои* (*воинъ*) уже не было. Оно, как отмечалось выше, и в более раннюю пору было характерно в основном для церковно-религиозных жанров письменности. В «Актах Московского государства» нет ни одного случая употребления этого слова, хотя военная терминология в них представлена чрезвычайно богато и разнообразно. Причем «Акты» отразили как раз живой разговорный язык того времени в его канцелярски-деловой разновидности. Иная картина наблюдается в письменных памятниках другого жанра, например таких, как воинские повести, некоторые летописные своды и др., своим языком и стилем тесно связанных с предшествующей традицией, нарочито архаизирующих формы словесного выражения или применяющих усложненные формы чисто литературного выражения. Так, Л. Л. Кутина (400) отмечает широкое употребление сущ. *вои* в Повестях Смутного времени, О. Г. Порохова (124) — в Сибирских летописях. Но Л. Л. Кутина, отмечая широкое употребление слова *вои* (*воинъ*) в повестях, вместе с тем замечает, что слово это уже не является специально терминологическим обозначением военнослужащего (военнослужащих), оно детерминологизируется. XVI век можно считать началом перехода термина *вои* (*воинъ*) из обычных средств выражения военных понятий (слово практического языка) в категорию слов, характеризующую своеобразной эмоционально-экспрессивной выразительностью, особыми условиями употребления. Слово начинает употребляться в возвышенно-приподнятых контекстах, обозначая преимущественно воинов своей армии. Ср. употребления этого слова в таких литературных памятниках, как Хронография С. Кубасова: «Иные многие вои царствующего града Москвы, кои не восхотѣша на такое злое начинаніе» (291, XVII в.). А также: Прол. ст. печ., 1643, л. 849; Систима, 129, и др. Таковы особенности употребления этого слова и в современном русском литературном языке. Ср. характеристику этого слова в 4-томном «Словаре русского языка» (I, 195) как «высокое» слово.

Термином *вои* первоначально, по-видимому, обозначали только простых ратников, набираемых на время войны, похода и т. п. Затем развивается обобщенное наименование всякого ратника, «военнослужащего». Вместе с этим протекает процесс перехода слова из нейтральных средств выражения военных понятий в стилистически (эмоционально-экспрессивно) характеризующие средства выражения. Так, утрачивая терминологически специальные характеристики и качества, слово *вои* становится к XVI в. стилистически маркированным словом, употреблявшимся в строго определенных жанрах литературы или со специальной целью вводимым в произведения самого широкого жанрово-стилистического

диапазона. Ср., например, употребление слова в Никоновской летописи: «Старець же Романъ корабленными вои обладаа, видѣ кланящесе царство сѣмо и овамо» (Ник., IX, 26). Устаревшим в общем языке считает слово О. Г. Порохова (124), хотя слово *воинъ*, по-видимому, употреблялось в нейтральных контекстах. Наши материалы этого не подтверждают.

Воинство (*воиньство*). Слово старославянского языка и по формальной принадлежности и по преимущественному употреблению его в определенного рода контекстах религиозно-нравственного, риторического и тому подобного содержания. Самое раннее употребление слова относится ко второй половине XI в., пример на это употребление в «Изборнике Святослава» 1073 г. приводится в «Материалах» И. И. Срезневского: «И все воиньство прѣдѣстояште одеснуѣ». Два других употребления слова, приведенные у И. И. Срезневского, аналогичны и ничего нового не дают для понимания значения или стилистической характеристики слова. Мы не располагаем ни одним случаем употребления слова *воинство* (*воиньство*) в контекстах, не связанных с традицией церковно-религиозной литературы. Встретившиеся в 4-й Новгородской летописи случаи употребления слова относятся к XIV—XVI вв. и не содержат ничего нового ни в семантическом отношении, ни в стилистическом плане, ни в условиях и особенностях функционирования его в языке: «Ту премудри пророкъ полци; тоу судья апостольского числа; ту бесчислены мученикъ воинства» (Н. IV, 6897, 366, 243; Житие Дмитрия Донского); «И на всемъ вашемъ христовомъ воинстве мирно да будетъ» (Н. IV, 6988, 523, 379); «Церкви православныя велми честно велѣли держати всему своему воинству» (Н. IV, 7043, 508, 433). Свободно и широко в религиозно-учительных контекстах употребляется воинство в АИ (1552, № 160, № 159) и других памятниках.

Такое же положение наблюдается и в условиях функционирования слова в значении 'война', 'битва', 'сражение'. «Подаруи же ему, Господи, на бранехъ противу иноверныхъ и крѣпость въ воинствѣ и одолѣние на враги» (АЮБ, I, 1680, д. 87, 569). Ср. также: «Имѣеть въ рукахъ силу и власть не постижну и храбрость особную въ воинствѣ» (Рим. имп., д. 1, 1518, 366); «Людіе воинствомъ разхищени быша» (Курб. пис., 17—18). Это значение старое. Оно отмечается в памятниках (переводных), относящихся к самым ранним этапам русской письменности. «... мужа «отъ юности и до старости въ воинствѣ живуща» (Иос. Флав. О полон. Иерус., I, 206); «Воевода воеводства чюжъ или воинъ воинства чюжъ» (П. I, 6979); «Иніе въ вѣинстве ходять» (Сл. похв. Фомы, 18); «И пребывъ въ воинствѣ немного время, вся же преобидѣвъ» (ВМЧ, окт., 4—18). Здесь, по-видимому, *воинство* обозначает не 'войну' только, но и 'военную службу'. В XIV—XVI вв. появляются, правда единичные, случаи употребления слова в необычных для него контекстах: «Тогда целовавъ брата своего и вся оставши его воеводы

и воинство, и нача ѿздити по побоищу» (Н. IV, 6888, 487); «Князь велики Иванъ и братъ великого князя Андрѣи Меншии стаха на Угре противу царя со многимъ воинствомъ» (Н. IV, 6989, 523, 380).

Обычно сущ. *воинство* в значении 'ратъ', 'войско' в совершенно нейтральных контекстах в Никоновской летописи: «А воинство все князя Ярославца разидошася кождо восвоюси» (Ник., 6631, 152); «...погна въ слѣдъ ихъ съ вѣмъ воинствомъ своимъ» (Ник., 6685). Также: Ник., 6685; Ник. 6712, и др.

Такое положение в Никоновской летописи не будет представляться случайным, если учесть характер этого памятника. Эта летопись, как известно, создавалась в эпоху усиления внимания к стилистической манере старой летописи, к канонам старых боевых повестей, в эпоху, когда русский язык испытывает сильное влияние языка и стиля церковной литературы Макарьевской поры, в эпоху нарочитой торжественности и пышности слога произведений. Не случайно, что в «Истории» Курбского сущ. *воинство* в значении 'войско' обычно (однако все же более обычно, нейтрально *войско*). *Воинство* призывается Курбским в специальных целях: для создания определенной тональности высказывания. «Сопротивъ сопостатовъ возмогша воинство христіанское» (Курб. Ист., 12). Но всегда, когда необходимо было указать точно состав вооруженной силы, ее характер и особенности, Курбский прибегал только к термину *войско*. Так: *конное войско* (17), *пѣшее войско* (29), *легкое войско* (70) и т. д. Для обозначения военных понятий в реальных условиях и обстоятельствах он употреблял прекрасно знакомые ему термины практического военного языка. Ср. также тот факт, что в «Казанском летописце», литературном памятнике, выдержанном в высоком стиле, отличающимся сильно славянизированным языком, обнаруживающим связи со старыми традициями исторической беллетристики, слово *воинство* в значении 'войско' также употребительно (А. К. Абдульманова). На широкое употребление слова *воинство* в значении 'войско' как чисто «литературное явление» в Повестях Смутного времени указывает и Л. Л. Кутина (401). Причем слово употребляется в Повестях применительно как к русскому войску, так и к вражескому. Тут же Л. Л. Кутина отмечает, что, по ее наблюдениям, слово *воинство* совершенно отсутствует в деловой воинской письменности. Этот вывод не изменяется при рассмотрении и дополнительных материалов. Зато официальная письменность торжественного, высокого стиля (церковная и связанная с нею литература) знает, как правило, устойчивый штамп для обозначения войска — *христолюбивое воинство*. Так закрепляется и окончательно устанавливается стилистическая приуроченность слова *воинство*. К такому же выводу приходит и О. Г. Порохова (124).

Воин(ь)скыи: «Посланъ бысть отъ государя великого князя Ивана Васильевича вѣя Руси с Москвы въ Великий Новгородъ

сынъ боярской, храбръ воинъ, Василен Михайловичъ Тучковъ на собрание воинского чину» (Н. IV, 7045, 576, 443). Этот пример из 4-й Новгородской летописи — второй по времени в древнерусской письменности. В «Материалах» И. И. Срезневского имеется цитата на это слово, извлеченная из памятника другого, чем летопись, жанра, а именно из «Жития Феодосия Печерского» Нестора 1093 г. по списку XII в. Московского Успенского собора: «И се вълезе свѣтъль отрокъ въ воиньстѣ одении». Как можно убедиться из этих контекстов, прил. *воин(ъ)скыи* по своему значению связано с сущ. *воинъ*, от которого оно и образовано. Значение это можно сформулировать как 'относящийся к воину'. Ограниченное число употреблений слова свидетельствует о малой употребительности его в общенародном языке. Это слово не стоит особняком в ряду подобных лексем гнезда с корнем *вои*. Ср., например, судьбу в древнерусском языке таких прилагательных, как *воинный*, *воинныйй*, *воиничьскыи*. Непширокая употребительность этих прилагательных, преимущественное их употребление в памятниках определенного жанра или в контекстах определенного содержания непосредственным образом связаны с характером значения и функционирования термина *воинъ*.

Позднее, видимо не раньше XVI в., в прил. *воинский* развивается новое значение, связанное семантически со словом *война*, это значение можно определить как 'военный, относящийся к войне'. Но это уже можно считать омонимом к первому прилагательному. «И тѣ люди задержаны были въ нашемъ государствѣ для воинского времени» (Рим. имп., д. 1, 1589); «. . . а не умѣючи въиньского дѣла» (Ник., 1536, XIII, 106—107); «Воинское дѣло: . . .» (Пам. дипл. М. г., III, 1569); «. . . воинскимъ и воровскимъ обычаемъ» (СГГД, I, 1613; Утв. гр. Мих. Фед.); «Англичане на море великіе воинскіе промышленники» (Косм., 1620, 327); «Нарядъ воинской, порохъ и кульки и всякій запасъ воинский, также и знамена, пищаи и ружья, конское и пѣшее все оставить въ таборахъ» (АМГ, III, 1660, 250); «Королевна де тѣ два корабля воинские послала» (Пам. дипл. М. г., II, 1582).

Особенно широкое употребление в XVI—XVII вв. получает составной термин *воинские люди*. В XVI—XVII вв. сочетание *воинские люди* употребляется в абсолютном большинстве случаев в значении 'войско', 'вооруженные силы' только по отношению к противнику русского государства и именно к противнику, педущему войну против русских или готовящемуся к нападению, к набегу и т. п. «Шахъ де Астарахани не возьметъ и людей воинскихъ въ Астараханъ не пришлетъ» (АИ, III, № 248, 1614, 412); «Чтобы надъ городомъ и надъ острогомъ и надъ слободами, и надъ Татарскими юрты, Нагайскіе и Азовскіе и Крымскіе и иные всякіе воинскіе люди, и воровскіе казаки, пришедъ безвѣстно, какого дурна не учинили» (АИ, III, № 134, 1625, 212). Это особенно ясно заметно в таком примере, как: «И мы бы де съ Госу-

даревыми ратными людьми, шли подъ Асторохань . . . и Шаховыхъ бы де людей воинскихъ на бусахъ съ запасы съ моря въ Астарахань не пропустили» (АИ, III, 248, 1614, 413). Значение этого сочетания (*воинские люди*) может быть, таким образом, истолковано как 'вооруженные силы (люди), ведущие борьбу (войну) против кого-либо, нападающие на кого-либо'. «Какъ у Короля и у Королевича соймъ былъ, и о чемъ, и что на соймѣ приговорили, и война у нихъ с Турскимъ и съ Крымскимъ царемъ . . . есть ли, и . . . въ которыхъ мѣстѣхъ воинскіе люди стоятъ, подъ которыми города, и бои межъ ими бывалиль» (АИ, III, № 116, 1622, 171).

В Актах исторических удалось найти всего лишь один случай употребления в XVI в. сочетания *воинские люди* в применении к русским вооруженным силам. Однако употребление это относится к невоенной среде. Оно встретилось в Послании Митрополита Макария в Свияжск, к царскому войску: «Княземъ, и бояромъ, и воеводамъ, и детѣмъ боярскимъ, всѣмъ воинскимъ людемъ и всему христоименитому народу» (АИ, I, 1552, № 159, 287). Да и сам по себе единичный факт — тоже довольно красноречивое свидетельство неупотребительности слова в этом значении. Правда, в письменности неделового жанра, где точностью выражения нередко жертвуют ради литературно-художественной изобразительности, встречаются случаи употребления сочетания *воинские люди* в отношении ратных людей своего государства. Это делается ради создания приподнятости, торжественности изложения. Так, Л. Л. Кутина указывает на подобные употребления в Повестях Смутного времени: «[Мишин] изыскуеть во градѣ людей воинскихъ, которые избыша отъ посѣчения иноплеменныхъ» (Катырев, 613); «Воскликнуша въ полцѣхъ воинские люди Рязанцы» (Сказание о Григории Отрепьеве, 729). Это уже факт отступления от терминологического употребления. Может быть, этим и объясняется то, что сочетание *воинские люди* малоупотребительно в этих повестях. Связь значения прилагательного со значением производящего существительного война (не *воинъ*!) легко ощущается, и это, пожалуй, предопределяет в большей мере характер функционирования словосочетаний *воинские люди*. Даже русские люди, выступающие против государственной власти (против царя — в «смутное время»), называются «воинскими людьми»: «А хотять, събрався съ воинскими людьми нашего государства, надъ Архангельскимъ городомъ и надъ Соловецкимъ монастыремъ, своимъ злхитрымъ умысломъ, промышляти; а напередъ себя, для лазучества и оману, прислалъ въ наше государство своихъ советниковъ» (АИ, III, 1613, № 6, 5. Царская грамота князьямъ Фионмаркону и Руляку). Надо заметить, что значение прил. *воинский* (*воинские*) было устойчивым и свободным, фразеологически не связанным, хотя по всей вероятности возникло и развилось в составе устойчивого терминологического сочетания. Затем именно прилагательное перетянуло на себя семантический центр, стало

основным в сочетании и получило возможность свободного употребления.

Ср., например, такое употребление прил. *воиньский* в сочетании *воинские татары*: «...а город гдѣри украинном, а служба безоупокоиная а на город гдѣри дорога лежит посолская и приходы от воинских тотар живут частые и намъ холопом вашим хлѣбца упахат не дадут завсягды от воинских тотар сидим в осаде» (Из челобитной валуйских стрельцов и казаков 1633 г. Сев. стлб., 94, лл. 223, 226).²⁰ Этот пример с достаточной ясностью и определенностью свидетельствует о том, что прил. *воинский* (*воинские*) связано семантически прежде всего со словом *война*, а не *воинъ*. Отсюда становится понятным специализация значения сочетания *воинские люди* — как 'вооруженные силы (противника), напавшие на кого-либо (преимущественно на страну, родную для автора)', т. е. те, кто начал или ведет войну против страны. О свободном употреблении прил. *воинский* свидетельствуют приведенные выше примеры, в которых оно сочетается с самыми различными существительными, обозначающими явления, относящиеся к сфере военной деятельности.

В памятниках дипломатических сношений встретилось употребление прилагательного в необычном значении, не отмеченном, по нашим наблюдениям, больше ни в одном памятнике: «Государь воинской и сильной можетъ отъ турецкого салтана . . . оборонѣ держати», где *воинский* употреблено в значении 'воинственный; сильный в военном отношении'. Это значение нельзя считать сколько-нибудь устойчивым для русского языка, ибо суффикс *-ск* в русском языке не образует прилагательных с качественным значением. По крайней мере мы не располагаем материалами, позволяющими говорить об употреблении в живом разговорном или письменном языке этого прилагательного.

Со значением качественной характеристики война или страны, войска (с точки зрения воинской доблести, воинского умения и т. п.) употреблялось и живо сейчас в русском языке другое прилагательное — *воинственный*. Это слово, не зафиксированное в «Материалах» И. И. Срезневского, было, однако, известно древнерусскому языку, хотя и не принадлежало к практическому языку военных, не было терминологичным даже в том объеме, в каком были терминологичны в древнерусском языке прил. *воинский* и *ратный*. В переводных памятниках и в оригинальной письменности прил. *воинственный* отмечается со значением 'воинский', 'военный': «воинственными чинами» (ВМЧ, дек., 649); «воинственного украшения» (ВМЧ, окт., 29—31); «Мой милостивый государь съ своимъ воинственнымъ чиномъ» (Пам. дипл. сн. М. г. с нем. ордевом, 1518); *воиньственіи же людіе* (Степ. кн., 591). Но такое образование с относительным значением не было закономерным для

²⁰ Цит. по: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1953.

русского языка. Поэтому оно, не выдержав конкуренции со стороны прил. *воинский*, было вытеснено из живого употребления. В нем рано развилось значение качественное, соответствующее современному значению этого слова 'склонный к войне', 'любящий воевать': «Сїи же вся брани замышляху на Царьградъ: бѣ же зѣло премудри и воинствени» (Ник., 6712, 1). Но в той же летописи встречается употребление прилагательного и в первом, относительном значении: «Всеволодъ . . . со всеми силами своими поиде ко Оку рѣцѣ, и пришедъ ста шатры . . . на брезѣ и по лугомъ, и бѣ сила воинственная много зѣло» (Ник. 6716, 1, 55).

Со специальным заданием прилагательное в этом значении употребляется и в памятнике XVII в.: «Мнози тогда сущи въ воинственныхъ народа Прокопия ради опечалишася» (Хронограф, иное сказание, 126). Приведя этот пример, Л. Л. Кутина заключает, что прил. *воинственный* является сугубо литературным и индивидуальным образованием. Об индивидуальном словообразовании, как показано выше, говорить нет никаких оснований, что же касается второго утверждения — о том, что слово *воинственный* является достоянием литературно-художественной сферы употребления, а не профессионального языка военных, — то его следует признать справедливым. Причем это относится не только к первому, более древнему значению, но и ко всему слову. Ситуации, в которых употребляется прилагательное, содержание контекстов, состав фразового окружения, характер памятников с достаточной убедительностью свидетельствуют об этом.

Войско. Одно из наиболее ранних употреблений сущ. *войско*, приведенное в «Материалах» И. И. Срезневского, относится к 6496 г.: «Припжсти войско къ граду» (Переясл., 6496); «В 4 же день приспѣ тогда Родионъ Нестеровичъ с войскомъ своимъ» (Н. IV, 6845, 479).

Уже тогда *войско* обозначало всякую вооруженную силу. Ср.: «И идоша [посланцы Родиона] ношю в градъ Переяславль сквозе полки Тверския и ска[за]ша великому князю, яко Родионъ приспе на помощь и ста оу града за 5 верстъ, а с нимъ его дворъ, а иного войска мало» (Н. IV, 6845, 479). Учитывая, что Летописец Переяславля Суздальского и 4-я Новгородская летопись — памятники позднего происхождения, можно считать приведенные употребления термина *войско* поздним вкладом переписчика. Видимо, ранее XV в. нельзя говорить об его функционировании в русском языке. В XV—XVI вв. значительно активизируется употребление этого термина. Ср. отмечаемые неоднократно случаи употребления его в Псковской 1-й летописи (6971 г.); а также: Швед. д., 1556; Пам. дипл. М. г., III, 1569; Н. IV, 7036, 543, 402; Ник., 7036; Соф. вр., 1485, и др. Особенно широко представлено сущ. *войско* в «Мамаевом побоище»: «А то многое богатство московское все въ твои руки да будетъ и твоему великому войску въ потребу» (М., 15); «Нѣсть бо достойна такового войска [ни] при

насъ, ни прежь насъ, [ни] по насъ, подобни бо суть македонскому войску: Господь своею силою въоружи ихъ» (М., 36). Это существительное обычно у Курбского в «Истории»: «... иде же царь христіанскій лежалъ съ войскомъ» (Курб. Ист., 14).

В XVII в. для обобщенного обозначения вооруженной силы начинает употребляться преимущественно именно этот термин, sporadически употреблявшийся в более ранние эпохи истории русского языка: «И они бѣ . . . шли въ походъ со всѣмъ войскомъ» (АИ, III, № 249, 1614); «Донскіе низовые атаманы, Смашка Стефановъ да Пишка Радиловъ, и всѣ атаманы и казаки, и все войско, отъ Низу и до Верху челомъ бьютъ» (АИ, III, № 22, 1614, 22); «Прибѣжалъ де къ нимъ изъ Казачьа изъ Волского войска Астраханской конной стрѣлецъ Микитка Губаревъ» (АИ, III, № 18, 1614, 17). *Войско* начинает употребляться в таких же сочетаниях, в каких в ранние периоды истории языка употреблялся термин *ратъ*: *итти съ войскомъ*, *итти войскомъ*: «Итти съ великимъ войскомъ воеводѣ Вилинскому, гетману наивысшему Великого княжества Литовского Яну Каралю Хоткевичю, съ иными съ воеводами, полковниками и съ рыцарствомъ нашимъ» (АИ, III, 72, 1616, 68); «... Воровъ Маринку съ выблядкомъ и Ивашку Заруцкого поимали: и вы бѣ войскомъ къ намъ, въ Астрахань, не ходили» (АИ, III, № 39, 1614, 36); «И я . . . послалъ за вормъ за Ивашкомъ Заруцкимъ въ погоню Астороханскихъ служилыхъ людей и Терское войско всѣхъ ратныхъ людей, а съ ними послалъ его Гришку» (АИ, III, 15, 1614, 15). Такая же картина наблюдается в памятниках, собранных в «Актах Московского государства».

Термин широко употребляется в произведениях самого различного характера и направления. Так, например, Л. Л. Кутина (405) отмечает, что это слово в указанном значении наиболее часто (из целого ряда синонимов) употребляется в Повестях Смутного времени; О. Г. Порохова (123) говорит то же самое относительно Сибирских летописей. Нет сомнения в том, что в XVII в. термин *войско* берет на себя функции обобщающего термина рассматриваемой лексико-семантической группы. Он становится нейтральным в стилистическом и эмоционально-экспрессивном отношении обозначением вооруженных сил в широком смысле этого понятия. Этому способствовало, видимо, то обстоятельство, что *войско* в отличие от других синонимов (*полкъ*, *ратъ*) было однозначным словом. В первом своеобразном воинском уставе — «Учении и хитрости ратного строения пехотныхъ людей» *войско* — наиболее предпочтительный термин для обозначения совокупности вооруженных сил: «Оу полѣвого войска сіа три генералныа начальника» (Уч., I, 1). Это приводит к изменениям в семантике и условиях функционирования в русском языке терминов *ратъ*, *полкъ* и других, о чем говорилось выше. Укрепление позиций слова *войско* в качестве опорного (стержневого) термина лексико-семантической группы вызывает к жизни ряд словообразовательных дериватов —

относительных прилагательных, между которыми также происходит борьба за утверждение в языке. В Азовских повестях широко употребительно субстантивированное прил. *войское* в значении 'войско': «И тотъ атаманъ Михайло Ивановъ съ всѣми великимъ доскимъ войскимъ» (Аз. п., 54); «И повелѣли паши турецкие своему войскому и всѣмъ полкамъ своимъ выступить» (там же, 193); «Почали смекать у себя свое войское бусурманское» (там же, 194) и др. Встретилась эта форма и в ДАИ (VII, 1676; 24): «И какъ де онъ послышалъ, что идутъ на него Рускіе люди войское изъ города челоуѣкъ съ двѣсти. . .».²¹ Подобное употребление отмечено даже в памятнике XVIII в. — в «Приемах циркуля»: «Потребно есть генераломъ, . . . баталіі учредати і войское порядочно во становищахъ ставити» (Приемы циркуля, 9, 1709 г.).

Наряду с формой среднего рода в переводных памятниках религиозного содержания употреблялась и форма женского рода *войска, войская*. У И. И. Срезневского в этих формах отмечено только одно значение — 'война' с примером из «Златоструя» (XII в., В.) и из Хроники Иоанна Малалы (183). Но в памятниках такого же характера это слово выступает и со значением 'войско': «Нападоша и повоеваше съ крѣпкою силою и смесивпеса с войскою Сарданапаловую» (Хр. 1512); «. . . и собраше силну войску» (там же).

Форма женского рода не вышла за пределы круга переводных памятников церковнославянской письменности, да и форма среднего рода *войское* также не получила широкого распространения. Каковы причины этого? Они лежат прежде всего в том, что ко времени вхождения в русский язык этих словоформ в нем уже давно имелось однокоренное с ними слово, выражавшее то же понятие, что и эти словоформы (*войско*), больше того — ко времени появления этих словоформ *войско* становится из рядовых синонимов (редко употребляемых в письменном языке) основным термином синонимического ряда. Надо принимать также во внимание и то, что *войское, войская (войска)*, так же как и *войско*, не что иное как субстантивированное прилагательное от *воиский*, довольно широко представленного в древнерусской письменности со значениями 'восный', 'воинский' и 'воинственный' (см. примеры в «Материалах» И. И. Срезневского). К ним можно прибавить далеко не единичные случаи употребления из памятников более позднего времени, вплоть до XVII в. включительно: «Король Литовскій собра ему довольно воискія силы» (Смутн. врем. Иное сказание, 26); «В войское время поставили шанцы на половине нашей сторонѣ» (Поруб. д., 1662, 56 об.). Употреблялось даже сочетание *воиские люди* в значении 'ратные люди', 'воинские люди' (Иное сказание,

²¹ См. также об этом слове: Дж. А. Г а р б я в. Из истории русской лексики. О военной лексике Азовских повестей. Уч. зап. Ереванского русского пед. инст., т. 6, 1956, стр. 284 и след.

32). «[Приде] къ воискымъ женамъ, сказаща имъ, кои побиты» (М., 49). Обычно это прилагательное в языке фольклорных произведений: «Увидела девица Силу войскую» (Соболевский, ВНП, т. I); «А только я похвалился итти на силу войскую» (Марков, 69). В этих и подобных им употреблениях прил. *воиский* выступает в качестве синонима прил. *ратный*. Процессы, наблюдаемые здесь, аналогичны: *ратный* (*ратные*) в субстантивированном употреблении обозначало 'военный человек' ↔ 'противник'; соответственно с этим и прил. *войское*, употребляясь субстантивированно, обозначало 'противника' — 'воинских людей противной стороны'. Ср.: «Убило на Заваличьи стрѣлка громомъ отъ войскихъ» (П. I, 7068, 312).

Разница между *ратный* и *воиский* в этом отношении лежала только в широте употребления одного (*ратный*) и в сравнительно ограниченном употреблении другого (*воиский*). Средний род сущ. *войско* уже в древности завоевал себе право быть названием 'вооруженной силы', 'рати', и русский язык получил его в наследство от общеславянского языка. Что касается форм *войское*, *войская* (*войска*), то они возникли позднее; на русской почве они встретили по своему появлению конкуренцию со стороны *войско*.²²

Войство — 'войско', 'воинство'. У И. И. Срезневского пример из Хронографа XV в. (Рум., 765) — «О воиствѣ Турковъ». В картотеке ДРС имеются материалы, относящиеся к XVI—XVII вв., правда, они ограничиваются двумя случаями на употребление этой словоформы: «Тако и о твоємъ государевѣ войствѣ философи пишут, что введешь въ царство великую правду» (Сказ. о Петре Волос. воеводе, XVI. 32); «Еустафий собралъ войство . . . и видѣвъ яко еще мало войска того дѣля повелѣ юношей достойныхъ приправлять» (РД, 311, XVII в.) Эта форма также не могла конкурировать с уже утвердившейся формой *войско* с давнишней традицией употребления. *Воиство* можно считать вариантом слова *воинство*; сфера употребления его та же — не деловая воинская

²² Термин *войско* общеславянский, он известен: болг. *войска* (ж. р.), серб.-хорв. *bójska*, сербск. церк.-сл. *воиска*, словен. *vójska*, чеш. *vojsko*, польск. *wojsko*; по Фасмеру, восходит к праславянскому **vojьsko*, связан с *воин*, *война* (I, 335). Слово *войско* переживало одинаковые судьбы во всех восточнославянских языках. К XVI в. относится укрепление позиций термина в качестве наиболее обычного общего наименования вооруженных сил в украинских памятниках: «войско литовское» (Кул., Мат., I, 64, 1595 г.); «Григоріа Гуляницкій, полковник Нѣжинскій и всѣго Сѣвера войска его царского величества Запорозкого» (Ак. мон. зем. 55, 1656 г.). Воинские силы запорожских казаков носили наименование *войско*. В «Синониме славянорусской» *войско* считается синонимом словам *полкъ*, *полчище* и заимствованному из польского *гуфъ*: «гуфъ або войско — полк, полчище». Что касается прил. *воиский*, то на украинской почве оно употреблялось для обозначения одного из воинских чинов. Судя по тому, что *wojski* наличествовало в польском языке в значении 'войский', 'опекун жен и детей шляхты в военное время', можно считать, что в украинские документы оно попало из польского языка. Впрочем, и функционирование слова *войско* в украинском нельзя рассматривать вне связи с польским влиянием.

письменность, а литературно-художественные произведения с их нарочито торжественным, до некоторой степени искусственным языком. *Воиство* еще менее употребительно, чем *воинство*. Оно никогда не входило в активный словарный запас русского языка, не представляло элемента практического словаря военных. Такова же судьба и словоформы *воинско* в значении 'воинство', 'военные силы', отмеченной в Азовских повестях (226).

Войсковой. Прилагательное, образованное от *войско*. Его употребления падают на конец первой и вторую половину XVII в., когда сущ. *войско* укрепляет свои позиции в качестве опорного термина в кругу названий 'войска вообще': «И что я, холопъ твой Обакумко, станичный атаманишко, и онъ Наумъ тожъ станичной атаманъ, а не войсковой, а то онъ Наумъ былъ войсковой атаманъ до Азовской осады» (Донск. дела, 1642, 2, 313); «воисковая изба» (ДАИ, XI, 1684) и др. Это собственно русское образование, появившееся в языке не ранее XVII в., причем на первых порах прилагательное употреблялось только в составе терминологических сочетаний *войсковой атаман*, *войсковая изба* и др., а затем уже развивает возможности свободного употребления в качестве относительного прилагательного к *войско*. В лексикографических трудах слово фиксируется поздно — впервые оно приведено в словаре Нордстета.²³

Чтобы полнее представить картину функционирования в древне- и старорусском языках слов анализируемой группы, приведем образования от *воинъ*, которые, хотя и не входили в состав практического военного языка, тем не менее в какой-то мере влияли на взаимоотношения, в которые вступали между собой другие члены группы.

Воинный (*воинный*). Одно из наиболее ранних употреблений относится к XIV в. (пример из Чин. Новг. XIV в. приведен в «Материалах» И. И. Срезневского). Отдельные случаи употребления зафиксированы также в XVI и XVII вв.: «И зиму посылали есмо бога свои и воеводъ з воинными людьми» (Речь Московского гонца перед радой вел. кн. Литовского. Спис. 1575, 159); «...iproическимъ воиннымъ поведепиямъ» (Пис. д-ра Постникова Петру Великому, 15 дек., 1696 г.). Все примеры указывают на необычный характер употребления прилагательного. Контексты говорят о нарочитой приподнятости, торжественности высказывания. Ср. также условия и особенности употребления прил. *воинный*: «Воинныхъ жены» (Ефр. Крмч., Вас., 36).

К XVI в. относится и формирование прил. *военный* в самом широком значении, которое позволяет сопоставлять его со зна-

²³ Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом, ч. I. СПб., 1870. В украинских памятниках XVII в. также отмечаются употребления прил. *воисковий*, и так же как и в русском, вначале в составе терминологического наименования: «писарь войсковий» (Мат. коз. зем., 10, 1630 г.).

чением прилагательного в современном литературном языке. Все примеры из XVI в. относятся к «Истории» Курбского: ²⁴ «...Побито люду бусурманского военного» (28); «Приидохъ къ тому достоинству не туне; но по степенямъ военнымъ вздохъ» (20); «И тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ ко всему искусныхъ» (11); «За Волгою осталось едва пять тысящей военныхъ людей» (63). Курбский правильно подметил тенденцию в развитии военной лексики, обозначающей общее понятие о войне, военных действиях. Именно в XVI в. заметно усиление позиций слова *война* и ослабление по ряду причин, отмеченных выше, позиций других слов группы. Это приводит к тому, что слово, становящееся наиболее употребительным для обозначения понятия 'война' (сущ. *война*), занимая место опорного термина в группе, дает словообразовательный дериват — *военный* со значениями: 1) относящийся к войне; 2) принадлежащий к среде военных (ратных) людей; служащий для ведения войны, т. е. прилагательное, полностью поглощающее сумму значений древнего *ратный*, отходящего в ряде значений на второй план. Но, видимо, это новое прилагательное, придя в язык, когда в нем уже функционировали однокоренные с ним образования *воинский*, *воинственный*, *воинный*, *воиничкий*, *воинический* и другие, а также прил. *ратный* и другие, из которых некоторые были общепринятыми терминами, широкоупотребительными в практическом военном и общем языке, не сразу и не легко завоевало себе место под солнцем. У нас нет других примеров из XVI или XVII в. на употребление этого прилагательного. Не отмечали его и другие исследователи. Первым словарем, зафиксировавшим его, был Лексикон 1762 г. Характерно, что в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей», довольно широко включившем в свой состав именно новую терминологию военного дела, не встретилось ни одного случая употребления прил. *военный* при многочисленных употреблениях *ратный* и *воинский*.²⁵

²⁴ Форма *военный* может быть объяснена и как фонетический вариант более древней формы — *воинныи* (*воѣнныи* — *воинныи* > *военный*), тогда появление *военный* надо отнести к XIII в., когда в русском языке происходили такие фонетические процессы. Однако более убедительным и приемлемым представляется толкование формы *военныи* как образованной по соответствующей словообразовательной модели.

²⁵ Прил. *военный* широко употреблялось в украинской письменности XVI—XVII вв., причем объем значения слова в украинском языке был шире, чем в русском. Кроме относительного значения прил. *военный* в украинском имело знач. 'храбрый' (Синонима славенорусская, 103). «Стефанъ Батура... праве быть человекъ побожный, рыцерскій, военный» (Кул. Мат., I, 49, 1576 г.). Наиболее ранние употребления прилагательного в украинских памятниках относятся к первой трети XV в., следовательно, документируются более ранними источниками, чем в русской письменности: «А онъ намъ маєт посполу зывшою шляхтою, князи, паны и земляны нашими службу военную отпращовать» (Юго-зап. гр., 1438, 76).

Не получили широкого распространения в древнерусском языке такие прилагательные, как: *воиничкий* 'воинский': «Аще насть пошли напередъ не послоушно есть вѣси бо ты воиничкий чинъ на ратехъ ѿбычаи ти есть . . . изиди самъ напередъ» (И., 6764, 831, 278); *воиничьскій* от *воиникъ* (И. И. Срезневский, Пример из: Цар., З. Х., 25 по сп. 1538 г. В.); *воинстый* (Книж. о покор. Кит., 205 об.); *воиничь*, *воиничень* (от *воиникъ*) (Ник., IX, 32; Хр., 1512); *воиньный* (Чин. Новг. XIV в.); *воинный* (Ефр. крмч., Вас., 36). Они не вышли за рамки употребления, ограниченные определенным жанром письменности, да и там они не составляли активно действующего словаря.

Народно-поэтическим элементом следует считать прилагательное *воистый*, отмеченное в Сибирских летописях: «Сибирская страна богата и всѣмъ изобильна, и живущіи люди в ней не воисты» (Ремез., 317). Эта же форма обычна в былинах. Подвысоцкий приводит ее в своем «Словаре областного архангельского наречия».²⁶ В фольклорных же произведениях зафиксировано сущ. *вой* в значении 'война': «А кто съ нами дѣвушки, а кто съ нами красные, На вой воевать» (Соболевский, ВНП, VII, 524); «Отѣзжаетъ мой милый на вой воевати, Меня покидаетъ, меня покидаетъ» (Соболевский, ВНП, IV, 43).

Завоенный 'военный': «И ужъ я взросъ да на катучемъ камешкѣ И к завоенному оружию воскормленъ» (Плач о холостом рекруте. Причитания северного края, II, 24—25).

Ополчение. Термин, принадлежащий церковнославянской стилистике, и к XVII в. не вышел за рамки религиозно-нравственных контекстов. В «Материалах» И. И. Срезневского это слово приводится в трех значениях: 1) 'вооружение': «Ополчѣныя брани» (Ефр. Сир., XIII в.); 2) 'войско', 'силы': «Дѣмоньската опълчѣния славно побѣжь» (Мин., 1097, 148); «Вельиѣ есть зѣло опълчѣние юго (*παρεμβολή*)» (Панд. Ант., XI в., 63, Амф.); 3) 'война', 'брань', 'нападение': «Ти оубо слышаще стии мѣщи на ополчение врагу подвизашася» (Пал. XIV в.). Редкие случаи употребления термина во втором и третьем значении, известные по летописям, также связаны с религиозно-учительными контекстами: «Тако Божию благодатию, в часѣ временѣ Новгородци обратиша лица своя назадъ, мечюще оружие своя на землю, и вдаша своя плеча лукавого ополчения и побегоша воспятъ» (Н. IV, 6979, 509, 361). Ср. с этим примеры на употребление термина *ополчение* в памятниках XVII в.: «А еще случится кому нынѣ отъ православныхъ християнъ, на томъ вашемъ Царьскомъ ополчении . . . до смѣрти пострадати . . . ихже Христось искупи отъ мучительства честною своею кровію» (АИ, I, № 160, 1552, 294); «Просимъ неизреченныхъ щедротъ великія его милости, еже о пособленіи и укрѣпленіи

²⁶ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

твоего на нихъ Царьского благородного ополченія и всего вашего христолюбиваго воинства» (АИ, I, № 160, 1552, 291).

Но именно на границе XVI—XVII вв., по всей видимости, в условиях функционирования слова начинают намечаться определенные сдвиги и изменения, сопровождаемые одновременно происходящими изменениями в семантической стороне слова. *Ополчение* начинает терять ореол «высокости», книжности, вовлекаясь в обычные контексты делового военного языка. Так, оно является обычным в «Учении и хитрости ратного строения. . .», выступая там как в уже отмеченных значениях 'войско', 'война', 'сражение': «О ратной науке ѿполченїа» (Уч., 6), так и в значении 'строй', 'боевой порядок войск': «Как тебѣ ѿполченїе на четыре оуглы (строить)» (Уч., IV); «четвероугольное боевое ополченїе» (Уч., I) и др. В этом значении в памятнике особенно много употреблений слова наряду с термином *строй*. Эти изменения в характере функционирования слова происходят в пору зарождения элементов регулярной, постоянной армии, за которой закрепляются наименования *войско*, *рать*, *ратные люди* и т. п. В конце XVII в. кроме того, для выражения общего понятия о войске начинает употребляться заимствованное из французского или немецкого языка *армия* (фр. *armée*, нем. *Armee*). *Ополчение* в этих условиях начинает обозначать 'войско, собираемое в помощь регулярной армии (регулярному войску) путем добровольного набора пирокских народных масс'. Размежевание в значении этих слов произошло позже XVII в., но началось оно именно в начале XVII в. Обычно слово в Сибирских летописях (Порохова, 124).

Выше уже был случай отметить, что в XV—XVI вв. активизируется употребление прилагательного *ратный* в древнерусской письменности Севера. Характер функционирования слова, особенности его семантики в основном те же, что и в более ранние эпохи. Но уже письменность XV в. (можно без сомнения утверждать, что в устной речи это имело место уже в конце XIV в.) дает примеры необычного до сих пор употребления прилагательного *ратный* (*ратныи*) в сочетании с терминами *полкъ* и *сила*. Первое такое употребление относится к самому концу XIV в.: «Витовть . . . събра воя многы, вкупѣ же с нимъ съ единого и самъ царь Тахтамышь . . . и Литва. . ., и бысть ихъ сила ратнаа велика зѣло; и с всими сими полки, вооружився, поиде на царя Тем(ир)ъ Кутлюя, съ многими ратми ополчився, оустрѣмися на всю силу Татарскую» (Н. IV, 6907, 384, 254). Можно предположить, что прил. *ратныи* употребляется здесь в значении 'приготовившийся к битве', 'готовый к сражению', т. е. связано с основным значением слова *рать* 'войско'. Это же находим и в более поздних (последняя треть XV в.) употреблениях: «Приспеша к нимъ ратные полки да и вси силы Новгородские на реку на Шелону; и сташа вои, вооружившася на бои, противу себе» (Н. IV, 6979, 508, 360 об.); «Всюда бо везде у них ратнии полцы князя

пеликого ничимъ же неударжимо гоняху по всей земли и воеваху невозбранно» (Н. IV, 6979, 507, 359 об.). Такое употребление термина *ратный* в сочетании с *полкъ* и *сила* (в значении 'вооруженный отряд') стало возможным, надо предполагать, в результате взаимодействия причин двух родов — языковых и внеязыковых — социальных.

Эта черта должна быть связана прежде всего с языковыми канонами новгородской письменности; затем уже она была распространена на письменность Москвы, что легко объясняется теми процессами, которые наблюдались в кругу изучаемой лексико-семантической группы слов. Прил. *ратный* с древнейших времен было центральным словом в кругу синонимических средств для выражения тех или иных качеств, свойств военных сил, отрядов и т. д. К описываемому периоду конкурирующий термин *полкъ* теряет значение 'война', 'сражение', 'битва'. Это значение начинает выражать только *рать* (здесь не говорится о других лексемах с этим значением — 'война' и т. д.). Это значение термина *рать* поддерживало соответствующие значения в прилагательном *ратный*. Перейдя из Новгородского словоупотребления в деловой язык Москвы, прил. *ратный* в этом значении расширяло круг лексической сочетаемости, тем самым расширяя смысловой объем.

Широко употребительным в XVI—XVII вв. является составной термин *ратные люди* 'воины', 'военнослужащие', 'войско'. В противовес сочетанию *воинские люди*, обозначающему в XVI—XVII вв. вооруженные силы противника, сочетание *ратные люди* в этот период служит для названия русских военных сил: «А какъ де придуть подъ Асторохань Государевы ратные люди вскорѣ, и Нагайскіе де Щерсковы татаровя изъ Асторохани выбѣгутъ вонъ» (АИ, III, № 254, 1614, 422); «Лекарю Елизарью Роланту. . . для лечбъ ратныхъ людей, Государева жалованья дати что указано» (АИ, III, № 240, 1645, 398. Память из Приказа Казанского Дворца в Аптекарский Приказ). Это общее наименование включало в себя представителей различных иерархических ступеней военной организации: «А дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и стрѣлцомъ, и казакомъ, и всякимъ ратнымъ людемъ, сказали и сю нашу грамоту» (АИ, III, № 177, 1633—1634, 223); «И велѣти въ корованѣхъ посылати бережатыхъ ратныхъ людей стрелцовъ» (АИ, III, № 154, 1628—29, 262); «Вы бѣ однолично жили съ великимъ береженьемъ и со всѣми ратными людьми нѣ садѣ сидѣли надежно» (АИ, III, № 177, 1633—1634, 325). Однако это сочетание имело и более узкое значение, отражающее иерархическую дифференциацию людей, составляющих войско. *Ратные люди* как обозначение рядовых воинов: «Коли наши воеводы живутъ въ Темниковѣ, и ратные люди, и головы, и засѣтки, и они къ нимъ не высылаютъ ни по что» (АИ, III, № 92, 1620, 120). Для дифференциации служит и сочетание *ратные*

дворяне: «А съ нами Царьского Величества ратные дворяне и дѣти боярскіе» (АИ, III, № 268, 1614, 435).

Все это заставляет предполагать, что в конце XVI в. начинается процесс стилистической дифференциации в системе средств выражения военных понятий. *Ратные люди* все больше и больше начинают обрывать оттенки «высокости», торжественности, приподнятости и т. п. Один пример: «проведывати. . . про короля, и про королевича, и про пановъ ратныхъ и кто нынѣ гетманы, и про сборъ ратныхъ людей, гдѣ у нихъ в сборѣ ратные люди и многіе ль люди, и противъ кого стоятъ» (АИ, III, № 116, 1622, 171), где сочетание *ратные люди* может быть истолковано и как наименование 'военных сил вообще' безотносительно к тому, чьи они, не меняет положения, если учесть огромное количество примеров первого рода.

Весьма примечательно следующее употребление сочетаний *воинские люди* и *ратные люди*: «И мы бы де, съ Государевыми людьми, шли подъ Астараханъ . . . и Шаховыхъ бы де людей воинскихъ на бусахъ съ запасы съ моря въ Астараханъ не пропустили» (АИ, III, № 248, 1614, 413); «А будетъ гдѣ почаете воинскихъ людей, и вы бы, смотря по мордымъ, надъ воинскими людьми промышляли по нашему наказу съ великимъ раденьемъ, а ратныхъ бы есте людей по домамъ не отпускали, чтобы у вас ратные люди по наряду были всѣ сполна» (АИ, I, № 180, 1625, 196).

Обычны употребления этого прилагательного в других значениях, некогда также широко отраженных в русской письменности более ранних эпох. «И людей у нихъ въ проводники не емлютъ, опричь ратныхъ вѣстей» (АИ, III, № 104, 1621, 145); «Наши воеводы и всякіе ѣздоки въ ихъ монастырскихъ селѣхъ . . . не ставятся, ни подводъ ни кормовъ ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, опричь ратного дѣла» (АИ, III, № 104, 1621, 144. Жалованная несудимая грамота Вяжицкому монастырю); «Радѣли и промышляли о томъ всякими мѣрами, ратнымъ нахоженіемъ и нашею Государскою и иными великими Государи къ Свейскому королю ссылками . . . отъ такихъ золь свободити» (АИ, III, № 284, 1616—1617, 452).

Наконец, появляется новое сочетание *ратный бой*: «. . . для татинныхъ и разбойныхъ животовъ сыску, велѣлъ давать, гдѣ имъ по наказу надобно, розсылчиковъ, и пушкарей, и затинчиковъ, и посадскихъ людей . . . со всякимъ ратнымъ боемъ» (АИ, III, № 194, 349). В этой же грамоте — и второй аналогичный случай употребления сочетания *ратный бой*.²⁷

²⁷ Ср. в вятских говорах: *ратное побоище* (Зеленин, 1915). Значение 'воинственный' в прил. *ратный* прочно удерживается в народных говорах, обрстая в них переносно-метафорическими оттенками. Так, в вологодских и вятских говорах употребительно терминологическое сочетание *ратная червь* 'род гусеницы': «¹/₄ вершка длиной, белая с черной головкой, собираю-

Прилагательное к XVII в. становится наиболее употребительным из ряда синонимичных параллелей словом для обозначения отношения процессов и явлений к военной службе, к войне, воинской доблести и. д. Это характерно и для профессионального и для общего словоупотребления. Ср. «Учение и хитрость ратного строения»: *ратный чинъ*; *ратныя люди*; *ратные полковники*; *ратное войско*, *ратный строй*; *ратная пѣхотная мудрость*; *ратные рыцари*; *ратная наука*; *ратный человекъ*; *ратные промыслы*; *ратное дѣло*; *ратный воевода*; *ратные запасы* и др. Пределы сочетаемости прил. *ратный* к XVII в. необычайно расширились и могли ограничиваться только границами совмещения понятий реального мира. Нет сомнения в том, что этот переводный памятник отражал уже сложившиеся нормы словоупотребления живого русского языка XVII в.

В религиозно-нравоучительном контексте сохраняется употребление субстантивированного прилагательного *ратный* (мн. *ратные*) в значении 'противник', 'войско противной стороны, напавшее на русскую землю': «Наказа насъ всемилостивый богъ праведнымъ своимъ судомъ, . . . ово гладомъ и моромъ, ово межуособною бранью и нахождениемъ ратныхъ, также и ото окрестныхъ государей . . . войнами» (АИ, III, № 284, 1616, 451). Слово *ратные* несет на себе элемент архаизирующей приподнятости, торжественности, что подчеркивается также употреблением других слов в старославянской форме. Но эта архаизация проходила вне границ живого разговорного языка и его профессиональных ответов.

Наряду с этими сочетаниями для называния людей, несущих военную службу, в XVII в. употребляется *служилые люди* (*служилые люди*): «И съ того де бою Астороханскіе служилые и жилецкіе многіе люди сѣли въ острогѣ тысячи съ три» (АИ, III, № 30, 1614, 29); «Служилымъ людемъ велѣтъ быти въ цвѣтномъ же платьѣ съ ружьемъ» (АИ, III, № 135, 1625, 218). В семантическом отношении сочетание *служилые люди* отличалось от *ратныхъ людей* тем, что первое сочетание обозначало военнослужащих, профессионально занятых военной службой, исполняющих царскую (военную) службу, безотносительно к тому, вели они вооруженную борьбу (войну) или нет. *Ратные люди* и *воинские люди* обязательно предполагали момент участия в боевых действиях или в подготовке к ним. Последние два терминологических сочетания шире по своему объему, понятие, выражаемое ими, включает в себя понятие *служилые люди*. *Служилые люди* обычно составляли гарнизоны крепостей, несли караульную и

паяся массамя и ползающая в виде ленты, ратью» (Волог., Иваницкий, 1883—1889; вят., Зеленин, 1903); «она проходит насквозь камни и деревья. Ей приписывают дыры, с которыми находят камни на полях» (Волог., Потанин, 1899).

тому подобную службу: «А на Пелымѣ, господа, служивыхъ людей всего семдесятъ челоуѣкъ, дѣтей боярскихъ и Литвы и стрѣлцовъ, и тѣ нынѣ помирають голодною смертію» (АИ, III, № 5, 1613, 4); «А въ летнюю пору, господа, служилые люди живутъ въ розсылкахъ и въ розѣздахъ, а городъ и острогъ живетъ пустъ, не остается въ острогѣ и въ городѣ никого» (АИ, III, № 5, 1613, 4). Но они могли и выступать в военные походы, вести сражение, отражать неприятельское нападение (самостоятельно или совместно с другими военными силами): «И я съ Астараханскими съ служилыми людьми, и съ Терскими со всѣми ратными людьми, противъ вора Ивашка Заруцкого и Маришки и воровъ Волскихъ атамановъ и казаковъ и еѣ дворовыхъ казаковъ пошли» (АИ, III, № 15, 1614, 15); «И Московского государства бояре и всякіе служилые люди, за ту его многую королевскую неправду, противъ его стали, и стоя подъ Москвою, гетмана Карла Хоткѣва побии» (АИ, III, № 6, 1613, 6); «Пушечные запасы перевѣсить, и ядра перечесть, и служилымъ и всякимъ тутошнимъ жилетскимъ людемъ . . . взяти имянные книги» (АИ, III, № 168, 1631, 310).

Прилагательное *служилый* (*служивый*), не теряя значения, присущего ему в терминологическом сочетании *служилые люди*, в свободном употреблении выражает указание на исполнение воинских обязанностей тем или иным представителем социальных групп или целых социальных группировок: «. . . которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ служилыхъ людей, дѣти боярскіе и племянники и внучата у розбору объявились и верстаны, и которые написаны въ недорослѣхъ, и которые объявились во всякихъ Государевыхъ службахъ . . . и тѣхъ всякихъ . . . изъ боярскихъ дворовъ взяти въ службу» (АИ, III, № 92, 1620, 113); «А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, oprичъ техъ, которыхъ Государь отъ службы отставитъ» (АИ, I, № 153, 1550, 244).

Мы уже отмечали выше, что на первых порах эпизодически встречающиеся случаи употребления слова *люди* для обозначения совокупности вооруженных людей, воинов, в XV и особенно в XVI—XVII вв. становятся обычными, слово становится широко-употребительным средством выражения военных понятий: «Воръ Лисовской, со всѣми съ Литовскими людьми и съ Черкасы и съ Рускими воры ото Ржевы пошолъ наспѣхъ невѣдомо куды» (АИ, III, № 63, 1615, 56); «И тотъ другой воръ, по королевскому же велѣнью, собрався съ Полскими и съ Литовскими людьми, пришедъ подъ Москвою стоялъ таборами. . . , къ Москвѣ приступалъ» (АИ, III, № 6, 1613, 6). Подобных примеров употребления слова *люди* в XVI—XVII вв. не исчерпать. Важно подчеркнуть другое — то, что слово *люди* вступает в сочетания с различными прилагательными, указывающими на разновидности военных людей, обозна-

чающими характеристику людей по их положению в военной иерархии, по особенностям выполняемых ими задач и т. п., образуя при этом довольно устойчивые наименования терминологического характера. Слово *люди* выстраивает эти наименования в определенный терминологический ряд, где каждый член занимает особое место и вступает во взаимодействие с другими членами ряда. Сюда относятся уже рассмотренные *воинские люди*, *ратные люди*, *служилые люди*, а также *загонные люди*, *передовые люди*, *осадные люди*, *боевые люди* и др. Значение этих сочетаний определяется значением определяющего слова, например *осадные люди* 'войны (войско), сидящие в осаде', *загонные люди* 'воины, участвующие в загоне', и т. д.: «А вы де пошли съ Самары къ Асторохани за передовыми людьми со всѣми ратными людьми тотчасъ» (АИ, III, № 1, 8, 1614, 17); «Всякихъ осадныхъ людей, изъ уѣзду и изъ слободъ, въ осаду въ городъ и въ острогъ собрати тотчасъ. . . , и осада совѣмъ укрѣпить» (АИ, III, № 63, 1615, 56); «Писали есте къ намъ, что Октября въ 20 день посыланы были на Литовскихъ на загонныхъ людей, головы, Юрьи Бѣлской да Семенъ Позняковъ» (АИ, III, № 177, 1633, 321); *боевые люди* (АИ, 16).

Подобный ряд сочетаний выстраивается и из названий для обозначения различных категорий социальной дифференциации людей, связанных с военной деятельностью (с принадлежностью к военной среде), — *работные люди*, *посошные люди*, *сошные люди*, *наемные люди*, *посадские люди*, *жилецкие люди*, *даточные люди*, *приборные люди* и т. п.: «А которые достальные посадские люди уйти въ городъ и сѣли въ осадѣ, и тѣхъ достальныхъ многихъ у приступовъ и на вылазкахъ Черкасы побили» (АИ, III, № 83, 1620, 81); «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ, для нашія службы велѣли изготовить даточныхъ людей двѣстѣ десять человекъ» (АИ, III, № 198, 1637, 353); «сошные люди» (АИ, III, № 117, 1623, 177); «работные люди» (АИ, III, № 156, 1629, 281). Это свидетельствует о том, что военное словопотребление не было оторвано от словопотребления общего языка.

На широкое распространение таких сочетаний в языке XIV—XVI вв. указывает Н. П. Чмыхова: *дворные люди* 'находящиеся при дворе князя', *люди понятные* 'свидетели', *люди письменные* 'записанные за владельцем', *люди призванные* 'вновь пришедшие на поселение', *люди тяглые* 'принадлежащие владельцу', 'платящие дань и оброк' — в грамотах Кирилло-Белозерского монастыря.²⁸ Дифференциальным признаком, лежащим в основе выделения отдельного термина из ряда ему подобных (из некоего множества), служит здесь характер набора на военную службу:

²⁸ Н. П. Чмыхова. Устойчивые сочетания слов в грамотах Кирилло-Белозерского монастыря XIV—XVI вв. В сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, стр. 306.

приборные люди 'люди, взятые на военную службу по «прибору», из различных слоев населения', *даточные люди* 'ратники, принудительно набравшиеся из податных сословий (главным образом из крестьян)'; *новоприборные люди* 'только что набранные ратники', а также 'добровольцы', *охочие люди* 'добровольцы' и т. п. Но кроме этого дифференциального признака термины выделялись также и по функциональной направленности (*посошные люди* выполняли в войске подсобные работы), и по признаку постоянности или временности службы (*посошные люди* набирались только на случай войны; *новоприборные люди* — только что набранные ратники или ратники, вступившие в войско добровольно) или по субординационному признаку (*начальные люди* как противопоставление рядовым воинам) и т. д.

Словосочетание *посошные люди* (*сошные люди*) связано с термином *посоха*, обозначающим 'рать', 'войско, набираемое по расчету с сохи'. Это народное ополчение пришло на смену р у б л е н о й р а т и в XVI в. П о с о ш н ы е л ю д и — это не только р а т н и к и, а вообще люди, набираемые для выполнения тех или иных обязанностей. Но чаще всего это сочетание обозначало именно р а т н и к о в.

Прил. *посош(ь)ный* употреблялось также субстантивированно в значении 'человек, один из людей, составляющих посоху': «Посошные и стрѣлцы» (Соф. вр., 7038, т. II, 315). Ср. также *посошанин* в том же значении: «Посохи было пѣшей и коневой 80 000 и 9 соть человекъ, а посошаномъ во Псковѣ давали коневникомъ по 5 рублевъ, а пѣшимъ по 2 рубли» (П. I., 7071).

Все это гнездо слов было локализовано в своем употреблении вначале границами северо-западной (а именно новгородско-псковской) земли, лишь позднее обозначения, как и сами понятия, приобрели общерусское гражданство и стали достоянием московской письменности. Частота употребления термина *посоха*, его словообразовательная активность свидетельствуют об «обычности» его в общенародном языке.

Соха 'податная единица'. О. В. Горшкова считает, что слово неизвестно в новгородской письменности (употребляется только в московских деловых памятниках).²⁹ Между тем это обычное слово в новгородско-псковской деловой письменности. То же самое можно сказать и о слове *перемирье* — 'установление мирных отношений',³⁰ которое широко известно по новгородским грамотам.

Служба. Словарь И. И. Срезневского не отмечает в слове *служба* значений или употреблений, относящихся к сфере военных действий. Между тем уже XVI в. дает многочисленные примеры на употребление слова *служба* именно в военном значении: «Ко-

²⁹ О. В. Горшкова. Язык Московских грамот XIV—XV вв. (Лексика и фразеология). М., 1951, стр. 50.

³⁰ Там же, стр. 265.

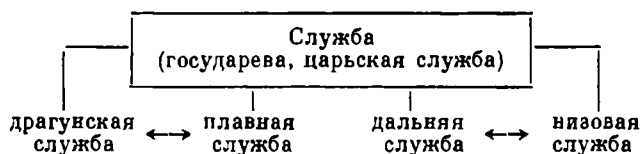
торые полоняники, которыхъ земель нибуди, и служилыхъ иноземцовъ дѣти крестятся, а Государю въ службу не пригодятся, и которые Государеву службу служили, а похотятъ кому въ службу бити челомъ . . . и того новокрещена къ себѣ принять» (АИ, I, № 154, 1550—1582, 265); «Князь Александръ идучи на нашу службу заложилъ платье твое все» (АИ, I, № 146, 1547, 211); «А иные дворяне и дѣти боярскіе тѣхъ городовъ, не многіе на твоей Государевѣ службѣ на Вологдѣ, с воеводоу Григорьемъ Пушкинымъ» (АИ, III, № 31, 1614, 31). Эти употребленія (количество ихъ можно безъ труда умножить изъ памятниковъ XVI и XVII вв.) связываются съ жизнью такихъ словъ и словосочетаній, какъ *служить* (*служити*), *служилые* (*служивые люди*): «А которые люди черные не учнутъ служить и въ городъ приходити, Полотцкаго повѣта, и бояромъ и воеводамъ и неволею такихъ приводити и на нихъ послыки посылати» (АИ, I, № 169, 1563, 324).

Конечно, здѣсь еще явственна связь предметнаго значенія съ глагольнымъ действием: «Всякимъ нашимъ ратнымъ людямъ, которые въ той посылкѣ были, наше жалованное слово сказали, что служба ихъ нашему царьскому величеству ведома» (АИ, III, № 177, 1633, 322); «И то учинилось (победа, — Ф. С.) . . . вашимъ промысломъ и радѣніемъ, а нашихъ ратныхъ людей службою: и за ту вашу службу и за крѣпкостоятельство васъ похваляемъ» (АИ, III, № 177, 1633, 321). Однако предметное значеніе (названіе определенного рода занятій) также прочно закрепляется за словомъ *служба*: «А собравъ всѣхъ велѣно сборщикомъ съ дворяны и съ дѣтми боярскими, и съ атаманы и казаки, на Бѣлѣозерѣ, со всею службою и съ запасы ждати нашего указу» (АИ, III, № 55, 1615, 45. Отписка воеводы князя Лыкова Белозерскому воеводе Чихачеву); «И послали къ Государю, къ Москвѣ съ сунчемъ и съ службою головъ Гордѣя Галчикова да Савостьяна Онучина» (АИ, III, № 33, 1614, 33. Отписка Астраханскихъ воеводъ князя Одоевскаго и Головина къ Казанскимъ воеводамъ князьямъ Воротынскому и Ушатому).

Обычно въ случаяхъ, когда слово *служба* обозначаетъ службу военную, оно употребляется въ сочетаніи съ прилагательнымъ *государева* (*царьская*): «. . . дохтуру Фалентену Билсу въ дохтурѣхъ не быти; А велѣлъ (царь) ему служить свою государеву службу» (АИ, III, № 233, 1644, 393. Докладная выписка объ исключеніи изъ докторскаго званія доктора Валентина Билса); «Язь иду на государеву службу, съ атаманы и казаки, на Тифину подѣ Ладогу» (АИ, III, № 53, 1615, 43. Отписка воеводы князя Волконскаго Белозерскому воеводе Чихачеву); «[Царь], слыша то воровство, послалъ на свою царскую службу отчины своей царскіе очищать» (АИ, III, № 20, 1614, 21). Ср. также: *низовая служба* (АИ, III, № 261, 1614, 428), *плавная служба* (АИ, III, № 251, 1614, 418), *драгунская служба*: «Которые де ихъ братья и племянники и дѣти и внучата, не хотя съ ними государевы службы служить и

бѣдности терпѣти, верстаные и неверстаные, и которые били челомъ и въ драгунской и во всякихъ службахъ объявились» (АИ, III, № 92, 1620, 112). Число употреблений такого рода сочетаний можно без труда увеличить, но в этом, пожалуй, нет необходимости. Важнее подчеркнуть другое — особенности формирования значения и характер употребления, функционирования этих составных терминов в языке XVI—XVII вв. *Дальняя, плавная, низовая* и тому подобная *служба* — видовые термины, называющие разновидности военной службы, причем значение составного термина задается семантикой определяющего члена сочетания. Все эти видовые наименования объединяются вокруг родового термина *служба* и различаются между собой или по функциональному признаку (*плавная служба* → *драгунская служба*; кроме функциональных различий между ними можно наметить еще и различия в способах (средствах) выполнения служебных обязанностей), или по месту несения службы: *служба низовая* ↔ *служба дальняя*.

Графически это можно было бы представить так:



О широком распространении такого способа образования специальных терминов (адъективный тип, по терминологии А. В. Исаченко³¹) в русском языке XVI—XVII вв. писали многие исследователи. Составные наименования, выступающие в функции специально терминологических обозначений, довольно широко представлены в русском языке и более ранних эпох. Мы отмечаем уже наличие в древнейших памятниках словосочетаний *молодая дружина, старѣишая дружина, передняя дружина, лѣпшая дружина; лѣвое крыло, правое крыло* и др. Более поздние памятники свидетельствуют об активизации этого способа терминообразования в русском языке. Так, О. В. Горшкова выделяет адъективные составные наименования как наиболее распространенный тип целостных терминологических наименований в языке московских грамот XIV—XV вв. (*бояре болиише, бояре введенные, бояре старые, дѣти боярские; время ратное* и др.);³² именно эти

³¹ А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. *Slavia*, гоѣ. XXVII, Praha, 1958, стр. 334—552.

³² О. В. Горшкова. Фразеология московских грамот XIV—XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка. Сб. статей по языкознанию, посвященный проф. МГУ акад. В. В. Виноградову. М., 1958, стр. 125—197.

составные наименования составляют специфическую часть словаря деловых документов Московской Руси. В. Н. Прохорова³³ сочетание прилагательного с существительным считает также одним из наиболее распространенных способов образования терминов и формирования терминологий. Существительное в этих сочетаниях сохраняет свое номинативное значение, постоянство признака, а прилагательное придает сочетанию дополнительный признак, конкретизирует значение всего словосочетания, ставит его на определенное место в ряду других сочетаний этого порядка. Такого рода наблюдения и замечания рассыпаны по многочисленным работам по истории русской лексики. Они, как и наши собственные наблюдения, свидетельствуют о том, что адъективный способ образования новых наименований был характерен не только для специальных терминологий, но и для нетерминологических отделов словаря. Терминология каждого национального языка создается на материале имеющихся в данном языке лексических возможностей, поэтому словообразование в терминологиях мало чем отличается от словообразования в нетерминологических пластах лексики. Да и вообще грань между терминологическими и нетерминологическими словами никогда не бывает слишком резкой. В современном русском языке, когда процессы терминологизации заметно интенсифицировались, можно отметить активизацию адъективного способа образования составных терминов.³⁴ К настоящему времени структурно-семантические особенности таких сочетаний достаточно хорошо изучены и описаны.

В круг слов, обозначающих общее понятие о войске, не ранее конца XIV в. вступают два новых наименования — *облава* и *орда*. *Облава* 'войско', 'военный отряд' (любой численности): «Доиде же [Мамай] и до усть рѣки Вороножа и распусти облаву свою» (М., 3). В древнерусской письменности слово в этом значении не получило широкого распространения. В русском литературном языке и диалектах слово известно в значениях: 1) 'охота, при которой окружается, оцепляется место, где находится зверь', 2) 'окружение, оцепление какого-либо места с целью задержания, поимки кого-либо' и 3) 'лица, участвующие в охоте, в поимке кого-либо'. Эти значения в слове развились поздно: впервые слово с такими значениями (вернее, с одним — 'охотничьим') зафиксировано в САР 1792 г., поэтому с ними нельзя связывать появление слова в древнерусском языке с военным значением. Здесь оказываются весьма ценными диалектные данные и данные из других славянских языков. Так, в украинском языке известно значение 'толпа, окружающая кого-, что-либо', отсюда *облавом* 'сплошной

³³ В. Н. Прохорова. О некоторых явлениях в образовании специальной терминологии русского языка в XVII веке. Сб. статей по языкознанию, посвященный проф. МГУ акад. В. В. Виноградову, стр. 261—280.

³⁴ См. об этом: А. В. И с а ч е н к о. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков, стр. 334—352.

массой'; в польском *облава* имеет значения 'облава', 'выгон зверя', 'тенета' и 'порядок войска в походе'; в псковских и тверских говорах зафиксированы значения 'куча', 'толпа'; 'множество', 'обилие'. Можно предполагать, что в приведенном выше примере из Мамаева побоища слово *облава* не имеет устойчивого, строго определенного значения 'войско', хотя присутствие его в слове заметно, но оно в большой степени затемнено выдвиганием на первый план представления о многочисленной *толпе*, о сплошной массе вооруженных людей. Тверские и псковские говоры позволяют сделать такое предположение. Что касается происхождения слова, то, видимо, можно принять мнение А. Г. Преображенского о заимствовании его из польского, куда в свою очередь оно проникло из немецкого (Миклошич, EW, 218; Матценауер CSJ, 399; Преображенский, ЭС, 628). Этимологи считают, что от *облава* и *облавить* 'опеить', 'окружить' образовано *лава* 'дугообразный строй казаков при атаке'; 'плотная масса'.³⁵

Орда 'полчище', 'войско'. В «Задонщине» *орда* употребляется в списках XVI—XVII вв. как в значении названия татаро-монгольского государства (Золотая Орда) и сборища кочевых племен Мамай, так и для обозначения русского войска: «И молвяше ему Фрязове: чему ти, поганый Мамай, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первый» (Список ГИМ, № 2060. ТОДРЛ, т. VI, с. 242); ср. в списке Ундольского: «То ты била орда Залѣская» (ТОДРЛ, т. VI, с. 248). В. Л. Виноградова, отмечая этот факт, пишет, что тюркское *орда* на русской почве развивалось в двух семантических направлениях: от названия татарского государства *Золотая Орда* развилось значение 'государство вообще', 'любое государство'. Значение слова *орда* как 'собрание кочевых племен' позволило в русском языке развить употребления со значением 'войско' (не только татаро-монгольское, но и любых других народов, в том числе и русского). В значении 'русское войско' *орда* употребляется только в «Задонщине». ³⁶ Несмотря на отсутствие других примеров употребления слова *орда* в значении 'русское войско', можно предполагать, что это не был единичный случай. В русском языке, как и в большинстве других славянских языков, слово *орда* рано укрепилось в общем употреблении, и от него образовалась целая серия производных. Так, в русском известны *орда*, *ордынец*, *орди(ы)нский*, *Ордынка* (улица в Москве), в украинском *орда*, *ордынка* (казанская овчина), в белорусском *орда* 'шум', 'беспорядок', в болгарском *орда*, *ордия* 'отряд войска', 'дружина', в сербохорватском *ордија* 'войско', 'армия', 'орда'. В русский заимствовано из тюркских языков: куман. (полов.) *орда сугіа*, курд. *орду*, *ордуй*; тур.-осм. *орду*, тат. *орда* 'лагерь',

³⁵ См. об этом: Фасмер, II, 444.

³⁶ В. Л. Виноградова. Некоторые замечания о лексике Задонщины. ТОДРЛ, т. XVI, 1958, стр. 201—202.

‘стан’ (Миклошич, EW, 225; Преображенский, ЭС, 657 и др.). Слово проникло, видимо, через славянское посредство и в западно-европейские языки: французский, английский, итальянский, немецкий, румынский, греческий, албанский. Н. К. Дмитриев считает, что в тюркских языках *орда* в значении ‘стан’, ‘стоянка’ дифференцировалось от более распространенного существительного того же корня *орду* ‘армия’. Прослеживая значения слова в тюркских и монгольских языках (монг. письменное *ordu*, по-русски *орда* ‘становище’, ‘стоянка’; кирг. *ордо* сохраняет древнее значение ‘ханская ставка’, ‘аул хана’, ‘кибитка’; якут. *ордуу* ‘пристанище’; в турецком закрепилась форма *ordu* ‘армия’, ‘армейский корпус’, также в уйгурском и чагатайском), Н. К. Дмитриев замечает, что в русский язык «из этого недифференцированного понятия (с т а н → в о й с к о) и слова (*орда* — *орду*) был заимствован первый член (с т а н = *орда*), и это указывает на сравнительно раннюю дату заимствования: во всяком случае до знакомства и соприкосновения русских с турками, которые знали только форму *орду*». ³⁷ К заимствованиям XIV в. относит *орду* П. Я. Черных. ³⁸ В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина *орда* употребляется в значениях ‘союз кочевых племен’; ‘стан’, ‘лагерь’; ‘войско’, но не русское.

2. НАИМЕНОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ (СЛУЖИЛЫХ) ЛЮДЕЙ

Только что рассмотренные составные термины *воинские люди*, *ратные люди*, *посошные люди*, *приборные люди*, *служилые люди* и т. п. в большой степени могут быть отнесены к этой группе лексики.

В XV—XVII вв. в военном и общенародном языке функционирует широкая по составу группа терминов — названий отдельных представителей военных людей. Ее составляют старые, известные с древнерусской эпохи наименования и новообразования, вызванные к жизни развитием новых форм военной жизни и действием внутриязыковых процессов. Как и в других микросистемах военной лексики, здесь наблюдаются лексические смены и пополнения и изменения семантического характера, в условиях и особенностях функционирования тех или иных элементов лексики. Вызываются эти изменения и перестановки в общем теми же причинами, что и в других лексических подгруппах. Из старого фонда продолжают употребляться рассмотренные выше термины *воинъ*, *ратникъ*, *ратный*.

³⁷ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сб., вып. III. М., 1958, стр. 28—29.

³⁸ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. . . , стр. 154—155.

Несколько активизируется употребление в практическом военном языке сущ. *боец*, отмечаемого уже памятниками письменности с XIV в. В «Отписке воевод Петра Пронского с товарищами о приходе в Холмогорский острог из плена русских выходцев и допросе их и захваченных в плен черкас о намерениях литовских и немецких воинских людей» (АМ, I, № 56, 1614, 90—93) находим употребление *боец (бойцы)* в значении 'воин' ('воины'): «У воровских людей нынѣ декабря въ 9 день было коло, а присягали всѣ на томъ, что имъ всѣмъ надъ Колмогорскимъ острогомъ, будетъ не возмутъ, помереть. . .; а полковникъ большой у нихъ Барышколецъ, ясаулъ Марко Поздьяковъ черкашенинъ, да Вишенской, а Сидорка де оставили, что онъ за Падрокурью раненъ на бою по ногѣ въ колѣно, а всѣхъ де ихъ человекъ съ шестьсотъ, а бойца человекъ съ триста, и тѣмъ де быть по сторонамъ отъ штурмъ и отъ воевъ въ отводѣ, а триста человекъ съ малыми булгаки, а иные в саадакѣхъ мелкіе пахолки оставить ихъ въ полку, чтобъ люднее казалось» (с. 92); «Воры черкасы хотятъ приходить къ Колмогорскому острогу съ штурмами приступомъ сей ночи, а всѣхъ де ихъ нынѣча тысяча двѣсти человекъ, а бойцевъ отъ ратныхъ людей триста человекъ, съ долгими пищальми» (АМ, I, № 56, 1614, 92). Очевидно, что в этих контекстах термин *боецъ—бойцы* выступает в значении не 'воин вообще', а 'воин, участвующий в битве, готовящийся к ней' (очевидно, идущий впереди, в авангарде?): «Воры и черкасы идутъ отъ Колмогорского острогу прочь, а говорилъ полковникъ Барышколецъ, что имъ итти вверхъ Двиною, а казаковъ де у нихъ русскихъ человекъ съ десять, а взяты в полонъ подъ Тихвиною, а воровъ, черкас и съ пахолки тысячи съ полторы, а бойца съ тысячу» (АМ, I, № 56, 1614, 92).

Эти немногочисленные примеры, к которым можно было бы еще прибавить единичные примеры из других памятников XVII в., например из Сибирских летописей, по наблюдениям О. Г. Пороховой (125), в «Казанском летописце» (232, 253 — А. К. Абдулманова), свидетельствуют о том, что в начале XVII в. все еще продолжается процесс вхождения слова *боецъ—бойцы* в систему военной терминологии. Пока его значение конкретно и наглядно, с ясной внутренней формой (мотивировкой названия), поэтому это еще не термин, а пока слово общего языка, призванное выражать (едва ли не ситуативно) определенное военное понятие.

Как тождественные в семасиологическом и стилистическом отношениях функционируют синонимы *врагъ* и *недругъ* для обозначения 'противника', 'врага'. Оба слова употребляются и в возвышенных, приподнято-риторических контекстах: «А царство бы наше, порученное Богомъ тебѣ, во время отшества нашего, и впредь, покрыть благодатию своею отъ всѣхъ враговъ воюющихъ на благочестіе» (АМ, I, № 160, 1552, 296. Царский ответ митрополиту Макарию); «Вы противъ недруга нашего, Полского и Литовского короля, и Полскихъ и Литовскихъ людей стоите

крѣпко и мужественно и съ ними бьется, не щадя головъ своихъ» (АИ, III, № 177, 1633, 323). И в обычных нейтральных контекстах: «А злокозныхъ враговъ вора Ивашка Заруцкого и Маринку и сына еѣ Ивашка вручилъ Богъ въ руцѣ ваши» (АИ, III, № 32, 1614, 32); «. . . отъ пограничныхъ недрузей разоренья» (АИ, III, № 284, 1616, 448).

Третий синоним ряда — *супротивный*, наоборот, четко отграничивается от двух других как слово, принадлежащее высокому стилю выражения: «Призывая Бога въ помощь, потщися храбрски на одолѣніе супротивнымъ» (АИ, I, № 302, 1563, 550). С конца XIV в. в состав этого синонимического ряда включается сущ. *непріятель*, связанное с церк.-слав. *пріязнь*, *непріязнь*, *непріязненный*. «Коли бы которыхи непріятель своею силоу облеглъ тотъ исныи городъ Галичъ, тогда тотъ исныи воевода . . . имають . . . того исного города боронити» (Грам. Влад., 1388). Слово *непріятель* в значении 'враг', 'военный противник' известно всем славянским языкам: болг. *неприятел*, серб.-хорв. *непријатељ*, польск. *nieprzyjaciel*, чеш. *nepřítel*, укр. *непріятьель*, белор. *непрыяцель*. Все другие слова этого корня в славянских языках не имеют значений, относящихся к военной действительности, они обозначают понятия дружбы, пріязни, доброжелательства, расположения и т. п. в общем плане. Лишь в древнерусском отмечено военное значение у бесприставочного образования *пріятьель* 'военный сторонник', 'союзник': «Приде кнѣзь Мстиславиць Всѣволодъ. . . , позванъ отаи Новгородскими и Пльсковскими моужи, пріятели ѹго» (Н. I, С., 6773). Последнее обстоятельство, а также общеславянский характер образования слова *непріятьель* позволяют предполагать, что оно стало функционировать в русском языке как наименование военного противника раньше конца XIV в. Специально терминологическое значение префиксального образования могло возникнуть как антитеза значений 'военный сторонник', 'союзник' бесприставочного *пріятьель*. Именно антонимические значения в системе складывающейся военной терминологии делают такое предположение (о раннем функционировании слова *непріятьель* в древнерусском языке) вполне правдоподобным, несмотря на отсутствие ранних свидетельств об этом.

3. НАИМЕНОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ВОЙСКА, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ОПРЕДЕЛЕННУЮ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ

Изменения и усовершенствования в формах организации вооруженных сил, нововведения в вооружении, способах защиты, усложнение тактических приемов и правил ведения боя, уход из жизни старых, отживших форм организации войска — все это не могло не отразиться в языке, в его словарном составе, свя-

занном с выражением военных понятий. Вместе с уходом из внеязыковой действительности *з а с т у п о в* как способа боевого построения войска уходит из языка и термин *заступъ*, известный у нас с XI в., но уже с XII в. не встречающийся ни в одном памятнике. По тем же причинам позже из словарного состава русского языка выпадают термины *дворъ*, *посоха* и др. В силу других причин было забыто диалектное наименование *подсада*: формирование и укрепление норм национального языка приводит к вытеснению диалектных форм общерусскими. Однако большинство наименований отдельных частей войска продолжает функционировать и в XV—XVI вв., одни без каких-либо заметных изменений, другие — претерпев значительные изменения в результате различных и многообразных причин.

На первый взгляд может показаться, что не претерпело никаких изменений, особенно в условиях функционирования, слово *сторожа* как обозначение отдельного отряда войск, несущего сторожевую службу: «А людемъ у меня въ острожкѣ и на отъезжіе сторожи и въ подѣздъ Волгою, въ верхъ и на низъ, расходъ великой» (АИ, III, № 261, 1614, 428); «И ты бѣ на Угличѣ жилъ съ великимъ береженьемъ неоплошно, и по городу бѣ у тебя и по острогу всякіе осадные люди стояли по мѣстамъ, совсѣмъ на готовѣ, безпрестани, и сторожи бѣ у васъ около города и острогу далніе, и на городѣ и на острогѣ бѣ были крѣпки» (АИ, III, № 63, 1615, 56); «3-я сторожа на рѣчкѣ на Ломовой усть рѣчки Шокши по выше верхней дороги, а сторожемъ на ней стояти из Кадомы» (АМ, I, № 18, 1579, 22).

Однако в этих примерах обнаруживается и новое значение термина. Уже в последней трети XVI в. *сторожа* получает значение 'караул', 'пикет, выдвигаемый далеко вперед или в сторону от расположения главных сил государства для несения наблюдательной и разведывательной службы': «8-я сторожа на Пшевскомъ курганѣ противъ Новосилю» (АМ, I, № 8, 1571, 10). Надо отметить, что упоминание о *полевой стороже* — предшественнице постоянных сторож XVI—XVII вв. — относится ко времени Куликовской битвы. Так, в Мамаевом побоище читается: «Князь же великий вторую сторожу посла» (М., 21).

Введение караулов, пикетов (застав) в пограничной зоне, в местах, далеко выдвинутых перед основными силами войска (с фронта и флангов), знаменует собою учреждение постоянной караульной службы — *сторожевой службы*. С этим связано расширение сочетаемости прилагательного *сторожевой*, первоначально употреблявшегося только в качестве определяющего компонента составного термина *сторожевой полкъ*. Так появляются сочетания *сторожевая служба*: «В 80 году выбраны они въ мѣсячные сторожи изъ приборовъ у казачьихъ головъ, а для сторожевые службы велѣно имъ въ тѣхъ городѣхъ быти безъ съѣзду» (АМ, I, 1572, № 15, 18); *сторожевой голова* и др.

К концу XVI в. относится появление термина *сторожевищѣ* как названия места, на котором учреждена *сторожа*: «Головѣ стояти вверхъ Ворскла на Карповѣ сторожевищѣ» (АМ, I, 1571, № 12, 12). Правда, термин этот не утвердился в русском языке, хотя был образован по модели, действующей в древнерусском и старорусском языке. Ср. *побоище*, *ратище*, *ристалище* и под.

С т о р о ж е в а я с л у ж б а — это повседневная будничная работа, тянувшаяся из десятилетия в десятилетие, важная для развития военного русского искусства, его специфики и традиций. Задача выдвигаемых далеко на юг и юго-восток *с т о р о ж и* и *с т а н и ц* — обеспечение обороны укреплений засечной черты, сообщение вовремя сведений о движении татар и по возможности задержка их движения. Официальное утверждение новой формы и организации сторожевой службы относится к 1571 г., когда Иван IV назначил кн. Мих. Ив. Воротынского «вѣдать станицы и сторожи и всякіе свои государевы польскіе службы» (АМ, I, № 1, 1571, 9). Однако появление сведений о *с т о р о ж а х* относится к более раннему времени, следовательно, и развитие нового значения должно быть отнесено к более ранней эпохе (XIV в.). Сторожи различались по своему составу, по своим задачам и по другим признакам, однако лексически эти различия никак выражены не были. Различные виды *с т о р о ж* обозначались описательно: *сторожи, которые стоятъ (съ конь не сѣбдя)*; *сторожи, которые ѣздятъ* и т. д. Таким образом, это значение термина *сторожа* сильно разошлось с его более ранними, военными значениями, когда слово обозначало и 'авангард', и 'разъезд', и 'аванпост' нерасчлененно.

Употребляется слово *сторожа* и для обозначения группы воинов (подразделения), несущих караульную службу в непосредственной близости от выставяющего этот караул войска. В середине XVII в. в полках нового (солдатского) строя в несении сторожевой (караульной) службы была большая сложность: *с т о р о ж и* дифференцировались в зависимости от функций, которые должна была выполнять та или иная *сторожа*. Это разнообразие и дифференциация потребовали выработки специальных наименований для каждого отдельного вида *сторожи*. Язык пошел по пути создания составных наименований по модели: прилагательное + существительное, где прилагательное выполняло функции дифференцирующего члена сочетания: *головная сторожа, двойная сторожа, денная сторожа, двойная отводная сторожа, круговая сторожа, круговая отводная сторожа, нарочная сторожа, ноутренная сторожа, ночная сторожа, отводная сторожа, передняя сторожа, последняя сторожа, потеряная отводная сторожа, прибыльная сторожа, рядовая сторожа, снарховатая сторожа, шарная сторожа, месячная сторожа*.

Обращают на себя внимание различные признаки, легшие в основу называния отдельных видов *с т о р о ж и*. Во-первых,

прилагательное в качестве члена сочетания называет определенный вид сторожи в зависимости от выполняемой ею функции: *головная, круговая отводная, передняя* и т. п.; во-вторых, прилагательное указывает время, на которое назначается сторожа: *дневная, ночная, месячная*; в-третьих, оно указывает на состав сторожи: *двойная, рядовая* и т. д.

Весь этот перечень сторож взят из «Ратного строения. . .». В памятнике даны полные характеристики особенностей и задач различного вида сторож. Для войска русского строя такая дифференциация сторож не характерна. В петровское время такая сложная и дробная дифференциация была устранена и остались только *головная* и *отводная сторожи*, т. е. остался только один дифференцирующий признак сторожи — функциональный. Заметим, что это общее направление развития всей военной службы, а следовательно, и «военного» языка в целом — развитие профессиональной дифференциации войска и военного языка.

То же можно сказать и о функционировании слова *сторожь* (*сторожи*), которое продолжало употребляться как в значении чисто военном — ‘воин, находящийся на стороже и выполняющий там определенные задания’, так и в значении расширительном — ‘всякий человек (в том числе и воин), охраняющий что-либо’: «8-я сторожа на Пшевскомъ курганѣ противъ Новосили; а сторожемъ на ней стояти изъ Новосили четыремъ человекѣмъ безъ переѣзду» (АМ, I, № 8, 1571, 10); «Въ 80 году выбраны они въ мѣсячные сторожи изъ приборовъ у казачьихъ головъ, а для сторожевые службы велѣно имъ въ тѣхъ городѣхъ быти безъ съѣзду» (АМ, I, № 15, 1572, 18). С другой стороны: «А которые люди Турскихъ городовъ придуть въ Астараханъ украдомъ, и имъ тѣхъ людей до Государева указу назадъ изъ Астарахани не отпускати, а велѣти имъ в Астарахани беречи за сторожми крѣпко» (АМ, III, № 154, 1628—1629, 261).

Вместе с постоянными сторожами на юго-восточных границах Московского государства в 1571 г. организуются *станицы* ‘конные разведывательные отряды, несущие сторожевую и дозорную службу’: «И послали, государь, ихъ къ вамъ степью на лошадей, съ конною станицею» (АИ, III, № 32, 1614, 32); «Послати тебѣ съ Самары проѣзжую станицу и для языковъ, чтобъ про Ивашка Заруцкого . . . провѣдати подлинно» (АИ, III, № 26, 1614, 28). Как и сторожи, станицы отличались и по составу, и по задачам, и по способу действия, но, как и там, эти различия не получили лексического выражения. В «Материалах» И. И. Срезневского этого значения в слове *станица* не отмечено, хотя уже в XVI в. оно употребительно: «Посылать черезъ Поле конные станицы и на Поле будетъ тихо» (АИ, I, № 230, 1591, 436). Впрочем, в этом последнем употреблении, как и целом ряде других, выявляемых в деловых документах XVI—XVII вв., реализуется иное, чем указано выше, значение. Здесь речь идет о казачьем конном отряде,

находящемся на службе у Московского государя и не связанном со сторожевой службой. Ср. также: «Взяли Басу мурзу съ товарищи атаманы и казаки . . . атаманы Ачей Губарь, Василей Резановъ . . . съ своими станицами, а съ ними сто человекъ» (АИ, I, № 230, 1591, 444); «И тотъ деи Верзига тянетъ къ вору Заруцкому, а съ нимъ деи казаки его станицы не всѣ къ вору тянутъ» (АИ, III, № 248, 1614, 413).

В определенном смысле *станция* вступает в синонимические связи и отношения с давно существовавшими в древнерусском языке терминами *сторожа* и *сторожи*: «Ему велѣлъ государь вѣдати и поустроити станицы и сторожи и велѣлъ доискатись станичныхъ прежнихъ списковъ» (АМ, I, № 1, 1571, 1). Ср. у В. Ключевского: «Из передовых городов второй и частью третьей оборонительной линии выдвигались в разных направлениях . . . сторожи и станицы в два, в четыре и больше конных ратников . . . наблюдать за движениями в степи ногайских и крымских татар».³⁹ Однако значение терминов *сторожа*, *сторожи* было шире, чем значение слова *станция*. Ст а н и ц а — лишь один из видов с т о р о ж и, а именно 'конная сторожа на юго-восточных границах государства'. Как отмечали историки, с т о р о ж и и с т а н и ц ы различались порядком сбора и сообщения сведений: станицы ездили гораздо дальше, чем район наблюдения сторож, вести передавали в ближайший город, и не обязательно в тот, который их выслал, и шли в те города, на которые двигались татары. Сторожи передавали «вести» только в города, выславшие их. Все это не давало возможности смешивать в употреблении эти два термина. Они четко терминологически дифференцированы. Станицы высылались только из двух городов — Путивля и Рыльска. Обычно они составлялись из казаков.

В XVII в. широко употребительными становятся термин *станичникъ* 'лицо, несущее службу в станице' и терминологические образования с прил. *станичный*: *станичная служба*, *станичная езда*, *станичные головы* и т. п. «А сыскавъ про то подлинно, отписать имъ ко Государю, къ Москвѣ, тотчасъ, съ нарочными станичники, чтобъ Государю про то было вѣдомо» (АИ, III, № 134, 1625, 215); «Велѣти покупати для станичныхъ ѣзды толко лошади по двѣ» (АИ, III, № 134, 1625, 216); «станичные головы и станичники» (АМ, I, № 1, 1571, 1). Развитие значений, словопроизводственная активность и укрепление позиций в системе военной терминологии и в общем языке у слова *станция* проходят параллельно со словом *сторожа*.

Со второй половины XIV в. известно тюркское заимствование *караулъ* в роли названия стражи, охраны (в широком смысле):

³⁹ В. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории, II, стр. 31.

«Благословеніе Алексѣя митрополита всея Руси, ко всѣмъ крестіаномъ, обрѣтающимся въ передѣлѣ Черленого Яру и ко карауломъ возлѣ Хопоръ по Дону» (Грамм. Алекс. митр., 1356 г.). Слово «заимствовано из чагат., тат., казах., тел. *kağaul* — то же, наряду с чагат., тур. *kağul*» (Фасмер, II, 194). К XVI—XVII вв. термин входит в широкое употребление в практическом военном языке: «На Крымскую сторону атамановъ и казаковъ и Астараканскихъ стрѣлцовъ четыре струги послалъ на караулы» (АИ, III, № 15, 1614, 15). «Остались на Терекѣ служивые не многіе люди, всего съ караулъ, да и для того, что пришли отъ васъ въ Астороханъ съ головами Государевы ратные люди» (АИ, III, № 18, 1614, 18). В этом значении обычно сочетание *стоять на караулѣ* (*лѣхъ*): «Терскіе служивые люди . . . по вышкамъ стоятъ на караулѣхъ не сѣзжая, безъ перемѣны жъ» (АИ, III, № 18, 1614, 19). В то же время в общем употреблении входит и прил. *караульный*: *караульная служба*, *караульная изба*. «Да въ кружалѣ у онбару [пушечного] сдѣлана караульная изба пушкарская» (АИ, III, № 157, 1629, 283). Интересно отметить, что в перечне военных терминов, приложенном к экземпляру книги Генриха Лудольфа «Русская грамматика», поднесенной Петру I, имеется только один термин из ряда синонимов, обозначающих *с т р а ж у*, *к а р а у л*, — это *караулъ*.⁴⁰

Без каких-либо отклонений от сложившихся в древнюю эпоху особенностей употребления функционирует термин *застава* в двух значениях: а) 'передовой отряд войска', 'авангард': «После Крымскихъ воеваніа, в осень, ходилъ князь велики Василей Ивановичъ всея Роуси подъ Смоленскъ . . . и къ Киевоу заставоу посылалъ, а воевавъ осень и зимоу» (Н. IV, 7021, 462, 379 об.); б) более употребительным остается слово в значении 'отряд войска, оставленный в городе, крепости для их защиты': «Литовскіи король Андрѣи заставу постави въ Смоленскъ» (П. II, 6992); «Въ заставу нигдѣ Витблянъ не сажати, а на воину быти имъ съ нами посполъ готовымъ» (Привил. бояр и мещ. Вит., 1503 г.).

Однако к концу XVI в. в слове развивается новое значение, которое как бы воплощает в себе основное содержание первых двух «военных» значений, — 'воинское подразделение (воинский отряд), несущий сторожевую службу' (обычно он выдвигался далеко вперед от расположения основных военных сил): «И поведи ему злаго царя Аслама, что ся онъ реки Оки перевозитъ; и бѣ въ те поры на заставе князь Ѳедоръ Мстиславичъ» (Н. IV, 7036, 543, 401 об.). Со второй половины XVI в. сторожевое охранение в пограничной полосе на западе и юго-востоке Московского госу-

⁴⁰ Г. В. Л у д о л ь ф. Русская грамматика. Оксфорд. 1696. Переизд., перев., вступ. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937.

дарства вводится как постоянный род караульной службы. Заставы учреждаются по всей линии в определенных местах с постоянным пребыванием на них военнослужащих. Слово *застава* начинает обозначать и военнослужащих, несущих караульную службу, и место, где эта охрана располагается: «Князь великий Васильи Иванович утвердилъ землю свою заставами» (Н IV, 7020, 538, 395). Поэтому стали возможны сочетания типа *быть на заставѣ, ѣхать на заставу (къ заставѣ)* и т. п.: «Торговые бѣ люди . . . ѣхали къ нему на большую заставу, гдѣ онъ таможенной голова будетъ» (АИ, III, № 184, 1635, 337); «И промышленные и служилые всякіе люди, ѣдучи къ заставѣ, дорогою въ селѣхъ . . . не приставали» (АИ, III, № 184, 1635, 337); «Велѣли сказати дѣтемъ боярскимъ розныхъ городовъ, чтобъ они были на заставу того жъ числа» (АМ, I, № 119, 1618, 151).

Постоянность, регулярность заставы как сторожевого, караульного учреждения вызывает к жизни составные наименования, определительным членом которых выступает прил. *заставочный* — *заставочное дѣло, заставочный голова* и др: «А какъ таможенной и заставочной голова Данило Обресевъ учнетъ съ Верхотурья къ намъ . . . писати» (АИ, III, № 184, 1635, 341); «А сами бѣ есте въ таможенное и въ кабацкое и въ заставочное дѣло . . . не вступались» (АИ, III, № 184, 1635, 341).

Значительно раньше XVII в. (видимо, с конца XV в.) была известна форма прил. *заставный*, которая в XVII в. испытывает конкуренцию со стороны формы *заставочный*. Ср.: *заставные головы* (АМГ, I, 1633), *заставные люди* (АЮБ, 1609; ААВИ, 1653), *заставное место* (Спафарий) и др. Вариативность в терминологическом словообразовании была характерна для русского языка XV—XVII вв.⁴¹ В этом последнем значении *застава* вступает в отношения семантической близости с терминами *стража, сторожи* (мн. ч.), *караулъ*, однако *застава* по значению шире этих терминов; функции заставы как особого рода военной охраны разнообразнее и сложнее, чем функции сторожи и караула.

Мы не располагаем ни одним примером на употребление термина *засада* в письменности после конца XIV в. Однако из этого факта вряд ли будет оправданным заключение о неупотребительности слова в XV—XVII вв. Отсутствие того или иного явления в письменных памятниках не может служить бесспорным доказательством отсутствия явления в языке. Здесь могут иметь место многие обстоятельства: неадекватное отражение письменностью реальной картины жизни языка, утеря многих памятников и, наконец, неизбежные пропуски при выборке материала из источников. Бесспорным и доказательным является лишь наличие того

⁴¹ См. замечания об этом: О. Г. Порохова. Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII веков. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, стр. 161.

или иного явления. Что касается термина *засада*, то, видимо, в одном значении — 'скрытно расположенный воинский отряд для нападения на противника, для предупреждения своих главных сил о противнике' — термин продолжал функционировать в русском языке и после XIV в. Это заставляет признать дальнейшая судьба его в языке XVII—XVIII вв. и в современном литературном языке. Допустить перерыв в жизни этого слова трудно.

Наряду с рассмотренными терминами, известными в русском языке с древнейших времен, в XVI—XVII вв. входят в активный запас военной терминологии новые наименования, отражающие появление новых, неизвестных ранее понятий и явлений военной действительности. Источники происхождения таких слов различны, но большинство из них образовано на русском (славянском) материале. К таким словам-терминам относятся упоминаемые уже выше *станица*, *карауль*. Сюда же принадлежат и такие наименования, как *приборъ*, *ертауль*.

Приборъ, по-видимому, входит в военное употребление не ранее последней трети XVI в. Этим словом обозначался военный отряд, находившийся в подчинении (под командованием) одного начальника (командира): «Велѣно вѣдати мѣсячныхъ сторожей конныхъ казаковъ казачьимъ головамъ, у которой казачьей головы тѣ сторожевые казаки изъ приборовъ выбраны» (АМ, I, № 15, 1572, 18).

С XVI в. в документах военного характера начинается употребляться отглагольное существительное *посылка* в значении 'действие по глаголу посылать' ('отправка, посылка воинского отряда для выполнения какой-либо задачи'): «А у кого будет лошади худы, а случитца посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей воеводамъ и головамъ тотчасъ велѣти доправити лошади на головахъ на ихъ» (АМ, I, № 2, 1571, 3). Еще большая степень терминологизации наблюдается в случаях, когда представление о действии, легко ощутимом в приведенном употреблении, уступает место представлению о п о с ы л к е как роде военной службы (роде занятия): «А служити имъ посылки полскіе и сторожи съ земли безъ денегъ» (АМ, I, № 3, 1571, 6). Вторым военным значением этого слова, известным в XVI—XVII вв., было 'группа военнослужащих, посылаемых (выделяемых из состава воинского отряда) для выполнения какой-либо задачи, обычно разведки, дозорной службы и т. п.': «А которые люди черные не учнутъ служить и въ городъ приходити, Полотцкою повѣта, и бояромъ и воеводамъ и неволею такихъ приводити и на нихъ посылки посылати; а въ первую посылку посылати боярина и воеводу Ивана меншого Васильевича Шереметева» (АИ, I, № 169, 1563, 324); «Всякимъ нашимъ ратнымъ людемъ, которые въ той посылкѣ были, наше жалованное слово сказали, что служба ихъ нашему царьскому величеству ведома» (АИ, III, № 177, 1633, 322) и др.

Ертауль (*ертоуль*, *ертуль*). Татаро-монгольское влияние на формы организации русского войска и методы ведения войны,

как отмечалось многими военными историками, ничтожно. В качестве примера татаро-монгольского вклада приводится *ертауль* 'подвижный конный отряд, предназначенный для разведки', 'авангард войска'. До встречи с татаро-монголами в русских войсках такого отряда не было, не было, естественно, и термина. Употребление термина в значении 'конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи и для грабежа' (Фасмер, II, 26) отмечается с XVI в.: 'Приступиша ертоуль да передовой полкъ» (Соф. вр., 1556, II, 415); «Бяше же съ нимъ въ полкъхъ воеводы: ертуль Юрьи Шемякинъ Пронской да князь Ѳеодоръ Троекуров, передовой полкъ князь Иван... , правая рука... , а сторожевой полкъ князь Василей Семеновичъ Серебряной» (Соф. вр., 1552, II, 406). Из последнего примера видно, что *ертауль* обозначает один из военных отрядов, составляющих боевые порядки русского войска.

Наиболее ранние употребления термина *станъ* в значении 'военный лагерь' (стан) относятся к концу XII в.: «Всеволо же посла во станы его и много взаша» (И., 6688, 620, 218). Но в это время можно констатировать лишь начало функционирования слова в этом военном значении, тогда как XIII в. представляет уже многочисленные случаи именно такого употребления: «Оугромъ же не побѣдившимъ воємъ и гнаша со становъ своихъ» (И., 6716, 725, 247 об.); «Станы русскихъ князь» (Н. I, С., 6732, 218); «Ты же грамоты взаша Смолнлане по побѣдѣ в станѣхъ Іѳрославлихъ» (Л., 6724, 295, 222 об.); «Нѣмцѣ... стапа станы, не дошедше города Пьскова» (Н. I, 6915) и др.

Синонимом к *станъ* в этом значении в конце XII в. и позднее употреблялось слово *колымагъ*: «И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы» (И., 6716, 725, 247 об.); «Данило... речѣ сѣси своему пожъжи вса шкрѣтная градъ азъ же пойду во колымагъ свои рекше во станъ» (И., 6762, 824, 274). Абсолютная синонимичность слов очевидна из факта их взаимозаменяемости. Ср. два последних примера, в которых термин *колымагъ* поясняется термином *станъ*.

Сложным и до конца не решенным представляется вопрос об этимологии слова *колымагъ*. В древнерусской письменности оно известно в форме *колымагъ* (оригинальные памятники) и *колымогъ*, *колимагъ*, *колъмагъ* (переводная литература); известно оно было и другим славянским языкам: сербск.-церк. *колимогъ* 'шатер', др.-чеш. *kolimāg* 'повозка', др.-польск. *kolimaga* 'повозка', 'крытая ломовая телега'. Употребительно слово в форме *колымага* в современных русских говорах в значении 'свадебная повозка', 'свадебный поезд' (дон., сарат.), 'громоздкая, неудобная повозка' (тул.); *каламажка* 'небольшая тележка, особенно ручная, на двух колесах' (курск.); в современном украинском *колимага* обозначает 'ломовую повозку', *колимаг* — 'шатер';

в белорусском *каламажка* обозначает один из видов повозки. Большинство этимологов считает слово заимствованным в славянские языки, хотя высказываются совершенно различные предположения об источниках заимствования. Эти различные предположения довольно полно собраны в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (II, 291).

Однако более употребительным наименованием военного лагеря надо считать термин *товаръ*. Его наиболее ранние употребления относятся к самому началу письменной истории русского языка: «Володимеръ же приде въ товары (и) посла бирічи по товаромъ гла нѣту ли такого мужа иже бы са ѣлъ с Печенѣжиномъ» (Л., 6500, 122, 42 об.); «Стаста товары передъ Золотыми воротами оу Ізѣины, а Изаславъ Двѣвичъ ста межи Золотыми вороты» (И., 6659, 427, 154 об.); «И пустиша кони к товаромъ ихъ» (И., 6688, 622, 218 об.); «Наѣхаша Нѣмци на товары безъ вѣсти. Новѣгородци же побѣгоша съ вѣча въ товары и поймавше оружие и выбиша ю ис товаръ» (Н. I, С., 6720, 205) и др.

Вторым «военным» значением термина в древнерусском языке было «обоз»: «Товары свои (постави) на Рудици. вечеру же бывшу приде въ товаръ свои» (Л., 6605, 258, 87); «Оуже есмѣ повелѣлъ товаромъ поити переди» (Л., 6605, 258, 87 об.); «И абые оудари Стѣславъ на товарѣхъ на Дѣдовыхъ» (И., 6688, 614, 216 об.). В обоих значениях слово более употребительно в форме множественного числа, и этой особенностью военное словоупотребление отличается от словоупотреблений, характерных для других ответвлений общенародного языка (торговой, социальной терминологии), где более обычна форма единственного числа. Эти значения — «имущество», «добро», «товар» (как предмет купли-продажи), «деньги».

До конца XII—начала XIII в. *товаръ* (*товары*) занимает господствующее положение в рассматриваемом синонимическом ряду (до XII в. это было, по-видимому, единственным наименованием военного лагеря); но уже к концу XII в. позиции термина сильно поколеблены вторгшимся в сферу обозначения военных понятий русским (славянским) *стан* и заимствованным *колымагъ*. Особенно активным становится слово *станъ*, ставшее в конце XII в. единственным выразителем понятия о военном лагере. Потеря господствующего положения термином *товаръ* хорошо вскрывается из сравнения разночтений в различных летописных сводах. Так, в уже приведенном выше примере из «Повести временных лет» под 6500 г. в Лаврентьевском списке читается: «... приде въ товары (и) посла бирічи по товаромъ гла. нѣту ли такого мужа», а в Радзивилловском соответственно: «... приде въ товарищи (и) посла бирічи по войску». Для переписчика позднего списка летописи значение слова *товар(ы)* не было

понятно, и он заменил его двумя словами — *товарищи* и *воиско*.⁴²

Слово *шатеръ*, обозначая 'походную палатку', 'шатер' («Хода возъ по собѣ не возаше, ни котыла, ни масъ вар. . ни шатра имаше, но подкладъ пославъ и сѣдло в головахъ» — Л., 6472), в сочетании с глаголом *стати* образовывало терминологическое сочетание с «военным» значением 'стать, расположиться станом (военным лагерем)': «Придоша г Киеву и сташа шатры противу Киеву, по лугови» (Л., 6659); «Придоша Новоугородоу въ лодыжахъ и ста по полю шатры» (Н.І, С., 6727); «Перебродився Двину, и отѣха за 5 верстъ и ста шатры на бору чистѣ» (П.І, 6773).

Видимо, такого рода употребления слова *шатеръ* (*шатры*), а также основное значение его (походная палатка, служившая местом отдыха в военном походе) дали возможность развития в термине значения 'стан', 'военный лагерь': «И князь великой пословъ Псковскихъ съ подворья спроводилъ, на очи не пустилъ, ни дару не принялъ, и они стоявъ 5 дней шатромъ на поли, и безъ отвѣта ко Пскову приехали» (П.І, 6982). Хотя о полной свободе значения слова здесь говорить еще нельзя. К сожалению, примеры на такое употребление исчерпываются приведенным случаем, и делать какие-либо выводы об устойчивости значения нет никаких оснований.⁴³

С конца XV в. документируются употребления слова *кошъ* в значении 'стан', 'обоз': «Сетей и рожновъ и осокъ и собакъ бояромъ не дѣржать и поколодвъ и кошовъ не ставити» (Судебн. Казимира, 1498. Рум., 659). Это употребление еще не является терминологическим обозначением воинского стана. Это скорее 'шалаш', 'кибитка как временная стоянка на охоте, рыбной ловле и т. д.' Однако многочисленные употребления слова в позднейших памятниках (начало XVI в.) вскрывают именно военное значение его: «Нѣмцы кошъ свои поставиша опричь и молвиша:

⁴² *Товаръ* принадлежит к числу древнейших заимствований из тюркских языков. Н. К. Дмитриев считает, что «товар» происходит от чувашского *тавар* || тюркск. *туз* 'соль' и указывает на старье (еще дотатарские) торговые связи русских с булгарами и чувашами. . . В некоторые тюркские языки слово *товар* попало уже как заимствование из русского языка; ср., например, якутское *табѣр*» (Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сб., вып. III. М., 1958, стр. 32).

⁴³ По Н. К. Дмитриеву (О тюркских элементах русского словаря, стр. 36), *шатер* является иранским словом *šadar*, заимствованным в различном фонетическом облике тюркскими языками, а из последних усвоенное русским. «Махмуд Кашгарский дает две тюркские формы этого слова: *šašur* и *šašur*. Есть и третья: *чадыр* (например, в тур., азерб., туркм. языках). В силу обычного чередования *č|ц|ш* возникли параллельные формы *цатыр* (Codex Cumanicus) и *шатыр* (казах., вор.). Последняя и лежит в основе русского слова. . . Ср. также венг. *sátor* 'Zelt'. Это может являться ответом на недоумение Преображенского относительно непосредственного источника заимствования (Этимологический сл., 1231).

толко де и Русь ударитца на кошъ, и мы де и выидемъ изъ Псковской земли» (П. I, 7011, 87). Также: Н. IV, 7043, 572, 438; Ник., 1551, VII, 85; АИ, I, № 228, 1589, 434 и др.

Кошъ — старое заимствование из тюркских языков.⁴⁴ Кроме восточнославянских языков — украин. *кош*, *кіш*, *кошовій*; белор. *кошеваць* 'разбивать лагерь' — оно известно польскому: *kosz*, *koszowy*. На русской почве слово имело значения 'обоз', 'стан'; 'казачий лагерь', 'стоянка кочевников'; 'шалаш', 'пастушеский стан' (терск.); 'жилище кочевника', 'кибитка', 'палатка' (кош — круглая киргизская палатка из войлока — Мамин-Сибиряк, Баймаган); 'летний временный стан', 'стойбище кочевников'; 'место пребывания запорожских казаков', а также 'временный казачий лагерь', 'бивак'; 'рабочая, промысловая артель', 'ватага' и др. Большинство значений и употреблений слова *кошъ* на русской почве является достоянием диалектов, и, надо полагать, развились они в позднее время, преимущественно в районах, граничащих с тюркоязычным населением. Что касается древне- и старорусского периода, то там можно было отметить только два значения — 'лагерь', 'обоз' и 'временная стоянка охотника'. Можно предполагать, что на русской почве значения и употребления слова *кошъ* развивались не без влияния украинских источников.⁴⁵ Время проникновения термина в русский язык следует перенести к началу XV в., так как производные от *кошъ* — *кошевыи*, *кошевыи* в значении 'воин обоза — обозник' документируются памятниками середины XV в. (П. I, 6968; Соф. вр., 6979, II, 126). Известен русскому языку и глагол *прикошовати* (*прикоштовати*) в значении 'присоединиться к кому-либо (обычно к какому-либо войску)': «Великому князю Ивану слово мое от Брата своего Ямгурчея . . . к салтан Боязыт салтану послал есми и тебе есми о том приказывали: ныне Ямгурчеи добръ и 70 000 рати нарядилъ, Ямгурчею прикоштовалъ» (Сборн. Русск. истор. об-ва, т. 41, стр. 110).

Уже было отмечено, что тюркское заимствование *кошъ* в значении 'лагерь', 'стан', 'стоянка' известно главным образом в южных и западных говорах русского языка.⁴⁶ Это говорит о том, что слово *кошъ* на великорусскую почву было занесено из юго-запад-

⁴⁴ См. этимологию *кош*: Фасмер, II, 359; Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 29, и др.

⁴⁵ См. замечание Н. К. Дмитриева, заканчивающего этимологическую справку к слову *кош*: «Отсюда же *кош* и *кошевой* в практике Запорожской сечи (Будагов, II, 83)» (Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 27).

⁴⁶ См. об этом: Н. П. Гринкова. Об областных словах в современном литературном русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 122, каф. русск. яз., 1956, стр. 158—180; В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепропетровск, 1960, стр. 302—305.

ной России. Оно не стало общеизвестным на всей территории Московского государства. В памятниках письменности Московской Руси вместо *кошъ* употреблялись *станъ*, *становище*, *обозъ*, *юртовище*, *таборъ* и др. К XV в. относится и начало функционирования заимствованного слова *таборъ* в значении 'военный лагерь', 'боевое расположение войска, прикрытое обозными телегами', это значение широко представлено в исторической и художественной литературе на историческую тему. Судя по тому, что *таборъ* наличествует во всех славянских языках (и во всех языках отмечается наряду с другими «военное» значение слова), можно считать этот термин древним заимствованием в славянские языки. Н. К. Дмитриев относит слово в русском языке к тюркизмам, «требующим дополнительной документации». Безусловно это тюркское слово: тур. *tabur* 'лагерь, окруженный повозками', современное значение 'батальон'. «Однако ввиду того, что русское ударение ставится на первом слоге этого слова, естественнее возводить его к венг. *tábor* 'Lager', 'Feldlager', откуда и рум. *tabără*. Отсюда же, вероятно, и пресловутое *цыганский табор*'.⁴⁷ По-видимому, слово *таборъ* проникло в язык великорусских памятников из юго-западных областей. Оно обычно в псковских летописях: «Придоша изъ таборъ пригородские стрѣльцы со Псковскими» (П. I, 1607, 323); «Послаша подъ Москву въ таборы с повинной» (П. I, 1609, 325), в Пискаревском летописце (1609—1610, 134), в Повести об азовском взятии и осадном сидении 1637 и 1649 гг. (Азовские повести, стр. 74, 75 и др.). Известно прилагательное *таборский* — *таборский царь* (о Лжедмитрии) — П. I, 1607, 323, что говорит об укреплении термина в качестве равноправного члена русской лексико-семантической системы.⁴⁸

На русской почве развились значения 'шатры', 'стоянка кочевого народа'; 'привал переселенцев'; 'переносное селение' (Даль, IV, 385); 'группа семейств цыган, кочующих вместе', 'место их стоянки'; 'расположившаяся на стоянку большая группа людей', 'место их расположения'; 'вообще большая группа людей'. В новгородских говорах слова *таборище* и *таборы* (мн. ч.) обозначают 'городище', 'место с остатками древних укреплений, вала, становища, военного стана' (Даль, IV, 385). В говорах получила развитие как раз неспециальная линия семантического развития сущ. *табор* и его производных. *Табор* получает значение 'стая', 'табун', 'сборище': табырь оленей (стадо оленей) (Арх., Даль). *Таборная белка* в сибирских говорах обозначает 'белка, остающаяся на месте, в то время как другие уходят (перекочевывают) на другое место' (Даль). Глагол *табориться* в си-

⁴⁷ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 43.

⁴⁸ См. примеры в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 16, стлб. 14—15).

бирских говорах — ‘стаиться’, ‘табуниться’, ‘собираться стаями’ (Даль).

В языке XV—XVII вв. основным наименованием военного лагеря, стана, войска становится термин *станъ*, победивший в борьбе с синонимами *товаръ*, *колымагъ*, *шатерь*, *таборъ*, *кошъ*. Последние слова совершенно выходят к этому времени из употребления; их выпадению из словарного состава языка способствовал целый ряд причин, к которым прежде всего надо отнести изменения в устройстве, организации самого лагеря (стоянки войска). Если в древности это обычно шатры, повозки, окружавшие войско на стоянке (отсюда *колымагъ* ‘шатер’ → ‘повозка’ → ‘лагерь’; *шатерь* ‘шатер’ → ‘лагерь’), то теперь военный лагерь представляет собой укрепленную стоянку со рвами, засеками и т. п.

Из сугубо языковых факторов следует указать на иноязычный характер сущ. *колымагъ*, *шатерь*, *товаръ*, *таборъ*, *кошъ*. *Колымагъ* так и остался одиночным, изолированным элементом в русской лексической системе, к тому же ставшим преимущественно названием особого рода повозки (в украинском и белорусском языках и в русских говорах); слово *товаръ* специализировалось в торговой терминологии, что выводило его из иной терминологической (военной) системы; *шатерь*, как было отмечено выше, не обладал свободным военным значением, что также не способствовало утверждению этого слова в качестве специального наименования; *таборъ* в русском литературном языке и в народных говорах обрастал прежде всего не военными, а бытовыми значениями и оттенками (в отличие от западно- и южнославянских языков, где укрепились именно военноспециализированные значения). Такова же судьба в русском языке и слова *кошъ*.

Станъ, будучи связанным с глаголами *стояти*, *ставиться*, лучше, чем другие слова ряда, выражал общую идею о стоянке (военном лагере) войска. Употребления термина в XVI—XVII вв. многочисленны: «И онъ деи Василей казаковъ, Власовыхъ товарищей, на стану, взявъ съ собою, и пришедъ атамана своего Степана Евлашова и своихъ товарищей черкасъ погромилъ, а иныхъ побилъ» (АИ, I, № 228, 1589, 433); «Прислалъ къ боярину и воеводамъ . . . на станъ, противъ Сарпы, посла своего Келманетъ мурзу» (АИ, III, № 278, 1614, 445). *Станомъ* начинает обозначаться и место постоянной стоянки войска, укрепленный лагерь (род крепости), выдвинутый на юго-восточные границы Московского государства в эпоху утверждения правил сторожевой службы на окраинах государства: «Да и Ярославской и Романовской уезды воевали казаки человѣкъ съ триста, от Ярославля верст за тридцать Заволоскіи станъ, а атаманъ у нихъ Прохоръ Кокоринъ» (АИ, III, № 13, 1614, 13—14); «Велѣли Михайлу Варфоломѣвичю Румянцову ѣхати въ Смоленской уѣздъ, в Мак-

симовской станъ, въ острожокъ, гдѣ стоялъ Иванъ Полковъ; а приѣхавъ въ тотъ острожокъ взять Михайлу у атамановъ имянной списокъ казакомъ» (АИ, III, № 4, 1613, 3). Обычны употребления термина в Азовских повестях и других памятниках XVII в.⁴⁹

4. НАИМЕНОВАНИЯ РОДОВ ВОЙСК

В этой подгруппе лексики произошли наиболее заметные изменения, выразившиеся в семантических преобразованиях уже имевшихся в древнерусскую эпоху слов и терминов, с одной стороны, и в обогащении группы новыми лексическими элементами, призванными отразить развитую дифференциацию вооруженных сил в зависимости от характера выполнения боевых задач, — с другой.

Как уже говорилось выше, в эпоху усиления и укрепления Московского государства в русском войске происходят большие изменения и преобразования, начало которых относится ко времени Ивана III. Ко второй половине XVI в. вооруженные силы Московского государства состояли из: а) поместных войск; б) постоянных (поселенных) войск; в) казаков; г) войск иноземного строя. Для каждой из этих категорий вооруженных сил была характерна особая терминология названий войнов по их социальному или профессиональному признаку. Поместное войско составляли *служилые люди*, которые за пожалованные им поместья должны были пожизненно служить, — *дворянѣ, дѣти боярскіе, мурзы, жильцы, новокръщеные, татары (татарскіе князья)*. Поместные войска были конными войсками, это поместная конница.

Дворяне — важнейший разряд поместных войск: «А которымъ Московскихъ и Казанскихъ городовъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ . . . на государевой службе быти» (ААЭ III, № 206. 1632). Термин *дворяне (дворянинъ)* известен в древнерусскую эпоху главным образом по новгородско-псковской письменности в значении 'член княжеского двора (постоянного войска)' уже в самом начале XII в.: «Мѣстиславъ же кнзъ възд на нихъ дань. и да Новгородъцемъ двѣ части дани. а третью часть дворяномъ» (Н. I, С., 6722); «А въ Бежицахъ, кнже, тобѣ, ни твоѣи кнзгыни, ни твоимъ бодромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати» (Дог. гр. Новг. с Яросл. Яросл., 1264—1265 гг.); «А изъ Новгорода васъ не позывати дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ні извѣтники, ни бѣрѣчи» (Н. IV, 6856, 278, 184 об.) и др. Таких

⁴⁹ Именно этому термину суждено было дожить до наших дней и сохранить значение специального наименования, несмотря на сильнейшую конкуренцию со стороны позднего заимствования из немецкого языка — *лагерь* (нем. *Lager*), занимающего теперь господствующее положение в подгруппе наименований места стоянки войск.

употреблений в древнерусской письменности множество, они прослеживаются и в XIII, и в XIV—XV вв.

Дворяне как члены княжеского двора были первым и основным элементом, составлявшим поместную конницу, получавшим за обязанность быть на «царской службе» земельные поместья. Термин *дворяне* (*дворянинъ*) переносится теперь на новое общественно-социальное явление, начиная обозначать новый общественный слой русского общества, слой землевладельцев, обязанных за владение землей пожизненной военной службой. Одним из наиболее ранних упоминаний о дворянах как о новой социальной группе, составляющей костяк поместного войска, является употребление термина в этом значении в «Приговорной грамоте» об отказе польским послам в перемирии: «А мы государя своего царевы и великого князя дворяне первая статья язъ князь Иванъ княжъ Ондръевъ сынъ Шуйского. . . , мы дворянъ и дѣти боярскія другіе статьи. . . , а мы Торопецкіе помѣщики». Показательно, что дворянами первой статьи названы те лица, которые в «Поручной записи по боярине Иване Петровиче Яковлеве» 1565 г. названы *дѣт(ь)ми боярскими*; о дворянах в этой записи не упоминается. Отсюда можно заключить, что дворяне как особый разряд войска были оформлены не ранее 1566 г.⁵⁰

Термин *дворяне* (*дворянин*) выступал в функции родового наименования, включающего в себя ряд видовых понятий, отчетливо противопоставляемых друг другу. Это *московские дворяне*, *жильцы* и *городовые дворяне*. Московские дворяне составляли так называемый *государевъ полкъ*; в него же входили и *жильцы* 'лучшие (выборные) люди из государевых дворян, набравшиеся из городов для несения воинской службы в Москве на полугодовой срок'. Ж и л ь ц ы пользовались меньшими правами и получали меньшие поместные оклады, чем московские дворяне. Что касается *городовых дворян*, то они выполняли службу в городах Московского государства, в мирное время назначались губными старостами, осадными и стрѣлецкими головами, сотниками, пятидесятниками и т. д. Кадр ы г о р о д о в ы х ъ д в о р я н ъ составили члены дворов удельных князей и бояр. Термин *городовые дворяне*, будучи видовым по отношению к родовому наименованию *дворяне*, сам выступает в роли родового термина, объединяя вокруг себя ряд видовых названий: *выборные дворяне*, *дворовые дворяне*, *городовые дворяне* (ААЭ, IV, № 290). Естественно ожидать, что каждое наименование выделяло тот или иной разряд служилых дворян, противопоставляемый другим по правовому, служебному, материальному и тому подобному положению. Верхний слой *городовых дворян* составляли *выборные дворяне*, нижний — собственно *городовые дворяне*.

⁵⁰ См. об этом: И. Б е л я е в. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.

Дѣти боярскіе. Законодательное оформление детей боярских как особого разряда поместного войска также относится ко времени Ивана IV Грозного. Как и в случае с дворянами, в отношении «класса» боярских детей трансформация самого явления социально-общественной жизни приводит к трансформации семасиологического значения термина *дѣти боярскіе*. Дѣти боярскіе как разряд поместной конницы не что иное, как трансформированные дѣти боярскіе — младшие дружинники и младшие члены княжеского двора. Теперь они, как и дворяне, стали землевладельцами и за пожалованные им поместья обязаны службою московскому государю. Под родовым наименованием *дѣти боярскіе* объединялись три различные категории людей этого разряда — *выборные дѣти боярскіе*, *дворовые дѣти боярскіе* и *городовые дѣти боярскіе*. В этом наблюдается параллелизм с терминами *городовые дворянѣ* и видовыми названиями городских дворян. Здесь уже отчетливо проявляются системные начала организации понятий и соответствующих им терминов. Была особая разновидность *дѣтей боярскихъ* — *дѣти боярскіе украинныхъ (украинскихъ) городовъ*, приравненные в правовом отношении к казакам (городовым). На *детей боярскихъ* возлагалась задача обороны городов, особенно «украинных». В мирное время они выполняли обязанности *рассылщиковъ, приставовъ, губныхъ старостъ, цѣловальниковъ*.

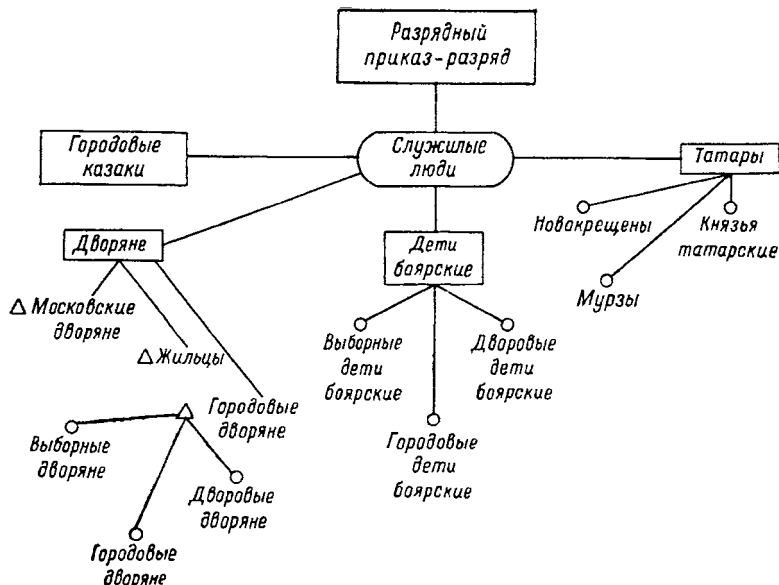
Новокрещены, мурзы и князя татарскіе — наименования представителей третьего разряда поместного войска (поместной конницы). В правовом отношении они приближались к *детям боярским* и разделялись на *новокрещенъ, мурзъ и князей татарскихъ (татаръ) московского чина* (высший разряд) и собственно *новокрещенъ, мурзъ и князей татарскихъ* (ААЭ, IV, № 83, 1655). В качестве общего наименования этого разряда употреблялось слово *татары*. Происхождение названий очевидно и не нуждается в дополнительном объяснении.

И, наконец, четвертый разряд поместной конницы составляли *городовые казаки*, первые упоминания о которых относятся еще ко времени Василия Темного. Городовые казаки приравнивались к *украиннымъ детямъ боярскимъ*.

Все эти разряды воинов состояли в одном списке Разрядного приказа (Разряда) и составляли городской полк каждого города (см. схему на стр. 203).

В этой схеме не отражено равенство в правовом отношении между некоторыми разрядами служилых людей и возможность восхождения от более низких ступеней иерархической лестницы к более высоким.

С практикой набора поместного войска связано появление ряда обозначений лиц, профессионально занятых собиранием людей в войско, а также лиц, впервые вступающих в воинскую



службу или не явившихся на место сбора. Это *рассылчикъ*, *сборщикъ*, *новикъ*, *нѣтчикъ*, *окладчикъ*, *разборчикъ*.

Даточные люди 'народное ополчение, собираемое на случай войны с тяглых и нетяглых дворов (как посадских, так и крестьянских)'. Число дворов, с которых брался воин, не было точно установленным, но менялось в зависимости от надобности в воинах. Конные даточные люди участвовали в боевых действиях наряду с другими видами войск; пешие даточные люди обычно предназначались для подсобных надобностей — возведение укреплений, устройство засек, их охрана, прикрытие наряда (артиллерии) и т. п., т. е. для тех же целей, для которых предназначалась ранее *посоха* (*посошные люди*). История терминов *посоха* (*посошные люди*) и *даточные люди* взаимосвязана и тесно переплетена.

В Никоновской летописи под 1444 г. имеется сообщение о «многой рати», вооруженной ослопами, топорами, рогатинами и не входившей в состав воеводских полков. Эта рать не имеет там названия, однако по тому, что она не входила в воеводские полки и была вооружена «кто чем мог», можно судить, что это было народное ополчение. Но каким образом оно было набрано, неизвестно. Рать могла оказаться *посохой* (набор с сохи — меры земли) или *даточными людьми* (набор с двора). Но скорее всего это были *посошные люди* (*посоха*). Первое свидетельство о наборе рати по принципам сбора даточных людей относится к 1545 г. по случаю сбора войска для Казанского

похода (ААЭ, III, № 222). Слово *посоха* в значении 'рать, набравшаяся по расчету с сохи' появилось не ранее XVI в. Одним из самых ранних употреблений его следует считать употребление в Псковской 1-й летописи под 7020 г.: «Посоха принесоша приметъ»; «Много подъ городомъ пищальниковъ и посохи прибили» (П. I, 1512, 289). У И. И. Срезневского приведено еще три примера на употребление слова *посоха* в этом значении. В. В. Ильенко указывает на наличие термина и в других псковских летописных сводах (П. III и П. л. в изд. Погодина) и всегда только в этом одном значении и в случаях, когда речь идет только о псковско-новгородских событиях.⁵¹ Учитывая показания современных новгородских говоров, в которых отмечается близкое к древнему значение 'артель, толпа рабочих или других людей, проходящая через деревню и останавливающаяся в избах на обед или ночлег' (Доп. Оп. 1852), можно утверждать, что *посоха* в значении 'наряд людей по расчету с сохи (обычно для военных нужд)' является псковско-новгородским диалектизмом. В московской письменности значительно ранее XVI в. слово *посоха* употреблялось в значении 'поземельная подать с сохи' (первое употребление отмечается в: Жал. гр. Дм. Ив. Тр. мон. до 1389 г.). Ср. также в смоленских говорах: *посоха* 'дорожная повинность', 'наряд для исправления дорог'. Все значения слова и в древнерусском языке, и в современных диалектах объединяются одним общим признаком: в основе наименования лежит набор, сбор чего- или кого-либо из определенного расчета, а именно с сохи — с земельной меры как податной единицы. Термин *соха* в этом значении был общерусским, но только в псковско-новгородской земле, т. е. на северо-западе произошла «военная» специализация его значения.

Вольные охочіе люди — наименование добровольцев, вступающих на военную службу во время военного похода или защиты страны от нападения врага. *Охочіе (охвочіе)* люди или *охочая (охвочая) рать* — термины, известные древнерусской письменности с конца XIV в., причем вначале в основном только по псковско-новгородским памятникам, а затем уже и в московской письменности: «И новгородци, охвочая рать, выѣхаша на княжи волости воевать, а с ними два князя. . . , и воеводы Новгородския» (Н. IV, 6901, 373, 246 об.). Также: Н. V; П. I; Ник. и др. Но во всех этих источниках говорится об о х о ч и х л ю д я х, т. е. добровольцах, которые никак не определялись с точки зрения их социального положения в русском обществе. С XVI же века для того, чтобы показать отнесенность человека, вступающего добровольно в войско, к классу свободных, нетяглых людей, вырабатывается составной термин *вольные охочіе люди*. Если же необходимо было отразить только добровольность вступления

⁵¹ В. В. И л ь е н к о. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв., стр. 218—219.

в службу, язык прибегал к выработке термина, образованного суффиксальным путем, *охотникъ*: «Съ Иргиза итти имъ для воровства на Волгу; а напередъ де того, до разгрому, пошли съ Медвѣжья острова отъ казаковъ изъ городка на Иргизъ охотники, казаки Васка Рѣзвой, Жилка Васильевичъ . . . съ товарищи» (АИ, III, № 42, 1614, 39). На употребление терминов *охочіе люди* и *охотникъ* в Сибирских летописях (не только в военном значении) указывает О. Г. Порохова (125).

Нерубленные люди 'собранные не по разрядке, добровольно вступившие (на военную службу)': «А въ то время Ивашко дьякъ скопи около себе нерубленныхъ людей, охвочихъ, и ходиша за Изборско въ слободу в Немецкую землю» (П. II, 1463, 34). В. И. Максимов и В. В. Ильенко справедливо относят сочетания *нерубленные люди*, так же как и глаголы *рубити*, *срубитися*, *порубитися*, *рубитися*, *обрубати*, к числу северо-западных диалектизмов.⁵² Наши материалы подтверждают это мнение.

Стрѣльцы. Особый разряд войск Московского государства второй половины XVI и в XVII в. представляли собой *стрѣльцы*. Стрелецкое войско формировалось из свободных людей, прежде всего из беспоместных городских казаков внутренних городов государства. Это было уже постоянное войско. Предполагают, что *стрѣльцы* как особая часть войска возникла не ранее XVI в. Одним из наиболее ранних упоминаний о стрельцах в этом значении является сообщение из второго похода Ивана Грозного на Казань о том, что царь в 1551 г. поручает князю Петру Серебряному *с дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казакми* ударить из Нижнего Новгорода на Казанское предместье. Под 1551 г. упоминание о стрельцахъ имеется в Никоновской летописи. В Актах исторических читаем: «И по всѣму городу росписати и розверстати дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, какому в которое мѣсто колко пригоже учинити» (АИ, I, № 169, 1563, 322). Конец XVI в. и XVII в. дают уже многочисленные примеры употребления этого термина: «Терскіе вольные атаманы и казаки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники и пятидесятники, и десятники, и стрѣльцы, и казаки, и весь міръ Терского города челомъ бьютъ» (АИ, III, № 30, 1614, 281); «Посылали они за воровскими казаки и за Черкасы, на Медвѣдицу, сотника стрѣлцего . . . съ конными стрѣльцы» (АИ, I, № 230, 1591, 446). Ср. также употребление прилагательного *стрѣлецкий* в только что приведенном случае, а также и в других: «А вѣдати боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу Шуйскому ворота Устицкіе. . . : и учинити у нихъ отъ себя головы съ дѣтьми боярскими, перемѣняя

⁵² В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, Каф. русск. яз., т. 173, 1958, стр. 196—197; В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв., стр. 236—237.

изъ своихъ полковъ, и головы стрѣлцкіе съ стрѣлцы у тѣхъ и у всѣхъ воротъ» (АИ, I, № 169, 1563, 322). Стрѣлцы — это особый родъ воинской организации: «А съ ними посылать, въ вождѣхъ, по два человѣка стрѣлцовъ конныхъ или казаковъ, которые бѣ знали Подемъ до Украины» (АИ, I, № 230, 1591, 436); «Сыскивати ихъ въ ихъ нѣтчиковъ помѣстья послали розыщниковъ и стрѣлцовъ и пушкарей» (АИ, III, № 31, 1614, 31); «И по всѣмъ городу росписати и розверстати дѣтей боярскихъ и стрѣлцовъ, покольку въ которое мѣсто колко пригоже учинити» (АИ, I, № 169, 1563, 322). Это значение явилось дальнейшимъ развитиемъ первичнаго значенія слова *стрѣлцы*, бытовавшаго въ русскомъ языкѣ уже въ первые века русской письменности. Въ Московскомъ государствѣ XVII в. стрѣлцы были самымъ значительнымъ и по количеству и по своему значенію разрядомъ служилыхъ людей «по прибору». Въ XVI в. они, напротивъ, были только вспомогательной военной силой.

Н. М. Карамзинъ считалъ, что стрельцы вначалѣ выступаютъ подъ наименованіемъ *пищальники*: «Уже при великомъ князе Василии брали съ городовъ пищальниковъ, которые были то же, что стрельцы». ⁵³ Рядъ историковъ и военныхъ историковъ XIX и XX вв. придерживаются той же точки зренія, находя подтвержденія своего предположенія въ документахъ второй половины XVI в. Такъ, например, Н. Шпаковский сообщаетъ, что въ 1556 г. въ Новгородъ была послана грамота о приведеніи къ крестному целованію и даче денегъ и хлебнаго жалованія пищальникамъ, воротникамъ, сторожамъ (ДАИ, I, 1556, № 90, 142). Въ этой грамотѣ перечисляются все разряды служилыхъ «приборныхъ» людей (въ томъ числѣ и пищальники), а стрельцовъ нѣтъ (а они тоже «приборные» *служилые люди*), причемъ размеръ жалованья, указываемаго для пищальниковъ, очень близокъ къ размеру стрелецкаго жалованья. Стрельцы въ 1556 г. уже существовали. На этомъ основаніи Н. Шпаковский дѣлаетъ выводъ о томъ, что здѣсь подъ *пищальниками* имѣются въ виду *стрельцы*, темъ болѣе что въ это время *пищальники* уже не упоминаются обычно. Причиной измененія названія (по Карамзину и Шпаковскому, пищальники первой половины XVI в. — это стрельцы второй половины XVI в.) было желаніе отличить «приборныхъ служилыхъ людей» (набираемыхъ изъ различныхъ слоевъ населенія) отъ *дѣтей боярскихъ*, вооруженныхъ, такъ же какъ и первые, однимъ видомъ оружія — пищальми. ⁵⁴ Однако, какъ показываютъ вновь привлеченные факты, это утвержденіе нельзя считать бесспорнымъ. Дело въ томъ, что, несмотря на сходство, *пищальники* и *стрельцы* являются двумя различными видами «служилыхъ

⁵³ Н. М. Карамзинъ. История государства Россійскаго, т. VIII, примеч. 493.

⁵⁴ Н. Шпаковский. Стрельцы. ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 135—151.

людей», которые на определенном отрезке времени сосуществовали. Термин *пищальники* впервые употребляется в 1-й Псковской летописи под 1510 г. в сообщении о присылке в Псков из Москвы «пищальников казенных» и «воротников» (П. I, 1510, 288). Затем в той же летописи под 1512 г.: «Приѣхалъ князь великий Василий Ивановичъ подѣ Смоленскъ со всеми своими силами. . ., а съ городовъ пищальники, а на Псковъ накинута 1000 пищальниковъ» (П. I, 1512, 290); «Бои не былъ нигдѣ, разѣ, изронъ великъ былъ людемъ, которые кормовъ добывали. . ., и пищальниковъ многихъ не было подѣ Казанью, поворочалися» (Н. IV, 7058, 621, 45 об.).

Этот термин не был, однако, достоянием языка только северо-западной Руси. Его находим в Львовской летописи под 1535 г. в рассказе о составе гарнизона Гомеля (ПСРЛ, т. XX, 431). В текстах *пищальники* упоминаются рядом с *посохой*, однако всегда выделяются из нее, не входят в ее состав: *п и щ а л ь н и к и* как род войска XVI в. выполняли основную боевую задачу, а *п о с о х а* служила лишь для выполнения вспомогательных функций: «. . . и напившиися полезоша къ городу, и иныхъ городовъ пищальники, а посоха понесоша приметъ» (П. I, 1512, 290).

В «Русском хронографе» (2-я редакция) под 7058 г. встречается следующее употребление слова *стрѣльцы*: «Того же лѣта учинилъ у себя царь и великий князь Иванъ Васильевичъ выборныхъ стрѣльцовъ с пищалей 3000 человекъ, а велѣлъ имъ жити в Воробьевской слободе, а головы у нихъ учинилъ детей боярскихъ: въ первой статьи Гришу Желобова, сына Пущечникова, а у него пищальниковъ 500 человекъ». Употребленное здесь слово *стрѣльцы* имеет отчетливо выявляемое значение отглагольного действия — *стрѣльцы с* (из, — Ф. С.) *пищалей*; в то же время речь идет об организации нового вида войска, хотя оно еще и называется *пищальники*. Этот пример ярко характеризует рождение нового термина.⁵⁵

Выше приводились примеры на употребление термина *стрѣльцы*, из которых видно, что они выделяются особо в ряду других категорий воинских (военных) людей: «[Царь и Великий князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руси] послалъ на Заруцкого въ плавной рати, Волгою, боярина и воеводъ своихъ, тобя князя Ивана Микитича Одоевского да околничего Семена Васильевича Головина. . ., а съ вами де Царьского Величества ратные люди, дворяне и дѣти боярскіе и стрѣльцы» (АИ, III, № 30, 1614, 29). Ср.: «И въ ту пору велѣти на караулѣхъ людей прибавити, и велѣти быти въ городѣ головамъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣмъ наряднымъ, а стрѣльцомъ велѣти быти съ ружьемъ» (АИ, III, № 134, 1625, 212).

⁵⁵ Интересно, что И. Беляев указывает на 1550 г. как на время образования стрелцкого войска. См. его работу «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразования Петра В.» (М., 1846).

Уже из приведенных примеров видно, что стрельцы действительно представляли собой особый вид войска. Просуществовали они вплоть до царствования Петра I. Стрелецкое войско было и пехотное и конное, что всегда подчеркивалось определяющим прилагательным: «Кутухъ Мурза Енараслановъ съ конными стрѣльцами и съ татараы іюня по 14 день съ нами не съѣзжавался» (АИ, III, № 23, 1614, 23).

Обязанности стрелецкого войска (делившегося на Московских и городовых стрельцов) состояли из несения гарнизонной службы, выполнения охранной службы при царском дворе (один полк так и назывался *Стремяннымъ*). В мирное время стрельцы выполняли и полицейские функции. Как постоянное войско, стрельцы в мирное время проходили воинскую подготовку, т. е. обучались «ратному делу». Этот вид войска можно уже считать переходным от древней рати к постоянному войску «солдатского строя». Именно стрельцы были тем родом (видом) вооруженных сил Московского государства, который получает формы организации, напоминающие формы организации западноевропейской армии. Так, вводятся уже упомянутые полки или приказы как самостоятельные войсковые части; постоянный характер службы и элементы обучения «ратному строю» — военному искусству усиливают это сходство. «И нынѣ, господа, мы Маринку съ сыномъ послали къ вамъ въ Казань, съ Михайломъ Соловцовымъ, а съ нимъ для береженья его приказу пятьсотъ человекъ стрѣльцовъ, да Самарскихъ сто человекъ стрѣльцов, а Ивашка Заруцкого послали къ вамъ съ Баимомъ Голчинымъ, а съ нимъ Сунгурова приказу сто человекъ стрѣльцовъ» (АИ, III, № 35, 1614, 34). Словом *приказ* в данном случае обозначается определенная ячейка организации стрелецкого войска, находящаяся в ведении одного человека — *стрелецкого головы*: «Я . . . послалъ къ вамъ ратныхъ людей, съ головами стрѣleckими, съ Михайломъ съ Соловцовымъ, да съ Лукою съ Вышеславцовымъ, два приказа стрѣльцовъ съ вогненнымъ боемъ» (АИ, III, № 275, 1614, 442—443); «Да имъ же велѣно давати изъ пѣшихъ приказовъ, кому перевозити, по десяти человекъ стрѣльцовъ» (АИ, III, № 130, 1624, 203). Вместе с тем сущ. *стрѣлецъ* продолжает функционировать и в своем первоначальном значении, которое все более и более детерминологизируется, это 'стрелок'; 'человек, стреляющий из чего-либо', причем теперь это не только 'человек, стреляющий из лука', но и 'стреляющий из пищали и т. д.' В последнем случае существительное получало иногда определение, вычленявшее все сочетание в особый составной термин, — *огненный стрелецъ* — стрелок из огнестрельного оружия. Так, в «Казанском летописце»: «Посла рать многочисленную, копейника и туловца и огненная стрелца» (297). Здесь примечательно противопоставление *огненныхъ стрѣльцовъ тулавцамъ* — 'стрелкам из луков'. Происходит, таким образом, дифференциация наименований военных профессий, зани-

мающихся сходными, но все же различными видами деятельности. «Царь же . . . пристави ко всем вратам града своя вратники, огненные стрелца» (354). Это же значение слова отмечает в Сибирских летописях О. Г. Порохова (127), хотя значение термина она определяет неточно.

К категории постоянных разрядов служилых людей наряду со *стрельцами* относились (беспоместные) *казаки, пушкарки, воротники, затынчики, гранатчики, кузнецы, плотники*. Эти разряды служилых людей введены ранее появления на Руси более или менее заметных элементов войск иноземного (солдатского) строя. Они объединяются, кроме *приказов*, в одну группу по своему функциональному назначению — обслуживанию наряда (артиллерии) в городе, охране крепостных стен, городских ворот — по всему тому, что входило в понятие гарнизонной службы, ибо эти военно-служилые люди вместе со стрельцами образовывали городские полки — нечто вроде гарнизона того времени.

В системе и формах организации русского войска XVI—XVII вв. как в зеркале отражается картина социального расслоения русского общества того времени. *Бояре, дворяне, дети боярские, даточные люди, посошные люди (посоха), жилищные люди (жилыцы), казаки*, составляющие рать (поместное войско), как обозначение определенных категорий войска перенесены из области социально-политических отношений русского общества в военную область. Им во второй половине XVI в. противопоставлялись стрельцы, также особая социальная категория. Эта черта роднит XVI—XVII вв. с более ранними периодами русской истории (XI—XIV вв.), когда такое деление было основным и определяющим для военной организации. Но теперь это уже не единственная плоскость различного рода дифференциаций и разграничений. Как уже отмечалось выше, к XVI в. все более усиливается профессиональная (специальностная) дифференциация русского войска. В развитии и углублении этой дифференциации большую роль играет введение элементов западноевропейской организации армии — так называемых полков солдатского (иноземного) строя.

Уже *пищальники*, а затем в большей степени *стрельцы* представляли собой особый род войска и по формам организации, и по методам обучения, и по вооружению. Все рассмотренные выше категории войск и разряды служилых людей составляли так называемые *полки русского строя* и носили общее наименование — *чины полковой службы*. Для этого вида войска был характерен особый набор терминов — наименований подразделений войска и военнотружущих по профессиональному и должностному признаку. Слова и термины, входящие в этот набор, рассмотрены в соответствующем разделе.

Но наряду с *полками русского строя* (= *чинами полковой службы*) в конце XVI в. в Московском государстве появляются вначале в незначительном количестве, а затем начиная с первой

трети XVII в. все в более заметном войска иноземного (немецкого) строя со своими формами организации и соответственно с особой терминологией, отражающей ее. На определенном отрезке времени эти две формы войска (два различных «ратных строя») существуют до некоторой степени автономно, не влияя друг на друга и не взаимодействуя друг с другом. Однако это автономное существование долго продолжаться не могло. Сосуществование в условиях одной страны при общем руководстве обеими формами войск со стороны Московского правительства приводит к процессу взаимопроникновения элементов одного строя в другой. Это приводит к концу XVII в. к победе нового строя, новых форм организации войска, к уходу из жизни изживших себя старых форм. Процессы, наблюдаемые в военной терминологии той эпохи, являются отражением сложной картины внеязыковой действительности.

К терминам, обозначающим разряды войск иноземного строя, относятся *рейтары, драгуны, солдаты, копейщики* и т. д. Материалы письменных памятников показывают, что этими наименованиями обозначались на первых порах только наемные иноземцы. Затем в *рейтары, драгуны, копейщики* и *солдаты* стали набирать русских людей из детей боярских, новокрещен, мурз, татарских князей, казаков и охотих вольных людей. Принимается решение об организации нескольких полков солдатского строя из русских свободных людей с сохранением организации иноземных войск; естественно, что принятая для этих войск терминология, к этому времени ставшая довольно широко употребительной, переносится на явления и понятия русских войск иноземного строя. Солдатские полки вначале делились на немецкие и русские, затем все их приравняли к стрелецким полкам, и они получают новую дифференциацию, разделяясь на солдатские полки московские, городовые и выборные. В этом заметно влияние русского устройства на новые формы организации войска. Рассмотренная выше терминология отражала сложную и, может быть, не всегда достаточно стройную дифференциацию русского войска по социальному положению представителей ее различных разрядов, по формам набора и особенностям его организации, строения. Эта дифференциация еще не является дифференциацией войска по роду, по особенностям его действия, но она тесно связана и переплетена с последней. В русской армии XVI—XVII вв. было четыре рода войск — пехота, конница, наряд (артиллерия) и инженерные части. Зачатки развития этих родов войск уходят в глубь веков, но чем дальше от XVI—XVII вв., тем дифференциация выражена слабее. Во всяком случае в изучаемый период *пехота, конница и наряд* противопоставлялись вполне отчетливо.

Многие исследователи отмечают, что самую значительную часть военной лексики русского языка XI—XVII вв. составляют слова русского (славянского) происхождения, известные с начала

русской письменности и употреблявшиеся именно в «военных» значениях уже в XI—XIV вв. Ср. замечание Ф. П. Филина о том, что «по своему происхождению и употреблению военная лексика, можно сказать, оказывается сплошь восточнославянской (мы не выделяем из нее некоторых слов, заимствованных из разных языков еще в дописьменную эпоху). Из всех лексических групп военные термины были менее всего затронуты церковнославянизмами».⁵⁶ Из слов, называющих воина по виду его вооружения, по роду деятельности или по месту, которое он занимает в военно-социальной иерархии, сюда относятся такие, как *княжий мужь* (старший дружинник, боярин), *градские старцы* (военная администрация города), *лучшие мужи* (старшие дружинники), *отрокъ*, *дѣтскими*, *дѣти боярские*, *гридь*, *дворъ* (служилые люди князя), *дворьный*, *дворьский*, *дворянинъ*.

К древнему фонду номенклатуры названий воинов по выполняемым ими обязанностям (название военных специальностей) принадлежат: *стрѣлецъ*, *стрѣльникъ*, *копейникъ*, *оружникъ*, *стяжникъ* (*стяжькъ*), *знаменосецъ*, *телохранитель*, *забральникъ*, *пѣшѣцъ*, *коневникъ*, *возникъ*, *зажитникъ*, *засадникъ*, *луч(ь)никъ*, *лодеиникъ*, *лодейщикъ*, *меченоша*, *меч(ь)никъ*, *наворопникъ*, *сѣдельникъ*. Список этот относительно небольшой. Его составляют слова, обозначающие наиболее общие категории профессиональной (специальной) дифференциации русского войска, дифференциации, в основе которой лежит противопоставление (*пѣшѣцъ* ↔ *коневникъ*; *стрѣлецъ* ↔ *копейникъ*; *оружникъ* ↔ *стяжникъ* и т. д.). Эта дифференциация только намечалась. Многие из этих слов, являясь наименованием определенного явления военной действительности, продолжают жить в лексическом составе русского языка XV—XVII вв. Об их общепринятости и широкой употребительности свидетельствуют, с одной стороны, давние традиции функционирования в языке в роли специального термина и, с другой — свободное употребление в памятниках самого различного характера, самого широкого жанрово-стилистического диапазона — от деловых документов до исторических повестей и произведений народного эпоса.

Даже в произведениях, написанных высоким стилем, носящих на себе явную печать нарочитой славянизации языка, понятия и процессы, относящиеся к военной среде, выражаются в основном средствами русского языка. Об этом свидетельствуют также и другие исследователи, так или иначе касавшиеся истории военной лексики в тот или иной период ее развития.⁵⁷

⁵⁶ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 166.

⁵⁷ См.: А. К. Абдульмапова. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец», стр. 313—328; Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства.

В этих источниках можно отметить одну особенность в отношении употребления военных терминов: состав терминов, представленный в произведении, не отражает подлинной картины современной ему системы военной терминологии. С одной стороны, отсутствуют многие важнейшие элементы системы, хорошо прослеживаемые по другим памятникам, тесно связанным со словопотреблением соответствующей среды и эпохи, а с другой — бросается в глаза наличие слов-терминов, давно вышедших из активного словопотребления, или слов, относящихся к категории старославянской лексики, призванных специальным заданием произведения. Наши наблюдения также приводят к этому выводу. Однако ограничиться только таким утверждением было бы явной ошибкой, искажающей действительное состояние изучаемого пласта лексики русского языка XV—XVII вв.

Эпоха XV—XVII вв. — время активного формирования и выработки элементов будущего национального языка, время сложных процессов, протекавших в этом языке, вызванных многими причинами языкового и внеязыкового характера. На рубеже XVI—XVII вв. в языке русской народности заметно проявляются элементы нового качества. Начинает сказываться южно-великорусское влияние, создается так называемое московское просторечие. Все эти процессы привели к изменению как лексического состава (в смысле номенклатуры названий), так и к сдвигам, перемещениям и изменениям в смысловой и фразеологической сторонах, к перестройке синонимических рядов и соотношений, которые, как известно, во многом характеризуют лексическую систему языка на том или ином этапе его развития. Прежде всего обращает на себя внимание обогащение арсенала лексических средств, обслуживающих нужды военного общения, новыми элементами и затем сдвиги в семантической системе военной терминологии.

Первые изменения легче доступны наблюдению и подсчету, они теснее всего связаны с изменениями, происходившими во внеязыковой действительности. Выявление и прослеживание семантических сдвигов и передвижений во многом затрудняется отдаленностью от современности изучаемой эпохи, утерей многих связующих звеньев и опосредствований, ограниченностью фактов, попадающих в поле зрения исследователя, ограниченностью, неизбежной вследствие того, что памятники письменности даже во всей своей совокупности не дают адекватной картины состояния языка в данную эпоху. Однако многие процессы и явления из области семасиологической доступны и для современного исследователя.

Процессы, происходившие в общественной жизни Руси XV—XVII вв., изменения в строении армии, способах ее формирования и организации, совершенствование в ее материальном оснащении привели к появлению большого количества новых слов, незнако-

мых более ранним эпохам истории русского языка. Из чего складывались эти новые приобретения, в какие отношения к старому фонду военной терминологии они становились — вот вопросы, которые предстоит теперь рассмотреть.

5. НАИМЕНОВАНИЯ ВОИНОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Старый фонд военной терминологии XI—XIV вв. не был богатым в отношении наименований воинов по профессиональному (специальностному) признаку, что находилось в полном соответствии со слабой дифференциацией воинов по профессиям. В дальнейшем углубляется и расширяется профессиональная воинская специализация, вызываемая процессами, происходящими в организации и вооружении русского войска. Все это находит выражение в изменениях в лексическом составе, обслуживающем нужды общения в военной среде.

Прежде всего заметно активизируется образование терминов, называющих военнoслужащего (или род войск) по выполняемой им функции. Этому способствовало и то обстоятельство, что вооруженные силы постепенно превращались в род регулярного войска и профессиональная дифференциация (получавшая к тому же импульсы со стороны все время обогащающейся и усложняющейся технической оснащенности армии) приобретала определенную стабильность, устойчивость. Этот процесс усложнения технической оснащенности с неизбежностью должен был привести к росту профессиональной дифференциации родов войск и отдельных воинов.

Ко второй половине XVI в. относится начало весьма заметных изменений в профессиональной дифференциации воинов, отразившейся в лексических изменениях и перестановках. Последние изменения могут быть сведены к нескольким основным типам: а) уход из живого употребления терминов, связанных с обозначением отживших свой век форм профессиональной дифференциации воинов; б) уточнение и дальнейшее развитие значений слов, приобретение последними специализированных, терминологических значений при утрате других (многозначными словами); в) утверждение слов и терминов в активном фонде военной терминологии, выход их из «пассивного» словаря; г) изменение стилистических характеристик отдельных слов или целых групп лексики; д) появление новых слов и терминов как ответ на появление новых понятий.

Значительно раньше начала XVI в. ушли из употребления термины *меч(ь)никъ*, *меченоша*, *шестникъ*, *бронид(ь)ць*, *стрѣльникъ*, *забралникъ*, *копьеносець*, *возникъ*, *коневникъ*, *наворопникъ*,

мастеръ порочный и др.⁵⁸ Большие изменения произошли в семантической системе слов *пѣшець*, *пѣший*, *пѣхота*, *коневникъ*, *конный*, *конникъ*, *стрѣлецъ*. Другие термины продолжают употребляться без заметных семантических изменений, но претерпевают вместе с тем большие изменения в условиях их функционирования в языке. Продолжает употребляться термин *копейникъ* для обозначения воина, вооруженного копьем. В Казанском летописце он встречается в форме *копиеникъ*: «Посла рать многочисленную, копиеника и тулавца и огненная стрелца» (217). Примеры на употребление этого термина имеются и в картотеке ДРС и относятся ко времени XV—XVII вв. Но уже в XVI в. появляется словоформа *копейщикъ*.⁵⁹

К терминам, вошедшим в употребление после XV в., относятся наименования военнослужащих по роду их временной или постоянной деятельности.

Вѣстовщикъ 'военнослужащий, на обязанности которого было передавать известия, приказы, постановления и т. д. войскам'. Но это значение не отпочковалось еще от общего значения слова — 'вестник', 'человек, передающий какую-либо вестъ'. Оно формировалось только в контексте с соответствующим словесным окружением или с определенным (военным) содержанием. Наиболее ранние употребления слова относятся к началу XVI в.: «Мой человекъ тебѣ вѣстовщикъ какъ его, не издержавъ, ко мнѣ отпустишь, ты вѣдаешь» (ПДК, II, 1516, 244). Это употребление до конца XVI в. остается единственным. Но уже в конце XVI—начале XVII в. слово входит в широкое употребление: «А въ то врѣмя послалъ (воевода) вѣстей прямыхъ провѣдывать, тѣмъ вѣстовщикомъ вѣры не понялъ» (Рим. имп., 1594); «Да и на вѣсти имъ въ Калугу, и во Ржеву, и въ иные города, въ которые пригоже, посылати дѣтей боярскихъ и къ воеводамъ въ тѣ города писати, чтобъ къ нимъ всякія вѣсти съ ихъ вѣстовщики писали» (АИ, III, № 116, 1622, 170) и др.

Еще менее терминологичным было сущ. *вѣстоноша*, отмеченное в 1-й Псковской летописи: «И биша поганыхъ Нѣмецъ на 10 верстахъ, и не оставиша ихъ ни вѣстоноши» (П. I, 7010, 87).

Вѣстоноша и *вѣстникъ*, известные в русском языке с самых ранних памятников письменности, не приобрели прав военного термина. В конце XVI—начале XVII в. термин *вѣстовщикъ*

⁵⁸ Надо заметить, что некоторые слова из этого ряда — *меченоша*, *забражникъ*, *копыносецъ* и др. — сохранились в русском языке на правах исторических терминов и употребляются в новое и новейшее время в исторических работах или в художественных произведениях, рассказывающих о событиях Древней Руси. Это не означает, однако, что указанные слова входят в систему современного русского литературного языка. Они составляют фонд историзмов словарного состава языка.

⁵⁹ См. об этом слове: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 219; О. Г. Порохов а. Лексика Сибирских летописей, стр. 127.

становится основным и наиболее употребительным для обозначения военнослужащего, выполняющего связанные функции, функции передатчика военных вестей, пока не был вытеснен субстантивированным прил. *вѣстовой*, дожившим до наших дней. Утверждению термина *вѣстовицкѣ* в XVI—XVII вв. и вытеснению его из употребления в более позднюю эпоху способствовал ряд причин: а) активизация суффикса *-ицкѣ* для обозначения человека по роду его деятельности (профессионализация военного языка) в эту эпоху; это явление захватывает не только военную терминологию, но и все «профессиональные ответвления» русского языка XVI—XVII вв.; б) термин *вѣстовицкѣ*, однако, не был однозначным и не отличался приуроченностью употребления его в строго определенной профессиональной среде. Термин *вѣстовой* в этом отношении был более удобен, ибо он с самого начала употреблялся в качестве специального военного наименования и был однозначен, т. е. как нельзя лучше удовлетворял требованиям, предъявляемым к подлинному термину. Все это обусловило утверждение термина *вѣстовой* как единственного наименования военнослужащего, выполняющего связанные функции.

Высылчикъ 'посыльный', 'человек, посланный с каким-либо приказом, распоряжением': «Дѣтемъ боярскимъ велѣти быти тотчасъ на государевѣ службѣ со всею службою по государеву указу и по росписи съ воеводами по городомъ, недожидаясь по-собя высылчицковъ» (АМ, I, 1577, № 20, 33); «Я, господа, послалъ по нихъ третьихъ высылчицковъ, а велѣлъ имъ ѣхать тотчасъ на Государеву службу» (АИ, III, № 251, 1614, 417) и др.

Посылчикъ 'посыльный': «Астараханскихъ и Терскихъ посылчицковъ прислати къ вамъ на встрѣчу, что подъ Астараханью дѣлается, чтобъ вамъ про то было вѣдомо» (АИ, III, № 15, 1614, 14).

Розсылчикъ 'воин, посылаемый куда-либо для выполнения той или иной службы'. Начало употребления термина относится ко второй половине XVI в.: «Язъ сотникъ . . . взялъ есми у Василья розсылчика по деньги, что Петръ Чередовъ послалъ къ Москвѣ зъ земскимъ обыскомъ» (Отписка сотн. Петра Федор., 1585, янв., 24. Новг. писц. кн.)

Особенно употребительным слово становится в XVII в. в деловом военном языке: «Сыскивати ихъ въ ихъ нѣтчицковы помѣстья послали розсылчицковъ и стрѣлцовъ и пушкарей» (АИ, III, № 31, 1614, 31); «А будетъ Ортемей Мочилниковъ съ братьями да Федоръ Свирѣповъ съ братьями жъ ухоронятся, и ты бѣ для розсылки велѣлъ дать Максиму пушкарей и розсылчицковъ, сколько человекъ пригоже» (АИ, III, № 157, 1623, 291); «Четыре человекъ розсылчицковъ съ пищальми» (ДАИ, IX, 1676, 21). Слово употребительно в том же значении и в военном языке XVIII в. (Письма Петра I, 1718, 373).

Еще в XVI в. была учреждена специальная **розсылочная служба**, что делало **розсылчика** профессиона-

лом, а слово *розсылищикъ*, как и словосочетание *розсылочная служба*, — термином: «А 3 дву обежъ служить службу розсылочную въ Новѣгородѣ въ Ѳедково мѣсто сынъ его Осипъ» (Новг. писц. кн., 542).

При общности признака, легшего в основу образования имен *вѣст(ь)никъ*, *вѣстоноша*, *высылщикъ*, *посылщикъ*, *розсылщикъ*, они не могут быть соединены в одну синонимическую группу, ибо каждое слово обозначает только один, определенный вид воина-связного. Кстати, обобщенного наименования такого воина в XVII в. в русском языке не существовало.

Сборщикъ 'человек, занимающийся сбором сведений о наборе войска', 'собирающий людей в войско': «Посланъ, господине, отъ насъ на Бѣлоозеро . . . сборщикъ Юрьи Куровъ, а велѣно ему, свѣстясъ съ прежнимъ сборщикомъ съ Ерофѣемъ Хомутовымъ, взяти у Ивана Турского дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ . . . имяныя списки съ оклады, да по тѣмъ имяннымъ спискомъ велѣно имъ дворянъ и дѣтей боярскихъ . . . собрати» (АИ, III, № 55, 1615, 45). Это значение сохраняет ощутимые связи с общим значением слова 'человек, собирающий что-либо'.

Вѣдомецъ. Общее значение слова 'человек, знающий что-либо' могло быть выразителем и специального военного понятия — 'военнослужащий, знающий что-либо о противнике', 'разведчик': «. . . ту отпусти въ Полѣ . . . ю сторожу, избранныхъ вѣдомцевъ, яко да купно видят(ся) цасто съ татарскими стражами» (М., 28); «И отпусти брата своего, князя Володимера, вверхъ по Дону в дуброву, яко да утаится полку его, и давъ ему достойны своего двора вѣдомцы» (М., 37). Но, видимо, нет достаточных оснований считать это слово полноправным и полнокровным членом терминологической системы военных понятий. Трудно сказать что-либо более определенное о характере функционирования слова на основании двух примеров из одного источника: слово, по-видимому, не отличалось активностью употребления. Даже памятники XVII в., такие как Акты исторические, Акты Московского государства, «Учение и хитрость ратного строения. . .», содержащие в своем составе богатый набор названий воинов по выполняемым обязанностям, не дали ни одного примера на употребление слова *вѣдомецъ*.

Лазутчикъ (*лазутчикъ*) 'лазутчик', 'разведчик': «Лазутчики проведаша про него» (Ник., 6498, VIII, 60); «Лисовской де его Левку послалъ на Кострому въ лазутчикѣхъ . . . А ему де Левке на Костромѣ провѣдывать было сколько на Костромѣ силы и сколько наряду» (АИ, III, № 64, 1615, 58). *Лазущикъ*: «А лазушки де изъ Асторохани выѣзжаютъ на Волгу къ казакомъ» (АИ, III, № 257, 1614, 425). *Лазучикъ*: «Чтобъ въ полкѣхъ изъ Нѣмецкихъ полковъ лазучиковъ не было» (Наказ. 1615 г., авг., 25). Эта форма не была единственной в языке XVII в. для обозначения разведчика, лазутчика. Кроме нее были известны: *лазуч(ь)никъ*:

«Лазучникамъ на жалованье давали деньги изъ Алатарскихъ доходов» (Наказ. 1616 г., апр., 3); *лазут(ь)никъ*: «Посла лазутника въ Литву» (Ник. л., VIII, 60). Ср. наличие двух параллелей для обозначения занятий (профессии) л а з у т ч и к а — *лазучение* 'разведывание': «Которые такіе люди в рѣчахъ своихъ учнутъ розниться и сплетаться, прилика къ воровству ихъ и къ лазученью будетъ, и про тѣхъ ссыкивати» (Наказ. 1614 г., апр., 3); *лазучество*: «А гдѣ лазучики объявятся, и ихъ велѣтъ имая приводить къ себѣ, и про лазучество и про всякое королевское умышление роспрашивать» (Наказ. 1615 г., авг., 25). Также: АИ, III, № 166, 1622, 172, и др.

Таким образом, все употребления терминов (во всех их морфологических и фонетических вариантах) относятся к началу XVII в. Неустойчивость фонетико-морфологической формы не может быть объяснена иначе как тем обстоятельством, что памятники этого времени зафиксировали самое начало формирования нового термина. В дальнейшем в русском языке закрепляется форма *лазутчикъ*, дожившая до наших дней.

Местным устюжским термином следует считать наименование 'старшего при несении сторожевой службы' — *отборщикъ*, зафиксированное в Устюжском летописном своде: «Того же лета устюжане и двиняне на службе на лежачей на Костроме были, а отборщикъ Семен Болитинъ; и билися устюжане с костромичи» (Уст. св., 1489, 98). Это местная, устюжская запись. В других памятниках термин не встречается.⁶⁰

Възметчикъ 'посол, приносящий, вручающий взметную грамоту': «Наши възметчики въ Великом Новѣгородѣ възметную положили» (Соф. вр., 6986; II, 178). Имеется слово также в Московском летописном своде в тождественном примере (6986, 312) и в других летописях. (Это отрывок из псковской грамоты к великому князю Ивану Васильевичу).⁶¹ Этим пока ограничиваются случаи употребления термина *възметчикъ* в древнерусской письменности, что заставляет считать его появившимся не ранее XV в., не получившим широкой известности и локализуемым, по крайней мере по происхождению, границами псковско-новгородской области.

Введение поместной системы организации войска, оснащение его новыми видами оружия, в том числе и артиллерией (нарядом), нововведения в формах и способах караульной службы и другие изменения, затронувшие все стороны русского войска, принесли с собой новые понятия, а следовательно, и новые наименования.

⁶⁰ См. об этом слове также: В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв., стр. 258.

⁶¹ Пример заимствован из указанной выше статьи М. Г. Булахова «Московский летописный свод конца XV века как памятник русского литературного языка».

Выше уже были указаны отдельные термины этой подгруппы. Здесь их предстоит рассмотреть более подробно.

Воротникъ (*вратникъ*). В «Материалах» И. И. Срезневского это слово приведено без определения, причем цитаты на употребление слова свидетельствуют о существовании двух значений. Одно из них — специально военное, ставшее в XVI—XVII в. термином: «А воротниковъ, Государь, и розсыльщиковъ в Чердыни мирскіе люди наймутъ на свои мирскіе денги» (АИ, III, № 8, 1614, 8); «Прислаша съ Москвы пищалниковъ казенныхъ и воротниковъ» (П. I, 7018); «Царь же . . . пристави ко всѣмъ вратамъ града своя вратники, огненные стрѣлца» (Каз. лет., 354). Эта форма не была характерна для живой разговорной речи.⁶² Е. А. Разин отмечает, что *воротники* (*вратники*) обслуживали артиллерию (служили при наряде), ибо ворота как наиболее опасное в оборонном отношении место крепости охранялись артиллерией.⁶³ Второе значение связано с названием лица, несущего сторожевую (не военную!) службу у ворот, — 'привратник'. В XVI в. это наименование своеобразной социальной прослойки русского общества: «Которые посадскіе же люди съ тягла вышли въ басманники, . . . и въ воротники, и въ кузнецы, и въ сторожи по приказомъ» (Переписн. кн. сыскн. дел); «А намѣстничіи люди и волостелины и тиуны и боярскіе и воротники, ни иные никто, на пиры и на братчины незваны къ нимъ не ходять» (Уст. гр. Переясл. рыбол., 1506 г.).

В XVI в. были известны две формы прилагательного от *ворот(ъ)никъ* — *ворот(ъ)никовъ* и *ворот(ъ)ницкии* (оба в военном значении): «Воротниковыхъ 4 дворъ, да 5 дворовъ пищалнитцкихъ» (Разметн. сп., 1545 г.); «И всѣхъ дворовъ черныхъ людей а съ поповымъ и съ дяконовымъ и съ воротничкими и съ пищалничкими, 68 дворовъ» (Разметн. сп., 1545 г.), что является хорошим свидетельством обычности термина *воротникъ* в практическом языке XVI в.

Городничий 'военнослужащий, на обязанности которого было наблюдать за порядком в городе, за соблюдением правил охраны города и т. п.': «А городничимъ Василью Головину и Василью Замытцкому ходити съ фонаремъ по ночемъ, перемѣняясь, по всѣмъ сторожемъ, и замыкать городъ городничимъ» (АИ, I, № 169, 1563, 323). В XVI—XVII вв. функции военные и полицейские были не дифференцированы, поэтому *городничий* может рассматриваться в качестве военного термина.

Дозорщикъ 'военнослужащий, выполняющий обязанности надзирателя, смотрителя за кем-, чем-либо (обычно старший в какой-

⁶² А. К. А б д у л ъ м а н о в а. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец», стр. 318.

⁶³ Е. А. Р а з и н. История военного искусства, стр. 225. См. также: О. Г. П о р о х о в а. Лексика Сибирских летописей, стр. 127.

либо группе воинов (в стороже, в дозоре)'. Одно из наиболее ранних употреблений термина относится к последней трети XVI в.: «Которые будутъ дѣти боярскіе въ дозорщикѣхъ, въ одной статьѣ сынъ боярской доброй» (АМ, I, № 6, 1571, 8). Значение термина хорошо выявляется в следующих употреблениях: «Конныхъ казаковъ мѣсячныхъ сторожей приговорили вѣдати и беречи во всякихъ дѣлѣхъ и на сторожи посылати осаднымъ головамъ и дозорщиковъ на сторожи посылати надзирати над сторожми дѣтей боярскихъ добрыхъ» (АМ, I, № 15, 1572, 18); «... сержантомъ [жалованья] и каштинамусомъ, и оружейнымъ дозорщикомъ по золотому противъ трехъ денегъ золотой» (АИ, III, № 240, 1645, 399).

Затинщикъ. Первое употребление относится ко второй половине XVI в. (1557—1558): «А 4-й сторожъ живеть у затинщика у Дениска у Кудрявцева» (Кн. п. Моск., I, 311). К этому же времени относятся и первые упоминания об оружии затинщиков — *затинныхъ пищаляхъ*: «Поставиша башту... и вознесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные» (Ник., 1553). С. С. Волков⁶⁴ отмечает употребления слова с начала XVI в. В XVII в. *затинщикъ* входит уже в широкое практическое употребление в качестве названия воинской профессии и наименования представителя сословного разряда служилых людей по прибору: «И колко было въ прежнихъ годѣхъ по окладу числомъ въ Перми розсылщиковъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и казенныхъ и городовыхъ плотниковъ и кузнецовъ» (АИ, III, № 8, 1614, 8). Здесь ясно видно, что *затинщикъ* выступает в качестве одного из системных элементов профессиональных обозначений, а с другой стороны, выявляется и другое значение термина — 'мастер, изготавливающий затинные орудия'. Впрочем, то же наблюдается и в функционировании термина *пушкарь* (*пушкарѣ*). Ср. также: АИ, III, № 127, 1623, 198; АЮБ, I, 163; ДАИ, II, № 9, 1614, 53, и др.

Упоминаемые выше *кузнецы* и *плотники* собственно также представляют собой элементы, составляющие систему военных обозначений, хотя слова эти и не порвали теснейших связей с ремесленной терминологией. Но это, как уже говорилось выше, одна из характерных особенностей древнерусской военной терминологии вообще.

Караульщикъ 'военнослужащий, несущий караульную, сторожевую службу', 'сторож': «Какъ учаль воръ Иванико Заруцкой съ Маривкою съ Бодды на утреней зорѣ подыматься, и тѣ караульщики, съ Крымскіе стороны увидя его подъѣмъ, стрѣлили ясою» (АИ, III, № 15, 1614, 15). Термин *караульщикъ* отмечается по па-

⁶⁴ С. С. Волков. Новообразования категории имен существительных в расспросных речах первой трети XVII в. Уч. зап. ЛГУ, № 267, Сер. филол. наук, вып. 52, 1960, стр. 133.

матникам письменности значительно позднее, чем термин *карауль*, употребления которого известны уже с XIV в. Понадобилось два с лишним века, чтобы язык выработал специальное наименование для воина, несущего караульную службу. Решающим моментом, повлиявшим на образование термина, явилась, как и в целом ряде других подобных случаев, активизация модели словообразования — наименования лиц по выполняемой ими функции. Из социолингвистических факторов, способствовавших образованию сущ. *караульщикъ*, решающим было влияние учреждения постоянной сторожевой (караульной) службы на южных границах Московского государства с задачей следить за передвижениями татар (ср. сочетание *караульная служба*).

Засѣтчикъ. Значение слова связано со значением термина *засѣка*, употребительным также с XVI в. Следовательно, *засѣтчикъ* — 'воин, находящийся в засѣке': «Коли наши воеводы живутъ въ Темниковѣ, и ратные люди, и головы, и засѣтчики, и они къ нимъ не высылають ни по что» (АИ, III, № 92, 1620, 120). К концу XVI в. отмечаются употребления словосочетания *засѣтчикъ* (*прикащикъ*): АЮ, III, 1557, 164—165; Ник., 1097, 130.

Наряд(ь)чикъ 'старший полицейского наряда при восводе, выбранный из детей боярских или из дворян'. В «Материалах» И. И. Срезневского слово *нарядчикъ* (не в военном значении) отмечено лишь в памятнике первой трети XVI в. (Соф. вр., 1532 г.). В XVII в. уже известен и утверждается в практическом употреблении термин *нарядчикъ* в значении 'выборный из дворян или детей боярских, который руководит стрелецкой полицейской службой в городе или выполняет другие поручения воеводы'. Так, в «Слове и деле» (д. № 7), когда Павел Бузовлев от нарядчика и рассыльщика, которые хотели его арестовать, «отбился», воевода «посылалъ с Борисомъ Гавердевскимъ [нарядчиком] другого нарядчика Казарина Клементьева да сотника стрелецкого Леонтья Кеметцакого, а съ нимъ 6 человекъ стрельцовъ» (7, 8). В том же значении: АМ, I, 267, 1629; АМ, II, 640.

С. С. Волков считает, что *нарядчик* 'распорядитель работ, приказчик' и *нарядчик* 'выборный из служилых людей, руководящий стрелецкой полицейской службой' не имеют ничего общего и представляют собой два омонима.⁶⁵ Вряд ли это безусловно верно. Глагол *нарядити*—*наряжати*, а также сущ. *нарядъ* уже в древнейшую пору имели развитую систему значений: 'устроить (устраивать)'; 'приготовить (приготовлять)'; 'привести в порядок'; 'назначить'; 'распорядиться' и т. п.

В военной терминологии гл. *нарядити*—*наряжати*, по-видимому, издавна обозначал 'выделить для несения службы': *наря-*

⁶⁵ С. С. Волков. Новообразования категории имен существительных. . . , стр. 141

дѣти корабли 'снарядить в боевой поход', *нарядити* полки — 'привести в боевой порядок'. Отсюда: *нарядъ* 'группа, отряд, выделенный для несения службы'. От *нарядъ* в конце XVI—начале XVII в. образовано *нарядчикъ* 'человек, выбранный для несения службы'. В середине XVIII в. слово совсем выходит из употребления.

Пушкаръ 'представитель одного из разрядов служилых людей Московского государства XVI—XVII вв.': «И пушкарей и воротниковъ вѣдати и управа давати городничимъ» (АИ, I, № 169, 1563, 323); «Да и пушкарей, Государь, и затинщиковъ, и казенныхъ, и городовыхъ плотниковъ и кузнецовъ, въ Чердыни нетъ» (АИ, III, № 8, 1614, 8); «Отъ князя и отъ Посника Балакишна пушкари и розсылщики ѣздили на низъ» (Отписка сотн. Петра Федор., 1537, янв., 25); «Пушкарей къ пушкамъ приставити» (Ник., 1541) и др. Историки военного дела устанавливают, что термином *пушкаръ* (*пушкари*) обозначались военнослужащие, обслуживающие крупную (по тем представлениям) артиллерию, и в этом значении противопоставлялись *затинщикамъ* и *пищальникамъ*.⁶⁶ Но этим же термином обозначался и мастер, отливающий (изготавливающий) пушки (впрочем, в те времена мастер, делающий пушки, обычно был и артиллеристом, воином, обслуживающим пушку): «Сдѣлать 600 ядеръ железныхъ по кружаламъ, каковы кружала посланы съ пушкари» (ДАИ, I, № 72, 1555). Также: ДАИ, I, № 92, 1556; ДАИ, I, № 72, 1555; Новг. писц. кн., I, л. 8, 1583—1584, и др.

С. С. Волков утверждает, что термин употребляется с момента реорганизации войска русского, проведенной Иваном Грозным.⁶⁷ Это не совсем так. Как можно судить по примерам на употребление слова, приведенным выше, термин *пушкаръ* входит в военный практический язык раньше начала правления Ивана IV. Он приходится на смену уже имевшимся в русском языке терминам *пушечникъ* (*пушечьникъ*) и *пушечный мастеръ*, которые нашли свое место и в «Материалах» И. И. Срезневского.

Пушечьникъ (*пушечьникъ*) 'пушкаръ'. Термин известен с XV в.: «А того Нѣмчина пушечника похваливагося самого расторгну и размета невидимо гдѣ» (Воскр. л., 6936).⁶⁸ То же и *пуш(ь)ечный мастеръ*: «Приведоша . . . мастеровъ Фрязь стѣн-

⁶⁶ См. об этом: Е. А. Р а з и н. История военного искусства, стр. 225.

⁶⁷ С. С. В о л к о в. Новообразования категории имен существительных . . . , стр. 125—151.

⁶⁸ Можно, конечно, предположить, что в активное употребление слово *пушечникъ* вошло несколько позднее его первых фиксаций в письменности, но в действительности — в отношении слов русского происхождения — бывает как раз наоборот: письменность запаздывает с паспортизацией слова, уже известного в языке. Во всяком случае в XV в. *пушечникъ* известен отнюдь не по единичным употреблением. Отмечается он, между прочим, и в Московском летописном своде конца XV в.: «Нѣмчина пушечника» (Моск. св., 1475, 248) и др.

ных, и полатных, и пушечных, и серебряных» (Соф. вр., 6998, т. II, 235). Замена терминов *пушѣчникъ* и *пушечный мастеръ* термином *пушкаръ* объясняется внутриязыковыми факторами и, по-видимому, вызвана тем обстоятельством, что первые два слова имели основным своим значением 'мастер, отливающий (делающий) пушки', лишь иногда употреблявшиеся в значении 'артиллерист', 'воин — специалист по стрельбе из пушек'. Требование терминологизации нового понятия могло быть разрешено либо развитием второго значения в слове *пушѣчникъ*⁶⁹ и в словосочетании *пушечный мастеръ*, либо образованием нового слова, специально созданного для выражения этого понятия. Язык пошел по второму пути. В результате этих разграничений и конкуренций слово *пушечникъ* ушло из языка;⁷⁰ словосочетание *пушечный мастеръ* стало обозначать мастера, изготовляющего пушки, а *пушкаръ* становится единственным наименованием артиллериста в XVI—XVII вв. Начиная с XVI в. этот термин широко употреблялся в различных по жанру и содержанию памятниках (Казанский летописец, АИ, АМ, Сибирские летописи и др.). Хотя не утрачивается полностью и значение 'мастер, изготовляющий пушки', однако оно не может быть названо активным в употреблении. Термин *пушкаръ* (*пушкар*) сохраняется в русском языке и в XVIII, и в XIX в., постепенно выходя из системы активно действующих слов. В современном русском языке это слово в обоих своих значениях носит отчетливо выраженную просторечную окраску или употребляется в исторических описаниях в качестве исторического термина.

Розмысль (*розмысль*). Военные историки установили, что войска Московского государства имели пехоту, конницу, артиллерию (нарядъ) и, хотя только в зачаточном состоянии, инженерные подразделения. Термин *розмысль* как раз и обозначал специалиста по военно-инженерной работе. Известно, что уже Иван III пригласил на службу несколько иностранных инженеров — *розмысловъ*, а при Иване Грозном упоминаются уже *розмыслы* из русских.⁷¹

Термин *розмысль* встречается в Казанском летописце: «По сѣмъ православный царь повелеваетъ нѣкоторому дохтуру именемъ розмыслу учинить подкопъ подъ стѣну на разрушеніе града» (426). В древнерусском языке было сущ. *размыслъ*, гл. *размыслити* и русская форма *розмыслъ* — *розмыслити* (*розмыслъ* в значении 'ум', 'разум'). Можно считать, что *розмыслъ* (*розмысел*: конечный л развивает гласный) является дальнейшим семантическим развитием древнего значения слова.

⁶⁹ Ср. *лучникъ* 'мастер, изготовляющий лука'.

⁷⁰ Ср., однако, в Толковом словаре В. И. Даля: «пушечникъ или пушкаръ, м. Артиллерист, воин при пушке» (т. III, стр. 545).

⁷¹ См. об этом: Е. А. Р а з и н. История военного искусства, стр. 225.

Тулавецъ 'стрелок из лука': «Посла . . . рать многочисленную, копиеника и тулавца и огненная стрѣльца» (Каз. лет., 297). По своему морфологическому составу термин *тулавецъ* прозрачен, он образован от сущ. *туль* 'колчан для стрел', известного с древнейших времен. Однако термин *тулавецъ* довольно позднего происхождения, он не зафиксирован ни одним словарем древнерусского языка. Его появление можно объяснить тем, что слова *стрѣлокъ*, *стрелецъ*, обозначавшие с древнейших времен 'стрелка из лука', развили новые значения — 'стрелок из огнестрельного оружия', (*стрѣлокъ* и *стрѣлецъ*) и 'представитель особого разряда служилых людей' (*стрѣлецъ*). Практический военный язык в случаях, когда необходимо было подчеркнуть, о каком именно стрелке (стрельце) идет речь, прибегал к лексическому разграничению этих понятий, сохраняя для одного название *стрѣлокъ* (*стрѣлецъ*), иногда *огненный стрѣлецъ*, а для другого вырабатывается новое наименование — *тулавецъ*. В приведенной цитате это разграничение (=противопоставление) очевидно: «. . . посла . . . тулавца и огненная стрѣльца».

Бердышникъ 'воин, вооруженный бердышом': «Воеводу ихъ [татар] . . . изымаша, а другого бердышника» (Соф. вр., 6976, II, 96). В «Материалах» Г. Е. Кочина значение слова толкуется как 'войсковой начальник в татарской армии'.⁷²

Двумя словоформами обозначался мастер на «зелейном дворе», пороховом заводе, — пороховщик: *зелейникъ* и *зелейщикъ*. Обе формы сохраняют отчетливые связи со старым наименованием пороха — *зеле* и в употреблении не имеют каких-либо отличий ни в плане семасиологическом, ни в стилистическом или фразово-контекстуальном отношении: «Ганька Назаровъ сынъ зелейщикъ» (Писц. кн. Каз., 83); «Дворъ князя Федора Гагарина, а купилъ ево . . . у Сеньки, у зелейника» (там же, 17). Термины *зелейникъ*, *зелейщикъ* своим появлением обязаны введению в военном деле нового, огнестрельного оружия и пороха.

Секирникъ: «. . . лав. пуста Васьки Ильина секирника с Розважи, по затвору 2 сажени без лохти» (Новг. лав. кн., 1583, 16); «Дворъ тяглый Алексѣйка секирника» (Гр. Новг., 17, л. 23).

Организация сторожевой и караульной службы на южных и восточных границах Московского государства вызывала целую группу слов, относящихся к наименованию воинов, несущих эту службу.

Сторожеставецъ: «И списки тѣмъ людемъ посланы: четыре челоуѣка полковники, четыре челоуека большіе полковые поручики, четыре чел. маіоры, по русски большіе полковые сторожестауцы, два чел. квартирмейстеры и кашитаны. . .» (АМ, I, № 374, 1632, 376). Это употребление термина представляет исключительный ин-

⁷² Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.—Л., 1937, стр. 27.

интерес не только с точки зрения истории его самого, но и с точки зрения уточнения семантики заимствованного термина *майор*. Видимо, при введении нового, «солдатского строя» в армии, при организации армии по иноземному образцу на обязанности майора (маера) лежала задача организации караульной службы (выставление сторож, караулов и т. п.). Очевидно также, что в русской армии это не было новинкой, свидетельством чего является наличие термина *большой полковой сторожеставецъ*, которым и переводится не ассимилированный еще иноязычный термин *майор*. Термин *сторожеставецъ* в сочетании с прилагательными *полковой*, *генеральной* образует составные термины, определяющая часть которых ограничивает сферу действия сторожеставца определенным объектом: *полковой сторожеставецъ* распространяет свои действия на полк и т. д.

Станичникъ 'воин, входящий в состав станицы': «И о томъ и къ вамъ съ станишники съ сотникомъ съ Терскимъ съ Васильемъ Пьянскимъ писалъ» (АИ, III, № 15, 1614, 15). Слово *станичникъ* (*станишникъ*) в народном языке имело значение 'разбойник' (Древнерусские стихотворения. Изд. Калайдовича, стр. 1419). Ср. в Словаре Даля: «У Кирши, в знач. разбойник, член удалой вольницы, стана, шайки, притона воровского» (IV, 313).

Годовальщикъ. Слово, по всей видимости, обозначало воина, выделяемого для несения сторожевой службы на один год: «... посылаю въ Кабарду Терскихъ ратныхъ людей и Астараханскихъ годовальщиковъ, съ головами, по тысяче и по полуторѣ и болпи» (АИ, III, № 40, 1614, 37). Было ли это слово общенародным наименованием определенного разряда воинских людей, или мы здесь встречаемся со случаем окказионального словоупотребления — судить трудно, так как, кроме приведенного здесь примера, неизвестно ни одного случая употребления ни в этом, ни в других значениях. В Толковом словаре Даля приводится слово *годовищик* со значением 'годовой работник, служитель', что может давать большие основания считать закономерным употребление *годовальщикъ* в указанном значении.

Камышникъ: «Привели къ намъ, въ Астараханъ, камышники Астараханскіе стрѣлцы, Грипка Семеновъ да Максимко Харитоновъ, дву человекъ» (АИ, III, № 26, 1614, 25). Также: Пос. Жир. Засекина, 1601 г.; Аз. п. Сказ., 156, и др. На этом примере видно, что в категорию названий, обозначающих воинов по роду их деятельности, вовлекаются слова — названия воинов по характеру, образу его военных действий (воин камышник — воин, несущий службу в местах, заросших камышом); видимо, это обстоятельство давало возможность воину быть незаметным, что обеспечивало возможность скрытных и внезапных действий.

До сих пор рассматривались термины, появление которых вызвано в основном введением поместной системы организации войска и учреждением постоянной караульной и сторожевой службы.

Но новые наименования в этой подгруппе, впервые вошедшие в язык XVI—XVII вв. или активизировавшиеся в употреблении к этому времени, не исчерпываются этими словами. Активно функционируют в языке *загонщикъ*, *засадникъ*, *осадникъ* и др.

Загонщикъ 'воин, участвующий в загоне'. Слово для обозначения участника *з а г о н а*, по показаниям письменных памятников, относится к довольно поздней эпохе — самые ранние употребления документируются памятниками конца XIV в. (Ник. 1396, 163) — и прослеживается в XV—XVII и в XVIII в. (Лет. Рус., 84, Льв. лет., ч. II, 431; АИ, II, № 154, 1609 и др.). Образование термина *загонщикъ* и его утверждение в практическом военном языке, таким образом, относится ко времени, когда в русском языке активизируется образование наименований воинов по выполняемой функции по модели: основа существительного + суффикс *-щик (-чик)*. Отметим при этом, что сущ. *загонъ*, *загоньць* и гл. *загонити* в русском языке известны по памятникам более ранних эпох. К этому же времени в языковом употреблении закрепляется сочетание *загонные люди*, выступающее в качестве синонима к сущ. *загонщики* (Разр. кн., 1616; АИ, II, 1608, 143). Прилагательное *загонный* выступало в своем относительном значении не только в этом устойчивом терминологическом сочетании *загонные люди*, но и в свободном употреблении: «Много татаръ остаточныхъ загонныхъ избиша» (Воскр. л., 1366—1367, 14).

Сидѣлецъ 'воин, находящийся (сидящий) в осаде'. Слово обычно употреблялось в сочетаниях *осадные сидѣльцы* (ААЭ, III, 1633, 354; АМ, III, 1660, 198); *городские сидѣльцы* (ДАИ, IV, 1656, 61); *шанцовые сидѣльцы* (Письма подметн., 39) и др. Но в военном же значении слово *сидѣлецъ* употреблялось и свободно, вне сочетаний с прилагательным (СГГД, II, 1610, 429²).

Образование слова *сидѣлецъ* и укрепление его позиций в практическом языке в качестве специального термина вызвано активизацией употреблений глагольного сочетания *сидѣти*, *сѣсти въ осадѣ*, первые фиксации которого относятся ко второй половине XVI в.: «Ивашко де Заруцкой съ Маринкою и воры . . . заперлися в каменномъ городѣ, и сѣли въ осадѣ». (АИ, III, № 30, 1614, 30); «Вы бѣ однолично жили съ великимъ береженьемъ и со всѣми ратными людьми въ осадѣ сидѣли надежно» (АИ, III, № 177, 1633—1634, 325). Оборона укрепленных мест от нападения неприятеля в XVI—XVII вв. широко практиковалась, оборона была длительной и упорной. Историки подчеркивают, что сидение в осаде было обязанностью вассала перед государем Московским (Кочин). Отглагольное сущ. *сидѣнье* (*сѣдѣнье*), вошедшее в это время в язык, хорошо выражает особенности такой обороны.

Обозникъ 'воин в обозе': «Дано квартермейстеромъ, и поручикомъ . . . и обозникомъ по тафте» (АИ, III, № 240, 1645, 399).

Также: АМ, I, 1632, 376; АИ, IV, 1658, 265, и др. Термин *обозникъ* известен по документам не ранее XVII в.;⁷³ так же поздно в слове *обозъ* развилось соответствующее значение 'транспортные средства, придающиеся войскам для перевозки необходимых для войск грузов вместе с обслуживающим персоналом'. Памятники фиксируют это значение, по нашим данным, также не раньше XVII в.: «Сентября въ 30 день приходили къ Дорогобужу изъ подъ Смоленска, изъ королевского обозу Литовскіе полковники, Песочинскій панъ Каменскій, съ Полскими и съ Литовскими людми, и стояли четыре дни» (АИ, III, № 177, 1633, 321).

Другим значением слова *обозъ* было 'дощатый подвижной городок' (род передвижной крепости): «Близъ же . . . града яко поприща два . . . повелѣ . . . поставити градъ, обозъ нарицаемый, иже некоего премудростію на колесницахъ устроень и къ бранному ополчению зело угодень, и тамо повелѣ совозкупити . . . воинство, и великие пупки и многие бранные хитрости» (Ник., VII, 338). Впрочем, это значение недифференцированно заключало в себе представление о транспортных средствах (= телегах) для перевозки вооружения и т. п. и об укреплённом городке (= стане, лагере), устраиваемом из телег, поставленных тесно друг к другу: «Витофту стоащу на другой странѣ рѣки Ворсколы во обозѣ, въ кованыхъ телѣгахъ на чѣпѣхъ желѣзныхъ, со многими пищальми и пушками» (Ник., 6907, III, 173); «Татарове взяша обозъ, и тѣлѣги кованыя утвержденныя съ чѣпми желѣзными» (там же. 174).⁷⁴ Слово *обозникъ* пришло на смену древнерусскому *возникъ*, известному по памятникам с XI в.

В качестве слов, входящих в состав военной терминологии, употребляются *барабанищикъ*, *литаврищикъ*, *сурначъ*, *трубачъ*, обозначающие военных музыкантов. На употребление этих слов в памятниках XVI—XVII вв. указывали многие исследователи лексики русского языка того времени. О. Г. Порохова (127), например, находит их в Сибирских летописях.

Казакъ (*казаки*). Первоначальным значением слова на русской почве было 'работник, наемный работник' (И. И. Срезневский); употребления его с этим значением отмечаются с конца XIV в.: «А монастырскихъ людѣи былъ Иванъ Кошѣвъ, да Олюша Филиповъ, да слуга монастырской казакъ» (Грамота дел. о грам. Кир. мон., 1395 г.).

Людей военных, несущих караульную службу на окраинах Московского государства, слово *казакъ* стало обозначать с середины XV в.: «И приидоша на нихъ [татаръ] Мордва на ртахъ . . . и казаки Рязанскія тако же на ртахъ с сулицами, и с рога-

⁷³ Древнейшими наименованиями военного обоза были *возъ*, *товаръ* (*товары*), *кошъ* (см. об этом стр. 194—199).

⁷⁴ О позднем развитии этого значения в слове *обозъ* свидетельствует О. Г. Порохова (118).

тинами . . .» (Ник., 6952); «Исѣ Казани царь Ахметенинъ послалѣ же на Поле своихъ воеводѣ и казаковъ» (Н. IV, 6999, 530, 387 об.). В XVI—XVII вв. употребления слова в этом военном значении обычны и многочисленны: «А съ головами быти людемъ дѣтемъ боярскимъ и казакомъ» (АМ, I, № 4, 1571, 6); «Которые были рязанскіе мѣсячные сторожи ѣздили на Сосо(е)нскіе и Кадомскіе сторожи . . . ѣздили . . . казакомъ изъ всѣхъ украинныхъ городовъ» (АМ, I, 1571, № 3, 5) и др. На широкое употребление слова *казак* в XVII в. указывает Л. Л. Кутина (408). О. Г. Порохова (127) отмечает употребление термина в Сибирских летописях в значении 'войско Ермака' (мн. ч. — *казаки*). Термин *казакъ*, обозначая особый вид служилых людей, вместе с тем указывал на их положение в иерархической градации военнослужилого класса: «А что, по ихъ смотру, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и съ головами стрѣльцовъ, и съ атаманы казаковъ, и всякихъ служилыхъ людей конныхъ и пѣшихъ» (АИ, III, № 116, 1622, 170). Это особое положение в социальном устройстве общества было закреплено социальным термином *казачество*: «Которые казаки изъ казачества били челомъ вновь въ холопи и давали на себя служилые кабалы мимо прежнихъ своихъ бояръ» (АИ, III, № 92, 1620, 90). Интересно употребление сочетания *выѣздной казакъ* как обозначение казака, выполняющего особую службу, — 'посыльный', 'вестовщик из казаков': «Прибѣжалъ къ намъ на Алатарь Алатарской выѣздной казакъ Гришка Костентиновъ» (АИ, III, № 11, 1614, 12).

Указание на то, что *казаки* — это особый род войска, закрепилось также и в употреблении прилагательного *казачий* (*казацкій*) в сочетаниях *казачье войско*, *казачий голова*, *казачий сотникъ*: «Прибежалъ де къ нимъ изъ казачья изъ Волского войска Астороханской конной стрѣлецъ Микитка Губаревъ» (АИ, III, № 18, 1614, 17); «казачья головы» (АМ, I, № 15, 1572, 18); «голова казацкій» (АИ, III, № 111, 1614, 12); «казачий сотникъ» (АИ, III, № 3, 1614, 30).

Казакъ (*козакъ*) является заимствованием из тюркского языка; однако трудно установить истинный источник заимствования. М. Фасмер указывает как на возможные языки турецкий, крымско-татарский, казахский, киргизский, чагатайский: *kazak* 'свободный, независимый человек', 'искатель приключений', 'бродяга' (Радлов, 2, 364 и след., и др.).⁷⁵ Ударение в форме множественного числа *казáки* возникло под влиянием польско-украинской формы. Н. К. Дмитриев не считает вопрос об источнике заимствования окончательно решенным, добавляя, что многое в этом отношении могут прояснить данные из кумыкского языка, где *казак* имело значение 'оруженосец при феодале', 'военный слуга',

⁷⁵ Фасмер, II, 158.

‘дружинник’.⁷⁶ Это значение действительно ближе к древнерусским и старорусским осмыслениям слова. Ср. в этом отношении значения *казакъ* в Беломорских грамотах XVI в.: 1) ‘работник, нанятый на ограниченный срок и за определенную плату’ — были так называемые *поплавные казаки* ‘работники, занятые ловлей семги «поплавью»’ (Лодом. ак., № 159); 2) ‘работник, нанятый для обслуживания двинских или морских судов в качестве кормщиков, гребцов и пр.’ (Лодом. ак., № 184); 3) ‘люди, нанятые на определенный (обычно короткий) срок для охраны города’ — *ратные (ратные) казаки*: «Сотникъ Петръ Феодоров . . . получил деньги на наемъ ратного казака къ городу на три месяца» (Лодом. ак., № 165); 4) ‘люди, нанятые для участия в войне против немцев’. То же в составе сочетания *ратные казаки*: «Сотникъ Богданъ Спиридоновъ . . . взялъ деньги въ покрутъ ратныхъ казакомъ, что идет на каянские немцы воевати» (Лодом. ак., № 224).⁷⁷ Последние два употребления, собственно говоря, представляют собой единое семантическое целое и разделять его на два значения нет никаких оснований. А. И. Соболевский считает, что «слово казакъ явилось у нас и у малоруссов по-видимому самостоятельно».⁷⁸

Севрюкъ. Значение слова определить нелегко. Его первые употребления прослеживаются не раньше последней трети XVI в.: «О замѣнѣ путивльскихъ севрюковъ, которые ѣздили на донецкія сторожи изъ найму, Путивльскими и Рыльскими дѣтьми боярскими» (АМ, I, 1571, № 3, 5); «Со всякимъ сыномъ боярскимъ по три человекъ севрюковъ на сторожу» (АМ, I, № 6, 1571, 8). В АИ также упоминаются путивльские севрюки (I, № 288, 1589, 433) и др.; Г. В. Денисевич отмечает употребление *севрюкъ* в качестве личного имени (=прозвище) в Московской грамоте 1484 г.: «Ся грамота и запись пошли с Костею и Севрюком в Крым».⁷⁹ Очевидно, под *севрюками* имелись в виду особые воинские отряды, несущие караульную службу на южных границах Русского государства. Это определение верно, но чрезвычайно общо, оно в сущности не вскрывает подлинного значения, внутренней формы слова. Если словом *севрюки* назывались какие-то воинские отряды, то встает вопрос: каковы отличительные признаки этих отрядов, позволившие выделить их из совокупности других разрядов воинов — казаков, станичников и т. п.?

⁷⁶ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 24.

⁷⁷ И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1955, стр. 103—104.

⁷⁸ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. СПб., (б. г.), стр. 78.

⁷⁹ Г. В. Денисевич. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах курско-белгородского края. В сб.: Развитие русского языка в советскую эпоху. Воронеж, 1969, стр. 186—187.

Раскрытие мотивации названия позволило бы разрешить эти вопросы. М. Фасмер связывает *севрюк* с *север* (северская земля) — первоначально *sěvrjuk*.⁸⁰ К этой точке зрения присоединяется Л. Киш, считая, что в начале XVII в. *севрюк* значило 'какая-то этническая единица или общественная группа, жившая к югу от Москвы (в области северян?)'.⁸¹ Согласиться с этим нельзя по целому ряду причин, среди которых укажем такие, как: а) племенное название *северяне* к концу XVI в. было забыто (тем более к XVII в.); б) название *севрюки* было употребительно в речи жителей Москвы по отношению к жителям или определенным группам населения районов, расположенных южнее Москвы (в этом случае севрюки должны представляться москвичам не северянами, а южанами); в) обычно термин *севрюки* выступает в ряду названий, отражающих не этническую, а воинскую или социальную дифференциацию русского общества: «Отъ Тулы Иванъ Заруцкой, а съ нимъ дворянѣ и дѣти боярскіе многихъ городовъ и многие атаманы, и казаки, и севрюки, и всякие служивые люди» (Авр. Палицын, 215.). Ср. также приведенные выше примеры.

Не спасают гипотезы М. Фасмера и Л. Киша и приводимые последним многочисленные примеры образований с суффиксом *-юк*: *детюк* 'детина', 'парень', *казюк* 'оружейник, прикрепленный к казенному оружейному заводу', *мастюк* 'мастер', *мирюк* 'неловкий, неуклюжий человек', *опехтюк* 'толстый, откормленный ребенок', *смердюк* 'вонючий человек', ибо примеры эти свидетельствуют о том, что образования подобного рода называют человека не по месту жительства, а по какому-либо отличительному признаку его характера, поведения, по роду деятельности и т. п. Видимо, диалектные данные могут пролить свет на этимологию слова *севрюк*. В курских и донских говорах *севрюк* имеет значение 'суровый, мрачный, угрюмый человек' (курск., Робуш; Опыт 1852; курск., ворон., Даль; дон., Миртов). Отсюда выражение *смотреть севрюком* — смотреть зло, угрюмо. С тем же значением слово известно и в Зауралье, куда его принесли переселенцы из Курской губернии. По свидетельству В. И. Даля, в курских и воронежских говорах известен вариант слова — *севрюга* («это такой севрюга, что слова доброго не молвит»). Все эти материалы согласно говорят о том, что словом *севрюк* обозначался человек не по этнической принадлежности, а по свойству характера и по особенностям его поведения. Угрюмость и мрачность в значении слова *севрюк* возникли под влиянием целого гнезда слов с основой *север* (страна света): *сѣвер*, *сѣвер* 'северный ветер' — Даль; *сѣверы*, *сѣверы* 'холода', 'стужа', 'морозы' (более с северо-восточ-

⁸⁰ М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, III, 5.

⁸¹ Л. Киш. Заметки по русской исторической лексикологии. *Studia slavica*, Academiae Scientiarum Hungaricae, VI, fasc. 3—4, 1960, стр. 30.

ными ветрами) — Даль; *северя́к*, *северя́к* 'зимний ветер', 'полуночный', от *севера* — Даль; *се́веркий*, *си́веркий* 'северный' (о ветре, погоде), 'холодный', 'резкий' — Даль; *си́вера* (ряз.), *си́верка* (твер.), *си́верца* (тул.) 'холодная и мокрая погода, при северном ветре' — Даль; *си́верно* (волог., костром.), *си́верко* (сев.-вост.) 'холодно'; 'резкий холодный ветер, северный и северо-восточный'; 'сырая, пронзительная погода' — при одном морозе, без ветру не говорится — Даль; *северю́к* 'северный ветер' (пск.) — Иеропольский, 1916; *си́верка* 'холодный ветер с дождем и снегом (не обязательно северный, а любого направления)' известно в курских говорах — Сороколетов. Обычно при этом ветре бывает пасмурно, мрачно, нет солнца. Естественно, что эти черты могли быть перенесены на человека, его характер, внешний вид, — явление, обычное и для литературного языка, и для говоров. Представляется интересным замечание С. М. Соловьева: «Северюк в наших древних актах означает жителя северской области, Северной Украины; значение, находимое в словаре (в Словаре Академии Российской, — Ф. С.), объясняется тем, что о северюках в древности имели невыгодное мнение, страна их в памятниках называется прежепогибшею Украиной».⁸² Это невыгодное мнение как раз и могло лечь в основу названия разряда служивых людей. Это ведь не было самоназванием. Ср. также замечание И. Забелина: «Донские казаки, эти северюки, как называли их татары, брали уже оброк с турецкого Азова».⁸³ *Северюки* и жители «северской» области — случайное совпадение, а не результат семантической взаимосвязи. При таком объяснении название *северюк* становится в ряд наименований человека по отличительному признаку его характера, поведения и т. п. По-видимому, как отмечает Г. В. Денисевич, в XV—XVII вв. под именем *северюк* — *северюки* выступали коренные жители Путивльского и Рыльского округов.⁸⁴ Затем, когда Московское государство начинает использовать их для несения сторожевой службы, слово *северюк* — *северюки* становится обозначением определенного разряда воинских людей.

Сторонщики 'псковская вольница, добровольцы в войске': «... воевали немецкую землю и за Юрьевъ, и за Раковоръ и до Ругодива, а иное сторонщики воевали по всему рубежу охочие» (П. I, 1558, 310); «Того же лѣта сторонщики ходили в немецкую землю, и много воевали земли» (П. I, 1560, 311). Кроме псковских летописей, термин нигде не зафиксирован. В Строевском списке третьей Псковской летописи в тождественных приведенным при-

⁸² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I, стр. 154.

⁸³ И. Забелин. Русские посольские путешествия в Турцию в XVIII в. Русская старина, 1877, XX, стр. 9.

⁸⁴ Г. В. Денисевич. К истории диалектных слов. . . , стр. 186—187.

мерам стоит *торонщики* (с. 235, 239). Есть все основания считать оба варианта слова псковизмами. Ср. у В. И. Даля под *сторонщик*: «*Стар.* Поступивший по своей воле, охотно в рать или шайки, примыкавшие под предлогом сторонничества, участия по убеждению, охоте к войску. Так называемые сторонники псковские или вольница. Карамзин» (IV, 332).⁸⁵

Ушкунники, *ушкунцы* 'новгородская вольница, совершавшая грабительские походы на Волгу, Каму и в другие места': «Ушкунцы разбойники Новгорода Великого пришедше взяша Кострому» (Моск. св., 1371, 186); «Вятчане ходиша ратью . . . и избиха разбойников ушкунников и воеводу ихъ Рязана изънимавше убиха» (Моск. св., 1379, 201). Известно слово в Ростовской летописи, в Новгородской 4-й, в Рогожском летописце и др., но везде оно употребляется при передаче событий, касающихся новгородской области. Как отмечают историки, «ушкунничество XIV в. — своеобразное, специфически новгородское явление».⁸⁶ По-видимому, и слова *ушкунцы*, *ушкунники* возникли в новгородском диалекте. Ср. также производящее слово *ушкун* — род судна, также локализуемое новгородской областью.⁸⁷

⁸⁵ Это слово рассматривается в диссертации В. В. Ильенко «Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв.», стр. 148—149. Нельзя согласиться с автором, сближающим *сторонщикъ* (*торонщикъ*) с *торонь*, *торон*, *торник* (от *торить*). Далевское толкование, по-видимому, не нуждается в уточнении.

⁸⁶ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 138, 1958, стр. 234.

⁸⁷ См. об этом слове: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., 1949, стр. 256; В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв., стр. 80—82.

кто назначался предводительствовать значительным по количеству войском (так же как и в современном языке — *военачальник*, *полководец*). Поэтому в таких случаях может быть и не оправданно говорить о терминологическом значении слова. Это подтверждается и тем, что словом *воевода* в переводных памятниках религиозного и другого содержания передаются значения целого ряда различных греческих терминов. Ср. у И. И. Срезневского: «При переводе Священного писания и других книг словом воевода передаются следующие слова: *στρατηγός, ἀρχιστράτηγος, ἄρχων, στρατολόγος, ἡγεμών, σατράπης*».² Таким образом, при переводах с греческого слово *воевода* использовалось для передачи понятий о 'военачальнике', 'администраторе', 'наместнике области', 'высшем правительственном чиновнике'.

Это относится к употреблению слова в переводных источниках. Другое положение наблюдается в сфере оригинальной письменности, где слово выступает по существу в двух значениях — в обобщенном как наименование всякого полководца, военного предводителя (значительными военными силами), т. е. в значении тождественном тому, которое слово имеет в переводных текстах, и в значении 'лицо, назначенное князем для командования войсками', 'начальник войска': «И бѣ у него воевода, именемъ Свѣньделдѣ» (Н. I, С., 6430, 7); «Посла . . . Бориса Жирославича воеводу же своего на Романа на Мьстиславича» (И., 6681, 560, 199 об.). Позднее *воеводою* мог быть и князь: «. . . воевода . . . , князь Ѡедоръ Пестрой землю Пермскоую взялъ» (Н. IV, 6980, 457, 373).

Воеводою назывался как человек, командовавший всем войском от имени князя, так и человек, командовавший лишь определенной частью его: «А про войну, коли язъ самъ князь великій сяду на конь, тогда и митрополчимъ бояромъ и слугамъ, а подѣ митрополчимъ воеводою, а подѣ стягомъ моимъ великого князя. А кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексею митрополиту, а приказался нову митрополиту, и тѣ поидутъ подѣ моимъ воеводою великого князя, гдѣ который живетъ, инѣ подѣ тѣмъ воеводою и естъ» (Уст. гр. Вас. Дм., 1392 г.); «Печенѣгомъ пришедшимъ и хотащимъ на Семецна расварившее Грескыя воеводы» (Л., 6420, 42); «И бѣ у него воевода, именемъ Свѣньделдѣ» (Н. I, С., 6430, 7); «И посла с ними снѣ своего Юры и Бориса Жидиславича воеводою» (И., 6682, 573, 203 об.); «На войну вышедъ не лѣнитея не зрите на воеводы» (Л., 6604, 246, 80 об.). Термин *воевода* в летописном языке — один из самых употребительных военных терминов, встречающихся в памятниках самого разнообразного содержания и различных жанров. Это слово обозначало

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1890, стр. 280.

не только русских военачальников, но и военачальников войска других народов, как союзных русским, так и враждебных им: «воевода король» (И., 6734, 749, 254 об.); «воевода (татаринъ)» (И., 6782, 872, 290); «воеводы Оугорьскыя» (И., 6697, 664, 230 об.); «И посла преже себе Мамаи воеводу поганого Бегича, с великою силою и съ многими князьми» (Н. IV, 6897, 352, 231). Анализ употреблений термина *воевода* в языке летописей, воинских повестей и других памятников письменности показывает, что в древности *воеводою* назывался предводитель воинского отряда любой численности — от начальника всего войска до командира небольшого отряда специального назначения: «Юрьи Володимирский тогда посла Еремѣя въ сторожихъ воеводою і снися с Романомъ» (Н. I, С., 6746, 248); «Князь великий Дмитрей Ивановичъ посла на Рязань, на князя Олга Рязаньского, а воеводу с нимъ, отпусти князя Дмитрия Михайловича Волынскаго» (Н. IV, 6879, 296, 199); «Бѣ же Романъ воевода корабленому воинству» (Ник., 6420, 25).

Но в XVI в. *воевода* начинает совмещать в себе функции административные и военные — «начальник уезда, города и т. д.»: «По всѣ князи рускіе розосла и по вся воеводы мѣстныя» (М., 18); «Князь великий Василей Василичъ посылалъ князя Ивана Юрьевича воеводою на Вятку» (Н. IV, 6967, 455, 371 об.); «И повѣле имъ возвратитися вскоре на Коломну же с людьми, а тогда бысть на Коломнѣ намѣстникъ и воевода князь Иванъ Бѣлской» (Н. IV, 7041, 552, 413 об.). В памятниках юго-западной Руси новое значение в слове *воевода* отмечается значительно раньше XVI в. Так, в «Грамотах юго-западной Руси», собранных Розовым, встречается: «Воеводамъ землѣ молдавской сключили были и записали сд» (Южн. рос. гр., 1433 г., 67); «А при томъ были свѣдци панъ Микола ис Пичник воєвода Снатинський. панъ Гѣркл Андриашъ» (Грам. Бенк., 1398 г.); «Я Юриі Михайловичъ воевода киевскіи староста Крымянецкій» (Арх. юго-зап. Руси, I, VI, 1507, 9). По всей видимости, на русской почве происходило развитие нового значения не без влияния уже сложившегося словоупотребления в языке населения юго-западной Руси. В. М. Грабовский писал: «В 1535 году в начале войны с Польшей „для вящей осторожности“ воеводы были определены во многие города. Они именовались городовыми (или годовыми) воеводами в противоположность полковым или ратным воеводам, также назначались на год».³ *Воевода мѣстный* или *воевода*, становящиеся в синонимические отношения с термином *намѣстникъ*, отчетливо отграничивают особенности жизни слова в XVI в. от его функционирования в более ранние периоды истории русского языка.

³ В. М. Гра б о в с к и й. Древнерусское право, вып. II. Пгр., 1917, стр. 131—132.

С термином происходит эволюция, напоминающая ту, которую переживает термин *князь*: из чисто военного термина *воевода* постепенно превращается в слово, которое называет положение человека не только в военной иерархии, но и в социально-политической. С. С. Волков утверждает, что до XVII в. воеводы совмещали функции административной и военной власти только в «украинных» городах.⁴ Это не совсем так. Воеводы во всех городах и уездах Московского государства были представителями и военной, и гражданской администрации. Естественно при этом предположить, что воеводе «украинного» города приходилось больше всего заниматься делами сугубо военными, а воеводам других городов, наоборот, нужно было в основу деятельности положить вопросы гражданского управления.

Воевода превращается в своеобразный термин, обозначающий положение лица в социальной иерархии общества: «Московского государства бояре и воеводы и всякие служилые и всякихъ чиновъ люди, съѣхався изо всѣхъ государствъ въ царствующий градъ Москву . . . того вора злой смерти предали» (АИ, III, № 6, 1613, 5); «Его Царского Величества бояринъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Одоевской . . .» (АИ, III, № 20, 1614, 20). Но и в это время (XVI—XVII вв.) термин *воевода* употреблялся и для обозначения только предводителя (командира) войска: «А воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука, по мѣстомъ; а передовой полк да сторожевой полкъ менши одного въ болшомъ полку болшего воеводы; а до правой руки и до лѣвой руки и въ болшомъ полку до другого воеводы дѣла нѣтъ, съ тѣми бѣзъ мѣстъ. Кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и менши. А воеводъ Государь прибираетъ разсужая ихъ отечество; и кто того породился, то можетъ ратной обычай содержать» (АИ, I, № 154, 1550—1582, 251). Последний пример свидетельствует также и о другом, а именно о том, что *воевода* — термин родовой, объединяющий целый ряд видовых, соподчиненных терминов. С появлением новых функций у воеводы возникает необходимость языковыми средствами выразить (когда это необходимо) дифференциацию понятий. Язык вырабатывает составные термины-наименования по формуле «прилагательное + существительное», где прилагательное указывает на «вид» *воеводы*: «Перво бити челомъ и спрашиватися у вышнего и всемирного полевого своего воеводы» (Уч. I, 11); «Дѣти боярскіе и ратные воеводы и ловчіе и псари . . . в тѣхъ деревняхъ не ставятца» (В. А. Жал. гр. Мон-рю в Перемыш. у-е, 146). Также: АЮБ, II, 1614, 808, и др.; «А какъ послы, или полковые воеводы, приедутъ къ Москвѣ . . .» (Котошихин, IV, 27); «И . . . они вестовщики

⁴ С. С. Волков. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII в. Автореф. канд. дисс. Л., 1962.

являли осадному воеводе что у нихъ Михайловские воеводы отписки не взяли» (АМ, I, 1629, 256). «Административное» значение термина обычно реализуется в сочетании с прилагательным, образованным от названия города или уезда, в котором сидел воевода (ср. в только что приведенном примере: «Михайловские воеводы»), или в конструкциях *воеводы в городѣхъ*, *воевода на+название города*.

К сожалению, письменность мало дает материалов для воссоздания полной картины функционирования терминов этой семантической группы. Однако исторические разыскания позволяют установить некоторые закономерности в этом плане. К XVII в. установились четкие взаимоотношения между составными терминами, называющими воевод различных рангов. Термином *большой воевода* обозначался главнокомандующий войском и во время военной кампании, и в мирное время: «А въ городѣ Казани государева царя и великого князя воеводы: бояринъ и воевода большой да четырь воеводы меньшихъ» (Писц. кн. Каз., 1); *меньший воевода* (Мск. ст. I. 430; 1613—1614). Вплоть до XVII в. в древнерусском языке различались: *воевода великий* (главнокомандующий), *воевода большой* (командующий большим отрядом), *воевода полевой* (как антитеза воеводе местному), *воевода другой* (в большом полку), *воевода правой руки*, *воевода левой руки*, *воевода нарочитый* (специально назначенный для какой-либо цели), *воевода ратный*. Эти сочетания обозначали представителей военного командования. Им противостояли термины *воевода земьский*, *воевода градной* (*градский*), *воевода местный* — названия «гражданских» чинов. Интересно употребление термина *воевода* в памятнике невоенного содержания — в «Житии протопопа Аввакума»: «Воевода с пушкарями прибѣжали, и, ухватя меня на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ» (Аввакум, 13), где *воевода* употреблено не в терминологическом значении, а в расширительно-свободном — «начальник (старший) в группе военнослужащих, выполняющих ту или иную задачу». Вообще надо отметить, что в текстах не военного, не делового характера продолжалась традиция употребления слова *воевода*, намеченная в ранних переводных источниках религиозно-догматического содержания. Ср.: «Да послеть ти Господь свыше, на помощь вашу, скорого своего Архистратига Михаила предстателя и воеводу святых небесных силъ» (АИ, I, № 160, 1552, 291); «воевода мирны» (Житие Дм. Иван. Н. IV, 6897, 355, 232 об.). Есть основания утверждать, что в такого рода текстах слово *воевода* употребляется в значении «воин» (с оттенком торжественности): «И начаша воеводы государя великого князя велми битися и вси гражане со иноплеменики . . . и бысть сѣча велика» (Н. IV, 7044, 572, 438 об.). Отметим не привившееся в русском языке употребление слова *воевода* в женском роде, встретившееся в Ипатьевской летописи под 6657 г.: «И бы ночь пополохъ

золь, яко Половцемъ всим бѣжати назадъ съ своею воеводою Жирославомъ».

Уже в древнейший период суц. *воевода* становится производящей основой: производные *съвоевода*, *воеводичь*, *воеводство* известны по памятникам различного характера.

Съвоевода 'военачальник, командующий совместно с другим': «Съвоевода сы Иоудѣискоу языку паки Моуси, гавися Михайлъ кнѣзь нбсыни(и), тѣлеси ти истиньныи стражь» (Мин. 1096, сент., л. 28). Термин широкого распространения не получил, в живом употреблении он, по-видимому, вовсе не был известен. По крайней мере ни летописный язык, ни военные и исторические повести, ни деловые документы позднейших веков вплоть до XVII в. не дают ни одного примера на употребление этого термина.

Воеводство 'сан, должность воеводы'; 'исполнение обязанностей воеводы': «Посла йрославъ сѣа своего Володимера. на Греки и вда ему вой много. а воеводство поручи Вышатѣ» (Л., 6551, 154); «Воеводство держащу Кыевскыи тысяща йневи» (Л., 6596); «Половци же аки стыдящесе въведоства его и не творахуть ему пакости» (И., 6693, 640). Интересно употребление: «Великий князь Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича, и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводствомъ с полкомъ» (Л., 6736), где в суц. *воеводство* проявляется глагольный признак, больший, чем в трех первых примерах. Ср. также: «... пороучивъ емоу воеводство надо всеми воими. имена же бывши воеводамъ с намъ первыи Петръ Тоуровичъ» (И., 6716, 724, 247).

К началу XVII в. относится появление в военном языке производного от *воеводы* — *завоеводчикъ* 'один из сотни боярских детей, составляющих штаб и гвардию воеводы' (Моск. Чрк., 418, 1678—1679; Сметы воен. сил., 1663, 7).

Воеводичь. Слово пришло из польского языка (*wojewodzie* 'сын воеводы') через украинский. Оно обычно в памятниках Юго-Западной Руси: «Перекладалъ предъ нами перешкоду ясне въ бозѣ привелебный отецъ его милость нанѣ Петръ Могила, воеводичъ земель молдавскихъ» (Мат. коз. зем., 1630, 10); «Жаловалъ намъ служебникъ воеводича Троцкого на Жидову Лудкую» (Лит. евр., I, 1530, 174). В русских памятниках слово употреблялось только при описании событий, касающихся Юго-Западной Руси: «К рускымъ и Виленскимъ воеводичемъ» (Соф. вр., 7008). К древнейшим наименованиям военачальника, предводителя войска относятся слова *воиникъ* и *воиначальникъ*.

Воиникъ 'военачальник': [Епископъ безъ царскаго повелѣнія не можетъ быть призываемъ на судъ к] «кнѣзю гражданскомъ или к воиникъ» (Корм. Моск. Дух. Ак.). В греческом оригинале этому значению слова *воиникъ* соответствуют *ἀρχὴν στρατιωτικὴς*. Слово *воиникъ* в этом значении, как и в другом — 'воин' было

ограничено в употреблении рамками переводной клерикальной письменности. Это же можно утверждать и относительно сущ. *воиначальникъ* (*военачальникъ*), зафиксированного в Минеях (ВМЧ, сент., 1096).

Голова. В «Материалах» И. И. Срезневского не отражено «военное» значение слова *голова*, хотя одно значение этого полисемичного слова, могущее считаться непосредственным отправным пунктом для развития военного значения, указано. Это значение 'глава', 'вождь', иллюстрируемое примерами из переводной религиозно-догматической литературы. С начала XVI в. можно говорить о формировании в слове *голова* нового, военного значения — 'начальник', 'предводитель воинского отряда'. Одно из наиболее ранних употреблений термина в этом значении относится к 1536 г.: «Воеводамъ Захарѣ и князю Давыду въ остроге быти, и дѣла Царя и Великого Князя беречи, и по острогу сженочей головъ отъ себя посылати» (АИ, I, № 169, 1536, 322). Здесь еще нет отчетливо выраженной специализации (терминологизации) слова; напротив, здесь можно говорить о более тесных связях этого употребления с функционированием слова в начале XVI в. в значении 'военный человек (как единица счета)'. Ср., например: «Князь велики Василѣи Ивановичъ . . . из Новгорода поѣхалъ к Москвѣ во 5 недѣлю поста, а былъ в трицати тысящахъ описныхъ головъ, опроче боярскихъ людемъ, в Новгородѣ, а подо Псковъ ходилъ не во мнозѣ» (Н. IV, 7018, 537, 393 об.). Но вместе с тем надо указать и на то, что это последнее употребление сочетания *описные головы* представляет собой начало процесса специализации, выделения военных оттенков значения из общих, неспециальных. Закрепление за словом значения 'начальник', 'предводитель воинского отряда' — второй этап специализации. Причем на формирование терминологического значения оказывали влияние не только два указанных выше значения слова *голова*, но и все другие.

Видимо, к началу второй трети XVI в. можно отнести конец процесса формирования специального значения слова *голова*, во всяком случае уже в Никоновской летописи под 1552 г. находим такое вполне терминологическое употребление слова: «Да урядятъ въ полку въ его царскомъ коеуждо сту бранныхъ дѣтемъ боярскимъ голову устроимъ изъ великихъ отцовъ дѣтей . . . искусныхъ ратному дѣлу» (Ник., XIII, 1552, 199). В то же время формируется и общее значение слова 'начальник, главный над кем- или чем-либо', 'руководитель', и, безусловно, военное значение поддерживалось именно этим общим значением. На устойчивость и общепринятость термина *голова* в этом значении указывают составные термины, в которые включается это слово: *пушкарские головы*, *осадные головы*, *засечные головы*, *сторожевые головы*, *заставные головы*, *стрелецкие головы*, *солдатские головы*, *станичные головы*: «А се сторожевые росписи, каковы посылати

по украиннымъ городомъ къ воеводамъ и къ осаднымъ головамъ» (АМ, I, 18, 1527, 21); «А вѣдати боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичю Шуйскому ворота Устицкіе . . . и учинити у нихъ отъ собя головы съ дѣтми боярскими, перемѣняя ихъ из своихъ полковъ, и головы стрѣleckіе съ стрѣлцы у тѣхъ и у всѣхъ воротъ» (АИ, I, № 169, 1563, 322); «. . . всякимъ служилымъ людемъ, которые были отъ васъ въ посылкѣ съ головами сказали бѣ есте» (АИ, III, № 177, 1633, 321).

Голова употребляется и для обозначения начальника военного отряда нерусских (противных) войск, например татарских: «. . . голова у татаръ» (АМ, I, № 26, 1577, 45) и т. д. Следовательно, можно утверждать, что слово *голова* стало обозначать 'командира', 'начальника военного отряда' любого рода войск, любой армии и довольно широкого круга групп воинов, выполняющих ту или иную задачу (*сторожевые, станичные* и т. п. *головы*), где прилагательным как раз и обозначается выполняемая функция или род войск. Голова, как правило, был командиром полка (приказа) и подчинялся воеводе, начальствующему над значительно большими, чем полк, военными силами. Утверждение нового термина в военном словоупотреблении совпало с развитием нового значения в слове *воевода* — 'правитель города и области и начальник местных войск'. Приход термина *голова* в военный язык не означал замену им термина *воевода*, но новые процессы, протекавшие в обоих словах в один и тот же период истории русского общества и русского языка, безусловно взаимосвязаны. Эта взаимосвязь проявляется прежде всего в семантической дифференциации между этими словами.⁵ Слово *воевода* имело слишком общее и неопределенное значение, обозначая на первых порах любое лицо, предводительствующее значительными военными силами, как войском в целом, так и его отдельными частями. Ниже («по рангу») воеводы были тысячники, сотники и т. д., и на первых порах, когда в вооруженных силах сохранялась десятичная система, эта терминология удовлетворяла, ибо она адекватно отражала действительное строение армии. Но вот на смену старой системе организации армии приходит постепенно, шаг за шагом, новая система, при которой десятичная система деления вначале отходит на задний план, а затем и вовсе перестает иметь значение. Это вызывает уход из военного языка терминов *десятский* (*десятникъ*), *пятидесятникъ* и т. д.

Между тем *воевода* все больше и больше закрепляется в употреблении как обозначение только начальника значительных, чаще всего отдельно действующих, выполняющих особую задачу войск. Начальники более мелких частей вооруженных сил (но не десятков, сотен и т. п., а новых подразделений) оказываются

⁵ См. о значении термина *голова*: Л. Л. К у т и н а. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Л., 1955, стр. 407.

без номинации. Тогда-то и вовлекается в сферу обозначения военных понятий слово *голова*. Такое положение сохраняется до XVII в., когда термин *голова* перестает удовлетворять нуждам военного общения, ибо он, как и его предшественник *воевода*, слишком широк по значению и неопределенен, что противоречит уже само по себе одному из основных требований к термину. Кроме того, решающую роль в вытеснении термина *голова* сыграла организация армии нового строя с четким делением на части, с выработанными отличиями их, с четкой субординацией чинов и должностей. Взамен термина *голова* начинает употребляться ряд терминов, обозначающих названия командиров отдельных частей и подразделений войска — от *полковника* до более низких по рангу воинских чинов.

Процесс вытеснения новыми терминами слова *голова* происходил исподволь, постепенно, вначале в случаях, когда речь шла о военных начальниках не русского, а иноземного войска: «Литовскихъ людей полковника Струса» (Смутн. врем., 136); «Итти съ великимъ войскомъ воеводѣ Вилинскому гетману наивышему Великого княжества Литовского, Яну . . . Хоткевичю, съ иными съ воеводами, полковниками и съ рыцарствомъ нашимъ» (АИ, III, № 72, 1616, 68); «Отъ полуденна страны придоша уноши свѣтли, имуще въ рукахъ меча остры и ркуще полковникомъ: Кто вамъ повели отчину нашу требити» (М., 39) (В другом списке — *полковникомъ татарскимъ*). Термин *полковникъ* относится уже к новой системе терминологии, отражающей новое состояние вооруженных сил Русского государства XVII в.; он включается как равноправный член системы обозначений воинских чинов войска «нового» строя. Ср.: «Четыре человекъ полковники, четыре чел[овѣка] майоры» (АМ, I, № 561, 1632, 532). Однако в XVII в. в семантике термина соединяются еще два значения — терминологически определенное 'командир полка' и общенорасширительное 'воинский начальник вообще' (как воевода, полководец). С последним значением слово известно по Сибирским летописям (Порохова, 127).

Атаманъ (*ватаманъ*). В русском языке слово известно в активном употреблении с конца XIII в. В «Материалах» Срезневского приведен пример из Двинской грамоты 1294 г. В отношении источника заимствования слова в обеих формах у этимологов и историков языка нет единого мнения. В качестве предположительных источников называются или немецкий, или тюркский языки.⁶

⁶ См.: F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 5; А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1918, стр. 9; Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 438; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 95, и др. Интересна гипотеза Н. К. Дмитриева, который пишет: «Распространенное в южнорусских степях и в Крыму, оно (слово *атаман*, —

Первоначальное значение слова на русской почве было далеко от военной области применения, это 'вожак', 'предводитель', 'главный в каком-либо деле, в какой-либо группе людей': «Ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондреи Критцкый» (Грамм. Двин., 1294). Именно это древнейшее значение дошло до наших дней.

К XV в. слово становится терминологическим обозначением предводителя казацкого войска: «Отъ Геронтія Митрополита всея Руси, въ отчину господина и сына моего Великого князя. . ., на Вятку, воеводамъ, и ватаманомъ всемъ» (АИ, I, № 98, 1486, 142). Это из послания митрополита Московского; очень характерно, что даже неспециалист различает два вида предводителей: воевода и (в)атаманъ. С XVI в. в употреблении господствует форма *атаманъ* и только в значении 'казачий предводитель (выборный)': «А людемъ государь велѣлъ съ ними быти станичнымъ головамъ и станичникомъ, и вожемъ, . . . и детѣмъ боярскимъ, и атаманомъ и казакомъ . . . по росписи» (АМ, I, № 1, 1571, 2). Ср. также: АИ, I, № 228, 1589, 433; АИ, III, № 13, 1614, 13, и др.

Надо полагать, что терминологическое употребление слова *атаманъ* в военном значении создано и закрепилось в казачьей среде, а затем перешло уже в общерусский язык. Видимо, казаки *атаманом* называли командиров (начальников) всех рангов: «Отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, и мы и атамановъ болшихъ у васъ не знаемъ» (АИ, III, № 12, 1614, 13). Также: Каз. ист., 435, и др. *Атаманом* называется также Ермак в Сибирских летописях (Порохова, 127). На русской почве появляется образование *подъатаманье* — 'подъатаман' — второе лицо после атамана (Моск. св., I, 344); прил. *атаманский* — с XVII в. (Кутина, 408).

В конце XVI и в XVII в. в русском языке появляется или активизируется в употреблении значительное количество слов для обозначения тех или иных понятий, несущих в себе большой заряд эмоциональной выразительности. К числу таких слов отно-

Ф. С.), очевидно, происходит от корня *ата* со значением 'отец', 'дед', 'предок' и аффикса *-ман* (обычно образующего увеличительные имена, как установил М. Räsänen), т. е. обозначает то же, что укр. *батько* (*ата-ман* 'большой отец', 'набольший'). Реальное подтверждение этой гипотезе находим в истории Крыма. Здесь в старинной корпорации пастухов (чабанов) на Яйле до самой революции сохранялся термин *ата-ман* > *ода-ман* (старший пастух, пастуший 'батько'). Существует много народных песен об этих 'атаманах', например о Гургур-атамане. Из этих песен видно, что 'атаманы' иногда проявляли себя не только в мирной области, но и в сфере набегов или налетов. Отсюда же, очевидно, и слово атаман в казачьем обиходе» (О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сб., вып. III. М., 1958, стр. 17). Это мнение может поддерживаться тем, что первоначальные употребления термина в древнерусском языке не имели отношения к военной тематике. По утверждению Н. К. Дмитриева, *атаман* в некоторые современные тюркские языки попало вторичным путем из русского (татарское, киргизское, казахское, азербайджанское, а также и румынское *ataman*).

сятся и такие, как *полководецъ*, *стратигъ*, *военачальникъ*, *первополконачальникъ*, *властель*, *пастыръ*, призванные быть выразителями определенных военных понятий, в данном случае обобщенных названий военачальников. Слова эти употребляются в сугубо литературных произведениях; здесь сказываются большие возможности литературного языка в определенных целях употреблять дублетные, синонимические наименования терминологически определенных понятий. Это обычно и легче всего происходит в случаях, когда речь идет о наиболее общих наименованиях и названиях, когда задача точного именования оттесняется на задний план задачами образной выразительности.

Полководецъ. В «Материалах» И. И. Срезневского этого термина нет, хотя прил. *пѣлководѣньи* отмечается и датируется второй половиной XIII в. Можно предполагать, что и сущ. *полководьцъ* в это время было в употреблении как наиболее обобщенное наименование военачальника. Однако наиболее ранние употребления существительного относятся только к XVI в.: «И посемъ посылаетъ изъ града Казани храбри стратилать, велики полководѣцъ» (Каз. лет., 466). Л. Л. Кутина (410), опираясь на показания ДРС и свидетельства повестей о Смутном времени, утверждает, что сущ. *полководецъ* появилось в русском языке не ранее XVII в. и на первых порах своего существования не несло в себе эмоционального «заряда» приподнятости, возвышенности, торжественности, которые оно приобрело позднее. На самом деле, по-видимому, происходило как раз наоборот: слово было создано как «высокий» синоним к имеющимся уже в языке словам *воевода*, *голова* (ср. употребление его в приведенном примере из Казанского летописца, где оно стоит в одном ряду с греч. *стратилать*); не случайно вхождение в употребление этого термина связывается с эпохой XVI—XVII вв., когда в исторических повествованиях определяющим является влияние церковной литературы Макарьевской эпохи («историческое витийство» — А. С. Орлов) и стремление вызвать к жизни устаревшие языковые средства, их канонизация, что, естественно, сопровождалось созданием вокруг этих средств соответствующего ореола возвышенности, приподнятости. Надо учитывать также и то, что первые употребления термина связываются не с деловой письменностью, а с исторически-художественным жанром литературы. И только значительно позднее слово проникает в деловые документы, становясь там обычным обобщенным наименованием военачальника (командир воинского отряда любых размеров и любого назначения). Именно в деловой письменности оно начинает особенно широко употребляться, и там оно теряет эмоционально-экспрессивные оттенки и характеристики. В Сибирских летописях *полководцемъ* называется Ермак: «. . . рыдаху . . . о лишении наставника и полководца своего яко отца» (V, 222). В повестях о Смутном времени Л. Л. Кутина отмечает употребление слова

военачальникъ в значении, близком к современному: «Военачальника искусна въ бранѣхъ» (127).

В круг обозначений должностных лиц в войске вовлекаются слова из социально-политической лексики, из бытового словаря и т. д. *Подъячий* (*ротный подъячий*) (АМ, I, № 553, 1633, 526); *набатчикъ* (там же); *начальные люди* (АМ, I, № 370, 1632, 373).

К концу XVI—началу XVII в. ощущается большая потребность в выработке обобщенного наименования для командира любого ранга, подтверждением чего служат попытки, предпринимаемые и в специальной военной среде, и отдельными авторами, связать это обобщенное понятие с рядом лексем (от исконно русских до старославянских и греческих заимствований). Одной из таких попыток является образование составного термина *начальные люди*, входившего в практику военного словоупотребления в конце XVI в. Это словосочетание относится к практической военной терминологии, оно значительно более специализировано, чем. сущ. *начальникъ*: «68674 руб. 16 алтынъ на кормъ на три мѣсяца русскимъ и нѣмецкимъ солдатамъ и ихъ начальнымъ людямъ» (АМ, I, № 370, 1632, 373); «... всякихъ чиновъ начальнымъ людямъ, безмѣстнымъ и рядовымъ иноземцомъ» (АИ, III, № 240, 1645, 399). Многозначность сущ. *начальник* (в «Материалах» И. И. Срезневского выделено 5 значений к этому слову) препятствовала превращению его в специальный военный термин, служащий для обозначения командира любого ранга. Но именно исходное значение сущ. *начальник* 'глава', 'человек, возглавляющий что-либо' дало возможность специализации составного наименования *начальные люди*.⁷

К старому фонду номенклатуры командного состава относятся термины *десять(ь)никъ*, *десять(ь)скыи*, *пятидесять(ь)никъ*, *сот(ь)никъ*, *сот(ь)скыи*, *тысяч(ь)скыи*.

Термин *десятьникъ* (*десятникъ*) — один из древнейших терминов, обозначающих лицо по его «служебному» положению. Выше уже говорилось о времени и причинах возникновения «десятичной системы». Эта система касалась прежде всего деления на десятки, сотни в общественной жизни и затем уже в вооруженных силах. Поэтому и термин *десятьникъ* имел два значения (или две сферы применения): 1) 'лицо, занимающее определенное положение в социально-политической иерархии общества и наделенное соответствующими административными функциями и правами', и 2) 'лицо «командного состава» в войске, а именно командир, начальник десяти воинов'. Письменность русская в древнейшие периоды представляет в распоряжение исследователя употребление слова и с тем, и с другим значением: «Тое же зимы приехаша

⁷ См. об этих словах: О. Г. Порохова. Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII вв. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, стр. 153—154.

числениці, исцетопа всю землю . . . и ставиша десятники, и сотники» (Л., 6765, 475, 167). В более поздние века деловая письменность сохраняет лишь одно, военное значение термина: «Учинити надъ рязанскими сторожами, приговорили, надъ тремя sty человекъ двѣ головы дѣтей боярскихъ добрыхъ, да изъ нихъ vybrати пятидесятниковъ, четырехъ человекъ, и десятниковъ въ всѣ десятки» (АМ, I, 1571, № 3, 5); «Я Ядрикскимъ стрѣлцкимъ пятидесятникомъ и десятникомъ и стрѣлцомъ, сдѣлавъ тѣ струги, далъ въ чемъ имъ поднятися на Государеву плавную службу» (АИ, III, № 251, 1614, 419).

С теми же значениями употреблялся и термин *десятьскый*: «Оустави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцскимъ, и десацскимъ, и нарочитымъ мужемъ» (Л., 6544, 150); «Ни къ сотскому, ни къ десацкому не тянуть» (Жал. гр. Дмитр. кн. Юр. Вас., 1461 г.).

Пятидесятникъ: «Тогда язъ былъ при князи при Юрьѣ пятидесятникъ» (Дело суд. о уст. Борт., 1462—1464 гг.); «Они жъ де слышали въ Астарохани отъ Терского стрѣлцкаго пятидесятника Павловскаго приказу Широносова» (АИ, III, № 30, 1614, 30); «Пятидесятникъ, господа, стрѣлцкой Мартышко Гавриловъ посланъ ко Государю» (АИ, III, № 251, 1614, 417). Форма *пятьдесятьникъ* зафиксирована только в переводных памятниках религиозно-житийного содержания в значении невоенном.⁸

Сотникъ (*сѣтъникъ*). В «Материалах» И. И. Срезневскаго в этом слове отмечается пять значений: а) 'сотник, начальник сотни как части населения'; б) 'сотник, военный чин'; в) 'должность в татарском управлении в Древней Руси'; г) 'должность по городскому и сельскому управлению в Древней Руси'; д) 'старейшина волхвов'. Из них только два первых связаны с этимологическим значением слова: начальник над сотней человек (независимо от того, военные это люди или нет). Эти значения, так же как и соответствующие значения в *десятьнике*, взаимосвязаны: «Моиси . . . добръ положи людѣмъ сотники, пятьдесятники. . . , де сама възможесть множество оуправити» (Жит. Феод. Студ., XIII в., 81). Наиболее ранние употребления термина в военном значении также относятся к переводным памятникам религиозно-догматического содержания (см. «Материалы» И. И. Срезневскаго). В дальнейшей истории термин *сотникъ* продолжает функционировать в тех же значениях: а) в военном: «А съ нимъ послано пять человекъ сотниковъ стрѣлцкихъ да пять сотъ человекъ стрѣлцовъ» (АИ, III, № 252, 1614, 419); «А мы господа, для запасовъ послали къ вамъ въ Казань Астароханскихъ сотниковъ стрѣлцкихъ» (АИ, III, № 28, 1614, 27); б) 'гражданский чиновник': «Лутчихъ Вагулскихъ сотниковъ . . . въ городъ привелъ,

⁸ К XV в. относит появление в памятниках слова *пятидесятник* Б. А. Ларин; см.: Парижский словарь москвитов 1586 г., стр. 50.

и ихъ сотенъ Вагуличъ во многихъ юртѣхъ, по ихъ вѣрѣ, къ шерти привелъ» (АИ, III, № 1, 1613, 1). Широкоупотребительный в древнерусском языке термин *сътський, сотський (соцький, сочський)* обозначал человека (и должность) по городскому и сельскому управлению в Древней Руси.

Названия командиров сотни, полусотни и десятка — *сотникъ, пятидесятникъ и десятникъ* — употребляются в деловых и в исторических документах и в XVII в. Ср., например, их употребление в Сибирских летописях, на что указывала О. Г. Порохова (127), в повестях Смутного времени (Кутина, 407). Это свидетельствует об устойчивости употребления слов. Они были единственными наименованиями командиров отрядов соответствующей численности в войсках русского строя и были вытеснены из системы военной терминологии с утверждением войска иноземного строя.

Тысячський 'начальник тысячи (городского ополчения)': «Съзвавъ дружиноу свою на Берестовомъ, Ратибора тысячьского Кыевского и Прокопию Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Пьеретславьскаго тысячьского» (Р. Прав. Влад. Мон.); «И яша бояръ много, Давыда Яруновича тысячьскаго Кыевскаго, и Станислава добраго Тудьковича, и прочихъ много» (Л., 6644, 303); «И Оулѣбови тысячкому своему . . . тако же ре' поѣдита въ своя полкы» (И., 6654, 328); «И приѣха владыка в Новѣгородъ с бояры декабра въ 8, при князи Иванѣ Даниловичѣ, и при посадникѣ Олфромѣ, и при тысячкомъ Остафѣи» (Н. IV, 6839, 265, 174). Такого рода употребления прослеживаются вплоть до XIV в. По всей видимости, этот термин был употребителен на всей территории Древней Руси (вопреки утверждению Н. М. Карамзина о том, что *тысяцкий* — явление, известное только в Пскове и Новгороде). С этим связано и сущ. *тысяцкое* в значении 'должность тысяцкого', отмеченное только в Новгородской 1-й летописи (Синодальный список): «Тѣгда отяша тысяцкое у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичю» (Н. I, С., 6736, 229). Такие же употребления — под 6738 и 6765 г. Ср. значение слова *тысяча (тысяца, тисаца, тисуца, тисуца)* 'земское войско, городское ополчение': «При блгороднѣмъ князи Всеволодѣ. . ., воєводство держащю Кыевскыи тисаца Иѣневи» (Л., 6597, 208); «Приде ко Перемышлю Юрьеви тогда тисацю держащю переда Перемышль» (И., 6734, 748, 254). Сочетание *тысяцу держати (прѣдѣржати)*, как видно из приведенных выше примеров, означало 'быть тысяцким': «. . . тисацю предержащю Роману Михайловичю» (Л., 6760, 473, 166). Церковнославянская форма *тысяцъникъ (тисуцъникъ, тисуцъникъ)* со значением 'начальник тысячи' отмечается в основном в переводных памятниках («Материалы» И. И. Срезневского) и лишь единственное употребление встречается в Лаврентьевской летописи (пример, приводившийся уже в качестве иллюстрации к слову *десятьникъ*:

«Приехаша числениці, исцетоша всю землю Сужальскую . . . и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники» (Л., 6765, 475, 167). Эта форма не стала употребительной в русском языке, она к тому же имела значение, отличное от значения термина *тысяцкий*, ибо последний был термином с военным значением, а церк.-слав. *тысящникъ* употреблялось для обозначения начальника над тысячью человек населения, т. е. своего рода полицейского чиновника.

Темникъ (*тъмъникъ*) 'военачальник, командующий десятью тысячами воинов': «Приехаша числениці . . . и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники, и идоша в ворду» (Л., 6765, 475, 167); «Бысть тогда великая рать татарская . . . 5 темниковъ воеводъ» (Сим. лет., 6835, 90).

Намѣстникъ 'должностное лицо, обладающее функциями административной и военной власти в уезде, городе' (может быть, синоним *воеводы*?). Ср: «Съ которого числа въ которой мѣсяцъ намѣстники или воеводы учнутъ на поле отпущати станицы» (АМ, I, № 2, 1571, 4); «В Путивль къ намѣстнику и воеводѣ отъ государя писано» (АМ, I, № 18, 1577, 20). В этих примерах отчетливо выявляется наличие военного значения у термина *намѣстникъ*. Эта отчетливость — явление довольно позднее. На более ранних этапах истории языка слово *намѣстникъ* обозначало 'заместитель, наместник, представляющий «на месте» церковную или светскую власть'. Поэтому *намѣстникъ* обладал всеми правами князя в том уделе (городе, уезде), который был дан ему в наместничество, следовательно, и военными правами.

Осад(ь)чикъ 'начальник укрепленного места'; то же, что и *осадный голова*: «Быль в Рыльску въ осадчикѣхъ» (Б., 30). См. также: Гр. осадн. воев. Беклем., 1575, июня, 21, 1028; ДАИ, VII, 1678, 214, и др. *Осадчей* то же, что *осад(ь)чикъ*: «И въ тотъ городокъ в козацкую пристань призван осадчей черкашенинь Семенъ Бронка и онъ осадчей въ тотъ же городокъ призвалъ пока» (Баг. Мат., 128). С этим же значением употребляется и составной термин *осадный голова*: «И по тѣхъ велѣлъ послати грамоты къ намѣстникамъ и къ осаднымъ головамъ» (АМ, I, № 1, 1571, 1). Также: АМ, I, № 13, 1571, 16; ДАИ, VII, 1681, 22; Гр. ук. о крест., 1614, 50; Ворон. ак., 1626, 10, и др. Это терминологическое сочетание было значительно более употребительным в практическом военном языке, чем термины *осад(ь)чикъ* и *осадчей*. Оно поддерживалось и активизировалось в употреблении, во-первых, тем, что в XVI—XVII вв. сущ. *голова* было наиболее обычным обозначением лица, возглавляющего что-либо (и в военном быту, и в социально-экономическом отношении), а также и тем, что прилагательное *осадный* было в активном употреблении в практическом военном языке, входя в состав терминологических сочетаний *осадные люди*, *осадное врѣмя*, *осадное мѣсто* и др. *Осадный голова*, таким образом, был основным, наиболее употребительным

термином из этого ряда, хотя и позднее, в XVIII в., были попытки заменить его словами *осажатель* (Кугорн. Нов. крепостн. стр., 1702, 1) и *осаждаемый* (там же, 22) и др. Последние два слова не остались в русском языке и никогда не были в живом употреблении.

Рядовой. В качестве антитезы к наименованию *начальные люди* (*начальный человек*) в последней трети XVI в. вырабатывается обобщенное наименование воинов, не принадлежащих к командному составу; определяющей частью сочетания является прил. *рядовой*: *рядовой казакъ*, *рядовой иноземецъ* и т. д.: «Казачьи де головы съ рядовыми казаки изъ тѣхъ городовъ живутъ по государеву указу и по росписи на государевѣ службѣ» (АМ, I, № 15, 1572, 18); «И всего русскимъ капраломъ, и ротнымъ подъячимъ, и набатчикомъ, и рядовымъ солдатомъ 6610 чел[овѣкъ]» (АМ, I, № 553, 1633, 526); «Квартермейстеромъ, и порутчикомъ . . . по тафтѣ . . . ; а достальнымъ всякихъ чиновъ началнымъ людемъ, безмѣстнымъ, и рядовымъ иноземцомъ, oprичъ золотыхъ . . . ничего дать не велѣно» (АИ, III, № 240, 1645, 399). Возможно, что первоначальные употребления слова *рядовой* связывались с понятием 'служащий по ряду, по договору', отсюда *рядовой казакъ*, *рядовой иноземецъ* могли осознаваться как *служилый* (казак, иноземец). Однако даже и в этом случае это представление было неотделимо от представления 'стоящий, находящийся в ряду'; 'обыкновенный', 'простой'. Ср.: «Отказываете люди монастырскихъ серебренниковъ и половниковъ, и рядовыхъ люди» (Грам. Белозер. кн. Михаила Андр. и вел. кн. Василия Васильевича, около 1450 г.). Ср. также документируемое древнейшими памятниками *рядникъ* в значении 'простолюдин'. Диффузность, неопределенность значений слова *рядовой* в применении к названиям воинских людей очевидна.

В Сибирских летописях *рядовыми* называются простые воины войска Ермака (Порохова, 125).

В древнерусскую эпоху в русском языке функционировала группа слов, называющих воина по какому-либо качеству или свойству, присущему ему постоянно или временно. Это не профессиональные наименования воинов, а названия воинов по наличию или отсутствию в нем смелости, храбрости, воинской удали и т. п. Они не представляют какого-либо единства в тематическом отношении и тем более в лексическом плане, но среди них выделяется ряд подгрупп, объединяемых синонимическими и словообразовательными отношениями членов, составляющих эти группы. Слова, составляющие группу, занимают неодинаковое положение с точки зрения активности употребления в древнерусскую эпоху, неодинакова судьба их и в дальнейшей истории русского языка.

Сюда относятся: *вооружитель* 'тот, кто вооружает, призывает к борьбе против кого-либо' (М., 55); *вооружникъ* — то же (Кир. Тур., 64); *ротникъ* 'союзник' (И., 6655); *богатырь* 'смелый',

‘военачальник’, ‘герой’ (И., 6748); *збои* ‘боец’, ‘удалец’ (Н. I, 6850); *молодецъ* ‘удалец’ (Н. I, С., 6846); *перескокъ* ‘перебежчик’ (И., 6657); *победитель*, *побед(ь)никъ*, *победоносьць* ‘победитель’ (Служ. Серг., л. 87); *языкъ* ‘пленник’, ‘язык’ (И., 6660); *таль* ‘заложник’ (Л., 6452); *помощникъ*, *пособникъ*, *способникъ* ‘помощник’, ‘союзник’ (Л., 6605; И., 6659); *ушкуйники* ‘новгородская вольница’ (Моск. св., 1371). Большинство слов этой группы составляло периферию военной лексики древнерусского языка: в семантическом плане они имели лишь частичное, косвенное отношение к военной тематике (за исключением таких наименований, как *победоносьць*, *победитель*, *побед(ь)никъ*, *языкъ*); сфера употребления многих слов ограничена рамками переводной клирикальной письменности, редкие случаи употребления в оригинальных памятниках по своему характеру близки к употреблению в переводной литературе. По формальным особенностям значительная часть лексем этой подгруппы принадлежит к фонду церковнославянской лексики — *помощ(ь)никъ*, *победьникъ*, *победитель*, *победоносьць*. Восточнославянская форма *помоч(ь)никъ* в значении ‘помощник’ в военном употреблении не зафиксирована, но, судя по наличию составного термина *помоч(ь)ныи полкъ* ‘вспомогательный полк’ (И., 6691), такие употребления не были чужды живому древнерусскому языку.

К последней трети XVI—началу XVII в. относится появление в деловой письменности Московского государства терминов, отражающих явления, связанные с введением и усовершенствованием так называемой поместной системы организации войска. Это *новикъ*, *новоприборный* (*новоприборные стрѣлцы*), *нѣтчикъ*, *недоросль*, *даточный* (*даточные люди*).

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКЕ XV—XVII вв.¹

Вопрос о судьбе иноязычных слов в русском языке, о путях их проникновения в русский язык далеко не одинаково остро стоит для различных этапов истории языка. Он имел большое значение в древнейший период письменной истории русского языка в связи с заимствованием в эпоху христианизации значительного количества грецизмов. Заимствования из греческого языка входили в русскую лексическую систему в основном в качестве слов и терминов христианской религии, нравственности, философии. Что касается заимствований из западноевропейских языков, то они были незначительны.² Как показало рассмотрение

¹ О заимствованных словах в русском языке писали многие исследователи: А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Курс. Литограф. изд. СПб., (6. г.); W. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17 und 18 Jhdts. Diss. Berlin, 1906; Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сб. ОРЯС, т. 88. СПб., 1910; И. Огиенко. 1) К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. РФВ, т. XVI, № 3—4, 1911; 2) Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956; G. Hüttl-Worth. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch 1550—1800. University of California Publications in Linguistics, vol. 28. Berkeley and Los Angeles, 1963; M. Fogarasi. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488—1699). Studia slavica, t. IV, fasc. 1—2. Budapest, 1958, и др. Заимствования из восточных (тюркских) языков рассматриваются в работах: П. М. Мелюханский. 1) Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве». Изв. II Отд. АН СССР, т. VI, кн. 2. СПб., 1902; 2) Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. СПб., 1906; Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сб., вып. III. М., 1958 (в работе дана краткая история изучения тюркских элементов в славянских, особенно в русском, языках), и др.

² Известно, однако, что «появление варваризмов в русском языке относится к древней эпохе нашей литературы; уже в XIII столетии явилась необходимость в толковании непонятных слов, потребность, которая с течением времени все более возрастала» (В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., стр. 10).

некоторых наиболее важных разрядов военной лексики древнерусского языка, они остались в общем-то мало затронутыми иноязычным влиянием. Незначительные вкрапления иноязычных слов в «систему» обозначений оружия (*сабля, саадакъ* и некоторые другие) не меняют дела. Не оставило заметного следа в военной лексике (как и в самом военном искусстве) и татаро-монгольское владычество. До половины XVI в. русская военная лексика была в основном свободной от иноязычных влияний. Положение заметно меняется во второй половине XVI в. В XVI—XVII вв. Московское государство расширяет связи экономического и культурного характера с иностранными государствами. Шире и свободнее происходит обмен достижениями материальной и духовной культуры; элементы западной культуры и технических достижений проникают в Московскую Русь. Вместе с ними часто заимствуются и слова, обозначающие их. Процесс этот закономерный и имеет место во все периоды развития языка.

Говоря об иноязычных заимствованиях в памятниках древнерусской письменности, необходимо различать две категории слов: а) слова, называющие предметы и явления, чуждые русской жизни, характеризующие жизнь и быт других народов; б) слова, называющие предметы и явления, заимствуемые русским народом, входящие в его жизнь и быт. В то время как первые используются только при повествовании о жизни других народов, при описании контактов с ними, слова второй группы употребляются наравне с исконно русскими при описании русской действительности. Первые, как правило, не входили в состав лексической системы русского языка и употреблялись на правах «чужих» слов — *Fremdwörter*; вторые осваивались русским языком, становились членами его лексической системы. Следует, однако, иметь в виду, что относительно древнего периода истории языка разграничение слов двух этих разрядов представляет значительные трудности, тем более что и заимствованные слова, вошедшие в лексическую систему русского языка, на первых порах употребляются как наименования новых (тоже чуждых русскому человеку) предметов и явлений. Лишь в результате длительного существования в новом для них языке, лишь в процессе длительного сожителства с русскими словами иноязычные заимствования полностью осваиваются русским языком, становятся элементами его лексической системы.

Военные столкновения с Западом, особенно с немецким орде- ном, стремившимся захватить северо-западные русские земли, приводили к знакомству русских с явлениями, характерными для

нием времени увеличивалась все больше и больше; так появились азбуконники или алфавиты, в которых давались объяснения иностранным словам и которые имели большое применение в жизни, почему списков их сохранилось очень много» (И. О г н е н к о. К вопросу об иностранных словах. . . , стр. 353).

соседних народов. Так, вместе с понятиями о кумендере, кунтуре, магистре, мастере (местере) и ратмане в речь русских проникают слова, называющие их.

Кумендеръ (*кумендеръ*) 'командор ордена меченосцев': «Овыхъ избиша, а иныхъ раниша, и кумендеря раниша по главѣ» (Н. V, 6807, 237, 593); «Приходиша Нѣмци ратью великою, сами пискоупи и мesterъ и кумендеръ, подѣ Изборескъ» (Н. IV, 6876, 294, 197 об.). Также: Воскр., 1368, 69; Ник., 1410, 214; Рог. лет., 1368, 90; Сим. лет., 6876, 109 и др.

Коунтуръ 'военный чин в тевтонском ордене': «И оубиша мастера и моршолда и коунтуры побиша, и всю силоу Немецкою побиша» (Н. IV, 6918, 410, 274). В 1-й Софийской летописи под 1410 г. слово употреблено в форме *кундуръ*. В Полоцкой грамоте 1405 г. в том же значении встретилась форма *куньдуръ*. Слово заимствовано из ср.-в.-нем. *kommendur(e)*, *kommendiur* от ст.-фр. *commendeur*.³

Как наименования военных людей — предводителей немецких рыцарских орденов известны в древнерусском слова *магистръ*, *мesterъ* (*местеръ*, *мештеръ*), *мастеръ*. «Тако же и отъ князя магистра посолъ бысть к великому князю и отъ всея земли Ливонские и отъ семидесять городовъ заморскихъ» (Соф. вр., 7003), в таком же значении — в Казанском летописце (459); «Мesterъ Риский с Нѣмци пришедъ ко Пскову, и отъде а зло оучинивъ» (Н. IV, 6914, 404, 269 об.); «И убиша [в побоище] мesterя и моршолда, и кунтуры побиша и всю силу Нѣмечкую избиша» (Н. I, С., 6918, 397); «И пришедъ мesterъ Риский» (Н. I, С., 6914, 395); «Тако хочемъ мы горожане с мѣштеремъ» (Дог. гр. Пол. с Ригию, ок. 1229 г.). В аналогичных условиях употреблялся и термин *мастеръ*: «И убоявся, посла [Миндовгъ] таинѣ ко Андрѣви мастеру Рижьску и убѣди и дарми многими, сирѣчь умоли его» (И., 6760, 815). Все эти слова восходят к латинскому *magister*; что касается путей непосредственного заимствования, то формы *мesterъ* (*местеръ*, *мештеръ*) безусловно заимствованы из немецкого (Фасмер); относительно *магистръ* и *мастеръ* единой точки зрения у этимологов нет. Здесь возможны различные пути: через польское или немецкое посредство. Но это особый вопрос, решение которого представляет значительные трудности. В Московском летописном своде (с. 248) *магистръ* употреблено в форме *мистръ*.⁴

Ратманъ. Возможно, что в примере из Новгородской летописи — «Паде Нѣмѣчь ратмановъ и пановъ 500, а 50 ихъ руками изымаша» (Н. V, 6750, 219, 578) — имеет место употребление слова

³ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1965, стр. 416.

⁴ См. об этимологии этих словоформ: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е переработанное. М., 1935, стр. 345. Изд. 6. М.: КомКнига/URSS, 2005.

ратманъ не в обычном для него значении 'член магистрата города Риги', а в новом — 'ратник', 'воин'. Судить с уверенностью об этом, однако, трудно из-за отсутствия других случаев такого применения слова. Но метонимический перенос значения с названия члена магистрата Риги на воина, выступающего на стороне этого органа, вполне возможен.

Рыторъ 'рыцарь' (из ср.-в.-нем. *ritter, riter*): «Быше бо полона множество в полку его и ведяху ихъ подлѣ конь, иже именуются Божии рыторѣ» (в других списках — *ритори*) (Н. I, 6750).

Известно, что первые столкновения русских с тюркскими народностями относятся к эпохе Киевской Руси. Печенеги и половцы были долгое время непосредственными соседями восточных славян. Что касается Московской Руси, то она знала «тюрков Золотой Орды и несколько позднее Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, возникших на развалинах Золотой Орды. Взаимоотношения Московской Руси с четвертым наследником Золотой Орды — Крымским ханством — втянули ее в соприкосновение с Турцией».⁵ Поэтому тюркский вклад в русский язык, особенно в его лексический состав, разнообразен и значителен. Само географическое положение Древней Руси обуславливало возможность и неизбежность различных соприкосновений русских с различными монголо-татарскими народностями, «результатом чего явилось значительное количество в русском языке слов, принадлежавших этим языкам. . . Слова эти стали проникать в русский язык уже с первых шагов по обособлении от праславянской колыбели, когда южные степи России занимались последовательно кочевниками, вступавшими в частую борьбу с русскими племенами; но главная масса этих чуждых слов поступила в русский язык за время монгольского ига, когда русская культура подверглась сильному воздействию со стороны культуры победителей».⁶ Частые военные столкновения Киевской, а затем Московской Руси с восточными и южными соседями приводили к знакомству русских с военным бытом тюркских народностей, что само по себе предопределяло возможность проникновения в русский язык элементов тюркской военной лексики.⁷ Однако тюркский вклад в русскую военную терминологию остается в общем незначительным. Как тюркская военная организация и военная тактика не затронули основ русского войска, так и лексические заимствования из тюркских языков не оставили

⁵ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 7.

⁶ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 351.

⁷ См. о татарских «военных» заимствованиях в русском языке: И. И. Назаров. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. Уч. зап. Казанского гос. пед. инст., вып. 15, 1958, стр. 233—273.

сколько-нибудь заметного следа в русской военной терминологии. Военная терминология в этом отношении стоит особняком: в других ответвлениях словарного состава русского языка татарские заимствования, особенно начиная с XII в., занимают заметное место. На последний факт указывалось многими исследователями русского языка.⁸

Несомненными тюркизмами в системе обозначения воинов являются *баскакъ*, *уланъ*, *есаулъ* (*ясаулъ*), *сеунъ*, *калга*, *улубий*, *чеуишъ*.

Нет возможности точно определить время «заимствования» того или иного тюркизма в русский язык, однако некоторые из них могут быть отнесены к весьма ранним заимствованиям и связаны с началом татаро-монгольского владычества. Так, к XIII в., к эпохе Золотой Орды, относится «заимствование» слова *баскакъ* (из чагатайского *baskak* 'чиновник для сбора податей с покоренных народов'). На русской почве термин обозначал монгольского воеводу, предводителя небольшого воинского отряда, выполнявшего военно-полицейские обязанности. Отряды эти формировались как из русских, так и из татар («бесермень») и жили в особых слободах. Одно из самых ранних употреблений слова находим в Ипатьевской летописи под 6763 г. Слово отражено во многих древнерусских памятниках: «Кнѣзь Іѣрославъ . . . посла на Нязовскую землю Стѣслава полковъ копить . . . і приде в Новъгородъ і баше ту баскакъ великъ Володимирьскыи іменемъ Амраганъ» (Н. I, С., 6777, 291); «Изби боярь . . . а порты повелѣ дати паломникомъ . . . рѣка имъ . . . ходите по землямъ тако молвите: хто иметь держати споръ съ своимъ баскакомъ тако ему будетъ» (Л., 6791, 481, 170). Многочисленны употребления термина в ханских ярлыках (см. «Материалы» И. И. Срезневского, I). На русской почве от *баскакъ* образовано сущ. *баскачество* 'должность, звание баскака': «Ахматъ дръжаше баскачество Курскаго княженія» (Воскр., 6791). Это свидетельствует об освоении слова русским языком.⁹

В Ярлыке Тахтамыш-хана к польскому королю Ягайле от 1392 г. встречается одно из наиболее ранних упоминаний об *ула-*

⁸ Ср. в этом отношении замечания В. А. Богородицкого: «Что касается семасиологической стороны рассматриваемых заимствований (из тюркско-монгольских языков, — Ф. С.), то слова монгольского происхождения относятся главным образом к области административно-государственной, тогда как слова татарского происхождения — к области повседневной жизни, например, к одежде, верховой езде и пр.» (В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Общий курс русской грамматики, стр. 352). Интересно также заметить, что в списке слов тюркского происхождения, приводимом Н. К. Дмитриевым в упомянутой его статье, на более чем 400 заимствований из тюркских языков всего 10 слов относятся к категории военной лексики.

⁹ *Баскак* известно в украинском и через него в польском — *baskak* 'начальник', 'правитель'.

нах: «Бог нас пожаловав предал нам враждующих уланов и беков, изъ коих главные Бек-булат, ходжа Медин-Бенчич и Турдучак Берди Давуд» (История Татарии в документах и материалах. Гос. соц.-экон. изд., М., 1937, с. 72). Уланъ 'член ханской семьи у татар, лицо княжеского рода' (И. И. Срезневский): «Мамай нача глаголати ко своимъ оупатомъ и княземъ и оуланомъ (в других списках — *воеводамъ*)» (М., 3); «Вамъ бы надо взять моих улановъ, да воевать вмѣстѣ» (АИ, III, № 277, 1614, 444); «Крамольныхъ князей и улановъ казанскихъ смертию казни» (Н. IV, 6995, 526, 383 об.). Два последних употребления с бесспорностью говорят о том, что у л а н ы были по своему положению, как и русские князья, людьми, ведавшими и политическими и военными делами. Улан, как военный термин, включается в текст Синодального списка «Задонщины» (XVII в.).¹⁰ Употребления слова довольно часты и обычны в письменности начиная с XV в., правда, не всегда в привычной и установившейся форме. Так, в Устюжском своде (6940, 245²) встретилась форма *улантъ*; то же в: Льв. л., 7013, 375; СГГД, V, 1508, 37, и др. В этой форме слово встречается в функции собственного имени (Арх. Стр., I, 1571, 505). Однако в большинстве случаев употребляется форма *уланъ* (АИ, III, 1614, 444; Ник., 1519, и др.). Проникает это слово и в произведения устного народного творчества: Кирша Дан., 38—39; ВНП, т. I, 14, и др. Военное значение в слове *уланъ* подчеркивается наличием сочетания *уланская сила*: «А татарская та сила все уланская. — Говорит-то князь» (Гильфердинг, Онежские былины). Позднее в России были учреждены так называемые конные уланские полки с особой формой одежды, вооруженные между прочим и копьем, украшенным особым значком — «флюгаркой». Это значение термина *уланъ* (*улань*) так далеко ушло от первоначальных смыслов, что становится трудным говорить о развитии значений одного слова. Ближе к средневековому значению слова *уланъ* нижегородское — 'род десятника на горных или рудных заводах' (Даль, IV, 487).

Есаулъ (*ясаулъ*) 'казацкий чин' (первый после атамана): «Боярам нашимъ, и околничим, и думнымъ діакомъ, и дворяномъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ изъ городовъ, и головамъ стрѣleckимъ, и жилцомъ, и дѣтемъ боярскимъ, атаманомъ, ссауломъ, и казакомъ» (АИ, III, № 72, 1616, 66). Слово употреблялось также в форме *ясаулъ*: «Приговорили атаманы и ясаулы и казаки и все войско, что имъ жень своихъ, вѣнчалныхъ и невѣнчалныхъ съ собою не имати» (АИ, III, № 52, 1615, 43). О. Г. Порохова отмечает употребления *ясаулъ* и прилагательного *ясаульный*

¹⁰ См.: В. Л. Виноградова. Некоторые замечания о лексике «Задонщины». Тр. отд. древнерусск. литер. (Инст. русск. литер. АН СССР), 14, 1958, стр. 203.

в Сибирских летописях.¹¹ Термин известен и в украинском языке — *есаул*. Заимствован из чагатайского, турецкого — *jasaul* 'распорядитель, исполнитель повелений'.¹² В дальнейшем слово становится наименованием офицерского чина (равного капитану) в казачьих войсках и приобретает новое значение 'старший распорядитель (после атамана) у разбойников'. Последнее, впрочем, нельзя полностью считать новым значением, оно скорее является модификацией первичного на русской почве значения, ибо организация казачьих отрядов XVI—XVII вв. во многом сохранялась в разбойничьих шайках. Вплоть до Октябрьской революции слово *есаул* продолжало жить в активном запасе русского литературного языка, являясь основой словообразовательного гнезда: *есаулыша*, *есаулов*, *есаульский*, *есаульство*, *есаулецъ*, *есаулить*.

Сеунчъ. Слово довольно поздно входит в русский язык, по крайней мере памятники ранее XIV в. его не фиксируют. Оно заимствовано из тюркских языков: татарское 'весть (преимущественно радостная весть), особенно о военной победе': «Князь же велики . . . отпустилъ къ Москвѣ съ сеунчемъ Андрѣя Плещеева къ матери своей. . . , что его царь пожаловалъ, отпустилъ на его отчину» (Воскр., 6954); «И прислалъ къ царю стольника съ сеунчемъ, что онъ городъ Сержекъ взял» (Курбский; по В. И. Далю). По-видимому, на русской почве слово получило другое значение — 'гонец', 'вестник, принесший какую-либо весть (сеунч)': «Сеунчъ Темиръ, Мюрбакшей писали» (Ярл. Берд. 1357). Позднее, к концу XVI в., язык преодолел мешающую в процессе общения в специальной сфере полисемию и выработал согласно активизировавшейся к этому времени модели наименование для обозначения воина, выполняющего роль гонца, вестника, приносящего весть о победе. Таким наименованием явился термин *сеунчикъ*: «Ермакъ въ тое пору убить покаместъ сеунчики ѣздили къ Москвѣ» (Есип. лет., 283). Обычно слово в АМ, АИ и других документах XVI—XVII вв. в народно-разговорном языке термин был известен в форме *сеунчик* (Кирша Дан., I, 27). Этот факт, а также наличие в словоупотреблении XVI—XVII вв. глагола *сеунчевати* (Каз. лет., 2, 146) говорит в пользу активности этого словообразовательного гнезда в практическом военном языке. Военная специализация произошла в языке заимствующем, а не в языке-источнике: только производные от *сеунчъ* — *сеунчикъ* (*сеунчикъ*) и *сеунчевати* — функционировали исключительно в военных зна-

¹¹ О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей XVII века. Л., 1969, стр. 127.

¹² Н. К. Дмитриев считает *jasaul* 'управитель', 'урядник' монгольским словом. Оно вошло в официальный язык Золотой Орды и Чагатайского улуса. Татарская форма *ясавул* и легла в основу русского термина в значении 'офицерский чин в русском казачьем войске' (О тюркских элементах русского словаря, стр. 25).

чениях; значение исходного слова было более широким и неопределенным. Это пример полной ассимиляции заимствованного слова языком-заимствователем.

Улубий — двухкорневое слово: *улу* (ср. совр. тур. *улу*, *улуғ*) 'великий' и *баи* (крымско-татар. и другие тюркские языки) 'чиновник' (Радлов, с. 1692). В целом в тюркских языках *улубий* осмыслялось как '(большой) военный чиновник (князь)'. Ср. в Истории кн. Курбского: «Царь Казанский затворился во градъ, со тремядесять тысящей . . . воинов, а другую половину войска оставил вне города . . . также и те людие, яже Нагайский улубий прислалъ на помощь ему» (Подлинная о Казанском походе запись царственной книги, 1552 и История кн. Курбского о Покорении Казани. К 350-летию покорения Казани 1552—2/3—1902. М., 1902, с. 124). Но, по всей видимости, это слово никогда не было элементом русского языка. В языке кн. Курбского это *Fremdwort*.

Чеушъ (тур. *çavuş* 'сержант', 'унтер-офицер', 'ординарец', 'смотритель'). В памятниках русской письменности встречается со значением 'военный чин, начальник дворцовой стражи': «Федор Юрьев съ товарищи . . . сказали: как они были въ Царьградѣ, и при них государевы послы у турецкого царя были на отпускъ и къ государю отпущены съ нимъ же, а кто именемъ чеушъ, того не упомянуть» (АМ, I, № 7, 1571—1634, 341).

Этот термин нельзя считать заимствованным словом, членом русской лексической системы, как и слово *калга*, заимствованное, по-видимому, из крымско-татарского языка (ср. осман. *kalgan*). В русском памятнике (Пам. дипл., т. 7, 54) употреблен в значении 'почетный титул (военного интенданта?)': «А брату цареву, царевичу Ямгурчаю калге соболь чернъ». Впрочем, возможно, это слово не было связано с обозначением военного лица.

В XVII в. в ряде памятников употребляется заимствованное из турецкого языка слово **янычары** (тур. *jani* 'новый', *çari* 'солдат').¹³ Одно из самых ранних употреблений слова относится к 1570 г.: «А за две версты от Азова же встретили в судах аги яничанские с людьми и с янычаны» (Ст. сп. Новосильцева, 1570, 63). На русской почве известны формы *янычары*, *янычаны*, *енычаны*, *енычены*: «Прислалъ де къ польскому королю турской царь пословъ своих. . . , чтобъ король пропустилъ его черезъ свою землю противъ вѣликого государя ратныхъ людей и давалъ королю 40 000 янычаръ» (АМ, III, № 11, 64). Это слово «прижилось»

¹³ Н. К. Дмитриев *янычаръ(ы)* возводит к тур. *yañi çeri* (современное *yenî çeri*) 'новое ополчение'. *Jañi* — тюркское слово, которое позднее XIII в. по-турецки стало звучать как *jent*; *çeri* — согдийского происхождения, откуда пошло к тюркам. Янычары как войско были созданы в 1330 г. Все европейские языки, как отметили К. Локоч и др., усвоили *янычары* в древнейшей форме («т. е. *янычары*, а не *еничеры*). Ср., однако, более позднее рум. *jenicer* (О тюркских элементах русского словаря, стр. 37).

в русском языке, но только для обозначения воина привилегированного пехотного войска султанской Турции, получив позднее и переносное значение 'лицо, проявляющее беспощадность, излишнюю жестокость при защите интересов привилегированных кругов какого-либо общества'.

К древнейшим тюркским заимствованиям относятся рассмотренные выше (стр. 194—198) слова *колымагъ*, *шатеръ*, *товаръ*, служившие обозначением стоянки, стана, военного лагеря и обоза. Эти слова известны и в ряде других славянских языков, однако, как указывал в свое время А. И. Соболевский, из этого не следует, что слово было заимствовано вначале в один славянский язык, а затем через него стало известно в других. Дело в том, что древние тюркские кочевые народности — гунны, авары, хозары — входили в непосредственные соприкосновения с разными славянскими народами, и поэтому слова в каждом отдельном случае могли заимствоваться самостоятельно. По крайней мере такой путь исключать нельзя.¹⁴

Говоря о польском вкладе в русскую военную терминологию, надо иметь в виду, что история Московской Руси была тесно связана с историей ее западного соседа — Литовского великого княжества, позже Польско-Литовского государства. Под властью последнего, как известно, оказались многие древнерусские земли — Витебская, Волынская, Киевская, Пинская, Полоцкая, Подольская, Смоленская, Черниговская. Однако связи между этой частью русских земель и Московской Русью окончательно никогда не прерывались; живы были связи религиозные и культурные, не забывались политические и экономические общие интересы. После ликвидации политической обособленности Польского и Литовского княжеств и образования единого Польско-Литовского государства усиливаются позиции польского языка в Западной и Юго-Западной Руси, усиливается влияние польского языка на русский. Это влияние было особенно заметным в XVI—XVII вв. и прослеживается по многочисленным памятникам того времени — от произведений Ивана Пересветова, Ивана Грозного, князя Курбского до общерусских летописных сводов. Вопрос о польском вкладе в русский язык XV—XVII вв. уже поднимался в русском и зарубежном языкознании. В ряде работ наряду с другими заимствованиями из польского рассматривались и «военные» полонизмы в русском языке, причем единого взгляда на силу польского влияния в этих работах обнаружить нельзя. Даже один и тот же исследователь высказывал различные мнения по этому вопросу. Так, В. М. Тамань в статье «Полонизмы в языке русских памятников XVI в.» говорит о значительном влиянии польского языка на русский, а в тезисах «О польском

¹⁴ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова, стр. 63—64.

влиянии на литературный язык Московской Руси» подчеркивает, что «не следует переоценивать распространение полонизмов и силу влияния польского языка на литературный язык Московской Руси».¹⁵ Что касается влияния польской военной терминологии на русскую, то здесь надо различать две стороны — роль польского языка как посредника — передатчика западноевропейских (главным образом немецких и французских) слов и терминов, обозначающих военные понятия, и значение его как языка источника, из которого русский язык заимствовал собственно польские слова. В качестве языка-посредника польский язык передал в русский язык значительное количество терминов, относящихся к обозначению новых военных понятий, неизвестных на Руси до XVI—XVII вв., но начинающих с этого времени утверждаться и распространяться в Московском государстве. Это обстоятельство предопределило судьбу заимствованных слов в русском языке: в своем подавляющем большинстве они вошли в русскую лексическую систему как элементы военной терминологии. Некоторые из них вытеснили русские эквиваленты или близкие по значению слова. Другую роль призваны были играть собственно польские слова, используемые в языке древнерусских памятников: они, как правило, не скрывали за собой нового, неизвестного русскому человеку понятия, или обозначали явление, понятие, совершенно чуждое русскому обществу и не перенимаемое им. Поэтому польские слова, употребляемые в русских памятниках XVI—XVII вв., были призваны обозначать явления, характерные только для польской действительности. Они встречаются в описаниях польского войска, его походов и т. п. Многие из этих слов так и не вышли из категории «чужих слов», никогда не применялись для обозначения явлений русской жизни.

Так, в произведениях Ивана Грозного, в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Римской империей, в Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским княжеством и других употребляется польское слово *валка* (*watka*): «Мы валку ведемъ зъ закономъ Репи Нѣмецкіе земли и Лифлянскіе» (Ив. Грозный, 224); «И буде намъ валка съ Казимиромъ» (ПДР, 1490). В русском языке польскому *watka* соответствовали *война*, *рать*, которые прекрасно выражали понятие о войне, поэтому не было никакой необходимости заимствовать чуждое родной языковой

¹⁵ В. М. Тамань. 1) Полонизмы в языке русских памятников XVI в. Уч. зап. ЛГУ, № 267, Сер. филол. наук, вып. 52, 1960, стр. 98—124; 2) О польском влиянии на литературный язык Московской Руси. Начальный этап формирования национального языка. (На материале русского языка). Тезисы докладов. Л., 1960, стр. 41—43; В. В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI вв. Днепропетровск, 1958.

системе слово. Не случайно поэтому в общении русских друг с другом слово *валка* было неупотребительно.

В. М. Тамань справедливо отмечала, что в целях стилизации речи полонизмы охотно использовались в полемических посланиях Ивана Грозного и кн. Курбского: у последнего — «как средство создания высокого стиля, у Ив. Грозного — это способ пародирования польского языка, прием выражения иронии и сарказма».¹⁶ Зато в произведениях, обращенных к русскому читателю, полонизмы не употребляются; те же слова польского происхождения, которые встречаются в определенных произведениях (Грозного, Курбского, Ив. Пересветова, А. Палицына и др.), не вошли в словарный состав русского языка. Это не были заимствования, призванные пополнить недостающие звенья в лексическом составе языка.

Таковы *желнырь* (*жолнырь*), *доступити*, *збруя*, *рушница*, *валка*, *жолнерский* (*гетманъ*), *израда*, *моць* и др.

Термин *желнырь* (*желныри*) применялся лишь по отношению к польским солдатам, так же как и *рыцарство*. Только военачальники польско-литовского войска назывались *гетманы жолнерские*; нет ни одного случая, когда эти слова обозначали бы русского солдата или русского военачальника.

П. Я. Черных отмечал, что к исходу первой половины XVII в. словом *гусары* в русском языке обозначался особый род войск нового строя.¹⁷ История этого наименования интересна и примечательна. Специальный этюд посвятил истории термина Л. Киш.¹⁸ Опираясь на разыскания других исследователей (М. Фогараши, П. Я. Черных, М. Фасмер), Л. Киш время появления термина в русских письменных памятниках относит к концу XVI в.: «Съ ними гусаровъ конныхъ и Нѣмецъ шесть сотъ человекъ»; «... тысяча гусаровъ конныхъ» (ПДСДР, II, 11, пер. с нем.).¹⁹ Однако, учитывая наличие у И. Пересветова в «Малой челобитной» (ок. 1549 г.) прил. *гусарьский*: *щиты гусар(ь)ские* (Пересветов, 163, 164), можно утверждать, что и производящее сущ. *гусаръ* известно было на Руси в первой половине XVI в. Иван Пересветов познакомился с гусарскими щитами в 1529—1532 гг. во время службы венгерскому королю Яношу Заполье. В русский язык *гусаръ*, так же как и *щитъ гусар(ь)ский*, заимствованы не непосредственно из венгерского, а через польский: польск. *husar*; *raiż husarski*. В венгерском *huszar* 'военный из легкой кавалерии' (с XV в.), а также 'разбойник', 'вор' (Brückner, 174; Slavski,

¹⁶ В. М. Тамань. О польском влиянии. . . , стр. 41.

¹⁷ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 221.

¹⁸ Л. Киш. Заметки по русской исторической лексикологии. *Studia slavica*, t. VI, fasc. 3—4. Budapest, 1960.

¹⁹ М. Фогараши отмечает *гусаръ* в памятнике 1594 г. (Пам. дипл. сн., 1594, II, 11).

I, 439—440). Но в венгерский язык слово *гусаръ* в свою очередь заимствовано из славянских (ср. серб.-хорв. *čusar* 'разбойник', 'вор'; др.-русск. *хуса* 'набег', *хусар* 'морской разбойник'). На венгерской почве слово *хусар* получило военное значение и отсюда перешло в большинство европейских языков, в том числе и в славянские. В качестве военного термина слово известно и в украинском языке. В древнерусской письменности *гусаръ* применялось вначале только к названию конного войска чужих стран: «Опричь конныхъ людей, которыхъ они (венгры, — Ф. С.) гусары именуютъ» (Уч., 210). У Котошихина (147) встретилось *полская гусария*, что как нельзя лучше свидетельствует о неустойчивости слова, о необычности употребления наименования, ставшего только с начала XVIII в. термином, обозначающим явление русской действительности.

Видимо, из польского языка были заимствованы или под влиянием польского были образованы некоторые наименования лиц начальствующего состава армии нового (солдатского) строя — *полковникъ* (польск. *pułkownik*, *putkownik*), *подполковникъ* (польск. *podpułkownik*) и некоторые другие.

Вопрос о польском влиянии на русский язык осложняется еще одним немаловажным обстоятельством, учет которого совершенно необходим. При изучении взаимодействия русского и польского языков нельзя обойти стороной третий член этого процесса, язык Юго-Западной Руси, — украинский (прежде всего) и белорусский. Очень трудно, а порой простой невозможно разграничить сферы влияния польского и украинского языков друг на друга, а «влияние было именно друг на друга».²⁰ Высказывались мнения о том, что польский язык непосредственного влияния на русский почти не оказывал, это влияние было опосредованным и передавалось через язык населения Южной Руси, т. е. через украинский язык. Вот, что пишет по этому поводу И. Огиенко: «В сочинениях южнорусских писателей XVII века встречается много иностранных слов, в большинстве взятых из наполовину родного им польского языка. Конечно, многие из иностранных слов могли и самостоятельно развиваться под западным влиянием в южнорусской литературе, так как знание иностранных языков, особенно языка латинского, там редкостью не было (особенно вторая половина XVII столетия). Во всяком случае сочинения малороссов XVII века буквально пересыпаны всевозможными иностранными словами; сочинения эти на Севере России нашли себе большой спрос, их охотно читали, несмотря даже на запрещение некоторых этих сочинений».²¹ Можно поэтому допустить, что польское влияние шло как раз с территории, на которой формировался украинский язык.

²⁰ И. Огиенко. К вопросу об иностранных словах. . . , стр. 358.

²¹ Там же, стр. 354.

Примерно те же взгляды высказывал А. И. Соболевский в своем литографированном курсе о русских заимствованных словах: «В XIV в. Польша ничем не выделялась: культура ее была не выше, а пожалуй ниже, чем в Руси. Но с XVI в. начинается культурное усиление Польши. Благодаря ему русское дворянство стало принимать польский язык и вообще ополячиваться. Отсюда большое количество заимствованных слов в языке юго-западных русских памятников XV—XVII вв., особенно в языке людей, близких к великим князьям, в языке великокняжеской канцелярии. В последнем (он же язык печатных книг конца XVI—XVII в.) польский элемент очень значителен (иногда он составляет почти половину слов). Большая часть этих полонизмов — не собственно польские слова. Они или латинские (Польша до XVI в. пользовалась латинским языком для литературы и деловой письменности), или немецкие. Последние мы находим также в чешском языке, который был посредником между польским и немецким языком».²² «С конца XVI в. в Москве начинается усиленное польское и немецкое влияние, особенно после Московского разорения. Еще в конце XVI в. переводится с польского „Космография“. В Смутную эпоху русские находятся в постоянных сношениях с поляками, нередко даже живут вместе с ними. Присоединение Малороссии, возвращение Смоленска, временное занятие части Белороссии имели своим результатом между прочим то, что ополяченные более или менее русские (напр., смоленская шляхта) двинулись из этих областей в Москву, и некоторые получили поместья внутри Моск. Руси. . . . С теми же событиями находится в связи появление в Москве юго-западных русских ученых, с Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким во главе, хорошо знакомых с польским языком и литературой, привыкших к употреблению в речи многих польских слов. . . . Рядом с польским идет немецкое влияние через поселившихся в России немцев, особенно через немецкую слободу в Москве в XVII в. Число ее жителей значительно увеличивается вследствие усиленного приглашения из-за границы разных мастеров и военных людей. Последние по образцу зап.-евр. полков устраивают русские солдатские и рейтарские полки и водворяют в них зап.-евр. (в частности немецкие) порядки».²³

Любопытно, что Гр. Котошихин, хорошо знавший состояние военного дела в России середины XVII в., владевший кроме русского и польским языком,²⁴ описывая военный быт при царе Алексее Михайловиче, совершенно не употребляет польских терминов.

²² А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова, стр. 114.

²³ Там же, стр. 121—123.

²⁴ О России в царствование Алексея Михайловича, соч. Григория Котошихина. Изд. 4-е. СПб., 1906. Предисл. ко 2-му изд., стр. XIX—XXI.

Как уже отмечалось многими, «слова, не сопровождающие новых понятий, недолговечны. Большая часть их скоро исчезает»,²⁵ если не приобретает особых семантических или стилистических оттенков значения. Иная судьба терминов *урядникъ*, *полковникъ*, *подполковникъ*, *поручикъ*, *прапорщикъ*, заимствованных русскими из польского и чешского (*прапорщикъ*) языков в это же время. Они были призваны заполнить пустующие клетки на матрице формирующейся новой системы военных понятий.

Полковникъ (польск. *pótkownik*), *подполковникъ* (польск. *podpótkownik*) пришли в русский язык в период, когда полк как реальная войсковая организация, до сих пор не определенная в количественном, тактическом и правовом отношениях, приобретал строго определенные очертания. Древнерусское *полкъ* становилось термином в строгом смысле, при этом становилось невозможным употребление в качестве наименования командира этой войсковой организации чрезвычайно широкого и неопределенного в семасиологическом плане древнего термина *воевода* (или приходящего позднее ему на смену *голова*). Термины *полковникъ* и *подполковникъ* обозначали по существу совершенно новые понятия военной действительности. Кстати, наименование *полковникъ* на первых порах применялось только к иностранным командирам полков наемных войск; отсюда — наиболее типичные условия функционирования термина — в сочетании с прил. *немецкий*: *немецкие полковники*. Затем, когда новая система военной организации захватывает и русскую по составу часть войска, *полковниками* начинают именоваться и русские командиры новых полков. Термин полностью осваивается русским языком.

Обозначать новое понятие военной действительности был призван и заимствованный из польского же термин *поручикъ* (*поручникъ*, *порутчикъ*), польск. *porucznik*, *poręcznik*.²⁶ Одно из первых употреблений слова в переводе «Космографии» (1620): «Порутчикъ королевский, сирѣчь гетманъ, по ихъ языку ливтенантъ именуется» (Косм., 1620, 239).

Обычно слово *поручикъ* (*порутчикъ*) в «Книге о ратном строении пехотных людей»: «Порутчику — первому и верхнему уряднику подлѣ капитана доведется быти» (Уч., I, 1); «Капитанъ приказываетъ своему поругчику и инымъ своимъ урядникомъ» (Уч., I, 1). Значение слова *порутчикъ* в памятниках первой половины XVII в. не было таким, с каким оно употреблялось в XVIII в. и позднее, вплоть до Октябрьской революции, — «офицерский чин, следовавший за подпоручиком». *Поручикъ* в русском военном

²⁵ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова, стр. 19.

²⁶ Там же, стр. 125. См. также о слове: С. С. Волков. Новообразованные категории имен существительных. . . , стр. 136—137.

языке XVII в. — это лицо, выполняющее обязанности командира (различного ранга) в отсутствие последнего, заместитель командира. В «Книге о ратном строении пехотных людей» есть *полковые порутчики*, есть *ротные порутчики* («порутчикъ выше прапорщика и первый чинъ послѣ капитана» — Уч., I, 1). Такое же широкое и неопределенное значение слово *поручикъ* имеет и в других документах эпохи: «[Жалованья] порутчикомъ по полузолотому Угорскому» (АИ, III, № 240, 1645, 399).²⁷ В древнерусском языке было многозначное слово *поручьникъ*, одно из значений которого — ‘человек, получивший какое-либо поручение’, ‘исполнитель воли’. Хотя оригинальная письменность не донесла до нас примеров употребления слова в этом значении, можно предполагать, что оно не было чуждо живому разговорному языку. В этом убеждают многочисленные употребления слова в других значениях, имеющиеся в оригинальных памятниках. Можно предполагать, что заимствование из польского языка готового, сформировавшегося термина *поручикъ* (*порутчикъ*, *поручникъ*) облегчалось намечавшимися ассоциациями заимствуемого слова с исконно русскими словами того же корня и близкого семантического значения. В конечном итоге слово *поручикъ* в сознании говорящих не было «чужим» словом, не воспринималось как заимствованное. В. Христиани в работе о заимствованных русских словах указывал на 1701 г. как на время наиболее раннего употребления слова *поручикъ* в русских документах.²⁸ Это, как видно из приведенных материалов, почти на целое столетие позже, чем было в действительности. Хотя в XVII в. еще не было четко определившегося семантического значения термина, его употребления в военном русском языке были широко отражены в письменных памятниках эпохи.

Прапорщикъ. Относительно этого слова А. И. Соболевский писал: «Наконец, мы имеем в Книге («О ратном строении пехотных людей», — Ф. С.) два чешских слова: *прапоръ* (отсюда — *щикъ*) (польск. *proporzec*) — вероятно, прямо из чешского, потому что у поляков слова *прапор* не было».²⁹ *Прапоръ* известно в старославянском — *прапоръ*, в древнерусском (XV в.) — *поропоръ*, чешском — *prápor*, болгарском — *прѣпорецъ*, *прѣпѣръ*, сербохорватском — *прăпорац*, польском — *proporzec*. В чешском, кроме того, были известны *proporzec* ‘знамя’, *praporečník* ‘знаменосец’,

²⁷ О том, что *порутчикъ* (*поручикъ*) обозначал ‘воинского начальника разных рангов’, свидетельствует различный размер жалованья. Так, начальник полковой порутчикъ получал в царствование Михаила Федоровича 200 ефимков, а ротный поручикъ — 45. См.: С. И. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. IX. СПб., (6. г.), стр. 1320.

²⁸ W. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern... S. 38.

²⁹ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова, стр. 125.

praporczyk 'ротный значок'. Случаи употребления в русской письменности форм *прапоръ* — *поропоръ* не единичны (см. стр. 272). Однако человек, на обязанности которого лежало ношение знамени, его охрана и т. п., имел наименование *знаменщикъ* и *знаменосецъ*. Появление нового слова для выражения понятия, уже имеющего соответствующий термин, по-видимому, можно объяснить влиянием чешского источника, но не заимствованием готового слова, ибо такового в чешском не было; наиболее близкое к русскому *прапорщикъ* чешское *praporczyk* имело другое значение — 'ротный значок'. Русское *прапорщикъ* образовано по активной для XVI—XVII вв. словообразовательной модели; именно в это время возникали целые серии наименований лиц по профессиональному признаку. В переводном памятнике — «Книге о ратном строении пехотных людей» *прапорщикъ* — единственное наименование воинского начальника, стоящего у знамени: «Прапорщику не доведется ни за что шприть знамени своего приматиса, которое ему приказано и повѣрено . . . до солдатовъ дѣла нѣтъ» (I, 1). Однако в середине XVII в. в оригинальных письменных памятниках более употребительным является синоним *знаменщикъ*. Так, у Гр. Котошихина находим только *знаменщикъ*.

Если же речь идет об иностранных армиях или о русском наемном из иноземцев войске, употребляется *прапорщикъ*: «И июня въ 19 д. прѣзжалъ изъ Иванъгорода въ Звѣринъ монастырь отъ Ругодивского державца прапорщикъ Поликарпъ, да нѣмчинъ же Яганъ, да съ ними четьринадцать человекъ солдатъ» (АИ, I, № 311, 1631, 331). Укрепление позиций слова как единственного наименования соответствующего воинского чина (первый офицерский чин) относится к XVIII в., к эпохе Петра Великого.

Урядникъ является польским заимствованием (польск. *urzędnik* 'чиновник'). Это слово широко представлено в «Книге о ратном строении пехотных людей», где оно обозначает командира любого ранга: «Тако и всакимъ ратнымъ людемъ болшимъ и малымъ оурадникомъ и радовымъ солдатомъ» (I, 15); «Ратны оурадникъ» (I, 1); «Прапорщикъ, второй урядникъ подъ капитаномъ» (I, 1); «Оу доброй устроинной роты надобе быть тремъ верхнимъ приказнымъ оурадникомъ, первымъ капитанъ, други порутчикъ, а третій прапорщикъ» (I, 1) и т. д.

При описании событий, связанных с Польско-Литовским государством, употреблялся термин *маршалокъ* (моршолокъ), польск. *marszałek* 'высший военный и государственный чин в Польше и Литве': «И убиша мастера и маршалка и кундуры и всю силу ихъ немецкую побиша» (Моск. л., 1410, 240). Многочисленные употребления термина отмечаются в псковских (П. I, 1471, 235), новгородских и других летописях, в Актах исторических под 1448 г. Термин *маршалокъ* в письменные памятники великорусской народ-

ности попал из Юго-Западной Руси (он обычен в западнорусских летописях, в украинских грамотах и других памятниках).³⁰ В русском языке слово *маршалокъ* осталось на положении чужеродного элемента, не было им ассимилировано, тогда как в украинском и белорусском оно стало элементом лексической системы. Ср., например, в Словаре белорусского языка Носовича: ³¹ *маршалок* 'уездный предводитель дворянства', *маршалковая* 'жена предводителя дворянства'; *маршалкович* 'сын предводителя дворянства', и др.

Гайдукъ (*гайдуки*) 'легковооруженные (обычно наемные) войны'. Слово известно по памятникам с конца XVI в.: «Литовские гайдуки удариша каменемъ во образъ чюдотворной Страсто-терпицы Христова Дмитрия» (П. I, 1582, 344); «Прискоча Литовские гайдуки подъ градскую стѣну» (Пов. Пск. ос.). Как видно из примеров, словом *гайдуки* обозначались воины польско-литовской армии. Вскрое, однако, *гайдуками* стали называться и особые отряды, находящиеся на службе Московского государства: «И прислаша во Псковской уездъ, на Ноугородской рубежъ ротныхъ охочихъ волныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, шляхты и гайдуковъ» (АИ, I, 529); происходит ассимиляция заимствованного слова. Оно широко распространено в народных говорах: 'род народной пляски' (южн., зап. — Даль); 'работник', 'батрак' (тамб. — Даль); 'необычайно рослый человек' (смол. — Даль). Известны словообразовательные дериваты — *гайдучина*, *гайдучка*, *гайдучиха*, *гайдуков*, *гайдучихин*, *гайдучий*, *гайдучье*, *гайдучик*, *гайдученок*, *гайдучить* (все в юго-западных говорах). Известно слово в различных значениях в украинском и белорусском языках: укр. *гайдук* 'высокорослый служитель', 'солдат надворной стражи';³² белор. *гайдук* 'служитель у богатого господина'; 'объездчик по военному откупу'; 'чумак', 'работник на стругах, барках'; 'особый вид пляски'.³³ *Гайдук* — венг. *hajdu*, мн. ч. *hajduk* — 'наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок'; 'судебный пристав'; 'телохранитель' (Фасмер, I, 383—384). В русский язык попало, по-видимому, из украинского. В военном значении оно было известно не во всех областях Московской Руси.

³⁰ Об истории слова см.: В. М. Т а м а н ь. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в. Л., 1953, стр. 114; И. С. Х а у с т о в а. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII в. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Уч. зап. ЛГУ, № 198, Сер. филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 78; В. В. И л ь е н к о. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепетровск, 1958, стр. 285.

³¹ И. И. Н о с о в и ч. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

³² Б. Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинской мови, тт. I—IV. Київ, 1907—1909; т. I, стр. 265.

³³ И. И. Н о с о в и ч. Словарь белорусского наречия, стр. 107.

Как было сказано выше, начавшиеся еще в конце XVI в. изменения в организации вооруженных сил, методах и формах их набора, в вооружении, тактике боевых действий и т. п., приводят в XVII в. к тому, что старая военная организация, в основе которой лежало поместное ополчение, начинает отмирать, уходить в прошлое, заменяться регулярным войском «солдатского строя».

Привлечение на русскую службу солдат иноземного войска относится ко времени Ивана Грозного, но иноземный элемент в русском войске той эпохи не играл сколько-нибудь заметной роли. Два отряда иностранцев, общей численностью около 300 человек, было в войсках при Федоре Ивановиче, а общая численность иноземцев при Борисе Годунове достигала уже 2500 человек.³⁴ Именно при Годунове иноземцы начинают приобретать значение военной силы, когда они уже составляют отдельные отряды, входящие в состав вооруженных сил государства. Михаил Федорович в январе 1631 г. посылает полковника Лесли нанять 5000 пеших солдат в Швецию, а подполковник Фан-Дам едет в Данию, Голландию и Англию «нанять регименты добрых и ученых солдат».³⁵ Но более важным в реорганизации вооруженных сил было решение набрать несколько полков, конных и пеших, из беспоместных и мелкопоместных дворян, детей боярских и из представителей других вольных прослоек и обучить их под руководством иноземных офицеров иноземному («немецкому») ратному строю — «указалъ великий государь служилымъ русскимъ людямъ быти въ ученьи ратнаго дѣла».³⁶ Под командованием иноземных полковников и капитанов организуются роты и полки — конные (рейтарские), пешие (солдатские) и смешанные — копейного строя (драгунские). Начинаются наборы на военную службу по известному коэффициенту от общего числа населения. В полки нового строя принимались охотники из крестьян и холопов, которые таким образом надеялись освободиться от крепостной зависимости.

Однако наряду с солдатским строем продолжают существовать еще и военные организации старого типа — стрелецкое войско и поместная конница, хотя они постепенно и утрачивают свое значение. По сметному списку 1631 г. числилось до 70 000 с л у ж и л ы х л ю д е й, живших на казенный счет, куда входили столичные (московские) и городовые дворяне, стрельцы, пушкарки, казаки и служилые иноземцы. Такое состояние русского войска сохраняется вплоть до времени Петра Великого. Сосуще-

³⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VII, стр. 51—54 и 384.

³⁵ Там же, кн. III, т. X, стр. 218.

³⁶ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1856, стр. 80; приложение 76.

ствование старого и нового в реальной действительности проявлялось и в сосуществовании старых и новых лексических элементов в словарном составе, обслуживающем нужды общения в военной среде.³⁷

Среди новых элементов, вошедших в русский военный язык в XVI—XVII вв., первое место занимают заимствования из других языков. Характерным для делового употребления конца XVI—середины XVII в. было сосуществование и параллельное функционирование русских и иноязычных лексем, служащих для обозначения одного и того же явления. Эта особенность наблюдается каждый раз, как перестраивается система той или иной терминологии под воздействием иноязычных фактов. Причем на самых первых этапах заимствования заимствуемое слово не выступает в качестве члена языковой лексической системы: оно либо служит наименованием явления, относящегося к нерусской действительности (*солдат, рота* и т. д.), либо, обозначая явления русской действительности, выступает в качестве неполноценного синонима русского наименования (*режиментъ — полкъ*). Лишь в результате более или менее длительного сосуществования, во время которого идет борьба между русскими и иноязычными словами, наступает момент, когда эти параллели функционируют как равноправные члены языковой лексической системы (это бывает, однако, не всегда). Наконец, один из элементов одерживает верх и становится единственным обозначением того или иного явления (*ратные люди — солдат*). В качестве специальных терминов эти слова, обычно вначале эпизодически, появляются в языке отдельных памятников или отдельных авторов, особенно тех, которые касаются изображения событий, связанных с другими народами и государствами. Такие термины называют в этом случае понятие или явление, характерное для той или иной страны, часто

³⁷ Ср. замечания С. М. Соловьева о составе русского войска того времени: «Мы видим, что кроме наемных и поместных иноземцев в царствование Михаила являются полки из русских людей, обученных иноземному строю; у Шеина под Смоленском были: наемные многие немецкие люди, капитаны и ротмистры, и солдаты пехотные люди, да с ними же были с немецкими полковниками и капитанами русские люди, дети боярские и всяких чинов люди, которые написаны к ратному учению; с немецким полковником Самуилом Шарлом рейтар, дворян и детей боярских разных городов было 2700; гречан, сербян и волощан кормовых 81; полковник Александр Лесли, а с ним его полку капитанов и майоров, всяких приказных людей и солдат 946». С. М. Соловьев, говоря о составе русского войска в правление Михаила Федоровича, упоминает *начальных людей, рядовых солдат, русских солдат; больших полковых поручиков, майоров, по-русски больших полковых стороже-ставцев, квартирмейстеров, капитанов (по-русски больших полковых околничих), полковых квартирмейстеров, капитанов над ружьем, поручиков, прапорщиков, писарей, обозников, профоса, полковых набатчиков, пятидесятников, дозорщиков над ружьем, ротных замищиков, капоралов немецких, капралов, рейтар, драгун, русских ротных подъячих, свирельщиков* (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. IX, стр. 1320).

вовсе неизвестное русскому человеку. Это употребление, таким образом, не может служить доказательством вхождения (или даже начала процесса вхождения) слова в лексическую систему русского языка, в его общенародную разновидность или в профессиональные ответвления. Такие слова известны в науке под названием «Fremdwörten» — иностранные («чужеземные») слова. Ю. С. Сорокин намечает пять условий, наличие которых дает возможность говорить об усвоении того или иного иноязычного слова лексической системой заимствующего языка: 1) формальное приращение слова к нормам заимствующего языка в звуковом и морфологическом значении; при этом особое значение имеет признак устойчивости, единообразия, отсутствие вариативности формы, хотя, может быть, и не полностью уподобленной нормам родного языка; 2) широкое употребление слова в языке, в его различных стилях и жанрах; 3) появление у заимствованного слова производных на почве заимствующего языка по его словообразовательным законам; 4) приобретение словом фразеологической активности, вступление его в разнообразные связи с другими словами; 5) устранение смысловой дублетности слова, т. е. приобретение им новых оттенков в отношении ближайших синонимов заимствующего языка.³⁸ Ю. С. Сорокин справедливо отмечает при этом, что отнюдь не обязательно, чтобы все эти условия наличествовали одновременно. Действительно, в лексическом составе языка, несмотря на общие признаки и закономерности, столько индивидуального и неповторимого, что нередко возникает необходимость прослеживания истории каждого слова в отдельности, прежде чем решить вопрос о его судьбе.

Последующее изложение покажет, что уже к концу первой половины XVII в. многие слова и термины, заимствованные из западноевропейских языков, успели пройти путь от Fremdwörten до вполне ассимилированных русским языком иноязычных слов.

Обычно, когда говорят о потоке заимствований в русский язык, называют эпоху Петра Великого. До сих пор остаются справедливыми слова проф. П. Я. Черных о том, что «в науке о языке кроме устоявшихся мнений, к сожалению, немало и „застоявшихся“. Одним из таких „застоявшихся“ можно считать мнение, будто русский язык XVI—XVII вв. отличается от русского языка более позднего времени (начала XVIII в., с петровской эпохи), между прочим, и в том отношении, что иностранные, западноевропейские слова тогда совсем или почти совсем не употреблялись, что они хлынули в наш язык только с началом петровских

³⁸ Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30—90-е годы XIX века. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 62—63.

реформ. Такое представление о русском языке XVI—первой половины XVII в. следует считать весьма неточным». ³⁹

И хотя неправомерно считать, что (как это делают некоторые исследователи древнерусской лексики ⁴⁰) в определенных жанрах письменности первой половины XVII в. в составе военной терминологии большая часть слов представляет собой иноязычные заимствования, что их общее количество равно общему числу исконно русских и старославянских слов, есть все основания отнести начало этого процесса, заметного и довольно значительного, отразившегося в дальнейшей истории языка, по крайней мере на столетие раньше петровских реформ. Относительно военной лексики это можно утверждать с полным основанием.

Из западноевропейских стран Германия и Франция первыми ввели постоянную армию солдатского строя. ⁴¹ Естественно, что новые формы организации и строения армии проникали в другие страны прежде всего оттуда, где они зародились. Этим обстоятельством объясняется то, что большинство заимствований из новой военной терминологии имеет источником немецкий и французский языки. Причем, как это уже отмечалось многими исследователями в отношении других эпох, заимствование могло быть непосредственным и опосредствованным. В качестве посредника обычно выступал польский язык. Польское влияние на русский язык в XVI—XVII вв. следует признать значительным.

Из числа заимствованных в конце XVI—в первой половине XVII столетия слов прежде всего следует указать на термины, отражающие структуру новой военной организации, номенклатуру наименований представителей военной иерархии (чины, должности и т. д.). Нельзя полностью согласиться с П. Я. Черных, что уже к 30—40-м годам XVII в. русскому языку «не были чужды такие слова, как: *солдат, сержант, капрал, лейтенант, майор, капитан, генерал (енерал, енарал), ватмистр, квартирмейстер, профос, гусары, драгуны, рейтары, мушкетеры, рота, regiment (полк), фронт, алебарда (елебарда, алабарда), карабин, мушкет, пистоль, пика, шпага, фольконет (волкоinea — род пушки) и т. п.*». ⁴² Далеко не все перечисленные слова к этому времени были уже усвоены русским языком, многие из них занимали пока место «чужих слов», некоторые так и не перешагнули за пределы

³⁹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 235.

⁴⁰ Г. В. Карпюк. Из истории развития лексики эпистолярного стиля XVII века. Филологический сб. Харьковского пед. инст., вып. I, 1959, стр. 193—216.

⁴¹ Ср. замечание А. И. Соболевского о том, что «от французов, которые первые завели у себя постоянное войско, мы (прямо или через немцев) и вся Европа получили военные термины: *солдат, капрал, генерал, батальон, бастيون*» (Русские заимствованные слова, стр. 17—18).

⁴² П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 236.

этого состояния (*режимент* и др.). Неустойчивость фонетико-морфологической формы слова (*капитанъ-капитонъ*, *фельдфебель—фельвевель*, *каптинармусъ-капитанъ-десъ-армесь* и т. п.) является одной из характерных примет «чужеродности» его в лексической системе заимствующего языка.⁴³

С новым, немецким строем в русский язык проникли слова *рота*, *режиментъ*, *корпоральство*, *коммания* как названия, отражающие деление войска (армии) на отдельные части (подразделения).

Рота 'подразделение войск, входящих в полк'. Проникает в русский язык в начале XVII в.: «И приводной Литвинъ въ роспросѣ намъ сказался зовуть его Кристофъ Савинской, полку Лисовского, роты Копычевского, служилъ въ товарищѣхъ» (АИ, III, № 64, 1615, 57); «Да извычей у меня тотъ уложися, что потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооружены, учредяся, как на битву» (Иное сказ., 78); «А моего, господине, полку ратные люди иноземцы ротмистръ съ своею ротою остались отъ меня у васъ на Вологдѣ» (АЮБ, II, 1612, 605). Первые употребления термина относятся к обозначению воинских отрядов наемных иноземцев или войска иноземного государства. Но уже в середине XVII в. термин начинает употребляться для обозначения воинского подразделения русских войск нового строя. По мере утверждения новой воинской организации позиции слова *рота* в русском языке укрепляются. Хотя следует подчеркнуть, что в середине XVII в. можно встретить случаи нетерминологического употребления слова. Так, в письмах царя Алексея Михайловича имеем: «... буди тебе ведомо: у Матвея Шереметева былъ бой с Немецкими людьми, и дворяне издрогали и побежали все, а Матвей остался в отводе и сорвал Немецких людей; да на встречу иные пришли роты, и Матвей напустилъ на техъ с небольшими людьми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли» (АИ, III, № 13, 1657, 55). Из примера видно, что слово *рота* служит обозначением не определенного отряда (подразделения) войск (части полка), а употреблено в качестве обозначения войска противника, в котором в отличие от русского войска были такие подразделения. Однако это не отвергает утверждения о том, что к концу первой половины XVII в. слово *рота* закрепилось в русском языке и для обозначения строго определенного войскового подразделения русских войск нового (иноземного) строя, созданного в 30-е годы XVII в. Так, в «Учении и хитрости ратного строя пехотных людей» читаем: «Третья глава оучить, какъ тебѣ роту солдатовъ воевское время воизвыканіе и воученіе на походномъ строю беспрестанно в добромъ суставе держати» (7);

⁴³ Ср.: Ю. С. С о р о к и н. Развитие словарного состава русского литературного языка. . . , стр. 62—63.

«И редко оутеба роты полны бывают» (31). Вспомним, что этот памятник, изданный в 1647 г., явившись по существу первым воинским уставом, сыграл большую роль в организации и обучении первых регулярных войск (солдатских, драгунских и рейтарских полков), созданных в 30-е годы XVII в. Следовательно, можно считать, что рота становится в первой половине XVII в. уже полноценным элементом лексической системы русского языка. Ср. тот факт, что слово *рота* уже в XVII в. входит в язык художественной литературы, что свидетельствует о выходе его из рамок профессионального словоупотребления: «И вручает ему три роты новобранных солдат» (Пов. о Савве Грудцыне, сер. XVII в.).

Прилагательное *ротный* употребляется широко и в свободных сочетаниях, и в составе терминологических обозначений, определяемой частью которых выступает русское слово: «Остави фурира, сиречь ротного становавца» (Уч., I, 1). Слово *рота* заимствовано из польск. *rota*, в который в свою очередь оно пришло из нем. *Rotte* 'капральство', 'рота', а в немецкий — из фр. *rote* 'отделение', 'часть войска'.

Н. А. Смирнов включил слово *рота* в число заимствований петровской эпохи на том основании, что оно не было еще общеизвестным, иначе, по мнению Н. А. Смирнова, слово не могло бы попасть в рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», составление которого относится к началу XVIII в.⁴⁴ В свою очередь Г. Хюттль-Ворт ошибочно относит время первого появления термина в русских памятниках к 1666 г. (у Котошихина).⁴⁵ Видимо, оба исследователя не имели в своем распоряжении достаточно полных сведений о судьбе заимствованного слова в русском языке в первой половине XVII в. Эти материалы позволяют считать сущ. *рота* и его производное *ротный* усвоенным русским языком словом, по крайней мере в его военно-профессиональном употреблении. М. Фогараши отмечает употребление слова *рота* в памятнике 1581 г. — «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. . .». Ср. также употребление *ротмистръ* в документе 1563 г. (Польские дела).⁴⁶

Пути проникновения термина *рота* в общий язык в качестве единственного обозначения определенного понятия были сложны и непрямолинейны. Ко времени первых употреблений термина в русском языке в последнем было два синонимичных слова, ко-

⁴⁴ Н. А. Смирнов. Западное влияние. . ., стр. 266.

⁴⁵ G. H ü t t l - W o r t h. Foreign Words in Russian. A historical Sketch, 1550—1800. University of California press. Bernelei and Los Angeles, 1963, p. 103.

⁴⁶ См. об этом: И. С. Хаустов а. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII в., стр. 78. — А. И. Соболевский считал, что *рота* перешла к нам из чешского языка, так же как и к полякам, в XVI в.: чеш. *rota* 'компания', 'собрание'; нем. *Rotte* (Русские заимствованные слова, стр. 125).

торые могли обозначать какую-то воинскую единицу, представляющую собой нечто целое и самостоятельное. Это *знамя* и *прапоръ* — общеславянские слова, известные по письменным памятникам значительно раньше XVI—XVII вв. Так, *знамя* было известно с XIV в. в значении 'отличие', 'отличительный знак' (Игн. Пут., 1392, 103); с XV в. — 'отличительный знак, употреблявшийся вместо подписи неграмотных; также ставившийся на шкурах зверей, сдаваемых в счет подати, на бортовых угодьях — деревьях с пчелами' (Отводн. кр. Кив. вол., 1482 г.) и др.; с XVI в. слово известно уже со значением 'воинское знамя': «Повелѣ развертѣти знамя, на немъ же написанъ образъ Господа Бога Спаса нашего» (Соф. вр., 1552, II, 408). Рот как войсковая единица, входящая в полкъ, в войске солдатского строя имела свой отличительный знак — *знамя*. По метонимическим ассоциациям наименование этого отличительного знака перешло на совокупность воинов, обладающих им, — *знамя* получает значение 'определенная часть полка (пехотного), которому присуще *знамя*, *стягъ*': «А здѣса тебѣ радѣтельный читателю короткой оуказъ, какъ ротѣ или знамени пѣхотныхъ салдатовъ . . . устроены быти» (Уч., II, 42); «А послѣднихъ мушкетѣровъ десятого знамени поведи всередку» (там же, I, 155).

Еще ранее проникновения в русский язык термина *рота* для обозначения отряда (части) войска со знаменем употреблялось синонимичное слову *знамя* — *прапоръ*: «Въ городъ въехали напередъ Ягана братъ его Карлусъ, а съ нимъ два прапора людѣй (Путеш. русск. послов., М.—Л., 1954, 59). В древнерусском языке были известны формы *прапоръ* и *порпоръ* в значении 'знамя', 'хоругвь', хотя сфера их употребления была, по-видимому, сужена рамками религиозных текстов. Впрочем, уменьшительно-ласкательная форма *прапорыцъ* встретила в памятнике светского характера — в Путешествии Афанасия Никитина: «На великихъ слонѣхъ по 12 человекъ, да по два прапорца» (Афан. Никит., Унд., 351). Синонимические отношения между словами *знамя* и *прапоръ* в значении 'воинское знамя' предопределили одинаковость их семантического развития.

На всем протяжении XVII в. наблюдается сосуществование двух наименований для обозначения «части полка» — *рота* и *знамя*, но уже с 30-х годов XVII в. можно говорить о выдвижении на первый план заимствованного слова, что приводит, правда, уже значительно позднее, к полному вытеснению обоих русских синонимов. Какие причины обеспечили победу заимствованному слову, что способствовало отказу языка от собственных лексических элементов? Здесь прежде всего надо указать на причины социального порядка: термин пришел вместе с новым, ратным строем, внимание и интерес к которому на Руси все время возрастали. *Рота* было обозначением строго определенной части войска, входившей на правах самостоятельной единицы в состав полка,

имевшей своего командира (капитана), определенное количество оружия и т. д. Слова *знамя* и *прапоръ* не имели такой терминологической определенности (они называли части войска русского строя, не имевшего деления на роты). Уже это одно ставило их в невыгодное положение в сравнении со специально выработанным термином *рота*. И, наконец, последнее: *рота* на русской почве было однозначным словом (что как нельзя лучше отвечает требованиям к терминам), русские же параллели были полисемантически, и основные их значения лежали вне сферы обозначения совокупности воинов. Все это привело к тому, что *знамя* и *прапоръ* начинают обозначать только 'военное знамя', *рота* же становится единственным выразителем понятия о части полка определенной численности (р о т ы). Хотя эта дистрибуция произошла значительно позднее XVII в., все же нет никаких оснований считать заимствованное слово *рота* чужеродным элементом для русского военного языка XVII в. К началу XVII в. относятся употребления слова *компания* как синонима термина *рота*, однако эти употребления ограничиваются в основном переводными источниками; но и в последних *compagnie* источника передается в русском переводе через *рота*. Все это не дает возможности признать заимствованное через польск. *kompania* или итал. *compagnia* из нар.-лат. *compania* 'сообщество' слово *компания* элементом специальной системы военной терминологии русского языка XVII в.

Судьба терминов *регіментъ* и *корпоральство*, пришедших в русский язык вместе с войском иноземного строя, аналогична судьбе термина *компания* 'рота'.

Регіментъ (*регементъ*), по-видимому, заимствован непосредственно из немецкого *Regiment*.⁴⁷ В «Ратном строении. . .» *регіментъ* употребляется без перевода как абсолютный синоним русского *полкъ*: «О регементѣ сиречь о полку солдатовъ» (Уч., I, VI, 6); «... как крылъ къ регементу оустроить» (там же); «... во всакой регементъ или полкъ по три тысячи члкъ» (там же, 8) и т. д. В отличие от только что рассмотренного слова *рота* *регіментъ* встретил на русской почве уже сформировавшийся русский термин *полкъ* с очень близким, почти совпадающим значением. Русское войско, в частности стрелецкое войско, делилось на боевые тактические единицы — полки численностью от 1000 чел. и более. Характер организации русской боевой единицы войска нового строя, задачи, стоявшие перед ними в бою, и многие другие стороны были если не тождественными, то весьма близ-

⁴⁷ И. Огиенко в статье-рецензии на работу Н. А. Смирнова указывал, что заимствованное *регіментъ* употреблено уже в документе, относящемся к 1638 г. (стр. 367). В. Христиани указывал на 1631 г. как на время первой фиксации слова *регіментъ* в русской письменности. Ср. у С. М. Соловьева: «В феврале (1631 г.) отправлен был полковник Фан-Дам нанять regiment добрых и ученых солдат» (История России с древнейших времен, кн. II, т. IX, стр. 1198).

кими. За термином *полкъ* стояла многовековая история в русском языке, его известность во всех стилях и жанрах письменности, во всех разновидностях языка, развитая к этому времени словообразовательная активность, преимущества родного слова и по существу выработанная уже терминологическая определенность и однозначность. Все это предопределило его победу в борьбе с заимствованным термином *режиментъ*, который так и остался типичным «чужим» словом.⁴⁶

Корпоральство 'капральство', 'часть роты, находящаяся под командой капрала (корпорала)'. Впервые появилось в «Ратном строении...»: «Всаякая рота въ третію ночь карауль имѣеть... и будетъ корпоральство на двѣ сторожи стеречь» (I, 18). В XVII в. слово не вышло, по-видимому, из рамок употребления в переводных источниках или применялось только по отношению к иностранному войску, не притягивая в сферу своего значения явлений сугубо русской действительности. Лишь в XVIII в. это слово в форме *капральство* становится терминологическим обозначением части роты под командованием капрала. В XVIII же веке слово было зафиксировано Лексиконом Вейсмана 1731 г. Его лексикографическая фиксация в общем (не специальном) словаре является достаточным основанием считать, что слово *капральство*, так же как и *капраль*, стало равноправным элементом системы военных терминов.⁴⁷

Среди слов, связанных с обозначением командного состава и рядовых воинов войск иноземного солдатского строя, большую часть составляют немецкие и французские заимствования, пропикшие в русский язык или непосредственно из языков-источников, или через посредство польского языка: *солдатъ*, *гетманъ*, *генераль*, *маиоръ*, *капитанъ*, *ротмистръ*, *рейтаръ*, *каптенармусъ*, *фуриръ*, *сержантъ*, *фельтвевель*, *квартирмейстеръ* и др. Не все они занимают одинаковое положение в лексической системе русского языка XVI—XVI вв., не у всех одинаковая судьба в дальнейшей истории русского языка, не все попадали в русский язык в одно время.

Солдатъ. К концу изучаемого периода истории языка в военную сферу словоупотребления проникает заимствованное из нем. *Soldat* (первоисточник — ит. *soldato* от *soldo* — название монеты) слово *солдатъ*, которому суждено в дальнейшем стать основным наименованием военнотружашаго. Одни из первых употреблений этого слова в письменности относятся к самому началу XVII в.:

⁴⁶ У Гр. Котошихина при наличии заимствованных слов типа *драгуны*, *рейтары* и т. п. термин *режиментъ* не употребляется.

⁴⁷ Слово фр. *caporal*, стар. вариант *caporale* от ит. *caporale* 'младший командир', 'бригадир'; в русский язык вошло через посредство польского *kapral* или немецкого *kapral* (Фасмер, II, 187). Как и *капральство*, слово *капраль* употреблено впервые в «Ратном строении...». См. об этом также: Н. С. и р. н. о. в. Западное влияние... стр. 133.

«А нѣмецкихъ де людей чetyреста чelовѣкъ», а пѣшихъ солда-товъ тысяча двѣсти чelовѣкъ» (АМ, I, № 57, 1614, 94). В этом случае термин *солдаты* обозначает военнослужащих немецкого войска. П. Я. Черных считает, что «едва ли, однако, это слово (*солдатъ*, — Ф. С.) появилось раньше второй четверти XVII в.».⁵⁰ Видимо, все же проникновение слова *солдатъ* в русский язык начинается уже с конца XVI в. Старым заимствованием считает слово *солдатъ* В. Христиани. М. Фогараши отмечает употребление слова в памятнике 1515—1517 гг.: «. . . послали воинскихъ людей солдатъ» (Пам. дипл. св.).

Очевидно, первоначально только иностранные военные люди именовались *солдатами*. Однако уже к концу первой трети века это слово стало применяться и в случаях, когда речь шла о русских ратных людях. В одних случаях этому способствовали условия контекста, в которых наименования русских и иностранных военнослужащих стояли рядом: «68674 руб. 16 алтынъ на кормъ на три мѣсяца русскимъ и нѣмецкимъ солдатомъ и ихъ начальнымъ людемъ» (АМ, I, № 370, 1632, 373); «Быти на государевѣ службѣ въ полкѣхъ съ бояры и воеводы русскимъ и нѣмецкимъ солдатомъ» (АИ, I, № 362, 365). В других случаях наблюдается совершенно свободное употребление термина *солдаты* для обозначения русских военных людей: «Русские солдаты всѣхъ полковъ тебѣ, государю, служили» (АМ, I, № 561, 1633, 532); «И мы говорили русскимъ солдатомъ, чтобы они тебѣ, государю, послужили» (АМ, I, № 561, 1633, 532); «И всего русскимъ капраломъ, и ротнымъ подъячимъ, и набатчикомъ, и рядовымъ солдатомъ 6610 чел. государева жалованья годового и рядовымъ же на кормъ имется на годъ 28834 руб. 9 алтынъ» (АМ, I, № 553, 1633, 526). В этих случаях употребление термина *солдаты* в отношении к русским воинам ничем не отличается от употребления его в отношении, например, к немецким войскам. Из последнего примера видно, что *солдат* обозначает рядового воина в отличие от командного, начальствующего состава. Ср. также: «А рейтарской полковникъ и русскихъ и немѣцкихъ пѣшихъ полковъ полковники, и ихъ начальные люди и рядовые солдаты приходили къ намъ великою доукою» (АМ, I, № 552, 1663, 524).

Однако наряду с этим имеются основания утверждать, что слово *солдаты* могло обозначать и вообще «военнослужащих», воинов (и рядовых и начальствующих, но не высшего чина): «Отпустити солдатъ челобитниковъ и донскихъ атамановъ и казаковъ. А государева жалованья солдатомъ меньшаго чину, тѣмъ которые старые солдаты, что стояли подъ Смоленскомъ» (АМ, I, № 553, 1633, 526). Поэтому и появляется сочетание *рядовые солдаты* для обозначения рядовых воинов, когда необходимо противопоставить

⁵⁰ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложечной книги. М., 1953, стр. 50.

их начальнымъ людямъ. См. примеры под 1633 г. (№№ 552 и 553) и др.

С другой стороны, надо отметить, что в XVII в. термин *солдатъ*—*солдаты* не стал еще обобщенным наименованием всякого воина, любого человека, несущего военную службу: «Государь . . . указалъ послать въ походъ съ бояриномъ, съ М. Б. Шейнымъ, да съ окольниковымъ, съ Арт. Вас. Измаиловымъ, на запасъ пѣшимъ людямъ, русскимъ и нѣмецкимъ солдатомъ и стрѣлцомъ московскимъ . . . двѣ тысячи восемьсотъ девяносто семь пудъ съ полупудомъ зелья» (АМ, I, № 347, 1632, 360); «Быти на государевѣ службѣ въ полкѣхъ съ бояры и воеводы русскимъ и нѣмецкимъ солдатомъ и стрѣлцомъ московскимъ и казакомъ донскимъ» (АМ, I, № 362, 1632, 365).

Слово *солдатъ* пришло в русский язык вместе с приходом в Московское государство на военную службу наемных иностранных ратников. Однако наемные иностранные войска были в составе русских вооруженных сил значительно раньше появления слова *солдат* в русском языке. Значит нельзя утверждать, что время появления наемных солдат совпадает со временем появления в русском языке слова *солдат* (хотя бы вначале для называния именно этих иностранных наемников). Что же явилось непосредственным толчком для употребления (заимствования) этого слова?

Это прежде всего преобразования в русском войске, которые проходили в XVI—XVII вв. На них стоит остановиться особо, ибо с этим связаны основные процессы и явления, наблюдаемые в военной терминологии XVI—XVII вв., приведшие в конце периода к созданию новой системы терминологии, многие элементы которой без значительных изменений и различий дожили до наших дней. В XVI—начале XVII в. основным видом русского войска была поместная конница — конница русского строя, для которой была характерна особая форма набора, особое вооружение и особая тактика ведения боя. Военными историками установлено, что для своего времени, в условиях, когда Московская Русь должна была вести борьбу с восточными народностями, войско которых представляло иррегулярную конницу, русская поместная конница вполне отвечала своему назначению. Это была сильная, боеспособная и хорошо вооруженная боевая организация, с помощью которой Московская Русь не только защищала свою независимость, но и расширяла территорию государства. Но перенос основных проблем, решаемых войной, с Востока на Запад, для которого после XIII в. основным видом войска была пехота, усиление роли огнестрельного оружия, особенно артиллерии, приводит к тому, что уже к концу XVI в. поместная система организации войска, в центре которой стояла поместная конница, перестает удовлетворять требованиям, предъявляемым к ней интересами военной политики того времени. Поместная кон-

ница к концу XVI в. уже сыграла свою историческую роль и начинает постепенно уступать свое место полкам иноземного строя. Возникает необходимость дифференциации нового в организации войск от старого; тогда-то и вызывается к жизни прил. *солдатский* в сочетании *солдатский строй* (Рим. имп., 1617, II, 1345; Док. Моск. театра, 1673, 24). Затем происходит активизация употребления прилагательного (одновременно с активизацией функционирования производящего сущ. *солдатъ*), расширение его фразеологических связей и появляются сочетания: *солдатская служба* (Ворон. а., 1680; ДАИ, IX, 1676, 338); *солдатский наборъ* (Сав. Гр., 72); *солдатский голова* (АЮБ, II, 1697, 626); *солдатский полковникъ* (Письма Ал. Мих., 37); *солдатский караулъ* (Расс. Шафирова, 77); *солдатское платье, солдатская свобода* (АЮБ, II, 1668, 695) и др. Сущ. *солдатъ* и производное прил. *солдатский* оказываются полностью освоенными русским языком уже во второй половине XVII в., когда они становятся основными в ряду обозначений воинов. Слово *солдатъ* уже в 1731 г. зарегистрировано Лексиконом Вейсмана.

Гетманъ. Г. Хюттль-Ворт⁵¹ указывает на середину XVI в. как на время наиболее ранних фиксаций в русской письменности слова *гетманъ* (Пересветов, 1549, 164). М. Фасмер⁵² считал, что *гетманъ* как обозначение высшего чина у казаков засвидетельствовано в XVII в. (Катырев-Ростовский, Котошихин). Однако наиболее ранние употребления термина в русских памятниках относятся уже к XV в.: «Князь велики Александръ Литовский собра силу многу и посла на Юрья на Захарыча воеводу своихъ, панов и гетманъ . . . со многими людьми» (Н. IV, 7001, 533, 390 об.). Также в: Пам. дипл. сн. М. г. с нем. орденом, 1519, 135, и др.

Слово заимствовано из нем. *Hauptman* (вост.-ср.-нем. *hauptmann*) 'капитан' через польск. *hetman*, чеш. *heitman* 'капитан'. Вначале название *гетман* применялось только для обозначения лиц командного состава польско-литовской армии. Таких употреблений абсолютное большинство и до XVII в. и в XVII в.: «Гетманъ Желковской воевода Кіевской съ великою ратью» (АИ, III, № 72, 1616, 68). Термин, как видно из последнего примера, обозначал уже начальника бóльшего масштаба, чем капитан, соединяющего в себе функции военной и административной власти. Ср., например, еще: «Къ воеводѣ Виленскому и гетману навышшему Великого княжества Литовского» (АИ, I, № 206, 1580, 396) и др. С этим последним значением *гетманъ* вовлекается

⁵¹ G. H ü t t l - W o r t h. Foreign Words in Russian, p. 66.

⁵² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, стр. 403. См. также: М. F o g a r a s i. Europäische Lehnwörter, S. 64, который указывает на 1517 г. как время наиболее раннего употребления термина *гетманъ* в русских памятниках.

в сферу обозначения лиц по социально-политическому положению и в русском обществе. Затем термин закрепляется в языке в качестве обозначения высшего чина в казачьем украинском войске. Возникновение и вхождение в практический язык словообразовательных деривативов *гетманский*, *гетманство* (ДАИ, IV, 1658, 259; ДАИ, VI, 1672, 190) свидетельствует об укреплении позиций слова в системе русской лексики. В «Ратном учении. . .» термином *полевой гетманъ* передается значение нем. *General*. В других случаях этому соответствует русское *полевой воевода* (*началноу полевой воевода*), т. е. 'старший военный начальник действующей армии'. Но это употребление нельзя считать устойчивым и в какой-либо степени терминологичным.

Не исключено, что в русский язык слово *гетманъ* попало не непосредственно из польского, а через украинский язык, контактировавший как с польским, так и с русским. *Гетманъ* (*гетьманъ*) широко представлен в украинских памятниках начиная с XV в. «Биль нам челомъ гетманъ нашъ» (Лит. евр., 1498, I, 59). Также: АЗР, 1499, I, 198, и др. В XVI—XVII вв. в украинском языке *гетманъ* 'выборный начальник, руководитель Запорожской Сечи', а с 1654 г. — 'правитель присоединившейся к России Украины'. На великорусской территории слово *гетманъ* не было общеизвестным, было локализовано областными границами.

Генераль, енераль. По поводу слова (*з*)*енераль* писали многие исследователи (Н. А. Смирнов, П. Я. Черных, Г. В. Карпюк и др.). Н. А. Смирнов, отмечая тот факт, что слово *генераль* вошло в русский язык до эпохи Петра I, считал, однако, его необщеизвестным, малоупотребительным в допетровское время на том основании, что встречается оно в рукописном «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (наряду с такими словами, как *капитанъ*, *генеральный*, *квартирмейстеръ*, *маиор*, *режиментъ*, *рота*, *ротмистръ*, *сержантъ*, *солдатъ*, *фронтъ* и др.). Видимо, Смирнов ошибся в этом утверждении, ибо, как уже отмечал П. Я. Черных, народно-разговорная форма *енераль*, в которой слово было известно уже в середине XVII в., должна свидетельствовать о том, что слово было достоянием разговорного языка Москвы. Ср. в «Уложении» 1649 г.: «Возной. . ., которого латынскимъ языкомъ зовуть енераль» (208); «два такие енералы» (209); «енеральский урядъ» (208) и др. Известно это слово в «Ратном строении. . .», у Котошихина и др.⁵³ Наличие народно-разговорной формы

⁵³ Н. А. Смирнов. Западное влияние. . ., стр. 85; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 222; Г. В. Карпюк. Из истории развития лексики. . ., стр. 193—216. См. также: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1914, стр. 122; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, стр. 401. Преображенский считал слово заимствованием, относящимся ко времени реформ Петра I.

енерал, употребление в той же народно-разговорной форме прилагательного *енеральский* должно, по-видимому, свидетельствовать в пользу утверждения слова в русском языке XVII в.⁶⁴ Сомнения в этом вызываются отсутствием слова во многих памятниках, где можно было бы его ожидать (в них употреблены другие воинские наименования, заимствованные в русский язык в одно время со словом *генерал*. Известную настороженность вызывает и тот факт, что в «Ратном строении. . .» этот термин не является излюбленным. Если термины *капитанъ*, *маеоръ*, *корпораль* и т. п. почти никогда не заменяются русскими параллелями (эти параллели не были точными выразителями смыслов, передаваемых заимствованными словами), то вместо *генераль* обычно употреблялись сочетания: *полевой воевода* (I, 10), *полевой гетманъ* (I, 10), *ратный оурядникъ* (19, 11), *ратный воевода* (I, 12), *начальной полевой воевода* (I, 13), *генералныи начальныи чинъ* (I, I, 41), *генеральной полевой воевода*, *генеральной полевой маршалокъ*, *генеральной сторожеставецъ* (I, I, 41). Ср. также тот факт, что в «Уложении. . .» имеет место не обычное употребление слова, а употребление его в качестве дополнительного синонима, значение которого разъясняется через соотношение с русским словом. Это как будто должно свидетельствовать о неустойчивом положении слова в русской военной лексической системе, о неустойчивости его значения (русское *воевода* могло применяться для обозначения предводителя войска весьма большого в количественном отношении). Именно наличие в русском языке термина *воевода* сдерживало проникновение заимствованного *генераль* в активный запас практической военной терминологии. Это произошло позднее — вместе с уточнением терминологического значения слова, с определением его места в ряду наименований воинов по иерархическому признаку. XVIII век, самое его начало, уже знает целую серию наименований воинских чинов высшего класса — *сложений*, основной частью которых является *генераль*: *генераль-майоръ*, *генераль-лейтенантъ* и т. д.

Маеоръ, майоръ. «Безбожнымъ маеорамъ, и капитаномъ, и ротмистромъ, и поручикомъ . . . по Новгородкѣ золотой» (АИ, III, № 240, 1645, 399). Наиболее ранние употребления этого термина относятся к началу XVII в.: АМ, II, 1638, 80; Дон. д., IV, 1649, 178, и др. Причем во всех случаях *майоръ* относится к названию лиц офицерского состава или иностранной армии, или иностранных наемников в русской армии. На непривычность употребления этого слова, на его инородность в русской лексической системе указывает неустойчивость его орфографической

⁶⁴ Первые употребления слова в русских памятниках отмечаются уже во второй половине XVI в. (Рим. имп., 1576, I, 575. ДРС).

формы. Так, в XVII в. слово функционировало в письменности в формах: *маеоръ* (АИ, III, 1645, 398), *маіеръ*, *маеръ* (АМГ, II, 1638, 80), *маіоръ*, *мазоръ* (Арх. Петра I, 1690; АИ, IV, 1653, 200).

Такой разноречивой нельзя объяснить общей неустановленностью и невыработанностью орфографических норм русского языка XVII в., он является свидетельством того, что слово *майоръ* в XVII в. только осваивается. Уже в XVIII в. слово станет обычным термином для обозначения офицерского чина русской армии. Лексикографически впервые оно зафиксировано Лексиконом 1762 г. в форме *маеоръ*.⁵⁶ Вместе с тем уже в XVII в., в конце его первой половины, известно прил. *маеорский* в сочетании *маеорская служба* (Дон. д., IV, 1649, 298), что как будто бы должно говорить об усвоении русским языком слова, ибо прилагательное образовано уже на русской почве.

Капитанъ. В памятниках начала XVII в. употребления термина обычны и представлены довольно широко: «Отъ воеводы отъ Оедора Васильевича Волинского, въ Дорогобужъ, Миколаю Воронцу, писарю земскому и капитану [лист]» (АИ, III, № 131, 1624, 204); «Полковникъ Александръ Лесли, а съ нимъ его полка капитаны, маіоры и всякіе приказные люди и солдаты» (АМ, I, № 374, 1632, 376). Термин *капитанъ* — единственное наименование офицера, командующего ротой, в «Ратном строении...»: «Капитанъ сидитъ на роте» (I, I, 36); «Капитанъ приказываетъ своему порутчику и инымъ своимъ оурадникомъ» (I, I, 36) и т. д. В том же памятнике свободно употребляются сущ. *капитанство* и прил. *капитанскій*, образованные на русской почве при помощи русских словообразовательных средств: «кому капитанство дадутъ» (I, I, 37). *Капитанъ*, будучи наименованием строго определенного чина в войске нового строя, становился во главе ряда терминов, обозначающих лиц, занимающих подчиненное положение в воинском субординационном ряду: «Рота или знамя имеетъ капитръ свою, сиречь главу имени капитана, сиречь главу, которому попрямому десарскому языку оулманъ, сиречь голова» (I, 1); «Подлѣ капитана порутчикъ его» (I, 1.). У И. П. Новосильцева встречаем форму *капыдон*, *капыдин* в значении 'капитан судна': «Турские люди нарядъ, и подкопъ, и суды, и казну, и запас назадъ отворотили к Азову съ капыдономъ, которому нарядъ и запасъ судовой приказанъ» (1570. Путеш. русск. послов, М.—Л., 1954, с. 70); «Отпустили съ капыданомъ человекъ за девятьсотъ»

⁵⁶ У Н. А. Смирнова ошибочно (со ссылкой на: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1902—1903, стр. 29) указывается, что слово *майоръ* встречается в русских памятниках с XVI в. (Западное влияние. . ., стр. 185). В действительности Пыпин говорит о XVII в. (время царствования Мпххила Федоровича) как о времени, когда в русский язык входит термин.

(там же).⁵⁶ Очевидно, появление в русском языке слова *капитанъ* в значении 'военный чин' — 'командир роты' произошло без влияния раннего заимствования *kapitanъ* в значении 'капитан судна'.

Квартирмейстеръ. По всей видимости, перешло в русский язык прямо из нем. *Quartiermeister* или голл. *kwartiermeester*, минуя польское посредничество (Фасмер, II, 217—218). «И списки тѣмъ людямъ посланы: четыре человекѣ полковники, четыре человекѣ большіе полковые поручики, четыре чел. маіоры, по-русски большіе полковые сторожеставцы, два чел. квартирмейстеры и капитаны, по-русски большіе полковые окольничіе» (АМ, I, № 374, 1632, 376); «Квартирмейстеромъ. и порутчикомъ . . . по тафтѣ» (АИ, III, № 240, 1645, 399).⁵⁷

Ротмистръ 'офицерский чин, равный капитану'. Из нем. *Rittmeister*, через польск. *rotmistrz*. «Были на Государевѣ службѣ въ Калмыцкомъ походѣ, съ воеводы со Лвомъ Плещѣвымъ съ товарищи, дано Государева жалованья. . . , за тое Калмыцкую службу: полковникомъ по золотому. . . ; маерамъ по золотому; ротмистромъ и капитаномъ по золотому безъ чети золотого» (АИ, III, № 240, 1645, 398). Наиболее раннее употребление термина *ротмистръ* (*рохмистръ*) относится к самому началу XVI в.: «Отъ сысая Максимъана короля римского были люди модрые, рохмистры, арихтыхтаны, аристоктели, да иныхъ земель много» (П. I, 1518, 291). В других списках — *ромистръ* (изд. Погодина). Значение термина в этом примере — 'военачальник в польско-литовской армии'. С таким же значением, при описании событий, относящихся к польско-литовскому государству, термин *ротмистръ* (*рохмистръ*) употребляется в Повести о Псковской осаде (с. 45, 54, 61, 65 и др.), в Софийской 1-й летописи (с. 28), в Послании Ивана Грозного (с. 225) и в других памятниках. На великорусскую территорию слово проникло из Юго-Западной Руси и было известно до XVII в. не везде; памятники Твери, Ростова, Великого Устюга его не знают. Но XVI в. представляет лишь предысторию термина в русском языке. Лишь с XVII в. начинается процесс ассимиляции термина, закончившийся вхождением его в лексико-семантическую систему русского языка.

В «Ратном строении. . .», по всей видимости, *ротмистръ* имеет другое значение: «Отъ всакихъ шести человекъ по ротмистру, или по два радовыхъ вевелѣевъ» (I, I, 40). Здесь *ротмистръ* обозначает военнотружущаго унтер-офицерскаго чина.

⁵⁶ Ср. также в «Путешествии Зосимы» (1420, 46): «И пыхомъ не мало деньми и минухомъ островъ Лимносъ, и приидохомъ во островъ Хиосъ, и пристахомъ тутъ, и быхомъ не мало деньми. И в томъ острове сидитъ капитанъ, сиречь князь, отъ Зены великия».

⁵⁷ Н. А. Смирнов первую фиксацию слова *квартирмейстер* связывает с переводным источником — «Книгой о ратном строении пехотныхъ людей» (1647); В. Христиани относит время первой фиксации слова к 1703 г. Судя по нашим материалам, начало проникновения слова в русский язык надо отнести к началу XVII в.

В дальнейшей истории языка это значение не закрепилось; оно вообще оказалось присущим только данному памятнику. В значении же 'офицерский чин, равный капитану' слово *рот-мистръ* завоевало к XVIII в. место в номенклатуре наименований воинских чинов. Уже Лексикон Вейсмана 1731 г. вводит его в свой состав.

Вместе со словами *генералъ, капитанъ, рота* и др. в русский язык влились такие заимствования, как *сержантъ, корпоралъ, фельтвевель, ланспасатъ*,⁵⁸ *профостъ, фуриръ* — наименования младших командиров (унтер-офицеров) в роте, устроенной по немецкому образцу. Эти слова пришли в русский язык со сложившимся терминологическим значением в языке-источнике. На русской почве они не имели соответствий ни в области понятийной, ни в области языковой. Естественно, что применялись они первоначально только к явлениям нерусской действительности. В переводном «Ратном строении...» они наиболее предпочитаемые обозначения соответствующих явлений: «Три тщательны сержанты, или фельтвевелы, бдѣща корпоралы и товарищи ихъ и ланспасаты, да шутивыя барабанщики» (I, I, 18); «А после корпораломъ послѣдствуютъ шлахетныя товарищи... а дѣло ихъ, чтобы имъ караульной круговой ходъ гораздо остерегати» (I, I, 41); «А в фурирово мѣсто мочно томуо быти корпораломъ...» (I, I, 19); «Оу всакиа роты... три сержанты, или фельтвевелы, а быти имъ всѣмъ тремъ честію равнымъ» (I, I, 18) и др.

Каптенармусъ 'военный чин (унтер-офицер), заведующий ротным или полковым имуществом (цейхгаузом)': «Безмѣстнымъ маеорамъ... и прапорщикомъ, и сержантомъ, и каптинармасомъ, и оружейнымъ дозорщикомъ... по Новгородкѣ золотой» (АИ, III, № 200, 1645, 399). Обычно это наименование в «Ратном строении...», причем там в форме *капитанъ десъ армесь* (из фр. *capitaine d(es)armes*): «Капитанъ десъ армесь, сирѣчь дозорщикъ надъ оружиемъ» (I, I, 39).

В петровское время в форме *каптенармусъ* это единственное наименование военного чина, заведующего оружейно-хозяйственной частью. Именно к этому периоду относится его утверждение в русском языке, хотя лексикографическая фиксация слова происходит значительно позднее — впервые в «Словаре Академии Российской» (1792). Нередко заимствованный термин в тексте «Ратного строения...» разъясняется через русский эквивалент, обычно это составной термин, словосочетание прилагательного с существительным: «Сстави фурира, сирѣчь *ротнаго станоставаца*» (I, I, 18).

Характерной особенностью словоупотребления в этом памятнике является подчеркнутая однозначность и определенность воен-

⁵⁸ *Ланспасатъ (ланспасадъ)* 'унтер-офицер' заимствовано из фр. *lanspésade*, ит. *lancia spezzata* 'телохранитель' (Фасмер, II, 457).

ных терминов (несмотря на многословие и высокопарность выражения, присущие автору памятника): «Профость . . . въ полку преступниковъ наказуетъ» (I, I, 42); «Отъ всакихъ шести человекъ по ротъмистру» (I, I, 40); «Сержанты имѣютъ имя свое ѿтъ французскаго слова серже, и то толкуется таготы носитель, потому что имъ доведется всю роту оучити» (I, I, 40); «. . . капитанъ десъ армесь, сиречь доаерщикъ надъ оружиемъ» (I, I, 39); «. . . оу корпорала ланспасать порутчикъ» (I, I, 39); «. . . капитанъ сидитъ на роте» (I, I) и т. д.

К тому же времени относится и заимствование ряда слов, обозначающих рядовых воинов и одновременно являющихся обозначением воина по принадлежности к тому или иному роду войск.

Рейтаръ (*рейтаръ*) 'конный солдат', 'легко вооруженный всадник'. Из нем. *Reiter*. Уже с середины XVII в. в состав русского регулярного войска входили рейтарские и драгунские полки: «По государеву . . . указу писались къ ратному ученью въ рейтары стольники . . . и быти имъ въ конномъ строѣ въ рейтарѣхъ» (АМ, I, № 398, 1632, 389); «И на томъ бою убито двадцать человекъ, рейтаровъ восемь сотъ человекъ» (Письма Ал. Мих., № 16, 1658, 60—61). В «Учении и хитрости. . .» мн. ч. *рейтары* употребляется в значении 'конное войско' (как противопоставление пехоте): «Шестая оуставка бываетъ о бое противъ райтаръ и противъ пехоты» (73 об.). Форма *рейтаръ* не была, как видно, устойчивой и единственной. На русской почве появляется и форма *ройтаръ*: «А въ обозѣ де стоять графъ фонъ-Торъ да графъ Пунтось, а съ ними служилыхъ людей ройтаръ 8 хорунгъ» (ДАИ, IV, 1656, 66). Русским синонимом (параллельно к *рейтаръ*) выступало словосочетание *конные люди*. Ср. в немецком варианте: «Diese vierecktigte Bataille ist gut gegen Reuterey» (105), в русском: «Сие четвероугольное ополчение добро и угодно, противу райтаровъ» (151); «So du aber von Reuterey wird angekastet» (94); «А боудеть конныя люди на тебя придуть» (128); или: «Боудеть тебѣ копье противъ рейтаръ, сирѣчь конныхъ людей оуставити» (75). В XVIII в. в связи с упразднением рейтарских полков ушло из жизни и слово *рейтар*.

Мушкетеръ 'воин, вооруженный мушкетом': «Всдакому мушкетеру забоиника своего имѣти» (I, II, 45); «Какъ излучитса, что въскорѣ похоть станицу или треть роты мушкетѣровъ и ты вѣлишь корпоральству быти» (I, I, 40) и др. Наименование особого разряда воинов, вооруженных мушкетами, проникло в русскую военную лексику почти одновременно (чуть отставая) с вхождением в него названия этого оружия. Заимствование обоих терминов происходило непосредственно из французского языка — *mousquet*, *mousquetaire*. Уже в XVII в. на русской почве образуется прилагательное *мушкетный*: «мушкетное оучение» (Уч., I, III, 71).

Наряду с заимствованными словами, прошедшими уже значительную часть пути с полной ассимиляцией их русским языком,

письменность XVII в. содержит слова, эпизодически употреблявшиеся без перевода на русский язык. Обычно они сопровождались параллельным употреблением русского соответствия. Это в основном слова, которые обозначали понятия и явления, известные русскому народу, имевшие актуальное значение в его жизни и деятельности; в русском языке им соответствовали определенные термины, часто с четко установившимся значением. Таково слово *рундасиры* в «Ратном строении. . .», которое употреблено без перевода с немецкого, но тут же разъяснено через русское *щитники*: «рундасиры сиречь щитники» (I, IV, 76). К таким, по всей видимости, надо отнести *лейтенантъ*: «Порутчика лейтенантомъ именуютъ» (Уч., I, 34 об.), *кавалеръ*: «Кавалеръ, а поруски воевода» (Пам. дипл. сн., 1580, X, 17—18), *профос* (*профостъ*) (Уч., I, I), *фурирь* и т. д.

Заметим, что чужеродность всех заимствованных слов, рассмотренных выше, для русского человека XVII в., особенно первой его половины, была ощутима, что получало выражение в особом способе разъяснения значения заимствованного термина: «И списки тѣмъ людемъ посланы: четыре челоуѣка полковники, четыре челоуѣка большіе полковые поручики, четыре челоуѣка маіоры, по-русски большіе полковые сторожеставцы, два чел[овѣка] квартермейстеры и капитаны, по-русски большіе полковые окольничіе» (АМ, I, № 374, 1632, 376). Наблюдается вначале функционально разграниченная дифференциация иноязычных и собственно русских наименований, затем переплетение, чередование, смешение в пределах одного выражения, в функции одного наименования элементов двух этих стихий и, наконец, создание единой системы лексических средств обозначения военных понятий на базе ассимиляции иноязычных элементов, в условиях выработки новой военной терминологии.⁵⁹ Нет никакого сомнения, что русские лексические элементы системы военной терминологии, несмотря на большую неопределенность их семантических значений, являющуюся недостатком всякой терминологии, занимают все еще господствующее положение, их употребление предпочтительнее, чем употребление иноязычных соответствий, даже в случаях, когда речь идет о явлении или понятии, пришедшем на Русь извне и одновременно с названием. В этом сказывается устойчивость традиционных наименований, имеющих за собой многовековую историю, глубокие и разносторонние связи военной терминологии с общепарадным языком (в лексическом, словообразовательном и семасиологическом отношениях), широкие синонимические связи

⁵⁹ В. В. Виноградов отмечал, что параллельное употребление русских и иноязычных слов прослеживается вплоть до сороковых годов XVIII в. (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 52).

п отношения между различными элементами в системе военной терминологии. В этом сказывается огромная сила сопротивляемости родного языка чуждым влияниям. Наконец, не в последнюю очередь надо отметить социолингвистический фактор, заключающийся в том, что проникающая с Запада новая, пока «чужая» для русского система военных понятий не сразу вытеснила старую систему понятий, долгое время ей приходилось занимать третье-степенное место в системе военной организации русского государства. Если учесть все это, станет ясным, что утверждение некоторых исследователей военной лексики XVII в. о том, что в определенных памятниках большую часть военной лексики составляют иноязычные заимствования,⁶⁰ нуждается в уточнении.

Насыщенность отдельных памятников письменности XVI—XVII вв. иноязычными словами и выражениями не может служить основанием для прямолинейного вывода о том, что эта насыщенность характерна для русского языка той эпохи в целом, в том числе и военной терминологии. Она, как правило, характеризует манеру, стиль, языковые вкусы и ориентацию отдельных авторов или связана с необходимостью называния предметов и явлений чуждой русскому человеку внеязыковой действительности (при повествовании о жизни других народов или при описании контактов с ними). Как известно, такого рода употребления иноязычных слов не могут быть названы заимствованиями. Это типичные «чужие», неперебиваемые слова. Большинство таких слов так и не было усвоено русским языком; усвоение другой части их относится к более позднему времени и должно быть связано с эпохой петровских преобразований. XVII век, особенно первая половина его, представляет лишь предысторию значительного числа заимствований. «В среднерусский период, — пишет Ю. С. Сорокин, — особенно во второй половине XVI и в XVII в., термины западноевропейского происхождения, преимущественно латинизмы и германизмы, нередко пройдя польское посредство, стали постепенно появляться как в книжной, так и в бытовой речи. Но говорить об их „наплыве“ и об их узаконении в русском языке этого времени еще нет достаточных оснований».⁶¹

В общей массе слов, вошедших в состав русской военной терминологии в XVI—XVII вв., иноязычные заимствования составляют лишь незначительную долю. Основная часть новых слов представляет собой новообразования на русском материале или переосмысления уже известных в других ответвлениях русского языка слов. Это является весьма показательным для характеристики русского военного словаря в целом. Показательным является и

⁶⁰ См., например: Г. В. К а р п ю к. Из истории развития лексики. . . , стр. 193—216.

⁶¹ Ю. С. С о р о к и н. Развитие словарного состава русского литературного языка, стр. 43—44.

тот факт, что в глагольной военной лексике заимствования или образования от заимствованных основ не отмечаются вовсе. (Ср. при этом заметный слой таких образований в военном языке петровского времени).

Точное приурочивание появления и укрепления в языке того или иного заимствованного слова к определенному хронологическому моменту представляется делом сложным и трудным. Это в особенности относится к древнему периоду истории языка. Знание времени появления слова в языке-источнике, наличие его в памятнике письменности могут, однако, служить достаточно надежными вехами при определении момента (скорее времени) появления слова в заимствующем языке. Надо только учитывать, что отыскание слов в памятниках требует огромной затраты времени и труда, причем исследователь никогда не может быть гарантирован от пропусков. Кроме того, употребление слова, особенно слова-термина (в широком понимании), в письменном памятнике не всегда свидетельствует об усвоении его заимствующим языком.

Слова, заимствованные из другого языка, на первых порах отличаются прежде всего своей смысловой определенностью и уединенностью, своей одноплановостью, терминологичностью. Они появляются и существуют в другом языке прежде всего как специфические термины, как простые наименования, знаки определенных предметов и понятий. Лишь в результате очень длительного существования в новом для них языке, лишь в процессе очень длительного сожительства с коренными словами языка они вполне уподобляются им, приобретают свойства коренных слов. Терминологичность и однозначность приводит к ограниченности сферы их употребления. Лишенные в языке, в который они пришли, внутренней формы, они менее употребительны в языке художественной литературы.

В XVII в. для обобщенного наименования *начальных чинов* в армии образуется новый термин, неизвестный в более ранние эпохи ни в каком другом значении. Это отглагольное существительное *оурядникъ*: «Да будетъ изъ Литовскихъ городов урядники учнутъ писати къ нимъ, о какихъ о управныхъ или о какихъ о иныхъ дѣлѣхъ» (АИ, III, № 166, 1622, 172). Очевидно, исходным значением слова было значение не «военное», а «административное»; *урядникъ* — это «лицо вотчинной администрации», «представитель землевладельца в вотчине», занимавшийся устройством дел вотчины, что соответствовало одному из основных значений древнерусского глагола *оурядити* «устроить». Но уже в глаголе отмечаются значения, называющие определенные действия, относящиеся к военному устройству: «Сташа около ѿго полкомъ и оурадивше на .ѣ. пълковъ» (Н. I, С., 6728, 212); «Князь же великы, урядивъ полкы, и повелѣи Оу рѣку возитися» (М., 28); «Татарове станы своѣ оурадивъ оу города Володимера» (Л., 6745, 462, 160 об.); «Урядимъ мы коемуждо полку воеводу» (М., 28). В этих примерах глагол

оурядити употреблен в трех значениях: а) 'распределить, расставить (полки)'; б) 'установить, расположить (стоянку — стан)'; в) 'назначить, определить (воеводу)'. Это дало возможность вновь образованному термину *оурядникъ*, призванному вначале быть наименованием лица гражданской администрации, легко и свободно включить в сферу семантических значений наименование военного начальника, занимающегося устройством и управлением войска. В «Ратном строении. . .» *оурядникъ* — наиболее употребительный термин для обобщенного наименования «начальных лиц» всех рангов — от *генерала (воеводы, гетмана)*, *генерального начальника* до *сержанта* и *ланспасата*. Употребление русского термина в функции обобщенного наименования военного начальника (командира) любого ранга в войсках иноземного строя — серьезный аргумент в пользу овладения русским обществом новой системой понятий, пришедших с Запада, их переработки и согласования с собственной системой понятий.

Заканчивая обзор иноязычных заимствований в составе русской военной лексики и терминологии до первой половины XVII в., необходимо сделать два замечания общего характера.

1) О времени заимствования слова. Естественно, что ответ на этот вопрос возможен лишь тогда, когда то или иное заимствование связано с памятником, хронологически документированным. Но и в этом случае можно говорить лишь об относительном установлении времени заимствования. «Особенно затруднительно хронологическое приурочивание именно заимствованных слов. Заимствованное слово представляет собою готовый лексический материал, который может быть взят из одного языка в другой в разное время. Только для тех заимствованных слов, в отношении которых ясно, когда они появились в языке-источнике, можно с полной достоверностью установить крайнюю точку, время, раньше которого они не могли появиться в языке, перенявшем их».⁶² При наличии большого количества письменных памятников и документов, в которых может быть употреблено то или иное заимствованное слово, чрезвычайно трудно установить наиболее раннюю фиксацию его. Потому, по-видимому, понятия «первая фиксация», «самое раннее употребление» слова должны применяться с большой осторожностью. Для этого необходимо тщательное обследование всех наличных документов, оставшихся от прошлых столетий. Труд гигантский, по плечу разве только очень большому коллективу. В противном случае исследователя ждут разочарования.

История изучения западноевропейских заимствований XVI—XVIII вв. дает немало поучительных примеров в этом отношении. На примере военной лексики выше было показано, что ряд слов, относимых Н. А. Смирновым к заимствованиям второй половины XVII или к началу XVIII в., употреблялся в русском языке

⁶² Там же, стр. 59—60.

в конце XVI и в начале XVII в. (работы Г. Хюттль-Ворт, М. Фогараши и др.). В свою очередь эти авторы, будучи ограничены сравнительно узким кругом источников, «ошибаются» в хронологизации целого ряда заимствований, причем «ошибки» эти исчисляются 50—100 годами. Поэтому представляется, что при теперешнем состоянии изучения древнерусских и средневековых памятников задача абсолютной датировки заимствований (как и появления новых слов и значений на базе родного материала) не может быть решена, и, если иметь в виду не отдельное слово, а целые группы слов, не может ставиться. Можно лишь говорить о наличии тех или иных слов в обследованных памятниках — не больше. Есть, однако, другая сторона вопроса о заимствованиях, которую можно с достаточной полнотой исследовать уже сейчас, — это определение отрезка времени, когда происходит освоение слов заимствующим языком, включение их в свою лексико-семантическую систему. Эта задача может быть решена значительно успешнее, если речь идет не об отдельном слове, а об определенных лексических группах, объединяемых тематически, по признаку языка-источника и т. п. Знание исторических предпосылок и общественных условий, в которых происходило заимствование, является при этом так же необходимым, как и изучение письменных памятников.⁶³

2) Не меньше трудностей вызывает и определение языка-источника и конкретных путей заимствования слова. Уже давно отмечалось, что этимологи затрудняются во многих случаях «топографически» локализовать лексическое заимствование из тюркских языков в связи с тем, «что тюркские языки в силу их типологической близости обычно дают в другом языке (в частности в русском литературном и в русских аргосе) одинаковый рефлекс».⁶⁴ Русский же народ, как известно, приходил в соприкосновение одновременно со многими тюркскими племенами и народностями. Что касается «европеизмов», то многие из них ко времени заимствования в русский язык в значительной степени стали интернациональными, известными в различных европейских языках. Как было показано выше, многие слова, заимствованные из западноевропейских языков, в историко-этимологических разысканиях не получили еще бесспорной «топографической» локализации. Проще этот вопрос решается, если языковые данные о путях заимствования слова подтверждаются историко-культурными обоснованиями. Нередко, однако, этимологам и историкам лексики приходится прибегать к гипотетическим построениям и этим ограничиваться.

⁶³ Вопрос о трудностях хронологизации заимствований хорошо освещен в работе Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка...» (стр. 43—73). См. также: М. F o g a r a s i. *Europäische Lehnwörter*, S. 47—63.

⁶⁴ Н. К. Д м и т р и е в. О тюркских элементах русского словаря, стр. 11.

**СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ
ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ XI—XVII вв.**

С XI до первой половины XVII в. группа терминов, обозначающих понятия, относящиеся к организации войска, претерпела большие изменения. Эти изменения сводятся к количественным изменениям (лексические смены): приход новых лексем в качестве номинативных средств для называния определенных явлений военной жизни, уход других слов. В русский язык пришло большое количество новых слов и выражений, обогатив его лексический состав.

Но как бы ни велики были изменения чисто количественного характера, сколько бы ни пришло в язык новых обозначений и ни ушло устаревших, как бы ни было велико значение этих изменений, не они составили определяющую черту эволюции данной группы терминов. Наибольшие изменения, изменения, которые обусловили новый характер системных отношений между словами лексической группы, которые привели в конечном счете к складыванию по существу новой системы военной терминологии, произошли в семантической структуре терминов, составляющих изучаемую лексическую группу. Эти изменения затронули все без исключения термины группы.

Приход новых слов, уход из употребления отживающих терминов, изменения в лексических значениях ряда слов приводили к изменению отношений между отдельными членами группы, к потере одних фразеологических связей и приобретению других, к большим изменениям в синонимических отношениях между отдельными членами группы. История военной лексики русского языка XI—XVII вв. — это история становления и развития специальной терминологической системы лексики как части словарного состава языка. В этот процесс, процесс выработки терминологической лексической системы, были вовлечены как слова с давно специализированными значениями и употреблениями, так и лексические единицы, не имевшие ранее этих специализированных значений. За значительный исторический период сотни слов получают новые

специализированные значения, вовлекаются в необычную для них функциональную сферу словоупотребления; среди этих слов есть исконно русские и заимствованные из других языков. Не все слова становились подлинными терминами, не все завоевывали прочные позиции в терминологической системе. Явления, связанные с терминологизацией слов, представляют большой интерес сами по себе.

Сужение круга значений, все большее закрепление употребления слова в одном строго определенном значении (т. е. все процессы, приводящие к терминологизации слова, к его специализации) сопровождаются сужением сферы употребления слова, приводят к уменьшению широты употребления его в общем языке. Указанная закономерность имела место не только в отношении военной лексики и не только в древнем и старом русском языке. Как отмечают многие исследователи, она характерна для развития языка вообще.¹

Это хорошо прослеживается на истории терминов *полкъ*, *рать*, *дружина*, *ратные люди* и т. п. в русском языке от XI до XVII в.

Приводимая ниже таблица наглядно показывает пути и направления движения изменений основных терминов анализируемой группы лексики. Надо сказать, что установить абсолютное число употреблений слова в памятниках изучаемого периода невозможно; такая задача была бы не под силу даже большому коллективу исследователей. Однако установить относительную частоту употребления того или иного термина или его значения, по крайней мере в наиболее важных и значительных памятниках, оказывается возможным. Эту относительную частоту (=широту) употреблений можно было бы представить в символах, где три знака плюс соответствуют наибольшей степени употребительности, один знак плюс — наименьшей, граничащей с понятием «редко употребительное слово (значение)», два знака плюс характеризуют употребительность слова между первой и третьей степенью.

Если говорить о причинах всех этих процессов, то они лежат в двух плоскостях: 1) изменения, вызываемые необходимостью отражать в языке (и в первую очередь в терминологии) те сдвиги, которые происходили в жизни общества, в данном случае — в организации вооруженных сил, армии. Это причины экстраязыкового характера; 2) причины, непосредственно лежащие в языке, в закономерностях его внутреннего развития, в проявлениях системных отношений, намечаемых в лексике языка.

Термин *полкъ*, обладавший в XI—XIII вв. весьма широкими семантическими возможностями (от обобщенного наименования войска, вооруженной силы вообще до обозначения битвы, сражения через ряд промежуточных семантических реализаций),

¹ См. об этом, например: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965, стр. 325—334.

Термин	Значение	Употребительность			
		XI— XIII вв.	XIV— XV вв.	XVI в. (1-я по- ловина)	XVI—XVII вв.
<i>полкъ</i>	войско, вооруженная сила (обобщенное наименование);	++	+	+	Редко (только в религиозно-догматических контекстах). То же.
	войско, находящееся в состоянии боевой готовности, в походе, в бою и т. п.;	+++	+	+	
	часть войска, отдельный отряд его;	++	+	+	+++
	воинство, силы, противостоящие кому-либо (религиозно-догматические контексты);	+	+	+	Редко.
	боевой поход, сражение, битва.	++	—	—	—
<i>полчищ(е)</i>	войско, вооруженная сила.	(1 раз)	—	—	—
<i>рать</i>	войско, вооруженная сила (обобщенное наименование);	+++	++	++	++
	отдельный отряд войска, часть войска;	—	+	++	+
	вражеское войско, неприятельские военные силы;	++	(XV в.) ++	++	+
	боевой поход, сражение, война;	+++	+++	+++	Редко (в религиозно-нравственных контекстах).
	битва, бой (как отдельный эпизод войны);	+	+	—	—
<i>дружина</i>	войско своей страны (государева рать).	—	—	—	+++
	товарища, спутники, община;	++ (особенно переводные тексты)	+	—	—
	княжеское постоянное войско;	+++	—	—	—
	войско вообще (=рать, полкъ);	++	—	—	—
	отдельный отряд войска;	+	—	—	—

Термин	Значение	Употребительность			
		XI—XIII вв.	XIV—XV вв.	XVI в. (1-я половина)	XVI—XVII вв.
<i>вои</i>	войско, вооруженные силы; воинство, силы, противостоящие кому-либо (обычно в религиозных текстах); рядовые воины, постоянное войско (противоп. дружина); войска, изготовленные к битве или участвующие в битве.	+++	—	В живом употреблении нет.	
		++	+	+	—
		++		—	—
		++	—	—	—
<i>воинъ</i> (<i>вои</i>)	военный человек.	+	+	+	+
		(в основном религиозные контексты).			
<i>Сила</i>	войско (самого различного характера); совокупность ряда отдельных вооруженных отрядов); войско (с выдвинутым на первый план количественной характеристики: могущество, мощь, большое количество войска); отдельный отряд войска.	+++	+++	Редко (на правах устарелого термина).	
		+++	+++		+
		++	+	—	—
		+	+	—	—
<i>люди</i> (<i>людие</i>)	вои, совокупность вооруженных людей, рать.	+	++	+++	+++
<i>ратъини</i> <i>люди</i>	все значения <i>ратъ</i> .	+++	+++	+++	Единичные употребления.
<i>ратини</i> (субстантивированно)	русское войско. враг, неприятель.	— +++	— +++	—	+++ Редко (только в религиозно-догматических контекстах).
<i>ратъиниъ</i> <i>войско</i>	воин. вооруженные силы; отдельный отряд войска.	+	+	—	—
		+	+	++	+++
		+	+	—	—

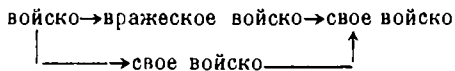
Термин	Значение	Употребительность			
		XI— XIII вв.	XIV— XV вв.	XVI в. (1-я по- лови́на)	XVI—XVII вв.
<i>служилые люди</i>	войско своей страны.	—	—	—	+++
<i>воинские люди</i>	войско вообще;	—	—	Редко (в неспециаль- ных контекстах).	
<i>воинство</i>	войско противника. войско.	— +	— +	— +	+++ +
			Редко (только в религиозно- догматических контекстах)		

в XVI—XVII столетиях употребляется почти исключительно в одном значении — 'часть войска, отдельный отряд войска под начальством одного лица'. Единичные примеры на употребление этого термина в более общем значении относятся в основном к сфере религиозно-нравственной литературы и ни в какой мере не меняют общей картины.

Вместе с этим, и это вполне закономерно, сократилась частота употреблений термина в контекстах, рассказывающих о войске, военных сражениях.

Подобные тенденции действовали и в семантическом развитии термина *рать*, который из чрезвычайно емкого по значению термина — 1) 'войско, вооруженная сила', 2) 'вражеское войско', 'неприятельские военные силы', 3) 'боевой поход', 'сражение', 'война,' 4) 'битва', 'бой как отдельный эпизод войны, похода (военного)', 5) 'отдельный отряд войска' — в ранний период истории русской письменности (XI—XIII вв.), в условиях постоянного взаимодействия с другими лексическими единицами (*полкъ*, *дружина*, *сила* и т. д.) в XVI—XVII вв. становится моносемантическим, обозначая лишь 'войско своей страны, свои вооруженные силы' (*государева рать*), и лишь как устаревающий термин употребляется для обозначения войска вообще или боевого похода, войны (или в контекстах религиозно-нравоучительного характера, или с явным архаизирующим или торжественно-приподнятым стилистическим заданием в других случаях употребления). Так же как и термин *полкъ*, *рать* в связи с этим характеризуется меньшим абсолютным числом употреблений в языке XVI—XVII вв. по сравнению с употреблением слова в более ранние эпохи. Если в ранний период письменности *рать* имеет значение (одно из наиболее употребительных) 'неприятельское войско' ('неприятель'), то в XVII в.

этот термин употребляется только в значении противоположном этому — 'войско своей страны' (*государева рать*). Графически развитие значений слова *рать* можно было бы изобразить так:



По причинам в основном общественного, социолингвистического характера широко употребительный в древнерусском языке XI—XIII вв. термин *дружина* уже в XIV в. полностью выходит из употребления в качестве обозначения определенных понятий, связанных с военным делом. Отмечаются лишь единичные случаи употребления термина в XIV в. в значении 'товарищи', 'спутники', т. е. в значении, не имеющем отношения к рассматриваемой проблеме. Значительно дольше сохраняется в употреблении термин *дружина* в составе устойчивых фразеологических выражений, ставших определенного рода штампами для обозначения тех или иных явлений военной действительности Древней Руси (*в малѣ дружинѣ*). Это явление, как известно, характерно для языка и его лексического состава в целом и не только в предшествующие эпохи, но и теперь — в современном литературном языке.

К XVI в. выходят из употребления в живом русском языке такие слова-термины, как *вои*, *воиникъ* (сохраняясь лишь в религиозно-нравственных контекстах). Чрезвычайно широко употребительное в XI—XV вв. полисемантическое слово-термин *сила* в XVI—XVII вв. известно лишь в одном, наиболее обобщенном значении — 'войско самого различного характера' и используется исключительно в целях архаизации или придания торжественно-приподнятого характера повествованию. Одновременно с этим происходит регламентация употребления слова в грамматическом аспекте: слово начинает преимущественно употребляться в форме множественного числа — особенность, сохраняющаяся и в современном литературном языке (ср.: «заботиться об укреплении вооруженных сил страны» и т. п.).

С другой стороны, такие слова, как *люди*, *войско*, переживают изменения, приводившие к противоположным результатам.

Так, слово *люди* (*людѣ*) как обозначение совокупности вооруженных людей, воев, рати в XI—XIII вв. употреблялось от случая к случаю и лишь как контекстуальный синоним более определенных по значению терминов *вои*, *рать*, *полкъ*.

Значение слова *люди* нельзя в то время было характеризовать как строго установившееся, о чем свидетельствует хотя бы то, что оно реализовалось обычно в словосочетаниях или выступало в качестве временного синонима, нередко употребляясь в одном предложении со словом, которое оно замещало.

От века к веку употребление слова *люди* для обозначения совокупности воинов становилось все шире и шире и к XVI—

XVII вв. оно становится одним из самых широко употребительных слов для обозначения этого понятия. Этому способствовал и тот факт, что слово употреблялось и для обозначения людей, занятых в других профессиях. Дело в том, что сущ. *люди*, вступая в сочетание с тем или иным прилагательным, определяющим его, образовывало наименования людей по их профессии, роду занятий, службе и т. п.

Ср., например, такие словосочетания, как *вольные люди, воровские люди, городовые люди, даточные люди, думные люди, жулецкие люди, обыскные люди, посадские люди, приходные люди, посошные люди, работные люди* и т. п.

В этот ряд становятся и военно-терминологические сочетания *воинские люди, ратные люди, служилые люди*, а затем такие сочетания, обозначающие военные понятия, как *большие (военные) люди, загонные люди, отворотные люди, осадные люди, оточные люди, полонные люди, порубежные люди, сбруйные копейные люди* и т. д.

История сочетаний *воинские люди* и *ратные люди* интересна сама по себе. Как показано выше, сочетание *воинские люди* от обозначения вооруженных людей, воев (вообще) пришло к строго моносемантическому значению 'войско, вооруженные люди противника, борющегося против русских'. Сочетание '*ратные люди*' от такого же неопределенного и чрезвычайно широкого значения пришло к обозначению только русского войска, русских воинов, (что проявляется уже и в том, что наиболее часто этот термин употребляется с определением *государевы (ратные) люди*. Письменность содержит богатые материалы, показывающие, что эти два понятия в XVI—XVII вв. в сознании русских людей отчетливо противопоставлялись, никогда не смешивались. Отдельные факты смешения не могут изменить этого вывода, ибо они встречаются в непрофессиональном словоупотреблении, единичны и относятся к памятникам, язык которых сознательно архаизирован.

Что касается словосочетания *служилые люди*, то его значение было довольно неопределенным, вернее весьма широким, включая в себя представление о людях, находящихся на государственной службе самого различного характера. Словосочетание это было широко употребительным начиная с XVI в. Но можно с уверенностью утверждать, что чаще всего термин *служилые (служивые) люди* употребляется в значении 'военные люди — люди, несущие воинскую службу'. Это подчеркивается и прилагательным (*государевы*): *государевы служилые люди*. Ср. также употребление сочетания *государева служба*, в котором указание на характер службы проявляется отчетливей.²

² См. об этом сочетании: М. А. М о м и н а. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVII в. На материале описания Китая Спафария. Канд. дисс. Л., 1965, стр. 372—373.

В XVI—XVII вв. состав анализируемой лексико-семантической группы пополняется новыми словами. Это прежде всего *войско*—*войска*, слово, известное и раньше, но получившее именно в XVII в. широкое распространение в качестве обобщенного наименования вооруженных сил в сфере практического военного языка. Есть все основания утверждать, что этот термин в XVI (конец) и XVII в. становится опорным (центральным) термином лексико-семантической группы, замещая потерявшие это значение термины *рать*, *полкъ*, *сила*.

В группу входят слова *солдатъ* (*солдаты*), *воинство*, *боец* (*бойцы*), вступая во взаимодействие с другими словами; в результате этого происходят заметные изменения семантической, стилистической и фразеологической сторон всех лексических элементов группы. Эти изменения, как можно было видеть при прослеживании истории развития лексики избранного тематического пласта, были значительны и захватывали широкий круг явлений.

Включение нового слова (или новых слов) в состав членов лексико-семантической группы (семантического поля), расширение лексического значения у отдельных лексем, как правило, приводит к изменению отношений между членами группы, к перестановкам в семантическом, стилистическом и иных планах. В результате этих пополнений изменяется лексическая ценность слов, меняется их место в структуре лексико-семантической группы и словаря языка в целом.

Разрушаются старые синонимические ряды (*рать*, *полкъ*, *вои*, *дружина*, *сила*, *ратные люди*) или происходят большие перестановки и преобразования в них. Термин *войско* становится опорным словом лексико-семантической группы (= родовым термином) — наименование понятий, связанных с организацией вооруженных сил, объединяет вокруг себя целый ряд частных (= видовых) терминов, каждый из которых специализируется на обозначении строго определенного явления военной жизни русского государства: *полкъ*, *рать* (*государева*), *ратные люди*, *воинские люди*, *стрельцы*, *солдаты*, *казаки*, *бойцы* и др. Причем *войско* объединяло в качестве обобщающего термина видовые наименования двух разрядов: 1) названия военных отрядов по роду их службы, по особенностям формирования, по характерным задачам, которые они выполняют и т. п., таким образом, получался первый ряд: *войско*, *рать*, *стрельцы*, *солдаты*, *ратные люди*, *казаки*, *служилые люди*, *бойцы*, *воинские люди* и т. п.; 2) названия отдельных отрядов (частей) войска, отражающих дальнейшее усложнение и совершенствование войсковой организации. Получался второй ряд: *войско*, *полкъ*, *рота*, *приказ*, *застава*, *караулъ*, *станица* и т. п. Появление большого количества слов-терминов, обозначающих разновидности, отдельные части войска, воинских отрядов и подразделений, приводило прежде всего к тому, что резко сокращалась частота и абсолютное число употреблений в живом языке таких терминов, как *рать*,

полкъ, сила, вои, войско и др., с одной стороны, и к потере ряда значений, которые были «переданы» ими этим новым обозначениям — с другой.

Когда термин *полкъ* в результате исторического движения языка утрачивает ряд значений, присущих ему в древнерусском языке, и приобретает определенное терминологическое значение «войсковая единица со строго установленным количеством людей, вооружения, задач в бою, отношением к другим (более крупным и более мелким войсковым единицам)», *полкъ* перестает быть опорным словом лексико-семантической группы со значением «наименования войсковых единиц». Так, уже в середине XVII в., как отмечает Р. И. Сидоренко,³ слово *полкъ* употребляется в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 145 раз в одном значении — «войсковое пехотное соединение, насчитывающее в своем составе до 3000 человек». Это подтверждается и употреблением в этом же памятнике синонимичного *полку* термина *Regiment* «регIMENT».

Правда, процесс этот в XVII в. еще не закончился: надо иметь в виду, что памятник «Учение и хитрость ратного строения людей» представляет собой не оригинальное произведение, а перевод сочинения датчанина Иоганна Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß», и употребление слова *полкъ* в строго терминологическом значении отражает устойчивость и определенность системы военных понятий, соответствующих формам организации западноевропейской армии. Именно это, а не употребление в памятнике заимствованного термина *регIMENT* в качестве синонима к русскому *полкъ* заставляет признать, что в XVII в., по крайней мере в первой половине его, происходит только процесс терминологизации последнего слова, процесс становления его специальным военным термином со строго установленным значением. Дело в том, что наличие у того или иного термина синонимических параллелей отнюдь не является доказательством невыработанности термина. История терминологии различных терминологических систем (и в современном языке также) свидетельствует о длительном сосуществовании синонимов-терминов, нередко занимающих равноправное положение в системе. Здесь следует различать две стороны: одно дело стремление терминологии (а вернее людей, пользующихся ею) освободиться от синонимов (как и от полисемии), другое дело — действительное положение вещей.

Связь терминологии с лексикой общенародного языка (=с общеупотребительной лексикой), подчинение законов развития специальной лексики общим законам развития данного языка проявляется и в том, что не удается полностью задержать в терми-

³ Р. И. Сидоренко. Из истории терминов общеславянского происхождения. 36. науч. праць, т. I, Мовознавство. Київ, 1958, стр. 131—133.

нологических системах развития синонимии и полисемии или устранить целиком возникновение различного рода стилистических градаций в специальной лексике. Но вот на смену *полку* как обозначению вооруженной силы (отряда) вообще приходит новое слово *войско*, а затем *армия*, и *полкъ* занимает в группе положение рядового члена. К этому времени уже настолько изменяется смысловое значение каждого составляющего элемента группы (приобретение строго определенного терминологического значения, уход ряда слов из активного запаса и т. д.), что коренным образом изменяются соотношения слов друг с другом, и можно говорить о начале формирования новой системы терминов — процессе, проходившем вместе с формированием новой системы военных понятий, что вызывалось в свою очередь сменой старых форм организации вооруженных сил новыми.

На протяжении изучаемого периода истории языка изменялись реальные отношения между родовыми и видовыми наименованиями. Термин *вои*—*воинъ* как обобщенное наименование *воинов* (*воина*) выступает опорным словом, вокруг которого группируется целый ряд частных названий, или отражающих социальную градацию воинов, или указывающих на профессиональное деление воинов: *стѣчьъ*, *шестникъ*, *стрѣльцьъ*, *пѣшъцьъ*, *коньникъ*, *борци в бронѣхъ*, *бренидъцьъ* ('латник', 'кольчужник'), *къметъ*, *мужъ*, *забралникъ*, *доспешные люди*, *повозники*; *воевода*, *князь*, *тысячскыи*, *сотскыи* (*съцьскыи*), *десятьскыи*, *десяцькыи*, *воевода мирный*, *молодые люди*, *дворяне*, *дѣти боярскіи*, *боляре*, *казакъ*, *подвоискыи*, *гетманъ*, *мастеръ порочный*, *наместникъ*, *описные головы*, *посадникъ*. Сюда же относятся *местеръ*, *кумендерь*, *моршолдъ*, *коунтуръ*, *збои*, *хлопы*, *темникъ*, *ратманъ*. Последние слова стоят особняком, потому что нет никаких оснований считать, что они когда-либо входили в систему русской военной лексики. Они употреблялись лишь в тех случаях, когда необходимо было назвать явление, не имевшее места в русской действительности, а характерное для соседних народов, с которыми русские приходили в военные столкновения. Это немецкие слова *местеръ*, *кумендерь*, *ратманъ*, польские *моршолдъ*, *збои*, *хлопы*.

Нельзя указать ни одного случая, когда бы явление русской военной жизни было названо этими словами. Такие слова составляют особую категорию «чужих слов» (*Fremdwörter*), выделяемую во всех языках в различные периоды их истории. Они по-особому и ведут себя в языке, не вступая ни в какие отношения с другими наименованиями, не влияя никаким образом на семантику других слов. С течением времени некоторые из них могут войти в состав заимствующего языка и стать равноправными членами его лексической системы. Так в дальнейшем произойдет со многими словами, заимствованными в русский из западноевропейских языков для обозначения явлений, вначале чуждых русской действительности, а затем утвердившихся в ней.

К концу первой половины XVII в. в русском войске складывается достаточно отчетливая дифференциация родов войск, о чем свидетельствует наличие терминов, отражающих эту дифференциацию: *пѣхота*, *пѣший строй*, *воинство пѣшее*, *пѣшие люди*, *пѣхотные люди*, *стрѣльцы*, *солдаты*, *солдатский строй*, *конница*, *конные люди*, *драгуны*, *драгунский строй*, *рейтары*, *рейтарский строй*, *копейщики* (*копейники*). Перечисленные термины относятся к новой системе терминологии, они закрепляют в языке произошедшую, хотя еще и не совсем закончившуюся смену старой военной организации, вытеснение ее отживших форм организацией армии нового солдатского строя. Вместе с тем надо отметить, что в систему новых терминов (*драгуны*, *рейтары* и др.) органически вплелись наименования, история которых уходит далеко в глубь веков (*пѣхота*, *конница*). Сами по себе последние термины сформировались также не раньше конца XVI в., но предшествующие им *пѣшцы*, *пѣшие люди*, *коневники*, *конные люди* были первыми терминами, служившими обозначениями двух противопоставляемых родов войск.

Обширна терминология, выработанная русским языком к XVII в. для обозначения военных лиц — представителей различных воинских профессий или выполняющих определенную военную задачу (как в мирное, так и в военное время): *стрѣлецъ*, *пѣшець*, *конѣвникъ*, *мечникъ*, *меченоса*, *снуж(ъ)никъ*; *пушкари*, *затинщики*, *стрѣльцы*, *розсыльчики*, *объезжие головы*, *лазутчики*, *вѣстовщики*, *караульщики*, *караулъ*, *сборщики* (людей на воинскую службу), *камышники*, *станишники*, *посыльщики*, *выездные* (*казаки*), *воротники*, *обоз* (*обозники*), *оружейный дозорщикъ*, *высылщики*, *сеунч* и др.

Не все слова, входившие в группу, принадлежат к одному хронологическому периоду, т. е. не все относятся к одной языковой системе, если под системой понимать «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени».⁴ Здесь, так же как и в предыдущей микросистеме, выделяется фонд старшей терминологии, известной с древнейших времен. Многие из них входили в живую разговорную речь (в систему языка) и в древнейшие века и сохранились в активном употреблении в качестве терминов в XV—XVII вв.: *стрѣлецъ*, *конникъ*, *лазутчикъ* и др. Но таких слов немного. Другие появились позднее. Их появление связано с реорганизацией русских вооруженных сил, с углублением и расширением профессиональной специализации их, с регламентацией прав и обязанностей различных представителей вооруженных сил: *пушкари*, *затинщики*, *воротники*, *пищальники* и т. д.

⁴ Л. В. Щербачев. Опыт общей теории лексикографии. Изв. ОЛЯ АН СССР, 1940, № 3, стр. 91.

Выше было показано, что в XVII в. в русском языке функционирует богатый набор слов — наименований воинов по их служебному положению, отражающий иерархическую градацию военнослужащих: наиболее общие наименования воинов — *воинские люди, ратные люди, боевые люди, служилые люди*; наименования отдельных воинов по служебному положению — *рядовой, солдатъ, начальникъ, воевода, голова, полуголова, тысячникъ, пятисотный, сотенный, сотникъ, прапорщикъ, поручикъ, капралъ, сержантъ, капитанъ, маоръ, подполковникъ, полуполковникъ, полковникъ, хорунжий, есаулъ (ясаулъ), деньщикъ, профось (профость), комиссаръ, лютенантъ, фельдсвель* и др. Из предыдущего изложения видно, что совокупность этих наименований складывалась постепенно, обогащаясь от века к веку. XVII век получил в наследство от древнейших времен ряд терминов (*ратные люди, тысячникъ* и др.), но таких наименований не много. В древнейшую письменную историю русского языка в нем было мало терминов, отражающих должностную (служебную) дифференциацию воинов (часть из них не дошла до XVII в.). Основная масса терминов этой группы является приобретением позднейших эпох — XVI—XVII вв. и связана прежде всего с усложнением системы организации русского войска, с ростом его технической оснащенности.

Среди приведенных терминов есть такие, которые к XVII в. прошли длительную и сложную историю и успели значительно изменить свое семантическое содержание. К таким прежде всего относится *воевода*. Как уже отмечалось выше, слово *воевода* в ранний период русской письменности (XI—XIV вв.) имело одно значение: 'предводитель войска', 'военачальник'. К XVII в., сохраняя прежнее значение, термин получает и другое — 'начальник города, уезда'. Эти изменения в значении термина *воевода* проходили параллельно во всех восточнославянских языках — в языках трех народностей: русском, украинском и белорусском, так же как и в польском. Изменение значения проходило одновременно; здесь сказывалось влияние общих закономерностей развития лексики, заложенных еще в эпоху Киевской Руси. Непосредственные причины, заставлявшие слово претерпевать известные сдвиги в семантике, также были одинаковыми — изменения в организации воинских сил, т. е. лежали в области общественного, государственного и военного устройства, которые в общем-то были одинаковыми в государствах славянского мира средних веков.

Подавляющее большинство терминов, называющих воина по профессиональному признаку, представляет собой слова, образованные на материале родного языка. Сюда относятся и слова, образованные от основ старых (древних) заимствований, давно уже обрусевших, с помощью словообразовательных средств русского языка. Вовлечение заимствованных иноязычных основ в словообразовательную систему русского языка свидетельствует

о прочном усвоении, о полной ассимиляции варваризмов языком-заимствователем.

Определенную часть профессиональных военных терминов составляют специальные названия иноязычного происхождения, причем заметно окрашивать русскую военную лексику заимствования начинают с XVI в. Что касается иноязычных элементов до конца XV в., то они были немногочисленны и не составляли какого-либо единства в семантическом плане или в «топографической» локализации. Начиная со второй половины XVI в. в русскую военную терминологию проникают компактные группы иноязычных терминов, обозначающих понятия, относящиеся к новым формам организации военных сил, называющих представителей военных людей и оружия. Эти новшества приходили главным образом из французского, немецкого и польского языков. История заимствованных слов, таким образом, показывает, когда и с какими народами вступал в различного рода взаимоотношения русский народ, какому народу он обязан в приобретении тех или иных новшеств в области военной организации. Процессы, сопровождающие включение заимствуемого термина в лексическую систему заимствующего языка, представляют несомненный интерес в общелексикологическом отношении. Заимствование не есть механический процесс включения нового элемента в состав лексико-семантической группы заимствующего языка. Ассимиляция нового элемента является сложным процессом, при котором между членами семантического поля возникают новые семантические и стилистические отношения. Как и новое слово родного языка, заимствованное слово может вызывать изменения лексической ценности (значимости) слова и менять его место среди других членов группы. В общем, однако, специальные военные наименования вырастают преимущественно из фондов родного языка.

В подгруппе названий воинов, отражающих социально-должностную дифференциацию, заимствованные из других языков слова составляют более значительный, заметный пласт, причем чем ближе к XVII в., тем число заимствованных терминов из номенклатуры воинов по социально-должностному признаку значительнее: *майоръ*, *сержантъ*, *корпораль* и т. д.

Другая, меньшая по объему часть терминов этой подгруппы представляет собой церковнославянские и славянизированные образования, многие из которых были вызваны к жизни до некоторой степени насильственно и несут на себе налет искусственности, чуждости лексической системе русского языка XV—XVII вв.: *побѣдоносецъ*, *храброборецъ*, *военачальникъ*, *повѣлитель* и т. п. Это не должно создать впечатления о том, что заимствованные слова и церковнославянские и славянизированные образования составляли основу социально-должностных наименований. И в этой подгруппе основная часть наименований представляла собой исконно русские или давно руссифицированные слова и

термины: *голова, воевода, десятникъ, сотникъ* и т. п. И все-таки в этой подгруппе в отличие от предыдущей иноязычные заимствования занимают заметное место. Эта разница обусловлена различными путями, которыми шло развитие форм организации армии, выработка ее служебных и тому подобных отношений, с одной стороны, и материально-техническая оснащенность ее — с другой.

Известно, что до конца XVI в. формы организации русской армии соответствовали во многом формам организации русского общества; немудрено, что термины, отражающие формы этой организации, были в основном образованы на материале родного языка. В конце XVI—начале XVII в. начинается развитие новой, иноземной системы организации войска, что вызывает широкий поток заимствованных терминов, связанных с этой новой организацией. Иноязычные заимствования, входящие в группу наименований воинов по служебному положению, относятся именно к этому времени.

Что касается профессиональной дифференциации воинов, то она во многом совпадала с ремесленно-профессиональной дифференциацией трудового народа Руси: *луч(ь)никъ, мечникъ, сѣдельникъ, воротникъ; лазутчикъ, вѣстовщикъ* и т. п. Часто в военном деле появлялась новая специальность именно под влиянием уже давно оформившейся и выделившейся из других видов занятий специальности в других сферах общественно-производственной деятельности человека. И так как там в качестве наименования человека по выполняемой им функции употреблялось слово родного языка, последнее переходило и в военное словоупотребление. Это обеспечило господство исконно русской лексики в группе наименований воинов по профессиональному признаку. «Чем более терминология определенной области знания, — пишет Л. А. Булаховский, — связана с бытованием последней в прошлом на русской почве в виде родственных производств и умений, тем, конечно, больше в этой терминологии элементов русских или давно обрусевших, усвоенных наукою непосредственно из уст рабочих ремесленников и под.»⁶ Это положение полностью применимо и к древнерусской военной лексике, по крайней мере до середины XVII в.

Военная лексика, обслуживая специфическую, «профессиональную» деятельность, которая предполагала вовлечение в свою сферу широких масс населения и требовала объединения усилий всех русских земель в организации отпора врагу, по своему существу должна была противостоять диалектной дифференциации. Однако система военной лексики также оказалась затронутой диалектным расслоением, и в ней удастся выявить известное число наименований, локализуемых в употреблении границами отдель-

⁶ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5-е. Киев, 1952, стр. 50.

ных феодальных областей. Наличие диалектизмов, местных слов в псковской и новгородской письменности отмечалось рядом исследователей. Так, В. И. Максимов к «псковизмам» относит слова *пушица—пушича, захабень, захабный, кут, кутный костер, перси, приступ* (часть крепостных сооружений); к северо-западным диалектизмам — *вестоноша, шестник (сестник), перевет, покрутити, скрутитися, рубити, рубитися, порубати, порубитися, срубитися, изгонити, изгона, изгонная рать, загонить, кумендерь, охочие люди, разратие, торон(ь), кром (крем, креом), костер*. Слова, известные только по псковским летописям: *буртальник, бурапыльник, люди боевые, полезти долов, приправа ратная, рать кованая, рать снастная*.⁶

В качестве диалектных слов, обозначающих предметы и явления, относящиеся к военному быту, считаются также: *заездъ, суимжъ, ушкуицы, ушкуиницы* (новгородские слова); *взметчики, узметные (изметные) грамоты, поговорка 'переговоры'; сдобрити 'помирить', примирить, прикончание, прикончати 'заключать мир', веретеница 'осадный снаряд', сторонники, торонники 'сторонники в борьбе', кромский (от кром), заострожье, припор 'часть гребли', охочий, посоха, охабень, оттуга, разоза, нерубленные люди, обрубати, убег, заворы 'осадные орудия' (новгородско-псковские слова); ордобазар 'татарское войско', копейщина (устюжские и другие северные слова); кремль, взруб, загородие, внутригородье, юртовище, юшман, аргамачники, сеунч (северо-восточные слова).⁷ Среди 130 местных военных слов, встречающихся в псковских летописях, Ю. Ф. Денисенко называет такие, как *изгонити, завор, довод, искрутитися, наехати, окопатися, выразити, засести, воеводка, выстояти, грамота разметная (возметная), город (град) 'подвижная башня, используемая для осады города', замышление, запасти 'сесть в засаде', коневник, веретенище, вседати на конь, докончати, колода 'пушечный лафет', борозда 'осадочное сооружение', кормщик 'фуражир', выразити 'вырвать силой взрыва', высечь 'пройтись разбоем по стране', бурапыльник, буртальник, иззасести, вымирити, баран 'осадное оружие', возград, городки малы*.⁸*

Локализация большинства указанных слов границами той или иной области (или ряда областей) убедительно доказывается показаниями письменных памятников XIV—XVII вв., данными из современных русских говоров и других славянских языков.

⁶ В. И. Максимов. Лексика Псковской первой летописи. Канд. дисс. Л., 1958.

⁷ В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепропетровск, 1960.

⁸ Ю. Ф. Денисенко. Местная военная лексика псковских летописей. Псковские говоры, II. Тр. Второй псковской диалектол. конф. Псков, 1968, стр. 226—239.

К этому перечню можно прибавить еще такие слова, как *загон* 'отряд войск', *подсада* 'засада' и некоторые другие.

Состав выявленных псковских, новгородских, псковско-новгородских, северо-западных и других диалектизмов, выражающих понятия, относящиеся к военному делу, чрезвычайно характерен в лексико-семантическом отношении.

Значительная часть слов обозначала понятия военно-строительного дела. Известно, что в строительстве укреплений (острогов, городов, башен, и т. п.) в различных областях Руси было много своеобразия. Так, словом *захабень* (*захаб*) в псковской письменности назывались характерные только для Пскова каменные или деревянные пристройки с внешней стороны крепостных ворот, служившие для их защиты. Это слово (*захаб*) в близком к указанному значению известно и современным псковским говорам, — и только им. То же можно сказать и о словах: *кут* 'определенный участок (угол) псковского кремля'; *охабень* 'часть города или крепости, окруженная отдельной стеной' (от *охабити* 'охватить', 'окружить'); *перси* (*перши*) 'особый род городских укреплений' и др. Все они обозначали особые, характерные только для псковских укреплений реалии, не имевшие места в других областях. Ср., например, значение термина *перси кромския* 'напольная (обращенная в открытое поле) оборонительная стена Псковского детинца, которая защищала его с наиболее угрожаемой стороны, являясь одновременно фасадной стеной, где располагались ворота детинца'.⁹ Если бы перенести эту лексику в современную эпоху и рассматривать ее место в системе современного русского языка, то пришлось бы большинство слов, составляющих группу, исключить из категории диалектных, включив их при этом в категорию специальных, «градостроительных» терминов. Сюда относятся: *буртальник* (*бурпыльник*), *возград*, *взруб*, *захабень*, *захаб*, *захабный*, *заострожье*, *замышление*, *загородие*, *внутригородие*, *костер*, *крем* (*креом*, *кром*), *кремль*, *кремник*, *кут*, *кутный* и др.

Вторая, более многочисленная группа слов, относимых к диалектным, состоит из обозначений, употребляемых для называния военных явлений, действий и процессов ситуативно, в качестве временных специальных обозначений: *розратие*, *люди боевые*, *полезти долов*, *приправа ратная*, *поговорка* (переговоры), *сдобрити* 'помирить', 'примирить', *прикончание*, *оттуга*, *ро-гоза*, *потрети*, *трети*, *добыток*, *быто*, *выстояние*, *охватый человек*, *выстояти*, *поборонити*, и т. д. Это слова, не составляющие основу военной лексики древнерусского языка, а лишь обычно сопровождающие повествование о военных событиях, о войнах, обороне и т. п., которые могли, попадая в соот-

⁹ П. А. Раппопорт. Перси Псковского крома. Кр. сообщ. Инст. истории матер. культуры, вып. 62. М., 1956, стр. 58. См. об этом также: В. И. Максимов. Лексика Псковской первой летописи, стр. 39—42.

ветствующие условия контекста, вступая в лексико-фразеологические связи с подлинными военными наименованиями, обозначать понятия и явления, относящиеся к области военного дела, не теряя при этом тесных связей с бытовыми значениями и употреблением. Они большей частью выполняют не номинативные функции, а изобразительные, характеристические.

То же можно сказать относительно таких наименований, как *ушкунники* (*ушкунцы*) 'новгородская вольница, ходившая в грабительские походы на особого рода лодках — ушкуях', *сторонщики* (*торонщики*) 'псковская вольница', 'добровольцы', которые к собственно военной лексике причислены быть не могут. Это слова, лишь ситуативно выполнявшие роль военных наименований.

Данное обстоятельство сыграло решающую роль в дальнейшей их судьбе; ни одно из таких местных военных слов не вошло в состав общерусской военной терминологии нового времени. Ср. при этом, что многие слова и термины, обозначавшие военные понятия в глубокой древности, вошли в качестве специальных наименований в новую военную терминологию (*полк, войско, война, нападать, нападение*, и т. п.), причем вошли в качестве основных терминов системы.

Что касается таких лексем, как *кумендерь, маршалок, (в)ахмистр, мистр (магистр), гетман, ротмистр (рохмистр), гайдуки, кундуры, жолнеры, жолнерский, кош, табор, збруя, сакма* и т. п., которые также иногда относятся к числу местных слов, то их нельзя, по всей видимости, считать прикрепленными к какой-то области. Это особый вид слов, который занимал особое место в истории русской военной лексики. Составляя лексический пласт иноязычных заимствований разных эпох (преимущественно, однако, времени XVI—XVII вв.), эти слова не могут быть приурочены к определенной области. Областные говоры могли выступать в роли посредника, передающего иноязычные заимствования в формирующийся язык Москвы и Московского государства; именно в последнем они и закреплялись, пополняя состав специальной лексики новыми номинативными средствами. Естественно, что в роли таких посредников выступали прежде всего и главным образом говоры областей, граничащих с иноязычными народами, — новгородские, псковские и юго-западные.

Определенная часть местных военных слов состоит из видовых наименований, детализирующих обобщающее, родовое наименование общерусского распространения типа *рать кованая, рать снастная, коневая рать*. Общерусское *рать* обозначало 'войско, военный отряд любой численности, любого назначения'. В новгородско-псковской письменности зафиксированы видовые составные наименования (оба члена сочетания — общерусские слова) для обозначения воинских отрядов особого назначения: *кованая рать* 'латники' (*рать* в кольчугах), *подсобная* ('инженерная') *рать*.

Расширение числа «военных» диалектизмов происходило также за счет производных образований от общерусских слов. Ср. гл. *рубити*—*рубитися* ‘собирать что-либо по раскладке, по разверстке (в том числе и войско)’, от которого в псковско-новгородской письменности были известны: *срубити*—*срубитися*, *порубити*—*порубитися*, *обрубати*, *порубати*. Такая широкая возможность привлечения в сферу обозначения специального понятия производных образований свидетельствует о малой степени активизации и производных и производящего слов.

Наконец, выделяются диалектные слова, незначительно отличающиеся от общерусских своим фонетическим или морфологическим обликом. Ср. псковское *пушича* (*пушича*) — общенародное *пушка*, новгородское *ватаман* — общенародное *атаман* и т. п. Фонетико-морфологические особенности местных говоров, заметно окрашивая военную лексику, придавая ей диалектное звучание, не мешали при этом восприятию слов как общенародных в семантическом отношении.

Нельзя не остановиться и на том, что далеко не все лексические элементы, перечисленные выше и отнесенные исследователями к числу диалектных, являются таковыми в действительности. Отсутствие слова в том или ином местном памятнике, в том или ином круге памятников не может служить достаточным основанием для заключения об отсутствии слова в говоре. «Делать какие-либо замечания об исковой ограниченности распространения слова на основании незасвидетельствованности этого слова в древних памятниках других славянских языков весьма опасно».¹⁰ Тем более опасно делать какие-либо заключения на основании ограниченного круга памятников.

Так, утверждалось, например, что слово *соха* как обозначение податной единицы было известно только московским деловым документам и не встречается в памятниках новгородских.¹¹ Между тем детальное обследование новгородско-псковских памятников дало возможность обнаружить слово *соха* и в них. То же случилось и со словом *перемирие* ‘установление мирных отношений после войны’. Можно предполагать, что термин *сторожевой полк* с самого своего возникновения не был локально ограниченным наименованием одного из важнейших явлений военной организации русского войска XVI в. Дальнейшие разыскания в исторической лексике должны подтвердить предположение об общерусском характере сочетания *сторожевой полк*.

Все это не означает, что в военной лексике древнерусского и старорусского языка совершенно отсутствуют местные, диалектные

¹⁰ А. В. И с а ч е н к о. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. *Slavia*, гош. XXVII, Praha, 1959, стр. 335.

¹¹ О. В. Г о р т к о в а. Язык Московских грамот XIV—XV вв. Лексика и фразеология. М., 1951, стр. 50.

наименования. *Гридь, загонъ, подсада, загонити, копити, посога, буртальникъ, костерь* и некоторые другие представляют собой подлинные местные слова (по крайней мере в начальный период существования) со специализированным военным значением. Многие из них функционировали в качестве местных синонимов к общенародным словам. Так, новгородские памятники знают и общерусское *засада* и местные *подсада*; в псковской письменности рядом с местным *веретеница* употребляется общерусское *роскаты* (лафет пушки) и т. д.

Очень важно установить временные границы, в рамках которых наблюдается наиболее интенсивное развитие диалектной дифференциации военной лексики.

Можно утверждать, что вплоть до XIV в. военная терминология древнерусского языка была почти целиком общерусской. Лишь единичные слова этой тематической группы с большей или меньшей достоверностью могут быть отнесены к местным. Причем противопоставлялись, как правило, две категории — слова, известные по севернорусским памятникам, и слова, отмеченные только в южнорусских памятниках.

Так, в новгородской и псковской письменности зафиксированы термины *подсада* в значении общерусского *засада*, *загон* 'воинский отряд, посланный для выполнения какой-либо особой задачи', *заезд* (с тем же значением), *коневъник*, *шестник* (*сестник*) *гридь*. Только из письменности юга известны слова *берладник*, *бронидецъ* и некоторые другие.

Однако список слов, локализуемых определенными областными границами, в старшую эпоху древнерусского языка невелик. Ср. подсчеты хронологического распределения местной лексики в статье Ю. Ф. Денисенко: XII в. — 1 слово, XIII в. — 4 слова, XIV в. — 10 слов, XV в. — 16 слов, XVI в. — 13 слов, XVII в. — 4 слова.¹² Наибольшее число местных слов приходится, естественно, на время большей изолированности, большей самостоятельности русских феодальных областей, т. е. на XIV—первую половину XVI в.

В истории военной лексики отчетливо проявляется воздействие социальных факторов на развитие языка, прежде всего его лексического состава.

В XI—XIII вв., когда влияние нормы русского литературного языка древнерусской эпохи было наиболее сильно, военная лексика состояла почти целиком из общерусских слов; областные, диалектные элементы в военной терминологии занимали очень скромное место, которое при общей характеристике состояния этого

¹² Ю. В. Д е н и с е н к о. Местная военная лексика псковских летописей, стр. 233. — Хотя в статье учтены не все местные слова изучаемой группы (точный подсчет вообще вряд ли возможен), тем не менее картина представляется довольно красноречивой и убедительной.

пласта лексики может не приниматься во внимание. В XIV—первой половине XVI в. наиболее активно проявляются центробежные тенденции, приводящие к заметному оживлению диалектного расслоения в русском языке. Диалектное расслоение захватывает и сферу военного словоупотребления. Диалектизмы этого времени представляют род локализмов, местных слов, так как им противопоставлялись не общенародные наименования, а лишь наименования, ограниченные в употреблении рамками других областей, равноправные с ними. Однако сложившаяся в киевскую эпоху общерусская система военной лексики оказалась настолько устойчивой, что и в эпоху феодальной раздробленности она, хотя в какой-то мере окрашенная местными чертами, продолжала функционировать без коренных изменений.

Вторая половина XVI—XVII в. — время консолидации великорусской народности, когда язык Москвы заявляет о себе как о языке общем для всего великорусского народа, о языке государственном. Диалектные различия в военной терминологии не только не развиваются, но даже прекращают существование элементы этих различий, возникшие ранее, в эпоху наибольшей изолированности отдельных феодальных областей.

Противостояние военной лексики диалектной дифференциации на всех этапах ее истории объясняется кроме указанных выше причин еще и положением «военной профессии» в общественной жизни народа. Военная деятельность, задача обороны страны требовали вовлечения широких масс в военную службу, ставили их перед необходимостью знакомства с военным бытом, с основными военными понятиями. Даже в самые лихие годы феодальной раздробленности русские люди из разных областей объединялись для отпора общему врагу. В этих условиях общепонятность и общедоступность военной лексики были неизбежны, ибо это являлось основным условием взаимопонимания и общения.

Уже в древнекиевскую эпоху восточные славяне достигли высокого уровня в развитии военного дела. Свидетельством этого служит богатая и разнообразная система понятий, относящихся к военному делу, и соответствующий ей набор лексико-фразеологических средств выражения. Важно при этом отметить, что этот набор лексических средств был соответствующим образом организован в определенную систему и в этой системе намечались известные закономерности, явившиеся тем регулирующим началом, под воздействием которого происходило дальнейшее развитие и обогащение военной терминологии вплоть до середины XVII в. От XI до середины XVII в. происходит развитие одной, в достаточной мере цельной и организованной системы средств выражения военных понятий.

ГЛАГОЛЫ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА В СИСТЕМЕ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Круг слов, входящих в эту группу лексики, довольно широк и разнообразен. Основная масса слов группы — глаголы и словосочетания с глаголом в качестве главного члена. Глаголы занимают особое место в системе специальной терминологии, они обладают признаками, не свойственными существительным и прилагательным, обозначающим специальные явления. Часть слов группы представляет собой собственно термины (в той степени терминологичности, которая возможна была в древнерусский период), т. е. слова, употребляемые только в специальном (здесь — военном) значении (*воевати, ополчаться, заратиться* и др.), другая часть, значительно большая по объему, представляет собой слова, называющие специальные действия и процессы, но не порывающие связей со словарем и словоупотреблением общего языка. Они или обладают возможностью терминологизирования в определенных условиях фразы, контекста, или не получают никакой специализации, так как их общее, «бытовое» значение (или значения, если речь идет о многозначных словах) может без всяких изменений выражать представление как об общих, бытовых, так и о специальных действиях и процессах. Таких глаголов большинство.¹ Излагая точку зрения физика М. Борна на различия и общие стороны наивного и естественнонаучного мышления, С. Д. Кацнельсон пишет: «Тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: *рыба-кит, солнце поднялось* и т. п.). Но в принципе они однородны с абстракт-

¹ Ср. замечание Г. О. Винокура о том, что глагол вообще не может быть подлинным термином: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Тр. МИФЛИ, т. V. М., 1939.

ными понятиями науки и отличаются от них только „допуском“, аппроксимацией, степенью приближения к действительности. Уже самое элементарное понятие, как „стул“, это „инвариант относительно изменений, происходящих во мне самом и в других вещах или лицах, воспринимаемых мной как образы“, это следствие происходящего в подсознании обобщения чувственных восприятий». ² О стремлении к точному обозначению понятий во всех областях человеческой деятельности писал Ш. Балли: «Специальная терминология представляет собой совокупность слов, не входящих в общий язык и обозначающих со всей точностью и определенностью объективную, логическую сторону вещей. Большая часть словаря специальных терминов используется в науке — как теоретической, так и прикладной, однако само стремление к точности, свойственное термину, обнаруживается во всех формах человеческой деятельности — достаточно вспомнить так называемый административный язык, профессиональную терминологию и различные жаргоны». ³

Анализ военной лексики древнерусского языка подтверждает это, хотя, как уже неоднократно подчеркивалось выше в нашей работе (как, впрочем, об этом в общих чертах, иногда, правда, преувеличенно, говорилось и раньше), мы не находим строго выработанной, устоявшейся системы терминологии для обозначения военных понятий, мы застаем там процесс формирования, выработки терминологической системы. Военная лексика вообще занимает особое место в языковой системе. Она, пожалуй, наименее отграничена от общего языка, что объясняется прежде всего местом военного дела в жизни общества, народа (укажем хотя бы на необходимость знакомства с военным делом всего мужского населения страны на всех этапах ее истории). Это находит выражение прежде всего в том, что трудно наметить большие различия в значении и употреблении определенного термина и его общезыкового варианта (параллели). Между тем известно, что в современных языках (по крайней мере в развитых языках) ⁴ наряду с общеупотребительным словом (не термином) для обозначения одного и того же понятия в языке имеется слово, принадлежащее специальным сферам употребления, относящееся к специальной терминологии в самом строгом смысле этого слова. Причем связь между значением терминологическим и соответствующим бытовым не всегда ощущается (ряд исследователей считает возможным говорить в этих случаях о полном разрыве лексического тождества и о возникновении омонимии).

² С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 10. Изд. 2. М.: URSS, 2004.

³ Ш. Балли. Французская стилистика. Изд. иностр. лит. М., 1961, стр. 272.

⁴ См. об этом: там же, ч. V, гл. II. Изд. 3. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.

В древнерусском же языке такие слова, как *сила* и *люди*, как было показано выше, могли употребляться в качестве синонимов к терминам *рать*, *полкъ*, *вои*, которые уже тогда входили в состав военной терминологии, составляя ее костяк, основу. Ни о каком разрыве, потере связей между бытовыми и военными (специальными) значениями слов *люди* и *сила* говорить не приходится.

Особый интерес в этом отношении представляет глагольная лексика. Глагол по своей природе не может в полной мере удовлетворять требованиям, предъявляемым к термину, — выражать как можно полнее абстракцию о том или ином понятии. Поэтому глагол, если он вовлекается в сферу терминологической лексики, не порывает своих связей с общим языком; его смысловое наполнение не претерпевает никаких изменений, формальная сторона остается неизменной. Так, глагол *въѣхати* (*воѣхати*) в древнерусском языке имел значение то же, что и в современном: 'едучи, попасть, вступить в пределы, внутрь чего-либо': «Мьстиславъ . . . въѣха въ Новъгородъ мѣца фебѣра въ . . . дѣнь» (Н. I, 6723). С другой стороны, глагол *въѣхати*, вовлекаясь в систему средств обозначения военных понятий, мог употребляться в значении, которое можно было бы определить как 'завоевать', 'взять приступом' и т. п.: «И въ 20 того же мѣсяца, в пятюкъ . . . приде второе Бонякъ безбожний, шелудивый отай, хыщникъ, к Киеву внезапно, и мало въ градъ не въехаша половци» (Л., 1096). В военном значении 'ворваться', 'вклиниться' употреблен этот глагол и в таком случае: «Въѣхавше въ сторожевыи полкъ въ Нѣмецкіи, не вѣдающе ему сторожевого полка, и тако его убиша» (П. I, 6849). Но, обозначая действия специальные, *въѣхати* сохраняет все связи со своим общим, первичным значением. В значении глагола ощущается конкретное представление о способах передвижения войск. В современном языке эта конкретность утеряна. Сейчас говорят «войти, ворваться (в город, в село, в государство)» независимо от способа передвижения: «танки вошли в город», «пехота ворвалась в село» и т. д.

Основная масса глаголов получает специализированное значение лишь в строго определенных конструкциях (или преимущественно в определенных конструкциях), а также в составе словосочетаний терминологического характера. Ср., например, военные значения глагола *дати*, реализуемые в таких сочетаниях, как *дати полкъ* 'сразиться', 'дать сражение': «Не лѣѣ бы Издаславу поити на Вачеслава и на Дюрга полку имъ дати» (И., 6657, 380); *дати плечи* 'обратиться в бегство': «Татаровѣ, вдавъ плечи, побѣгоша» (Н., I, С., 6847. Арх. сп.); *дати на щить* 'сдать (город) победителю': «Без пакости суть перѣзали. и дашася рекше Вачьславу призови ны Бога. како насъ не даси на щить» (И., 6636, 292).

Широко употребительный в древнерусском языке глагол *идти*, обозначавший, как и в современном русском, своими основными значениями действия, связанные с идеей передвижения, был также широко употребительным и в сфере обозначения военных понятий. Эти возможности глагола *идти* реализовались прежде и чаще всего в составе сочетаний: а) *идти на кого*: «Володимиръ иде на юмь съ Новгородъци» (Н. I, С., 6549); «Иде Аскольдъ и Дирь на Греки» (Л., 6374, 21); «Иде Стѣславъ на Козары» (Л., 6474, 65, 19); б) *идти противу кого*: «Всеславъ поиде противу ему» (И., 6675, 526, 188); «Идохомъ противу имъ на Сулу» (Л., 6604, 249, 82); в) *идти ратью (войною) на кого, противу кого*: «Не поидѣте [в мою вѣру], иду на васъ ратью» (Н., IV, 6856, 277, 184); «Они же шедше ратью, пленіша землю Татарскую» (Н., IV, 6903, 380, 251, об.); г) *идти на* (с названием города, страны, земли): «Идутъ Пруси на землю ихъ» (И., 6656, 38, 141); «Святославъ Ольговицъ съвѣкупи всю землю Новгородскую . . . идоша на Пльсковъ» (Н., I, С., 6645, 130); д) *идти на войну (воевати)*: «Иде же царь на воину на Срацины, сущим у Таврикии, и различными бранми с ними бився побѣжденъ бысть» (Хрон. Ам., 520, XV); «Егда же требуетъ на воину ити» (Радзив. лет.); «Ти бо идяше на аравы воевать» (Иос. Флав. О полон. Иерус., 174); е) *идти+существительное* (с предлогом или без него) или *неопр. форма глагола* со значением цели движения (захват города, страны, в помощь кому-либо и т. п.): «Поиди кѣже в борзѣ идета ти Дѣвѣца Игоревѣ в помочъ ижи бахоу великоу чѣѣ приимали ѿ Всеволода» (И., 6654, 324); «В то же время иде Юрьѣ Ростовоу» (И., 6644, 299); «Ити на помочъ Тевтивоульу» (И., 6760, 816, 273 об.); «Изаславъ и Половци идутъ к Володимѣроу» (И., 6742, 774, 262); «Идеть пленити землю нашу» (М., 69).

Следует, однако, отметить, что в древнейшие периоды русской письменности глагол *идти* мог употребляться в военном значении и вне устойчивых сочетаний, вне строго установленных конструкций: «Ирополкъ же князь оукрѣпивсѣ и иде по нихъ» (И., 6634, 290); «И ѿтоуда шедше сташа оу Мелтековѣ селѣ» (И., 6654, 331); «Дважды шли Новгородци Волгою и много зла сътвориша» (Н. IV, 6876, 295, 198); «Володимеръ же шедъ побѣди Търкы» (Л., 6588, 204, 68 об.); «Полци же Гюргеви идахуть по лугу а Изаславъ идаше по внои сторонѣ Днѣпра» (Л., 6659, 331, 110 об.); «Половци идутъ от Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыя плѣкы остушиша» (Слово, 13). Таких употреблений множество и чем ближе к современности, тем больше. Для полноты характеристики этих употреблений надо указать на обязательность такого лексико-фразеологического окружения глагола, которое как раз и позволяет говорить о наличии в глаголе *идти* военного значения. Кроме того, очевидно, что это свободное упо-

требление глагола — явление вторичное, оно стало возможным и поддерживалось конструктивно обусловленным употреблением глагола *идти* в военном значении, дожившим до наших дней. Так же ведут себя и производные от *идти*.

В глаголе *поити*, *пойду* одно из значений в Словаре И. И. Срезневского толкуется как 'выступить в поход, пойти войною': «[Ирославъ] поиде на Стополка» (Иак. Бор. Гл., 98); «Поидоша . . . противу Татаромъ» (Н. I, 6732); «Мужи Литовники отрекошася пойти противъ Нѣмецкія силы» (П. I, 6849); «А поидуть на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одногого всѣмъ противу ихъ» (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив., 1375 г.). В этом случае уже не указано на ограниченность конструкций, в которых реализуется отмеченное выше значение. Но такое решение нельзя считать удачным и исчерпывающим, ибо о свободе конструкций для выявления значения 'военных приготовлений' говорить нельзя. Обычно оно выявляется в конструкциях *поити на кого*, *поити противу кого*.

Более того, конструкция *глагол движения + существительное* в род. п. (или *местоимение*) с предлогом на или *противу* была такой активной, что в нее вовлекались и другие глаголы движения, получая типично военное значение — *ѣхати на кого*: «Всеволожа дружина хотяхоуть ехати крѣпко на Стоглава» (И., 6688. 619, 217 об.). Также и *ходить*, *хожу* 'ходить в поход', 'ходить войною': «Ходилъ Ирославъ Володимеричъ изъ Новгорода на Чюдъ» (П. I, 6538); «А въ Ватичи ходихо по двѣ зимѣ, на Ходоту и на са сна юго, и ко Корьдну ходихъ . . . зиму» (Поуч. Влад. Мон., 81); «Ходячи между вами миру и тишины, воеводы своего есми не далъ, имъ сами ходити на вас не велѣлъ» (П. I, 6972) и др.

Чрезвычайно богато представлен в письменности синонимический ряд с общим значением 'подготовки или начала военной борьбы против кого-либо'. Этот ряд включает большое число синонимических вариантов выражений: *въставати на кого*, *выступити на кого*, *изити на кого*, *исполчитися на кого*, *быти на кого*, *идти на кого*, *найти на кого*, *поити на кого*, *налечь на кого*, *поѣхати (ратью) на кого*, *притти (ратью) на кого*, *грясти на кого*, *привести (рать) на кого*, *перейти на кого*, *свѣжкупляти воѣ на кого*, *собрати вои на кого*, *сходити на кого*, *послати на кого*, *ударити на кого*.

Не менее широко употребительной была конструкция *глагол + предлог противу*: *въставати противу кого*, *исполчитися противу кого*, *изити противу кого*, *выступити противу кого*, *послати противу кого*, *поѣхати противу кого*, *стояти противу кого*, *поити противу кого*, *выйти противу кого*. Это далеко не полный перечень возможных параллелей. Интересно отметить, что это — обычная формула для обозначения именно военных действий, она

отграничивает довольно заметно профессионально-терминологическое словоупотребление от общего. Всякий глагол со значением 'движения' или 'волеизъявления' (*хотѣти, здумати* и т. п.), 'подготовки' в конструкции с предлогами *на* или *противъ* + род. п. имени, означающего народ, государство, князя, город и т. д., образовывал словосочетание с широким и емким значением — 'готовиться к войне против кого-либо', 'выступить на войну против кого-либо' или 'напасть на кого-либо'. Именно управление создавало условия для реализации строго определенного значения. Ср. значение двух конструкций: *идти на кого-, что-либо* (*идти на Киев*) ↔ *идти* + название города (*идти Киеву*).

Но древнерусский язык знал уже и глагольные термины, т. е. глаголы, обозначающие только специальные (в данном случае военные) понятия (процессы, действия, состояния). От целого ряда глаголов, употреблявшихся для обозначения военных действий и процессов, уже в древнейшую эпоху были образованы отглагольные имена. Имя по характеру своего семантического значения, по способу отражения в нем реального мира более приспособлено для обозначения специальных понятий. Чем ближе к XVII в., тем все больше отглагольных имен занимают свое место в системе военной терминологии.

При анализе глагольной лексики вопросы хронологического приурочивания слова или его значения не имеют такого значения, как в лексике именной, они как бы отодвигаются на второй план (хотя полностью не снимаются, так как на протяжении изучаемого периода времени и в системе глагольной лексики происходили и лексические и семантические изменения). Зато на первый план выдвигаются внутрилингвистические стороны развития словарного состава.

Значительная часть глаголов, употреблявшихся в древнерусском языке для обозначения военных действий, процессов и т. п., относится к словам со свободным значением. Как правило, это слова, употреблявшиеся преимущественно в военном языке. Центральное место среди них занимают глаголы, обозначающие военные действия общего и частного характера. Наиболее обобщенное представление о военных действиях выражалось глаголом *воевати*: «Аще ли нашъ мужь оударить. да воюемъ за три лѣта» (Л., 6500, 122, 42 об.); «Сѣнь иде Новугороду. а та с Половци на Сѣдрѣскъ воюа» (Поч. Влад. Мон.); «Купихъ себѣ инъ конь двѣма бо конема воѣвахъ» (Прол. Тр., XIV в.). Это непереходное значение глагола сохранилось и в современном русском языке. Однако изменения произошли в нем заметные, они коснулись прежде всего системы управления глагола. Наиболее употребительны в современном языке конструкции типа *воевать с кем, против кого* или без дополнения. В древнерусском же языке наиболее часто употребительной была конструкция *воевати на кого-, что-л.* или без дополнения: «Аще ли нашъ мужь оударить.

да воюемъ за три лѣта» (Л., 6500, 122, 42 об.); «Олговичи с Половци переидоша Днѣпръ дѣкабря въ ·кѣ·и почаша воевати» (И., 6644, 299); «И воеваша Псковици 8 днии и нощїи» (Н. IV, 6851, 275, 182); «Не дождали Половци соньми его ѣхалѣ воевать и воюють» (И., 6630, 556, 198 об.); «Князь великии . . . воевалѣ осень и зиму до великихъ заговень, а землю пустошилъ всю» (Н. IV, 7021, 538, 395). Особенно широко употребительной в русском языке XI—XIII вв. была конструкция *воевати на кого-что-л.*: «И почаша воевати на живущая ту» (Н. V, 6406, 17, 443 об.); «Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать» (Л., 6569, 163, 55); «Аще ѣсмы воєвали на своего брата» (Л., 6694, 403, 136 об.); «Воєвати на Царьградъ» (Н. I, С., 1712); «И воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны» (И., 6732, 745, 253). К концу XIII — началу XIV в. это управление глагола начинает выходить из употребления; в это время встречаются лишь единичные случаи употребления данной конструкции: «Ходиша молодци Новгородстѣи с воеводами съ княжими воевать на Емчскую землю» (Н. I, С., 6800, 392). Так, по наблюдениям Л. Л. Кутиной, О. Г. Пороховой в письменности XVII в. (Повести Смутного времени, Сибирские летописи), по нашим наблюдениям — в Актах исторических, Разрядных книгах и в других источниках нет случаев употребления глагола *воевати* с предлогом *на*.

Лишь в контекстах, связанных с религиозно-догматическим содержанием, конструкция дожила до XVI в.: «А царство бы наше, порученное Богомъ тебѣ, во время отшествїя нашего, и впредь, покрылѣ благодатїю своею отъ всѣхъ враговъ воюющихъ на благочестїе» (АИ, I, № 160, 1552, 296). Ср. более раннее: «Бѣтъ сѣти многолукавого дѣавола иже воюеть на крестьяны» (И., 6682, 574, 203 об.). Ср. также переносно-образные употребления глагола в этой конструкции: «На цркви воююще (ἐπιστρατεύειν)» (Гр. Наз., XI в., 62); «Похоть воюеть на дхъ (στρατεύεται)» (Панд. Ант., XI), где глагол *воевати* равнозначен глаголу *нападать* на кого-либо, вести борьбу *против* кого-либо.

В Словаре И. И. Срезневского конструкция *воевати на кого* переводится современной конструкцией *воевать с кем*. Думается, что это не совсем точная передача значения старой конструкции. Современная конструкция *воевать с кем* указывает на равноправное участие двух сторон в вооруженной схватке (сторона, подвергшаяся нападению, также *воюет с кем* — с тем, кто на нее папал). Конструкция же *воевати на кого* в древнерусском обозначает, что та сторона, которая «воюет на кого», является инициатором, зачинателем и более активным участником вооруженной схватки. Таким образом, древнерусское *воевати на кого* скорее можно перевести современным *воевать против кого*, чем *воевать с кем*.

С первых веков древнерусской письменности была употребительна и конструкция *воевати с кем*: «Пришли ѣсмы со княземъ

Болгарьскымъ воевать» (Л., 6692, 389, 132); «. . . самъ седе на Пльскове, а дворъ свой пославъ съ Пльсковичи воевать» (Н. I, С., 6700, 164); «. . . ти са с нами не воевати» (И., 6703, 689, 273 об.); «. . . воевати с ними» (Л., 6745, 465, 162 об.). Значение глагола *воевати* в этой конструкции ничем не отличается от его значения в современном русском. Следует, однако, отметить, что указанная конструкция была малоупотребительной в древнерусском языке (в отличие от управления *воевати на кого, что*). Интересно отметить и следующую конструкцию — *воевати с кем что*: «Данилоу . . . воеваша с Лдхы землю Галичскую» (И., 6733, 746, 253 об.), что соответствует современному *воевать с кем из-за чего*. Возможны были сочетания глагола *воевати* с предлогами *около, на, по, въ, у (оу), до, из* со значением места. Особенно часты сочетания с предлогом *около*: «Глѣбъ . . . воюеть около Володимира» (Л., 6685, 383, 129 об.); «Татаровѣ воеваша около Кіева» (Н. IV, 6924, 415, 278); «Черним Болгаре . . . воюють въ странѣ Корсуньстѣи» (Л., 945, 51); «И воеваша оу Корачева много» (И., 6654, 336); «Татарове воеваша до Володавы» (И., 6751, 794, 267 об.); «Том же лѣтъ воева Георгии Ілрославичъ ис Турова къ Путивлю» (И., 6668, 505, 180 об.); «Тое же весны пришедше Половци воеваша по Роси» (Л., 6662, 345, 115 об.). Наконец, в древнерусском было возможно употребление глагола *воевати* с наречием *куда*: «И створи ж свѣтъ Данило, и Левъ со Володиславомъ куда бы воевати» (И., 6762, 822, 275 об.). Устойчивым, трафаретным выражением было *воюючи и пленяючи*: «Князь велики Иванъ Васильевичъ, съ братьею и съ всею силою Московскою, поиде къ Великомоу Новгороду, воюючи и плѣняючи» (Н. IV, 6979, 456, 372 об.). Аналогично употребление выражения в 4-й Новгородской летописи под 6989 г. Кроме этого значения *воевати* в древнерусском языке имело значение 'разорять', 'завоевывать'. Глагол в этих значениях был переходным: «Почаша воевати Вифаньскія страны» (Пов. вр. л., 6449 г.); «Приходиша ѣмъ и воеваша область Новгородскоую» (Н. I, С., 6650, 134); «Не воевати отчины ихъ, ни ихъ людии» (Дог. гр. в. кн. Дм. Ив., 1372 г.); «В то же время Черниговскому князю не мирну с Олгомъ Святославичемъ и воевашеть Оулегъ Святославлю волость» (И., 6682, 579, 205); «Сами собою вотчину его воюете беспрестанно, християнство губите убийствомъ и полономъ» (АИ, I, № 261, 1452, 490); «Ваша братья, атаманы и казаки многіе . . . Литовскую землю воюють, жгутъ и плѣняютъ» (АИ, III, № 268, 1614, 434). В этом значении глагол употреблялся в литературном языке вплоть до XIX в. и даже отчасти в XX, но в контекстах, преследующих специальные цели стилизации под речь архаического типа, для создания исторического колорита и т. п.

Такая же картина наблюдается и в тех случаях, когда в функции прямого дополнения выступает слово, обозначающее лицо или коллектив (народ, племя), — *воевати кого*: «. . . в се же лѣто

воеваша Половци Лахы» (Л., 6601, 215, 72); «По что ма еси воевалъ» (И., 6776, 864, 287 об.); «[Немцы] в Новѣгородъ прислаша: „мы васъ не воюемъ, а воюеть васъ князь Григорій“» (Н. I, С., 6952, 423); «Сами поидем воевать тебя» (АИ, III, № 274, 1614, 443).

Интересно устойчивое выражение, имеющее терминологический характер, — *воевати на миру* в значении 'воевать при заключенном мирном договоре': «А Литва воеваша на миру волость Новоторжскую, и посла князь Иванъ, пожже городки Литовскийи Осѣчень и Рясну» (Н. IV, 6843, 266, 175), не прослеживаемое по письменным памятникам позднее XIV в.

Воеватися. В значении 'воевать с кем-либо или против кого-либо' в древнерусском языке с самых ранних этапов письменности употребляется глагол *воеватися*: «Бѣ бо рать ѿ Печенѣгъ. и бѣ воюжса с ними и ѿдолаа имъ» (Пов. вр. л., 6496 г.); «Псковичи взяша миръ с Литвою и с Нѣмци, а воевався с ними 3 лѣта» (Н. I, 6917). Абсолютное большинство употреблений реализуется в конструкции *воеватися с кем*. Кроме только что приведенных примеров, можно указать на употребление глагола именно в этой конструкции в: И., 6650, 6704 (4 раза), 6782 (2 раза) и т. д. Менее распространена была конструкция *воеватися межи (собою), воеватися промежи (себе)*: «Князь Василеи ста за Псковичи, и съ своимъ тестемъ миръ разверже, и ходи противоу Витовта, и воеваша промежи себе» (Н. IV, 6914, 399, 265 об.).

В слабом управлении глагол выступает в сочетании с предлогами *до, о*: «... не воеватиса до радуу» (И., 6703, 691. 238); «Князи Русѣи воюются и сѣкутся о княженьи великіе Рускіе земли» (П. I, 6942).

Воевание. С конца XII в. отмечаются употребления отглагольного сущ. *воевание*: «Сѣнь же поча ихъ водити подѣтыча на воевание» (И., 6698, 669, 232); «Бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣи ѿтъ воеваныи Литовского и Лтважского» (И., 6713, 721, 246 об.); «По Крымскихъ воеванію, в осень, ходилъ князь великий Василѣи Ивановичъ всея Руси подѣ Смоленско. . . , и воеводѣ послалъ подѣ Полоцко» (Н. IV, 7021, 538, 395). Однако широкого распространения слово не получило, несмотря на то что оно более, чем глагол, могло удовлетворять требованиям терминологической определенности обозначения. Слабость позиций слова объясняется, видимо, тем, что оно употреблялось в значении 'война', 'военное нападение', а не 'действие по значению глагола *воевать*' (если определять слово с современных позиций); но в этом значении сущ. *воевание* встретило целую группу давно уже употреблявшихся, общепринятых в русском языке слов: *война, рать, полкъ* и т. д., и не выдержало конкуренции.

Вывоевати 'опустошить войною': «А которые де ихъ крестьяне были за монастыремъ, и монастырь деи и церкви наши измѣнники выжгли и вывоевали, а крестьянъ въ полонъ поимали» (АИ, I,

№ 191, 1334—1598, 354); «А двory деи наши измѣнники выжгли и вывоевали» (АИ, I, № 191, 1334—1598, 354); «Вся земля Ноугородская грозоу государя великого князя вывоевана, и выжжена, и лучшими людьми выбита, и вытравлена вся, и выпустощена пся» (Соф. вр., 1471 г.). Наиболее раннее употребление глагола, по-видимому, относится к концу XV в. Являясь приобретением языка Московской Руси, глагол *вывоевати* не удержался в нем. В памятниках XVII в. не встретилось ни одного употребления слова.

Воина. Общеславянское слово *воина* для обозначения вооруженной борьбы между двумя или несколькими государствами, народами, племенами или общественными группами внутри одного государства употреблялось с древнейших времен: «Егда ж те на воиноу ити и сии хота почти пра^а вашего своею волею да будутъ» (Л., 6420, 36); «Мнози придоша пѣши с тои войны» (И., 6666, 492, 176 об.); «Не вѣсте ли тако воина. безъ падшихъ и мртвыхъ не бываетъ» (И., 6762, 822, 275 об.).

Существовал известный параллелизм в употреблении слов *воина* и *рать* в этом значении; так, наиболее типичными условиями реализации значения для обоих слов были сочетания *ити, выходить, ѣздити, наѣзати* и т. п. *воиноу (ратью)*, *на воиноу (на рать)*: «Стополюкъ. коли идаше на воиноу поклонивъся оу гроба децдосьва» (Л., 6615, 282, 95); «Пришедъ Мурманъ воиноу, в 500 человекъ» (Н. I, С., 6927, 409) и др. (особенности функционирования слова *рать* рассмотрены выше). Сущ. *воина* в такого рода сочетаниях могло выступать и с предлогом *в*, что не было характерно для *рати*: «Выѣха посадникъ Ладожскыи с Ладожаны въ воину» (Н. V, 6824, 244, 596) и др. Это сочетание было известно только по псковско-новгородской письменности. Параллелизм наблюдался также в употреблении этих слов в сочетаниях беспредложных, обозначавших начало войны, объявление военных действий — *учинити воину (рать)*, *учинитися воина (рать)*, *взяти воиноу (ратью)* и др.: «Матежю же бывшую королеви не могшю въины оучинити» (И., 6718, 729, 248 об.); «Государевымъ украинамъ отъ воинскихъ людей учинитца воина» (АМ, I, № 2, 1571, 3) и др. Разница между словами *воина* и *рать* лежала в другом — в активности, в частотности употребления: чем древнее памятник, тем меньше абсолютное число употреблений слова *воина* при господстве сущ. *рать*. Позднее, в XVI—XVII вв., когда *рать* из полисемантического слова превращается в термин с одним основным значением 'войско', оно уступает свои позиции в обозначении военных действий синониму *война*, завоевавшему к XVII в. господствующее положение в синонимическом ряду.

Так же как и *рать*, для обозначения войны, военных действий в древнерусском языке использовался один из наиболее важных и емких по значению военных терминов — *полкъ*. Последний, од-

нако, уступал термину *рать* в частотности употребления в этом значении.

Процесс специализации слова *полкъ* в качестве наименования определенной части войска, как было показано выше, приводит к потере им других значений, в том числе и значения 'война'.

В качестве синонима к слову *война* употреблялось сущ. *немиръ*: «А будетъ немиръ князю великому Дмитрию и брату его князю Володимеру съ Татары, князю великому Олгу быти со княземъ съ великимъ съ Дмитриемъ и съ его братомъ съ одного на Татаръ, и битися съ ними» (Дог. гр., 1381—1382 гг.); «... баше по семи годовъ немиръ» (Карама. И. Г. Р., V, прим. 169). *Немиръ* было менее употребительным синонимом в группе слов со значением 'война', кроме того, по-видимому, это слово не было известно ранее XIV в. (по крайней мере письменных свидетельств о нем раньше конца XIV в. нет). Однако с полной уверенностью приурочивать его к этому времени также нельзя; этому препятствует наличие в древнерусском однокоренных с ним слов: *немирие* 'несогласие', 'вражда' (нач. XIV в.), *немирникъ* 'неприятель (военный)' (кон. XIII в.), *немирньи* 'находящийся во вражде' (кон. XII в.), употреблявшихся в соотносительных с сущ. *немиръ* значениях.

Образование слов с приставкой *не* (существительных, прилагательных и наречий) имело место в старославянском языке и было характерно для древнейшего периода русского языка. Ср.: *нелюбовие* 'вражда', *нелюбы* 'вражда', 'неприятель', *немилосердие* 'жестокость', *немочь* 'болезнь', *непогодие* 'непогода', 'неудобное время', *непокаяльник* 'нераскаявшийся грешник' и т. д. Возможно, поэтому слово *немиръ* как стилистический синоним сущ. *война* было известно русскому языку ранее XIV в. Во всяком случае его нельзя считать принадлежащим к системе военной терминологии практического языка военных людей.

Брань—боронь. Одно из наиболее древних слов, выражающих понятие о войне, битве, *брань* было предметом рассмотрения многих исследователей истории русской лексики.⁵ *Брань* известно по письменным памятникам в двух военных значениях: а) 'война', 'брань'; б) 'бой', 'битва', 'сражение'. Употреблялось слово также и для обозначения междоусобной брани, обычно в сочетании *междуусобная брань*. Третьим значением слова было 'защита': «[Юрьевци] бѣхоу пристроили собѣ брань на градѣ крѣпкоу» (Н. I, С., 6770). В этих значениях слово известно по памятникам различных жанров и разнообразных по тематике: «Оуслышати же имаате брани, и слышаниа брании видите» (Мф., XXIV, 6. Остр.

⁵ См., например, работы: Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». Докл. и сообщ. Инст. русск. языка АН СССР, вып. 2. М., 1948, стр. 76—77; Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Канд. дисс. Л., 1955.

ев. — по И. И. Срезневскому); «Рать не до конца смирена проливаетъ кровь а брань славна лучьши естъ мира студна» (Л., 6695, 405, 137); «И находе страхъ на обѣ странѣ и отъ лютыя брани и отъ оусобнаго гоубительства» (Н. IV, 6926, 422, 283 об.); «Юрьи . . . самъ хотѣ особъ брань створити» (Н. I, С., 6746). В значении 'воевать', 'вести войну с кем-либо' употреблялось словосочетание *держать брань (рать)*: «Василкови же и Сомовитови крѣпко держати брань» (И., 6759, 811, 272); «рать держати» (И., 6573, 94). Л. П. Якубинский, относя слово *брань* к разряду славянизмов, считает, что уже к XII в. *брань* и русское *боронь* семантически дифференцировались.⁶ В общих чертах это положение можно считать правильным. Необходимо только уточнить, что с самого начала эти варианты различались прежде всего своей стилистической и эмоционально-экспрессивной характеристикой.

Боронь было редким словом, *брань* — широко известным. Именно от *брань* образовался ряд формул для обозначения битвы, боя, ставших стереотипными и почти без всяких изменений сохранившихся до XVII в.: *брань славна*, *брань крѣпка*, *брань створити*, *бысть брань* (кому-либо), *лютая брань*, *досѣти на брань*, *устрѣмитися на брань*, *встати на брань*, *междоусобная брань* и др. Как видно, большинство сочетаний служит или для выражения понятия о тяжелой, кровопролитной битве, или для обозначения начала войны, подготовки к войне. К XVII в. *брань* в качестве военного термина выходит из активного употребления, все более и более приобретая оттенки высокого стилистического звучания, что, впрочем, было свойственно слову и на самых ранних этапах древнерусской письменности. Мы, правда, не можем согласиться с утверждением Л. Л. Кутиной о том, что в XVII в. *брань* полностью выходит из употребления в деловых военных документах (реляции, войсковые отписки, разрядные записи и т. д.). Это не совсем так. Но «высокость», «приподнятость» значения слова сохраняется (ср.: Порохова, 110). *Боронь* — полногласная восточнославянская параллель к церковнославянской форме *брань*, как сказано выше, не получила широкого распространения. Употребления формы в памятниках немногочисленны: «Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами» (Слово). Подобное употребление отмечается и в Слове о Задонщине (XIII в.): «Уже бо ста туръ на боронь»; употребление это явно перекликается с употреблением термина в «Слове о полку Игореве». Тот факт, что заимствовано целое сочетание *стати на борони (боронь)* свидетельствует об известной связанности значения слова (в военном смысле) и устойчивости выражения в целом. Можно утверждать, что здесь имеет место индивидуально-творческое развитие обычной в древнерусском языке формулы для обозначения начала войны

⁶ Л. П. Якубинский. О языке «Слова . . .», стр. 76—77.

(готовности, принятия решения встать на войну) — *встати на рать*.

Стилистическая и семантическая дифференциация старославянской и восточнославянской форм ярко и отчетливо проявляется в функционировании производных от *брань* и *боронь*. Со старославянской формой связаны: *бранити* 'мешать', 'препятствовать', 'возбранять' (делать, совершать что-либо), *бранитися* 'тягаться' (судиться), *браньникъ* 'боец', 'борец', *браньныи* 'военный', *браньскыи* 'военный', *браняти* 'возбранять', 'запрещать'. Все производные с военным значением известны только по переводным памятникам (кроме *браньныи*, встретившимся в Ипатьевской летописи в сочетании *мужи браньныи*); производные, известные по оригинальным памятникам, функционировали в значениях, далеких от военной ситуации. С формой *боронь* связаны широко распространенные в русских оригинальных памятниках, преимущественно делового характера, слова *боронити*, *боронитися*, *боронение*.

Боронение в значении 'помеха', 'препона', *боронити* в значении 'мешать', 'препятствовать', 'возбранять' и 'защищать', *боронитися* 'защищаться' употреблялись только в оригинальных текстах, и их значения теснейшим образом связаны с военными употреблением. Ср.: «Поиди княже къ намъ боронити своеа отчины» (Н. I, 6856); «А великому князю Витовту мене боронити отъ всякого» (Дог. гр. Ряз. в. кн. Ив. Фед., ок. 1430 г.).

В группе слов, обозначающих начало войны, подготовку к военному походу, выделяются различные типы наименований — от собственно глагольных терминов до выражений описательного характера, стоящих на границе между лексикой и синтаксисом. Свободное специальное значение имеют глаголы *вооружити*, *вооружити*, *вооружитися*, *исполчити*, *исполчитися*, *ополчити*, *ополчитися*, *изрядити*, *изнарядити*, *изнарядитися*, *заратитися*, *возратитися*, *вонратитися*, *завоеватися* и др. Они являются основными, центральными терминами, обозначающими сбор, подготовку к военным действиям.

Здесь выделяются прежде всего глагольные термины, образованные при помощи приставки *за* с начинательным значением, — *заратитися*, *завоеватися* и глаголы с другими приставками с корнем *-рать-*: *возратитися*, *въратитися*, *вънратитися*, бо́льшая группа глаголов движения: *идти*, *поити*, *прийти*, *грясти*, *выехати*, *двигатися*, *доспевати*, военное значение которых реализуется в определенных конструкциях.

Все три образования безусловно принадлежат к старославянскому фонду; два последних — *вънратитися* и *въратитися* не перешагнули границ, отделяющих старославянскую языковую стихию от восточнославянской. Что касается *возратитися*, то этот глагол не был чуждым живому языку русского народа, преимущественно, конечно, его военной отрасли. Однако и в специаль-

ном, военном словоупотреблении глагол не занимал ключевых позиций, а наоборот — находился на периферии системы военной терминологии. Этим объясняется тот факт, что очень невелико общее число употреблений слова в памятниках, этим обусловлено и полное выпадение его из русского словаря в самые ранние периоды письменной истории.

Заратитися 'начать войну'. Глагол с самых ранних этапов древнерусской письменности употреблялся в функции военного термина: «Деревланѣ заратишасѧ ѿтъ Игорѧ по Олговѣ смѣрти» (И., 6421); «Заратишасѧ Ватичи и иде на на Володимирѣ. и побѣди е второе» (Л., 6490, 82, 26). Такого рода употребления прослеживаются по всем летописным сводам вплоть до конца XIV — начала XV в.: «Заратися Литовская земля» (Н. IV, 6939, 451, 335 об.). Обычно в сочетании *заратитися с кем*: «В то же лѣто про то заратишасѧ Ёлговици с Володимеричи» (Л., 6643, 303, 100 об.); «Новгородци Великого Новгорода бояри приѣхаша в Торжокъ ставити городъ, съвокупипасѧ и единипасѧ Новоторжци . . . и заратишасѧ с княземъ Михайломъ Тферьскимъ» (Н. IV, 6880, 298 об.).

Сочетанием глагола с предлогом *къ* + *существительное* со значением места (город, область и т. п.): «Заратися князь Михаило к Новугороду» (Н. I, С., 6820, 314) глагол передает представление о направлении военного движения, о направлении военного похода. Управление необычное и невозможное для глаголов типа *заратитися*. Так же как и другое управление с предлогом *на* — *заратитися на кого-, что*: «Заратишасѧ Торци Переяславъстии на Русь» (Л., 6588, 204, 68 об.), передающее то же значение, что и предыдущее. К XVI—XVII вв. глагол *заратитися* выходит из употребления, вытесняясь возвратным же глаголом *завоеваться*.

Възратитися (*взратитися*) 'начать войну': «Семиѡнъ же оувидѣвъ на Оугры вратисѧ. И оугре противу поидоша и победиша Болгары» (Л., 6410, 29); «Възратятся на нь» (*πολεμήσουσιν*) (Ис., XXX, 32, по сп. XV в.). Обычно глагол в этом значении употреблялся в конструкции *възратитися на кого-, что*. В том же значении употреблялись (хотя и редко) чисто книжные глаголы *вънратитися*: «Вънратятся на нь» (*πολεμήσουσιν*) (Ис., XXX, 32, по сп. XV в.) и *въратитися* (Ис., XIX, 2. Уп.).

Завоеватися 'начать воевать (войну)': «. . . тѣми де водами владѣли онѣ къ Спаскому монастырю до Казанскіе войны; и какъ де завоевались Казанскіе люди, и на тѣхъ де ихъ Водахъ людей монастырскихъ побили» (АИ, I, № 209, 1581, 401). Впрочем, это единственный пример на употребление слова.

Основными, центральными словами, обозначающими 'сбор, подготовку к военным действиям', выступают глаголы *вооружати*, *вооружатися*, *копити*, *копитися*, *крутитися*, *сбиратися*, *сбирати*, *исполчити*, *исполчитися*, *ополчити*, *ополчитися*, *изрядити*, *наря-*

дити и т. п.; слова *насылати, посылати, подымати, отрядити* занимают это место во второй подгруппе лексики.

Вооружати (*въоружати*), *вооружити* (*въоружити*), 'снабжать оружием, военным снаряжением'. Значение глагола ничем не отличается от значения его в современном русском языке: «Дрекольми и каменіемъ себе вооружають» (по другим спискам — «въоружахтсѧ»). (Маргор., 1499. Оп. II, 2, 126). В переносно-образном употреблении: «Въоруженъ силою крестною» (Н. I, 6773); «И тобѣ діаволъ на него вооружилъ желаніемъ самоначальства» (АИ, I, № 40, 1447, 77). Более употребительным был глагол в возвратной форме: *вооружатися—вооружитися*: «И стаха противу собѣ обѣ рати . . . въоружася» (Н. IV, 6680, 300, 202); «Видѣвшу же ему полкы Татарскыя приѣхав речѣ вооружитеса и повелѣ въорзѣ» (Л., 6780, 567, 232 об.); «Онѣ же вооружившимсѧ срѣтоша стрѣлци» (И., 6764, 832, 278 об.); «[Мамай] испусти гласъ свои: Тако ми сила моя великая, аще сего не одолію, то како имамъ возвратитися. [И] повели царь своимъ въоружитися» (М., 35). Судя по приведенным примерам, значение глагола *вооружитися* заметно отличается от его значения в современном русском языке. Если в современном языке *вооружаться* обозначает 'запасаться оружием, военным снаряжением' (мы опускаем вторичные значения), то в древнерусском обычным было значение 'приготовиться к бою; схватке, приведя в боевую готовность оружие, соответствующим образом построившись' и т. п. Это значение еще рельефнее в таких конструкциях, как *вооружитися на кого-, что*: «Русь изидоша въружившесѧ на Греки и брани межю ими бывши зѣли» (Л., 6449, 44); «Грѣхъ ради нашихъ: въоружаются на ны иноплеменици» (Н. IV, 6888, 322, 219 об.); «Софѣйская страна хощеть на насъ въоружатися и домы паши грабити» (Н. I, С., 6926, 407); *вооружитися на бои*: «Приспѣша к нимъ ратные полки да и вси силы Новгородцкие на реку на Шелону; и стаха вои, вооружившесѧ на бои, противу себе» (Н. IV, 6979, 508, 360 об). Однако употребления типа «Пастуси палицами въоружахтсѧ» (Златостр., 8) указывают на наличие в древнерусском языке в глаголе *вооружатися* значения, эквивалентного современному. Ср. также в этом отношении переносно-образные употребления с управлением *вооружатися чем*: «Крѣпко вооружився силою честнаго креста» (Н. IV, 6988, 518, 373). В Изборнике Святослава 1073 г. встретилось употребление глагола *вооружати* в значении возвратной формы: «Не боѣштитасѧ Бога на вы въоружають» (Изб., 1073 г.).

Исполчити (*испълчити*) 'снарядить', 'изготовить': «Сватополкъ же и Володимерь и Ростиславъ исполчивше дружину поидоша» (Л., 6601, 220, 73). Это один из наиболее употребительных глаголов для обозначения понятия 'приведения в боевую готовность воинского отряда' (перед самым боем) в старший период истории русского языка. Мы не будем приводить других примеров (они однотипны), отметим только, что управляемым существительным

при *исполчити* выступают слова — названия воинских отрядов: *дружина, вои, люди, полкъ (полки)*. Особенно часто, можно сказать преимущественно, в качестве управляемого существительного выступают слова *вои* и *полкъ (полки)*: «Издаславъ исполчи вои своя поиде противу имъ» (И., 6656, 361); «Исполчивъ полкы свое поиде ко Торчеву» (И., 6739, 767, 260).

Более употребительна была возвратная форма *исполчитися* (*испѣлчитися, исплъчитися*) 'снарядиться', 'изготовиться' (к битве); «И воротишасѣ Половци и поидоша исполчившесѣ противу» (Л., 6633, 295, 98); «Гюрги . . . по зори исполцисѣ и ста межи валома» (И., 6656, 379); «Тебѣ же подобаетъ, великому князю, исполчитися, да не ускорять поганіи» (М., 35). Обычно значение реализовалось в предложных конструкциях — *исполчитися противу (кого, кому)*: «[Русские] не успѣша бо исполчитися противу имъ; и смятошася вся, и бысть сѣдѣ зла и люта» (Н., I, С., 6732, 218); «И тоу исполчишася Тотарьстѣи полци противу крестьян; и тоу сретошася полци» (Н., IV, 6888, 318, 216 об.); *исполчитися полкы*: «Сами тоу стаха исполчившесѣ полкы своими» (И., 6659, 425, 154).

Уже в древнейший период истории русского языка в глаголе развилось переносно-образное значение 'укрепиться против чего-либо', 'подготовиться к борьбе с чем-либо': «Всѣкому видѣнню болѣзньному доблѣи исполъчивъшасѣ» (ВМЧ, 1096, окт., 48). Впрочем, последнее развилось на почве старославянского языка.

Устроити. Синонимом к *исполчити* в древнерусском выступал глагол *оустроити*: «Князь же исполчи свои полки великии, и вся его князи Рускиа свои полци оустроивше, и велиции его воеводы облачашася во одѣжды мѣстныя; и ключа смертныя растерзахуся» (Н. IV, 6888, 318, 216).

Ополчити (опѣлчити). Слово известно в двух значениях: а) 'вооружить': «И сиа изрекше, нача [князь] полци ставити, и оустраивше их во одѣжду ихъ мѣстную, яко великии ратници и воеводы ополчиша свои полки» (Н. IV, 6888, 316, 215). Впрочем, здесь можно видеть и другое значение, а именно 'приготовить (войско) к битве'. В переносно-образном употреблении: «На всякіа роды возставляя своя поборники, ради оружїа ученїа и наказанїа и благочестїа ополчивши, и духовное извлеки оружїе» (Фот. м. поуч., ок. 1410 г.); б) 'напасть', 'окружить (войском)': «Увы тебе, ѡканьный городе, ꙗко потрасешиа много, ѡдѣржимъ будеши ѡгнемъ, ополчатъ же та и при березѣ Сиѡрити» (Пов. вр. л., 6420).

Более употребительной была возвратная форма глагола — *ополчитися (опѣлчитися)*: а) 'вооружиться', 'собрать войско (-а)', 'ополчиться', 'начать войну': «Аще ѡполчитсѣ на ма полкъ не убоитсѣ сердце мое» (Л., 6715, 433, 147); «Ополчивсѣ въ силѣ тяжкѣ» (П. I, 6773); «Нынѣ убо сугубо ополчишася супостати поганїи на градъ твой Москву» (М., 25). Также в: Н. I, 6780, 235, 587; Н. V, 6856, 261, 611; Н. IV, 6883, 302, 203 об.; Н. I, 6748,

253, и др.; б) 'приготовиться к битве', 'принять боевой порядок': «Поиде Ярополкъ на Ёлга . . . и изыде противу ему Ёлгъ и ѿполчистася» (И., 6483, 62) (в Лаврентьевском списке — «вполчистася»); «Къ брани ополчится» (Муч. Георг., 2. Мин. чет., апр., 548); «Князь же Володимеръ Андрѣвичъ стояше, ополчився, близъ Волока, собравъ силоу около себе» (Н. IV, 6890, 337, 230 об.).

Возвратная форма глагола была употребительна и в несовершенном виде — *ополчатися* (*опълчатися*) 'вооружаться, готовиться к войне': «Слышавъ же то Домонть ополчающася люди безъ ума во множествѣ силы, безъ Бога, и вниде въ церковь Троица» (П. I, 6773).

Однако основная масса глаголов и отглагольных имен военное значение реализовала в определенных конструктивных или фразовых условиях: *наряжати*, *нарядитися*, *копити*, *копитися*, *совокупити*, *совокупитися*, *скупитися*, *скупъ*, *сложитися*, *собрати*, *сбирати*, *възостритися*, *пристроватися*, *подъяти*, *послати*, *отрядити*, *насылати*, *отпустити*, *отпущати*, *звати*, *поведити*, *подъикати*, *подъимати*, *подниматися* и др.

Изрядити. Значение глагола 'изготовить'. Оно реализуется в контекстах, где поясняющими (вернее — помогающими выделить военное значение термина) выступают слова, обозначающие наименования воинов или воинских отрядов (*вои*, *полкъ*, *рать* и т. д.): «Володимеръ же изряди воа своа и повелѣ приспу сыпати» (Л., 6496, 109, 37 об.); «Поиде Всеволодъ Ёлговичъ из Вышегорода къ Кыеву израдивъ полкы» (И., 6648, 302). Обычным является сочетание *изрядити полкы*, и это не случайно, если учесть, что *полкъ* чаще всего обозначал 'воинский отряд, подготовившийся к бою, совершающий поход' и т. д., а *изрядити* дополнительно характеризует эту боевую готовность. Редко можно встретить случай, подобный: «израдити лодѣ» (И., 6788, 885, 294). Ср. также *израживати*: «Начаша израживати полкы израдиша же полкы и тако идоша к городуу» (И., 6782, 872, 290).

Изнарядити 'снарядить': «Того же дъни полци оустрѣтошася ѿбои Ёлговичи же оустерегшеся изнарядивше полкы свои и стапа противу имъ» (И., 6703, 691, 238); «Се же Глѣбъ прежѣ прихода ихъ изнаряди свои слугы и братии и поганныхъ Половецъ множество въ оружьи и съкрыи» (Л., 6725, 440, 150 об.).

Изнарядитися: «Не надѣялися наши бою и того ради респолошались, а сила не нарядна была а инии в отъѣздѣ были, а Литва пришла изнарядяся на нихъ» (Н. IV, 7022, 539, 395 об.). Глагол *изнарядитися* в конструкции *изнарядитися на* имеет значение не просто 'снарядиться', а 'подготовившись (снарядившись), выступить в военный поход против кого-либо'.

Наряжати (*наряживати*) — **нарядити**. Два значения глагола входят в систему средств выражения военных понятий в древнерусском языке: а) 'устанавливать (устроить)': «На воину вышедъ . . . стороже сами нараживаеи и ночи ѿтѣвсюду нарадивше

школо вой тоже ладите» (Л., 6604, 246, 80 об.) — здесь точнее было бы определение 'расставлять'; б) в сочетании с существительными, обозначающими названия воинских частей, вооруженных отрядов, глагол *наряжати* обозначает 'приготовить, привести в (боевой) порядок': «. . повелѣ нарядити дружиноу ис полковъ» (И., 6659, 432, 156 об.); «Кндазь же Всеволодъ нарядивъ полки на маслении неделѣ и пусти возы на ту сторону рѣкы» (Л., 6685, 384, 130); «Володимеръ нарядиста свою рать» (И., 6790, 889, 295). Третье значение менее специально, однако оно свободно употреблялось для обозначения действий, имеющих отношение к военным обстоятельствам; его можно передать современным 'послать': «Рюрикъ же оувѣдавъ то наряди по немъ Святослава Володимерича престава к нему моужь свои» (И., 6697, 662, 230); «И тысячьскыи Михалко Дѣдъ со Смоленскимъ полкомъ нарядженъ башеть на Полотьскыи полкъ» (И., 6703, 691, 233).

Нарядитися 'приготовиться', 'приготовиться': «И въскорѣ Ярополкъ, с дружиною своею и съ братьею, ни вой своихъ създавше, ни нарядившеся гораздо, устремишася боеви» (И., 6644, 298); «Снѣмъ нарядившимся на сступъ» (Сл. Дан. Зат. по сп. Унд., 621).

Нарядныи. Прилагательное, связанное семантически с глаголом *нарядити* и с сущ. *нарядъ*: а) 'отборный': «Ф. конникъ нарядныхъ» (Мак., I, VI, 35. Библ., 1499, 173); б) 'распорядительный': «И бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь» (Л., 6636); в) в краткой форме прилагательное употреблялось в значении 'изготовленный, приготовившийся для боя': «Быль бои великого князя воеводамъ с Литвою подѣ Оршею по грѣхомъ нашимъ, зане же не надѣлися бою и того ради расплошилися, а сила не нарядна была, а иные люди в розѣздѣ были, и того ради много зла бысть: воеводѣ многихъ поимали, а силу иныхъ побили» (Н. IV, 7023, 470, 311 об.).

Копити 'собирать': «В се же лѣто поча рать копити Всеславъ» (Н. I, С., 6573, 94); «И не то бяше ало нѣ боле: почяста копити вой и Половче, и всѣ» (Н. I, С., 6643, 128).

Это самые ранние случаи употребления слова в древнерусской письменности. Мы располагаем десятью случаями употребления его, и все они падают на новгородские и псковские летописные своды. Нет ни одного примера на употребление слова *копити* в письменности других областей Древней Руси. Самый поздний случай употребления глагола в военном значении относится к 6848 г. в Новгородской 4-й летописи: «Новгородци же почаша копити волость всю в Новгородъ» (Н. IV, 6848, 268, 177).

Круг слов, которыми управлял глагол *копити* в военном значении, был невелик — *рать*, *вой*, *воиско*, *полкъ* (*полкы*) и *волость* (в значении 'люди, живущие в волости'). К этому значению примыкает другое — 'копить', 'собирать' (об имуществе, богатстве).

С ним глагол употреблялся еще ранее, чем с первым значением, и также только в новгородской письменности: «Копимъ сребро, и соболи, и ина оузорочыа» (Н. IV, 6701).

Копитися 'собираться': «Новгородци же копишася в Ладогѣ, дожидаяще князя великого» (Н. V, 6856, 261, 611); «Князь великїи . . . велѣлъ посадникомъ всѣмъ копитися» (П. I, 7018); «Приде вѣсть . . . что Крымской царь копится со многими ордами съ похвалою, а хочет ити на великого князя Украину» (Соф. вр. , 1532, II, 316). Особенно часто глагол употреблялся в Псковских летописях.

Итак, судя по материалам, глагол *копити*—*копитися* следует отнести к словам, употреблявшимся только в северо-западной части Древней Руси — в Псковско-Новгородской земле. Здесь употребление этого глагольного термина было устойчивым; отмечаются случаи, относящиеся даже к XVI в. Что касается значения глагола, то его следует конкретизировать, сформулировав как 'собирать (собираться) войска, рать и т. п. , готовясь к выступлению в военный поход, к битве и т. п.' Отглагольное сущ. *копление* употреблено только в общем значении 'сбережение': «Того же лѣта поновиша городъ каменной дѣтинець, взявше сребро у святѣи Софіи из палаты владычни, Моисеева копленія» (Н. II, 6872).

Сов(о)купити. Глагол очень широко употреблялся для обозначения действий по собиранию войск, военных отрядов и приготовлению их к боевым действиям с самых ранних этапов древнерусской письменности. Характер и особенности употребления аналогичны характеру и особенностям употребления глагола *собирати* (*собрати*): «Игорь же совкупивъ вои многи» (Л. , 6452, 45); «Ѫрополку же скопившю множество вои Ростовцѣ, Полочаныл. тысячь . . . и бѣ множество вои и поиде Чернигову» (Л. , 6646, 306, 101 об.); «Совокуписта воѣ хотяще ити на Всеволода» (Л. , 6635, 296, 98 об.); «Совокуплати воѣ противу Татаромъ» (Л. , 6745, 461, 160); «Издславъ же се слышавъ и съвъкупи воа своа поиде на нь» (И. , 6654, 323); «совокупити силу (силы)» (Н. VI, 6880, 298, 200 об.; Н. IV, 6894, 342, 235); «совокупити землю [русскую]» (Л. , 6731, 505, 230 об.); «совокупити орды» (М. , 14); «совокупити рать» (И. , 6788, 883, 293); «совокупити братью свою [Игоря и Святослава]» (И. , 6654, 319); «совокупити дружину» (Л. , 6685, 380, 128 об.).

Для Лаврентьевской летописи наиболее характерно употребление глагола с управляемым сущ. *вои* (в других списках — реже). Для новгородской письменности более характерно употребление сочетания *совокупити силу*. В Ипатьевском списке летописи предпочитается глагол *с(ъ)купити* в том же значении, что и *съвъкупити*: «. . . нача скупати воа» (И. , 6660, 455, 164); «Скупа воа своа многое множество исполца полкы своа» (И. , 6662, 477, 171 об.); «Скупити силоу свою» (И. , 6656, 374); «Иза-

славъ съкупа всю свою дружину» (И., 6660, 446, 161); «скупити полкъ» (И., 6683, 589, 208). Единственный пример на употребление этого глагола в указанном значении в новгородской письменности приведен в «Материалах» И. И. Срезневского. Для новгородско-псковской письменности характерно употребление глагола *с(ъ)копити* в том же значении, что были отмечены выше у глаголов *собрати*, *совокупити*, *скупити*: «Юко скопиша вою, ꙗ выслаша из города къ воєводѣ» (Н. I, С., 6701); «скопи около себе вои отца своего» (Н. I, С., 6773); «Князь великіи . . . скопивъ силу велику, и поиде ратью на князя Юрья» (П. I, 6942).

Правда, глагол этот в военном значении не был чужд и письменности юга: «Изяславъ . . . скопи дружину свою и Берендичѣ и приде на нь к Городку» (Л., 6646), однако употребления его в Лаврентьевской летописи единичны, в Ипатьевской летописи он вовсе отсутствует, что позволяет считать глагол *съкопити* характерным главным образом для новгородско-псковской письменности.

В Ипатьевской летописи отмечены употребления глагольных форм *совокупливати* и *скупливати* в значении несовершенного вида: «Шварно приѣха из Новогородѣка вборзѣ и поча совокупливати силоу свою и Василко князь и снъ его Володимиръ совокупивше поидоша в Лаховѣ воевать» (И., 6776, 865, 288); «И ту начаста скупливати дружину» (И., 6662, 471, 169, об. Такое же употребление еще: 6662, 412, 170). В соответствующих же условиях употреблялись и возвратные формы глаголов — *совокупитися*, *совокуплятися*, *скупитися*, *скопитися*.

Скопити 'собрать', 'соединить вместе': «Ярополку же скопившу множество вои, Ростовыцѣ, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане, и Берендѣевъ 30 тысячъ, . . . и бѣ множество вои» (Л., 6646). Глагол в военном значении употреблялся только с управляемым существительным, обозначающим 'военный отряд', 'воинов', 'полкъ' и т. д.: «. . . скопити полкы Галичскыѣ и Володимерьскыѣ» (Л., 6710, 417, 141 об.); «скопити дружину» (Л., 6656); «скопити вою» (Н. I, С., 6701); «скопити силу» (Н. I, С., 6774; П. I, 6942) — или со словами *земля*, *волость* в значении 'воинская сила': «И приде [Ярославъ] Переяславлю и скопи волость свою всю, а Гюрги свою. . . , и выиде ис Переяславля съ полкы» (Н. I, 6724, 202). В аналогичных условиях функционировал и возвратный глагол *скопитися*.

Съкупити 'собрать', 'соединить вместе': «Гюрги скоупивъ силоу свою [и] Половци и поиде, надѣзас на Бѣ» (И., 6657).

Съкупитися 'сойтись', 'собраться вместе'; 'собрать свои силы': «Азъ ти есмь съ брѣмъ твоимъ с Володимеромъ Ѡселе оуже пошелъ, а ты поиди Ѡтолѣ, скупаса весь» (И., 6658).

Съкупъ 'соединение'. Известно по памятникам в невоенном употреблении (см. «Материалы» И. И. Срезневского). *Съкупъ* 'сое-

динение'; 'сход'. В военном значении в сочетании *снятися на скупь* 'сойтись на бой': «Изидоша Деревлане противу съмъшемъса ѿбѣма полкома на скупь, суну копьемъ Стѣславъ Деревланы, и копье летѣ сквозѣ оуши коневѣ, оудари в ноги коневѣ, бѣ бо дѣтескъ» (Пов. вр. л., 6454).

Сложитися 'соединиться', 'собраться вместе': «Володимерь сложила естъ на Стополка и на та» (Л., 6605, 257, 87); «Сложила естъ съ Володимеромъ, да промышлаи своеи головѣ» (Л., 6605, 257, 87). Наиболее отчетливо военное значение выявляется в конструкции *сложитися на кого*. Глагол сохранился в этом же значении и в аналогичных условиях употребления до XVII в.: «Астраханцы де всѣ сложатся съ казаками и его де вора изъ Асторохани не отпустить» (АИ, III, № 257, 1614, 424).

Собрани(ь)ѣ 'сбор'; 'готовность к выполнению боевых действий': «Шахъ Абасъ зимовалъ въ своемъ городѣ Казбинѣ, а рать де его въ собранѣѣ стоитъ отъ Турского въ Тевризѣ, а Турского де рать стоитъ въ собранѣѣ отъ Кизылбашского въ Холяпѣ» (АИ, III, № 254, 1614, 421); «Запороскіе Черкасы нынѣ не въ собранѣѣ ль, и будетъ въ собранѣѣ и въ которыхъ мѣстѣхъ и для чего въ собранѣѣ? о томъ о всемъ велѣти провѣдывати» (АИ, III, № 116, 1622, 171).

Собрати. С управляемыми сущ. *вои, силу (силы), полкъ (полки), дружина* и словами, близкими им по значению, глагол обозначал 'собрать в одно место, приготовив к военным действиям': «Володимиръ же собра вои многи . . . и поиде на Рогъ-волода» (Л., 6488, 76, 24); «Стѣславъ же собравъ дружины нѣкоliko. изыде на нь ко Сновьску. и оузрѣша Половци идуще полкъ пристроишаса противу» (Л., 6576, 172, 58); «Да повду плѣню .з. Олександрову и собра силу велью» (Л., 6771, 478). Особенно широко употреблялось сочетание *собрати вои многи(и)*.

Крутитися. В военном значении употребляется устойчивое выражение *крутитися на воину* 'вооружаться, надевать доспехи для похода, битвы, готовиться к бою': «[Люди Новгорода] . . . даша купцемъ крутитися на войну» (Н. I, С., 6645, 135). *Скрутитися, скручатися* 'одеваться', 'снарядиться'. Военное значение реализуется только в устойчивом (терминологическом) сочетании *скрутитися в бронѣ*: «И скрутяся въ бронѣ, аки на рать, и приѣха на Ярославль дворъ» (Н. V, 6728, 195, 559); «И скрутившеса въ броня, нашедше [новгородская чернь] силоу на дворы» (Н. IV, 6848, 268, 176 об.). В других списках летописи этот глагол неупотребителен. Если учесть, что глаголы *искрутитися* (только в военном значении), *покручати, покрутити, скрутити* (бытовое употребление) и существительное *скрута* (одежда) отмечены только в новгородско-псковской письменности, в других списках — только при пересказе событий, касающихся Северо-Западной Руси, можно утверждать, что все это словообра-

зовательное гнездо принадлежит к категории северо-западных диалектизмов.⁷

Кушатиса 'пытаться сделать что-либо', 'покушаться'. Все случаи употребления слова (по крайней мере из тех, которые приведены в «Материалах» И. И. Срезневского) относятся к военной сфере выражения: «...не кушаиса противу имъ. Изко мало имаши вои» (Л., 6601, 218, 72 об.); «Половци оборотилися противу Рускимъ княземъ и мы без нихъ кушаимся на вежах ихъ ударити» (И., 6691).

Сбиратиса. Значение контекста и соответствующее фразовое окружение позволяют выявить военное значение у глагола *сбиратиса*: «Изаславу же прибѣгшю г Кыкву. повелѣ дружинѣ своей сбиратиса оу Дорогожича» (Л., 6658, 327, 109); «Видѣвъ изко Оугре сбираютьсѧ и ехаста на нѣ два» (И., 6739, 768, 260); «зтвазем же събравшимсѧ. и не смѣша битисѧ с ними» (И., 6781, 870, 289 об.). Более определенно военное значение выявляется в конструкции *собратися (сбиратися) на бои*: «Гражданѣ же изидоста изъ града противу, събрашася на бои» (Н. IV, 6883, 304, 204 об.).

Употребление глагола *сбиратися (собраться)* в военном значении было устойчивым в древнерусском языке и в более поздние периоды его истории. Так, в АИ: «А будетъ вѣсти помятца, учнетъ сбиратися Король, или болшіе Литовскіе люди и посадккіе люди, а пойдетъ собрався къ Полотцку» (I, № 169, 1563, 325) и др. Употребителен он и в современном русском литературном языке в условиях и значениях, подобных описанным выше. Однако различия возможно заметить и здесь. В древнерусском языке употребления глагола в военных значениях отличались большей терминологичностью и определенностью, что очень хорошо видно из последнего примера из памятника XVI в., где глагол употреблен без дополнения в абсолютной позиции, что недопустимо в современном русском языке.

Сбирати. Наиболее обычны сочетания, в которых реализуется военное значение, — *глагол + существительное*, обозначающее военный отряд, войско или часть его: «Ирославъ и Мьстиславъ собраста вои много идоста на Ляхы. и заѣста грады червеньскыѧ» (Л., 6539, 150, 51); «Ирополкъ же баше събралъ множество вои на нь» (И., 6644, 299); «Святополкъ же поча сбирати вое хота на нь» (Л., 6601, 218, 72 об.); «Хотащю поити ѡканьному и безаконьному Телебоузѣ на Ляхы. и собравшю емоу силу многу» (И., 6790, 892, 296). Менее обычны были случаи употребления, когда в функции управляемого существительного в кон-

⁷ См. об этом: В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской первой летописи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958, стр. 193; В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Канд. дисс. Днепропетровск, 1960, стр. 229—232.

струкции выступали слова *полкъ*, *рать*, *дружина*: «Даниль собравъ полкъ поиде» (И., 6742, 772, 261); «Князь великий Василей, събравъ ратеи много» (Н. IV, 6993, 380, 251); «И тако идахоуть [Игорь с Всеволодом] тако собираюче дружиноу свою» (И., 6693, 638, 223); «И ѡбъеха Даниль городъ и собравъ землю Галичкоую ста на четырьѣ части ѡкрѣть его» (И., 6737, 759, 257 об.). В других случаях, когда в качестве управляемого существительного употребляется слово, не обозначающее воинов или военный отряд, значение глагола *собирати* осознается как военное на основе значения контекста: «Онъ же не послуша ихъ. но собравъ около себе иде в Галичъ» (И., 6736, 829, 277 об.); «Глѣбъ Зѣремѣвичъ собравъ Оугры приѣха на стагъ Васильковъ» (И., 6739, 768, 260).

Възостритися (*възостритисѣ*). В «Материалах» И. И. Срезневского приводится единственный пример употребления этого глагола в сочетании *възостритисѣ на рать*: «Андреи же то слышавъ . . . възострисѣ на рать и бысть готовъ» (И., 6682, 573, 203 об.) — с толкованием 'возбудиться'.

Единственным употреблением в военном значении представлено слово *пристороватисѣ* 'готовиться', 'снаряжаться': «Се Гюрги, стрѣи твои, идеть на та. . . , а ѡвляю ти: пристораваисѣ» (И., 6657). Ср. также глагол *пристраивати* в том же значении: «Начаша воюе пристраивати, каждо свою власть и поидоша . . . противю Татаромъ» (Н., I, 6732). Однако эти глаголы не получили широкого распространения в военном словоупотреблении.

Группа глаголов с общим значением волеизъявления — *здумати*, *думати*, *замышляти*, *мыслити* и другие образует особую микросистему, также по-особому выражающую понятие о военных приготовлениях, о намерениях начать войну. Военное значение реализуется в сочетании *глагол* + предлог *на* или *противъ*: *замышляти на кого* (*противъ кого*); кроме того, в состав сочетания входит прямое дополнение *рать*, но этот компонент сочетания необязателен: «И нача Володимиръ Мстиславичъ думати на Мъстислава» (И., 6677, 535, 191); «Почаль замышлати рать Давыдовичъ Издславъ на Дюрга» (И., 6663, 481, 142 об.); «Замышлати почаша на нь рать» (Л., 6694, 401, 136); «Здумаши ѡлгови внуци на Половци» (Л., 6694, 397, 134). Можно считать, что элементом, конституирующим значение всего сочетания являются предлоги *на* или *противъ*: любой глагол с общим значением движения, волеизъявления, приказания или призыва, выступающий в роли управляющего члена сочетания, получает значение 'выступления', 'подготовки к войне, к военному походу против кого-либо'. Это значение, правда, очень обобщенно, не конкретно; оно не порывает связей с основным лексическим значением глагола, значением бытовым, неспециальным.

Насылати (*наслати*) 'посылать (в военный поход) против кого-либо'. Исходные употребления — неспециальные: «Насла

на Тръжекъ дани брати» (Н. I, 6848). Военное значение глагола реализуется обычно в конструкции *насылати на* (с вин. п. дополнения): «Батыи же нача насылати рати на грады Рускыя, и взять градъ Переяславль копьемъ, и изби весь» (Н. V, 6746, 214, 573 об.); «Наслалъ князь великий Василен боляръ своихъ . . . на Торжокъ воиноу въ 300 человекъ» (Н. V, 6909, 390, 259). В качестве прямого дополнения при этом выступают обычно слова, называющие военный отряд, войско и т. д. Такое употребление сохранилось до XVII в.: «Полской Жигимонтъ Король . . . наслалъ на Московское государство Полскихъ и Литовскихъ людей оманомъ» (АИ, III, № 270, 1614, 437); «Король и паны рада, умысля наше Московское государство смутити. . . , и поруша перимирье, и преступивъ свое и пословъ своихъ и посланниковъ, которые были учинили миръ на Москвѣ съ царемъ и Великимъ княземъ Васильемъ, крестное цѣлование, на Московское государство наслали другого вора» (АИ, III, № 6, 1613, 5).

В специализированных, военных значениях в памятниках Псковско-Новгородской земли зафиксирована глагольная пара *подъяти—подъятися*. *Подъяти*: а) 'снарядить (войско, воинский отряд)': «Князь Александръ . . . подыма мало дружинѣ и поѣхавъ во Псковъ градъ, и Псковичи его пріяша честно» (П. I, 6835). Этому значению глагола *подъяти* соответствует значение возвратной формы глагола *подъятися* 'собраться', 'вооружиться', 'выступить в поход': «И потомъ по 30 лѣтехъ язь Магнушъ, того не порядка, поднялся есми со всею землею свѣискою, и, вшедь въ Неву, взя городъ Орѣховъ и намѣстники свои въ городѣ посадилъ» (Рук. Магн., 1352 г.). Военные смыслы могли выражаться и другим, не терминологическим значением гл. *подъяти* 'поднять', 'возбудить', 'подговорить', «Тако же и Володша Строиловичъ, подыма съ собою Псковичъ, поѣхаше селъ Нѣмецкихъ воевати» (Соф. вр., 6849, I, 318). Выявить военное значение глагола позволяет содержание всего высказывания.

Посълати (послати). Общее значение глагола 'приказать кому-либо идти куда-либо с какой-либо целью' в особых условиях употребления может выражать и военные смыслы: «Посла и ѿць с вой противу мачесь» (Л., 6661, 340, 113 об.); «Дмитри Александровичъ . . . посла с Новгородци на Нѣмци. и много избиша Новгородцевъ» (Л., 6776, 525, 247 об.). *Послати противъ кого, послати на кого* — не единственно возможные конструкции, в которых реализуется военное значение глагола. Оно возможно также в сочетаниях глагола с управляемым существительным, обозначающим военное понятие, — *полкъ, рать, люди, вой* и т. п.: «Тогда же посла великыи княз полкъ свои. к лодымамъ» (Л., 6715, 432, 146 об.); «Стополкъ [же] посла Путату воеводу своего. Путата же с вой пришедь к Лучьску» (Л., 6605, 272, 91 об.);

«Тои же зимы Витовтъ посылалъ рать на Олга» (Н., IV, 6903, 380, 251 об.); «А Пермичи де ратныхъ людей не посылавали» (АИ, III, № 56, 1615, 45). Это же значение реализовалось в сочетании гл. *послати* с гл. *воевати* в качестве инфинитивного дополнения: «Послалъ князь великий Василѣи Ивановичъ въ Литовскую землю воевати подъ городомъ» (Н. IV, 7027, 540, 397 об.); с предложным управлением *послати по комъ (в догон)*: «Оудавша же Кончака бѣжавша посласта по немъ Коунѣтоугрызъ» (И., 6693, 636, 222 об.). Об устойчивости употребления слова в функции выразителя определенного военного понятия свидетельствует функционирование глагола без прямого дополнения при нем: «И посла Всеволодъ противу емоу» (И., 6649, 309); «Въ се же лѣто посла Всеволодъ ис Киева на Вацьслава» (И., 6659, 310).

Как можно было видеть на большом количестве примеров, глагол *посылати*, выражая представления о действиях военных, специальных, не терял своих связей с бытовыми значениями слова.

В тематическую группу глагольной лексики, обозначающей подготовку к войне, к сражению, входят глаголы, реализующие свое военное значение только в сочетаниях с именами, обозначающими военные понятия и явления. Сюда относятся такие слова, как *въздынути*, *въздвигнути*, *въскинути*, *възводити* и т. п. В свободном употреблении эти слова не обладают специальными, военными значениями; так, *въздынути* имеет значение 'поднять': «... помость церковны въздынули» (Соф. вр., 7037). Не имеют военно-терминологических значений и другие глаголы. Управляя же существительными, представляющими собой военные термины, глаголы образуют с ними сочетания, способные выражать военные значения. Такие сочетания становятся в ряд с подлинными членами системы военной терминологии. Анализ показывает, что такой способ выражения глагольных значений наиболее широко распространен в древнейшую эпоху истории русского языка.

Въздвигнути. В сочетании *рать въздвигнуоти*, синонимичном *рать въздынути*: «И не баше мира межи ими, нъ рать большю въздвигнуша» (Н. I, С., 6703, 171); «И въздвигнетъ [христианин] оружіе свое дроугъ на друга, скуеть копіе свое братъ на брата» (Н. IV, 6910, 393, 263). Последний пример свидетельствует о том, что глагол реализует военное значение в сочетании с более чем одним словом, т. е. второй компонент сочетания — управляемое существительное — может варьироваться. При достаточно широком и свободном варьировании второго компонента значение глагола переходит в разряд конструктивно обусловленных, что, по-видимому, имеет место в отношении глагола *въздвигнути*. Ср. в этом смысле также употребление возвратной формы глагола в сочетании с именем, не имеющим военного значения: «Придоша отъ орды таковыя вести къ христоролюбивому князю, еже въздви-

гается на крестьяны Измаилтескіи родъ» (Н. IV, 6888, 312, 212). Военное же значение сочетания бесспорно.

Възводити, възвести (*возводити, возвести*): «Короля еси на мя възвелъ» (И., 6660, 446); «Изаславъ же. вдинако не престаше възвелъ бѣ половцѣ на Киевъ» (И., 6742, 772, 261 об.); «Послалъ бо башетъ възводити Татаръ. на сыновца своего» (И., 6797, 930, 305). Этими примерами почти исчерпываются все случаи употребления глагола *возводити*—*возвести* в значении 'подстрекать, возбуждать против кого-либо, подталкивать на войну против кого-либо'. Все употребления в конструкции с сильным управлением *возводити на*. Глагол в этом значении встретился только в Ипатьевской летописи. Только в этом памятнике употребляется *возводити*—*возвести* и в других значениях, которые можно отнести к военной сфере употребления: а) 'вывести (из города во время осады)': «Възведе городъ Шюмескъ и посла Володимерю» (И., 6679, 546); б) 'проводить, охраняя, обороняя от кого-либо': «Половци . . . шедше в пороги начаша пакостити Гречникомъ . и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои и възведоша Гречники» (И., 6675, 526). В «Материалах» И. И. Срезневского для значения 'подстрекать, возбуждать против кого-либо' приведена только форма совершенного вида *възвести*, между тем, как это показано и приведенными выше примерами, глагол в этом значении был употребителен и в несовершенном виде.

Употребления глагола в других, неспециальных значениях — а) 'ввести'; б) 'поднять'; в) 'назначить, поставить' — приходится на памятники религиозно-житийного содержания (за исключением 3-го значения — 'назначить, поставить', встречающегося в 1-й Псковской летописи).

Въздынути 'поднять'. В сочетании с термином *рать* — *въздынути рать* глагол имеет значение 'поднять, побудить (кого-либо) к выступлению против кого-либо': «Андрѣй князь Александровичъ со Сменомъ Толичнѣвицѣмъ цареви би чоломъ на брата своего на Дмитрия, и въздыну рать Татарскую, и взяша Перяславль на щить» (Н. I, С., 6790).

Всѣсти (*въсѣсти*). Военное значение глагол *въсѣсти* получает только в составе терминологического устойчивого сочетания *въсѣсти на конь* (*на конѣ*). Количество употреблений этого сочетания в древнерусской письменности велико, и отмечаются они с самых ранних этапов русской письменности. Значение сочетания *въсѣсти на конь* (*на конѣ*) толкуется как 'идти в поход против кого-либо': «Олеѣ же приимъ въ оумѣ си рече николи же всаду на конь» (И., 6420, 25); «Половци же оулюбивше доумоу его потоптавши ротоу его дѣла и всѣдоша на конѣ и ѣхавша изѣхаша городъ» (И., 6698, 669, 232). О том, что это сочетание было устойчивым и воспринималось в семантическом плане как отдельное слово (отдельное лексическое значение), свидетельствуют особенности его употребления. Ср.: «Оцъ твои реклѣ былѣ

въсѣсти на коне на войноу съ Въздвиженіи» (Н. I, С., 6738); «Новгородци всѣли на коня въ Торжекѣ» (Н. I, 6848); «Не развержено крестное цѣлованіе Новугороду с Нѣмци, и за то не всѣдоша Новгородци по Псковичах на Нѣмецкую землю» (Н. I, 6875); «Всеволодъ князь Кыевскыи приде с женою и со всѣми боляры и с Кыяны . Переиславлю на свадьбу . и ѿуду расшедшеся . и всѣдоша [на кони] на Володимерка на Галичѣ» (Л., 6652, 311, 103 об.). Употребления с опущением предлога и управляемого существительного *на конь* (*на конѣ*) следует считать эллиптическими — вторичного происхождения: «. . . каза Данило — со сѣдати во емъ своимъ . всѣдше же поидоша же» (И., 6759, 812, 272 об.). В такого рода употреблених опущение дополнения с предлогом ощущается в полной мере.

Въсаживати: «Твоя бѣ рѣчь, Яню, яко Данилъ второе всаживаетъ Ляхы на мя» (по другим спискам — «сваживаетъ» (И., 6733, 745). А. И. Генсѣрскій замечает при глаголе *въсаживати* в значении 'поднимать на войну', что слово употреблено «только здесь» — в галицкой части Ипатьевской летописи.⁸ Это верно, глагол *въсаживати* употребляется только здесь, но из этого факта еще нельзя сделать вывода о том, что слово в этом значении было характерно только для Галицко-Волинской Руси и не было известно повсеместно на русской территории. Ср. судьбу однокоренного глагола *всести*.

Въстати. Одно из значений этого глагола в «Материалах» И. И. Срезневского толкуется как 'восстать'. Это, пожалуй, не совсем точная передача смысла глагола. Толкование совершенно справедливо, если иметь в виду такие употребления, как: «Бысть котора зла въ людѣхъ и въсташа на княза» (Н. I, С., 6726). Но оно не может удовлетворить в таких случаях, как: «И въсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море» (Н. I, С., 6362, 4). В терминологическом употреблении глагол *встати* (*въстати*) обозначал 'подняться на борьбу, на войну', 'начать войну'. Но в свободном употреблении значение глагола *въстати* шире: он обозначает не только 'восстание (=поднятие) на военные действия', а вообще 'решимость встать на защиту кого-, чего-либо, начало борьбы против кого-либо': «Приими оружие и щить и востани в помощь мнѣ» (Нест. Бор. Гл., гл. 24). Это значение реализуется как в конструкции *въстати на*, так и в свободном употреблении: «. . . во имя Господа нашего призовемъ . ти спѣти быша и падоша мы же всташомъ прости быхомъ и си рекъ поиде на ны въ малѣ дружинѣ» (Л., 6771, 472, 169). Однако большая часть употреблений глагола связана с выражением понятий, относящихся к военным действиям. «Королеви же по своему обычаю не встануцю никдѣже

⁸ А. И. Генсѣрскій. Галицко-волинскій літопис. Київ, 1961, стр. 51.

в недѣлю. Володимирку же не дадуче внити в свою землю рати» (Л., 6660, 336, 112 об.). Военное значение реализуется преимущественно в конструкции *въстати на*, которая сама по себе выявляет два значения: а) 'подняться против кого-либо': «въстахом на тд» (И., 6667, 497, 177) (см. также только что приведенные примеры в этой конструкции); б) 'начать войну'. Это значение реализуется в устойчивом словосочетании *въстати на рать*: «И сложишася Ёлговици и с Давыдовыци . и всташа вси на рать» (Л., 6643, 302, 100 об.); «Ии люблю братъ миръ . лѣплѣ ты были на рать въстали» (И., 6656, 365). Ср. свободное употребление глагола в этой конструкции: «Въсташа на ѿмыщение» (Жит. Феод., с. 127). Это значение глагола *въстати* (*восстать*) сохранилось в русском литературном языке вплоть до XIX в. Ср. у А. П. Сумарокова: «[К и й — Х о р е в у:] Вели в трубы гласить и на врагов восстань, Кинь в ветры знамена и исходи на брань» (Хорев); у А. С. Пушкина: «В полях наездники мелькают . . . Идут походные телеги, Костры пылают на холмах. Беда: восстали печенег» (Руслан и Людмила). «Словарь современного русского литературного языка» отмечает это значение с пометой *устар.* (II, 724).

Выражение *въстати* (*восстати*) на А. И. Генсѣрский приурочивает также к Галицкой земле (хотя употреблено оно впервые не в галицкой части Ипатьевской летописи, но, по утверждению Генсѣрского, ведет свое начало из этого списка летописи, ибо в тексте под 1152 г. использованы галицкие летописные записи.⁹ Это не соответствует действительности, что можно видеть уже из «Материалов» И. И. Срезневского, где приведены примеры на употребление этого сочетания из 1-й Псковской, 1-й Новгородской летописей и других памятников. Вообще указание на то, что глагол впервые употреблен в том или ином памятнике, не может быть основанием для выводов о территориальной приуроченности слова или значения.

Как показывают наблюдения над материалами, извлеченными из различных памятников древнерусской письменности с древнейших времен, все глаголы со значением движения, перемещения, синонимичные глаголам *идти*, *пойти*, *выходити* и т. д. в определенных сочетаниях, в определенных грамматических конструкциях получали возможность обозначать военные действия и процессы, связанные с ними. В эту категорию вовлекались глаголы: *двигатися*, *двигнути*, *доспѣвати* (*доспѣти*), *выѣхати*, *грясти*, *пойти* и т. п. Указанные глаголы обозначали не только начало войны, но и нападение на противника, вторжение на его территорию. Выше уже были рассмотрены особенности функционирования корневого глагола *идти* в сфере военного словоупотребления. Круг слов этой группы чрезвычайно широк и охватить анализом

⁹ Там же.

все слова не представляется ни возможным, ни целесообразным. Основные же лексемы будут подвергнуты анализу.

Поити. Все значения и особенности употребления глагола аналогичны (тождественны) значениям и употреблением бесприставочного глагола *ити*: «И посла по Вардги многи за море ваба е на Греки . паки хотѣ поити на на» (Л., 6449, 45); «Поиди Ирополкъ на Ёлга брата своего на Деревьску землю» (Л., 6485, 74, 23); «... исполни воѣ свои поиде на Стѣслава» (И., 6654, 336); «И съзва князь Тѣрици и поиде на Щелкана» (Н. IV, 6835, 261, 171). Употребления в этой конструкции многочисленны (обычны во всей древнерусской письменности).

Поити противу кого: «И поидоша полкове аки борове . . . Русь поидоша противу имъ» (Л., 6611, 278, 94); «И се ему рекшу поидоша противу собѣ: и покрыша по[ле] Летское вбои . ѿ множества вой» (Л., 6527, 144, 49); «. . . поидемъ противу имъ» (И., 6732, 442, 252 об.); «[Князь великий] съ воеводами поиде с Москвы и противу безбожных Татаръ» (Н. IV, 7041, 553, 414). Эта конструкция немного уступает по широте употребления предыдущей, но все же довольно широко и устойчиво употреблялась в древнерусском военном языке. Параллелизм наблюдается и в других сочетаниях. **Поити ратью:** «Поиде Володаре Глѣбовичъ к Полотьску ратью» (И., 6675, 526, 188); «Боймса лъсти ихъ ѣда пойдутъ изънезапа ратью на насъ» (Л., 6683, 372, 125 об.); «Князь же Михаилъ с Тѣрици и с Татары поиде ратью къ Торжку» (Н. IV, 6822, 256, 167). **Поити на воину:** «Довѣмантъ же башеть . с ними же попель на воину» (И., 6771, 860, 286). **Поити полкы (полкомъ):** «. . . и поидоша полкы своими противу имъ» (И., 6656, 382); «Василко же поиде свой полкомъ» (И., 6788, 885, 294); «І поидоша Новгородци полкомъ к нимъ из Новагорода, они побѣгоша проче» (Н., I, С., 6761, 274). Особенно характерно такое употребление для Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской не встретилось ни одного случая такого употребления. **Поити с дружиною (с полкомъ):** «Изаславъ . . . поиде с дружиною своею . и с Переяславци . . и перешедъ Днѣпръ поиде» (Л., 6654, 313, 104); «Король же поималъ Володимера и со всеми полкы поиде к Галичу» (И., 6696, 661, 229 об.); «И поиде Мъстиславъ со всѣмъ полкомъ на Всеволода» (Н. V, 6718, 182, 547 об). **Поити въ помочь кому:** «И поиде Дюрги в помочь емоу» (И., 6654, 332); «Оуже Изаславъ в Киевѣ а поидита ми в помочь» (И., 6659, 422, 153). **Поити по комъ, за кѣмъ:** «Ини же Татары придоша по Русскихъ князихъ бѣуче до Днѣпря» (Н. I, С., 6732, 219); «Мстислав же приде на Волгу. и повѣдаша ѣму ꙗко Слѣгъ вспатилсѣ к Ростову. и Мстиславъ поиде по немъ» (Л., 6604, 238, 86); «А сама поидоста полкы своими по нихъ» (И., 6656, 379); «Татарове же в томъ часѣ поверноуша копыа своа и побѣгоша за рѣку за Вождю, и наши пошлѣ за ними» (Н. IV, 6883, 309, 209 об.). Значение гла-

гола *пойти* в конструкции с предлогами *по* и *за* можно истолковать, как 'преследовать противника', 'догонять отступающего противника'.

Специально военное значение выражается и сочетанием *пошла рать* 'началась война': «А како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повѣргя» (Дог. гр. Новг. с в. кн. Мих. Яр., ок. 1307 г.), хотя значение глагола *пойти* само по себе здесь не является терминологичным. В других случаях военное значение глагола реализуется в условиях контекста, в которых фразовое окружение глагола составляют слова, относящиеся к области средств выражения военных понятий: «Поиде Издаславъ к Чернигову скоупа силоу свою» (И., 6656, 30); «Томъ же лѣтъ поиде Дюрги с Ростовци . . . в Русь и бы^х моръ в конихъ въ всихъ вой^х его» (И., 6662, 468, 168 об.); «И то рекъ съвѣкоупи множество вой и поиде» (И., 6655, 344); «Князе же велики поиде къ Твери, и вся сила Московская» (Н. IV, 6955, 337); «И се внезапно поидоша Татарове» (Л., 6745, 465, 162); «И Татарове же поидоша вонъ изъ земли вскорѣ, чаяху за собою многихъ людей; воеводы же великого князя за ними ходили, но не дошли ихъ» (Н. IV, 7071, 553, 414 об.). Легко объективируется военное значение в случаях, когда субъект действия обозначает название отряда военных сил: «. . . братоу Ростиславу . . . приказа полкы своя . . . тоуда же поити по Волзѣ» (И., 6656, 369); «Рать поиде ис Переяславля ко Смоленскоу» (Н. IV, 6848, 270, 178).

В прочих случаях военное значение может быть выявлено лишь из содержания контекста (который может быть значительно более одного предложения). Ср., например: «А поиди в Белгородъ и ту съждеши бра^тѣ своеи» (И., 6659, 516, 184 об.). Из такого контекста нельзя установить принадлежность или непричастность глагола к военной лексике. Только значительно более широкий контекст устанавливает, что о военных действиях (передвижениях) здесь речи не ведется.

Идентичны условия и особенности функционирования широко употребительного в военной сфере выражения глагола *приходить*—*прийти*: «При семь цри приходиша Русь на Црьгородъ ко пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмъ» (Л., 6360, 17); «И приидѣ Володимеръ на Полотескъ» (Л., 6488, 76, 24); «Приде Ярославъ . . . Лучьскыи на Ростиславиче» (И., 6682, 577, 204 об.); «Приидоша Татарове на Рускую землю» (Н. IV, 6887, 308, 209); «А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую» (Слово); «Чтобъ они изъ Верховскихъ городовъ на васъ безвѣстно не пришли» (АИ, III, № 13, 1614, 13). Как видно, глагол в этом значении свободно употреблялся в различных по жанру памятниках и без каких-либо изменений в семантическом плане на протяжении всего древнерусского периода до XVII в. В случаях, когда управляемое существительное обозначает название местности или

реки, озера, эта конструкция (*приходити на*) создает возможность семантического сдвига в значении глагола *приходити*. Теперь это уже 'приходить, чтобы воевать', а не 'воевать против кого-либо': «... приходили Крымские Татаровѣ на Рязанские мѣста» (Н. IV, 7043, 571, 438); «Приходила Литва на государеву великого князя Украинцу» (Н. IV, 7044, 572, 438); «... На Коломаки приходять черкасы каневскіе да сторожеи громять» (АМ, I, № 10, 1571, 12). «На зиму приидѣ из орды ратью на Русь 5 тѣмниковъ ... и плени градъ Тферь» (Н. IV, 6835, 261, 171 об.). То же самое и в конструкции *приходити къ* + название города: «Князь Василѣи ратью Татарскую прииде къ Брянску на Святослава» (Н. V, 6818, 240, 595); «Феѡдоръ Ростиславичъ приходи к Смоленску ратью и не оуспѣвъ ничтоже взвратиса» (Л., 6807, 484, 171 об.).

Абсолютное большинство употреблений конструкции *приходити ратью* падает на новгородскую письменность (в Ипатьевской летописи нет ни одного случая такого употребления). К XVII в., когда *рать* в значении 'война' в практическом военном словоупотреблении все более и более вытесняется термином *война*, словосочетание *приходити ратью* начинает вытесняться сочетанием *приходити войною*: «Хотѣли на наши сибирские города приходити войною, и города сжечи, а нашихъ служивыхъ людей побити» (АИ, III, № 1, 1613, 1); «[Мурзы и Татаровя] приходили съ Крымскіе стороны на Государевы Украинные города войною» (АИ, III, № 164, 1628—1629, 256).

Возможны и другие сочетания — *приходити силой (съ силой), съ вои, съ полкомъ* и т. д.: «... и тако придоша Новгородци съ Издславомъ всеми силами своими» (И., 6656, 375); «Придоша Свѣи в силѣ велицѣ» (Н. I, С., 6748, 253); «Издславъ же приде с полкы своими Киевоу» (И., 6658, 396, 144); «[Юрьи] приде в Переславль с полкы» (Н. I, С., 6829, 319); «И пришедшю ему на Лоукы с вои Новгородьскими» (И., 6686, 608, 214 об.).

Богаче всего конструкция *приходити (прийти) съ полки(ы)* представлена в Ипатьевской летописи. «Во 120 году приходилъ подѣ Суздаль гетманъ Каменской съ Полскими и съ Литовскими людьми, и приступы отъ нихъ были многіе» (АИ, III, № 224, 1643, 384). Параллелизм между особенностями употребления глагола *поити* и *прийти* наблюдается и в других лексико-фразеологических условиях: «Приде к нему Издславъ Двѣдичъ в помощь» (Л., 6657, 322, 107); «Из Володимера полкъ к нему приде и поиде Издславъ с полкы своими к Перетславлю» (И., 6655, 356); «Тое же зимы прииде изо вѣрды рать на Русь» (Л., 6835, 530, 252 об.); «приходила рать» (АИ, I, № 56, 1454, 104); «Поноужаше Мьстислава на рать. Мьстиславоу же пришедшю на рать» (И., 6733, 745, 253); «Придоша Половци и побѣдиша в Русьскую землю» (Н. I, С., 6556, 97); «Придоша Литва и воеваша школо Пересопницѣ» (И., 6754, 297, 268 об.) и др.

Так же как и в *поити*, в ряде случаев военное значение может быть выявлено только из контекста: «А Володимеричи придоша Кыеву» (Л., 6644, 304, 101); «Дюрги же с Володимеро^м приде в борзе к Зарубоу» (И., 6659, 426, 154) и др. Устойчивой формулой для обозначения возвращения с театра военных действий с победой или, хотя и без победы, неразбитыми была *приити (сдравыми)*, характерная только для новгородской письменности: «И придоша вси сдрави» (Н. I, С., 6720, 194); «Идоша подъ городъ и стояша 2 недѣли, не взяша города, и придоша сторови» (Н. I, С., 6727, 210); «Князь же Олександръ съ Новгородци с Ладожаны придоша вси здрави въ своя си» (Н. I, С., 6748, 257). Аналогичны условия и особенности функционирования слов *походъ, походити, поѣхати, приѣхати, прибыти, приѣздити, приѣжати, пригонити, изити, выходити, выити, находити, наити, нашествие, находъ, нахождение (нахождение), наитие, выступати, выступити, выступитися, высунутися, изѣхати, выѣхати, наѣхати, наѣздъ, наѣздитъ, возѣхати, изѣѣздъ, ѣздъ, ѣздити, ѣхати, избѣжати, грѣсти, двигатися, двигнутися, двигнуть, доспѣвати, доспѣти* и мн. др.

Термин *рать* в значении 'война', рассмотренный в 1-й главе работы, явился стержневым словом, образовавшим с определенным кругом глаголов словосочетания терминологического характера со значением 'начало войны', 'ведение войны' (в зависимости от значения глагола: *зачати (зачинати) рать, взяти рать, дъ(е)ржати рать, ити ратью, поити ратью (поити на рать), воздвигнути рать, сътворити рать, имѣти рать*: «В то же лѣто зачарать Ѡлегъ Сѣславичъ» (И., 6683, 599, 211); «... възмете рать межи собою. поганим имуть радоватиса» (Л., 6605, 263, 89); «Почя Всѣславъ рать дръжати» (Л., 6573, 94) и т. п. Другая группа глаголов образует с термином *рать* сочетания для обозначения подготовки к войне: *спѣти рать, строитися на рать, собиратися на рать, спѣшити на рать*.

Любой глагол со значением 'готовиться к чему-либо', 'собираться сделать что-либо', 'стремиться к чему-либо' мог вступать в сочетание с термином *рать*, образуя словосочетания специально-терминологического характера: «Времени же минувшу, король спѣашеть рать велику» (И., 6717); «Даниль... не престаяшеть строя на нѣратъ» (И., 6739) и др.

Ряд сочетаний, образующихся по этому способу, был открытым, и в него вовлекались новые элементы; это новое составлялось из двух различных категорий: с одной стороны, в сочетания включались глаголы, синонимичные или близкие по значению тем, которые представляли собой уже устоявшийся набор управляющих членов сочетаний, с другой — расширялся круг управляемых слов за счет привлечения в него слов, синонимичных с термином *рать* в значении 'война'. Появляются сочетания *поити (приити, ити* и т. п.) *воиню, устремитися на воину (брань)*,

строится на брань и др. Нет оснований говорить, что последние сочетания явились как результат аналогии ранее явившимся сочетаниям со словом *рать*. По всей видимости, синонимические отношения между словами *рать*, *воина*, *брань* были так сильны, что в древнерусский период можно говорить о их полной взаимозаменяемости; втягивание этих синонимов в терминологические словосочетания происходило одновременно. Все же наиболее активным в этом отношении необходимо признать термин *рать*, занимавший и в свободном употреблении центральное, определяющее место в системе средств, служащих для называния военных действий.

Круг глаголов, вовлекаемых в сферу выражения военных понятий в древнерусскую эпоху, был, как это видно по материалам, достаточно широким, но и достаточно строго выдержанным с точки зрения семасиологической. Расширение некоторыми исследователями круга слов, передающих общее представление о начале войны, о выступлении в поход, за счет слов, не обозначающих движение, перемещение, нередко оказывалось ошибочным. Так, А. И. Генсёрский пишет, что в волинской части Ипатьевской летописи для выражения понятия 'подниматься на войну, в военный поход' (=начинать войну) употребляется глагол *правити*. Причем он замечает, что в этом значении глагол *правити* употребляется только в волинской части летописи (первые зафиксировано и употребляется только в этой редакции летописи). Для подтверждения своего мнения А. И. Генсёрский приводит пример: «я же хочу правити Татары . . . аже не поѣдешь добромъ, а зломъ пакъ поѣдешь же» (И., 1289, 611, 27).¹⁰

Здесь прежде всего надо отметить, что А. И. Генсёрский неверно толкует лексическое значение глагола, смешивая значение контекста со значением отдельного слова. Нам представляется, что толкование данного значения слова *правити* в «Материалах» И. И. Срезневского ('расправляться, отомщать') совершенно правильно, и нет никаких оснований пересматривать его. Кроме того, совершенно не соответствует действительному положению вещей утверждение А. И. Генсёрского о том, что в этом значении слово употребляется только в волинской части Ипатьевской летописи. В «Материалах» И. И. Срезневского приведены примеры на употребление глагола в отмеченном значении ('расправляться, отомщать') из галицкой части Ипатьевской летописи: «А правите сами, а ѡзъ не могу на Изаслава ѡдинъ поити» (И., 6658); «Не правиль себе, ѡже меня перешьбила . . . ; Рускыа дѣла земли и хрѣтъ[анъ] дѣла того всего не помануль» (И., 6659); а также из «Грамоты Владислава, короля польского, кн. Скиригайлу о землях, входящих в его волость», 1387 г.: «Стати ми за своего

¹⁰ Там же, стр. 113.

брата крепко, во всемъ обидя его правити» (Др. пам., изд. 1-е, с. 266—267) и из «Договорной грамоты вел. кн. Рязанского Ивана Федоровича с кн. Юрием Дмитриевичем Галицким и тремя его сыновьями», 1433 г.: «А тебе великому князю того не правити, что ся въ то веремя учинило въ замятное» (Собр. госуд. гр., т. I, № 48). Это лишний раз показывает, что на основании показаний отдельного памятника письменности, какими бы интересными они ни представлялись, нельзя делать никаких выводов общего характера.

Нет никаких оснований соглашаться с толкованием А. И. Генсёрским значения глагола *посадить* как 'поднять на войну, в военный поход' в предложении: «потомъ же Мъстиславъ Пересопницкый посадивъ Лестька, поиде в Галичъ» (И., 1211, 488, 11). В ошибках такого рода проявляется тенденция приписывать содержание контекста значению отдельных слов и выражений, составляющих этот контекст.

Количество слов и выражений, служащих для названия военных действий и процессов, в древнерусском языке особенно велико. Детально рассмотреть каждое из входящих в эту тематическую группу слов не представляется возможным (в противном случае работа грозила бы разрастись до невероятных размеров). Хотя для истории лексикологии не безразлична судьба каждого слова, представляется разумным ограничиться анализом приведенных выше глаголов и отглагольных имен; такое ограничение возможно и оправдано тем, что выводы и наблюдения, сделанные при анализе части лексики, могут быть распространены и на остальную часть однородных фактов. Но чтобы дать хотя бы общее представление о богатстве и разнообразии лексических средств древнерусского языка, называющих специальные действия и процессы, полезно привести наиболее употребительные и устойчивые элементы словаря в виде простого списка слов, придерживаясь разделения их (слов) на тематические группы. Этот перечень весьма далек от полноты, которая в отношении данной группы лексики вообще трудно достижима.

В период с XI по XVII в. в русском языке употреблялись для обозначения: а) *на б о р а и о р г а н и з а ц и и в о о р у ж е н н ы х с и л* — *верстати, верстанье, наяти, нарубати, нарубити, прибрати, порубати, покручати, покрутити, подъкрута, покрутитися, новикъ, новоприборный, быть в нѣтѣхъ, посоха, посошные люди и т. п.*; общего понятия о подготовке к войне, о вооружении — *въоружение, въоружити, въоружитися, въполчити, въполчитися, въполчение, доспѣхъ, доспѣшный, оружити, утѣлчитися, исполчитися*; б) *разведки* — *дозирати дозоръ, лазучество, лазучение, позоровати, оглядати, сгладание, призоръ, поискъ, поискати, подозрити, подстерѣгати, проскокъ, съглядѣ, разгонъ, розгляда, розгляданье, обызирати, осмо- трѣти, усмотрѣти, розсмотрѣти, достерегаться*; в) *несения*

караульной службы — караулъ, караулити, сторожити, сторожа; выступления в поход, на войну — ходы, излазъ, выправитися, выставитися (на брань) и т. д.; г) встречи с противником — встрѣтити, сѣрѣсти, сѣрѣтити, сѣрѣстися, сусѣрѣтити, сѣрѣтение и др.; д) нападения, наступления — бѣга, потечи на, поткнути на, устремление, устремитися на, изѣзати, изогнати, скачити (в воротъ), възѣздити, изгонъ, наѣздъ, излѣзти, воропъ, наворопъ, выринутися, вырискати, наводитися, навожение, навождение, наитие, наѣздъ, налогъ, налѣзти, нарискати, насилие, наступати, наступити, наслати, насылати, повоевание, тѣкнути, ударитися, тоснутися, спешити и т. д.; е) передвижения маневров войск во время подготовки к военным действиям, во время военных действий и т. п. — перебраться, перебрести, перебродити, перебродитися, перебежи (перебежати), переводитися, перевозити, перевезти, возити, возитися, перевести, бродитися, войти, входить, внити (в городъ и т. п.), вбѣжати, вознати, подѣхати, подѣступити, поступити, приступити, возвратити, возвратитися, воротитися, въспятити, въспятитися, взойти, въспятити, оборотити, оборотитися, поворотити, поворотитися, отоити, отѣхати, подѣвѣсти (ратъ) и т. п.; ж) боя, схватки с врагом — избитие, бои (лодиный), бранитися, боръ, борьба, бостися, брань, братися, натрѣжение, натрыждение, побадывати, побоище, потручатися, ратьствовати, ратиборствовати, рѣватися, снятие, снятиса, съниматися, сѣражатися—сѣразитися, сѣступитися, ступление (полковъ) сѣступление, сѣступа, сѣступъ, сѣшибитися, соймъ, совкупъ, суимъ, сходитися (сѣ)разитися, совокупъ, совокупление, сѣкупъ, сѣхатися, стрѣлятися, брань належитъ и т. д.; осады, приступа — обдержанье, обдержати, обѣскати, обѣсѣчи, сѣсти. сѣдѣти, досѣдѣти, остолпити, обоити, обѣхати, окружити и т. п.; з) результатов боя — погромити, погромъ, побити, повоевати, извоевати, изѣчи, исѣщися, истрѣляти, изрушити, изронъ, изгынуть, изнебыти, положить, перебороти, отхватити, отѣяти, отѣимать, отлучить, отѣяти, обрѣсти, изгнати, досѣщися, досѣкатися, вѣспѣти, загнати, выбити (из города), выгнати, полечи, пасти, оборити, опустити, пустовати, пустошити, повоевати, потратити, позорение, разоряти, разорити, разорение, рушити и т. п.; и) преследования противника — гонити, гѣнати, гонятися—гонитися, гонъ, надгонити, надгѣнати, догоняти, дохати, згонити, испостигнути, над(ѣ)стигнути, настичи, погнати, угонити, погонъ, изгонъ, сѣстичи, сохати, сугонити и т. п.; к) отступления, бегства — бѣг (повернутися на бѣгъ), побѣгнути, гонъ, погонъ, надогнати, угонити, настичи, взбивати, загнати, отступити, възбѣчи, наворотити (конь) на бѣгъ, направи (конь) на бѣгъ, обратити (конь) на бѣгъ, оборотитися

на бѣгъ, побѣчи, поскокити, увратитися на бѣгъ, устремитися на бѣгъ, устремитися побѣгнути, утечи, избѣжатися, бѣжати, побѣжати, бѣгати, показати плеча, отступати, отступити, отступитися, отбѣжати, выбѣжати, побѣгъ, побѣгивати и т. п.; л) с д а ч и п р о т и в н и к у — вдатися, впасти (въ руцѣ), подати (городъ) и т. п.; м) з а х в а т а, о в л а д е н и я (городом, страной и т. д.) — въсприяти, вдати, взяти, взятие (взятъ), налѣзти, изгонити, заяти, засѣчи (пути), изгона (изгонити изгономъ), изгонный (изгонная рать), заступити (место), заходити — зайти, встати, засѣсти (городъ) займовать, поимати, залечь, заняти, заимати, выовевати и т. п.; н) п о б е д ы — побѣда, побѣждение, побыть, побѣдити, побѣдовать, побѣжати, побѣждати, сѣтворити (побѣду), одолати, одолѣти, сѣдолѣти, сѣдолѣвати, сѣдолѣние, одолѣвати, удобляти, пережочи, пережогати, покорити, унасиловати, възбарати и т. п.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о действительно чрезвычайно богатом наборе средств, служивших в древнерусском языке для называния действий и процессов военной действительности. Здесь прежде всего выделяются глагольные наименования. В кругу глаголов выделяются особые подгруппы, отличающиеся различной степенью терминологизации, неодинаковой специализацией значения. Меньшую часть глаголов составляют «подлинные» глагольные термины: *воевати, воеватися, сѣчися, сѣчи, заратитися, завоеватися* и др., которые выражали военные смыслы в свободном употреблении. Большинство же глаголов представляло собой слова общего, бытового языка, лишь в особых условиях получавшие возможность быть выразителями военных понятий. Рассмотренные материалы позволяют признать, что к таким условиям относятся: конструктивная обусловленность значений, сочетаемость глаголов с именами, употреблявшимися в функции военных терминов, лексико-синтаксические условия окружения глагола, содержание контекста, в составе которого выступает глагол. Так, глаголы *въздынути, въздвигнути, въскинути, възводити, въсѣсти, всаживати, въстати* и т. п., входящие в тематическую группу лексики, обозначающую действия, связанные с подготовкой к войне, к сражению, реализуют свое военное значение только в сочетаниях с именами — названиями военных явлений и понятий: *въздвигнути рать, въздынути рать, въсѣсти на конь* и др. Управляя существительным, представляющим собой военный термин, они образуют словосочетания, способные выражать военные значения. Такие сочетания становятся в ряд с подлинными терминами — полноправными членами системы военной терминологии. Ср.: *поити ратью, поити на воину, поити полкомъ (полкъ), поити съ дружиною, поити в помочь кому, пошла рать* и др.

Выше говорилось о том, что роль некоторых грамматических конструкций, в которых глаголы реализуют военное значение, так велика, что можно говорить о конституирующей роли конструкции

в семасиологической характеристике слова. Так, конструкция *глагол движения* + предлог *на* или *против* всегда выявляет военное значение глагола. Эта конструкция была противопоставлена беспредложной (*йти на Киев* ↔ *йти Киеву*), которая выражала идею движения, не связанного с военными действиями.

В других случаях военное значение глагола реализуется в условиях контекста, в которых фразовое окружение глагола составляют слова, относящиеся к военным терминам.

Одной из особенностей глаголов второй подгруппы является свобода вовлечения в круг военных обозначений всех слов, связанных словообразовательно и семасиологически. Ср.: *ступати*—*ступити*, *выступати*—*выступити*, *наступати*—*наступити*, *поступати*—*поступити*, *приступати*—*приступити*, *оступати*—*оступити*, *обиступати*—*обиступити*, *заступати*—*заступити*, *отступати*—*отступити*, *соступатися*—*соступитися*; *стати*, *стояти*, *ставити*, *ставитися*, *перестояти*, *поставити*; *идти*, *находити* *находъ*, *нахождение*, *нахождение*, *нашествие*; *скочити*, *излѣзти*, *вырискати*, *нарискати*, *выринутися*, *устремитися*, *устремление*, *потечи(на)*, *поткнути(на)*; *перебратися*, *перебрести*, *перебродити*, *перебродитися*, *переводити*, *перевозитися*, *возити*, *возитися*, *бродити*, *бродитися*, *перебежи* и т. п. Любый глагол, обозначающий движение через препятствие, преодоление его, мог быть вовлечен в сферу военного словоупотребления, так же как все глаголы со значением движения, перемещения, синонимичные глаголу *идти*, в определенных сочетаниях, в определенных грамматических конструкциях получали возможность обозначать военные действия и процессы, связанные с ними.

Любой глагол со значением 'готовиться, собираться сделать что-либо', 'стремиться к чему-либо', вступая в сочетание с термином *рать*, образовывал словосочетание со специализированным значением. Ряд сочетаний, образующихся по этому способу, был открытым, в него вовлекались все новые и новые лексемы, синонимичные тем, которые составляли устоявшийся набор управляющих членов словосочетаний; расширялся, с другой стороны, и круг управляемых за счет синонимов термина *рать*. Появлялись сочетания *поити* (*приити*, *приходити* и т. п.) *воиною*, *полкомъ*,⁴ *устремитися на воину* (*рать*), *строитися на брань* (*на рать* и т. п.). По всей видимости синонимические связи между словами *рать*, *воина*, *полкъ*, *брань* были так сильны, что в древнерусский период можно говорить о полной взаимозаменяемости терминов, так что «втягивание» этих синонимов в терминологические словосочетания происходило одновременно.

Эта особенность свидетельствует о далеко еще не закончившемся процессе специализации глаголов, об ощутимых связях военного словоупотребления со словоупотреблением общего языка. Специализация характерна в значительно большей степени для отглагольных существительных — *съступъ*, *съступление*, *стояние*,

приступъ, последние, возникнув как результат длительного и сложного процесса выработки специального понятия, становились опорными терминами, организующими вокруг себя многочисленное «семейство» глагольных наименований. «Приобщению» глаголов с типично бытовыми значениями в сферу военного словоупотребления способствовали в первую очередь их связи с глаголами и отглагольными именами, употребляющимися только или почти только в функции военных терминов. Так, общее в значениях глаголов *воевати*, *воеватися* (специальных терминов) и *бороти*, *боротися*, *бити*, *битися* и др. (сугубо бытовых слов) заключается в выражении как теми, так и другими идеи борьбы, противоборства. Это общее обусловило вовлечение в функциональную сферу военного языка глаголов *бороти*, *боротися* и т. д., где они становились в синонимические отношения с исконно военными глаголами — *воевати*, *воеватися*. В свою очередь бытовые слова способствовали расширению границ употребления специально-терминологических наименований, способствовали их детерминации.

Эта особенность военного языка старшей поры — необычайно широкое употребление описательных оборотов, богатство глагольных терминов, которые нередко обозначают понятия, требующие в современном языке употребления имени — характерна как раз для первых шагов всякой терминологии. Такое состояние военной терминологии соответствовало характеру представлений о военной действительности, отражало степень выработанности военных понятий и идей. Военные действия и процессы как бы выдвигались на передний план, оттесняя при этом представления о других сторонах военной действительности.¹¹ Привлекаемые в исследовании материалы, извлеченные из различных по жанру, стилю и содержанию источников, свидетельствуют, что чем дальше в глубь истории языка, тем меньше отглагольных имен — названий определенным образом «овеществленных» действий и процессов, и наоборот. Образование отглагольных специальных наименований знаменовало собой вместе с тем шаг вперед по пути большей терминологизации всей системы военной лексики. Большое количество глагольных наименований обозначало некую сумму обособленных видовых понятий, не связываемых в представлении говорящих друг с другом, как бы существующих отдельно, независимо от других. Образование отглагольного имени со специальным значением являлось разрушением обособленности видовых понятий: явления и процессы начинают теперь осознаться в их связях с другими сторонами военной жизни; термины при этом объединяются в соответствующие ряды, во главе которых стоят обобщающие —

¹¹ Подобное положение отмечал Ф. П. Филин в диалектной сельскохозяйственной лексике. См.: Ф. П. Ф и л и н. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, стр. 192.

родовые — наименования. Так процесс систематизации терминологии продвигается дальше.

Анализируя особенности и условия функционирования глаголов в роли выразителей специальных военных понятий, мы вплотную подошли к вопросу о фразеологических сочетаниях в военной лексике или о военной фразеологии древнерусского языка.

Акад. А. С. Орлов впервые в 1902 г. специально поставил вопрос о военной фразеологии древнерусских воинских повестей.¹² А. С. Орлов обращал внимание на то, что летописные своды, воинские и исторические повести изобилуют многочисленными стереотипными формулами описания боя, возникновения и утверждение которых относится к древнейшей поре. Эти формулы, возникшие или под влиянием переводной литературы, или как результат прямого перевода иноязычных формул, отличались большой устойчивостью и изменялись чрезвычайно медленно.

Однако «фразеология», о которой говорит акад. А. С. Орлов, представляет собой не языковое, а литературное явление. Это не устойчивые сочетания слов, приравняемые к отдельному слову, а привычные, устойчивые приемы изображения определенных событий. Изучение этих приемов безусловно входит в компетенцию литературоведения. Языковед же должны интересоваться устойчивые сочетания, фразеология как факт языка.

Основная масса фразеологизмов древнерусского военного языка служила для обозначения военных действий, военных операций. Такие выражения выступали в качестве эквивалентов глаголов и отглагольных существительных со значением действия: *заходити въ тылъ, ударити въ тылъ, сѣчи въ тылъ, ударити въ конѣ, вдати на щитъ, завести (заводити) нѣшцѣ, пустити на воропъ, поити на грунахъ, голову сложити, всадити на конь, воздвигати (воздвигнути) рать, сѣкти (на) рать, держати рать, наворотитися на бѣгъ* и многие другие.

Вопрос о фразеологии в военной терминологии древнерусского языка представляет собой сложную и особую проблему. Здесь он затрагивается постольку, поскольку рассмотренные выше глагольные обозначения военных действий связываются прежде всего с функционированием фразеологических сочетаний самого различного характера — от полусвободных до неразложимых идиоматических выражений. Большая часть глаголов реализует свое военное значение именно в условиях такой сочетаемости. Здесь только нужно отметить, что некоторые исследователи неправомерно расширяют состав фразеологизмов, включая в него свободные словосочетания, функционировавшие в языке в роли привычных штампов, устойчивых формул типа *брань крѣпка, сѣча зла, рать люта* — обычные штампы и *стояти у города*,

¹² А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4, М., 1902.

стояти у болонь, поставити стягъ и т. п. Нет оснований считать, что эти и им подобные формулы представляют собой резерв, из которого развиваются подлинные фразеологизмы. Оба компонента таких сочетаний полностью сохраняют свое лексическое значение и обладают широкой свободой вступать в связи с другими словами. Сумма значений компонентов сочетания не образует нового семантического комплекса, соответствующего одному понятию.

От целого ряда глаголов, употреблявшихся для обозначения военных действий и процессов, уже в древнерусскую эпоху были образованы отглагольные имена. Имя по характеру своего значения, по способу отражения действительности более приспособлено для обозначения специальных понятий, чем глагол. Не случайно поэтому чем ближе к XVII в., тем больше отглагольных имен занимает свое место в системе военной терминологии. Количество имен со значением военных действий и процессов хотя и не так велико, как количество глагольной лексики, однако включает в себя более сотни наименований: *верстанье, вооружение, доспѣхъ, дозоръ, лазучество, лазучение, призоръ, поискъ, съглядъ, разгонъ, разгляда, разгляданье, караулъ, сторожа, подкрута, ходы, излазъ, сретенье, изгонъ, изгона, наѣздъ, воропъ, навоженье, навожденье, налогъ, насилие, повоевание, избитье, боръ, брань, борьба, съча, побоище, снятие, сътупление, съступа, съкупъ, соимъ, совкупъ, осада, обдержанье, погромъ, иаронъ, гонъ, побѣгъ, взятие, побѣда, побѣждение, оборона, оборонъ, бережъ, береженье, обереганье, остереженье, заступление, обрытье, засѣка, отсѣкъ, отсѣка, остоя, подкопъ, стоянье, походъ* и др.

Круг глаголов, вовлекаемых в сферу выражения военных понятий в языке XI—XVII вв., как это было видно по материалам, достаточно широк и разнообразен, и в нем на первый взгляд покажется много неупорядоченного и хаотичного. На самом деле это не так. Прежде всего надо констатировать достаточно строгую выдержанность лексической группы с точки зрения семасиологической. Как было показано, расширение некоторыми исследователями круга слов, передающих представление о военных действиях, нередко оказывается ошибочным.

Можно наметить определенные закономерности взаимоотношений между восточнославянскими словами и формами и элементами, относящимися к старославянской языковой стихии. Эти закономерности в общем те же, что и в лексике именной. Параллелизм между именной и глагольной лексикой обнаруживается и в историческом движении, в тенденциях к специализации значений слов в связи со становлением и развитием системы военных понятий.¹³

¹³ О глагольной военной лексике XVII в. см.: О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей XVII в. Л., 1969, стр. 108—117.

Совокупность лексических средств, служивших для выражения военных понятий в русском языке XI—XVII вв., включала в себя чрезвычайно богатый и разнообразный набор слов и выражений, различные элементы которого занимали различное место в лексической системе общенародного языка; степень семантической специализации их была неравномерной и неодинаковой.

Если рассматривать слова и их значения исходя только из закономерностей профессионального (=специально терминологического) словоупотребления, можно констатировать конкретную определенность и устойчивость всех слов (и собственно терминов, и их временных «заместителей»), их семантическую взаимосвязь и взаимообусловленность, отражающую взаимосвязь понятий, идей, обслуживающих военное дело, т. е. можно установить наличие признаков, характерных для терминологической системы — системы военной терминологической лексики. Однако этот набор лексических средств не представляет собой замкнутого круга, резко отграниченного от других сфер лексики. Наоборот, легко вскрываются многочисленные и разнообразные линии взаимодействия с другими тематическими группами, с лексикой ветеринарической, с лексикой общего языка, с лексикой старославянской по происхождению и ограниченной в функциональном отношении определенным жанром памятников. Все это делает картину функционирования исследуемого пласта лексики чрезвычайно сложной и многоплановой.

Если рассматривать военную лексику в плане ее соотношений с лексикой общенародного языка, можно констатировать неустойчивость значений и употреблений слов, глубокие и легко ощущаемые связи собственно терминов и их временных «заместителей» с общенародными, бытовыми значениями и словами. При этом отодвигаются на задний план терминологические отношения слов

друг с другом. В этих условиях говорить об особой системе, военной терминологии в древнерусском языке чрезвычайно затруднительно. Это скорее только складывающееся терминологическое единство. Но как раз многосторонние связи военного словоупотребления со словоупотреблением общенародного языка свидетельствуют о том, что военная лексика и фразеология не являются механическим, бессистемным и случайным собранием разнородных элементов, а представляют собой определенную систему, пусть зыбкую и не во всех частях до конца выработанную, в которой были, конечно, и колебания, и вариативность, и избыточность в синонимии, и недостаточность в определенных названиях, но все это было характерно и для древнерусского языка в целом, а не только для военной отрасли словарного состава языка. Близость профессионального (в данном случае военного) словоупотребления к словоупотреблению общенародного языка прослеживается по многим направлениям и прежде всего наблюдается в отборе лексических средств. В этом проявляется действие определенных норм словоупотребления, сложившихся в литературном языке киевской эпохи и дававших о себе знать много времени спустя после падения Киева.

В огромном большинстве летописных статей, в воинских повестях, деловых документах военного содержания и т. п. преобладающей является лексика восточнославянская. Средствами восточнославянской лексики выражаются понятия, относящиеся к самым различным областям общественной, хозяйственной, культурной деятельности, понятия, относящиеся к жизни и быту древнерусского общества. Военная сфера древнерусской речи принадлежит к тем профессиональным сферам языка, в которых особенно активную и определяющую роль играли элементы восточнославянской лексики и фразеологии.

Истоки древнерусской военной лексики относятся к эпохе общеславянского единства. Целый ряд обозначений наиболее общих понятий военного дела древнерусский язык получил от общеславянского. Однако количество таких обозначений невелико, а круг понятий, обозначаемых ими, достаточно узок. Церковнославянизмы в составе военного словаря также не занимали заметного места. Характерной особенностью церковнославянских лексических элементов была ограниченность их функционирования рамками языка церковнославянских клерикальных памятников. Активный запас военной терминологии, актуальные военные значения слов, особенности взаимоотношения термина и слов друг с другом, отражающие формы военного мышления, складывающуюся систему военных понятий — все это было сугубо восточнославянским явлением. Лишь единичные церковнославянизмы входили в активный запас «практического» языка военных.

Восточнославянская основа военной лексики и фразеологии русского языка XI—XVII вв. характеризует не только рассмот-

ренные выше группы слов. Она занимала ведущее место и в других отделах военного словаря. Многие исследователи приходили к такому же выводу при изучении других пластов древнерусского словаря. Уже в древнекиевскую эпоху восточные славяне достигли высокого уровня в развитии военного дела, форм организации вооруженных сил, в социальной жизни. Свидетельством этого служит богатая и разнообразная система понятий, относящихся к военному делу, и соответствующий ей набор лексико-фразеологических средств выражения. Важно при этом отметить, что указанный набор лексико-фразеологических средств был соответствующим образом организован в определенную систему, и в этой системе намечались известные закономерности. Эти закономерности как раз и явились тем регулирующим началом, под воздействием которого происходило дальнейшее обогащение и развитие русской военной терминологии вплоть до середины XVII в. «В сфере письменной речи, как в XI—XII вв., так и позже, родной язык в разной степени во всех жанрах является основным источником всех языковых изменений», — писал Ф. П. Филин.¹ Это положение подтверждается как количественным преобладанием восточнославянских элементов словаря, так и тем, что «термины восточнославянского происхождения составляют тесно спаянные в семантическом отношении группы». «Несколько иную картину, — пишет Ф. П. Филин, — представляла собою военная фразеология, в которой при „литературной“, „образной“ характеристике военных событий древнерусскими писателями имела заметная струя книжной традиции (с включением в нее церковнославянизмов и смысловых византизмов), дававшая себя знать в обилии стандартных формул, языковых штампов».² При этом Ф. П. Филин ссылается на статью А. С. Орлова.³ Однако в статье Орлова рассматриваются не языковые фразеологизмы, а устойчивые, привычные формулы литературного выражения, своеобразные штампы, переходившие из века в век. Приводимые Ф. П. Филиным примеры военных фразеологизмов также не относятся к явлениям языка. Что же касается военной фразеологии как совокупности устойчивых оборотов, сочетаний, приравниваемых к слову, то в ней также основную часть составляли восточнославянские элементы. Материалы, приводимые выше, особенно в лексике глагольной, красноречиво говорят в пользу этого заключения.⁴

¹ Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 167.

² Там же, стр. 166.

³ А. С. О р л о в. Об особенностях формы русских воинских повестей, кончая XVII в. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4. М., 1902.

⁴ О господстве «практически-деловой» военной фразеологии в Сибирских летописях говорит В. Л. Смирнов в статье «Устойчивые словосочетания в древнерусском языке. (На материале Сибирских летописей)» (Вопросы языка и литературы. Изд. Новосибирского ун-в., вып. 1, 1966, стр. 103).

Сложившаяся к первой половине XVII в. совокупность военной лексики и фразеологии прошла большой и сложный путь развития. Несмотря на довольно богатый и разнообразный состав военной лексики и фразеологии в древнерусском языке старшей поры, только немногие слова и сочетания слов могут быть отнесены к собственно военным терминам: *полкъ*, *рать*, *дружина*, *заступъ*, *мечъ*, *воѣвати* и т. п. Но и эти термины и тем более другие элементы военного языка Древней Руси теснейшим образом были связаны с общим словоупотреблением. Границы между тем и другим были зыбки и слабо очерчены, не было еще отчетливо выраженной замкнутости, характерной для современных профессионально-терминологических сфер словоупотребления (хотя и в современном состоянии можно говорить лишь об относительной замкнутости, легко провищаемой). Не получила широкого развития своеобразная система отношений различных терминов друг с другом, что является отражением не вполне сложившейся, а только вырабатывавшейся системы военных понятий, идей. Возможно, что в этом сказывалось закономерное отставание языкового выражения от движения форм общественной жизни, но это отставание не было большим.

Развитие военной лексики и фразеологии русского языка от XI до первой половины XVII в. выражалось прежде всего в пополнении состава группы новыми лексическими элементами. Сотни слов за этот период получают специальное значение и вовлекаются в новую для них функциональную сферу употребления. Эти приобретения складываются из лексических новообразований, сразу входивших в состав военной терминологии, и из слов, известных в языке в других значениях и получивших в военной сфере словоупотребления новые значения и оттенки. Так, старый фонд военной терминологии в XVI—XVII вв. обогащается такими терминами, как *пѣхота*, *конница*, *стрѣльцы*, *пушкари*, *пищальники*, *затинчики*, *воротники*, *станция*, *станичникъ*, *вѣстовицкѣ* и мн. др. Уже с XVI в. начинается заметное пополнение военной терминологии иноязычными заимствованиями, это единичные заимствования из тюркских языков — *ертаулъ*, *есаулъ* (*ясаулъ*), *караулъ* и некоторые другие и довольно значительная по количеству и обладающая тематическим единством группа лексических заимствований из западноевропейских (преимущественно из немецкого и французского) языков — *солдатъ*, *капитанъ*, *майоръ*, *генералъ*, *порутчикъ*, *прапорщикъ*, *сержантъ*, *фельдфебель*, (*фельдвелъ*), *каптенармусъ*, *профосъ* и более ранние *атаманъ*, *гетманъ* и т. п.

Среди иноязычных заимствований, как было показано выше, основную часть составляют наименования воинов, определяющих их место в иерархической, служебной лестнице, т. е. наименования воинских чинов и званий, и (менее значительную) названия воинских отрядов, оружия: *рота*, *капральство* (*корпоральство*),

мушкетъ, карабинъ, фузея и др. Что касается наименований воинов по профессиональному признаку, то абсолютное большинство их принадлежит к словам исконно русским, сюда же относятся и слова, образованные от давно заимствованных и «обрусевших» основ по моделям, действовавшим в русском языке (*караулъ* → *караульщикъ*).

В активном фонде военной лексики русского языка XVII в. были слова и терминологические сочетания — *полкъ, рать, войско, воинские люди, ратные люди, служилые люди, засада, застава, станица, караулъ, стрѣльцы, солдаты, казаки, пѣхота, конница, конные люди, мушкетеры, копейщики (пикинеры), рейтары, воевода, голова (казачий, стрѣлецкий и т. п.), гетманъ, полковникъ, генералъ, капитанъ, капитанский, прапорщик, поручикъ, маоръ, капрал (корпоралъ), сержантъ, урядник, фельдфебель (фельдвелъ), каптенармусъ*; многочисленные наименования воинов по профессиональному признаку — *пушкари, затинщики, воротники, городничие, караульщики, нарядчики, вестовщики, лазутчики (лазутники), станичники, камышники, обозники* и т. п.; поистине необозримый круг глаголов и отглагольных имен, служивших для обозначения военных действий и процессов, — *воевати, воина, бити, бой, побоище, сѣча, брань, битва, сражение, драка, драться, вылазка, выѣсти, приступъ, подкопъ, осади, осадити, осаждати, караулити* и многие другие, среди которых есть слова типа *приступъ, вылазка, осада, воевати*, обладающие большой степенью специализации значения и отличающиеся регулярностью и устойчивостью употребления в военном языке, но больше таких, для которых эта функция была периферийной, не основной.

Естественно, что этот состав военной лексики сложился не сразу, он прошел через ряд промежуточных состояний, в нем легко вскрываются различные хронологические пласты.

К древним, прошедшим большой исторический путь развития элементам военной лексики принадлежат слова *полкъ, рать, войско, воинъ, воевода, воевати, сѣча, воина, брань, засада, застава, стрѣльцы, побоище, силы, люди (воинские, ратные), битися, осада, осадити, подкопати, обложити, нападати, напасти, наступати, стояти* и т. д. Особенно много таких слов в глагольной лексике.

Многие слова и терминологические сочетания вышли из активного словоупотребления или полностью были утрачены языком, будучи заменены новыми наименованиями. Иногда выработка нового термина сопровождается сложными языковыми процессами и длится продолжительное время. Так, если в старший период древнерусского языка для названия воинов, действующих в пешем строю, были термины *пѣшъци, пѣшие люди, пѣшие*, то к первой половине XVII в. в этом значении закрепляется термин *пѣхота*. То же самое наблюдается с наименованиями кон-

ньники, конѣ(ь)ники, конные люди, которые к этому времени вытесняются термином *конница*. Процесс образования этих наименований проходил наряду с формированием понятий о конном и пешем войске как противопоставляемых родах войск (понятий, существующих в сознании людей именно благодаря этому противопоставлению).

Вышли из активного военного употребления термины *дружина, гридь, гридьба, гридинъ, гриденка, кметъ, отрокъ, пасынокъ, мечникъ, меченоша, шестникъ, молодежь, чадь, детьскыи, металъникъ, тысяча* ('городское войско'), *старцы градскіе, вои, воиникъ, ошминъ, стягъ* ('войско'), *земля* ('войско страны'), *область, облава, оруженосецъ, оружникъ, оружный, оружничей, оружейничей, потребитель, трудположникъ, броницъ, сбъецъ, сбъца, сбъчиво, стрѣльникъ, забральникъ, стяговникъ, копие* ('часть войска'), *возникъ, наворопникъ, сънузникъ, берладникъ, зажитникъ, дворъ* и мн. др. Изменения затронули и глубинные стороны семантической системы военной терминологии.

Лексема *стрѣлецъ*, приобретя новое значение, стала в XIV в. обозначать как стрелка из лука, так и стрелка из огнестрельного оружия. В XV—XVI вв. в связи с отодвижением лука как военного оружия на второй план новое значение в слове *стрѣлецъ* становится основным, а для стрелка из лука вырабатывается новый термин — *тулавецъ* (нередко эти два понятия противопоставляются, отчетливо выделяются; ср. употребления типа «тулавы и огненные стрѣльцы»). Коренным образом преобразуется семантика термина *воевода*, который стал с XVI в. обозначать и военачальника и главу местной административной власти в Московском государстве (воеводское управление).

Выше уже подробно рассматривался вопрос о преобразованиях в семантической системе таких терминов, как *полкъ, рать, войско, вои, сила, люди*, преобразованиях, приведших в итоге к подлинной терминологизации ряда слов (*полкъ, войско*) и к перераспределению мест в синонимической группе с общим значением ('название воинского отряда').

Не все приобретения военной лексики русского языка XV—XVII вв. заняли в нем прочное и устойчивое положение. Многие из того, что вошло в военный язык до XVII в., было вскоре утрачено им. Вышли из употребления *даточные люди, жилецкіе люди, жильцы, ертауль, тулавецъ, пищальники, затинишки, новокрещены, мурзы, посоха* и мн. др. Причины отмирания этих и подобных им терминов лежат в основном и прежде всего в изменениях, происходящих вне языковой действительности. Однако многие из этих слов еще живы в первой половине XVII в., их «устаревание» лежит за пределами периода, исследуемого в работе, поэтому разумно ограничиться сделанным замечанием, не входя в детальную характеристику дальнейшей судьбы военного словаря. Здесь нужно заметить, что хронологические пласты (по термино-

логии Б. А. Ларина, «изохронные группы слов») можно наметить только в достаточно широких границах (с заведомо подвижными очертаниями этих границ). Естественно, что достоверность хронологической приуроченности тех или иных слов или отдельных групп лексики будет зависеть от степени изученности памятников письменности и историко-культурных условий эпохи.⁵

Рассмотренные в работе слова и выражения вступали в языке в различные лексико-семантические отношения и связи. Прежде всего обращают на себя внимание широко представленные случаи полилексии (которые включают в себя как синонимические отношения, так и отношения дублетности) и полисемии (с четко очерченными или недостаточно отчетливо дифференцированными значениями и отношениями). Изученные группы лексики характеризуются также достаточно богатым набором слов от одинаковой (одной) основы. Намечаются также другие виды отношений, например вещественная (объектная) и контекстуальная общность при наличии дифференциальных признаков у отдельных членов поля. Лексическую ценность, значимость слова в словарном составе языка можно установить только при учете всех этих характеристик: лексического значения, стилистической квалификации, отношения с другими словами, принадлежности к определенной лексико-семантической группе и места, занимаемого словом в этой группе.

Анализ процессов, протекавших в военной лексике с XI по XVII в., дает возможность выделить несколько микросистем, понятия которых подвергались терминологизации, иными словами — наметить ряд микросистем в системе военной терминологии, в которых процессы пополнения группы новыми названиями, процессы специализации значений старых слов протекали наиболее интенсивно. Это прежде всего: а) названия войск в целом и его отдельных отрядов; б) наименования родов войск; в) названия воинов по профессиональному признаку; г) названия воинов по служебному положению; д) названия процессов и явлений, отражающих формы организации армии, ее набора; е) названия тактических приемов и способов ведения боя. К этому надо прибавить еще бурно растущую номенклатуру наименований оружия и оборонительных сооружений, которая нами также рассмотрена, но не включена в настоящую работу исключительно из-за недостатка места. Но закономерности развития, наблюдаемые в рассмотренных тематических группах, могут быть рас-

⁵ Многие слова и словосочетания военного языка XVII в. вошли в состав военной терминологии XVIII в. и продолжают жизнь в русском языке нового времени на правах военных терминов. См. об этом: И. Ф. Тузов а. Русская военная лексика 2-й пол. XVII—1-й пол. XVIII в. Канд. дисс. М., 1956; И. С. Хаустова. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Уч. зап. ЛГУ, № 198, Сер. филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 51—95.

пространены и на названия оружия и оборонительных сооружений.

Исследователь военной лексики древнерусского периода встречается с необыкновенно широкой синонимией в определенных микросистемах, с вариативностью морфологического состава лексики, с многозначностью военных терминов. Чем вызвано, что в названиях войсковых объединений (войско в целом), в обобщенном наименовании воина существует на первый взгляд «неупорядоченное» употребление ряда параллельных наименований, а в названиях отдельных отрядов и воинов такой синонимии нет? Что здесь — отражение неязыковых условий, нечеткое представление о реальных понятиях, невыработанность терминологии, стилистико-жанровая дифференциация лексики или и то, и другое, и третье вместе? Чем объясняется, с другой стороны, вариативность форм в названиях отдельных воинов, так широко представленная в военной терминологии? Каковы причины полисемии слов, обладающих специальными значениями?

Обычно наличие синонимических параллелей в составе той или иной терминологии, как и факты полисемии в системе терминологии, используются в качестве доказательства тезиса о том, что данная система терминологии находится в процессе складывания, формирования, в стадии становления.

Это не совсем верно. Верно, когда эти факторы подтверждаются другими, например свидетельством о незаконченности формирования системы понятий той или иной специальной области. Неверно, если синонимия и полисемия терминологии берутся в отрыве от системы понятий и рассматриваются сами по себе. Наличие более или менее развитой синонимии и полисемии в терминологических системах наблюдается на любых этапах развития последних. Это объясняется тем, что в конечном счете терминология — это часть словарного состава языка, теснейшим образом связанная с ним, и развивается по тем же законам, что и весь словарный состав. Желание людей, имеющих дело с терминами, таким образом, не всегда находят подтверждение в объективных языковых законах, по которым развивается лексический состав языка (вместе с терминологиями).

Не случайно исследователи тех или иных терминологических систем отмечают наличие более или менее богатой синонимии, широко развитой полисемии в терминологиях и в период их формирования, и в периоды существования давно сложившейся терминологии. См., например, об этом двухтомное исследование Л. Л. Кутиной о языке русской науки начала XVIII в., в котором хорошо показано богатство синонимических параллелей и широкая полисемия в системе терминологии ряда областей науки.⁶

⁶ Л. Л. К у т и н а. 1) Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964; 2) Формирование терминологии физики в России. М.—Л., 1966.

Конечно, при этом совершенно необходимо учитывать влияние фактора становления, выработки терминологии, который во многом предопределял и умножал наличие отмеченных явлений. В развитии полисемии сказывается также и фактор так называемой терминологической недостаточности, когда новое понятие специальной области называется на первых порах старым термином, не вполне адекватно отражающим сущность данного понятия. В дальнейшем или происходит выработка нового обозначения данного понятия, или в старом слове развивается полисемия. Закономерным следует считать как тот, так и другой случай. Ср. в этом отношении замечание О. Н. Трубочева: «Не вдаваясь пока здесь в конкретные примеры, укажем на такое свойство терминологии, как способность обходиться какое-то время традиционным, прежним инвентарем названий, даже тогда, когда уже есть налицо дополнительные, новые реалии, еще не имеющие своих специальных названий. Эта как бы постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реального технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию прийти в соответствие с материальным прогрессом, но, во-первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а во-вторых, сам по себе способ достижения этого соответствия обычно выдает себя. В ходе осуществления названной тенденции „пустое место“ в терминологии действительно заполняется. В итоге возникает ситуация, которая на первых порах может ввести в заблуждение».⁷

История военной терминологии русского языка убедительно показывает, что на первых порах, в начальные периоды формирования терминологии, в ней были сильны тенденции выражать особые специальные смыслы, формирующиеся новые понятия посредством уже существующих русских слов самого широкого значения. Это в большей степени характерно было для глагольной лексики, вовлекаемой в круг обозначений военных понятий. Лишь значительно позднее, в XV—XVII вв., начинает заметно проявляться противоположная тенденция — новые специальные смыслы, новые специализированные значения выражать особыми словами.

Овладение специальным понятием и соответствующим ему термином широким кругом говорящих (всем коллективом, говорящим на данном языке) еще более способствует развитию в терминологических системах явлений синонимии и полисемии, ибо это приводит к тому, что в определенные отношения со специальными словами и значениями становятся общенародные, бытовые слова и значения, в результате чего возникают новые связи и ассоциации.

⁷ О. Н. Трубочев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 9.

Развитие синонимии в терминологических системах, так же как наличие в них полисемии, нельзя считать чем-то необычным. Будучи частью словарного состава языка, терминология подчиняется общим закономерностям его развития, и в ней наблюдаются аналогичные процессы и явления.

Справедливо замечание В. В. Данилова о причинах широкой синонимии в языке грамот и других произведений деловой и официальной письменности: «Стремление сочинителей грамот к тому, чтобы их содержание служило „ко укреплению и к прибыли вперед прочно и стоятельно“ и чтобы власти на местах „не гораздо плутали“, вызвало насыщение языка грамот синонимическими словами и выражениями, которые, подкрепляя мысль, ведут к ее более красочному словесному оформлению. Из грамот можно выбрать несколько десятков синонимов, имеющих целью усилить впечатление от сообщения, сделать более веским приказание, более строгим выговор, глубже разжалобить лицо, которому адресована челобитная».⁸ Мы далеки от того, чтобы свести все причины развития широкой синонимии к этой единственной, но вместе с тем не учитывать ее также было бы большой ошибкой.

Называние новых понятий, выражение новых смыслов старыми словами предопределяется тем, что, как писал Л. В. Щерба, «всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно выражать все новые и новые смысловые оттенки».⁹ Так появляются полисемантические слова. Но известно, что разворачивать, расширять свою семантическую систему путем номинации новых явлений может не одно какое-либо определенное слово, а вся совокупность лексем с тем или иным значением. Став термином, получив специализацию значения, слово тянет за собой в новую функциональную сферу употребления все, что с ним связано семасиологически или словообразовательно. Так создаются новые синонимические ряды со сложными и многосторонними отношениями их членов.

В древнерусском языке старшей поры (XI—XIV вв.) выделяется чрезвычайно широкая по составу группа слов, обозначающих военные отряды, войско как единое целое. Все слова этой группы, как было показано, находились в отношениях синонимии: *полкъ, рать, дружина, сила, вои, воины, люди, земля, область, полчищ(е), ополчение, войско, воинство, ратнии, исполнение, стягъ, земля, облава, орда*; все они могли обозначать войско без указания на его величину, его назначение, принадлежность к тому или иному противоборствующему лагерю и т. п. Различия между синонимичными словами лежали не в семантической пло-

⁸ В. В. Д а н и л о в. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII в. Тр. ОДР, т. XI, 1955, стр. 240.

⁹ Л. В. Щ е р б а. Русско-французский словарь. М., 1939, стр. 3.

скости, а в широте употребления, в большей или меньшей специализации значения (= терминологичности), в жанрово-стилистической дифференциации их. Так, если слова *полк*, *рать*, *дружина*, *вои*, *сила*, *люди*, *ратный* были обычными терминами практического военного языка, широко и свободно употреблялись в оригинальных памятниках самого различного содержания, то лексемы *облава*, *стягъ*, *исполчение*, *воинство*, *область* нельзя причислить к терминам активно действующего древнерусского словаря, их функционирование связывается с жанрами переводной церковной и тому подобной литературы. Такая же картина наблюдается в микросистеме названий отдельного воина, в группе лексики, обозначающей лиц «командного состава» высшего ранга (*воевода*, *военачальник*, *стратигъ*, *архистратигъ*, *воиникъ* и др.). Синонимия в последнем случае создавалась в результате столкновений исконно русских слов с терминами, взятыми из старославянского языка и заимствованными из греческого. Эти последние были ограничены строго определенными рамками употребления и не входили в состав практического военного языка. Они, собственно говоря, не являются синонимами русским терминам, так как входили по существу в другую языковую систему. Недаром они, как правило, не «подчинялись» действию семантических законов: в словах *полкъ*, *рать*, *дружина*, *вои* и других изменение значения в одном слове вызывало соответствующие сдвиги в его синонимических параллелях; слова *облава*, *стягъ*, *исполчение* таких изменений не переживали. Они известны по памятникам неоригинальной письменности или встречаются в оригинальных памятниках, но в характерных контекстах, представляющих собой род цитат (с различной точностью передачи цитируемого источника), или выполняют специальные стилистические задания. Это хорошо прослеживается на материале произведений Ивана Грозного, его корреспондентов — лиц духовного звания, а также и на летописном материале, в местах, где летописцы давали «образную», литературную характеристику военных событий.

Интересные мысли относительно различий в лексическом выражении идей в зависимости от способа отражения действительности высказывал И. П. Еремин, доказывавший, что «воспроизведение единичных фактов действительности» имело в древнерусской литературе «деловое», практическое назначение и воплощалось в соответствующие формы народно-бытового или документально-делового речевого обихода, а на «широкие просторы искусства», относящиеся к теории и истории книжно-славянской словесности, художник выходил лишь тогда, когда рисовал «не действительность, а порожденные ею идеалы».¹⁰ Такую же точку зрения еще

¹⁰ См. об этом: В. В. В и н о г р а д о в. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. ВЯ, 1968, № 1, стр. 11.

раньше высказывал В. М. Истрин, который утверждал, что если язык богословских, религиозно-догматических памятников отличался стереотипностью, трафаретностью (в нем почти не было русизмов), то когда речь шла об общественной, бытовой или профессиональной жизни, язык повествования был наполнен живыми народно-русскими элементами. Особенно это заметно, если речь шла о военных событиях.¹¹

В процессе развития военной лексики русского языка XI—XVII вв. действовали две противоположные тенденции — терминологизация и детерминологизация. Под терминологизацией следует понимать все процессы, ведущие к специализации значения слова, как и создание новых слов-терминов на базе бытовых общеупотребительных слов и их значений. Детерминологизация представляет собой явление противоположного характера и состоит в потере термином черт и особенностей, характерных для этой категории лексики, превращение его в слово «общего» языка. Специализация значений общих слов вызывается формированием, уточнением и выработкой системы специальных понятий, в нашем случае — системы военных понятий, все большим отграничением этой системы понятий от других систем и от бытовых, «тривиальных» понятий; иначе говоря — отграничение определенной системы идей, понятий, обслуживающих ту или иную специальную сферу деятельности человеческого коллектива, от других систем идей и понятий, вызывает отграничение соответствующих слов и их значений от остальной части словарного состава. Такое отграничение следует считать первым шагом к приобретению словом особенностей термина. Процесс выработки терминологии, его первые шаги сопровождаются широким использованием синтаксических приемов выражения специальных понятий: терминологические словосочетания, конструктивно-обусловленные значения, содержание контекста, формирующее значение слова, описательные характеристики понятий и явлений военного дела и т. п. Все это хорошо прослеживается на всех категориях военной лексики, особенно же сильно проявляется в лексике глагольной. Как можно было видеть, даже наиболее устойчивые в военном употреблении глаголы типа *воевать*, *воеватися*, *бити*, *битися* обычно реализуют свое военное значение в определенных предложных конструкциях или в сочетании с именем, обозначающим военное понятие. Большинство же глагольной лексики в качестве обязательного условия для реализации военного значения требует наличия строго определенной конструкции или сочетаемости с именами, имеющими военные значения.

¹¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. 2. Пгр., 1922, стр. 413—414.

Противоположная тенденция — тенденция к детерминологизации — вызывается двумя причинами, одна из которых социолингвистическая, другая — внутрилингвистическая, порождаемая системными связями и отношениями в лексике языка. Первым шагом к детерминологизации слова следует считать выход его за узкие рамки специального (ремесленного, профессионального, технического и тому подобного употребления). Пути проникновения профессионально-терминологической лексики в общелитературный язык весьма разнообразны и сложны. Детерминологизация слова, потеря им признаков, присущих специальной лексике, связана прежде всего с потерей специализации понятия, что обычно происходит в случаях, когда этим понятием овладевают широкие круги говорящих на том или ином языке. Многим терминам вообще не суждено выйти за границы специального словоупотребления. Другие, наоборот, сравнительно легко перешагивают эти границы и начинают жизнь обычного слова (не всегда теряя при этом способность выражать и прежние специальные смыслы). Это зависит от многих обстоятельств и определяется прежде всего степенью вовлечения широких масс в сферу деятельности той или иной профессиональной группы, т. е. ростом удельного веса этой профессии в жизни общества.

Военная «профессия» в этом отношении занимает, как говорилось выше, совершенно особое место.

Общественная значимость профессии, ее актуальность в жизни общества составляют только одну сторону, определяющую характер и возможности проникновения термина в общее употребление. Однако далеко не достаточно учитывать только эту сторону. На характер и возможность детерминологизации не меньшее влияние оказывают те многосторонние сугубо языковые связи и отношения, которые существуют между специальной лексикой и словарным составом «общего» языка.

В истории военной лексики русского языка XI—XVII вв. можно наметить три этапа, каждый из которых характеризуется особыми условиями и закономерностями развития.

1) XI—XIII (XIV) вв. — военная лексика развивается в едином процессе исторического движения лексики языка восточнославянской народности, когда влияние нормы древнекиевской эпохи наиболее сильно и действенно. Абсолютное большинство терминов и слов, обслуживающих сферу военного общения, особенно основных, опорных терминов, принадлежит славянскому (общеславянскому и восточнославянскому) фонду. Влияние других языков незначительно. Татаро-монгольское завоевание не внесло ничего существенного ни в формы организации армии, ни в тактические приемы боя, ни в техническое оснащение войск, ни тем самым в языковые средства обозначения военных понятий. И военная лексика и военная фразеология древнекиевской эпохи получили широкое распространение во всех областях Киевской

Руси. В этот период областные, диалектные элементы в военной терминологии занимают незначительное место, которое при общей характеристике состояния избранного пласта лексики может не приниматься во внимание. Этим военная лексика и фразеология отличаются от других систем профессиональной терминологии (например, строительной или рыболовецкой), в которых областной элемент в значительной степени определяет общее состояние их.

2) XIV—XV (XVI) вв. — период, когда наиболее сильно проявляются центробежные тенденции в общественной жизни, приводящие к заметному оживлению диалектного расслоения в русском языке. Именно в это время в военной лексике и фразеологии появляется значительное количество диалектизмов, характерных для речи той или иной области русского государства. Эти диалектизмы представляют собой род локализов, а не диалектизмов в современном понимании, ибо тем или иным названиям, известным в одной области (или в ряде земель), противостояли (были противопоставлены) не общенародные (общие для русского языка всей территории Московского государства) наименования, а слова и термины, известные в других локально ограниченных районах и равноправные с ними. Ни те, ни другие не были противопоставлены и общенародной норме. Конечно, сложившаяся в киевскую эпоху общерусская система литературного языка с его профессиональными ответвлениями оказалась настолько высокоразвитой и устойчивой, что и в эпоху феодальной раздробленности Руси, в тяжелые времена татаро-монгольского владычества и польско-литовских завоеваний, когда общерусского центра уже не было, эта система, хотя уже в известной степени окрашенная местными диалектными чертами, продолжала функционировать, продолжала выполнять свою объединительную роль, сохраняла свои основы во всех восточнославянских языках и диалектах. Выработанные в Киеве специфические особенности военно-профессиональной речи, отраженные в ранних летописях, продолжают сохраняться в русской письменности в течение долгого времени. В этом можно видеть как проявление письменных традиций, отличающихся большой устойчивостью, так и сохранение этих особенностей в разговорном языке самых различных восточнославянских областей.

Второй характерной особенностью этого периода в истории военной лексики было заметное, значительно усилившееся по сравнению с древнейшим периодом влияние иноязычного материала. Количество заимствований (прямых и опосредованных) из западноевропейских языков, и прежде всего из польского и немецкого, в XIV—XVI вв. значительно; их употребление, однако, характеризуется неустойчивостью, зачастую случайностью и нередко вызывается определенными требованиями стиля, жанра или содержания памятника. Обычно же эти слова употреблялись

для называния явлений, характерных для соседних народов и государств и неизвестных русскому человеку (*кумендёръ, мѣстеръ, моршолдъ* и т. п.). Это так называемые *Fremdwörter* — чужие слова. Большая часть из них так и не была освоена русским языком и забыта. Основная масса заимствований проникала в русский язык через северо-западные диалекты Новгородско-Псковской земли.

3) XVI—XVII вв. — время консолидации великорусской народности вокруг ставшей сильной, с высоко развитыми централистскими тенденциями Москвы. Язык Москвы все больше и больше начинает заявлять о себе как о языке общем для всего русского народа, что, конечно, способствует устранению резких диалектных различий. Это особенно заметно протекает в терминологических системах специальных сфер, по своему существу общих для всей территории Московского государства (к таким как раз и относится военная терминология). Употребление такого рода терминов в официальных, деловых бумагах и документах значительно облегчает процесс утверждения того или иного термина и названия в качестве общерусского. Местные наименования с этих пор становятся в положение диалектизмов, областных эквивалентов общерусских слов и уже в силу этого становятся менее устойчивыми, чем в то время, когда они были локализмами.

Продолжается и усиливается обогащение военного словаря словами и выражениями, заимствованными из других языков. Этот процесс совпадает с перестройкой военной организации Русского государства на новый, европейский лад и поддерживается ею. Термины, пришедшие из других языков для обозначения новых понятий и явлений военного дела, прочно усваиваются русским языком, становятся единственными наименованиями соответствующих явлений. Они становятся членами лексической системы русского языка, обрастают словообразовательными дериватами, созданными по русским моделям, и фразеологическими связями, свойственными соответствующим лексическим разрядам русского словаря. В силу столкновения такого рода новообразований со словами старого фонда военной лексики нередко наблюдается вытеснение из активного употребления или совсем из словаря языка исконно русских слов, некогда игравших огромную роль, но к XVII в. переставших выражать коренным образом изменившиеся понятия, реалии и процессы военного дела, а заимствованные слова приспособляются к семантической системе русского языка. Ср. в этом отношении замечание Ю. С. Сорокина: «Заимствование иностранных слов не является механическим переносом отдельных слов из одного языка в другой. Это вместе с тем процесс органического усвоения новых лексем, новых словообразовательных элементов (основных и аффиксальных) и семантического приспособления к сложившейся в данном языке системе

словарного состава. Судьба заимствованных слов находится в прямой зависимости от хода этого процесса семантического приспособления, от того, насколько их введение оправдано потребностью выражения особых понятий, новых значений и смысловых оттенков». ¹² К середине XVII в. полное «семантическое приспособление» иностранных элементов к русской лексико-семантической системе в военной сфере словоупотребления, их взаимопроникновение еще не произошло. Эта изолированность, обособленность двух лексико-семантических стихий довольно отчетливо проявляется во многих письменных памятниках эпохи, между прочим и в таком памятнике, как сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», ¹³ одна из глав которого посвящена описанию военной организации России середины XVII в. — «О воинскихъ зборахъ». В памятнике намечаются две противопоставленные группы военных терминов, отражающие организацию вооруженных сил России, — термины русского (восточнославянского) происхождения или древние заимствования и заимствованные в XVI—XVII вв. Первые характеризуют войско старого типа: *столники, бояре, стряпчие, дворяне, жилцы, казаки, стрѣльцы, дѣти боярские, татары; сотня, головы (сотенные), атаманы, порутчики, знаменщики, трубачѣи, литавричики; воевода; стрелѣцкие полки, казачьи полки*. Им противопоставлены: *рейтары, рейтарские полки; полковники, полуполковники, майоры, ротмистры* («и иные чины, розныхъ иноземскихъ государствъ люди»); ¹⁴ *солдатцкие полки, солдаты; драгунские полки, драгуны*. Говоря о царском и боярских полках, Котошихин замечает: «А учения у нихъ къ бою противъ рейтарского не бываетъ, и строю никакого не знаютъ; кто подъ которымъ знаменемъ написанъ, и по тому и ѣдетъ безъ устрою». ¹⁵ Ср. с другой стороны: «А прибираючи тѣхъ рейтаръ полные полки, отдають иноземцомъ и Рускимъ людямъ полковникомъ, и бываетъ имъ учение». ¹⁶ То же и о солдатских полках. ¹⁷ Подразделения, на которые делятся полки, наименования командиров — одни для войска старого типа, другие — для нового («иноземного строя») войска. Но было бы неверно полностью отрицать уже начавшееся и в какой-то мере продвинувшееся взаимопроникновение этих различных лексико-семантических систем. Взаимопроникновение

¹² Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965, стр. 64. Ср. также взгляды по этому вопросу А. И. Соболевского (Русские заимствованные слова. СПб., б. г.), стр. 19.

¹³ Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. Изд. имп. археограф. комиссии, СПб., 1906.

¹⁴ Там же, стр. 132.

¹⁵ Там же, стр. 130—131.

¹⁶ Там же, стр. 132.

¹⁷ Там же, стр. 133.

форм организации войска с неизбежностью проявлялось в лексических изменениях. Так, слово *полкъ* обозначает воинский отряд («войсковую часть») определенной численности, независимо от того, как она организована — по иноземному или по русскому образцу: *царский полкъ*, *боярский полкъ*, *казачий полкъ*, *стрелецкий полкъ*, *рейтарский полкъ*, *драгунский полкъ*, *солдатуцкий полкъ*. Все разряды военнотруженных людей объединяются общим понятием, для которого существовало три составных наименования: *ратные люди*, *воинские люди*, *служилые люди*. «Да въ то жъ время какъ бываетъ у царя смотръ всѣмъ ратнымъ людямъ, передъ войною» (стр. 131). *Ратные люди* — наиболее употребительное у Котошихина обобщенное наименование военнотруженных людей.

Тот факт, что в солдаты, рейтары и драгуны стали набираться русские люди разных социальных прослоек: «Рейтарские полки; і в тѣ полки въ рейтары выбираютъ из жильцовъ, изъ дворянъ городовыхъ, и изъ дворянскихъ детей недорослей, и изъ детей боярскихъ, которые малопомѣстные и беспомѣстные. . . ; так же и изъ волныхъ людей прибираютъ, кто въ той службѣ быті похочетъ» . . .;¹⁸ «Новые полки [солдатские]; въ тѣ полки прибираютъ салдаты изъ волныхъ людей, и изъ Украинныхъ и изъ Понизовыхъ городовъ, дѣтей боярскихъ, малопомѣстныхъ и беспомѣстныхъ. . . ; и всякого чину людей»,¹⁹ говорит о том, что эти новые явления военной организации стали составной частью русской общественной жизни, русской действительности. Языковым отражением этого служило начало растворения иноязычных лексических элементов в лексико-семантической системе русского языка. Весьма показательно в этом отношении, что «документы и разные московские сочинения XVII в. также богаты и польскими и немецкими словами, часто теми же, что в книге «О ратном строении». В документах мы имеем слова: 1612 г. — *ротмистръ* и *рота*; 1632 г. — *мушкеты* и *алебарды*, *салдаты*; 1633 г. — *полковникъ райтарской*, *капитанъ*, *ротмистръ*, *порутчикъ райтарской*, *драгунъ*; 1646 г. — *шпага*, *сержантъ*; в памятниках конца XVII в. — *пистоль*, *карабинъ* (польск.), *ракета*, *салдатъ*, *маеоръ*, *ротмистръ*, *квартирмейстеръ*, *атѣютантъ*, *подполковникъ*, *прапорщикъ*, *муштукъ*».²⁰ «При царе Михайле, — пишет А. Н. Пыпин, — иноземцы особливо из немцев (бывали также греки, волошане, сербы, шведы, даже англичане и ирландцы) считались в рядах войска тысячами, — были целые немецкие отряды, были и русские, обученные иноземному строю. . . ; в русский язык уже в это время входит много

¹⁸ Там же, стр. 131.

¹⁹ Там же, стр. 133.

²⁰ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова, стр. 125—126.

технических иностранных слов, между прочим по технике военной». Далее в подстрочном примечании А. Н. Пыпин пишет, что «во времена царя Михаила в русский язык входят слова: *капитан, майор, квартирмейстер, секретарь, regiment — шульцен, солдат, рейтар, фурир, корпорал, сержант, ротмейстер (подротмейстер), профос*».²¹ Фогараш, говоря о том, что ранние (до эпохи Петра Великого) заимствования из западноевропейских языков не получили в русском языке широкого распространения, не укрепились в нем, вместе с тем замечает, что слова, обозначающие явления, относящиеся к солдатской жизни, к военному быту, воинской организации, более других тематических групп лексики проникли в систему русского языка. Этому способствовало прежде всего то обстоятельство, что с военной лексикой знакомились значительные массы русского населения.²² Этот социолингвистический фактор имеет в данном случае решающее значение.

Языками-источниками, из которых происходило заимствование, были в основном немецкий и французский — языки стран, в которых развитие новых форм организации армии было продвинуто более всего. Польский язык, передав в русский ряд лексем, сыграл в основном роль языка-посредника: многие немецкие и французские слова были заимствованы в русский язык через польский. «Струя польская, главным образом как передатчик западноевропейских воздействий, влиятельна с конца XVI века до середины XVII, после чего она заметно спадает, так как Россия вступает уже в непосредственный довольно интенсивный контакт с Европой. Нет никакого сомнения, что большую роль в проведении польского влияния в России играли в Москве ученые украинцы».²³

При прослеживании истории и особенностей функционирования военных терминов в русском языке XV—XVII вв. обращает на себя внимание неодинаковость состава профессиональной номенклатуры в памятниках различного жанра и содержания. В этом сказывались различия между книжным и разговорным языком. «О резком противостоянии языка книжного, церковного и разговорного, если не доверять свидетельству Лудольфа, можно заключить из показаний различных жанров письменности XVI—XVII вв.», — писал Б. А. Ларин.²⁴

²¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 329.

²² M. Fogarasi. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488—1699). *Studia slavica*, t. IV, fasc. 1—2. Budapest, S. 69—70.

²³ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 92.

²⁴ Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. Начальный этап формирования русского национального языка. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 24.

Эта неодинаковость объясняется не только разностью тематики жанров произведений, но и индивидуальностью стиля, которая достаточно отчетливо вскрывается и может быть интерпретирована, если речь идет о памятниках, авторская принадлежность которых установлена. На эту сторону функционирования военной терминологии обращалось внимание в языковедческой литературе.²⁵ Так, в составе военной терминологии повестей о Смутном времени Л. Л. Кутина указывает: *стрѣлци, казаки, даточные люди, пушкари, пѣшецъ, воевода, голова, сотникъ, полковникъ, атаманъ, гетманъ, ротмистръ, полководецъ, стратигъ, военачальникъ, первоначальникъ, вожъ, наставникъ, властитель, пастырь*.

Обращает на себя внимание, с одной стороны, почти полное отсутствие в повестях обозначений военнослужащих по профессиональному признаку, к тому времени широко употребительных в практическом военном языке, и, с другой, — наличие обозначений военнослужащих, восходящих к древнему периоду, и новообразований славянского типа согласно требованиям стилистической манеры эпохи. И это в то время, когда вообще повести отличаются богатством военной терминологии, ибо рассказывают они о времени непрерывных войн, сражений и битв.

Другая картина наблюдается в Сибирских летописях — памятнике иного стилистического жанра и направления. О. Г. Порохова отмечает употребление таких слов, как: *охотчие люди, охотники, наемные люди, приборные люди ('казаки'); оруженосецъ, выборный ('есаул'), боецъ, стрѣлецъ, казакъ, старейшина, полководецъ, полковникъ, ясаулъ, сотникъ, пятидесятникъ, десятникъ, атаманъ; воротники, пушкари, затынщики, копейщики, пищальники, барабаничикъ, знаменичикъ, сурначъ, трубачъ, литавричикъ, караулъ, стража и книжно-славянские образования — копееносцы, железострѣльцы, меднощитники*.

Много профессиональных обозначений воинов и в Казанском летописце: *вратники, копейники, стрельцы (огненные), пушкари, тулавы, розмыслы; атаманъ, магистръ, полководецъ, старейшина, стратигъ, стратилатъ, десятникъ, пятидесятникъ, сотникъ, тысячник*.²⁶ В писцовых книгах Казани — *воевода (большой и меньший), дети боярские, стрелецкие головы, стрельцы, пушкари, дрябы полоцкие, городничие, воротники, сторожа, зе-*

²⁵ См., например: Л. Л. К у т и н а. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. (Из истории русского литературного языка XVII века). Л., 1955.

²⁶ А. К. А б д у л ь м а н о в а. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». Уч. зап. Вийского гос. пед. инст., вып. II, 1958, стр. 313—328.

лейщикъ, зелейникъ, пороховщикъ, мастеръ (на зелейном дворе), служилые татары.²⁷

С. А. Мартянова отмечает полное совпадение этой лексики с соответствующей лексикой московских писцовых книг, что говорит в пользу общенародности, общепринятости и устойчивости терминологии. Вывод этот подтверждается и анализом военного словоупотребления других памятников письменности XVI—XVII вв. Нормы официально-делового московского языка оказываются обязательными на всей территории Московского государства.

Исследователи русской литературы и русского языка XVI—XVII вв. довольно много внимания уделяли анализу особенностей стиля литературных памятников той поры. Стилистический облик исторических повестей XVI—XVII вв. складывался из своеобразного синтеза особенностей художественной манеры древних летописей, старинных боевых повестей с значительным влиянием художественного строя устной народной поэзии и особенностей языка и стиля церковной литературы. XVI—начало XVII в. в истории Московского государства — особая эпоха, эпоха величавых и торжественных идей, обширных и грандиозных литературных начинаний, эпоха высокого самосознания русского народа. Литература, призванная отражать и утверждать эти идеи, должна была найти новые формы их выражения. Летопись, включавшая в себя случайные, разнохарактерные погодные записи, различные по содержанию и по выраженным в них идеям, заметки, повести и истории перестает удовлетворять потребностям нового читателя. Даже обновленное в царской обстановке историческое повествование Древней Руси не трогало читателя своими уже забытыми образами и событиями. «Появляется, — пишет А. С. Орлов, — потребность объединения записей и повестей вокруг одного события, одного имени, одной идеи, не местных, а всероссийских». И далее: «Создается стиль, объединяющий всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную цветистую одежду, достойную величавых идей третьего Рима и пышности всероссийского самодержца».²⁸

В отдельных произведениях жанра исторической повести эта «цветистая одежда» стиля, искусственность языка доведены до предела. А. С. Орлов приводит слова: *градоукрепление, благоздравие, мудроучителне, преудобрение, удобовосходен, храбродобропобедный, многоукрепления. . . крепости*, выражения «храбропобедного своего поту отторгше» и другие как пример такого

²⁷ С. А. Мартянова. Лексика писцовых книг города Казани XVI—XVII вв. Уч. зап. Казанского гос. ун-в. им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, 1952, стр. 109—149.

²⁸ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Изв. ОРЯС АН, т. XIII, кн. 4, 1908, стр. 360.

нарочитого украшательства в «Повести о приходе Батю». Такую стилистическую манеру повествования акад. А. С. Орлов назвал «историческим витийством». Этот стиль захватывает не только исторические повести как таковые, но проявляется, и довольно сильно, и в общерусских летописях, и в публицистических произведениях, и, хотя и в меньшей степени, в официальных документах. Сложность картины дополняется еще и тем, что все виды произведений, все жанры литературы не могут устоять перед властным влиянием времени, поэтому в них столь заметно стремление к реалистическому изображению действительности.

В это время вызывались к жизни и сознательно ставились в новые отношения элементы «старой системы славянизированного типа» (В. В. Виноградов), активизируются в употреблении слова с морфологическими и фонетическими старославянскими приметами, вводятся старые, забытые славянизмы, создаются новые слова по славянскому образцу или являющиеся кальками с греческого. «Из высоких литературных произведений по возможности изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны и т. д. Если приходится говорить о конкретных политических явлениях, то писатель предпочитает называть их, не прибегая к политической терминологии своего времени, а в общей форме предпочитает выражаться о них описательно, давать названия должностей в их греческом наименовании, прибегает к перифразам и т. д.»²⁹ Так, вместо конкретного *посадникъ* появляется *вельможа нѣкій*, вместо *князь* — *властитель той зѣмли* или *стратигъ* и т. д.; так, в «Истории о Казанском царстве» появляются: *грямовоеение, звяцание, отъ страха сильного грянутия, умысли убѣжествомъ сохранили животъ свои* и т. п., а в «Повести о приходе короля Литовского Стефана Батория в лето 1577 на великий и славный град Псков» находим искусственные словосложения типа *храбродобропобѣдныи, мертвотрупоты* (в сложение вступают синонимические основы).³⁰

Письменность XVII в., преимущественно литературные жанры ее, знала значительное количество наименований военных людей, относящихся к сугубо литературным средствам выражения, причем нередко отмеченные печатью индивидуального авторского словоупотребления. Л. Л. Кутина к таким фактам относит *ратный, ратникъ, воинственный, бранный, ополчитель, ратные лики, меченосцы; стратигъ, первополконачальникъ, военачальникъ, наставникъ, властель, пастырь, вожь*, встретившиеся в «Исторических повестях о Смутном времени Московского госу-

²⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 28.

³⁰ См. об этом: А. С. О р л о в. О некоторых особенностях стиля. . . стр. 362—363.

дарства». *Копиеносцы, железнострельцы, меднощитники* и другие подобные образования нашли отражение в языке Сибирских летописей (Порохова).

Особенности стиля «исторического витийства» легко выявляются в переписке Ивана Грозного и Курбского. Так, среди названий начальствующих военных лиц в «Истории князя великого московского о делехъ, яже слышахомъ и достоверныхъ мужей и яже видехомъ очима нашими», в которой собраны «Сказания князя Курбского»,³¹ употребляются: *стратигъ* («... убиша мужа пресильнаго, зѣло храброго стратига и великородного» — 7); *стратилатские мужи* (11); *стратилатъ* («а надъ ними стратилаты два» — 19). Широко употребительны неполногласные церковнославянские формы: *плѣнити*, *плѣнение*, *грады*, *преплавитися* («егдажъ преплавишася Суру рѣку» — 16), *врата градскіе*, *бранитися* («наши по нуждѣ уступають по малу, бранящесь бусурманомъ» — 32), *брань*, *стража*; другие церковнославянские формы: *нахождение* («всѣмъ тремъ возражаше нахождение, частыми преодоульными преодоуваху» — 13), *хождение* («возбраняюще хождение ему на Казань» — 14), *одоуние*, *наѣзжаніе* («частого наѣзжанія Черемисскаго» — 20), *изыти* («изыдоша абіе гетманъ...» — 24), *належаніе* («тяжко отъ належанія бусурмановъ» — 32) и другие слова и формы, уже вышедшие к XVI в. из активного словоупотребления: *воинство* («собирати себѣ воинство множайшее» — 13), *ополчати*, *ополчѣние*, *ополчитися* («ополчися противу насъ» — 15), *битва*, *устройство полковъ*, *належати на кого*; искусственные словоформы типа *полкоустройство*; употребление терминов *полкъ*, *ратъ* в значениях, не актуальных для военного словоупотребления XVI в., и т. п.

С другой стороны, в этом же произведении нашла отражение и связь с реальной действительностью, с «живой жизнью»: использование широко употребительных в XVI в. военных терминов, *войско* («войско наше... побѣгоша въ градъ» — 31); *отбити*, *ручница*, *огненный бой*, *стрѣляти*, *приступати*, *штурмъ*, *подкопати*, *порохъ*, *подкопъ*, *стрѣльба*, *засада*, *ударити на кого-либо*, *огненная стрѣльба*, *засѣка*, *стрѣльцы*, *передній полкъ*, *яртауль* и многие другие, причем слова эти употреблены именно в военном, специализированном значении (что не случайно, так как Курбский был не только прекрасным писателем, но и прежде всего превосходным знатоком военного дела).

Стремление реалистически отражать действительность приводит к тому, что в «Истории Курбского» довольно значительна прослойка слов иноязычных, не только заимствованных, освоенных русским языком, но и таких, которые в основной массе так и остались чужими словами. Это в основном польские слова: *марша-*

³¹ Сказания князя Курбского. Изд. второе, испр. и дополн. Н. Устрялова. СПб., 1842.

локъ (7), зброя (33), почтъ (пост) 'отряд' (29), гаковица (28), ротмистръ (27), гетманъ (26), пришанцоваться (23), шанцы, гуфъ (21), стены мѣскія (20), пахолокъ (73), кунтуръ (73), ленсмаршалокъ (72), рейтары (72), шляхта (71) и мн. др. Обилие слов этой категории легко объяснимо при учете условий написания Курбским своих произведений.

Но наряду с этим, и в этом также сказывается характер произведения и особенности стиля эпохи, многие понятия военного дела выражены в терминах и словах, не составляющих активный запас военной терминологии. Так, вместо конные (люди), конники употребляется *ѣздные* («и стратилатские чины устрояють яко надъ ѣздными, так и надъ пѣшими» — 11); *стѣнобитныя хитрости* («различныя стѣнобитныя хитрости творено» — 28); *вязни* («приведоша живых . . . вязней» — 25); *военные вещи* (вместо *дѣла*) *людь* (вместо *войско*: «а насъ тогда послалъ со тремянадесять тысящей люду чрезъ Рязанскую землю» — 15), *воздвижется войско* (вместо *идеть войско*) и др. Бросается в глаза также обилие устойчивых выражений, определенных, выработанных в более ранние периоды, приемов изображения боя, подготовки к нему, последствий боя и т. д.: *вдатися въ бѣгство* (32), *крѣпцѣ налегати* (31), *ополчатися на* (31), *тылъ подати* (30), *обратитися в бѣгство*, *крѣпко сразитися* (25) и мн. др. Все эти особенности языка и стиля Истории Курбского на первый взгляд должны привести к выводу о том, что это произведение не может быть источником изучения живой системы военной лексики и фразеологии XVI в. Однако такой вывод будет преждевременным.

Дело в том, что, несмотря на нарочитую архаизацию языка, несмотря на стремление автора Истории к украшательству и многочисленные иноязычные элементы, не входившие в состав русской лексики ни до XVI в., ни в XVI в. и позже, язык Истории отразил основные тенденции развития русской лексики, в том числе и военного словаря; многие термины военного дела взяты Курбским из живой разговорной речи военных людей, с которой Курбский был хорошо знаком.

Выше уже были отмечены термины, широко употребительные в военном и общем языке XVI в., которые используются Курбским со знанием дела. К ним можно прибавить: *отойти* («не взявъ мѣста . . . Казани града, и со тщетою немалою отойде» — 13), *дѣла стѣнобитные* (14), *статти* (14), *облегати* (14), *кули* (15), *порохъ* (15), *война* (15); *загонъ* («Войска жъ Татарского они третина, або вяще, остала была въ загонѣхъ» — 15), *битва* (15), *кониде войско* (17), *ровъ* (18), *передний полкъ* (19), *копье*, *пѣшие* (19), *затворитися* (33), *перестрелъ лучной* (34), *чело* (35), *примѣтъ* (35), *застрѣлтити* (51), *приступъ* (61) и др.; нарочито подобранные русские народные параллели вместо общепринятых терминов, по тем или иным причинам считавшихся «высокими», не могущих поэтому удовлетворить требованию обозначения действий и процес-

сов энергичных, решительных и конкретных: «да не *дасть хребта* врагу своему» (52), *война зачалася* (54), *втиснути* («абіе втиснуша ихъ во вышеградъ» — 58), *ударити на врага* (65) и др.

Основу русской военной лексики и фразеологии, по данным письменных памятников XI—XVII вв., составляют слова и словосочетания, теснейшим образом связанные с живым народным языком эпохи. Семантическая структура русской военной лексики оказалась вполне готовой к выражению новой формирующейся системы военных понятий. Это сыграло решающую роль в том, что значительная часть военной терминологии XVII в. перешла в военный язык петровской эпохи и сохранилась в современном языке.

ААВИ	— Акты Астраханской воеводской избы XVII в. Хранятся в ЛОИИ.
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. I—V. СПб., 1836.
Аввакум	— Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступ. статья и комментарий Н. К. Гудзия. Изд. «Academia», Л. (б. г.).
Авр. Палицын	— Сказание Авраамия Палицына. См.: Смутн. врем.
Аз. п.	— Повесть об Азовском осадном сидении. А. Орлов. Песня и повесть об Азове. «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905.
Аз. п. Сказ.	— А. Орлов. История об Азовском ваятии и осадном сидении от турецкого царя Брагама донских казаков... лета 7135. РФВ, 1906, т. VI.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России. Собр. и изд. Археографическою комиссиею, тт. I—II. СПб., 1846—1848.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, тт. I—V. СПб., 1841—1842.
АК	— Великорусские акты XV—XVII вв. Хранятся в ГПБ.
АМ	— Акты Московского государства, изд. Академией наук, под ред. Н. А. Попова, тт. I—III. Разрядный приказ, Московский стол. СПб., 1890—1901.
АО	— Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. Смутное время Московского государства, вып. 5. Чт. ОИДР, кн. 4. СПб., 1911.
Арт. воин.	— Артикул воинский с кратким толкователем. СПб., 1715.
Арх. I	— Архивский 1-й список Псковской первой летописи. А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. 2. Л., 1955.
Арх. II	— Архивский 2-й список Псковской третьей летописи. А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. 2. Л., 1955.

¹ Сокращения, заимствованные из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (тт. I и III), в настоящем списке не приводятся.

- Арх. сп. — Архивный список летописи.
 Арх. Стр. — Архив П. М. Строева, т. I — РИБ, т. 32. Пгр., 1915; т. II — РИБ, т. 35. Пгр., 1917.
- А. Сол. — Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта. С предисл. Е. Барсова. Чт. ОИДР, кн. 4, СПб., 1883.
- Астрах. а. — Акты Астраханской воеводской избы XVI в. Хранятся в ЛОИИ.
- АФЗ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951.
- АЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Дополнены и изданы высочайше утвержденною комиссиею, т. I. СПб., 1828.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографическою комиссиею, под ред. члена комиссии Николая Калачева, тт. I—III. СПб. 1857—1864.
- АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археографическою комиссиею, тт. I—II. СПб., 1863—1865.
- Б. — Боярская книга 1556 года. Сообщ. М. А. Оболенским. Арх. ист.-юрид. свед., откос. до России. Изд. Н. Калачевым. Кн. 3, отд. II. СПб., 1861.
- Баг. Мат. — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетиях, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Изд. Ист.-фил. общ. при Харьковском унив. Харьков, 1886.
- Бусл. — Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. Сост. Ф. Буслаевым. М., 1861.
- Был. Т. — Русские былины старой и новой записи. Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. Отд. I. Былины старой записи. М., 1894.
- ВМЧ — Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографич. ком. (XVI в.).
- ВНП — Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.
- Воин. кн. нем. — Воинская книга немецкая. Рукопись около 1610 г. ГПБ. Г. IX. 19.
- Ворон. а. — Воронежские акты. (Материалы для истории Воронежской и соседних губ.), т. I. Воронеж, 1887.
- Воскр. — Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856; т. VIII, СПб., 1859.
- Вост. — Словарь церковнославянского языка, составленный акад. А. Х. Востоковым, т. I. СПб., 1858.
- В. П. — Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949.
- Г. — Есиповская летопись по Головинскому списку. См.: Сиб.
- Г. Ам. — В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. ОРЯС, Пгр., 1920.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949.

- ГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел; ч. I, М., 1813; ч. II, М., 1819; ч. V, М., 1894.
- Гр. Новг. — Шахматов А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. (Исследования по русскому языку), т. I. СПб., 1886.
- Гр. ук. о крест. — Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Воромса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. Изд. Н. Н. Ключкова. М., 1910.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, тт. I—XII. СПб., 1846—1872.
- ДДТ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- Девг. — Девгениево деяние. Сб. ОРЯС, т. 99.
- Док. Моск. театра — Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собр. С. К. Богоявленским. Чт. ОИДР, кн. 2. СПб., 1914.
- Дон. д. — Донские дела, кн. I—V. РИБ, кн. 1, т. 18; кн. 2, т. 24; кн. 3, т. 26; кн. 4, т. 29; кн. 5, т. 34.
- Доп. оп. 1852 — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Есип. лет. — Есиповская летопись. См.: Сиб.
- Задонщина — Задонщина великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича, по Кирилло-белозерскому списку 1470 г. П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. III. Пгр., 1922.
- Задонщина (Адр.) — В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. Тр. ОДРЛИ АН СССР, вып. V. М.—Л., 1947.
- Закладн. Оброс. и Лавр. Вас. Фед. — Закладная Обросима и Лаврентия Васильевых на данные им Федором Макаровым деньги, XV в. (в подлиннике). Шахматов, № 99.
- Зап. л. — Западнорусские летописи. ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907.
- И. — Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Изд. второе. СПб., 1908.
- И. Гр. (Ив. Грозный) — Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.
- Иное сказ. — Так называемое иное сказание. РИБ, т. 13. Изд. 3-е. Л., 1925.
- Иоас. — Иоасафовская летопись. Изд. АН СССР, М., 1957.
- Иос. Флав. — Иосиф Флавий. О положении Иерусалима. Кн. 4—7. Копия с рукописи Волоколам. мон., л. 100^а—261^а.
- О полов. Иерус. — История Иудейской войны Иосифа Флавия. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. III. СПб., 1879.
- Иос. Флав. — История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ, т. XIX. СПб. 1903.
- Ист. К. — А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие — 1637 г. и осадное сидение — 1641 г.). Тексты. М., 1906.
- Ист. пов. Аз.

- Каз. лет. — История о Казанском царстве. (Казанский летописец). ПСРЛ, т. 19. СПб., 1903.
- Катырев — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (1-я редакция). РИБ, т. XIII. Изд. 3-е. Л., 1925.
- Кн. вл. — Сказание о князьях владимирских. Подготовка к печати Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1955.
- Кн. пр. Болд. мон. — Книги приходные Дорогобужского Болдинского монастыря 1592—1604 гг. Рукописи, ЛОИИ, №№ 141, 145, 155.
- Кн. п. Моск. — Писцовые книги Московского государства, ч. I — писцовые книги XVI в. Изд. РГО под ред. Н. В. Калачова. Отд. I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.
- Кн. расх. Кир. мон. — Книга расходная Кириллова Белозерского монастыря 1567—68 гг. Рукоп. ЛОИИ, собр. Никольского, № 2.
- Кн. Солов. креп. — Книги списков с вотчинных и др. крепостей Соловецкого монастыря 1544—1626 гг. Рукопись ЛОИИ, опись Б. Д. Грекова, № 146, 1.
- Княж. о покор. Кит. — Книжица историею особливо переведенная, како богданские татары под владение свое покорили все царство Китайское. Рукоп. 1731 г. Библиотека Смоленского педагог. института, № Унб. 124 (3 Б).
- Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. Изд. 4-е. СПб., 1906.
- Кугорн. — Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте Кугорна. М., 1709.
- Кул. Мат. — П. А. Кулиш. Материалы для истории воссоединения Руси (1578—1630), т. I.
- Кунгур. — Кунгурская летопись. Сибирские летописи. СПб., 1907.
- Курб. Ист. — История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского, т. I. РИБ, т. 31. СПб., 1914.
- Курб. пис. — Письма князя Андрея Курбского к царю Ивану Васильевичу. Сказания князя Курбского. СПб., 1833.
- Л. — Полное собрание русских летописей, изд. постоянною историко-археологическою комиссиею Академии наук СССР; т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1 — Повесть временных лет; вып. 2 — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку; вып. 3 — приложения: продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Изд. 2-е. Л., 1926—1928.
- Л. Авр. — Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. ПСРЛ, т. XVI. СПб. 1889.
- Лет. Арх. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.
- Л. Переясл. — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годами). Издан К. М. Оболенским. М., 1851.
- Лет. Рус. — Летописец Русский (Московская летопись). Приготовил к изд. А. Н. Лебедев. Чт. ОИДР, кн. 3. СПб., 1895.
- Лет. св. XV — Летописный свод XV века (по двум спискам). Подготовка текста А. Н. Насонова. Материалы по истории XV—XVII вв. Изд. АН СССР, М., 1955.

- Лит. евр. — Русско-еврейский архив. Докум. и матер. для истории евреев в России, т. I. Документы и регистры к истории литовских евреев (1388—1550). Собрал и издал С. А. Бершадекки. СПб., 1882.
- Лодом. ак. — Лодомские акты. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1908.
- Льв. л. — Львовская летопись. ПСРЛ. т. XX, первая половина. СПб., 1910.
- М. — С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сб. ОРЯС, 1906, т. XI, № 7. М¹ — Поведеление и сказание о побоище вел. кн. Дмитрия Донского. Изд. И. Снегирева. Русск. истор. сб., 1838, т. III, кн. I.
- МАС — Материалы для археологического словаря. Древности. Тр. имп. Моск. археологического об-ва, тт. I—IV, VIII—X. СПб., 1865—1885.
- МДЗ — Моление Даниила Заточника. Изд. АН СССР, Институт русск. литер. (Пушкинский дом). История русск. лит., т. II, ч. I. М.—Л., 1945.
- М. кол. Укр. — Материалы для истории колонизации и быта степной Украины Моск. гос-ва . . . в XVI—XVIII ст., собранные в разных архивах Багалею Д. И. Изд. Ист.-фил. общ. при Харьковском унив. т. X, 1886.
- Моск. вед. I, II. — Ведомости времени Петра Великого. Вып. I—II. Изд. Моск. синод. тип. М., 1903—1906.
- Моск. л. — Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ, изд. АН СССР, т. XXV. М.—Л., 1949.
- Мск. — Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881.
- Мск. ст. I — Записные книги Московского стола. РИБ, т. IX.
- Н. I, С. — Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. ПСРЛ. СПб., 1888.
- Н. II — Новгородская 2-я летопись. ПСРЛ, изд. Археографической комиссии, т. III. СПб., 1841.
- Н. II—III — Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). ПСРЛ. СПб., 1879.
- Н. IV — Новгородская 4-я летопись. ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.
- Н. IV — Новгородская 4-я летопись, вып. I. Пгр., 1915; вып. II. Л., 1925.
- Н. V — Новгородская 5-я летопись, вып. 1-й. ПСРЛ, т. IV, ч. 2-я, изд. 2-е. Пгр., 1917.
- Назиратель — Книга глаголемая «Назиратель», сиречь «Уряд домовных делъ». Рукопись Барсова (Ист. Муз.), № 371, 2-й полов. XVI в. Перев. с латинского Crescentivs Opus ruralium commadorum (1471, 1538, 1548).
- Ник. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862; т. X, СПб., 1885; т. XII, СПб., 1901.
- Новг. лав. кн. 1538 — Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисл. и ред. С. В. Вахрушина. РАНИОН. М., 1930.
- Новг. писц. кн. — Новгородские писцовые книги, т. I—II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., 1-я—2-я половины. СПб., 1859—1862.

- Новг. писц. кн. — Новгородские писцовые книги, т. VI. Книги Бе-
жецкой пятины. СПб., 1910.
- О. — Описание Сибири по списку имп. Публичной
библиотеки. См.: Сиб.
- О втор. смят. — О втором смятении бывшем на Москве в 7198 году.
Рукопись ГПБ (XVII в.), 16 л. 563²—568².
- Оп. артил. Опоч. — Опись артиллерийскому наряду в городе Опочке,
произведенная по приказанию боярина и воеводы
Ивана Ивановича Салтыкова, 9-го апреля 1654 года.
Лет. занятий Археограф. ком. 1865—1866, вып. 4.
СПб., 1868.
- Ос. Аз. п. — Особая повесть об Азове (1637—1641 гг.). К изда-
нию приготовил и объяснил А. Орлов. Чт. ОИДР,
кн. 4. СПб., 1907.
- Отр. лет. — Отрывок из летописи о временах царя Ивана Ва-
сильевича Грозного. РИБ, т. III. СПб., 1876.
- П. I — Псковские летописи, вып. 1-й. Приготовил к печати
А. Насонов. М.—Л., 1941.
- П. II — Псковские летописи, вып. 2-й, под ред. А. Н. На-
сонова. М., 1955. (Вторая Псковская летопись).
- П. III — Псковские летописи, вып. 2-й, под ред. А. Н. На-
сонова, М., 1955. (Третья Псковская летопись).
- Пам. дипл. сн.
М. г. с Англией — Памятники дипломатических сношений Москов-
ского государства с Англией, т. II (с 1581 по
1604 гг.). Изд. под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина.
Сб. Русск. истор. об-ва, т. 38. СПб., 1883.
- Пам. дипл. сн.
М. г. с нем. орденом — Памятники дипломатических сношений Москов-
ского государства с немецким орденом в Пруссии
1516—1520 гг. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова. Сб.
Русск. ист. об-ва, т. 53. СПб., 1887.
- Пам. дипл. сн. — Сборник Русского исторического общества,
т. XXXV; Памятники дипломатических сношений
древней России с державами иностранными. Памят-
ники дипломатических сношений Московского
государства с Польско-Литовским государством,
т. I—V. СПб., 1882—1913.
- Пам. дипл. М. г. — Памятники дипломатических сношений Москов-
ского государства с Польско-Литовским, том I—V,
М.—СПб., 1882—1913. Под ред. Р. Ф. Карпова.
- Письма Ал. Мих. — Письма царя Алексея Михайловича. Письма рус-
ских государей и других особ царского семейства,
V. М., 1896.
- ПДК — Сборник Русского исторического общества, т. XLI.
Памятники дипломатических сношений древней
России с державами иностранными. Памятники
дипломатических сношений Московского госу-
дарства с Крымскою и Нагайскою ордами и
с Турцией. СПб., 1884.
- ПДР — Памятники дипломатических сношений с держа-
вами иностранными, т. I. Дипломатические сно-
шения с империей Римской, тт. I—XX. СПб.,
1851—1868.
- ПДСДР — Памятники дипломатических сношений древней
России с державами иностранными. Ч. I. Сноше-
ния с госуд. Европейскими, тт. I—X. СПб.,
1851—1871.
- Пересветов — Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст
А. А. Зимин. Под редакцией чл.-корр. АН СССР
Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956.

- Письма Петра I — Письма, указы и заметки Петра I-го, доставленные П. Д. Волковским и Н. В. Калачевым и извлеченные из Архива Прав. Сената. Собр. и изд. А. Ф. Бычковым. СПб., 1873 (Сб. русск. историч. общ., т. II).
- Писк. — Пискаревский летописец. Подготовка текста О. А. Яковлевой. Материалы по истории СССР, т. II. Документы по истории XV—XVII вв. Изд. АН СССР, М., 1955.
- Писц. кн. Каз. — Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л., 1932. (Тр. ист.-археограф. инст. Матер. по ист. народов СССР, вып. 2).
- Письма подметн. — Подметные письма Голосова, Посошкова и др. Сообщил С. А. Белокуров. Чтения ОИДР, 1888, кн. 2.
- ПКМГ — Писцовые книги Московского Государства, тт. I—II. Изд. РГО, под ред. Н. В. Калачева, СПб., 1872—1877.
- Пов. Вав. — Повести о Вавилонском царстве. Летоп. русск. лит. и древн. Изд. Н. Тихонравовым, т. III, отд. III, М., 1861.
- Пов. вр. л. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е, Л., 1926.
- Пов. Кат. Ростовского — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. РИБ, т. XIII. Изд. 3-е, Л., 1925.
- Пов. о Иване Пономаревиче — Повесть о Иване Пономаревиче, како имел брань с турским салтаном. Пам. стар. русск. лит.-ры, вып. II. СПб., 1860.
- Пов. плен. Иер. — Повесть о пленении Иерусалима. Н. С. Тихонравов. Апокрифические сказания. СПб., 1894.
- Пов. поб. Новг. — Повесть о победе новгородцев над суздальцами. Памятные стр. русск. лит.-ры. Изд. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. I. СПб., 1860.
- Пов. прихож. (на Псков) — Повесть о приходе литовского короля Степана на великий и славный город Псков. Чт. ОИДР, кн. 7. СПб., 1847.
- Пов. Ст. Бат. — Повесть о приходе Стефана Батория на город Псков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.
- Польск. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I—V. М.—СПб., 1882—1913; Сб. Русск. историч. об-ва, т. I (с 1487 по 1533 гг.), 1882 (т. 35), т. II (1533—1560 гг.), 1887 (т. 59); т. III (1560—1571 гг.), 1892 (т. 71); т. IV (1598—1608 гг.), 1912 (т. 137); т. V (1609—1615 гг.), 1913 (т. 142).
- Поруб. д. — Списки с листов, каковы посланы в Ругодив к генералу и в иные города к державцам и их немецких листов, каковы присланы в Великий Новгород из порубежных городов о всяких порубежных делах, 1661—1664 гг. Рукоп. ЛОИИ, № 28.
- Послания Ивана Грозного — Послания Иоанна Васильевича к князю Андрею Курбскому. Сочинения князя Курбского, т. I, РИБ, т. 31.
- Посошков — О ратном поведении. Сочинение Ивана Посошкова. Изд. М. Погодиным, М., 1842.
- Пр. — Правда Русская. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, т. I—II. М.—Л., 1940—1947.

- Привил. бояр и мещ. Вит. 1503 г. — Привелей боярам и мещанам Витебским 1503 г. (Мухан. сб. № 83).
- Прих.-расх. кн. Тихвин. — Приходно-расходная книга Тихвинского монастыря 1590—1592 гг. Рукопись ЛОИИ, по описи Б. Д. Грекова, № 1.
- Пут. посл. — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.
- Радзив. лет. — Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, I. СПб., 1902. Изд. ОЛДП, № 118.
- Разр. кн. I — Разрядная книга 7123 года. Вр. ОИДР, 1849, кн. 1.
- Разр. кн. 1616 г. — Разрядная книга 7124 года. Вр. ОИДР, 1849, кн. 2.
- Расс. Шафирова — Рассуждения какие законные причины е. ц. в. Петр Первый . . . к началу войны против короля Карла 12 Шведского 1700 году имел. СПб., 1717 г.
- Ратное строение — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
- РД — Римские деяния (Gesta Romanorum). Вып. 1—2. СПб., 1877—1878. Изд. ОЛДП, т. I.
- Ремез. лет. — Ремезовская летопись. См.: Сиб.
- РИБ II — Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссии, т. II (сборный). СПб., 1857.
- РИБ VI — Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссии, т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. I. СПб., 1908.
- Рим. имп. — Памятники дипломатических сношений с Римской империей, т. I—IX. СПб., 1851—1868.
- Р. К. — Разрядная книга 7123 г. Вр. ОИДР, 1849, кн. 1.
- Рог. — Рогожский летописец. ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922.
- Ряз. з. кн. — Рязанские засечные книги XVII в. Сообщ. В. Н. Сторожев. Тр. Рязанской уч. арх. комиссии за 1890 г., т. V, №№ 4, 5.
- Сав. Гр. — Повесть о Савве Грудцыне. Лет. русск. литер. и древности. Изд. Н. Тихонравовым, т. II, отд. II. М., 1859.
- САР — Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794.
- СГГД — Сборник государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. коллегии иностранных дел, ч. I—V. М., 1813—1894.
- Сиб. — Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907.
- Сиб. нак. — Два сибирских воеводских наказа XVI века. В. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, вып. 2. М., 1908.
- Сим. лет. — Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913.
- Сян. — Синодальный список.
- Систима — Книга Систима или состояние мухаммеданские религии. СПб., 1722.
- Сказ. Курбского о покор. Каз. — Сказание князя Курбского о покорении Казани. К 350-летию покорения Казани 1552 г. М., 1902.
- Ск. бр. Дм. Ив. — Сказание о брани благоверного князя Дмитрия Ивановича с нечестивым царем Мамаем еллинским (список Ундольского). СПб., 1917.
- Сказ. о Нев. — Сказание о подвигах и жизни святого благоверного и великого князя Александра Ярославича Невского (по списку XIII в.). Сообщил арх. Леонид. СПб., 1822.

- Сказ. о вз. Олг. Цар. — Сказание о взятии великой княгиней Ольгой Царяграда. М. Г. Халанский. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. Изд. ОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 2.
- Сказ. о Петре Волос. воеводе — Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси (Ивана Пересветова). Изв. и уч. зап. Казанского унив., вып. I, 1865.
- Сл. д. — Н. Н. О в о м б е р г с к и й. Слово и дело государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), т. I. Зап. Московского археологического общества, т. XIV. М., 1911.
- Слово — Слово о полку Игореве, под редакцией В. Н. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.
- Сл. похв. Фомы — Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Сообщ. Н. П. Лихачева. СПб., 1908.
- Сл. Кир. Меф. — Служба Кириллу и Мефодию по люблянскому breviарию. Тр. Славянской комиссии АН СССР, т. I. В кн.: П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Изд. АН СССР, М.—Л., 1930.
- Служ. Серг. — Служебник преподобного отца игумена Сергия Радонежского чудотворца, XIV в. (Б. Московской синодальной библиот. № 347). Памятники. Изд. 2-е. С. В. В е с е л о в с к и й. Сметы военных сил Московского государства, 1661—1663. Чт. ОИДР, кн. 3. СПб., 1911.
- Сметы воен. сил — Сметы военных сил Московского государства, 1661—1663. Чт. ОИДР, кн. 3. СПб., 1911.
- Смутн. врем. — Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3-е, РИБ, т. XIII, Л., 1925 (при цитатах указывается столбец). Смутн. врем., 1—144; Иное сказание, стр. 145—176; Пов. Бор. Год., стр. 177—186; Пов. о видении нек. стр. 187—218; Новая повесть, стр. 219—234. Плач о пленении, стр. 235—242; Пов. о видении, стр. 243—248; Пов. о видении Варл., стр. 249—250; Пов. о некот. брани, стр. 261—472; Врем. И. Тим, стр. 473—524; Сказ. Авр. Палицына, стр. 525—558; Пов. Хворостинина, стр. 559—624; Пов. Катырева Ростовского,¹ стр. 625—712; Пов. Кат.-Ростовского,² стр. 713—754; Сказ. о Гр. Отрепьеве, стр. 755—836; Сказ. о ц. Фед. Ив., стр. 837—864; Пов. С. Шаховского.
- Смят. стр. — О смятении стрелецком на Москве и в Торопце. Рукопись ГПБ, XVII, 16, XVII в.
- Собр. пис. ц. Ал. Мих. — Письма царя Алексея Михайловича. Письма русских государей и других особ царского семейства, V. М., 1896.
- Соф. I — Софийская 1-я летопись. ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.
- Соф. II — Софийская 2-я летопись. ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853.
- Соф. вр. — Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Издал П. Строев, ч. I, М., 1820; ч. 2, М., 1821.
- Спафарий — Сибирь. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Ар-

- сеньева. Зап. РГО по отд. этнографии, т. X, вып. I. СПб., 1882.
- Срезневский
(«Материалы») — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1903.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, тт. I—XVII. М.—Л., 1948—1965.
- Строг. лет. — Строгановская летопись. См.: Сиб.
- Т. — Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.
- Тип. — Типографская летопись. ПСРЛ, т. XXIV, Л., 1926.
- У. — Есиповская летопись по списку Ундольского. См.: Сиб.
- УГ — Розов. Українські грамоти XIV і першої половини XV вв., т. I. Київ, 1928.
- Укр. гор. Воб. — Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... СПб., 1724.
- Улож. 1649 — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Памятники русского права, вып. 5. М., 1959.
- Уст. рат. — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов, ч. I—II. Изд. Рубана. СПб., 1777—1781.
- Уст. св. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- Уч. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
- Фот. м. поуч.
ок. 1416 г. — Поучительная грамота митрополита Фотия во Псков, 1416 г. РИБ, т. VI, № 43; АИ, т. I, № 22.
- Хожд. Зосимы — Хождение инока Зосимы (1419—1422 гг.); сп., XVI в., под ред. X. М. Лопарева. Православный палестинский сборник, вып. 3. СПб., 1889.
- Хр. 1512 — Русский хронограф, ч. I. Хронограф редакции 1512 г. ПСРЛ, т. XXXII. СПб., 1911.
- Хроногр. С. Куб. — Из хронографии Сергея Кубасова. В кн.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1859.
- Швед. д. — Памятники дипломатических сношений России со Швецией. Сб. Русск. историч. общ., т. 129. СПб., 1910.
- Шхонб. Ист. орд.
кав. 1710 — История о ординах или чинах воинских паче же кавалерийских... Автора Адриана Шхонбека, ч. I. Перев. с франц. М., 1710.



Известный отечественный ученый-лингвист, лексикограф, автор более 300 научных трудов, один из активных создателей Большого (1945–1965; 1991–1994) и Малого (1957–1961; 1981–1984; 1985–1988) академических словарей. Родился в 1924 г. в Курской области. Участник Великой Отечественной войны (1941–1945), участник Парада Победы в Москве (1945), награжден четырьмя орденами и 24 военными медалями. Закончив в 1952 г. аспирантуру при Ленинградском отделении Института русского языка АН СССР, он в этом же году защитил кандидатскую диссертацию («Производственная лексика в русском языке послевоенной прозы»). Главным делом его жизни

является Словарь русских народных говоров, 41 выпуск которого опубликован (редактор, вып. 2–23, 1966–1987; главный редактор, вып. 24–41, 1989–2007).

Благодаря энтузиазму и подвижнической деятельности Ф. П. Сороколотова созданы два важных труда по истории русской лексикографии: «Очерки по русской диалектной лексикографии» (1987) и «История русской лексикографии» (ответственный редактор, 1998; 2001).

Книга «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» — итог двадцатилетней работы. При исследовании военной лексики древнерусского периода применен системный подход к материалу, что давало возможность сопоставления двух состояний военного словаря XI–XIV вв. и XV–XVII вв., исследования семантических процессов и языковых изменений в лексике. По этой книге в 1970 г. автором была защищена докторская диссертация.

Представляем другие книги нашего издательства:



6461 ID 82346

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



9 785397 006798 >

Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
Тел./факс: 7 (499) 135–42–46



URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Н. Левичкин

Словоуказатель к работе Ф. П. Сороколетова
«История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)»

// Диалектная лексика-2009.

Ин-т лингв. исслед. РАН – СПб.: Наука, 2009. С. 332–368.

Словоуказатель к работе Ф. П. Сороколетова
«История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)».

В 2009 году вышло второе издание книги Ф. П. Сороколетова «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» (Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009). К сожалению, в ней отсутствует индекс упомянутых в тексте слов и выражений. Ниже приводится словоуказатель по данному изданию всех слов и выражений, выделенных в тексте жирным шрифтом, курсивом или разрядкой. Учитывались также слова, приведённые в таблицах и сносках. Варианты слов, представленные в форме, отличающейся от исходной, отмечаются знаком *; варианты, когда существительные представлены во множественном числе, сохраняются. Для иностранных слов дается предложенное в книге указание на язык. Скобки в выражениях раскрываются.

- | | |
|----------------------------|----------------------------|
| авангард 119 | береженье 348 |
| алабарда 269 | бережь 348 |
| алебарда 269 | берладник 307 |
| алебарды 365 | берладниками * 116 |
| аргамачники 303 | берладникъ 115, 133, 354 |
| армия 173, 298 | берлад(ь)никъ 116 |
| артиллерии * 141 | бернистець 109 |
| архистратигъ 359 | битва 10, 353, 370, 371 |
| атаман 240, 241, 306 | бити 346, 353, 360 |
| атаманом * 241 | битися 346, 353, 360 |
| атаманский 241 | битися в лодьяхъ 108 |
| атаманъ 240, 241, 352, 367 | битися въ лицѣ 119 |
| атаманы 364 | битися на конихъ 108 |
| атъютантъ 365 | битися на лодьяхъ 108 |
| баи 256 | благоздравие 368 |
| барабанщикъ 226, 367 | богатырь 247 |
| баран 303 | боевые люди 178, 300 |
| баскак 253 | боец 185, 296 |
| баскакъ 253 | боець 185, 367 |
| баскачество 253 | божий кмет 67 |
| бастион 269 | бои 343 |
| батальон 269 | бой 10, 43, 353 |
| батог 10 | бои лодиный 343 |
| батько, укр. 241 | бойцы 185, 296 |
| бердышникъ 223 | большая дружина 61, 69, 71 |

большии люди 133
больший мужи 71
больших полковых окольных * 267
больших полковых поручиков * 267
больших полковых сторожеставцев * 267
большие люди 295
большой воевода 144, 236
большой полковой сторожеставецъ 224
большой полкъ 42, 141, 147, 148
большой полкъ правой ркуи 141
боляре 60, 61, 62, 71, 298
боляринъ 62
боляръ * 61
борецъ 97
боритель 98, 133, 134
борозда 303
боронение 321
боронити 321
боронитися 321
боронь 319, 320, 321
бороти 346
боротися 346
борци в бронѣхъ 100, 298
борци во бронѣхъ 98
боръ 343, 348
борьба 10, 343, 348
борьць 97, 98, 134
бостися 343
боярами * 68
боярамъ * 70
бояре 60, 62, 66, 70, 140, 142, 209, 364
бояре болшие 181
бояре введенные 181
бояре старые 181
боярином * 70
бояринъ 62, 68, 158
боярский дворъ 157, 158
боярский полкъ 365
боярь * 139, 140
боярь 69, 70
брадва 10
бранити 321
бранитися 321, 343, 370
бранный 369

брань 10, 131, 319, 320, 321, 341, 343, 345, 348, 353, 370
брань крѣпка 320, 347
брань належить 343
браньникъ 321
браньныи 321
браньскыи 321
брань славна 320
браняти 321
братися 343
бренидьць 100, 109, 298
бродити 345
бродитися 343, 345
бронидецъ 307
бронид(ь)ць 213
бронидьць 100, 109, 354
бронистецъ 109
бронистьць 109, 110
бронник 110
броня 10, 110
брънидьць 109
брънистьць 109
бръня 110
бурапыльник 303, 304
буртальник 303, 304
буртальникъ 307
бысть брань 320
быти на кого 313
быто 304
быть в нѣтѣхъ 342
быть на заставѣ 192
бѣг 343
бѣга 343
бѣгати 344
бѣжати 344
валка 258, 259
ватаман 306
ватаманъ 240
(в)ахмистр 305
вахмистр 269
вбѣжати 31, 343
в велицѣ силы 87
вдати 344
вдати на щить 347
вдатися 344
вдатися въ бѣгство 371

великий воеи 78
великий полкъ 42
вельможа нѣкій 369
веретеница 303, 307
веретенище 303
верстанье 342, 348
верстити 342
верхніе воѣ 78
верховниѣ воѣ 78
вестовщики 353
вестоноша 303
взбивати 343
взметчики 303
взойти 343
взратитися 322
взруб 303, 304
взяти 344
взяти воиною (ратью) 318
взяти въ тыль 120
взятие 344, 348
взяти рать 340
взятѣ 344
взати рать 52
властель 242, 369
властитель 367
властитель той зѣмли 369
в малѣ 73
в малѣ дружинѣ 73, 294
в малѣ силы 87
внити 343
внити в городъ и т. п. 343
внутригородіе 304
внутригородѣ 303
војник, серб.-хорв. 81
вогнати 343
воев * 58, 295
воевание 317
воевати 3, 131, 309, 312, 314, 315, 316,
333, 344, 346, 353, 360
воевати кого 316
воевати куда 316
воевати на 315
воевати на кого 315
воевати на кого-л 314, 315
воевати на кого, что 316
воевати на миру 317

воевати на что-л 314, 315
воевати около, на, по, въ, у (у), до, из
316
воевати с кем 315
воевати с кем из-за чего 316
воевати с кем что 316
воеватися 317, 344, 346, 360
воеватися межі (собою) 317
воеватися промежі (себе) 317
воеватися с кем 317
воевать 317
воевать против кого 314, 315
воевать с кем 314, 315
воевода 3, 131, 158, 232, 233, 234, 235,
236, 237, 239, 240, 242, 262, 279,
298, 300, 302, 353, 359, 364, 367
воевода большой 236, 367
воевода великий 236
воевода градной 236
воевода градскій 236
воевода другой 236
воевода земьскій 236
воевода левой руки 236
воевода меньшій 367
воевода местный 236
воевода мирный 298
воеводамъ * 254
воевода мѣстныи 234
воевода на + название города 236
воевода нарочитый 236
воевода полевой 236
воевода правой руки 236
воевода ратный 236
воевода у наряда 144
воеводе * 154, 239
воеводичъ 237
воеводка 303
воеводой * 232
воеводою * 233, 234
воеводскій дворъ 157, 158
воеводство 237
воеводъ * 144
воеводы * 235, 237, 246, 287
воеводы в гордѣхъ 236
воеводство 237
военачальник 233, 359

военачальникъ 238, 242, 243, 301, 367, 369
 военные вещи 371
 военные дѣла 371
 военные люди 93, 295
 военные силы 159
 военныи 171
 военный 170, 171
 военный человек 93
 вожь 367
 вожь 369
 возбѣчи 343
 возвести 334
 возводити 334
 возводити на 334
 возворотити 343
 возворотитися 343
 возград 303, 304
 воздвигати рать 347
 воздвигнути рать 50, 340, 347
 воздвижется войско 371
 возити 343, 345
 возитися 343, 345
 возникъ 113, 117, 211, 213, 226, 354
 возвратитися 321
 возъ 226
 возъѣздити 343
 возъѣхати 340
 вои 37, 58, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 93, 94, 100, 101, 131, 132, 134, 142, 143, 159, 160, 163, 292, 294, 296, 297, 298, 311, 324, 325, 326, 327, 332, 354, 358, 359
 вои * 79, 329
 вои верхнии 133
 вои верховнии 133
 воивоины 80
 вои корабленные 108
 вои корабленни 78
 вои лодейные 108
 вои лодейные 78
 воин 169
 воина 3, 131, 318, 341, 345, 353
 воина * 298
 война 10, 43, 148, 163, 165, 169, 171, 258, 305, 317, 318, 319, 371
 война зачалася 372
 воиначальникъ 237, 238
 воины 80, 358
 войник, болг. 81
 воиники 90
 воиникъ 81, 95, 133, 134, 172, 237, 294, 354, 359
 воиникъ(и) 90
 воиникъ, серб., словин., болг. 81
 воининъ 134
 воиничень 172
 воиничкий 172
 воиничский 171
 воиничъ 172
 воиничьский 171, 172
 воиничьскыи 163
 воинныи 171
 воинный 170, 171
 воинов * 298
 воинские 164, 165
 воинские люди 163, 164, 165, 174, 175, 176, 178, 184, 293, 296, 300, 353
 воинский 163, 164, 165, 166, 171
 воинскіе люди 295, 365
 воинско 170
 воинственный 165, 166, 171, 369
 воинство 161, 162, 169, 170, 293, 296, 358, 359, 370
 воинство пѣшее 299
 воинстыи 172
 воинъ 80, 81, 86, 93, 94, 95, 98, 132, 134, 159, 160, 163, 164, 165, 170, 184, 292, 298, 353
 воины 93, 94
 воинный 163, 170, 172
 воиньныи 171
 воиньный 163, 170, 172
 воиньские татары 165
 воин(ь)скыи 163
 воиньскый 165
 воиньственіи же люди 165
 воиньство 161
 воинь(ь)скыи 162
 войска 296
 войска * 199

войска, болг. 169
войска, прил. 168, 169
воиска, сербск., церк.-сл. 169
войская 168, 169
воиские люди 168
воискій 169
воиско 37, 79, 83, 90, 95, 131, 169, 196,
326, 353, 358
войско 39, 79, 83, 88, 89, 90, 132, 147,
151, 162, 166, 167, 168, 169, 170,
173, 184, 294, 296, 297, 298, 305,
353, 354, 370, 371
войсковая изба 170
воисковій 170
войсковой 170
войсковой атаман 170
войское 168, 169
воиском * 83
воиский 169
войский 168, 169
воиство 169
войство 169
воистый 172
войти 343
војъньный 171
волконя 269
волость 326, 328
вольные люди 295
вольные охочіе люди 204
вонратитися 321
вооружати 321, 322, 323
вооружатися 321, 322, 323
вооружатися чем 323
вооружаться 323
вооружение 348
вооруженные силы 159
вооружитель 247
вооружити 321, 323
вооружитися 321, 323
вооружитися на бои 323
вооружитися на кого 323
вооружитися на что 323
вооружникъ 247
воровскіе люди 295
ворог 96
ворогъ 96, 97, 134
воропъ 129, 133, 348
воротитися 343
воротники 142, 143, 209, 218, 299, 352,
353, 367
воротникъ 218, 302
ворот(ь)никовъ 218
ворот(ь)никъ 218
ворот(ь)ницкии 218
восстать 336
востати на 336
воћење рата, серб.-хорв. 54
воѣвати 352
воѣхати 311
воюет с кем * 315
воюючи и пленяючи 316
воям * 59
воями * 75
воях * 70
впасти 344
впасти въ руцѣ 344
враг 96
враги 97
врагъ 96, 97, 133, 134, 185
враждникъ 97, 133, 134
враждница 97
враль 129
вральти 129
врата градскіе 370
вратники 218, 367
вратникъ 218
время ратное 181
врѣполити се, серб.-хорв. 129
врядити въ наворопъ 117
всадити на конь 347
всаживати 344
вседати на конь 303
всести 335
всею силою 84
встати 335
встати на брань 320
встати на рать 321
встретити 343
всѣсти 334
втиснути 372
вузденія, укр. 107
входить 343

въбѣгоша 31
въбѣжати 31
въбѣжати в городъ 32
въбѣщи 31
възбарати 344
възбѣгоша 31
възвести 334
възводити 333, 334, 344
въздвигнути 333, 344
въздвигнути рать 344
въздынути 333, 334, 344
въздынути рать 334, 344
възметчикъ 217
възостритися 325, 331
възостритися на рать 331
възратитися 322
възратитися на кого 322
възратитися на что 322
въ малѣ вои 79
въ малѣ дружины 79, 87
въ малѣ дружинѣ 155
вънратитися 321, 322
въоружати 323
въоружение 342
въоружити 323, 342
въоружитися 342
въполчение 342
въполчити 342
въполчитися 342
въратитися 321, 322
въсаживати 335
въскинути 333, 344
въсприяти 344
въспятити 343
въспятитися 343
въставати на кого 313
въставити противу кого 313
въстати 335, 336, 344
въстати на 335, 336
въстати на рать 336
въсѣсти 334, 344
въсѣсти на конь 334, 344
въсѣсти на конѣ 334
въ чело 119
въѣхати 311
выбити 343

выбити из города 343
выборные дворяне 201, 203
выборные дети боярские 203
выборные дѣти боярские 202
выборный 367
выбѣжати 31, 344
вывоевати 317, 318, 344
выгнати 343
выездные 299
выездные казаки 299
выехати 321
выйти 340
выйти на кого-либо со всеми полки 78
выйти на кого-либо со всеми своими
 вои 78
выйти на кого-либо со всеми силами
 78
выйти противу кого 313
выйти съ полки 40
вылазка 353
вылѣсти 353
вымирити 303
выньзти 109
выправитися 343
выразити 303
выринутися 345
вырискати 345
высечь 303
выставитися 343
выставитися на брань 343
выстояние 304
выстояти 303, 304
выступати 340, 345
выступити 340, 345
выступити на кого 313
выступити противу кого 313
выступитися 340
высунутися 340
высылщики 299
высылщикъ 215, 216
выходити 336, 340
выходити воиною 318
выходити на воину 318
выходити на рать 318
выходити ратью 318
выѣздной казкъ 227

выѣхати 336, 340
възостритися 331
върпсти 129
върпу 129
вѣдомецъ 216
вѣспѣти 343
вѣстникъ 214
вѣстовой 215
вѣстовщики 299
вѣстовщикъ 214, 215, 302, 352
вѣстоноша 214, 216
вѣст(ь)никъ 216
вязни 371
вячьшии мужи 71
гайдук 265
гайдуками * 265
гайдук, белор. 265
гайдуки 265, 305
гайдуков 265
гайдук, укр. 265
гайдукъ 265
гайдученок 265
гайдучий 265
гайдучик 265
гайдучина 265
гайдучить 265
гайдучиха 265
гайдучихин 265
гайдучка 265
гайдучье 265
гаковица 371
(г)енерал 278
генерал 269, 279
генерала * 287
генеральной полевой воевода 279
генеральной полевой маршалокъ 279
генеральной сторожеставецъ 279
генераль 274, 278, 279, 282, 352, 353
генераль-лейтенантъ 279
генераль-майоръ 279
генерального начальника * 287
генеральный 224, 278
генеральныи началныи чинъ 279
гетман 277, 305
гетмана * 287
гетманскій 278

гетманство 278
гетманъ 259, 274, 277, 278, 298, 352,
353, 367, 371
гетманы жолнерскіе 259
гетьманъ 278
главные силы 142
годовальщикъ 224
годовщикъ 224
голова 238, 239, 240, 242, 246, 262,
300, 302, 367
голова казачий 353
голова стрѣлкий 353
голова у наряда 144
голова у обоза 144
головная сторожа 188, 189
голову сложити 347
головы 144, 364
головы сотенные 364
гонити 343
гонитися 343
гонь 343, 348
гонятися 343
город 303
городки малы 303
городничие 353, 367
городничий 218
городовой воевода 144
городовые 142
городовые воеводы 144
городовые дворяне 201, 203
городовые дворянѣ 202
городовые дети боярскіе 203
городовые дѣти боярскіе 202
городовые казаки 202
городовые люди 295
городовых дворян * 201
городовых полков * 139
городовыхъ * 144
городовыхъ дворянъ * 201
городские казаки 203
городскіе сидѣльцы 225
государева рать 293, 294
государева служба 180, 181, 295
государевъ полкъ 201
государевы 295
государевы люди 295

государевы служилые люди 295
град 303
градоукрепление 368
градские люди 66
градские старцы 211
грады 370
грамота возметная 303
грамота разметная 303
грамоты 303
гранатчики 209
гриденка 65, 354
гриди 65
гридинъ 64, 65, 68, 69, 354
гридити 64, 65, 133
гридница 64, 65
гридня 64
гридь 61, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 133, 211, 307, 354
гридьба 64, 65, 69, 71, 133, 354
гридьбу * 61
гридьбы * 64
гридь меньшая 133
гридь меньшии 64
грид(ь)ница 65, 133
гридьница 64, 65
грид(ь)ня 133
гридьня 64, 65
грыдинъ 64
грямовоеение 369
грясти 321, 336, 340
грясти на кого 313
губныхъ старость * 202
гулявый воевода 144
гуляй город 143
гуляй городъ 142
гуляин 144
гусаръ 259, 260
гусары 259, 269
гусарский 259
гуфъ 169, 371
гънати 343
дальняя служба 181
дасть хребта 372
дати 43, 311
дати бой 43
дати на щить 311

дати плечи 311
дати полку 43
дати полкъ 43, 311
дати сражение 43
даточные люди 142, 178, 179, 203, 209, 248, 295, 354, 367
даточный 248
даточными людьми * 203
двигатися 321, 336, 340
двигнутися 336, 340
двигнуть 340
двойная отводная сторожа 188
двойная сторожа 188, 189
двора * 139, 157, 158
дворные люди 178
дворовые дворяне 201, 203
дворовые дети боярские 203
дворовые дѣти боярские 202
двором * 157
дворомъ * 140
дворъ 139, 157, 158, 187, 211, 354
дворьный 211
дворьский 211
дворяне 158, 200, 201, 203, 209, 298, 364
дворянин 201
дворянинъ 158, 200, 201, 211
дворянѣ 158, 200
денная сторожа 188
деньщикъ 300
держати рать 52, 347
держати тысящу(а) 76
держати брань 320
держати рать 320
десятки 141
десятки 142
десятники 144
десятникъ 239, 243, 245, 302, 367
десятские 76
десятские 65
десятский 239
десятскими * 65
десятьнике * 244
десят(ь)никъ 243
десятьникъ 243, 245
десят(ь)скими 243

десятьскыи 244, 298
десяцькыи 298
десячьскыи 65
детей борских * 202
детей боярских * 202, 206
детей боярскихъ * 139
дети боярские 71, 139, 143, 203, 209,
367
детьми боярскими * 205
детьскыи 71, 354
детьскыми * 68
детюк 229
детям боярским * 202
дичькыи 63
дичьскыи 63
дневная сторожа 189
добрыи мужи 71
добыток 304
довод 303
догоняти 343
дозирать дозоръ 342
дозорщиков над ружьем * 267
дозорщиковъ * 219
дозорщикъ 218
дозоръ 348
докончати 303
доспевати 321
доспешные люди 298
доспѣвати 336, 340
доспѣти 336, 340
доспѣти на брань 320
доспѣхъ 342, 348
доспѣшный 342
достерегаться 342
доступити 259
досѣдѣти 343
досѣкаться 343
досѣщися 343
доѣхати 343
драгун * 267
драгунская служба 180, 181
драгунские полки 364
драгунский полкъ 365
драгунский строй 299
драгунъ 365
драгуны 210, 269, 274, 299, 364, 365

драка 353
дратися 353
дружина 8, 24, 37, 56, 57, 58, 59, 60,
61, 63, 64, 66, 69, 70, 71, 72, 73,
74, 75, 76, 77, 78, 84, 85, 87, 88,
89, 90, 132, 133, 140, 154, 155,
156, 157, 158, 290, 291, 293, 294,
296, 324, 329, 331, 352, 354, 358,
359
дружина билася 72
дружина, болг. 75
дружина лпшая 133
дружина лутшая 133
дружина молотшая 62
дружина передняя 133
дружина, серб.-хорв. 75
дружина старшая 133
дружина старѣишая 62
дружине * 70, 87, 139
дружининъ 69
дружинники 68, 69
дружинникъ 68
дружинный 69
дружиною * 75
дружины * 69, 76, 79, 89, 154
дружины княжих мужей 142
дружин(ь)ны(и)й 69
дрябы полоцкие 367
думати 331
думные люди 295
дѣ(е)ржати рать 340
дѣла стѣнобитные 371
дѣтей боярскихъ * 202
дѣти боярские 298, 364
дѣти боярскіе 69, 70, 181, 200, 202, 211
дѣти боярскіе украинныхъ городовъ
202
дѣти боярскіе украинскихъ городовъ
202
дѣти боярскіи 133
дѣтские 69, 70
дѣтскыи 211
дѣт(ь)ми боярскими * 201
дѣтскыи 63, 68, 133
дѣцские 63
дѣцькыи 63

елебарда 269
енарал 269
енерал 269
енераль 278, 279
енеральский 279
еничеры 256
енычаны 256
енычаны 256
ертауль 193, 194, 352, 354
ертаульный полкъ 147
ертоуль 193
ертуль 139, 193
есаул 255
есаулецъ 255
есаулить 255
есаулов 255
есауль 253, 254, 300, 352
есаульский 255
есаульство 255
есаульша 255
жезл 10
железнострельцы 370
железострѣльцы 367
желныри 259
желнырь 259
желѣзные полкъ 133
желѣзный полкъ 42
жилецкие люди 209
жилецкіе люди 178, 295, 354
жилцы 364
жилыцы 200, 201, 203, 209, 354
житы люди 66
житы люди 133
жолнерский 259, 305
жолнеры 305
жолнырь 259
забралникъ 213, 214, 298
забральникъ 111, 112, 211, 354
завести пѣшцѣ 347
заводити пѣшцѣ 347
завоеватися 321, 322, 344
завоеваться 322
завоеводчикъ 237
завоенный 172
забор 303
заборы 303

загнати 343
загон 127, 304, 307
загона * 225
загонити 126, 133, 225, 307
загонить 303
загонные люди 127, 133, 178, 225, 295
загонный 127, 225
загоном * 127
загонщики 225
загонщикъ 127, 133, 225
загонъ 126, 127, 128, 133, 225, 371
загонъ 307
загоньць 126, 225
загородие 303, 304
заду * 120
задъ 118, 119, 120
заезд 307
заездъ 303
зажитие 116, 133
зажитникъ 115, 116, 117, 118, 133,
211, 354
заздъ 133
заимати 344
займовать 344
зайти 344
залечь 344
замышление 303, 304
замышляти 331
замышляти на кого 331
замышляти противъ кого 331
заняти 344
заострожье 303, 304
запал 16
запасти 303
заратитися 309, 321, 322, 344
заратитися на кого 322
заратитися на что 322
заратитися с кем 322
засада 37, 117, 119, 120, 121, 122, 123,
192, 193, 307, 353, 370
засаде * 122
засадникъ 117, 118, 211, 225
засадници 117
засадный полкъ 133
засадный полкъ 141
засад(ь)никъ 115, 116

засадъникъ 117, 118
засеке * 220
засести 303
засечные головы 238
застава 37, 117, 122, 123, 191, 192, 296,
353
заставе * 122
заставное место 192
заставные головы 192, 238
заставные люди 192
заставный 192
заставочное дѣло 192
заставочный 192
заставочный голова 192
заставы 192
застати 344
застрѣлити 371
заступати 345
заступити 344, 345
заступити место 344
заступление 348
заступов * 187
заступъ 37, 128, 187, 352
заступы 128
заступъ 119
засѣка 220, 348, 370
засѣсти 344
засѣсти городъ 344
засѣсть на подѣсадѣ 122
засѣтчикъ 220
засѣцкій 220
засѣчи 344
засѣчи пути 344
затворитися 371
затинныхъ пищаляхъ * 219
затинщикамъ * 221
затинщики 143, 209, 299, 352, 353,
354, 367
затинщикъ 219
затравка 16
захаб 304
захабень 303, 304
захабный 303, 304
заходити 344
заходити въ тылъ 347
зачати рать 52, 340

зачинати рать 340
защитники 142
заѣздъ 127, 128, 133
заяти 344
збои 248, 298
зброя 371
збруя 259, 305
звати 325
звяцание 369
згонити 343
здумати 314, 331
зелейникъ 223, 368
зелейщикъ 223, 367
зелье 16, 223
земаля 87
земля 88, 90, 132, 328, 354, 358
знаменосецъ 264
знаменосецъ 111, 113, 118, 211
знаменщики 364
знаменщикъ 114, 264, 367
знаменьщикъ 111, 113
знамя 87, 113, 272, 273
знамя полковое 151
Золотая Орда 183
идеть войско 371
идти 312, 313, 321, 336, 345
идти войною на кого 312
идти войною противу кого 312
идти въ помощь 130
идти на 312
идти на войну 312
идти на кого 312, 313
идти на кого-либо 314
идти на помощь 130
идти на что-либо 314
идти + неопр. форма глаг. 312
идти противу кого 312
идти ратью на кого 312
идти ратью противу кого 312
идти + сущ. 312
избитие 343
избитье 348
избѣжати 340
избѣжати 344
извоевати 343
изгнати 343

изгона 127, 303, 344, 348
изгонити 127, 303, 344
изгонити изгоною 344
изгонная рать 127, 303, 344
изгонный 127, 344
изгонъ 343, 348
изгынбнуть 343
иззасести 303
изити 43, 340
изити на бой 43
изити на войну 43
изити на кого 313
изити на сражение 43
изити полкомъ 43
изити противу кого 313
излазъ 343, 348
излѣзти 343, 345
изметные 303
изнарядити 321, 325
изнарядитися 321, 325
изнарядитися на 325
изнебыти 343
изогнати 343
израда 259
изронъ 343, 348
изрушити 343
изрядити 321, 322, 325
изрядити полки 325
изрядити полки 40
изрядити полки противу 40
изряживати 325
изсѣчи 343
изѣхати 343
изѣздъ 340
изыти 370
изыти на полки 40
имети рать 52
имѣти рать 340
искрутитися 303, 329
исплъчитися 324
исполчение 358, 359
исполчити 321, 322, 323, 324
исполчити дружину 72
исполчити полкъ 72
исполчитися 72, 321, 322, 324, 342
исполчитися на кого 313

исполчитися полки 324
исполчитися противу кого 313, 324
исполчитися противу кому 324
испостигнути 343
исплъчение 49
исплъчити 323
исплъчитися 324
испъ(о)лчение 49
истобка 64
истрѣляти 343
исѣщися 343
ити 337
ити воиноу 318, 340
ити на воину 318
ити на рать 318
ити ратью 52, 318, 340
итти войскомъ 167
итти полкомъ 145
итти съ войскомъ 167
ихъѣхати 340
кавалеръ 284
казаками * 205
казаки 105, 142, 209, 226, 227, 296,
353, 364, 367
казакъ 226, 227, 228, 298, 367
Казанская Изба 143
казацкій 227
казачество 227
казачий 227
казачий голова 227
казачий полкъ 365
казачий сотникъ 227
казачье войско 227
казачьи полки 364
казюк 229
каламажка 194
каламажка. белор. 195
калга 253, 256
камышники 299, 353
камышникъ 224
капитан 269, 366
капитанов * 267
капитанов над ружьем * 267
капитанский 353
капитанскій 280
капитанство 280

капитанъ 270, 274, 278, 279, 280, 281,
282, 300, 352, 353, 365
капитанъ-десъ армесь 282
капитанъ-десъ-армесь 270
капитонъ 270
капоралов немецких * 267
капрал 269, 353
капралов * 267
капраль 274, 300
капральство 274, 352
каптенармусъ 274, 282, 352, 353
каптирнармусъ 270
капыдан 280
капыдон 280
карабин 269
карабинъ 353, 365
караул * 191
караулити 343, 353
карауль 190, 191, 192, 193, 220, 296,
299, 343, 348, 352, 353, 367
караульная изба 191
караульная служба 191, 220
караульный 191
караульщики 299, 353
караульщикъ 219, 220, 353
квартирмейстеръ 274, 365
квартирмейстер 366
квартирмейстер 269, 281
квартирмейстеров * 267
квартирмейстеръ 278, 281
кіш, укр. 197
кладиво 10
клюка 10
кмета * 67
кметии молодыхъ 63
кметь 67, 68, 354
княжеский дворъ 140
княжие мужи 142
княжий мужъ 211
княжий полкъ 44. См. также полкъ
княжий
княжьи мужи 69, 70
князей * 139
князей татарскихъ * 202
князей татрскихъ московского чина
* 202

князь 142, 158, 232, 235, 298, 369
князь воевода 232
князья татарские 203
князья татарскіе 202
князю * 154
князя * 246
кованая рать 305
козакъ 227
колимага, укр. 194
колимаг, укр. 194
колимагъ 194
колимогъ, сербск.-церк. 194
колода 303
кольмагъ 194
колымага 194
колымагъ 194, 195, 199, 257
колымогъ 194
комиссаръ 300
компания 270, 273
коневая рать 305
коневник 303
коневники 299
коневникъ 101, 108, 211, 213, 214
коневници 108
коневьи 104
коневый 104
коневъник 307
коневъникъ 104
конники 371
конникъ 214, 299
конница 105, 106, 142, 143, 210, 299,
352, 353
конницей * 141
конницы * 117
конное войско 162, 371
конные 117, 142, 371
конные люди 105, 117, 283, 299, 353,
354, 371
конные полки 104
конныи 214
конный 103, 105
конь 103
коньники 101, 103, 353
коньникъ 100, 101, 103, 298
коньници 101, 103
коньныи 103

коньный 103
конѣвникъ 117, 118, 299
конѣвници 117
конѣвницы 117
конѣв(ь)ники 354
копееносцы 367
копейник 118
копейники 299, 367
копейникъ 111, 112, 117, 211
копейникъ 214
копейщики 210, 299, 353, 367
копейщикъ 214
копейщина 303
копие 111, 112, 118, 354
копиеникъ 117, 118, 214
копиеносцы 370
копииникъ 112
копити 307, 322, 325, 326, 327
копити вои 79
копити воѣ 79
копитися 322, 325, 327
копитиса 327
копление 327
копье 10, 21, 112, 131, 371
копъеносецъ 214
копъеносецъ 213
кораблении воинъ 108
корда 10
кормщик 303
корпорал 366
корпораль 279, 282, 301, 353
корпоральство 270, 273, 274, 352
костер 303, 304
костерь 307
костур 10
костыль 10
кош 197, 305
кошеваць, белор. 197
кошевникъ 113, 133
кошевные 197
кошевыи 113, 197
кошовій, укр. 197
кошовыи 113
кош, укр. 197
кошъ 133, 196, 197, 198, 199, 226
крем 303, 304

кремль 303, 304
кремник 304
креом 303, 304
крепостной нарядъ 142, 143
крило 118, 119, 120
кром 303, 304
кромский 303
круговая отводная сторожа 188, 189
круговая сторожа 188
крутиться 322
крутитиса 329
крутитиса на воину 329
крыло 118, 120
крѣпко сразитися 371
крѣпцѣ налегати 371
кузнецы 142, 143, 209, 219
кули 371
куля 10
кумендере * 251
кумендерь 251, 298, 363
кумендерь 251, 298, 303
куменерь 305
кундуръ 251
кундуры 305
кунтуре * 251
кунтуръ 251, 298, 371
куньдуръ 251
кут 303, 304
кутный 303, 304
кутный костер 303
кушатиса 330
къмети 66, 71
къметъ 66, 67, 68, 69, 70, 298
къметъство 67
къметями * 68
лава 183
лагере * 199
лагерь 199, 200
лагеря * 199
лазутники 353
лазутчика * 217
лазутчики 299, 353
лазутчикъ 216, 217, 299, 302
лазут(ь)никъ 217
лазутьчикъ 216
лазучение 217, 342, 348

лазучество 217, 342, 348
лазучикъ 216
лазуч(ь)никъ 216
лазущикъ 216
ланспасадъ 282
ланспасата * 287
ланспасать 282
ланспасать 282
легкое войско 162
лейтенант 269
лейтенантъ 284
ленсмаршалокъ 371
лепшая дружина 71
литаврщики 364
литаврщикъ 226, 367
лице 119
лицо 119
лицу * 120
лицѣ 119, 131
лодеиникъ 100, 107, 108, 117, 211
лодеиный воинъ 108
лодеишикъ 108
лодейщикъ 108, 117, 133
лодейщикъ 211
лодииникъ 100, 107, 108, 117
лодьеникъ 100
лодьиникъ 107, 108, 117
лук 10
лукъ 131
лутшая дружина 72, 73
лучникъ 70, 222
лучшая дружина 61, 69, 71, 73
лучший полкъ 73
лучшіе мужи 211
луч(ь)никъ 114, 117, 211, 302
лучьникъ 118
луч(ь)шии мужи 133
лучьшии мужи 71
лѣвая сторона 120
лѣвое крыло 118, 181
лѣпшая дружина 61, 69, 73, 181
люди 24, 37, 63, 86, 87, 88, 89, 90, 177,
178, 292, 294, 295, 311, 324, 332,
354, 358, 359
люди боевые 303, 304
люди воинские 353

люди(е) 132
людие 86, 87, 132, 292
люди письменные 178
люди понятные 178
люди призванные 178
люди ратные 353
люди тяглые 178
людіе 294
людь 371
лютая брань 320
лютенантъ 300
магистр 305
магистре * 251
магистръ 251, 367
маеорская служба 280
маеорский 280
маеоръ 279, 280, 300, 353, 365
маерь 280
майор 269, 366
майоров * 267
маиоръ 274, 278
майоръ 279, 280, 301, 352
майоры 364
маіерь 280
маіоръ 224, 280
маршалковая 265
маршалкович 265
маршалок 265, 305
маршалокъ 264, 265, 370
мастере * 251
мастер пушечник 115
мастеръ 251, 368
мастеръ порочный 115, 214, 298
мастюк 229
мазоръ 280
меднощитники 367, 370
междуусобная брань 319, 320
меньшая гридь 71
меньшой воевода 236
мертвотрупоты 369
местере * 251
местерь 251, 298, 363
местерь 251
месячная сторожа 188, 189
метальники 69
метальникъ 70, 354

метальщики 71
меч 10, 21
меченосцы 369
меченоша 70, 112, 113, 117, 118, 211,
213, 214, 299, 354
меченоши 69, 71
мечники 69, 71
мечникъ 133, 299, 302
мечь 8, 131, 352
меч(ь)никъ 113, 118, 211, 213
мечьникъ 112, 117, 118, 354
мештеръ 251
мир 10
миру * 52
мистр 305
мистръ 251
михрюк 229
младшая дружина 142, 143
младшей дружиной * 70
многоукрепления крепости 368
множество вои 79
молодецъ 248
молодшая дружина 62, 181
молодшая дружина * 70
молодые 62, 71, 133
молодые люди 62, 63, 69, 70, 71, 298
молодые 63
молодые люди 133
молоть 62, 63, 69, 70, 71, 133, 354
молод(ь)шая дружина 69, 71
молodyшая дружина 63
молoж(ь)шии мужи 133
молoжышии мужи 71
молот 10
молотшая дружина 61, 62
морские силы 159
моршлодь 298
моршолдь 363
моршолокъ 264
московские дворяне 201, 203
московские пешие 142
моць 259
мудроучителне 368
мужамъ * 70
мужей * 61
мужем * 70

мужи 61, 69, 70, 71
мужи браньнии 321
мужь 62, 68, 298
мунштукъ 365
мурзъ * 202
мурзъ московского чина * 202
мурзы 200, 202, 203, 354
мушкет 269
мушкетеръ 283
мушкетеры 269, 353
мушкетный 283
мушкетъ 353
мушкеты 365
мыслити 331
набатчикъ 243
навожденье 348
навоженье 348
наворопити 117, 128, 129
наворопляти 117, 128
наворопникъ 115, 117, 118, 128, 211,
213, 354
наворопъ 117, 128, 133
наворотити конь на бѣгъ 343
наворотити на бѣгъ 343
наворотитися на бѣгъ 347
наврапъ 129
надгонити 343
надогнати 343
надѣгнати 343
над(ь)стигнути 343
наемники 142
наемные люди 367
наехати 303
найти 340
наитие 340
найти на кого 313
на конихъ 103
на конь 335
на конѣ 335
належаніе 370
належати на кого 370
налечъ на кого 313
налогъ 348
налѣзти 344
наместникъ 298
намѣстникъ 234, 246

нападати 353
нападать 305, 315
нападение 305
напасти 353
нарискати 343, 345
нарочитыи мужи 71, 133
нарочитыи мужъ 65
нарочитыми мужами 65
нарочная сторожа 188
нарубати 342
нарубити 342
наряд 16, 143, 210
наряде * 218
нарядити 220, 322, 325, 326
нарядити корабли 220
нарядити полки 221
нарядитися 325, 326
нарядныи 326
нарядчик 220
нарядчики 353
нарядчикъ 220, 221
нарядъ 142, 143, 220, 221, 326
наряд(ь)чикъ 220
нарядчикъ 220
наряжати 220, 325, 326
наряживати 325
нарадити рать 51
насилие 343, 348
наслати 331, 343
наставникъ 367, 369
настичи 343
наступати 343, 345, 353
наступити 343, 345
наступление 16
насылати 323, 325, 331, 343
насылати на 332
натръжение 343
натрыждение 343
находити 340
находити нахоть 345
нахоть 340
нахождение 340, 345, 370
нахождение 340
началной полевой воевода 279
началной полевой воевода 278
начальник 243

начальникъ 243, 300
начальные люди 179, 243, 247
начальный челоуѣкъ 247
начальнымъ людямъ * 276
начальных людей * 267
начальных чинов * 286
нашествие 340, 345
наѣздитъ 340
наѣздъ 340, 343, 348
наѣзжаніе 370
наѣхати 340
наѣхати воиноу 318
наѣхати на воину 318
наѣхати на рать 318
наѣхати ратью 318
наяти 342
не въ мнозѣ дружинѣ 155
недорослемъ * 140
недоросль 248
недругъ 185
нелюбовие 319
нелюбы 319
немецкие полковники 262
немецкий 262
немилосердие 319
немирие 319
немирникъ 319
немиръ 319
немирьныи 319
немочь 319
непогодие 319
непокаяльник 319
неприѣатель, серб.-хорв. 186
неприятел, болг. 186
неприятель 186
непріязненный 186
непріязнь 186
непріятель 186
непріятель, укр. 186
непрыяцель, белор. 186
нерубленные люди 205
нерубленные люди 303
низовая служба 180, 181
новгороцкіи полкъ 150
новикомъ * 140
новикъ 203, 248, 342

новокрещень * 202
новокрещень московского чина * 202
новокрещены 202, 203, 354
новокрѣщены 200
новоприборные люди 179
новоприборные стрѣлцы 248
новоприборный 248, 342
нож 10
ножна 10
ножь 131
ночная сторожа 188, 189
нутреная сторожа 188
нѣтчикъ 203, 248
обдержаніе 348
обдержанье 343
обдержати 343
обереганье 348
обиминъ 82
обиступати 345
обиступити 345
облава 182, 183, 354, 358, 359
облавить 183
облавом 182
область 88, 90, 132, 134, 354, 358, 359
облегати 371
обложить 353
обоз 299
обоза * 118
обозники 299, 353
обозников * 267
обозникъ 225, 226
обозный 144
обозный голова 144
обозъ 198, 226
обоиминъ 82
обоити 343
оборотити 343
оборона 348
оборонь 348
оборотити 343
оборотитися 343
оборотитися на бѣгъ 343
обратити конь на бѣгъ 343
обратити на бѣгъ 343
обратитися в бѣгство 371
обрубати 303, 306

обрубитися 205
обрытье 348
обрѣсти 343
обух 10
обѣзжие головы 299
обѣхати 343
обысканные люди 295
объзирати 342
объсѣкати 343
объсѣчи 343
оглядати 342
огненная стрѣльба 370
огненный бой 16
огненный стрелець 208
огненный стрѣлецъ 223
огненныхъ стрельцовъ * 208
огненный бой 370
огнищане 66
однополчанин 151
одолати 344
одолювати 344
одолюніе 370
одолюти 344
оими 82
оиминъ 81, 82, 134, 354
оиминь 82
оймовать 82
оимъ 81, 134
оимьскыи 81
окладчикъ 203
окопаться 303
окружити 343
опехтюк 229
описные головы 238, 298
ополчати 370
ополчатися 309, 325
ополчатися на 371
ополчение 172, 173, 358
ополчениіе 172
ополчитель 369
ополчити 321, 322, 324
ополчитися 321, 322, 324, 370
ополчѣніе 370
опустити 343
опылчатися 325
опылчение 49

опълчити 324
опълчитися 324
опъ(о)лчение 49
орда 182, 183, 184, 358
орда суга, куман. (полов.) 183
орда, белорусс. 183
орда, болг. 183
орда, тат. 183
орда, укр. 183
ордија, серб.-хорв. 183
орди(ы)нский 183
ордия, болг. 183
ордобазар 303
ордо, кирг. 184
орду 184
ордуі, курд. 183
орду, курд. 183
орду, тур.-осм. 183
ордуу, якут. 184
ордынец 183
Ордынка 183
ордынка, укр. 183
оружейничей 100, 354
оружейный 100
оружейный дозорщикъ 299
оружельничей 100
оружельничий 100
оружельный 100
оруженосецъ 98, 354, 367
оруженосіе 99
оружие 10, 98
оружиный 100
оружити 342
оружникъ 99, 118, 133, 211, 354
оружничии 98, 100
оружничий 100, 117, 118, 354
оружьинный 98
оруж(ь)никъ 98, 99
оружьникъ 211
оруж(ь)ный 99
оружьный 98, 354
осада 109, 348, 353
осадити 353
осадникъ 225
осадное врѣмя 246
осадное мѣсто 246

осадные головы 238
осадные люди 178, 246, 295
осадные сидѣльцы 225
осадный 246
осадный голова 246
осадныхъ* 144
осадчей 246
осад(ь)чикъ 246
осажатель 247
осаждатель 247
осаждати 353
осмотрѣти 342
остережение 348
остолпiti 343
остоя 348
острие 10
оступати 345
оступити 345
оступити градъ в силѣ тяжцѣ 84
оступити градъ въ силѣ тяжцѣ 85
отбити 370
отборщикъ 217
отбѣжати 344
отводная сторожа 188, 189
отворотные люди 295
отлучить 343
отоити 343
отойти 371
отпустить 325
отпущати 325
отроками * 68
отроки 63, 69, 70, 71
отрокъ 63, 68, 133, 211, 354
отрядити 323, 325
отрадити рать 51
отступати 344, 345
отступити 343, 344, 345
отступитися 344
отсѣка 348
отсѣкъ 348
оттуга 303, 304
отхватити 343
отѣмать 343
отъ страха сильного грянутия 369
отѣяти 343
отѣхати 343

отъяти 343
охабень 303, 304
охабити 304
охвочая рать 204
охвочий 303
охвочий человек 304
охвочіе люди 204
охотники 367
охотникъ 205
охочая рать 204
охочіе люди 179, 303, 367
охочих людях * 204
охочіе люди 204, 205, 295
пѹк, серб. 45
пѹк, серб.-хорв. 38, 39
палица 10
пасти 343
пастырь 242, 367, 369
пасынками * 68
пасынки 63, 69, 70, 71, 143
пасынокъ 63, 68, 133, 354
пахолокъ 371
первая дружина 61
первоначальникъ 367
первополконачальникъ 242, 369
перебежати 343
перебежи 343
перебороти 343
перебраться 343, 345
перебрести 343, 345
перебрежи 345
перебродити 343, 345
перебродитися 343, 345
перевезти 343
перевести 343
перевет 303
переводити 345
переводитися 343
перевозити 343
перевозитися 345
передгий полкъ 42
передний мужи 71
передний полкъ 42, 72, 147, 371
передній полкъ 133
передній полкъ 370
передняя дружина 71, 72, 181

передняя сторожа 188, 189
передовой полкъ 141, 147, 148
передовые люди 178
переити на кого 313
перемирье 179, 306
перемогати 344
перемочи 344
перескокъ 248
перестояти 345
перестрель лучной 371
перси 303, 304
перси кромския 304
перши 304
перѣдная дружина 69
пехота 140, 142, 143, 210
пехотные полки 148
пехотой * 141
пехоты * 117
пешие 142
пешие городовые казаки 142
пика 269
пикинеры 353
писарей * 267
пистоль 269, 365
пищальники 299
пищальниками * 206
пищальникамъ * 221
пищальники 206, 207, 209, 352, 354,
367
пищаль полковая 151
пищальщики 207
плавная служба 180, 181
плен 10
плотники 142, 143, 209, 219
плѣкъ 38
плѣненіе 370
плѣнити 370
победа 10
победитель 248
победоносьць 248
побед(ь)ник 248
побед(ь)никъ 248
победьникъ 248
побити 343
побоище 188, 343, 348, 353
поборонити 304

побыть 344
 побѣгнути 343
 побѣгъ 344, 348
 побѣда 344, 348
 побѣдити 344
 побѣдовать 344
 побѣдоносець 301
 побѣжати 31, 344
 побѣждати 344
 побѣждение 344, 348
 побѣчи 344
 побѣшивати 344
 поведити 325
 повернутися на бѣгъ 343
 повоевание 343, 348
 повоевати 343
 повозки 199
 повозники 298
 поворотити 343
 поворотитися 343
 повѣлитель 301
 погнати 343
 поговорка 303, 304
 погонъ 343
 погромити 343
 погромъ 343, 348
 подабывати 343
 подати 344
 подати городъ 344
 подвести втаи рать 50
 подвести рать 50
 подвоиский 298
 подкопати 353
 подкопъ 348, 353, 370
 подкрута 348
 подмога 129, 131, 133
 подниматися 325
 подозрити 342
 подполковникъ 260, 262, 300, 365
 подротмейстер 366
 подсада 117, 121, 122, 123, 133, 187,
 304, 307
 подсадная конница 122, 133
 подсадная стрельба 122
 подсадная стрѣльба 133
 подсадный 122
 подсобная рать 305
 подстерѣгати 342
 подъатаманье 241
 подъвѣсти 343
 подъвѣсти рать 343
 подымати 323, 325
 подъкопати 370
 подъкрута 342
 подъсада 121, 122
 подъсаде * 122
 подъступити 343
 подъ стягомъ 114
 подътыкати 325
 подъ чѣм-либо стягомъ 114
 подъѣхати 343
 подъяти 325, 332
 подъятися 332
 подъятиса 332
 подьячий 243
 позорение 343
 позоровати 342
 поиде ратью 85
 поиду 313
 поимати 344
 поискати 342
 поискъ 342, 348
 поити 313, 321, 336, 337, 338, 339, 340
 пойти 338
 поити в лодьяхъ 108
 поити воиною 340, 345
 поити в помочъ кому 344
 поити въ помочъ кому 337
 поити за кѣмъ 337
 поити на воину 344
 поити на грунахъ 347
 поити на кого 313
 поити на конихъ 108
 поити на лодьяхъ 108
 поити на рать 52, 340
 поити по комъ 337
 поити полкомъ 145, 337, 344, 345
 поити полкъ 344
 поити полкы 337
 поити противу кого 313, 337
 поити ратью 52, 337, 340, 344
 поити с дружиною 337

пойти с полкомъ 337
пойти съ дружиною 344
пойти съ полку 40
показати плеча 344
покой 10
покорити 344
покрутити 303, 329, 342
покрутитися 342
покручати 329, 342
полевой воевода 278
полевой воеворда 279
полевой гетманъ 278
полевой стороже * 187
полевые воеводы 144
полезти долов 303, 304
полечи 343
полк 16, 47, 74, 262, 269, 305, 359
полками * 148
полками русского строя * 209
полк, белор. 38
полке * 90
полки 147, 324
полки русского строя 209
полковая служба 151
полковника * 240
полковниками * 262
полковники 364
полковникомъ татрскимъ * 240
полковникъ 240, 260, 262, 300, 353,
367
полковникъ райтарской 365
полководец 233
полководецъ 242, 367
полководцемъ * 242
полководци 66
полководыць 242
полковои 133
полковой 94, 151, 224
полковой сторожеставецъ 224
полковые люди 151
полковые порутчики 263
полковых квартирмейстеров * 267
полковых набатчиков * 267
полковыхъ * 144
полкомъ * 75, 149, 150
полкоустройство 370

полку * 48, 59, 74, 94, 120, 148, 152,
297, 298
полк, укр. 38
полкъ 3, 24, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43,
44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52,
53, 55, 58, 70, 72, 73, 74, 75, 76,
78, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90,
94, 95, 101, 131, 132, 133, 140,
141, 145, 146, 147, 148, 149, 150,
151, 152, 154, 159, 167, 169, 173,
174, 262, 267, 272, 273, 274, 290,
291, 293, 294, 296, 297, 298, 311,
317, 318, 319, 324, 325, 326, 331,
332, 345, 352, 353, 354, 358, 359,
365, 370
полкъ большой 42
полкъ великий 42
полкъ выступаетъ 87
полкъ железный 42
полкъ левой руки 42, 141, 148
полкъ лѣвой руки 147
полкъ (полки) * 329
полкъ правой руки 42, 141, 147, 148
полкъ стоитъ 40
полкы 326
положити 343
поломити 343
полон 10
полонные люди 295
полская гусария 260
полуголова 300
полуполковники 364
полуполковникъ 300
полчане 150
полчанинъ 95, 133
полчекъ 150
полчища 48
полчища, мн. 48
полчищ(е) 291, 358
полчище 48, 169
полчищъ 47, 48
полчныи 51, 94
полчный 95
помагати 131
поместной системы * 140
помочи 129

помочие 130
помочь 129, 130, 131, 133
помочье 130
помоч(ь)никъ 248
помоч(ь)ный полкъ 248
помочь учинити 130
помощникъ 248
помощь 129, 130, 131
помощ(ь)никъ 248
поплавные казаки 228
поражение 10
поропоръ 263, 264
порох 16, 21
пороховщикъ 368
порохъ 370, 371
порочный мастеръ 118
порпоръ 272
порубати 303, 306, 342
порубежные люди 295
порубити 306
порубитися 205, 303, 306
порутчики 364
порутчикъ 262, 263, 352, 353
порутчикъ райтарский 365
поручиков * 267
поручикъ 262, 263, 300
поручникъ 262, 263
поручьникъ 263
посадить 342
посадникъ 298, 369
посадские люди 178, 295
посилия 130
поскочити 344
посла рать 85
послати 325, 332, 333
послати в пособъ 131
послати в пособъ 131
послати въ помочь 130
послати въ сторожихъ 123
послати на кого 313, 332
послати на помочь 130
послати на пособъ 131
послати на пособъ 131
послати по комъ (в догон) 333
послати противу кого 313
послати противъ кого 332
послать рать 50
последняя сторожа 188
пособие 129, 131
пособити 131
пособляти 131
пособникъ 248
пособъ 129, 131
пособъ 129, 131
посолие 130
посох 10
посоха 139, 187, 203, 204, 207, 209,
303, 307, 342, 354
посохой * 203, 207
посошанин 179
посошные люди 178, 179, 184, 203,
209, 295, 342
посош(ь)ный 179
пост 371
поставити 119, 345
поставити полкъ 87
поставити полкъ противу 40
поставити стягъ 87, 348
поступати 345
поступити 343, 345
посълати 332
посълие 130
посълья 130
посылати 323, 333
посылка 193
посылке * 193
посылочный полкъ 147, 148
посылщикъ 215, 216
посыльщики 299
потаенный полкъ 148
потаенный полкъ 147
потеренная отводная сторожа 188
потечи (на) 345
потечи на 343
поткнути (на) 345
поткнути на 343
потратити 343
потребитель 354
потрети 304
потручатися 343
потрѣбитель 100, 133
похва 10

походити 340
походъ 340, 348
почтъ 371
пошла рать 338, 344
поѣхати 340
поѣхати противу кого 313
поѣхати (ратью) на кого 313
правая сторона 120
правити 341
правое крыло 119, 181
правое крыло 120
прапор 263
прапорац, серб.-хорв. 263
прапорщиков * 267
прапорщикъ 262, 263, 264, 300, 352,
353, 365
прапоръ 263, 264, 272, 273
прапорьць 272
праца 10
предний полкъ 147
предудобрение 368
преплавитися 370
приборные люди 178, 179, 184, 367
приборъ 193
прибрати 342
прибыльная сторожа 188
прибыти 340
прибѣжати 340
привести (рать) на кого 313
пригонити 340
прийти в пособъ 131
прийти в пособъ 131
прийти в силѣ велицѣ 84, 85
прийти в силѣ тяжцѣ 84, 85
прийти на пособъ 131
прийти на пособъ 131
прийти силою 84
прийти с силою великою 84
прийти с силою многою 84
призоръ 342, 348
приити 321, 339
прийти 338
приити воиною 340, 345
приити полкомъ 87, 345
приити (сдравыми) 340
приити стягомъ 87

приити съ полки(ы) 339
приказ 208, 296
приказов * 209
приказы 143
прикащикъ 220
прикончание 303, 304
прикончати 303
прикошовати 197
прикоштовати 197
примирить 303
примѣтъ 371
припор 303
приправа ратная 303, 304
прислати полкъ 40
приспа 109
приставовъ * 202
пристороватися 331
пристраивати 331
пристроватися 325
приступ 303
приступати 345, 370
приступити 343, 345
приступити силою 84
приступъ 346, 353, 371
притти (ратью) на кого 313
приходити 338, 339
приходити войной 339
приходити воиною 345
приходити къ 339
приходити на 339
приходити полкомъ 345
приходити ратью 339
приходити силой 339
приходити съ полки(ы) 339
приходити съ силою, съ вои, съ пол-
комъ 339
приходить ратью 52
приходные люди 295
пришанцоваться 371
пришелъ въ малѣ 87
приѣздити 340
приѣхати 340
приятель 186
пріязнь 186
пріятель 186
проскокъ 342

противникъ 96
противныи 96, 133
противьныи 96
противьный 95
профос 269, 366
профоса * 267
профость 282, 284, 300
профось 284, 300, 352
прѣдържати тысячу 76
прѣпѣрець, болг. 263
прѣпѣрь, болг. 263
пуля 10, 16
пустити въ наворопъ 117
пустити на воропъ 347
пустовати 343
пустошити 343
пушечникъ 221, 222
пушечный мастер 115
пушечный мастеръ 221, 222
пушечьникъ 221
пушица 303
пушича 303, 306
пушка 10, 21
пушка полковая 151
пушкарѣ 142, 143, 209, 219, 221, 222,
299, 352, 353, 367
пушкарские головы 238
пушкарский приказ 142
пушкаръ 219, 221, 222
пуш(ь)ечный мастеръ 221
пушьчъникъ 221
пушѣчъникъ 221, 222
пущица 306
пѣлк, болг. 38
пѣлководьныи 242
пѣлководьный князь 232
пѣлкъ 8, 37, 38, 43, 45, 46
пѣхота 105, 106, 214, 299, 352, 353
пѣхоте * 105
пѣхотные люди 105, 299
пѣхотныи 133
пѣхотныи люди 133
пѣхотой * 106
пѣшее войско 162
пѣшець 367
пѣшець 214, 299

пѣши 101
пѣшие 117, 118, 353
пѣшие люди 105, 299, 353
пѣшие солдаты 105
пѣшии 101, 102, 105, 214
пѣший строй 299
пѣшие 371
пѣшие приказы 105
пѣшии люди 133
пѣшци 105
пѣшьцамъ * 101
пѣшьцевъ * 103
пѣш(ь)ци 117
пѣшьци 101, 299, 353
пѣшьць 105, 298
пѣшьць 101, 102, 103, 104, 117, 132,
211
пѣшьцьмъ * 102
пѣшѣць 117, 118
пятидесятник 244
пятидесятники 144
пятидесятников * 267
пятидесятникъ 239, 245, 367
пятидесят(ь)никъ 243
пятидесятьникъ 244
пятисотный 300
работные люди 178, 295
рагоза 303
разборщикъ 203
разгляда 348
разгляданье 348
разгонъ 342, 348
разорение 343
разорити 343
разоряти 343
разратие 303
разряд 203
разрядный приказ 203
Разрядный приказъ 143
ракета 365
рассылщиковъ * 202
рассылщикъ 203
рати * 90, 120, 154, 318
ратиборствовать 343
ратище 10, 188
ратмане * 251

ратманъ 94, 251, 252, 298
ратна снага, серб.-хорв. 54
ратная наука 176
ратная пѣхотная мудрость 176
ратная служба 151
ратная червь 175
ратни брод, серб.-хорв. 54
ратние казаки 228
ратни заробѣльник, серб.-хорв. 54
ратнии 292, 358
ратник 37, 94
ратники 37, 94, 179
ратников * 179
ратникъ 68, 93, 94, 101, 184, 369
ратни, серб.-хорв. 54
ратници 94
ратницы 86, 94
ратнички, серб.-хорв. 54
ратное войско 176
ратное дѣло 176
ратное побоище 175
ратно стаѣе, серб.-хорв. 54
ратные 37, 132, 169, 176
ратные дворяне 174
ратные запасы 176
ратные казаки 228
ратные лики 369
ратные люди 151, 173, 174, 175, 176,
178, 184, 267, 290, 295, 296, 300,
353, 365
ратные полковники 176
ратные промыслы 176
ратные рыцари 176
ратныи 91, 92, 173, 174
ратный 91, 94, 95, 151, 165, 169, 171,
173, 174, 175, 176, 184, 359, 369
ратный бой 175
ратный воевода 176, 279
ратный полкъ 42
ратный строй 176
ратныи урядникъ 279
ратный человекъ 176
ратный чинъ 176
ратных людей * 176
ратныи люди 176
ратоборан, серб.-хорв. 54

ратовање, серб.-хорв. 54
ратовати, серб.-хорв. 54
рат(ъ) 94
ратъ 3, 8, 10, 24, 37, 49, 50, 51, 52, 53,
54, 55, 58, 70, 72, 73, 74, 76, 83,
84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 93, 95,
101, 131, 132, 133, 141, 148, 151,
152, 153, 154, 159, 167, 173, 174,
258, 290, 291, 293, 294, 296, 311,
317, 318, 319, 325, 326, 331, 332,
334, 339, 340, 341, 345, 352, 353,
354, 358, 359, 370
ратъ въздвигнути 333
ратъ государева 296
ратъ идеть 50
ратъ кованая 303, 305
ратъ копити 51
ратъ люта 347
ратъ(ман) 94
ратъманъ 94
ратънии 90, 91, 92, 93, 96
ратънии люди 292
ратънии мужи 92
ратъникъ 68, 86, 93, 94
ратънинъ войско 292
ратъници 93, 94
ратъницы 93
ратъныи 51, 91, 92
ратъный 91
ратъ-сила 153
ратъ снастная 303, 305
ратъствовати 343
ратъ ходити 52
ратъ ѿступиша градъ 50
ратью * 53
регементъ 273
регімент 269, 270
регімент-шульцен 366
регіментъ 149, 267, 270, 273, 274, 278,
297
рейтар 283, 366
рейтар * 267
рейтарские полки 148, 364
рейтарский полкъ 365
рейтарский строй 299
рейтаръ 274, 283

рейтары 210, 269, 274, 283, 299, 353,
364, 365, 371
рейтарь 283
ристалище 188
ритори 252
ровъ 371
рогатина 10
рогоза 304
розгляда 342
розгляданье 342
розмысел 222
розмыселъ 222
розмыслити 222
розмысловъ * 222
розмыслъ 222
розмыслы 222, 367
розрание 304
розсылочная служба 215, 216
розсылщика * 215
розсылщики 299
розсылщикъ 215, 216
ройтарь 283
роскаты 307
рота 267, 269, 270, 271, 272, 273, 278,
282, 296, 352, 365
ротмейстер 366
ротмистр 305
ротмистръ 271, 274, 278, 281, 282, 365,
367, 371
ротмистры 281, 364
ротного становаца * 282
ротникъ 247
ротные порутчики 263
ротный 271
ротный подъячий 243
ротных заимщиков * 267
роты * 273
рохмистр 305
рохмистръ 281
рубити 205, 303, 306
рубитися 205, 303, 306
рубленая рать 139
рубленой рати * 179
рукоять 10
рундасиры 284
русских ротных подъячих * 267

русских солдат * 267
русь 66
ручница 370
ручным пищалемъ * 151
рушити 343
рушница 259
рѣваться 343
рыба-кит 27
рыторъ 252
рыцарство 259
рядовая сторожа 188, 189
рядовой 247, 300
рядовой иноземець 247
рядовой казакъ 247
рядовые солдаты 275
рядовыми * 247
рядовых солдат * 267
рядъ 119
рядьникъ 247
радъ 119
саадакъ 250
сабля 250
сакма 305
салдать 365
салдаты 365
самострел 10
сбирати 322, 325, 330
сбирати дань 51
сбиратися 322, 330
сбиратися на бои 330
сбиратиса 330
сборщики 299
сборщикъ 203, 216
сбруйные копейные люди 295
сбѣжати 31
свирельщиков * 267
сглядание 342
сдобрити 303, 304
север 229
севера 230
северик 230
северкий 230
северы 229
северяк 230
северяне 229
севрюга 229

севрюк 229, 230
севрюками * 228
севрюки 228, 229, 230
севрюкъ 228, 229, 230
седельникъ 114
секира 10
секирникъ 223
секретарь 366
сержант 269, 366
сержанта * 287
сержантъ 274, 278, 282, 300, 301, 352,
353, 365
сестник 303, 307
сестники 106
сестникъ 133
сеунч 303
сеунчевати 255
сеунчик 255
сеунчикъ 255
сеунчъ 255
сеунчъ 253, 255, 299
сеунщикъ 255
сечь 109
сивер 229
сивера 230
сиверка 230
сиверкий 230
сиверко 230
сиверно 230
сиверца 230
сиверы 229
сидѣлецъ 225
сидѣнье 225
сидѣти 225
сила 24, 37, 58, 74, 83, 84, 85, 86, 87,
88, 89, 90, 132, 151, 158, 159, 173,
174, 292, 293, 294, 296, 297, 311,
354, 358, 359
сила-армия 159
сила войсковая 159
силой * 84
силу * 159
силу (силы) * 329
силы 78, 159, 353
сичеъ 109
скачити 343
скачити в ворота 343
скеди 109
скопити 328
скопити воѣ 79
скопити дружину 72
скопиться 328
скочити 345
скрута 329
скрутити 329
скрутитися 303, 329
скрутитися в бронѣ 329
скручатися 329
скупити 328
скупитися 325, 328
скупливати 328
скупъ 325
сложитися 325, 329
сложитися на кого 329
слуги подѣ дворскимъ 139
слугѣ боярскихъ * 139
слугѣ подѣ дворскимъ * 139
служба 179, 180, 181
служба дальняя 181
служба низовая 181
служебные князья 139
служивые люди 176, 180, 295
служивый 177
служилые люди 105, 176, 177, 178,
180, 184, 200, 203, 206, 293, 295,
296, 300, 353, 365
служилые татары 368
служилый 177, 247
служилых людей * 266
служити 180
служить 180
с малою дружиною 73
смердъ 67
смердюк 229
сметение 66
смотреть севрюком 229
смѣтье 66
снарховатая сторожа 188
снузникъ 106, 107, 118, 132, 133
снузь 107
снуз(ь)никъ 299
снузьньство 133, 134

снятие 343, 348
сняться 343
сняться на скупь 329
снаться полкома на брань 40
собирати 327, 331
собирати воѣ 79
собиратися на рать 340
собрани(ь)ѣ 329
собрати 325, 327, 328, 329
собрати вои многи(и) 329
собрати вои на кого 313
собрати силу великую 84
собрати силу велью 84
собратися на бои 330
собраться 330
совкупъ 343, 348
сов(о)купити 327
совокупити 325, 328
совокупити дружину 72
совокупити силу 84, 327
совокупитися 325, 328
совокупление 343
совокупливати 328
совокуплятися 328
совокуплати вои 79
совокуплати воѣ 79
совокупъ 343
соимъ 348
соймъ 343
солдат 267, 269, 275, 276, 366
солдатами * 275
солдатская свобода 277
солдатская служба 277
солдатские головы 238
солдатские полки 148
солдатский 277
солдатский голова 277
солдатский караулъ 277
солдатский наборъ 277
солдатский полковникъ 277
солдатский строй 277, 299
солдатским строем * 266
солдатское платье 277
солдаты 274, 275, 276, 277, 278, 296,
300, 352
солдаты 210, 275, 276, 296, 299, 353,

364, 365
солдацкие полки 364
солдацкий полкъ 365
солнце поднялось 27
со многою дружиною 73
сопротивнѣ 96
соступатися 345
соступитися 345
соступитися (дружины) 72
сотенный 300
сотни 141, 142
сотники 144
сотникъ 244, 245, 300, 302, 367
сотня 364
сотские 76
сотскими * 65
сотскими 298
сот(ь)никъ 243
сотъникъ 244
сот(ь)ские 243
сотъские 245
соха 179, 306
соцький 245
сочкьи 65
сочький 245
сошные люди 178, 179
соѣхати 343
союзники 142
спешити 343
способникъ 248
способ(ь)никъ 117
спѣти на рать 347
спѣти рать 340, 347
спѣшити на рать 340
сражение 43, 353
сразитися полкома 40
сретенъе 348
срубити 306
срубитися 205, 303, 306
сступитися (дружины) 72
ставити 345
ставити полкъ противу 40
ставитися 199, 345
стан 184, 195
стана * 199
станиц * 188

станѣца 189, 190, 193, 296, 352, 353
станѣцы 189, 190
станѣчная езда 190
станѣчная служба 190
станѣчники 353
станѣчникъ 190, 224, 352
станѣчные головы 190, 238, 239
станѣчный 190
станишники 299
станишникъ 224
становище 198
станомъ * 199
станъ 194, 195, 198, 199
старейшая дружина 71
старейшей дружине * 70
старейшии мужи 71
старейшина 367
старцами градскими * 76
старцы 76
старцы градские 76
старцы градскіе 354
старшая дружина 142
старшей дружиной * 70, 76
старѣишая дружина 61, 69, 181
старѣишую дружину * 69
стати 119, 196, 345, 371
стати въ лицѣ 119
стати на бой въ лицѣ 119
стати на бой противу лицу 119
стати на борони 320
стати на боронѣ 320
стати полкомъ 40
стати противу лицу 119
стати силою 84
створити 320
стены мѣскія 371
столники 364
сторожевой полкъ 187
сторож 124
сторожъ * 188
сторожа 37, 125, 187, 188, 190, 343, 348, 367
сторожамъ * 124
сторожахъ * 188
сторожевая служба 187, 188
сторожевищѣ 188

сторожевой голова 187
сторожевой полкъ 306
сторожевой полкъ 141, 147, 148
сторожевой службы * 187
сторожевые головы 238, 239
сторожевой 187
сторожевыи полкъ 133
сторожевой полкъ 42
сторожейъ * 124
сторожеставецъ 223, 224
сторожи 123, 124, 125, 188, 189, 190, 192
сторожи * 188
сторожи, которые стоятъ 188
сторожи, которые стоятъ съ конь не ссѣдая 188
сторожи, которые ѣздятъ 188
сторожити 343
сторожъ 123, 124, 125, 133, 134, 189
сторона 119, 133
сторонщик 231
сторонники 230, 303, 305
сторонникъ 231
стояние 345
стоянке * 199
стоянье 348
стояти 199, 345, 353
стояти полкомъ 87
стояти противу кого 313
стояти стяг(омъ) 87
стояти у болоньи 348
стояти у города 347
стоять на караулѣ 191
стоять на караулѣхъ 191
стража 37, 126, 133, 192, 367, 370
стражу * 191
стражъ 125, 133, 134
старшая дружина 142
стратигъ 242, 359, 367, 369, 370
стратилатские мужи 370
стратилать 367, 370
стратилать, греч. 242
стрела 10, 21
стрелецкие головы 238, 367
стрелецкий полкъ 365
стрелецкий приказ 142

стрелецкого головы * 208
стрелець 223
стрельцами * 205, 209
стрельцы 142, 205, 206, 208, 209, 296,
367
стрельцы огненные 367
стрелѣцкие полки 364
стрелѣцкие приказы 148
стрелѣцкими полками * 148
стрелять 16
стремянные 142
Стремяннымъ * 208
строй 173
строиться на брань 341, 345
строиться на рать 340, 345
стрѣла 131
стрѣлецкий 205
стрѣлецъ 117, 118, 208, 211, 214, 223,
354, 367
стрѣлецъ 111, 211, 299
стрѣльникъ 213, 354
стрѣлокъ 223
стрѣлци 367
стрѣлцы 117
стрѣльба 370
стрѣльна 111
стрѣльникъ 111, 132, 211
стрѣльцемъ бьющимся 111
стрѣльцемъ стрѣляющимся 111
стрѣльцемъ стрѣляющимъ 111
стрѣлци 110, 111
стрѣльць 132, 298
стрѣлцы 105, 118, 205, 206, 207, 299,
352, 353, 354, 364, 370
стрѣлцы с пищалей 207
стрѣльць 100, 110, 111
стрѣлѣць 3
стрѣляти 111, 370
стрѣлятися 343
стряпчие 364
ступати 345
ступити 345
ступление 343
ступление полковъ 343
стѣнбитныя хитрости 371
стяг 272

стяговникъ 111, 113, 114, 354
стягъ 87, 113, 354, 358, 359
стягъ выступаетъ 87
стяжникъ 111, 113, 114, 132, 211
стяжкь 113, 211
стяжкь 114
стяжника * 114
стагъ 87
сугонити 343
судовая рать 153
суимъ 303, 343
сулица 10
супротивныи 96, 133
супротивный 186
сурначъ 226, 367
сустрѣтити 343
сухопутные силы 159
сходити на кого 313
сходится 343
съвоевода 237
съвраѣтися 129
съвъкупити 327
съвъкупляти воѣ на кого 313
съглядъ 342, 348
съдолѣвати 344
съдолѣние 344
съдолѣти 344
с(ѣ)копити 328
съкопити 328
с(ѣ)купити 327
съкупити 328
съкупитися 328
съкупъ 328, 343, 348
съкупъ 328
съниматися 343
сънуздъныи 107
сънуздство 107
сънузнецъ 118
с(ѣ)нузникъ 107, 117
сънузникъ 107, 117, 354
сънузнь(е)ць 117
сънузньць 107, 117
с(ѣ)нузьникъ 118
сънузьница 107
сънузьныи 107
сънузьнствовать 107

сѣнузьство 107
сѣпособникъ 118
сѣражатися 343
(сѣ)разитися 343
сѣразитися 343
сѣрѣсти 343
сѣрѣстися 343
сѣрѣтение 343
сѣрѣтити 343
сѣстичи 343
сѣступа 343, 348
сѣступитися 343
сѣступитися полкъ 40
сѣступление 343, 345
сѣступъ 343, 345
сѣтворити 344
сѣтворити побѣду 344
сѣтворити рать 340
сѣтупление 348
сѣтъникъ 244
сѣтъскыи 245
сѣцьскыи 298
сѣшибатися 343
сѣѣхатися 343
сѣвскіи полкъ 150
сѣделникъ 114, 115, 117, 118
сѣдел(ь)никъ 114
сѣдельникъ 114, 115, 211, 302
сѣдѣлничий 117, 118
сѣдѣлничий 115
сѣдѣнье 225
сѣдѣти 343
сѣкира 131
сѣсти 343
сѣсти въ осадѣ 225
сѣча 109, 348, 353
сѣча зла 347
сѣчебный 109
сѣчець 100, 354
сѣчи 109, 344
сѣчиво 109, 354
сѣчи въ тылъ 347
сѣчися 344
сѣчиса 109
сѣчьбныи 109
сѣчьца 109, 354
сѣчьць 108, 109
сѣчьць 132, 298
табор 198, 305
табориться 198
таборище 198
таборная белка 198
таборский 198
таборский царь 198
таборъ 198, 199
таборы 198
таль 248
танковые силы 159
татарскіи князья 200
татаръ московского чина * 202
татары 142, 200, 202, 203, 364
телохранитель 211
темникъ 246, 298
тесак 10
тетива 10
тысяща 245
товарищ большого воеводы 144
товарищи 155, 196
товаръ 195, 196, 199, 226, 257
товар(ы) 195
товары 195, 226
толпе * 183
топор 10
топоръ 131
торить 231
торник 231
торон 231
торончики 231, 303, 305
торончикъ 231
торон(ь) 303
торонь 231
тоснутися 343
трети 304
трубачъ 226, 367
трубачѣи 364
трудоположникъ 100
трудположникъ 100, 133, 134, 354
тул 10
тулавамъ * 208
тулавецъ 223, 354
тулавцы 367
туль 223

тъкнути 343
тыл 120
тылу * 120
тыль 120, 131
тыль подати 371
тылье 10
тыльный полкъ 141
тысуща 245
тысущникъ 245
тысущникъ 245
тысяцкий 76, 245, 246
тысяцкому * 154
тысяча 76, 87, 133, 245, 354
тысячи 142
тысячникъ 300, 367
тысячское 245
тысяч(ь)скыи 243
тысячскыи 245, 298
тысяща 133, 245
тысящникъ 246
тысящу держати 245
тысящу прѣдѣржати 245
тысящникъ 245
тысача 76
тьмьникъ 246
убег 303
убити въ заѣздѣ 128
убѣжати 31
увратиттсѣ на бѣгъ 344
угонити 343
ударити въ конѣ 347
ударити въ лицѣ 119
ударити въ тыль 120, 347
ударити на врага 372
ударити на кого 313
ударити на кого-либо 370
ударитися 343
удобляти 344
узда 107
узметные 303
украиннымъ детямъ боярскимъ * 202
улан 254
уланахъ * 253
уланская сила 254
улантъ 254
уланъ 253, 254

улары 254
улу 256
улубий 253, 256
улуг, тур. 256
улу, тур. 256
умысли убѣгжествомъ сохранить жи-
вотъ свои 369
унасиловати 344
упѣлчитися 342
урядити 286, 287
урядник 353
урядникъ 262, 264, 286, 287
усмотрѣти 342
усобная рать 53
усобныи полкъ 53
устремитися 345
устремитися на 343
устремитися на брань 340
устремитися на бѣгъ 344
устремитися на воину 340, 345
устремитися на рать 345
устремитися побѣгнуть 344
устремление 343, 345
устроение полковъ 370
устроити 324
устрѣмитися на брань 320
утечи 344
учинити бои въ заѣздѣ 128
учинити воину (рать) 318
учинитися воина (рать) 318
ушкуи 231
ушкуиники 231, 305
ушкуйники 231, 248
ушкуиницы 303
ушкуицы 231, 303, 305
ушкуйцы 231
фаревникъ 106, 107, 117, 118
фарисъ 107
фарь 107
фельвевель 270, 352, 353
фельвевель 300
фельдфебель 270, 352, 353
фельтвевель 274, 282
фитиль 16
флота * 117
фольконет 269

фронт 119, 269
фронтъ 278
фузея 353
фурир 366
фурирь 274, 282, 284
хлопы 298
ходити 313
ходити ратью 85
ходы 343, 348
хождение 370
хожу 313
хорунжий 300
хотѣти 314
храбродобропобедный 368
храбродоброподобѣдныи 369
храброносець 301
храбръ и крѣпокъ на рати 53
храбръ и крѣпокъ на рать 53
храбръ на рати 53
христолюбивое воинство 162
хуса 260
хусар 260
царский полкъ 140, 142, 365
царская служба 180, 181
цыганский табор 198
цѣловальниковъ * 202
чадь 66, 69, 71, 354
чадью * 66
чекан 10
чело 118, 119, 131, 371
челу * 120
черен 10
чеушъ 253
чеушъ 256
чинами полковой службы * 209
чины полковой службы 209
чѣлядь 39
шанцовые сидѣльцы 225
шанцы 371
шарная сторожа 188
шатер 196
шатерь 196, 199, 257
шатры 196, 199
шестник 107, 303, 307
шестники 107
шестникъ 106, 117, 118, 133, 213, 298,

354
шестопер 10
шип 10
шишак 10
шкстникъ 118
шлем 10
шлемоносець 99
шляхта 371
шнага 269, 365
штурмъ 370
щит 10
щитники 284
щитникъ 114, 115, 117, 118, 132
щить 131
щить гусар(ь)ский 259
щиты гусар(ь)ские 259
ѣздити 340
ѣздити напередъ(ду) в
сторожихъ(жѣхъ) 123
ѣздные 371
ѣздъ 340
ѣхати 340
ѣхати воиною 318
ѣхати на воину 318
ѣхати на кого 313
ѣхати на рать 318
ѣхати ратью 318
ѣхать къ заставѣ 192
ѣхать на заставу 192
юртовище 198, 303
юшман 303
языкъ 248
янычаны 256
янычаръ(ы) 256
янычары 256
ясаул 255
ясаулъ 253, 254, 300, 352, 367
ясаульный 254

ἄρχων στρατιωτικός, др.-греч. 237
ἐταπείας, др.-греч. 64
οἶμος, др.-греч. 82
οἶμα, др.-греч. 82
στράτολεδον, др.-греч. 77
χωμῆις, др.-греч. 68

A

ataman, рум. 241

B

baskak, польск. 253

baskak, чагат. 253

bojcka, серб.-хорв. 169

C

capitane d(es) armes, фр. 282

caporale, ит. 274

caporal, фр. 274

carporal, ст.-фр. 274

çavus, тур. 256

chusar, серб.-хорв. 260

commendeur, ст.-фр. 251

compagna, итал. 273

compagnie 273

compania, нар.-лат. 273

D

družina, польск. 75

družina, словацк. 75

družina, чешск. 75

dziecki, польск. 63

E

émas, др.-инд. 82

F

folch, др.-в.-нем. 47

folc, др.-в.-нем. 47

folk, англосаксон. 47

folk, др.-сев.-герм. 47

G

General, нем. 278

gridi, др.-сканд. 65

gridmadr, др.-сканд. 65

grid, др.-норв. 65

grid, др.-сканд. 65

H

haele, англосакс. 68

hajduk, венг. 265

hajdu, венг. 265

halib, герм. 68

hauptmann, вост.-ср.-нем. 277

Hauptman, нем. 277

heitman, чеш. 277

hetman, польск. 277

husar, польск. 259

huszar, венг. 259

J

jani čari, тур. 256

jasaul, тур. 255

jasayul, монг. 255

jenicer, рум. 256

jortayul, чагат. 139

jundú, литов. 82

jūsti, литов. 82

K

kalgan, осман. 256

kapral, нем. 274

kapral, польск. 274

kazak, тур., крым.-тат., казах., кирг.,
чагат. 227

kmen, чешск. 68

kmjeć, славянское 68

kolimaga, др.-польск. 194

kolimag, др.-чеш. 194

kommendiur, ср.-в.-нем. 251

kommendur(e), ср.-в.-нем. 251

kompania, польск. 273

koszowy, польск. 197

kosz, польск. 197

kwartiermeester, голл. 281

L

Lager, нем. 200

lancia spezzata, ит. 282

lanspessade, фр. 282

M

magister, лат. 251

marszałek, польск. 264

mousquetaire, фр. 283
mousquet, фр. 283

N

nawropić, польск. 129
nepřitel, чеш. 186
nieprzyaciel, польск. 186

O

ordu, монг. 184
ordy, тур. 184

P

paiż husarski, польск. 259
pluk, чеш. и словац. 38
podpółkownik, польск. 262
podpułkownik, польск. 260
półkownik, польск. 260, 262
półk, польск. 38
poręczik, польск. 262
poruczik, польск. 262
praporečnik, чеш. 263
prápor, чеш. 263
proporčyk, чеш. 264
proporzeć, польск. 263
proporzec, чеш. 263
pûk, серб.-хорв. 38, 39
pułkownik, польск. 260

Q

Quartiermeister, нем. 281

R

rāpas, зендск. 52
Ratman, нем. 94
Rat, нем. 94
rät, серб.-хорв. 54
Regiment 297
Regiment, нем. 149, 150, 273
Reiter, нем. 283
riter, ср.-в.-нем. 252
ritter, ср.-в.-нем. 252
Rittmeister, нем. 281
rota, польск. 271

rota, чеш. 271
rote, фр. 271
rotmistrz, польск. 281
Rotte, нем. 271
rtiš, санскр. 52
řtiš, санскр. 52

S

samarás, зендск. 52
soldato, ит. 274
Soldat, нем. 274
soldo, ит. 274

T

tabără, рум. 198
tábor, венг. 198
tabur, тур. 198

U

urzędnik, польск. 264

V

vojník, словин. 81
vojsko, чеш. 169
vulgus, лат. 39
vojska, словен. 169

W

wałka, польск. 258
wojewodzie, польск. 237
wojski, польск. 169
wojsko, польск. 169

Y

yañi çeri, тур. 256
yeni çeri, тур. 256
yudhmás, др.-инд. 82

Z

zastęp, польск. 128
zástup, словацк. 128
zástup, чешск. 128